

БАЙРОН

ДНЕВНИКИ

ПИСЬМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

BYRON

JOURNALS
&
LETTERS

БАЙРОН

ДНЕВНИКИ § ПИСЬМА

•

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
З. Е. АЛЕКСАНДРОВА
А. А. ЕЛИСТРАТОВА
А. Н. НИКОЛЮКИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1 9 6 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики: В. П. Волгин, Н. И. Конрад (председатель),
М. П. Алексеев, В. В. Виноградов, С. Д. Сказкин,
М. Н. Тихомиров,
члены-корреспонденты АН СССР: И. И. Анисимов,
Д. Д. Благой, В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев,
член-корреспондент АН Таджикской ССР И. С. Брагинский,
доктора филологических наук: А. А. Елистратова,
Ю. Г. Оксман,
доктора исторических наук: А. М. Самсонов, С. Л. Утченко,
кандидат филологических наук Н. И. Балашов,
кандидат исторических наук Д. В. Ознобишин (ученый секретарь)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

БАЙРОН
Рисунок Джорджа Харлоу

О Т Р Е Д А К Ц И И

В основу данного издания дневников и избранных писем Байрона, публикуемых в переводе на русский язык, положены тексты, входящие в известное шеститомное собрание писем и дневников поэта, изданное под редакцией Р. Э. Протеро в 1898—1901 гг.¹ При этом были учтены и те существенные добавления, которые внесены в канон эпистолярной прозы Байрона позднейшими публикациями. В частности, много новых ценных писем Байрона было опубликовано в 1922 г. в двухтомном издании его «Переписки»² Джоном Мерреем, наследником одноименной издательской фирмы, в фондах которой поныне хранится богатый рукописный архив Байрона. Наряду с материалами этого двухтомника в книге использована также более поздняя важная публикация писем Байрона, осуществленная в 1949 г. Ирис Ориго. В ее биографическом сочинении «Последняя привязанность: история Байрона и Терезы Гвиччиоли»³ были впервые напечатаны многочисленные письма Байрона к Терезе Гвиччиоли, которые, согласно завещанию этой последней, могли быть опубликованы только через семьдесят пять лет после ее смерти. В настоящее издание включены некоторые из этих ранее неизвестных писем Байрона, в том числе его последнее письмо Терезе Гвиччиоли, написанное в Греции незадолго до смерти.

В настоящем издании были учтены также те дополнения и уточнения текстов писем Байрона, которые внес известный байроновед Питер Квеннелл в опубликованном им двухтомнике «Байрон. Автопортрет» (1950 г.)⁴. Квеннелл впервые опубликовал сорок девять ранее неизданных писем и восстановил многие пропуски, допущенные в прежних публикациях других писем Байрона. В случаях разночтений, составитель и переводчик предпочитали следовать текстам, приводимым Квеннеллом, как более полным, чем тексты, опубликованные Р. Э. Протеро.

---

¹ The Works of Lord Byron. Letters and Journals. 6 vols. Edited by Rowland E. Prothero. London, 1898—1901.

² Lord Byron's Correspondence with Lady Melbourne, etc. Edited by John Murray. London, 1922.

³ Iris Origo. The Last Attachment. The Story of Byron and Teresa Guiccioli as told in their unpublished letters and other family papers. London, 1949.

⁴ «Byron. A Self-Portrait». Edited by Peter Quennell. London, 1950.

В нашем издании публикуются полностью все сохранившиеся до настоящего времени дневники Байрона, а также его «Разрозненные мысли» и «Мой словарь», близкие по своим жанровым особенностям к его дневникам. Объем данной книги не позволял, конечно, представить полностью все письма Байрона. Но каждое из его писем, включенных в наше издание, печатается в полном переводе.

В расположении материала редакция следовала хронологическому принципу, принятому всеми английскими редакторами писем и дневников Байрона. Каждый из сохранившихся дневников поэта включается в книгу соответственно своей начальной дате, вслед за письмами, ему предшествующими. По окончании текста дневника за ним следуют в хронологическом порядке письма, начиная с того периода, к которому относится начало дневника. Редакция надеется, что, знакомясь таким образом с письмами и дневниками Байрона в их последовательности и единстве, читатель сможет составить более цельное представление о развитии характера поэта, о многообразии его интересов, о его личной и творческой жизни и общественной деятельности.

Байрон владел многими языками, и его письма и дневники изобилуют иноязычными цитатами, фразами и отдельными выражениями. Переводы их даются в тексте книги под строкой, за исключением тех случаев, когда Байрон сам переводит их на английский язык.

В прямых скобках приводятся расшифрованные собственные имена, обозначенные Байроном или его первыми редакторами одними инициалами. Нерасшифрованные собственные имена обозначаются двумя звездочками — **. Пропуски слов в оригинале и неудобные для печати слова обозначаются тремя точками.

В книгу включен краткий хронограф жизни и творчества Байрона, а также библиография отзывов современников о Байроне (на иностранных и русском языках).

П И С Ь М А

*

1

М-СС ПАРКЕР¹

Ньюстэдское аббатство, 8 ноября 1798

Сударыня,

Мама не может написать вам сама и поручила мне известить вас, что картофель приготовлен, и вы можете получить его, когда пожелаете.

Мама просит вас спросить м-сс Паркинс, как отправить пони: кругом через Ноттингем или ближним путем домой; он уже совсем здоров, но слишком мал, чтобы ходить под седлом.

Я послал в подарок мисс Фрэнсис маленького кролика, которого еще раньше обещал. Мама шлет всем вам привет, и я также.

Искренне ваш, дорогая тетушка,

Б а й р о н

P. S.— Надеюсь, что вы извините ошибки, так как это мое первое письмо в жизни.

2

МАТЕРИ¹

Харроу-на-Холме, воскресенье, 1 мая 1803

Дорогая матушка,

На днях получил ваше письмо. Рад был узнать, что вы здоровы. Надеюсь, что в Ньюстэде вы найдете все в полном порядке. Прошу вас написать Шелдрейку, чтобы он поторопился с моими башмаками.

К сожалению, должен сообщить вам, что м-р Генри Дрюри² поступает со мной так, что я этого *не могу и не намерен* терпеть. Сейчас он воспользовался случаем излить свою злобу против меня. Сегодня в церкви я разговаривал с мальчиком, который сидел рядом; *это*, может быть, было нехорошо, но послушайте, что произошло дальше. После службы он не сказал мне ни слова, а того мальчика увел в свою классную комнату и там принялся ругать меня самыми грубыми словами, назвал меня *негодяем* и сказал, что *может и намерен* добиться моего исключения из школы, и что

я должен быть благодарен его *милосердию*, которое не позволяло ему это сделать до сих пор. Это он поручил мне передать, но я не стану отвечать, а отдаю дело на *ваше* усмотрение или тех, с кем вы пожелали бы *посоветоваться*. Разве можно так поступать с кем бы то ни было? Если бы я *украд* или сделал что-нибудь *гнусное*, он не мог бы выбрать более оскорбительных выражений. Что подумали обо мне мальчики, когда слышали, что *наставник* велит передать мне подобные слова? Пусть он лучше лишит меня жизни, чем так позорить. Совесть говорит мне, что я не *заслуживаю* исключения из школы; я *ленился*, и разговаривать в церкви, конечно, не следовало, но я не совершил ни одного низкого поступка в школе, ни по отношению к нему, ни к другим. Если я сделал что-то *ужасное*, отчего он держит меня в школе? Он сам *преступен*, если мирится с поступками, за которые человека можно *назвать* *негодяем*. Если бы в его власти было меня исключить, он давно *сделал* бы это, а сейчас он *сделал хуже*. Если со мной будут так обращаться, я в этой *школе* не останусь. Я хочу сказать вам, что пока не намерен обращаться к д-ру Дрюри; его сын имеет больше влияния, чем я, и мне будет *отказано в справедливости*. Помните, расставаясь с вами в Бате, я говорил вам, что он ухватится за любую возможность отомстить, — не за то, что я хотел от него уйти, а за обиду, потому что я просил у вас разрешения уйти. Если я — тот негодяй, каким он меня называет, отчего он сам не откажется от такого *ученика*? Вы помните первое письмо д-ра Дрюри, там были такие слова: «У моего сына с лордом Байроном вышли некоторые несогласия, но я надеюсь, что его поведение в дальнейшем сделает излишним смену наставников». В прошлом семестре я пробыл здесь недолго, и он ни к чему не мог придаться, как ни старался. Я еще забыл сказать вам вот что: он заявил, что с удовольствием исключил бы того мальчика, который со мной разговаривал, и делает это, если тот еще раз будет разговаривать. Пусть он объяснится: он ругал меня, но не называл и не может назвать ни одного моего плохого поступка, кроме тех, в каких повинна вся школа. Я его не боюсь, но пусть объяснится, больше я ничего не прошу. Прошу вас написать д-ру Дрюри, чтобы он знал, что я говорю. И он, и м-р Эванс очень добры ко мне. Если вы это так оставите, я сам уйду из школы, но я уверен, что *вы* не допустите *плохого обращения* со мной, а я готов терпеть что угодно, только не это. Может быть вам уже наскучило читать мое письмо, но если вы меня любите, вы это теперь докажете. Прошу вас ответить мне немедленно. Остаюсь всегда любящий вас сын

Байрон

P. S.— Харгривс Хэнсон³ просит передать вам поклон и надеется, что вы здоровы. Денег мне не нужно, поэтому я их не прошу. Да благословит вас бог.

3

МАТЕРИ

[Харроу-на-Холме, 1804?]

Дорогая матушка,

Я получил ваше письмо и был очень рад узнать, что вы здоровы. Мне здесь очень хорошо, если говорить о товарищах; но с Дрюри и другими наставниками у меня вышли кое-какие неприятности. На-днях, выговаривая мне (вероятно, заслуженно) за мои проделки, он сказал следующее: «Учитывая ваш возраст и положение в школе, ваши друзья едва ли оставят вас здесь дольше, чем на лето. Но то, что вы вскоре покидаете Харроу, не причина, чтобы творить здесь бесчинства и безобразия». Вот что, — и еще многое другое — сказал доктор; и я из верных источников знаю, что д-р Дрюри, м-р Эванс и Мартин Дрюри назвали меня *негодяем*. Что Мартин Дрюри говорил это, я *знаю*, но относительно остальных готов усумниться. Может быть, это правда, а может и нет. Слава богу, они могут называть меня негодяем, но никогда не смогут сделать меня им. Пусть д-р Дрюри представит свидетеля — одного из мальчиков или кого угодно — и докажет, что я совершил бесчестный поступок; больше я ничего не требую. А сейчас меня клеймят без причины, и я презираю все злые потуги его и его брата. Его брат Мартин, а не Генри Дрюри (этот, надо отдать ему справедливость, с прошлого года меня не трогал), постоянно напоминает мне о моих стесненных обстоятельствах — а для чего, не знаю; это делается, быть может, с хорошими намерениями, но в весьма неприятной форме. Не понимаю, почему меня этим укоряют. У меня не меньше денег, чем у других, я не хуже других одет и вообще выгляжу не хуже, а, пожалуй, лучше большинства моих школьных товарищей; если у меня нет состояния, это мое несчастье, а не вина. К тому же путь к *богатству* и *славе* передо мной открыт. Я могу пробить себе дорогу в мире, и я это сделаю или погибну. Многие начинали жизнь ни с чем, а кончали великими людьми. Неужели я, обладая достаточным, пусть и небольшим, состоянием, стану бездействовать? Нет, я пробью себе дорогу к Вершинам Славы, но только не бесчестьем. Таковы мои намерения, сударыня. Не знаю только, почему этот выскочка, сын пуговичника, попрекает меня положением, которое, все же куда выше его собственного. Но гораздо хуже то, что он назвал меня негодяем. Что касается первого, то я виню только м-ра Хэнсона (да еще не в меру услужливого друга, лорда Грея де Рутин¹, которого всегда буду считать своим заклятым врагом). Первое — пустяк, а второе я снести не могу. Я этого не заслужил и не дам оскорблять себя безнаказанно. М-р Мартин Дрюри, катаясь со своим сыном, замечает меня в отдалении, верхом на пони, которого я нанял, чтобы ехать на купанье, потому что пешком мне туда не дойти. Он окликает меня и говорит своему сыну, что я негодяй. Этот сын, очень недружелюбно ко мне настроенный, вернув-

пись домой, рассказывает эту историю своим приятелям, а может быть и приукрашивает ее. Все же основное в ней — правда, и вот как я теперь буду ославлен среди своих товарищей. Не бывать этому! Больше я не скажу ничего. Я надеюсь только, что вы примете это во внимание и летом возьмете меня отсюда; здесь меня осыпают оскорблениями те, от кого я их не заслужил.

Остаюсь любящий вас сын

Б а й р о н

4

АВГУСТЕ БАЙРОН¹

Баргейдж Мэнор, четверг, 22 марта 1804

Хотя я до сих пор неаккуратно отвечал на твои любящие и ласковые письма, дорогая Августа, я надеюсь, что ты не припишешь это недостатку чувств, а скорее свойственной мне застенчивости. Сейчас я постараюсь, как только сумею, отплатить тебе за твою доброту и надеюсь, что отныне ты будешь считать меня не только *братом*, но самым преданным и любящим твоим *другом*, а, если это когда-либо понадобится, — *защитником*. Помни, милая сестра, что ты у меня *самый близкий человек на свете, как по крови, так и по привязанности*. Если я чем-нибудь могу тебе служить, скажи только слово. Верь своему брату и знай, что он никогда не обманет твоего доверия. Когда увидишь моего кузена и будущего брата Джорджа Ли, передай ему, что я уже считаю его своим другом, потому что тот, кто любим моей милой сестрой, всегда будет так же дорог и мне.

Я приехал сюда сегодня в 2 часа после утомительного путешествия; свою мать я застал здоровой. Она просит передать тебе сердечный привет; сейчас она отправилась в собрание, а я пользуюсь первым же случаем, чтобы написать тебе; надеюсь, что она не скоро вернется; если ей вздумается прочесть это послание, там есть строки, которые вдохновили бы ее на панегирик *одному твоему приятелю*, а это было бы неприятно мне, и, думаю, не слишком интересно для тебя. Если увидишь лорда Сидни Осборна, прошу поклониться ему от меня. Полагаю, что он почти забыл меня, ибо я не имел удовольствия видеть его уже более года. Передай также привет бедному старому Мерреку² и скажи, что мы что-нибудь сделаем для него — *пока я жив, он не будет покинут на старости лет*.

Напиши мне поскорей, дорогая Августа. Не забывай любить меня. А пока остаюсь любящий тебя искренне и больше, чем можно выразить словами,

брат и друг

Б а й р о н

P. S.— Не забудь связать обещанный мне кошелек. Прощай, моя любимая сестра.

5

АВГУСТЕ БАЙРОН

Баргейдж Манор, 18 августа 1804

Милая Августа,

Пользуюсь сегодняшним отсутствием моей *любезной* матушки, чтобы снова сообщить тебе, вернее, просить тебя сообщить все новости. Сам я не могу написать ничего интересного, разве только повторить жалобы на свою мучительницу, чей дьявольский характер (прости, что я пятнаю письмо столь грубым словом) очевидно ухудшается с возрастом и временем. Чем больше я ее вижу, тем более усиливается моя неприязнь, причем я не умею скрыть ее настолько, чтобы она ничего не заметила; и это отнюдь не смиряет ее вспышек; напротив, вздымает *ураган*, который грозит все сокрушить, пока не стихает на краткий миг, утомясь собственной яростью, и не впадает в оцепенение, чтобы вскоре пробудиться с новым бешенством, ужасным для меня и удивительным для всех свидетелей. Затем она заявляет, что ясно видит мою к ней ненависть, что я в разговоре с ее злейшими врагами, а именно: с тобой, лордом К[арлайлем]¹ и м-ром Х[энсоном]; так как я никогда не притворяюсь и не перечу ей, нам всем достаются всевозможные эпитеты, которые я не стану повторять, ибо их слишком много, а иные слишком *грубы*. В этом обществе, столь же полезном, сколь приятном, я провел уже две томительных недели и обречен провести еще две или три так же счастливо. Ни один чернокожий раб или военнопленный не ждал освобождения с большей радостью и бóльшим нетерпением, чем я жажду вырваться из материнского плена и из этого проклятого места, истинного царства скуки, более сонного, чем берега Леты — хотя оно не дарит забвения; напротив, отвратительные сцены, которые передо мной разыгрываются, заставляют меня сожалеть о счастливых днях, оставшихся в прошлом, и жаждать их снова.

Вот, Августа, какова моя счастливая жизнь и мои *развлечения*. Я с ненавистью гляжу на все окружающее, и если мне придется остаться тут еще несколько месяцев, *зависть, хандра и все дурные чувства* превратят меня в настоящего *мизантропа*. Несмотря на это, верь, милая Августа, что я всегда твой и т. д.

Б а й р о н

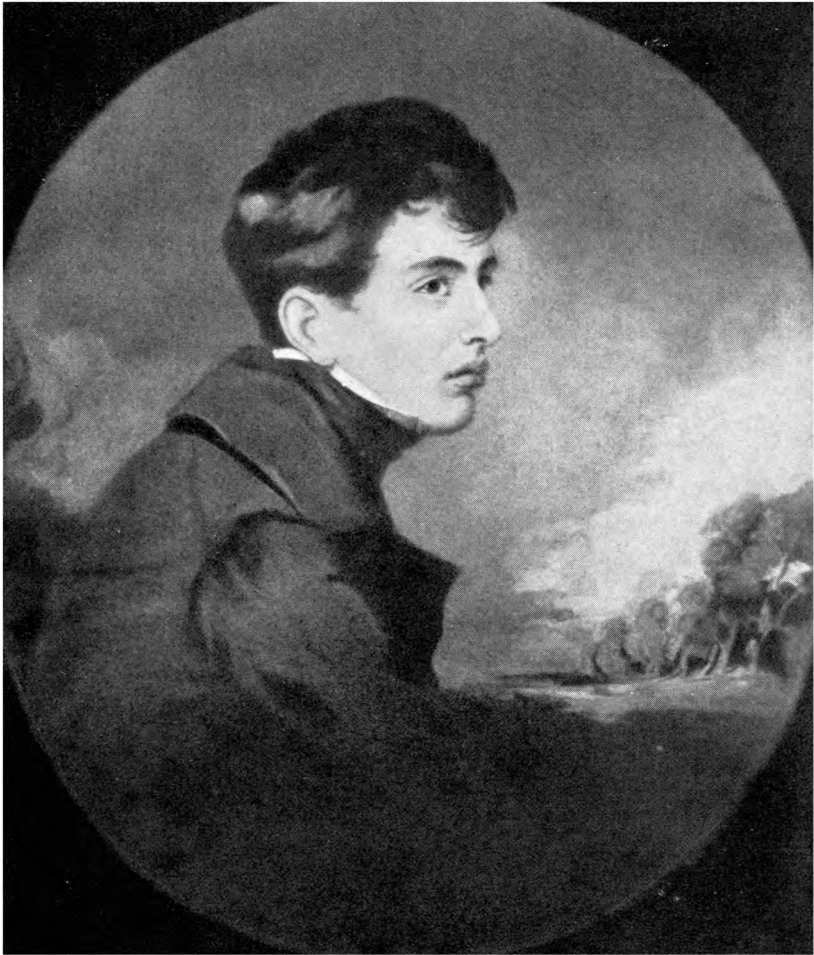
6

АВГУСТЕ БАЙРОН

Баргейдж Манор, 23 апреля 1805

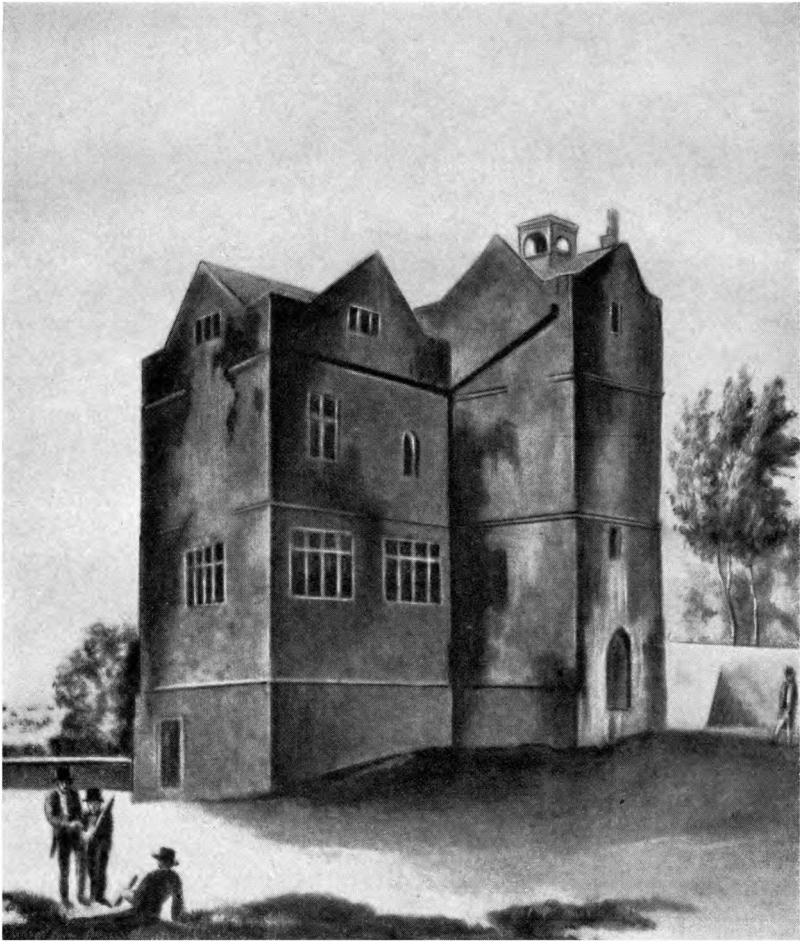
Милая Августа,

Думаю, что сейчас ты благополучно прибыла в дом графа, по крайней мере, надеюсь; но не успокоюсь, пока не буду иметь удовольствие узнать об этом от тебя самой. Я выеду в город через неделю (во вторник) и хочу навестить тебя самое позднее в четверг; а пока я вынужден утешаться, как умею, и, право, ни один несчастный смертный не нуждался в утешении больше меня. Ты не хуже моего знаешь *незловивый* и *кроткий* нрав некоей особы, с которой я состою в близком родстве; само собой разумеется, что мои каникулы (хотя они прошли лучше, чем я ожидал) не настолько *изобиловали* радостями, чтобы мне захотелось остаться хоть на день дольше, чем нужно. Однако, несмотря на здешнюю скуку и некоторые *неприятности*, происходящие в некоем семействе менее чем в ста милях от Саутвелла, мне удавалось соблюдать мир вплоть до сего дня, когда я весьма неосмотрительно сказал, что *не в восторге* от Саутвелла; но это было сказано мимоходом, без всякого неуважения к *милому* городу (скажу между нами: пусть бы он провалился сквозь землю, но только без моей *красноречивой мамашы*). Не успели эти злополучные слова, очевидно подсказанные мне моим злым гением, сорваться у меня с языка, как мне пришлось выслушать речь в ее старой манере, из тех, что я столь часто и столь *патетически* тебе описывал; это — нечто, не имеющее себе *равных ни в древности, ни в наше время* и не сравнимое даже с *филиппиками* против лорда Мелвилла¹. Слушая *милую даму*, можно было подумать, что я *государственный изменник*; в этом чистилище я пробыл целый час, но наконец, слава святому Петру, буря стихла, и я сел писать тебе, полный этих *приятных впечатлений*; боюсь только, что мое послание получится не слишком занимательным. Но, оставив шутки, я заверяю тебя *честью*, что никто не поносил меня так *непристойно* и *неистово* как эта женщина, которую я кажется обязан звать матерью, это существо, которое дало мне жизнь и которое я должен чтить и уважать, но, к сожалению, не могу любить. За один час она ошельмовала не только меня, но *всю мою семью* со стороны отца в таких *выражениях*, какие едва ли решился бы употребить даже злейший враг; в выражениях, которые тебе было бы страшно слышать. И это моя мать, Августа; *моя мать!* Отныне я отрекаюсь от нее; я вынужден обращаться с ней уважительно, но не могу чтить, как должен был бы, родительницу, которая своим возмутительным поведением теряет право на сыновнюю любовь. Тебя, Августа, мне приходится считать самым родным человеком, тебе я должен верить то, чего не могу сказать другим, и я уверен, что ты меня пожалеешь; но умоляю тебя хранить все это в тайне и не разглашать несчастные слабости этой женщины, которые я должен терпеливо сносить.

БАЙРОН
1804—1806 гг.

ШКОЛА В ХАРРОУ, ГДЕ УЧИЛСЯ БАЙРОН
С картины художника Уильяма Уэстола. 1816 г.

Я не хотел бы, чтобы это стало известно, так как сейчас мне остается всего неделя. Пока ты можешь безопасно писать мне, потому что она не вскрыет ни одного моего письма, даже от тебя. Прошу тебя поэтому ответить мне. Надеюсь, что буду иметь удовольствие увидеть тебя в назначенный день, но если бы ты сумела что-нибудь сделать, чтобы меня не пригласили на обед к лорду К., я был бы тебе благодарен, потому что не терплю чужих.

Прощай, любимая моя сестра.

Всегда твой
Б а й р о н

7

ЧАРЛЗУ О. ГОРДОНУ¹

*Баргейдж Мэнор, Саутвелл, Ноттингемшир,
4 августа 1805*

Хотя я очень опасаясь, дорогой Гордон, что вы получите это послание лишь по возвращении из Эбергелли (согласно вашему письму, вы в следующий четверг будете в Ледбери); однако это не моя вина, потому что я ни минуты не промедлил с ответом; а по возвращении из поездки моим первым и, поверьте, самым приятным делом будет написать вам.

Мы сыграли с Итоном и проиграли самым позорным образом; некоторым утешением мне служит то, что я набрал 11 очков при первой подаче и 7 — при второй, а это больше, чем у всех других в нашей команде, кроме Брокмена и Ипсвича. После матча все мы пообедали вместе, весьма дружелюбно, не сказав друг другу ни одного резкого слова. Конечно, почти все мы были сильно навеселе и все отправились в театр Хэймаркет, где затеяли скандал, как обычно бывает всюду, где собирается столько питомцев Харроу и Итона. Нас ехало семеро в одном кебе, 4 из Итона и 3 из Харроу, и все мы разместились в одной ложе, отчего поднялся такой шум, что никто из соседей не мог расслышать со сцены ни слова; это не могло им особенно понравиться, они начали с нами ссору, и дело дошло почти до *генерального сражения*. Один бог знает, как я попал домой после спектакля. Я едва это помню; моя голова была так отуманена жарой, дракой и выпитым вином, что я не мог наутро вспомнить, как добрался до постели.

Весь вечер дождь лил непрерывно, и нам с трудом удалось найти кебы; вот почему пришлось ехать в такой тесноте. Я встретил молодого Гвилта, вашего брата, вместе с Мэлетом, а также одного своего старого школьного товарища, которого не видел шесть лет; но это не тот, о ком вы так любезно спраивались по моей просьбе, за что приношу вам искреннюю благодарность. Вчера в восемь часов вечера я отправился к моей матери, сегодня только что прибыл и спешу поблагодарить вас за то, что вы так быстро откликнулись на мою просьбу переписываться со мной. В Кембридже мой

адрес будет Тринити Колледж, но я буду там только 20 октября. Можете продолжать писать сюда, пока я не уеду в Хемпшир, а тогда и вы вернетесь в Харроу. Перед тем как уезжать от матери, я пришлю свой адрес. Я разделяю вашу надежду на то, что переписка наша будет длительной. Надеюсь, дорогой друг, что она прервется лишь тогда, когда мы сойдемся под одной крышей; когда я завершу свои *классические труды* и дождусь совершеннолетия, я хочу, чтобы вы были частым гостем в Ньюстэдском аббатстве, моем поместье в нашем графстве, милях в 12-ти от дома моей матери, где я сейчас нахожусь. Я угостил бы вас там охотой и рыбной ловлей, и, поверьте, что там не будет более желанного гостя, чем вы, — как нет у меня более приятного корреспондента и друга, с которым дружба доставляла бы мне больше радости, чем ваша, милый мой Чарлз; и таковы всегда будут чувства любящего вас

Б а й р о н а

8

ДЖОНУ ХЭНСОНУ

Саутвелл, 2 апреля 1807

Дорогой сэр,

Прежде чем отвечать на другие части вашего послания, позвольте поздравить вас с *честью* и выгодами, какие несомненно следуют из вашего официального назначения.

Вам посчастливилось вступить в должность в весьма критический период: ваши патроны *exerunt omnes* ^{1*}. Надеюсь, что они скоро вытеснят своих ничтожных преемников ¹. Другим счастливым событием является ваше выздоровление; оно стоит здесь *на втором месте по порядку*, но отнюдь не в моих пожеланиях. Что до наших раздоров ², то они всецело *официальные*, обычные в нашем положении, но столь же чуждые *личной вражды*, как *цветистые тирады парламентских демагогов*. Благодарю вас за благоприятное мнение о моей музе; я за последнее время получил множество весьма лестных отзывов от лиц, известных в ученом мире, как, например, лорда Вудхаузли ³ и Генри Маккензи ⁴ — оба они *шотландцы* и сами являются известными авторами. Я получил также несколько весьма хвалебных отзывов из *Кембриджа*. Это вас *удивит*, как удивило и меня. Ободренный этими и другими похвалами, я собираюсь выпустить в свет том стихов. Это будет нечто совсем иное; любовные излияния, естественные при той *рассеянной* жизни, какую я вел, будут опущены и заменены другими стихами. Я согласен с вами, что *оратор* выше *поэта*; но так как первому нет хода вплоть до моего *совершеннолетия*, я сейчас стал *вторым*;

^{1*} Все уходят (*лат.*).

и древние и современные авторитеты сходятся на том, что оба эти поприща имеют между собой много общего и требуют почти тех же талантов; кто отличился на одном из них, может при известном прилежании преуспеть и на другом. Примерами могут служить Литтлтон⁵, Гловер⁶ и Юнг⁷ (который славился и как проповедник, и как поэт). Можно также назвать великие имена Шеридана и Фокса⁸. Я могу подражать им, но никогда с ними не сравниюсь.

Вы пишете о *прелестях* Саутвелла, места, которое мне *отвратительно*. Я живу здесь только потому, что не могу больше нигде появиться, — я прожился дочиста. *Вино и женщины* совсем *доконали* вашего покорного слугу, денег ни гроша, все кончено, и я обречен прозябать (нельзя же назвать это жизнью) в этом Кратере Скуки до моего совершеннолетия. Показать в Кембридже невозможно, у меня нет денег даже на тамошние расходы. Вы удивитесь, если я скажу, что *очень похудел*, но это *так*; похудел до того, что мне здесь пророчат скорый конец. С января я потерял в весе 18 ф.; это было установлено в прошлую среду, *на пари* с одним знакомым. Впрочем, не тревожьтесь: я всячески этого добивался усиленными упражнениями и диетой, потому что чересчур располнел. Упражнения я буду продолжать, так как здесь больше нечем развлечься; я надеваю *семь* жилетов и пальто, и в таком одеянии бегаю и играю в крикет, пока не обесиливаю от обильной испарины; ежедневно принимаю горячую ванну; съедаю за сутки всего четверть фунта мяса, не ужинаю и не завтракаю, ем только раз в день, не пью пива, а вина — лишь очень немного и иногда принимаю слабительное. В результате мои *ребра* готовы вылезти, а одежду пришлось убавить *почти на пол-ярда*. Ну как, верите вы мне теперь?

Прощайте. Привет супруге и желудям.

Всегда ваш
Байрон

9

ЭЛИЗАБЕТ БРИДЖЕТ ПИГОТ¹

2 августа 1807

Лондон опустел — нигде ни души — и я имею досуг писать, так как число моих занятий уменьшилось. Через две недели я уезжаю в деревню, но до этого жду от вас двух посланий. Ридж² в Ноттингемшире не слишком поторапливается — весьма возможно. В городе дела идут лучше; если ваши произведения восхищают *герцогинь*, если их хвалят рецензенты, если их продают в каждой книжной лавке столицы, вы можете не заботиться о *сельском читателе*. Сейчас передо мной лежит журнал под названием «Литературные досуги», где моей поэзии воздается совсем незаслуженная хвала. Я ничего не знаю об авторе статьи, но считаю *его* суждения весьма

меткими, а себя — чертовски *талантливым*. Статья его особенно нравится мне за то, что пространна и содержит должную долю критики, которая придает особую *сладость* похвалам. Вы знаете, что я не терплю пресных и бессодержательных комплиментов без оговорок. Если хотите прочесть эту статью, выпишите 13-й номер «Литературных досугов» за прошлый месяц. Уверяю вас, что автор ее мне неизвестен — она появилась в периодическом издании — и хотя там же помещена и моя статья (отзыв о Вордсворте), я ничего не знаю о других сотрудниках издания, не слышал даже имени издателя. Мой кузен, лорд Александр Гордон, проживавший в той же гостинице, сказал мне, что его мать, герцогиня Гордон³, желает, чтобы моя поэтическая светлость была представлена ее светлости; она приобрела мою книгу⁴, восхищена ею, как и весь высший свет, и хочет счесться родством с автором. К несчастью, я в те дни уезжал в экскурсию, а герцогиня на другой день отбывала в Шотландию, так что знакомство пришлось отложить до зимы, и тогда я постараюсь пленить эту даму самой возвышенной и назидательной беседой и *не стану оспаривать ее мнения*. Сейчас она в горной Шотландии; на днях и Александр уехал в тот же *благословенный* приют «буйных ветров».

Кросби, мой лондонский издатель, распродал вторую партию и послал к Риджу за *третьей* — так он, по крайней мере, говорит. Во всех витринах книжных лавок я вижу *свою фамилию*, но *молчу* и наслаждаюсь славой втихомолку. Мой последний рецензент просит меня изменить мое решение больше не печататься; некий «Друг Литературы» просит, чтобы я в «близком будущем» *порадовал читателей* каким-нибудь новым сочинением. Кто не хотел бы быть бардом, если бы все критики были столь учтивы? Не сомневаюсь, однако, что другие отплатят мне за все эти поощрения. А тогда и я не останусь в долгу. Кстати, я написал тут на досуге, после двух часов ночи, 380 строк белых стихов о битве при Босворте. К счастью, у меня есть книга Хаттона⁵. Думаю написать эту поэму в восьми-десяти книгах и окончить ее через год. Выйдет ли она в свет, будет зависеть от обстоятельств. Однако довольно *згоизма!* *Лавры* вскружили мне голову, но *охлаждающая кислота* будущей критики вероятно вернет мне *скромность*.

Проклятое место этот Саутвелл — я с ним покончил, по всей вероятности; кроме вас, я никем там не дорожу. Вы были моим единственным *разумным* собеседником; по правде говоря, я больше уважаю вас, чем *всех* этих дам, с которыми забавлялся, играя на их слабых струнках. Вы больше положили труда на меня и мои рукописи, чем сумела бы тысяча *кукол*. Поверьте, что в *этом водвороте греха* я не забыл вашей доброты и надеюсь когда-нибудь доказать свою благодарность. Прощайте.

Ваш и т. д.

P. S.— Передайте поклон д-ру П[иготу].

10

РОБЕРТУ ЧАРЛЗУ ДАЛЛАСУ¹

Отель «Дорант», 21 января 1808

Сэр,

Как только у вас найдется время и возможность доставить мне это удовольствие, я буду истинно рад личному знакомству с человеком, давно известным мне по его сочинениям.

Ваше предположение правильно — я студент Кембриджского университета, где в этом семестре буду держать экзамен на степень магистра искусств; но если искать разума, красноречия и добродетели, то отнюдь не Гранта² является их столицей; здесь не Эльдorado и тем более не Утопия. В умах питомцев Кембриджа та же стоячая вода, что в реке Кэм, а стремления ограничены церковью, но только не христовой, а ближайшим вакантным приходом.

Что касается моего чтения, я могу сказать, не преувеличивая, что в области истории я начитан изрядно; мало найдется народов, с чьей историей я не был бы сколько-нибудь знаком, от Геродота до Гиббона. Классиков я знаю настолько, насколько их знает большинство школяров после тринадцати лет учения; о законах страны — достаточно, чтобы не «преступить» их, как выражаются браконьеры. Я изучал и «Дух Законов»³ и международное право, но, видя, как последнее непрестанно нарушается, я потерял интерес к столь бесполезным познаниям. Из географии я знаю больше по карте, чем хотел бы пройти пешком; из математики — достаточно, чтобы вызвать головную боль, но не прояснить мысли; из философии, астрономии, метафизики — больше, чем способен понять; а здравого смысла мне преподали так мало, что я намерен завещать Байроновскую премию каждой из наших *Almae Mater*^{1*} за первое открытие в этой области; боюсь, впрочем, что прежде будет открыт закон долготы.

Некогда я мнил себя философом и весьма торжественно изрекал чепуху: бросал вызов страданиям и проповедовал невозмутимость. Некоторое время это мне сходило, потому что *страдали* за меня одни только мои друзья, а негодовали только мои слушатели. Но однажды, упав с лошади, я убедился, что телесное страдание есть зло; а оказавшись побежденным в споре, вмиг растерял и все доводы и весь запас невозмутимости; тогда я покинул Зенона⁴ ради Аристиппа⁵ и теперь считаю, что *τὸ καλόν*^{2*} состоит в удовольствиях.

По части нравственности я предпочитаю Десяти Заповедям — Конфуция⁶, а св. Павлу⁷ — Сократа⁸ (хотя по поводу брака взгляды этих последних сходятся). В религиозных вопросах я стою за равноправие

^{1*} Духовных матерей (лат.), т. е. университетов.

^{2*} Прекрасное (греч.).

католиков, но не признаю папу; я отказался от причастия, потому что не верю, чтобы хлеб и вино из рук земного священника помогли мне войти в царствие небесное. Добродетель, или отдельные добродетели, я считаю присущими человеку, но как *чувства*, а не как принципы. Главным атрибутом божества я считаю истину, а смерть — вечным сном, во всяком случае для тела. Таковы вкратце взгляды грешного Джорджа, лорда Байрона; как видите, пока я не обзаведуись новыми облачениями, я одет неважно.

Остаюсь ваш и т. п.
Б а й р о н

11

ПРЕПОДОБНОМУ ДЖОНУ БИЧЕРУ¹

Отель «Дорант», 28 марта 1808

Я недавно получил от Риджа экземпляр нового издания, и мне пора поблагодарить вас за хлопоты по редактированию. Итак, я приношу вам самую искреннюю благодарность и сожалею только, что Ридж не оказался, по сравнению с вами, на той высоте, какую я ожидал — судя по переплету, бумаге и т. д. экземпляра, который он прислал мне. Может быть те, что предназначены для читателей, будут в этом отношении лучше.

Вы, конечно, видели «Эдинбургское Обозрение». Жаль, что оно доставило столько огорчений м-сс Байрон. Меня эти «бумажные пули остроумия», напротив, научили хладнокровию под огнем. В общем мне все же повезло, и мой сон и аппетит отнюдь не пострадали. Пратт² — сборщик колосьев, сочинитель, поэт и т. д. и т. п. — прислал длинное послание в стихах, где пытается утешить меня, но оно вышло неудачным, и я его не посылаю, хотя, ради имени автора, оно могло бы и сойти. «Э. Обозреватели» плохо справились со своей задачей; так по крайней мере говорят мне «literati»^{1*}, и мне кажется, что я сам мог бы написать на себя более язвительную критику, чем все, что до сих пор появлялось. Так, например, вместо замечания — раздраженного, но не остроумного — о Макферсоне³, я (quoad^{2*} рецензента) сказал бы так: «Увы, эти подражания лишь подтверждают слова д-ра Джонсона⁴, а именно, что многие «мужчины, женщины — и дети могут писать как Оссиан».

Я сейчас худ и много двигаюсь. Надеюсь, что весной или летом мы встретимся. Я слышал, что лорд Рутин в апреле уезжает из Ньюстэда. Как только он навсегда оттуда удалится, я хочу, чтобы вы туда съездили, осмотрели всю усадьбу и дали мне совет, как лучше поступить с *домом*. Entre nous^{3*}, дела мои порядком запутаны; к моему совершеннолетию дол-

^{1*} Ученые люди (*лат.*).

^{2*} В качестве (*лат.*).

^{3*} Между нами (*фр.*).

ги в *общей* сложности достигнут девяти-десяти тысяч. Но я имею основания надеяться, что мои поместья окажутся более ценными, чем предполагают. На Ньюстэд я мало надеюсь, но мой поверенный Хэнсон говорит, что ланкаширское поместье ^b стоит трех Ньюстэдов. Полагаю, что оно достанется нам без труда, хотя ответчики по делу затягивают передачу до моего совершеннолетия, надеясь, что как-нибудь со мной договорятся и что я, вероятно, предпочту наличные деньги возвращению имени. Ньюстэд я, пожалуй, продам — а может быть и нет — но об этом после. Приеду в мае или июне.

Преданный вам и т. д.

12

АВГУСТЕ ЛИ

*Ньюстэдское аббатство, Ноттингемшир (среда),
30 ноября 1808*

Милая Августа,

Сердечно благодарю тебя за то, что ты сделала меня дядюшкой, и на сей раз прощаю тебе пол твоего младенца; но в следующий раз это *непреложно* должен быть племянник. Ты будешь рада узнать, что ланкаширское имение, вероятно, окажется весьма ценным; вообще мои денежные дела оказались значительно лучше, чем мог ожидать я или кто-либо другой. Если все *продать*, мой доход составит примерно шесть тысяч в год; но мне во всяком случае не хотелось бы расставаться с Ньюстэдом, да и со вторым имением, потому что стоимость его будет возрастать из года в год. Я живу здесь *один*, и это больше мне по вкусу, чем любое общество. От м-сс Байрон я избавился на два года и не намерен и в будущем быть под ее игом; боюсь, что это уронит меня в твоих глазах, но не могу простить этой женщине или спокойно жить с ней под одной крышей.

Мне очень не везет, потому что от природы у меня, кажется, не злое сердце; но его столько мяли, терзали и топтали, что теперь оно жестко, как подошва шотландского горца.

Внешне я как будто мало изменился, разве только сильно похудел и немного вырос. Я видел полковника Ли в июле в Брайтоне, где рад был бы видеть тебя. Я знаю твоего мужа только в лицо, хотя знаком со многими из Десятого полка. Оказывается, меньше всего я знаком со своими родственниками, и в большинстве случаев не очень стремлюсь сойтись с ними поближе. Надеюсь, что ты вполне оправилась; в январе я приеду в Лондон, чтобы занять свое место в Палате лордов, и навещу тебя, если позволишь; но прежде напиши мне.

[Подпись срезана]

13

ДЖОНУ ХЭНСОНУ

Ньюстэдское аббатство, 15 января 1809

Дорогой сэр,

Весьма благодарен вам за любезное приглашение, но просил бы вас, если возможно, быть здесь 22-го ¹. Ваше присутствие будет очень полезно, и все готово для вашего приема так, как если бы я сам оставался тут; думаю, что Харгривсу понравится местность и празднество.

При первой возможности я явлюсь засвидетельствовать свое почтение вашему семейству и хотя 22-го я не воспользуюсь вашим гостеприимством, я от этого не меньше признателен вам за любезное приглашение, которое в другом случае было бы немедленно принято; очень хочу, чтобы вы присутствовали на празднестве, и надеюсь, что вы возьмете с собой также и Чарлза. Как говорит Придворный в трагедии «Мальчик-с-Пальчик» ²:

Подобный день поистине — триумф для их величеств,
И хоть бы он не пришел век,
Праздновать все же приличествует.

Я займу свое место в Палате как только позволят обстоятельства. Я еще не решил, к кому примкнуть в политике, и не намерен необдуманно связывать себя заявлениями или обещать поддержку тому или иному лицу или делу; я не хочу очертя голову кидаться в оппозицию, но буду всячески избегать сближения с министерством. Не могу сказать, чтобы я вполне сочувствовал той или другой партии: в одной остались бывшие подручные Питта ³, унаследовавшие все его неудачи, но не его талант; это может объяснить их провал, но не уменьшает общественного презрения к ним. В другой мы видим пестрые обломки растаявшего меньшинства; м-ра Уиндэма, двукратного перебежчика ⁴, и милорда Гренвилла ⁵, у которого, пожалуй, больше ума, чем он может с пользой употребить; между ними — Сидмаут ⁶, которым оба играют, как воланом, и сэр Ф. Бердетт ⁷, общий *футбольный мяч*, который все поддают ногой и никто не признает своим.

Я останусь в стороне, буду говорить, что думаю, но не часто и не сразу. Если удастся, надеюсь сохранить независимость, но если вступлю в какую-либо партию, то постараюсь быть там *не из последних*. Что до *патриотизма*, то слово это считают устарелым, но, пожалуй, напрасно; у нас все патриоты, так как знают, что с Конституцией связано самое их существование; и все же каждый считает, что может изменить ее к лучшему и управлять народом, которым и в самом деле легко управлять, но который требует одной привилегии — права ворчать. Однако довольно о политике,

о которой я пока еще мало знаю и еще меньше тревожусь. Со временем я использую свое право выступать; в такие времена и в такой компании молчать будет, вероятно, трудно.

Примите уверения и т. д.

Б а й р о н

14

МАТЕРИ

Фолмут, 22 июня 1809

Дорогая матушка,

Я отплываю через несколько дней ¹, вероятно, раньше, чем до вас дойдет это письмо. Флетчер так просился ехать со мной, что я его беру. Если он будет дурно вести себя за границей, я отправлю его назад. При мне находится слуга-немец (который ездил с м-ром Вильбремом в Персию и был мне особо рекомендован д-ром Батлером из Харроу), а также Роберт и Вильям — вот и вся моя свита. Я везу много писем; вы будете получать вести из всех портов, где мы будем останавливаться, но вы не должны тревожиться, если письма не дойдут. На континенте дела хороши, что и говорить: в Париже восстание, австрийцы бьют Бонапарта, тирольцы тоже поднялись ².

Скоро в Ньюстэд пришлют мой портрет маслом³. Хотел бы, чтобы обе мисс Пигот нашли себе лучшее занятие, чем возить мои миниатюры в Ноттингем для снятия копий. Раз уж они это сделали, можете попросить их скопировать и другие, которые нравятся больше моих. Что касается денежных дел, то я без гроша — во всяком случае до тех пор, пока не будет продан Рочдэйл ⁴, а если из этого будет мало проку, я поступлю на австрийскую или русскую службу, а может быть на турецкую, если мне там понравится. Передо мною весь мир, и я покидаю Англию без сожалений и не желал бы даже ничего повидать на прощание, кроме вас и вашего нынешнего жилища.

Всегда искренне ваш

P. S. — Прошу вас сообщить м-ру Раштону, что сын его здоров и благополучен, а также и Меррей — более чем когда-либо. Он возвратится примерно через месяц. К тому немногому, о чем я сожалею при отъезде, я должен добавить еще одно: разлуку с Мерреем — в его возрасте он может и не дожидаться моего возвращения. Роберта я беру с собой; он мне нравится, потому что он вроде меня — такой же одинокий пес.

ФРЭНСИСУ ХОДЖСОНУ¹

Лиссабон, 16 июля 1809

Вот куда привел наш путь, а по пути мы повидали всяческие чудеса — дворцы, монастыри и т. п., но так как все они будут описаны в книге путевых впечатлений моего друга Хобхауза, я не хочу опережать его и переправлять их вам контрабандой. Должен только заметить, что селение Цинтра в Эстремадуре — вероятно, самое прекрасное место в мире.

Мне здесь очень нравится — я люблю апельсины и беседую с монахами на плохой латыни, которую они понимают, потому что сами говорят так же — появляюсь в обществе (имея при себе пистолеты), одним махом переплываю Тахо, езжу на осле или на муле, ругаюсь по-португальски, получил расстройство желудка и искусан москитами. Ну что же из того? Коли путешествуешь ради удовольствия, нечего ждать удобств.

Когда португальцы проявляют упрямство, я говорю «*Carracho*»^{1*} — ругательство самых знатных людей, отлично заменяющее наше «проклятие» — а когда я сердит на соседа, я говорю, что он «*ambra di merdo*»^{2*}. Благодаря этим двум фразам и третью «*Avga bougo*», что означает «достаньте осла», меня повсеместно считают за знатную особу и знатока языков. Веселая жизнь у путешественников! Была бы только пища и одежда. Говоря вполне серьезно, всюду лучше чем в Англии, и пока я нахожу мои странствия бесконечно забавными.

Завтра мы выезжаем; мы проедем на почтовых 400 миль до Гибралтара, а оттуда отплывем в Мелиту и Византию. Мне можно написать на Мальту, а если там письмо меня не застанет, его перешлют. Прошу обнять за меня Дрюри и Двайера и всех эфесцев³, какие вам встретятся. Я пишу карандашом, подарком Батлера³, отчего мой плохой почерк становится еще хуже. Прошу извинить неразборчивость.

Ходжсон! Шлите мне новости, сообщайте о смертях, поражениях, преступлениях и бедствиях моих друзей; а также о делах литературных, о спорах и критике. Все это будет приятно — *Suave mari magno, etc.*^{3*} Кстати, у меня была морская болезнь, да и вообще уже тошнит от моря.

Преданный вам и т. д.

^{1*} Чёрт побери (*португ.*).

^{2*} Воняет дерьмом (*португ.*).

^{3*} Сладко, когда на просторах морских, и т. д. (*лат.*). Лукреций. О природе вещей, II, 1.

16

МАТЕРИ

Гибралтар, 11 августа 1809

Дорогая матушка,

После моего отъезда из Англии у меня было столько дел, что я не писал вам вовсе, пока не смог выбрать время для подробного письма. Сейчас, проехав Португалию и большую часть Испании, я имею досуг и постараюсь вкратце описать вам свое путешествие.

Мы отплыли из Фолмута 2 июля и через четверо с половиной суток, после очень благоприятного переезда, достигли Лиссабона, где и остановились. Этот город не раз был описан, хоть и не заслуживает описаний. За исключением вида на Тахо, очень красивого, да нескольких церквей и монастырей, в нем нечем любоваться, кроме грязных улиц и еще более грязных жителей. Зато селение Цинтра, милях в пятнадцати от столицы, является, может быть, красивейшим местом во всей Европе; оно изобилует красотами всякого рода, как естественными, так и искусственными. Среди скал, водопадов и пропастей виднеются дворцы и сады; монастыри повисают над бездной, вдаль видны море и Тахо; кроме того (хоть это и не так важно) в Цинтре была подписана конвенция сэра Хью Долримпла¹. Дикая прелесть западных шотландских гор соединяется здесь с пышной зеленью южной Франции. Поблизости, милях в десяти вправо, находится дворец Мафра², который составляет гордость Португалии и мог бы составить гордость любой страны по великолепию, но отнюдь не по изяществу. При нем монастырь; монахи имеют большие доходы, довольно любезны и понимают по-латыни, так что мы долго беседовали; у них богатая библиотека, и они спрашивали меня, есть ли в Англии книги!

Багаж и часть слуг я отправил морским путем в Гибралтар, а сам проехал верхом из Алдеа Гальбэга (первая остановка после Лиссабона, доступная только с моря) до Севильи (одного из самых прославленных городов Испании), где сейчас находится правительство, называемое здесь хунтой. До Севильи почти четыреста миль, а до Кадикса еще девяносто, в сторону побережья. При мне было правительственное предписание, и мне оказывали всяческое содействие; знатный англичанин в английском военном мундире является сейчас в Испании весьма важным лицом. Лошади здесь отличные, а дороги (заверяю честию, ибо боюсь, что вы не поверите) намного превосходят самые лучшие в Англии, и нигде нет никаких сборов или застав. Чтобы доказать вам это, скажу, что добрался на лошадях до Севильи за четыре дня, в самый разгар здешнего жаркого лета, и нимало не устал.

Севилья — прекрасный город; улицы там узки, но чисты. Мы остановились в доме двух незамужних испанок, у которых в Севилье целых *шесть* домов и которые показали мне любопытные образчики испанских

правов. Это женщины с характером; старшая очень величественна, младшая — хорошенькая, но фигурой уступает донне Хозефе. Я был немало изумлен свободой здешних нравов, и дальнейшие наблюдения убедили меня, что для испанских дам менее всего характерна сдержанность; как правило, они очень красивы, у них большие черные глаза и роскошные формы. Старшая удостоила вашего *недостойного* сына особым вниманием, на прощание очень нежно его поцеловала (я пробыл там всего три дня), срезала прядь его волос и преподнесла свою, длинной около трех футов, которую я вам посылаю с просьбой сохранить до моего возвращения. Последние ее слова были: *Adios, tu hermoso! me gusto mucho* — «Прощай, красавчик, ты очень мне нравишься». Она предложила мне ночевать в ее комнате, но моя *добродетель* была вынуждена это отклонить; она посмеялась, сказала, что у меня, вероятно, осталась в Англии *amante* (возлюбленная), и сообщила, что выходит замуж за офицера испанской армии.

Из Севильи я проехал в Кадикс, по прекрасной местности. В Хересе, где изготавливается наш излюбленный херес, я встретил крупного негодянта — некоего м-ра Гордона из Шотландии — который был весьма любезен и показал мне свои винные погреба, так что я пил из самого источника.

Кадикс, милый Кадикс — лучший город из всех, какие я видел, ничем не похожий на наши английские города, кроме чистоты (здесь так же чисто, как в Лондоне), но все же прекрасный и населенный красивейшими женщинами Испании; красавицы Кадикса славятся у себя в стране, как у нас — ланкаширские ведьмы. Едва я был представлен тамошней знати, и мне это начало нравиться, как пришлось уехать оттуда в это проклятое место, но перед отъездом в Англию я снова там побываю. Вечером накануне отъезда я был в опере, в ложе, с адмиралом Кордова³ и его семьей; это он потерпел в 1797 г. поражение от лорда Сент-Винсента; у него пожилая жена и прелестная дочь, сеньорита Кордова. Она очень хороша собой, в испанском стиле, в котором, по-моему, ничуть не меньше прелести, чем в английском, и несравненно больше притягательной силы. Длинные черные волосы, томные глаза, *гладкая* смуглая кожа и такая грация в движениях, какую трудно вообразить англичанину, привыкшему к сонному безразличию своих соотечественниц; прибавьте к этому одежду, — одновременно скромную и к лицу; все это делает испанскую красавицу неотразимой.

Должен заметить, что любовные интриги составляют здесь главное занятие в жизни; выйдя замуж, женщина отбрасывает всякое стеснение, но до брака они, видимо, достаточно целомудренны. Если вы здесь делаете предложение, за которое в Англии самая кроткая девица дает пощечину, испанка благодарит вас за оказанную честь и отвечает: «Подо-

ждите моего замужества, и я с превеликим удовольствием». Говорю вам истинную правду.

Мисс Кордова и ее младший брат немного говорят по-французски; пожалев о моем незнании испанского языка, она вызвалась быть моей наставницей. Я мог ответить только низким поклоном и выразить сожаление, что слишком скоро вынужден покинуть Кадикс и не смогу сделать успехи, каких несомненно достиг бы при столь прелестной учительнице. Я стоял в глубине ложи, похожей на наши оперные ложи (театр там обширен и богато украшен, а музыка великолепна), как мы обычно стоим в Англии, чтобы не мешать смотреть дамам, сидящим впереди; но прекрасная испанка согнала со стула какую-то старуху (тетку или дуэнью) и приказала мне сесть рядом с ней, на порядочном расстоянии от мамыши. В конце спектакля я вышел и стоял в коридоре с группой мужчин, когда дама en passant ^{1*} обернулась и позвала меня, и я имел честь проводить ее до адмиральского дома. У меня есть туда приглашение, которым я воспользуюсь, если снова проеду здесь на обратном пути из Азии.

В Севилье и Кадиксе я встречался с сэром Джоном Карром ⁴, странствующим рыцарем. Это приятный человек. Испанцы мне понравились. Вы слышали о битве близ Мадрида ⁵ — и это в Англии называют победой — хороша победа! Убито двести офицеров и пять тысяч солдат, все англичане, а у французов никаких потерь! Я вступил бы в армию, но мы спешим добраться до Средиземного моря и архипелага. Завтра я буду в Африке — она всего в шести милях от этой крепости. Следующая остановка будет в Кальяри, в Сардинии, где я буду представлен его величеству ⁶. В качестве придворного мундира у меня великолепная военная форма, незаменимая в путешествии.

13 августа. В Африку мы еще не отплыли — дует противный ветер, — но вчера я обедал в Алхесирасе у леди Уэстморленд, где встретил генерала Кастаноса ⁷, славного испанского полководца этой и прошлой войны. Сегодня я обедаю у него. Он предложил дать мне письма в Тетуан, в Берберию, к самым главным маврам, и там мне отведут на несколько дней дом одного из именитых людей, предназначавшийся для леди В., которая по нездоровью не может переправляться через пролив.

15 августа. Вчера я не мог обедать у Кастаноса, зато сегодня имел эту честь. Это приятный и, кажется, умный человек. Ехать в Берберию не могу. Завтра отправляется пакетбот на Мальту а с ним отправлюсь и я. Адмирал Пэрвис, с которым я обедал в Кадиксе, выхлопотал мне проезд на фрегате до Гибралтара, но на Мальту сейчас не пойдет ни один военный

^{1*} Мимоходом (фр.).

корабль. А пакетботы ходят быстро и имеют большие удобства. Вы получите от меня вести с дороги.

Письмо это вам передаст Джо Меррей. Я отсылаю обратно его и мальчика. Прошу вас, будьте добры к мальчишке, это мой любимец, я взял бы его с собой... Так и скажите его отцу, иначе тот подумает, что он в чем-нибудь провинился.

Надеюсь, что мое письмо застанет вас в добром здравье.

Всегда искренне ваш
Б а й р о н

Итак, лорд Г[рей де Рутин] женился на крестьянке. Отлично! Если я вздумаю жениться, то привезу султаншу и возьму за ней в приданое шесть городов, и вам придется примириться с восточной невесткой и бушелем жемчужин не крупнее страусовых яиц, но не меньше чем с лесной орех.

17

МАТЕРИ

Превеза, 12 ноября 1809

Дорогая матушка,

Я уже некоторое время нахожусь в Турции; сейчас я на побережье, но проехал всю провинцию Албанию, по дороге к Паше. С Мальты я отплыл 21 сентября на военном бриге «Паук» и за восемь дней добрался до Превезы. Оттуда я выезжал за 150 миль в Тепелин, загородный дворец его высочества, где пробыл три дня. Пашу зовут Али¹, и он считается выдающимся человеком; он правит всей Албанией (древней Иллирией), Эпиром и частью Македонии. Сын его, Вели Паша, к которому он дал мне письма, управляет Мореей и имеет большое влияние в Египте; словом, это один из самых могущественных людей во всей Оттоманской империи. Приехав в его столицу Янину после трех дней путешествия по живописнейшей горной местности, я узнал, что Али Паша со своим войском находится в Иллирии и осаждает Ибрагима Пашу в крепости Берат. Он услышал, что в его владения прибыл знатный англичанин, и оставил коменданту Янины приказ предоставить мне *gratis*^{1*} дом и все необходимое; мне позволили делать подарки рабам и др., но не брали платы ни за какие припасы.

Я ездил на лошадях визиря и осматривал его дворцы и его внуков; они великолепны, только чересчур пышно убраны шелком и золотом. Затем я проехал через горы в селение Зитцу, где находится греческий монастырь² (там я переночевал на обратном пути) — красивейшее место из всех мной виденных, за исключением Цинтры в Португалии. За девять дней я до-

^{1*} Безвозмездно (лат.).

б-рался до Тепелина. Нас задерживали горные погоки, пересекавшие доро-гу. Никогда не забуду необычайное зрелище, встретившее меня при въезде в Тепелин, в пять часов вечера, на закате. Оно напомнило мне (несмотря на разницу в *костюмах*) замок Бранксом в «Менестреле» Скотта ³ и феодальные нравы. Албанцы в национальных одеждах (нет ничего красивее их пышных белых шаровар, шитых золотом плащей, красных бархатных кафтанов и жилетов с золотым позументом, пистолетов и кинжалов в серебряной оправе); татары в высоких шапках, турки в широких одеждах и тюрбанах, солдаты, чернокожие рабы, держащие лошадей, — первые на огромной открытой галерее перед дворцом, вторые — в огороженном пространстве; двести оседланных скакунов, курьеры, спешащие с донесениями, бой барабанов, мальчишки, объявляющие часы с минарета мечети, и само причудливое здание дворца, — все это составляло для чужестранца новое и необычайное зрелище. Меня привели в роскошные покои, и секретарь визиря à la mode Turque ^{1*} осведомился о моем здоровье.

На другой день меня представили Али Паше. На мне была полная штабная форма, великолепная сабля и пр. Визирь принял меня в большой комнате с мраморным полом; посередине ее журчал фонтан; вдоль стен тянулись яркочерные диваны. Он встретил меня стоя, что для мусульманина надо считать величайшим знаком внимания, и усадил справа от себя. У меня есть переводчик-грек, но на этот раз беседу переводил врач Али, по имени Фемларио, знающий по-латыни. Он прежде всего спросил, почему я покинул родину в столь юном возрасте (турки не имеют понятия о путешествиях ради развлечения). Затем он сказал, что слышал от английского посланника, капитана Лика ⁴, будто я из знатного рода, и просил выразить почтение моей матери, — это я сейчас и делаю от имени Али Паши. Он сказал, что мое знатное происхождение видно сразу, потому что у меня маленькие уши, кудрявые волосы и маленькие белые руки, и вообще выразил одобрение моей внешности и костюму. Он предложил мне считать его своим отцом, пока я нахожусь в Турции, и сказал, что относится ко мне как к сыну. Он и в самом деле обращается со мной как с ребенком и раз по двадцать на дню посылает мне миндаль, сладкий шербет, фрукты и конфеты. Он просил меня почаще навещать его, по вечерам, когда он свободен. После кофе и трубки я удалился. После этого я виделся с ним еще три раза. Странно, что турки, у которых нет наследственных титулов и мало знатных родов, кроме султанского, так чтят в людях породу; моему рождению здесь придали больше значения, чем титулу.

Сегодня я видел развалины Акция ⁵, где Антоний проиграл битву за мировое владычество; он расположен на берегу маленькой бухты, где едва разминутись бы два фрегата; от него остались лишь обломки стены.

^{1*} По турецкому обычаю (*фр.*).

Дальше на берегу того же залива — развалины Никополя, выстроенного Августом в память о победе. Вчера вечером я был на греческой свадьбе, но ни этого, ни множества других событий не могу описать за недостатком времени и *места*.

Его высочеству шестьдесят лет, он очень толст и невысок ростом, но у него красивое лицо, голубые глаза и белая борода; он очень приветлив, и, вместе с тем, полон достоинства, которое я неизменно встречаю у каждого турка. Внешность его не соответствует его сущности, — ведь это безжалостный тиран, повинный в чудовищных жестокостях, бесстрашный, прославленный своими победами настолько, что его называют мусульманским Бонапартом. Наполеон дважды предлагал сделать его королем Эпира, но он сторонник Англии, а французов не терпит, как сам мне сказал. Он так влиятелен, что обе стороны стремятся привлечь его к себе; албанцы — лучшие воины среди подданных султана; впрочем, зависимость Али от Порты скорее номинальная; это могучий воин, но столь же жестокий, как и удачливый, — он поджаривает мятежников и т. п. Бонапарт прислал ему табакерку со своим портретом. Али сказал, что табакерку весьма одобряет, а без портрета мог бы обойтись — потому что ему не нравится ни портрет, ни оригинал. Любопытны его суждения о знатности по ушам, рукам и т. п. Ко мне он отнесся истинно по-отечески, приставил охрану, снабдил письмами и окружил всеми возможными удобствами. Во время других наших встреч мы говорили с ним о войне и путешествиях, о политике и об Англии. Он призвал приставленного ко мне албанского солдата и велел ему охранять меня любой ценой; солдата зовут Висцили; как все албанцы, он храбр, верен и неподкупно честен; это люди жестокие, но неспособные на предательство; у них есть пороки, но отсутствует подлость. Внешне это, пожалуй, самый красивый народ в мире; женщины у них тоже бывают красивы, но находятся на положении рабынь; их *бьют* и обращаются с ними как с вьючным скотом — они пашут, сеют и копают землю. Я видел, как они таскают дрова и даже чинят дороги. Все мужчины здесь воины и заняты только войной и охотой. Землю обрабатывают женщины, но это не столь уже тяжкий труд при здешнем благодатном климате. Вчера, 11 ноября, я купался в море; а сегодня так жарко, что я пишу вам в затененной комнате, в доме английского консула, где настежь раскрыты три двери и нет ни одной *печи*, кроме как на кухне.

Завтра я под охраной пятидесяти солдат отправляюсь в Патрас в Морее, а оттуда в Афины, где проведу зиму. Два дня назад я едва не потерпел крушение на турецком военном судне, из-за неопытности капитана и экипажа, хотя буря была вовсе не так уж сильна. Флетчер призывал жену, греки — всех святых, а мусульмане — Аллаха; капитан расплакался и убежал вниз, а нам велел молиться богу; на корабле разорвало парус и расщепило грот-рею; ветер крепчал, надвигалась ночь, и нам оставалась

одна надежда: добраться до Корфу, французского владения, или же (как патетически выразился Флетчер) «обрести водяную могилу». Я успокаивал Флетчера как умел, но видя, что все напрасно, завернулся в свой албанский бурнус (необъятно широкий плащ) и улегся на палубе в ожидании худшего. За время моих странствий я научился смотреть на вещи философски, а если бы и не научился, жалобы все равно были бы бесполезны. К счастью, ветер стих и только пригнал нас на материк, на берег Сули, где мы сошли с корабля и с помощью местных жителей возвратились в Превезу; но впредь я не стану доверяться турецким морякам, хотя Паша велел доставить меня в Патрас на одном из собственных своих галиотов. Поэтому до Миссолунги я поеду сушей, а там, чтобы попасть в Патрас, останется только пересечь небольшую бухту.

Флетчер в ближайшем письме будет рассказывать всякие чудеса. Однажды ночью, в бурную погоду мы девять часов проплутали в горах, а в другой раз едва не потерпели крушение. Оба раза Флетчер совершенно растерялся; в первом случае он опасался голодной смерти и бандитов, во втором — боялся утонуть. У него воспалились глаза от молнии или от слез (не знаю, от чего именно), но сейчас это прошло. Писать мне прошу на имя м-ра *Странэ*, английского консула в городе Патрасе, в Морее.

Я мог бы рассказать вам бесчисленное количество происшествий, которые, мне кажется, позабавили бы вас, но от них мое письмо чересчур разбухло бы, как уже распухла моя голова, и я все никак не могу ни привести их в порядок в памяти, ни уложить на бумаге. Албанцы мне очень нравятся; не все они турки, некоторые племена исповедуют христианство. Но религия мало влияет на их нравы и повадки. Они считаются лучшими воинами на турецкой службе. Мне пришлось в течение двух, а потом еще трех дней подряд жить в казармах в Салоре, и нигде соседство солдат не было столь терпимо, хотя я имел дело с гарнизоном на Гибралтаре и на Мальте и во множестве повидал испанских, французских, сицилийских и британских солдат. У меня ничего не украли и всегда радушно угощали молоком и собственными припасами. Несколько дней назад албанский вождь (здесь в каждом селении имеется вождь, называемый приматом) вызволил нас с турецкого судна, терпевшего бедствие, накормил и приютил меня со всеми спутниками — Флетчером, одним греком, двумя афинцами, греческим священником и моим приятелем Хобхаузом — и отказался от всякого вознаграждения, кроме бумаги, удостоверяющей, что он хорошо нас принял. Когда я попросил его взять несколько цехинов, он ответил: «Нет, я хочу от вас любви, а не платы». Так именно он и сказал.

Удивительно, как дороги здесь деньги. В столице по приказу визиря мне не приходилось ни за что платить; а тут, хотя я держу шестнадцать лошадей и шесть-семь человек прислуги, я не трачу и *половины* того, что мне стоили три недели пребывания на Мальте, где губернатор.

сэр А. Болл, предоставил мне бесплатную квартиру, и у меня было всего *один слуга*. Кстати, я надеюсь, что Хэнсон будет аккуратно переводить деньги, потому что я не намерен оставаться в этом краю навсегда. Пусть пишет мне на имя м-ра Странэ, английского консула в Патрасе. Земля здесь надиво плодородна, а деньги редки, вот отчего все так поразительно дешево. Я еду в Афины изучать новогреческий язык, очень отличный от древнего, хотя основа у них одна. Мне не хочется возвращаться в Англию, и я не вернусь, разве что меня принудит к этому крайняя нужда и небрежность Хэнсона; но в Азию я не поеду еще год-два, потому что в Греции еще много есть что повидать; может быть переправлюсь в Африку, хотя бы в Египет. Флетчер, как и подобает англичанину, крайне недоволен, но несколько примирился с турками, получив в подарок от визиря восемьдесят пиастров, что по здешним ценам составляет не меньше десяти английских гиней. Он страдает только от холода, жары и насекомых, а это приходится терпеть всем, кто ночует в хижинах и путешествует в горах, в холодной стране; я сам подвергался этому наравне с ним; но он не из храбрых и боится разбойников и бурь. Мне некому посылать поклонны в Англию и я ничего не хочу о ней знать, кроме вестей о вашем здоровье и деловых писем от Хэнсона, которому передайте, чтобы он писал. Я напишу, когда сумею.

Любящий вас сын
Б а й р о н

P. S. — У меня есть несколько *magnifiques*^{1*} албанских костюмов, единственных дорогих вещей в здешних краях. Каждый стоит пятьдесят гиней, и на них столько золота, что в Англии они стоили бы по двести.

В Янине меня представили Хуссейн Бюю и Махмуту Паше, маленьким внукам Али; они совершенно не похожи на наших мальчиков — накрашены, как старые дамы, с большими черными глазами и очень правильными чертами. Это самые очаровательные зверьки, каких я когда-либо видел, и уже дрессированы по части придворного этикета. Турецкий поклон состоит в легком наклонении головы, причем рука прижата к сердцу; более близкие друзья при встрече всегда целуются. Махмуту десять лет, и он надеется снова увидеться со мной; мы с ним подружились, не понимая друг друга, как бывает со многими, но по иной причине. Он дал мне письмо к своему отцу в Морею, к которому я имею также письма от Али Паши.

^{1*} Роскошных (*фр.*).

18

МАТЕРИ

Афины, 14 января 1811

Сударыня,

Пользуюсь случаем и пишу вам как обычно: кратко, но часто, потому что при отсутствии постоянной связи трудно рассчитывать на доставку писем. От вас я получил несколько, в разные сроки; они идут обычно около полугода, одни быстрее, другие дольше; сейчас — несколько регулярнее, но с теми же задержками. В последнее время я совершил несколько небольших выездов, в сто-двести миль, по Морее, Аттике и др., так как уже закончил главную поездку — через Троаду, Константинополь и т. д. — и снова вернулся в Афины. Я кажется уже не раз писал вам, что переплыл Геллеспонт из Сестоса в Абидос (в подражание Леандру¹, хотя и без помощи возлюбленной). Об этом, как и о многом другом, вам расскажет Флетчер, которого я послал домой с бумагами и пр. Он для меня не потеря; достаточно владея итальянским и новогреческим языком, который я тоже изучаю с учителем, я могу сам отдавать все нужные распоряжения и объясняться в пределах более чем достаточных для разумного человека. К тому же постоянные вздыхания о говядине и пиве, тупое, фанатичное презрение ко всему чужеземному и непреодолимая неспособность научиться хотя бы нескольким словам хоть на каком-нибудь языке делали его обузой, как и всех английских слуг. Уверяю вас, необходимость объясняться за него, удобства, которые ему требовались (гораздо больше, чем мне), пилав (турецкое кушанье из риса и мяса), которого он не мог есть, вина, которых он не мог пить, постели, где он не мог заснуть, и весь длинный список приключившихся с ним бедствий, в том числе спотыкавшихся лошади и отсутствие чаю!!! — все это доставило бы немало развлечений стороннему наблюдателю и неудобств любому хозяину. В сущности, он честный малый и для наших краев достаточно умелый, но в Турции, бог мне прости! мои албанские солдаты, татары и янычары работали и за него, и за нас, как может подтвердить мой друг Хобхауз.

Возможно, что весной я вернусь домой, но для этого мне необходимо получить деньги. Собственных средств мне хватило бы, если бы не пришлось одолжить денег другу, который, я уверен, их вернет, но пока я порастратился. Сейчас, зимой, я не отважился бы пуститься в путь, даже если бы я уже устал странствовать; но я убежден, что людей лучше видеть, чем о них читать, и что пребывание дома среди всех островных предрассудков и узости взглядов имеет самые печальные следствия; настолько убежден, что считаю необходимым издать закон об обязательной отправке наших юношей за границу, к тем немногим союзникам, какие еще остались у нас: после всех войн.

Здесь я общался с французами, итальянцами, немцами, датчанами, греками, турками, американцами и др. и могу судить о чужих странах, о чужих нравах, не отрекаясь от собственных. Там, где я вижу превосходство Англии (о котором мы, кстати, имеем весьма превратное понятие), я бываю доволен, а если вижу, что мы в чем-то отстали, я по крайней мере что-то узнаю. А ведь я мог бы целый век прожить дома, в дыму наших городов или в тумане наших деревень, и ничего этого не узнать и вообще не приобрести полезных или приятных познаний. Я не веду дневника и не намерен писать книгу о своих путешествиях. Я покончил с сочинительством, и если своим последним произведением² я убедил критиков и свет, что представляю собой нечто большее, чем они считали, с меня достаточно; я не хочу рисковать уже приобретенной *репутацией* ради новых попыток. Правда, у меня есть кое-что в рукописи, но эти творения я оставляю потомству; если их сочтут достойными опубликования, они, быть может, заставят потомков помнить обо мне, когда сам я ничего уже не буду помнить. Я заказал одному известному баварскому художнику некоторые виды Афин и др. Это лучше сочинительства, от которого я, надеюсь, излечился. По возвращении мне хотелось бы вести спокойную, уединенную жизнь, но богу лучше ведомо, в чем наше благо; так, по крайней мере, говорят, и мне тут возразить нечего, ибо я в общем не имею оснований жаловаться на свою судьбу. Однако я убежден, что люди сами причиняют себе больше вреда, чем сумел бы дьявол. Надеюсь, что мое письмо застанет вас здоровой и счастливой, насколько это для нас возможно; во всяком случае, вам приятно будет узнать, что я нахожусь именно в таком состоянии и остаюсь всегда ваш

19

МАТЕРИ

Фрегат «Volage», открытое море, 25 июня 1811

Дорогая матушка,

Это письмо будет вам переслано по прибытии нашего судна в Портсмут, примерно 4 июля, а начато оно было через двадцать три дня после отплытия с Мальты. 2 июля будет ровно два года, как я покинул Англию, и я возвращаюсь почти с теми же чувствами, с какими и уезжал, т. е. равнодушно; но это равнодушие, разумеется, не относится к вам, что я постараюсь доказать, как только сумею. Будьте добры приготовить мои комнаты в Ньюстэде, но ни в коем случае не затрудняйтесь из-за меня и считайте меня всего лишь гостем. Должен только предупредить вас, что я уже давно ограничил себя вегетарианской пищей и не ем ни рыбы, ни мяса; поэтому надеюсь, что для меня припасут побольше картофеля, зелени и сухарей; вина я не пью; со мной едут двое немолодых слуг-греков.

МИССИС БАЙРОН, МАТЬ ПОЭТА
Портрет работы Томаса Стюардсона

АВГУСТА ЛИ

Рисунок Джорджа Хэйлера

Я намерен сперва проехать в Лондон повидать м-ра Хэнсона, а оттуда в Ньюстэд, по дороге в Рочдэйл. Прошу вас не забыть о моей диете, соблюдение которой для меня очень важно. Я здоров и был здоров все это время, не считая двух приступов лихорадки, от которых я быстро оправился.

Мои планы настолько будут зависеть от обстоятельств, что я не решаюсь сейчас о них говорить. Видны на будущее не слишком блестящи, но надеюсь, что мы проживем не хуже других. Судя по последним сообщениям Хэнсона, я несколько опасюсь, что застану в Ньюстэде разгром, учиненный гг. Брозерс¹; Хэнсон, как видно, хочет вынудить меня к продаже, но это ему не удастся. Думаю, что гости не слишком будут мне докучать, но если явятся, принимать их придется вам; я хочу, чтобы ничто не нарушало моего уединения; вы знаете, что я никогда не любил общества, а сейчас люблю его еще меньше. Я везу вам шаль и большое количество розового масла и постараюсь провезти их беспошлинно. Надеюсь найти свою библиотеку в сносном порядке.

Флетчер, несомненно, уже прибыл. Я думаю отделить мельницу от фермы м-ра Б., потому что этого будет слишком много для его беспутного наследника, и посажу туда Флетчера, который мне преданно служил; жена его — прекрасная женщина; к тому же надо охладить пыл молодого Б., не то он населит весь приход своими незаконными отпрысками. Если бы он соблазнил доярку, у него было бы какое-то оправдание; но девушка равна ему по положению, а в таких случаях в любом кругу полагается покрыть грех. Однако я не стану вмешиваться — я только расчлению (как Бонапарт) *королевство* м-ра Б. и выделю княжество для фельдмаршала Флетчера! Надеюсь, что вы с должной осмотрительностью управляете моей маленькой *империей*, с ее тяжким грузом национального долга. Отбросив метафоры, остаюсь

всегда ваш
Б а й р о н

14 июля. Это письмо я думал отправить из Портсмута, но по прибытии туда эскадра получила приказ идти на Нор; оттуда я и пошлю его. Я не сделал этого ранее, не желая вас тревожить: промежуток, указанный в письме, дольше, чем тот, который предполагается между нашим прибытием в порт и моим появлением в Ньюстэде.

20

ДЖОНУ М. Б. ПИГОТУ

Ньюпорт Пэгнелл, 2 августа 1811

Дорогой доктор,

Вчера скончалась моя бедная мать! и сейчас я еду из города, чтобы проводить ее останки в семейный склеп. Я узнал о ее болезни, а на *следующий же день* — о ее смерти. Слава богу, кончина ее была легкой. Мне сказали, что она почти не страдала и не сознавала своего положения. Я понял сейчас, как верно сказал м-р Грей: «Мать у нас только *одна*». Мир праху ее! Благодарю вас за соболезнования; через шесть недель мне надо быть по делам в Ланкашире, и я мог бы проехать заодно до Ливерпуля и Честера — во всяком случае, постараюсь.

Если это доставит вам удовольствие, могу сообщить, что в ноябре издатель «Бича»¹ будет привлечен к суду за клевету на покойную м-сс Б[айрон] и на меня (смерть м-сс Б[айрон] ничего не меняет); так как он из-за своих глупейших и необоснованных утверждений повинен в злоупотреблении своей привилегией, то меры к нему будут применены самые строгие.

Сообщаю вам это потому, что вы, по-видимому, интересуетесь делом — оно сейчас находится в руках генерального прокурора.

Почти весь этот месяц я пробуду в Ньюстэде и буду рад после двухлетнего пребывания на востоке получить от вас письмо.

Остаюсь, дорогой Пигот, ваш
Б а й р о н

21

СКРОПУ БЕРДМОРУ ДЭВИСУ¹

Ньюстэдское аббатство, 7 августа 1811

Милый Дэвис,

Какое-то проклятие тяготеет надо мной и моими близкими. Я еще не успел похоронить мать; и вот один из лучших моих друзей утонул в канаве². Что мне сказать, что думать и что делать? Еще позавчера я получил от него письмо. Милый Скроп, если вы можете улучшить время, приезжайте ко мне — мне нужен друг. Последнее письмо Мэтьюса было написано в *пятницу* — а в субботу его не стало. Кто мог сравниться с Мэтьюсом одаренностью? Как все мы казались ничтожны рядом с ним! Вы не ошибаетесь, говоря, что я рискнул бы своей ничтожной жизнью, чтобы спасти его. Сегодня вечером я собирался написать ему и пригласить к себе, как приглашаю вас, моего дорогого друга. Да простит бог ** его равнодушие! А какой удар для нашего бедного Хобхауза! Его письма полны Мэтьюсом.

Приезжайте, Скроп, я совершенно подавлен — я почти совсем один на свете — у меня только и были что вы, Х [обхауз] и М [этьюс]; дайте же мне побыть с теми, кто мне остался. Бедняга М [этьюс] писал мне в пятницу, что намерен участвовать в состязаниях от Кембриджа и скоро будет в Лондоне. Напишите или приезжайте, если можете, — или сделайте и то и другое.

Всегда ваш

22

АВГУСТЕ ЛИ

Ньюстэдское аббатство, 30 августа 1811

Дорогая Августа,

Я писал тебе вчера, но после нашей долгой разлуки ты не прочь получить еще письмо, и вот я заполняю этот листок перед тем, как лечь в постель. Я кое-что слышал о ссоре между твоим супругом и принцем¹; не хочу выспрашивать семейные секреты и знать об этом больше, но, конечно, сожалею, что узы столь долгой дружбы разорваны как раз в то время, когда от близости с е[го] в[ысочеством] твоему мужу могла быть какая-то польза. Во всяком случае, при любых обстоятельствах ты имеешь во мне брата, а в моем доме тебе готов приют.

Эти слова продиктованы мне той частью твоего письма, где ты намекаешь на денежные потери. Я знаю, сколько деликатности надо проявлять в этих вопросах, но *сейчас* ты, вероятно, единственное на свете существо, которому дорого мое благополучие; ты единственная моя родственница, и я был бы очень благодарным, если бы не чувствовал этого. Ты должна простить мне некоторый цинизм; ведь ты знаешь, каким испытаниям подвергся мой *характер* в юности; кроткий дух такое воспитание неизбежно должно было сломить, а пылкую натуру сделать необузданной; что оно сделало со мной — говорить излишне.

Однако столкновения с внешним миром несколько образумили меня, а двухлетние странствия в отдаленных и варварских странах приучили терпеть лишения и, следовательно, смеяться над многим, что прежде меня сердило бы. Впрочем, я отклонился от темы — я хочу только заверить тебя в своей любви; не считай меня равнодушным, если я не проявляю своих чувств обычными способами.

Не смогла бы ты навестить меня до рождества? Или мне увезти тебя с собой из Кембриджа, если мне удастся приехать? Ты будешь делать, что тебе вздумается, и мы друг другу не помешаем; здесь так просторно, что двое людей могут жить вместе, никогда не встречаясь, не видя и не слыша друг друга — но это я сумею оценить в полной мере только когда женюсь. Словом, это отличное поместье для брачной жизни; *это-то* и заставляет

меня подумывать о женитьбе; мы с женой будем очень счастливы — каждый в своем крыле. Если это описание не соблазнит тебя приехать, я не знаю, чего тебе еще надо. Спокойной ночи, мне надо еще пройти полмили до своей спальни.

Всегда твой
Б а й р о н

23

ФРЭНСИСУ ХОДЖСОНУ

Ньюстэдское аббатство, 3 сентября 1811

Дорогой Ходжсон,

Не надо мне никакого вашего бессмертия¹, слишком много горя в этой жизни, чтобы предаваться нелепым размышлениям об иной. Если людям дана жизнь, зачем они умирают? А если умирают, к чему пробуждать их от крепкого и сладкого сна, «сна непробудимого»? «Post Mortem nihil est, ipsa que Mors nihil... quaeris quo jaceas post obitem loco? Quo non nata jacent»^{1*}.

Что касается религии откровения, то Христос явился спасти людей; но порядочный язычник попадет в рай, а дурной назарянин — в ад. «Аргал»² (я рассуждаю как могильщик), почему не все люди христиане? К чему вообще быть христианином? Если спасутся жители Тимбукту, Отайти, Terra Incognita^{2*} и пр., никогда не слышавшие и не помышлявшие о Галилее и ее пророке, то к чему христианство? А если вне христианства нет спасения, почему не все являются правоверными христианами? Разве справедливо посылать проповедника слова божия в Иудею, а остальное человечество — негров и прочих — оставлять во тьме, *темной* как их кожа, ни единым лучом света не указав им путь ввысь? И кто поверит, что бог ввергнет людей в ад за незнание того, чему их не учили? Надеюсь, что говорю искренне; по крайней мере, я думал так же, когда лежал больной в чужом краю, не имея рядом ни друга, ни утешителя. Я видел в смерти избавление от страданий и не желал загробной жизни, но верил, что бог, карающий нас на этом свете, оставил для усталых хотя бы этот последний приют.

«Ὁν ὁ θεὸς ἀγαπᾷ ἀποθνήσκει νεὸς»^{3*}.

Я не платоник, я вообще никто; но скорее готов быть павликианцем³, манихеем⁴, Спинозистом⁵, язычником, последователем Пиррона⁶ или Зороастра⁷, чем принадлежать к одной из семидесяти двух отвратитель-

^{1*} После смерти нет ничего, и сама смерть — ничто... ты спрашиваешь, где мы будем после кончины? Там же, где покоятся нерожденные (*лат.*).

^{2*} Неизвестная страна (*лат.*).

^{3*} Кого бог возлюбил, тот умирает молодым (*греч.*).

ных сект, раздирающих друг друга во имя божье и из взаимной ненависти. Что вы твердите мне о галилейской вере! Покажите мне результаты — докажите, что ваши догматы сделали вас лучше, мудрее, добрее. Я готов указать десяток мусульман, которые по части благоволения к людям, молитвы и исполнения долга перед ближними могут служить вам примером. Нет ни одного буддийского монаха или бонзы, который не стоял бы выше любого пастора, охотника на лисиц. Но оставим эту нескончаемую тему; я хочу прожить, по возможности, хорошо и умереть без мучений. Остальное в руках божьих; а он, если бы *явился* или *прислал* о себе весть, наверняка явился бы всем народам и так, чтобы его поняли все.

Буду рад вас видеть. Сейчас я собираюсь принять приглашение Скропа Дэвиса, а затем, если вы примете мое, мы с вами встретимся и *здесь* и *там*. Знали ли вы бедного Мэтьюса? В Кембридже мне очень будет его недоставать.

24

ДЖОНУ МЕРРЕЮ¹*Ньюстэдское аббатство, Ноттингемшир, 5 сентября 1811*

Сэр,

Как видно, прошло то время, когда (по словам д-ра Джонсона) человек мог надеяться «услышать правду от своего книгопродавца». Вы наговорили мне столько комплиментов, что я должен был бы оскорбиться, если бы не был завзятым сочинителем. Приняв ваши комплименты, я вынужден с таким же или ббльшим вниманием выслушать и ваши замечания, тем более, что они кажутся мне справедливыми. Боюсь, что по части политики и философии я ничего не смогу изменить; но могу сослаться в своих заблуждениях на высокие авторитеты, ибо даже «Энеида» была поэмой *политической*, написанной с *политической* целью; а что касается моих злополучных мнений по вопросам более важным, то я в них слишком искренен, чтобы отречься. Об испанских делах я говорю как очевидец и каждый день убеждаюсь, что составил себе на месте верное суждение; мне кажется, что честный Джон Буль² начинает возвращаться к тем трезвым взглядам, которые были поколеблены отступлением Массена³ — обычное следствие необычных успехов. Как видите, я не могу изменить своих мнений⁴, но если бы вы пожелали изменений в строении стиха, я готов сколько угодно нанизать рифм и сочинить строф. Что до *«правоверных»*, будем надеяться, что они станут покупать книгу — хотя бы затем, чтобы ругать ее — и вы простите им второе ради первого. Вам известно, что по многим причинам ни одно творение моего пера не может ждать пощады; нынешнее произведение совсем иного рода, чем предыдущие, и нам тем более нечего терпеть себя надеждами.

Вы не ответили на мой вопрос — скажите правду, показывали ли вы рукопись кому-либо из ваших коллег? М-ру Далласу я послал, для передачи вам, вводную строфу, иначе поэма не имеет начала. Строфы лучше пронумеровать римскими цифрами; в конце будет обзор новогреческой литературы и несколько мелких стихотворений. Они сейчас у меня в Нью-стэде, но будут присланы вовремя. Если м-р Даллас потерял мою строфу и приложенное к ней примечание, сообщите, и я сам ее пришлю. Вы просите меня добавить две строфы, но я собираюсь 15 числа этого месяца посетить свои угольные шахты в Ланкашире⁵, а это столь непоэтическое занятие, что тут больше нечего и объяснять.

Остаюсь ваш покорный слуга
Б а й р о н

25

Р. Ч. ДАЛЛАСУ

Сент-Джеймс Стрит 8, 31 октября 1811

Дорогой сэръ,

Я уже отнял у вас столько времени, что вам нечего просить извинений; их следует просить мне. Я внес изменения там, где вы этого желали. Приглажаю несколько строф¹ на тему, которая в последнее время сильно меня занимает. Они написаны на смерть человека вам *незнакомого*, а потому неинтересного. Я хочу, чтобы они завершали собой том. Это — то же лицо, которое упоминается во II Песне и в заключении поэмы.

Я ни в коем случае не намерен отождествлять себя с Гарольдом; я *отрицаю* всякое родство с ним. Если местами может показаться, будто я написал собственный портрет, поверьте, что это только местами, и я не хочу признавать даже этого. Что касается «монашки — Зитцы»² и т. д., то я решил, что это окружение подходит ему не хуже другого, и что лучше описывать виденное, чем выдумывать. Я ни за что на свете не хотел бы походить на своего героя.

Всегда ваш
Б.

26

ВИЛЬЯМУ ХАРНЕССУ¹

Сент-Джеймс Стрит 8, 6 декабря 1811

Дорогой Харнесс,

Пишу вам снова, но не думайте, что вы должны отвечать на каждое письмо — я не предъявляю таких требований к вашему перу и вашему терпению. Пишите, когда вам захочется; если писем от вас не будет, я

буду утешаться мыслью, что вы употребили свое время на нечто лучшее. Вчера мы с Блэндом ² были у м-ра Миллера ³, не застали его, и теперь он, сегодня или завтра, сам навестит Блэнда. Я буду стараться познакомить их. А вы, дитя мое, слишком суровы; когда вы станете немного постарше, вы научитесь никого не любить, но никого и не осуждать.

Что касается лица, о котором вы пишете, то вы должны руководствоваться собственным здравым смыслом. Я никогда не даю советов, ибо верю старой пословице. Нынешние холода очень неприятны. За три года я отвык от них, хотя мечтал о них среди жаркого лета на востоке, где холода не добудешь, если не подняться за ним на вершину Гимета.

Весьма благодарен вам за заключительную часть вашего письма. За последнее время я отвык встречать доброе отношение, и оно мне тем более приятно со стороны человека, который выказывал мне его и прежде. Я не переменялся за время моих странствий — я никогда не забывал Харроу и, конечно, вас.

Dulces reminiscitur Argos ^{1*}

сопровождали меня до того самого места, которое имеет в виду сокрушенный аргивянин ⁴. Наша дружба началась, когда мы еще не вели счет времени, и от вас зависит продолжать ее до того часа, когда и я, и она уйдут в *прошлое*.

Занимайтесь математикой. Мне кажется, что *x* *плюс* *y* не менее занимательны, чем «Проклятие Кехамы» ⁵ и гораздо понятнее. Поэмы мастера Саути в *самом деле* подобны параллельным линиям — они могут быть продолжены *ad infinitum* ^{2*} и нигде не встретятся ни с чем хотя бы наполовину таким нелепым, как они сами.

Что слышно, что слышно, Урака,
О пятерых писаках?
С —, В —, К —, оба Л — все тут!
Им место в аду, а они живут.

Кольридж читает лекции ⁶. «Много я видел старых дурней, — сказал Ганнибал об одном подобном лекторе ⁷, — но такого еще не случалось видеть».

Всегда ваш и т. д.

^{1*} Воспоминания о сладостном Аргосе (*лат.*). В е р г и л и й. Энеида, X, 781.

^{2*} До бесконечности (*лат.*).

ЛОРДУ ХОЛЛАНДУ¹

Сент-Джеймс Стрит 8, 25 февраля 1812

Милорд,

С величайшей благодарностью имею честь возратить вашей светлости письмо из Ноттингемшира. Я внимательно прочел его, но едва ли решусь им воспользоваться, так как несколько расхожусь во мнениях с м-ром Колдхэмом. Надеюсь, что не обижу его этим, но *его* возражения против билля, как мне кажется, основаны на опасениях, как бы его и его соратников не приняли по ошибке за «зачинателей» этого мероприятия (говоря его словами). Я считаю, что в отношении рабочих допущена большая несправедливость; что они принесены в жертву интересам некоторых лиц, обогатившихся на нововведениях, которые отняли у ткачей работу. Так, например, с введением некоего станка один человек может делать работу семерых — и, следовательно, шестеро теряют работу. Надо заметить, что качество изделий при этом снижается; у нас они почти не находят сбыта, и их наспех производят для вывоза. Я считаю, милорд, что можно приветствовать благодетельный для человечества прогресс промышленности, но нельзя допустить, чтобы человечество приносилось в жертву усовершенствованию машин. Обеспечить существование трудящихся бедняков — более важная для общества задача, чем обогащение нескольких монополистов с помощью усовершенствованных орудий, которые отнимают хлеб у рабочего и делают невыгодным его наем.

Я возражаю против билля из-за его явной несправедливости и совершенной бесполезности. Я видел, как живут эти несчастные и какой это позор для цивилизованной страны. Можно осуждать их поступки, но удивляться им не приходится. Новый закон доведет их до открытого восстания. В тех немногих словах, которые я позволю себе сказать в четверг, я выскажу именно это мнение, составленное на основании собственных наблюдений. Уже предварительное изучение вопроса убедило меня, что рабочим можно было бы вернуть работу, а округе — спокойствие. Еще и сейчас, быть может, есть время; и попытаться, несомненно, стоит. Применить силу в таких случаях никогда не поздно. Полагаю, что ваша светлость не вполне согласна со мной в этом вопросе; я охотно подчинюсь вашему более авторитетному суждению и готов выдвинуть против билля другие возражения или не выступать вовсе, если вы найдете это более желательным. Осуждая, как и все, поступки этих несчастных, я вижу, что у них есть на то причины, и что их следует скорее жалеть, чем карать. Имею честь быть, милорд, с большим к вам уважением

вашим покорным слугой.

Б а й р о н

Р. С. — Боюсь, что ваша светлость сочтет меня чересчур снисходительным к этим людям и примет меня самого чуть ли не за *разрушителя станков*.

28

КАРОЛИНЕ ЛЭМ¹

Суббота, вечер [1812]

Я никогда не считал тебя лукавой; а себялюбивы мы все, такими нас создала природа. Если ты иногда и пытаешься обмануть, то долго не выдержишь, и это хорошо: неудачи подавят в тебе эту склонность. Каждое твое слово, каждая написанная тобою строка свидетельствует либо об *искренности*, либо о *глупости*. Так как я знаю, что тебе нельзя приписать второе из этих качеств, приходится верить в первое.

Я еще не встречал женщины, одаренной большими или более приятными талантами *вообще*, как положено женщине — всего понемногу, и ничего в особенности. Но все это, к несчастью, сочетается с полным пренебрежением к обычным правилам поведения. Вот, например, *записка* твоему *пажу* — думаешь, я ее вручил? И разве ты хотела этого? Разумеется, я этого не сделал...

Твое сердце, бедная моя Каро (что за вулкан!), наполняет твои жилы горячей *лавой*; но мне не хотелось бы, чтобы оно остыло даже немного, иначе оно превратится в каменную глыбу, в затвердевшую после извержения лаву Везувия, из которой (чтобы разъяснить тебе мою глупую метафору) делают вазы, столы и т. д. Пора, однако, оставить неудачные тропы и фигуры; ты знаешь, что я всегда считал тебя самым умным, обаятельным, сумасбродным, милым, непонятым, опасным и неотразимым созданием из всех, кто живет сейчас на земле или должен бы жить 2000 лет назад. О красоте я говорить не стану; я не судья. Но рядом с тобой наши красавицы перестают казаться такими; значит, у тебя есть красота или нечто лучшее. Ну вот, Каро, эта чепуха будет первым и последним комплиментом (если его можно считать за таковой), который ты от меня услышишь. Ты часто упрекала меня в нерадивости по этой части; пусть вместо меня постараются другие.

Приходи к лорду Грею; не хочу тебе в этом мешать. Все, что ты так часто *говоришь*, я *чувствую*. Можно ли сказать или чувствовать больше? Осторожность, конечно, тягостна, но ее *надо* соблюдать, как же *можно* иначе спастись? Соблюдай же ее.

[Надпись на листке, в который обернуто письмо]

Если будешь писать, пиши, как обычно; а поступай как хочешь. Только, раз я тебя никогда не вижу... Баста!

29

КАРОЛИНЕ ЛЭМ

1 мая 1812

Дорогая леди Каролина,

Я внимательно прочел стихотворение мисс Милбэнк¹. В нем видно воображение и чувство, и ей надо лишь немного поупражняться, чтобы вскоре явилась и легкость в стихе. Хотя я не терплю белого стиха, строки о Дермоди² понравились мне настолько, что хотелось бы, чтобы они были рифмованы. Стихи, написанные в Сихэмской пещере³, заключают в себе мысль, для которой я не нахожу достаточно похвал; и здесь я во всяком случае искренен, потому что сам имею об этих предметах иное мнение. Первая строфа очень хороша, а остальные требуют лишь небольших исправлений, чтобы тоже стать отличными. Последние стихи очень гладки и милы. Но это — все, других у нее нет? Она несомненно необыкновенная девушка; кто мог бы заподозрить, что под ее спокойной внешностью таится такая сила и многообразие мыслей? Для мисс М[илбэнк] необязательно стать писательницей; я отнюдь не считаю появление в печати честью для женщины или мужчины и сам (хотя вы мне и не поверите) очень часто этого стыжусь; но скажу без колебаний, что с такими талантами, если бы понадобилось, она могла бы занять заметное место.

У меня только что побывал один приятель (писатель пятидесяти лет, но не *Роджерс*). Рукопись не подписана, поэтому я показал ее, и он расхвалил ее гораздо больше, чем я. Он нашел стихи прекрасными; я же ограничусь тем, что признаю их много лучше всех творений Блэкета⁴, протеже мисс М[илбэнк]. Из всего этого можете сообщить мисс М[илбэнк], что сочтете нужным. Я высказался с полной искренностью. У меня нет желания ближе познакомиться с мисс Милбэнк; она слишком хороша для падшего духа, и нравилась бы мне больше, если бы была менее совершенной.

Всегда ваш
Б.

30

КАРОЛИНЕ ЛЭМ

[Август, 1812?]

Милая Каролина!

Если мои слезы, которые ты видела и которые, ты знаешь, я проливаю так редко — мое смятение при расставании с тобой, которое, как ты видела на протяжении *всей* этой *мучительной* истории, началось лишь с приближением разлуки — если все, что я говорил и делал и сейчас еще слишком готов говорить и делать, недостаточно доказывают, каковы сейчас и каковы будут всегда мои истинные чувства к тебе, любовь моя.

то иных доказательств я дать не могу. Видит бог, я желаю твоего счастья; и когда я покину тебя, вернее, ты — меня, из чувства долга перед твоим мужем и матерью, ты убедишься в том, в чем я клянусь тебе вновь: что никто, пока я жив, ни на словах, ни на деле не займет в моем сердце места, навеки принадлежащего тебе. *До сих пор* я не знал, как *безумен* мой лучший, мой любимый друг; я не нахожу слов; сейчас не время для слов; но я найду прибежище в гордости и печальное удовлетворение в страданиях, которые даже ты едва ли можешь вообразить, ибо ты не знаешь меня. Сейчас я появлюсь в свете с тяжелым сердцем, потому что мое появление пресечет нелепые слухи, которые может породить сегодняшнее событие. Назовешь ли ты меня *теперь* *холодным*, *бездущным* и *неискренним*? Назовут ли меня так даже *другие*? И даже твоя *мать*, ради которой мы, и прежде всего я, приносим большие жертвы, чем она когда-либо узнает и сможет вообразить? «Обещать не любить тебя?» О, Каролина, давать такое обещание поздно. Но я знаю, что вынуждает все эти жертвы и всегда буду испытывать те чувства, которые ты видела и еще больше — то, что может быть известно одному моему сердцу, а быть может, и твоему. Да простит тебе бог, да сохранит он тебя и благословит. Навеки и долее чем навеки

Преданный тебе

Б а й р о н

P. S. — Если бы не насмешки, вынудившие тебя к этому, милая Каролина, если б не твоя мать и добрые родичи, что на земле или в небесах было бы для меня большим счастьем, чем назвать тебя моей, и уже давно? А *теперь*, еще более чем *тогда*, теперь *больше* чем когда-либо. Ты знаешь, что я с радостью отдал бы за тебя все земное и все, ожидающее нас за гробом; и если я отрекаюсь от этого, неужели мои мотивы будут истолкованы превратно? Мне безразлично, кто об этом может узнать и как может использовать — тебе, одной тебе они должны быть *понятны*; это — ты сама. Я был и есть всецело и по собственной воле твоей, готовый повиноваться, чтить, любить — и бежать с тобой, когда, куда и как — это могла бы решать ты.

Дорогая леди Мельбурн!

Вы должно быть слышали и охотно услышите *еще раз*, что они благополучно доставлены в Ирландию² и что *одна* из причин ваших мучений отделена от вас морем; второй мучитель все еще у вас под боком. Вы будете

AND THIS IS

THE DEVIL,

to bring up the rear,

By mischief disguised in the dress of a Peer.—

Pursue the old method, you'll find out the cheat,

And the Imp stand confessed, if you look at his feet.

Distortion of Nature's the taste of the age,—

Make a Story obscene,—'twill be read ev'ry page.

His verses so sweet and harmonious appear,

The mind is corrupted while tickling the ear.

КАРИКАТУРА НА ВЫСТУПЛЕНИЕ БАЙРОНА В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ

Рисунок из политического памфлета, 1819 г.

КАРОЛИНА ЛЭМ В КОСТЮМЕ ПАЖА
Миниатюра

рады узнать (если вы так искренни, как я иногда осмеливаюсь мечтать), что мне хочется со всем этим покончить и что с моей стороны возобновления не будет. Не то, чтобы я полюбил другую; любовь совсем не по моей части; но мне надоело валять дурака; оглядываясь на потерю времени и гибель всех моих прошлогодних планов из-за моего последнего романа, я чувствую то, что давно пора бы почувствовать. Привыкнув любить смолоду, любишь механически, так же как плаваешь. Некогда я очень любил оба эти занятия, а сейчас я совсем не плаваю, разве только когда падаю в воду; и любовью я не занимаюсь, только если меня почти принудят; хотя я боюсь, что это, пожалуй, не самый лучший способ выбраться из бурных волн, с которыми в таких случаях приходится бороться. Больше я ничего не скажу на эту тему, ибо не чувствую себя уверенно, и вам легко переспорить меня, как всегда бывало до сих пор.

Сегодня я получил письмо от лорда Холланда, который просит меня написать что-нибудь по случаю открытия театра ³; но так как в этом состязании видимо собирается участвовать весь Граб-Стрит ⁴, у меня нет охоты выходить на арену, и я бросил в огонь свои немногие замыслы. Я избегаю соперничества во всем; вы видите, что даже самые *недостойные*, как в данном случае, отпугивают меня, из каких-то смешанных чувств; я не уверен, что это *гордость*, но уж *вы*-то во всяком случае не назовете это *скромностью*. Полагаю, что среди авторов будет ваш друг Твисс. Говорят, что их будет пятьсот, и я желаю ему успеха. Я в самом деле думаю, что он сумел бы написать хорошо; но кто дорожит своей репутацией, тот едва ли рискнет ею в подобной анонимной свалке; он пощадит свои чувства.

Я написал лорду Холланду, чтобы поблагодарить за предложение и отклонить его.

У нас здесь выступает Бетти ⁵, и я боюсь, что очень плохо. Фигурой он напоминает гиппопотама; лицом похож на геральдического быка на дверцах кареты; руки как разжиревшие плавники; голос как у олдермена, когда тот полощет простуженную глотку; игра его, надо полагать, естественна, ибо не имеет ничего общего с *Искусством*, как мы до сих пор видели его на сцене.

Не окажете ли вы мне честь написать в свободное время несколько строк; пусть это будет на любую *безразличную* тему!

Любящий вас
Б.

32

ТОМАСУ МУРУ ¹

1 августа — т. е. сентября — 1813

Посылаю вам Каstellана ² и трехтомную историю турецкой литературы ³, в которую я еще не заглядывал. *Последнюю* прошу прочесть, вы-

писать что угодно и через неделю вернуть; ее одолжило мне самое блестящее из северных светил — Макинтош⁴ — в числе прочих любезностей, на которые его вдохновило горячее солнце Индии; потому что у себя дома шотландец не столь щедр.

Ваша пера⁵, дорогой М[ур], священна и неприкосновенна; я не дерзну коснуться края ее одежды. Ваше притворное нежелание встречаться со мной настолько лестно, что я скоро возьму о себе очень высокое мнение. Но вы смеетесь надо мной — «Будь я неладен, Том, ведь наглец-то — это ты!»⁶ — а если вы не смеетесь надо мной, тогда посмеяться следует над вами. В самом деле, чего вам бояться кого бы то ни было из живых поэтов? Слыша от вас такие речи, я, право, прихожу в дурное настроение.

Я много добавил к «Гяуру»⁷; но он все еще глупейшим образом распадается на фрагменты. Там 1200 строк, даже больше — сейчас он печатается. Вы позволите прислать вам экземпляр? Мне очень приятно слышать, что вам по сердцу и я, и даже мой характер; к несчастью, я в этом отношении пользуюсь очень плохой репутацией. Но говорят, что и дьявол бывает мил, когда доволен; и надо быть злее этого старого змея, чтобы шипеть или жалить в вашем обществе. Это может показаться невероятным кому угодно, но *вы-то* мне поверите, я знаю, если я скажу, что желаю вам успеха, как только может его желать один человек другому — желаю так, словно сам никогда не написал ни строчки. Поле славы, право же, достаточно обширно для всех. А если бы это было и не так, я не стал бы по своей воле отнимать у ближнего ни одной пяди. Вы уже владеете там отличными землями, не менее тысячи акров, а когда вы округлите ваше имение, ваши доходы удвоятся (вот вам метафора, достойная Темплиера⁸, а именно: развязная и вульгарная); моя же пустошь слишком далека оттуда, чтобы вам мешать, и не может принести подобных урожаев. Посылаю вам (и прошу вернуть с обратной почтой, как пишут типографщики) любопытное письмо от одного моего приятеля, которое объяснит вам историю написания «Гяура». Пишите скорее.

Всегда ваш, дорогой Мур, и т. д.

P. S. — Письмо было написано мне по поводу *другого рассказа*, распространявшегося некоторыми нашими знакомыми дамами, — и чересчур уж близко к тексту. В нем стерт только несколько турецких имен и косвенные улики против девушки, мало существенные и мало приличные.

[Текст письма, приложенного Байроном]:

Олбэни, понедельник 31 августа 1813

Дорогой Байрон, вы просите рассказать вам все, что я слышал в Афинах о девушке, которую едва не прикончили во время вашего пребывания

там; причем просите припомнить все обстоятельства, сколько-нибудь связанные с этой историей. Выполняя ваше желание, сообщаю вам все, что слышал, и полагаю, что это не очень далеко от истины, так как событие произошло всего за день или два до моего приезда в Афины и было тогда общей темой разговоров.

Новый губернатор, не привыкший, как его предшественник, общаться с христианами, разумеется, имел о женщинах варварские турецкие понятия. Вот почему, согласно букве мусульманского закона, он приказал зашить эту девушку в мешок и бросить в море — как часто делается в Константинополе. Возвращаясь с купания в Пирее, вы повстречали процессию, которая должна была выполнить губернаторский приговор над несчастной. Говорят, что вы, узнав, куда они направляются и кто их жертва, тотчас вмешались, а когда вас не послушались, пригрозили начальнику стражи применить силу; так как он продолжал колебаться, вы вынули пистолет и приказали ему немедленно повинаться и вернуться вместе с вами в дом агі, иначе вы застрелите его на месте. Тогда он пошел с вами к губернатору, и здесь вам удалось, отчасти угрозами, отчасти уговорами и подкупом добиться помилования преступницы при условии, чтобы она покинула Афины. Говорят, что вы отвезли ее в монастырь, а оттуда ночью переправили в Фивы, где она нашла надежное убежище. Такова эта история, насколько я могу припомнить ее сейчас. Если у вас окажутся еще вопросы, я охотно на них отвечу.

Остаюсь, мой дорогой Байрон,
искренне ваш
С л и г о ⁹

ДНЕВНИК

(14 ноября 1813 — 9 апреля 1814)

*

Что бы мне начать этот дневник десять лет назад и вести все время!!! Охо-хо! У меня и так накопилось слишком много воспоминаний, которых лучше было бы не иметь. Что ж, я получил свою долю того, что именуется радостями жизни, и повидал много европейских и азиатских стран, только не очень много сумел извлечь из этого пользы. Говорят «добродетель сама себе награда», — и действительно, ее следовало бы щедро награждать за хлопоты. В двадцать пять лет, когда лучшие годы позади, надо уже быть *чем-то* — а что на моем счету? Двадцать пять лет с месяцами — и только. Что я видел? Людей, повсюду одинаковых, — и женщин — тоже одинаковых. *По мне* так уж лучше мусульманин — он не задает вопросов; и женщина той же веры — ее и спрашивать не о чем.

Если бы не проклятая желтая лихорадка и не проволоочки с Ньюстедом ¹, я сейчас снова был бы на берегах Понта Евксинского. Лишь бы справиться со вторым, а тогда мне не страшна и лихорадка. Во всяком случае весна застанет меня там — если только я за это время не вступлю в брак или не разрушу чужого брака. Я хотел бы — не знаю, чего я хотел бы. Странно, но я никогда еще не желал ничего всерьез, чтобы не получить желаемое — и не раскаяться. Я начинаю думать, как добрые старые волхвы, что молиться следует только за народ, а не за отдельных людей, но в моем случае это было бы непатриотично.

Хватит размышлять. Постойте — вчера вечером я закончил «Зюлейку» ², мою вторую турецкую повесть. Работа над ней была для меня спасением. Я взялся за нее, чтобы отвлечься от воспоминаний о ³.

О, имя милое! Останься в тайне ³.

Во всяком случае, даже сейчас рука моя задрожала бы, и я не смог бы его написать. Сегодня я сжег сцены начатой комедии. Думаю произвести на свет роман, вернее, повесть в прозе; но какой роман может сравниться с событиями —

quaeque ipse... vidi,
Et quorum pars magna fui ^{1*}.

1*

...что сам я ужасное видел.
В чем сам участвовал много (лат.).

В е р г и л и й. Энеида, II, 5—6.

Нынче меня навестил Генри Байрон ⁴ с моей маленькой кузиной Элизой. Из нее вырастет красавица и мучительница. Но сейчас какой это прелестный ребенок! Темные глаза и длинные ресницы, черные как вороново крыло. Она кажется мне красивее, чем даже моя племянница Джорджиана ⁵ — только мне не хочется это признавать; зато не так умна, как та, хотя и старше.

Приходил Даллас, но я был еще в постели, так что мы не увиделись. Приходил и Льюис ⁶ — недовольный всем на свете. С чего бы это? Он ведь не женат — быть может от него ушла любовница или чужая жена? Приходил Ходжсон. Этот собирается жениться, и он как раз из тех, кто может найти в браке счастье. У него есть талант, жизнерадостность и все, что делает человека приятным спутником, а его нареченная молода, красива и тому подобное. Но я еще не видел, чтобы брак шел кому-нибудь на пользу. Все мои женатые сверстники облысели и помрачнели. Вюрдсворт и Саути потеряли и волосы и бодрость духа, а надо сказать, что второму было что терять. Впрочем, для женатого человека не столь страшно *терять* украшения на лбу.

Мет. Не забыть купить завтра игрушку Элизе и послать рисунок для печатей — моей и **. Еще *мет.*: сделать завтра визит Сталь ⁷ и леди Холланд, а также **, который посоветовал мне (кстати сказать, не читая) не печатать «Зюлейку». Думаю, что он прав, но ему следовало бы знать по опыту, что не печатать *физически* невозможно. Никто не читал ее, кроме Ходжсона и м-ра Гиффорда ⁸. Сам я не *читаю* своих произведений никому, кроме Ходжсона, ибо он платит мне той же монетой. Делать это слишком часто — ужасно; лучше уж печатать; тогда кто хочет, тот и прочтет, а если им не понравится, вы можете утешаться мыслью, что они *заплатили* за право вас обругать.

Я отказался представить петицию должников ⁹ — надоела парламентская комедия. Я выступал там трижды ¹⁰, но не думаю, что из меня получится оратор. Первая моя речь понравилась, какой успех имели вторая и третья — не знаю. За это дело я еще не брался *сop amoге* ^{1*}; надо же чем-то оправдать свою лень или неспособность, или то и другое вместе. «Компания, дурная компания — вот что меня сгубило» ¹¹. Кроме того меня «поили приворотным зельем» ¹², но я никого не полюбил, а себя возненавидел.

Два дня назад смотрел, как ужинают тигры на Эксетер Чейндж ¹³. Больше всего мне понравилась привязанность гиены к сторожу — но еще лучше был лев Вели Паши в Морее — тот ходил за сторожем-арабом как собака. Что за сборище! Был там гиппопотам, схожий с лордом Ливерпулем ¹⁴; медведь лицом и повадками походил на моего слугу, а вот тигр

^{1*} С любовью (*итал.*).

чересчур много болтал. Слон взял у меня деньги и вернул их — снял с меня шляпу — открыл дверь — *держал в хоботе* хлыст, словом, вел себя так хорошо, что мне захотелось нанять его в дворецкие.

Одна из пантер — красивейшее животное, а бедные антилопы околели. Мне было бы неприятно увидеть их *здесь*. Верблюд заставил меня с тоской вспомнить Малую Азию.

Oh quando te aspiciam? ^{1*}

16 ноября

Смотрел вчера с Льюисом премьеру «Антония и Клеопатры». Отличная постановка и хорошая игра — винегрет из Шекспира и Драйдена ¹. Клеопатра представляется мне воплощением своего пола — любящая, горячая, грустная, нежная, дразнящая, смиренная, гордая, прекрасная, этаким дьявол! — и кокетливая до конца, не только с Антонием, но даже с «аспидом». Сделав все возможное, чтобы убедить его, что... — но почему ему ставят в вину казнь этого труса Цицерона? Разве Туллий ² не сказал Бруту, что тот напрасно пощадил Антония? И разве он не произнес филиппик? «Ведь слова — дела» ³, а подобные «слова» — дела весьма гнусные. Будь у него сто голов, каждая из них заслуживала бы по рооструму от Антония (его собственная была там выставлена) — впрочем, Антоний мог бы и простить его, от этого ему было бы больше чести. Но вернусь к Клеопатре — прочно привязав его к себе, она говорит: «однако честь вовет тебя отсюда» ⁴, и т. д. Как это по-женски! А ее вопросы об Октавии — в них сказалась вся женщина.

Получил сегодня приглашение от лорда Джерси ⁵ приехать в Миддлтон — то есть проехать шестьдесят миль ради встречи с м-м де Сталь! Я однажды проехал целых три тысячи, чтобы побыть среди молчаливых людей; но эта дама печатает тома in quarto, а наговорить может целый фолиант. Я читал ее книги, они мне большей частью нравятся, а последняя даже восхищает ⁶; так зачем же мне еще и выслушивать их?

Читал сегодня Бернса. Любопытно, чем он был бы, если бы родился знатным? Стихи его были бы глаже, но слабее — стихов было бы столько же, а бессмертия не было бы — в жизни у него был бы развод и пара дуэлей, и если бы он после них уцелел, то мог бы — потому что пил бы менее крепкие напитки — прожить столько же, сколько Шеридан, и пережить самого себя, как бедняга Бринсли. От него остались одни обломки! А все из-за того, что плохо слушался руля; потому что ветер ему дул попутный, как никому, хотя порой несколько порывистый. Бедный, милый Шерри! ⁷ Никогда не забуду дня, проведенного с ним, Роджерсом ⁸ и Муром, когда он говорил, а мы слушали и ни разу не зевнули с шести вечера до часу ночи.

^{1*} Когда же тебя я увижу? (лат.). Г о р а ц и й. Сатиры, II, 6.

Печати готовы... Опять забыл игрушку для *petite cousine* ^{1*} Элизы; надо будет послать за ней завтра. Надеюсь, что Гарри приведет ее ко мне. Послал лорду Холланду корректуру нового издания «Гяура» и «Абидосской невесты». Последняя ему не понравится, да и мне, вероятно, скоро перестанет нравиться. Она была написана за четыре вечера, чтобы отвлечься от мыслей о **. Если бы не это, она никогда не была бы написана; а если бы я тогда не нашел себе занятия, я сошел бы с ума и изгрыз собственное сердце, а это — горькая пища. Ходжсону поэма нравится больше, чем «Гяур», но никому больше — а ему этот «фрагмент» никогда не нравился. Я уверен, что если бы не Меррей, *эта* поэма тоже не была бы напечатана, хотя события, положенные в ее основу, делают ее... Ох-хо-хо!

Сегодня вечером видел обеих сестер **. Боже! Как похожа на нее младшая! Мне хотелось кинуться к ней через весь театр; хорошо, что я был один в ложе леди Х [олланд]. Не терплю подобное сходство; вместо соловья — пересмешник; настолько похоже, что напоминает, и, вместе с тем, настолько отлично, что становится больно. Не хочешь видеть ни сходных черт, ни различий.

17 ноября

От ** нет писем, но я не должен сетовать. Почтенный Иов говорит: «Зачем сетует человек живущий?» ¹ Не знаю, право; должно быть, потому, что *мертвый* этого уже не может. А ведь сам-то вышеуказанный патриарх *роптал*, пока не надоел своим друзьям, а жена не подала благочестивый совет: «Похули бога, и умри». Вот, вероятно, единственный случай, когда человек, выругавшись, не получает облегчения. От лорда Холланда пришло весьма любезное письмо насчет «Абидосской невесты». Она понравилась ему, а также и леди Х [олланд]. Очень мило со стороны их обоих — чего я от них не заслуживаю. Было время, когда я думал, что вся враждебность ко мне имеет источником Холланд-Хауз, и я рад, что ошибся, и жалею, что так поспешил со злополучной сатирой ², о которой я хотел бы уничтожить самую память; но сейчас, когда ее не достать, люди носятся с ней, мне кажется, просто из духа противоречия.

Джордж Эллис ³ и Меррей говорили о Скотте и обо мне — причем Джордж выступал *pro* *Scoto* ^{2*} и правильно делал. Если его хотят свергнуть, пусть не выставляют меня в качестве его преемника. Даже если бы я мог выбирать, я предпочел бы быть графом Уорником ⁴, а не *королями*, которых он возводил на трон! Джеффри ⁵ и Гиффорд — вот кто, по моему, возводит на трон королей поэзии и прозы. «Британский критик», в рецензии на «Рокби» ⁶, употребил сравнения, которые наверняка никогда не приходили в голову моим друзьям и невыгодны почитателям Скотта. Ов

^{1*} Маленькой кузины (*фр.*).

^{2*} За Скотта (*лат.*).

мне нравится как человек, а произведения его вызывают во мне «энтузиазмузи», по выражению м-ра Брэма ⁷. Такие сравнения могут лишь раздражить его, а мне не пойдут на пользу. Многим не нравятся его политические убеждения (мне вообще не нравится политика); а для англичан политика — то же, что для грека *душа* — *εἶδωλον*, помимо другой души, бог ее знает, какой; и обе эти вещи у них принято расценивать заодно.

Гарри так и не привел *ma petite cousine* ^{1*}. Мне хочется побывать с нею в театре — она была там всего один раз. Получил еще одну короткую записку от Джерси; он приглашает Роджерса и меня на 23-е. Надо повидаваться сегодня с моим поверенным. Когда же кончится все это дело с Ньюстэдом? Расстаться с ним мне было невыразимо тяжело! Но не все ли равно, что я делаю? И что со мной станется? Однако вспомним Иова и утешимся сознанием того, что я «человек живущий».

Мне хотелось бы снова заняться чтением — жизнь моя течет однообразно, но вместе с тем беспорядочно. Берусь за книги и тотчас бросаю их. Начал писать комедию и сжег ее, потому что сцены ее превратились в реальность. Сжег и роман — по той же причине. В стихах мне удается держаться дальше от фактов, но мысль углубляется в них... да, да, все глубже и глубже. Получил письмо от леди Мельбури — лучшего друга, какого я имел в жизни, и умнейшей из женщин.

Ни слова от ** [леди Ф. У. Уэбстер] ⁸. Не уехали ли они из **? Или, быть может, мое последнее послание попало в пасть льва? Если так, — а ее молчание становится подозрительным, — придется мне надвинуть свой «ржавый шлем» и «держат меч наготове» ⁹. Я давно не упражнялся, — но сейчас не намерен снова ходить к Мэнтону ¹⁰. К тому же, я не стал бы отвечать на выстрел моего противника. Когда-то я попадал в облатку; но это искусство был необходимо для защиты от светских задир. Когда я почувствовал, что защищаю несправое дело, я перестал упражняться.

Что за странные вести об этом анакиме ¹¹ анархии — Буонапарте! С тех пор как в Харроу, в 1803 году, когда началась война, я защищал его бюст от подлецов, державших нос по ветру, он был для меня *héros de Roman* ^{2*}. Правда, только на континенте; здесь я его не желаю. Но мне не нравятся все эти побеги, отъезд из армии ¹² и пр. Когда я сражался в школе из-за его бюста, я конечно не предполагал, что он убежит от самого себя. Не удивлюсь, однако, если он еще всех их расколотит. Давать себя разбить настоящим воинам — это еще куда ни шло; но дать себя разбить трем чистопородным олухам из старых законных династий... *O-hope-a-rie!* ^{3*}. Как говорил Коббет ¹³, это, должно быть, результат его брака с толсто-

^{1*} Мою маленькую кузину (*фр.*).

^{2*} Героем романа (*фр.*).

^{3*} По-видимому, «Да будет счастливо королевство!» (*жельтск.*).

губой и толстолобой *Австриячкой*. Лучше бы ему держаться той, которую содержал Баррас¹⁴. Все эти молодые жены и законные браки хороши только для «благонравного юноши», у которого — «легкие напитки и страсти к рыбным блюдам охлаждают кровь»¹⁵. Разве к его услугам не было всей оперной труппы? Всего Парижа? Всей Франции? Впрочем, с любовницей хлопот не меньше, я хочу сказать, с одной; с двумя-тремя можно ладить, применяя принцип разделения.

Начал сочинять песню и бросил ее в огонь. Она была посвящена Мэри Дафф¹⁶, к которой я пылал страстью в том возрасте, когда большинство людей еще не загорается. Что со мною творится — не понимаю. Ничего не могу делать — к счастью, и делать мне нечего. Недавно я имел возможность обеспечить двух людей (и их близких) *pro tempore*^{1*} и осчастливить одного *ex tempore*^{2*}. Последнее меня особенно радует, потому что он отличный человек. Я хотел бы, чтобы в этом было больше неудобства и меньше эгоистического удовольствия — тогда и заслуга была бы больше. Все мы себялюбцы. О боги Эпикура!¹⁷ Я верю Ларошфуку¹⁸ в его суждениях о людях и Лукрецию (но только не в переводе Басби¹⁹) в суждении о вас самих. Ваш певец изобразил вас весьма *nonchalants*^{3*} и блаженными, но раз он избавляет нас от вечной гибели, я не *столь* уж завидую вашему блаженству — разве так, слегка. Помнится, в прошлом году ** [леди Оксфорд] сказала мне в ** [Эйвуде]: «Не правда ли, мы прожили этот месяц как боги Лукреция?» Так оно и было. Она — знаток оригинала (который нравится и мне), и когда этот болван Бас[би] прислал проспект своего перевода, она на него подписалась. Но чёрт дернул его приложить обравец, и она позднее написала ему, что «по прочтении его почувствовала, что совесть не позволяет ей оставить свое имя в числе подписчиков». Вчера вечером у лорда Х[олланда] — там были Макинтош, Оссульстоны, Пюисегюр и др. — я пытался вспомнить цитату из какого-то, как мне кажется, тевтонского софиста об архитектуре, приводимую м-м де Сталь. «Архитектура, — говорит этот Макаронио Тедеско^{4*}, — напоминает мне застывшую музыку»²⁰. Где-то это должно быть, но где? — про то знает демон недоумения, да только он не скажет. Я спросил М[акинитоша?], но он полагает, что это не у Сталь. А Пюисегюр сказал, что наверняка должно быть у нее; уж очень на нее похоже. Х[олланд] посмеялся, как он всегда смеется над книгой «О Германии», но мне кажется, что он заходит чересчур далеко. Я слышал, что Б. ** также не одобряет этого сочинения, но там есть отличные места. И, в сущности, разве книга — любая книга —

^{1*} Заблаговременно (*лат.*).

^{2*} Экспромтом (*лат.*).

^{3*} Ленивыми (*фр.*).

^{4*} Смешной немец (*итал.*).

не пустыня, где за целый дневной переход попадаются один-два оазиса и источника? Правда, в книгах Мадам [Сталь] источник часто оказывается миражем (на языке критики — *verbiage*'em ^{1*}), но все же мы добираемся, наконец, до некого подобия храма Зевса Аммона, и тогда пройденная пустыня становится даже приятным воспоминанием, оттеняющим контраст.

Зашел к С** объясниться... Она — красавица, по крайней мере, на мой вкус: помню, что, вернувшись из-за границы, не мог смотреть ни на кого, кроме нее — все женщины казались такими бесцветными, незначительными и *blondes* ^{2*}. Смуглость и правильность ее черт напоминала мне мою «Джаннат аль Адэн» ²¹. Но это впечатление изгладилось, и теперь я способен смотреть на блондинок, не тоскуя о гуриях. Она проявила большое добродушие, и все объяснилось.

Сегодня получены важные новости: «голландцы взяли Голландию» ²², а засим, надо полагать, вскоре последует и взрыв Темзы.

Пять провинций высказались за молодого *Stadt* ^{3*}, и теперь надо ожидать там наводнения, сожжения, разорения, провокаций и оккупаций, и множество наций будут сражаться, по колено увязая в проклятых болотах этих буров, среди блуждающих огней. Говорят, что среди них находится Бернадот ²³, а так как скоро туда прибудет и принц Оранский ²⁴, там окажется сразу и Принц Аист и Король Чурбан! Ставлю два против одного за новую династию!

М-р Меррей предложил мне тысячу гиней за «Гяура» и «Абидосскую невесту». Я не согласен — слишком много: но соблазн велик, — да и звучит отлично. Недурная плата за две недели (по неделе на каждую) — чего? бог ведает — предполагалось, что получится поэзия.

Впервые с прошлого воскресенья пообедал по-настоящему, т. е. впервые за неделю. Все время питался чаем и сухарями — по шести *per diem* ^{4*}. Но лучше бы я и сегодня не обедал! тяжесть, отупение и ужасные сны — а всего одна пинта вина Буцеллас и рыба. Мяса я не беру в рот — овощей тоже ем немного. Хорошо бы в деревню, и побольше двигаться, вместо того, чтобы укрощать себя воздержанием. Я не так уж боюсь нагулять немного мяса — мои кости отлично это выдержат. Беда в том, что вместе с ним является бес — которого приходится изгонять голодом — а я не хочу быть рабом какого бы то ни было аппетита. Если уж заблуждаться, пусть это будет по велению сердца. Ох, как болит голова! Тяжки муки пищеварения! Хотел бы я знать, легко ли переваривает свой обед Бонапарте.

^{1*} Болтовней (*фр.*).

^{2*} Белобрысыми (*фр.*).

^{3*} Сокр. от «штадтгальтер» (правитель) (*голл.*).

^{4*} В день (*лат.*).

Мет.: Надо завтра написать «мистеру Шеллоу, который должен мне тысячу фунтов»²⁵ и боится, как видно из его письма, что я их с него потребую, — точно я на это способен! Во-первых, они мне не нужны (по крайней мере, сейчас), а, во-вторых, хотя я часто нуждался в такой сумме, я еще никогда не требовал даже десяти фунтов долга — с друга. Срок его обязательства истекает лишь в будущем году, и я сказал ему, что не предъявлю его к уплате даже когда срок придет. Сколько же раз он заставит меня повторять одно и то же?

Впрочем, ошибаюсь — однажды я потребовал долг с **. Но то было при обстоятельствах, которые делали это извинительным по отношению к *нему*, да и любому другому. Я не взял процентов и не требовал залога. Он скоро расплатился со мной — вернее, его *père*^{1*}. Ох, голова! Должно быть, она мне дана нарочно, чтобы болеть. Спокойной ночи.

22 ноября 1813

Orange Boven!^{2*}. Итак, пчелы выгнали медведя, разломавшего их улей. Что ж, если будут новые де Витты¹ и де Рейтеры², дай бог счастья маленькой республике! Мне хотелось бы побывать в Гааге и деревне Брок, где царят такие патриархальные нравы. Хотя, пожалуй, их каналы покажутся жалкими после Босфора, а Зюдерзее не выдержит сравнения с Ак-Денизом. Но все же стоит взглянуть на бравых бюргеров, попыхвающих свободой из своих коротеньких трубок. Я, впрочем, предпочитаю сигару или кальян, где к нежному левантскому табаку примешаны лепестки роз. Я не знаю, что такое свобода, ибо никогда ее не видал, — а богатство имеет силу во всем мире; на востоке на шиллинг можно сделать столько же, сколько у нас на фунт (солнце, небо и вся красота там и вовсе задаром); *voit* где надо жить. Как я завидую Ироду Аттическому!³ Больше чем Помпонию⁴. И все же некоторые *треволнения* приятно возбуждают, — как, например, революция, битва или любая рискованная *aventure*^{3*}. Я, пожалуй, больше хотел бы быть на месте Бонневала⁵, Рипперды⁶, Альберони⁷, Хайреддина или Хорука Барбароссы⁸, или даже Уортли Монтэгу⁹, чем самого Магомета.

Роджерс скоро придет в город. Решено, что 23-го мы едем в Миддлтон. Ехать или нет? Гм! На этом острове, где нельзя прогуляться верхом, чтобы не упереться в море, не все ли равно куда ехать?

Помню, какое действие произвела на меня *первая* рецензия в «Эдинбургском обозрении»¹⁰. Я знал о ней за шесть недель, прочел в день появле-

1* Отец (*фр.*).

2* Оранжей победил (*голл.*).

3* Приключение (*фр.*).

ния, пообедал и выпил три бутылки кларета (кажется с С. Б. Дэвисом), но потерял ни сна, ни аппетита, но все же не успокоился, пока не излил, на тех же страницах своих рифм и своего гнева против всех и вся. Как у Джорджа в «Векфильдском священнике»¹¹, «судьба моих парадоксов» мешала мне видеть достоинства чужих. Я помнил лишь правило моего тренера по боксу, которое в дни моей юности оказывалось полезным во всех драках: «Кто не за тебя, тот против — так бей же направо и налево». Так я и поступал; как у Исмаила «рука моя была на всех, а руки всех на меня»¹². Разумеется, я дивился своему успеху:

«Ужель я сам так ловко сочинил?» —

как насмешливо говорит о ком-то Хобхауз¹³ (возможно, что обо мне — ведь мы с ним старые друзья) — но если бы это пришлось делать заново, я не стал бы. Стих пор я разобрался в причинах, породивших мои строфы, и считаю, что они несоразмерны со следствиями. ** говорит, что, по общему мнению, я в одной из строк намекал на нервную болезнь бедного лорда Карлайля¹⁴. Слава богу, что я о ней не знал — и не мог бы писать, если бы знал. Мне-то уж менее всего пристало намекать на физические недостатки или недуги.

Роджерс молчалив и, говорят, суров. Когда он принимается говорить, то говорит хорошо: и на всем виден отпечаток той утонченности, которую он обнаруживает в своих стихах. Войдя к нему в дом — в гостиную — в библиотеку — вы непременно скажете, что здесь живет человек незаурядный. Каждая гемма, каждая монета, каждая книга, небрежно оставленная у него на камине, на диване, на столе, говорит об изощренном вкусе их владельца. Но самая эта утонченность должна быть для него источником страданий. Сколько раз в жизни его вероятно коробило!

Саути я вижу редко. Внешность у него *эпическая*. Это единственный нынешний профессиональный писатель. Все другие соединяют с писательством еще какое-нибудь занятие. У него приятные, но не светские манеры, и первоклассный талант. Проза его безупречна. О его поэзии существуют различные мнения; для нынешнего поколения ее, быть может, чересчур много; потомство вероятно произведет отбор. *Отдельные места* могут поспорить с чем угодно. Сейчас у него есть *почитатели*, но нет *читателей* — за исключением прозы. «Жизнь Нельсона»¹⁵ написана великолепно.

Сотби¹⁶ — настоящий *littérateur*^{1*}, оракул для литературных кружков, для **, для Лидии Уайт¹⁷ («Торийской богоматери» Сидни Смита¹⁸), миссис Уилмот¹⁹ (эта, во всяком случае, несомненный лебедь и могла бы выбрать более чистый водоем), леди Бомонт²⁰ и всех Синих чулков во главе с леди Шарлемон²¹; но о ней я ничего не скажу — «взгляни в лицо

^{1*} Литератор (*фр.*).

ее, и все забудешь»²² и все такое прочее. Что за лицо! Клянусь тобою, *Diva potens Sypri*^{1*}, ради любви этой женщины я готов воздвигнуть в сечь новую Троя.

Талант, вернее, таланты Мура отличаются своеобразием; и стихи, и музыка, и голос — все у него свое, и все отличается выразительностью, которая не дана больше никому. Но в поэзии он способен взлететь еще выше. Кстати, сколько юмора, сколько всего в его «Почтовой сумке!»²³. Нет ничего, что Мур не мог бы свершить, если возьмется всерьез. В обществе он благовоспитан, кроток и более приятен, чем любой из моих знакомых. Что касается чести, принципов, независимости, то за них «трубным гласом» говорит его поведение относительно **. У него только один недостаток — о котором я ежедневно сожалею — он не *здесь*.

23 ноября

Уорд¹ — что ж, Уорд мне нравится. Клянусь Магометом! Я начинаю думать, что мне все нравится. Эту склонность не следовало бы поощрять; какая-то общественная всеядность, поглощающая все, что ни попадает на стол. Но Уорд мне действительно нравится. Он *пикантен* и, по-моему, очень многого достигнет в парламенте, да и где угодно, если будет *стараться*. Кстати, я с ним завтра обедаю, а это может несколько повлиять на мое мнение. Не следует слишком доверять *послеобеденной* признательности. Я много раз слышал, как подлецы-гости поносили хозяина, когда от них еще пахло его бургундским.

Взял на этот сезон ложу лорда Солсбери в Ковент-Гардене; а сейчас надо собираться в Дрюри-Лейн, в ложу леди Холланд, *questa sera*^{2*}.

Холланд не думает, что автор — *Юниус*; но неизданный дневник освещает немало темных мест этого периода царствования Георга Второго. Что он по сравнению с временами Георга Третьего? Я не знаю, что думать. Разве Юниусу уже время умирать? Если он скоропостижно скончался от удара, как мог он успокоиться в могиле, пока не послал свой *εἰδωλον*^{3*} прокричать потомству: «Юниус — это Х. У. З., эсквайр, похороненный в приходе **. Могильщики, приведите в порядок его памятник! Издатели, выпустите новое издание его писем!»² Не может быть — он жив, он не может умереть, не открыв своей тайны. Он мне нравится — он отлично умел ненавидеть.

Пришел домой больной и лег — но заснул не так скоро, как мне хотелось.

1* Божественная владычица Кипра (*лат.*).

2* Сегодня вечером (*итал.*).

3* Образ (*греч.*).

Вторник [23 ноября], утро

Пробудился от кошмара — что ж, у кого их не бывает? Ужасный сон! Но она меня не настигла. Пусть бы мертвые спали спокойно. Ух! Вся кровь во мне леденела — а проснуться не мог — и — и — да ну его!

...тени нынче ночью
Сильнее ужас Ричарду внушали,
Чем десять тысяч ** живых,
Которых жалкий ** поведет ³.

Не нравится мне этот сон — ненавижу его «предрененное заключение». Неужели тени могут смущать меня? Да, когда они напоминают о... — неважно о чем — но если мне снова будут сниться такие сны, придется прибегнуть к сну *без сновидений*. С утра я испытывал также и физическое недомогание, но сейчас оно прошло, и я, как лорд Огльби ⁴, на сегодня смазан и заведен.

Записка от Маунтморриса ⁵ — обедаю с Уордом — там будут Каннинг ⁶, Фрир ⁷ и Шарп ⁸, а может быть и Гиффорд. Я буду в числе этой пятерки (вернее шестерки), как сказала вчера с легкой насмешкой леди**. Все они приятные собеседники, в особенности Каннинг и — Уорд, когда захочет. Только бы чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы слушать их умные речи.

Писем сегодня нет — тем лучше, — не придется отвечать. Не надо больше снов — от них и наяву скверно. Пойду прогуляться, попробую, не поможет ли мне туман. Приходил Джексон ⁹: в мире бокса ничего нового — а клуб растет. Завтра обедаю у Крибба ¹⁰. Меня привлекает энергия — любая, даже животная, а мне не хватает обеих, и умственной и физической. В последнее время не обедаю в гостях, да и вообще не обедаю; не слышу музыки, никого не вижу. Пора *окунуться* в жизнь — и в высшие, и в низшие ее сферы. *Amant alterna Camoenoe* ^{1*}.

Сжег свой Роман ^{2*} — как и первые сцены и наброски моей комедии — насколько я вижу, сжигать так же приятно, как печатать. Эти два произведения для печати не годятся. Больше, чем где-либо, я здесь впал в *реальность*; многих могли бы узнать, а о других догадаться.

Прочел «Созерцатель» — сборник эссеес чудаковатого, но способного старика (сэра Эджертона Бриджеса ¹¹) и взбалмошного юноши, автора поэмы о горной Шотландии под названием «Чайльд Аларик» ¹². В этих эссеях тысячу раз повторяется слово «чувствительность» (издавна мне ненавистное); им, как видно, оправдывается всяческое недовольство. Этот юноша ничего не может знагь о жизни, и если он будет развивать

^{1*} Камены любят поочередное пение (*лат.*). Вергилий. Буколики. III, 59.

^{2*} Роман (*фр.*).

в себе склонности, которые заметны в его эссеях, из него не будет проку; он не станет даже поэтом, к чему он, как видно, стремится. Да поможет ему бог! Если человек способен на лучшее, ему не следует делаться рифмачом. Вот потому-то и досадно видеть Скотта, Мура, Кэмпбелла и Роджерса, которые могли бы быть людьми дела и вождями, а стали всего лишь созерцателями. Пусть у них и есть другие занятия; они отошли на второй план. ** тоже попусту тратит время в обществе старых дам и незамужних девиц. Если бы еще это сулило ему что-нибудь *серьезное*; но с незамужними девицами рискованно, да и скучно иметь дело; а со старой гвардией попытка не стоит труда — разве что с одной из тысячи.

Если бы я решил чем-нибудь заняться в Англии, то вероятно парламентской деятельностью. Но я лишен честолюбия, а если бы оно у меня было, то aut Caesar, aut nihil ^{1*}. Все, чего я хочу, это — устроить свои дела, поселиться в Италии или на Востоке (скорее второе) и погрузиться в литературу и языки этих стран. Прошедшие события убили во мне всякую решимость. Я теперь способен только сделать из жизни развлечение и быть зрителем в чужой игре. Даже игра корон и скипетров — что она, в сущности? Vide ^{2*} последний год Наполеона. Он совершенно опроверг мои фаталистические взгляды. Я думал, что если он падет, то только когда fractus illabatur orbis ^{3*}, а не сойдет постепенно в ничтожество; я думал, что все это не просто jeu ^{4*} богов, а прелюдия к дальнейшим переменам и огромным событиям. Но люди никогда не двигаются дальше известной черты; и вот мы снова пятимся назад, к дурацкой старой системе равновесия в Европе: уравниваем соломинки на носах у королей, вместо того, чтобы оторвать эти носы! Я согласен на республику или на одного деспотического правителя, но только не на смешанное правление одного, двух и трех! Республика! — взгляните на мировую историю — Рим, Греция, Венеция, Франция, Голландия, Америка; наша (увы! недолгая) Республика, и сравните с тем, что было сделано при монархиях. Народы Азии не годятся в республиканцы, зато умеют сокрушать деспотов, а это почти так же важно. Быть первым человеком в стране — не диктатором — не Суллой ¹³, а Вашингтоном или Аристидом ¹⁴ — первым по дарованиям и любви к истине — это почти то же, что быть богом! Франклин ¹⁵, Пенн ¹⁶, вслед за ними Брут или Кассий — даже Мирабо ¹⁷ — или Сен-Жюст ¹⁸. А я никогда не стану чем-то, точнее, всегда останусь ничем. Самое большое, на что я могу надеяться, это что обо мне скажут: «Он, вероятно, смог бы, если бы захотел».

^{1*} Либо Цезарь, либо никто (лат.).

^{2*} Смотри (лат.).

^{3*} Рухнет сокрушенный мир (лат.). Гораций. Оды, III, 3, 8.

^{4*} Игра (фр.).

12, полночь

Получил от издателя две корректуры, будь они прокляты. Одну я просмотрел, но ни за какие блага не согласен снова читать «Гяура», во всяком случае сейчас, ночью — хотя луны и нет.

Уорд поговаривает о том, чтобы ехать в Голландию, и мы уже обсудили экспедицию *ensemble*^{1*}. Если ехать, то надо собраться за десять дней, тогда мы будем свидетелями Революции. Почему бы нет? ** далеко, и будет до весны еще дальше, в **. А больше никто, кроме Августы, обо мне не печалится, никаких связей, никаких уз — *andiamo dunque — se torniamo, bene — se non, ch'importa*^{2*}. Старый Вильгельм Оранский¹⁹ заявил, что погибнет в «последнем рву» своей невзрачной страны. Хорошо, что я умею плавать, а то, пожалуй, не одолею и первого из них. Что ж, посмотрим. Я слышал гиен и шакалов среди руин Азии; лягушек в болотах; а кроме того, волков и разъяренных мусульман. Теперь мне хочется послушать клики свободных голландцев. Алла! Viva^{3*}! Да здравствует! Ура! — Какой из этих кличей всего разумней и благозвучней? *Orange Boven*, по утверждению «Морнинг пост».

Среда, 24

Никто не снился, ни живые, ни мертвые, и я «как мрамор целен, как утес незыблем»¹ вплоть до следующего землетрясения.

Обед с Уордом прошел хорошо. Не было ни одного неприятного человека — если только я кого-нибудь не обидел, но уж во всяком случае не тем, что противоречил, ибо говорил мало и никому не возражал. Шарп (человек весьма тонкий, много общавшийся с лучшими умами — Фоксом, Хорн-Туком², Уиндэмом³, Фицпатриком⁴ и всеми трибунами иных времен и стран) рассказал нам подробности последнего свидания с Уиндэмом, за несколько дней до роковой операции, в результате которой

«Вознесся к небу благородный дух»⁵.

Уиндэм — первый по красноречию и дарованиям, повинный разве лишь в том, что слишком тонок для умственных способностей половины своих слушателей, полжизни отдавший деятельному участию в мировых событиях, один из тех, кто управлял страной — и он сожалел, и много говорил об этом, зачем «не посвятил себя всецело литературе и науке»!!! Как и всюду, он, конечно, и там поднялся бы до больших высот, но я не могу понять, что помрачило этот ум настолько, чтобы в нем могло родиться подобное желание. Я, слышавший его, жалею лишь о том, что не услы-

1* Вместе (*фр.*).

2* Пойдем, — вернемся — хорошо, а не вернемся — все равно (*итал.*).

3* Да здравствует (*итал.*).

шу больше. Возможно ли? Он хотел корпеть за письменным столом — стать метафизиком? — или рифмоплетом? писакой? Только болезнь могла породить подобное предпочтение. Но его нет, и «ему подобных мне уже не встретить»⁶.

Не ответил на множество писем; никому кроме **; а ей не умею — мыслей много, но они не вмещаются в слова. С наибольшим удовольствием я пишу леди Мельбурн — ее ответы так умны и *тактичны*; я не встречал и половины ее талантов ни в ком другом. Будь она на несколько лет моложе, какого дурака она могла бы из меня сделать, если бы пожелала — но тогда я потерял бы приятнейшего и драгоценного друга. *Мет.* Любовница никогда не бывает и не может быть другом; пока вы мыслите согласно, вы — любовники; а когда с этим кончено, вы становитесь кем угодно, только не друзьями.

Еще не ответил на последнее письмо В. Скотта — но ответу. С сожалением узнал от других, что у него в последнее время были денежные затруднения. Он, несомненно, Король Парнаса и наиболее *английский* из поэтов. В списке живых я на второе место поставил бы Роджерса (я ценю его как последнего из *лучшей* школы), на третье — Мура и Кэмпбелла вместе — затем Саути, Вордсворта и Кольриджа, а остальных, о! полло!^{1*} примерно так:

Вот вам треугольный Gradus ad Parnassum!^{2*} В основание треугольника понадобилось бы вписать слишком много имен. Бедняга Тэрло³

^{1*} Толпу (*греч.*).

^{2*} Ступени к Парнасу (*лат.*).

помешался на поэзии времен королевы Бесс⁸, *c'est dommage*^{1*}. Я расположил имена в своем треугольнике скорее на основании общего мнения, насколько оно мне известно, чем своего собственного. Для меня некоторые из последних *ирландских* блесков Мура — «Луч ясный играет на светлых водах», «Когда тот, кто любил тебя», «Не осуждай» и «Не называй его» — стоят всех эпических поэм, когда-либо сочиненных.

Роджерс полагает, что следующее нападение «Куотерли» будет на меня. Пусть нападают. Меня в свое время уже так «поперчили» с *обеих* сторон, что меня можно пронять разве только кайенским перцем или алоэ. Могу искренне сказать, что *сейчас* я не слишком чувствителен к критике. Написав это, я понял, в чем причина: в том, что я и сочинительству придаю меньше значения, чем большинство, и чем придавал я сам в молодости. «Все приедается, мой ангел»⁹, — говорит Вальмон. «Ангелы» остаются единственным, что мне еще не приелось. Но предпочтение, какое оказывают *писателям* перед *людьми дела*, и всю шумиху, поднимаемую вокруг сочинительства и сочинителей ими самими и другими, я считаю признаком изнеженности, упадка и слабости. Кто стал бы писать, если бы имел возможность делать нечто лучшее? «Действие, действие, действие» — говорил Демосфен. Действия, действия — говорю я — а не сочинительство, особенно в стихах. Взгляните, какие скучные жизни, полные вечногo нытья, прожила вся писательская братия, и как они все праздны и никчемны, за исключением Сервантеса, Тассо, Данте, Ариосто, Клейста (которые были доблестными и деятельными гражданами), Эсхила, Софокла и некоторых других древних.

12, *Mezza Notte*^{2*}

Только что вернулся с обеда у чемпиона Крибба, в обществе Джексона (императора Борьбы) и еще одного из избранных. Выпил больше, чем люблю — три бутылки очень легкого кларета — но голова не болит. После обеда мы заставили Тома Крибба произнести речь; он был очень забавен, хотя несколько многословен. Он недоволен своим положением — хочет снова на арену — да услышит его Поллукс (или Кастор¹⁰, если он драчун). Том был матросом, грузил уголь и испробовал еще некоторые интеллигентные профессии, прежде чем посвятил себя кожаной перчатке. Участвовал в морских боях, а ему и сейчас всего тридцать три. Большой человек! Имеет жену и любовницу и умеет говорить — если не считать некоторых досадных оговорок и неправильного употребления придыхательных. Том — мой старый приятель; в детстве я видел некоторые из его лучших выступлений. Сейчас он — мытарь, и боюсь, что грешник —

1* Жаль (*фр.*).

2* Полночь (*итал.*).

миссис Крибб получает алименты, а дочь Тома живет при нем. Так мне сказал Том; будучи высокого мнения о моей нравственности, он хотел выдать любовницу за законную супругу. Говоря о ней, он назвал ее «самой верной из женщин» — откуда я немедленно заключил, что она не могла быть его женой — так оно и оказалось.

В супружестве такой панегирик невозможен; если она «верна», муж не считает нужным об этом говорить; а если — нет, то чем меньше он скажет, тем лучше. Крибб — единственный мужчина, кроме **, от которого я слышал похвалы жениной добродетели; я слушал обоих с великим терпением и доверием, а когда чувствовал, что не могу удержаться от зевоты, засовывал в рот платок. Кстати, я и сейчас зеваю — так что спокойной ночи.

Μλαῖρων^{1*}

Четверг [пятница], 26 ноября

Проснулся с небольшой лихорадкой, но голова не болит — и снов не видел, так глубоко было оцепенение. Получил два письма: одно от** [Фрэнсис Уэбстер?], другое от леди Мельбурн — оба отличные, каждое в своем роде. В письме ** [Фрэнсис Уэбстер?] очень милые стихи о «тайной грусти», если не ее собственные, то весьма в ее духе. Почему она не пишет, ее это стихи или нет? Не знаю, желать ли, чтобы они оказались ее? Я не слишком чту поэтов, в особенности женщин; у них так много «идеального», как в этике, так и в практике.

В последнее время много думал о Мэри Дафф. Не странно ли, что я так преданно, так безраздельно любил эту девочку в том возрасте, когда не мог ощущать страсти и даже понимать значение этого слова? Как сильно я чувствовал! Моя мать часто дразнила меня моей детской любовью, а много позже, когда мне было шестнадцать лет, она однажды сказала: «Ах, Байрон, я получила письмо из Эдинбурга, от мисс Аберкромби: твоя старая любовь, Мэри Дафф, вышла замуж за некоего м-ра Ко». И как же я принял эту весть? Не могу объяснить своих чувств в ту минуту, но они произвели у меня что-то вроде судорог, которые так встревожили мою мать, что она с тех пор избегала говорить на эту тему со мною и довольствовалась тем, что обсуждала ее со всеми своими знакомыми. Что же это было? Я ни разу не видел ее с тех пор, как из-за faux pas^{2*} ее матери в Эбердине ее пришлось увезти в Банф, к бабушке. Оба мы были тогда детьми. С тех пор я бывал влюблен раз пятьдесят. Но я помню все, что мы говорили друг другу, все наши ласки, ее черты, мою тревогу, бессоницу, и как я докучал горничной моей матери, требуя, чтобы она писала

^{1*} Байрон (новогреч.).

^{2*} Ложного шага (фр.).

ей за меня письма, и как она, наконец, согласилась, чтобы меня успокоить. Бедная Нэнси думала, что я обезумел, и стала моим секретарем, потому что я не умел писать сам. Помню наши прогулки, помню, каким счастьем для меня было сидеть рядом с Мэри в детской их эбердинского дома, недалеко от Плейн Стейнз; помню, как ее младшая сестренка Элен играла с куклой, а мы сидели серьезные и на свой лад предавались любви.

Отчего это произошло со мной так рано? Что могло породить это чувство? Ни тогда, ни еще годы спустя, я не имел и понятия о половом влечении, но мои страдания, моя любовь к этой девочке были так сильны, что я иногда сомневаюсь, бывал ли я после этого действительно влюблен. Как бы там ни было, уже несколько лет спустя, весть о ее замужестве была для меня ударом грома — я едва не задохнулся — к ужасу моей матери и недоверчивому удивлению всех остальных. Это явление в моей жизни (мне еще не было тогда восьми лет) удивляет и будет удивлять меня до конца моих дней, а в последнее время, не знаю отчего, *воспоминания* об этом чувстве (но *не* оно само) ожили с поразительной ясностью. Сохранила ли она память о нем и обо мне? Помнит ли, как жалела свою сестру Элен за то, что у той нет обожателя. Как она хороша в моих воспоминаниях — темные волосы, карие глаза, — я помню даже ее платье! Я огорчился бы, если бы увидел ее *сейчас*; реальность, как бы ни была она прекрасна, разрушила бы, во всяком случае затемнила бы, облик прелестной пери, какою она была тогда и какою остается в моем воображении до сих пор, спустя шестнадцать с лишним лет. Сейчас мне идет двадцать шестой...

Вероятно, мать рассказала об этом (о том, как я принял известие о ее замужестве) Паркинсам, и, конечно, семье Пигот; и, возможно, упомянула об этом, отвечая на письмо мисс А [беркромби], которая знала о моей детской *penchant*^{1*} и сообщила новость именно для меня — спасибо ей за это!

Не только начало, но и конец часто занимал мои мысли. Что дело было именно так, известно многим другим, кроме меня, да и моя память подтверждает все очень явственно. Но чем больше я над этим размышляю, тем меньше умею найти объяснение столь ранней привязанности.

Лорд Холланд пригласил меня сегодня обедать, но три дня обедов подряд прикончили бы меня. Поэтому, не съев ничего со вчерашнего дня, я отправился в свою ложу в Ковент-Гардене. Видел **. Очень хороша, хотя совершенно в ином стиле, чем две другие. У нее прекраснейшие в мире глаза, которые она выдает за близорукие, и самые длинные ресницы, какие мне приходилось видеть после восточных «завес света» Лейлы и Фаннио. Красоты у нее немало — вполне достаточно — но мне кажется, что она *méchante*^{2*}.

^{1*} Склонности (*фр.*).

^{2*} Злая (*фр.*).

Я раздумывал о муках разлуки, которая... — о, как редко мы видим тех, кого любим! зато целые века вмещаются в мгновениях *встречи*. Единственным моим утешением в разлуке служит уверенность, что за это время невозможно охлаждение из-за раздоров или скуки. Когда люди потом встречаются, сколько бы ни произошло за это время перемен, если они не надоели друг другу, они готовы соединиться вновь и не винят друг друга за разлучившие их обстоятельства.

Суббота, 27 (полагаю, вернее сомневаюсь, а это — nec plus ultra^{1*} человеческих верований)

Пропустил один день; как сказал ирландец, или как сказал за него Джо Миллер¹, «выиграл некоторые убытки», вернее, выиграл от убытков. Для поездки в Голландию все готово, и ничто кроме кашля или каприза моего спутника не может нам помешать. Экипаж заказан, деньги готовы и вдобавок ожидается свежий ветер. N'importe^{2*} — вместе с Климом-о-Клю² или Робин Гудом я верю, что «не подобает никому до срока умирать»³. Итак, едем в Гельветслойс и так далее!

Сегодня вместе с молодым Генри Фоксом⁴ смотрел драму «Нурджахад»⁵, которую «Морнинг-пост» приписала мне, а я даже не догадываюсь, кто мог бы быть ее автором. Хотел бы я знать, в чем меня еще попытаются обвинить. Едва ли это будет что-либо ниже мелодрамы; но это — лучше, чем сатира (во всяком случае, направленная против личностей), в которой я действительно повинен и которую готов искупить, молча и беспрекословно снося любую критику, брань и даже похвалы за скверные пантомимы, которых я не думал сочинять. Полагаю, что этот слух порожден тем, что я дал постановщику использовать для костюмов мои турецкие зарисовки, которые я предоставил охотнее, чем мое имя. Думаю, что настоящий автор вскоре откроется, ибо пьеса имеет успех; если нет — возьму за образец Иова и буду пить из вод Леты!

** получила мой портрет; единственное, что она о нем пишет — это «в самом деле похож» и снова повторяет: «в самом деле похож». Сходство для нее «покрывает множество грехов», ибо мне известно, что этот портрет мне не льстит; он темн и суров — мрачен, как был я сам в июле прошлого года, когда для него позировал. Все другие мои портреты, как большинство портретов вообще, разумеется, приукрашивают оригинал.

Читал отзыв «Эдинбургского обозрения» о Роджерсе. Он оценен высоко, но по заслугам. Кратко сказано и обо всех нас, в том числе о *Муре* и обо *мне*; обоих хвалят (*первого* — заслуженно) — хотя поме-

^{1*} *Зд.*: предел, вершина (*лат.*).

^{2*} Неважно (*фр.*).

щают ниже, как явствует из контекста, чем нашего выдающегося друга (опять-таки заслуженно). Автор статьи — Макинтош; он же пишет о мадам де Сталь. Его большая статья о Берке ⁶ пойдет, как я слышал, в следующем номере. Но «Эдинбургское», да и любое другое, обозрение я знаю только по слухам; и давно перестал, да и, по совести сказать, не имею права жаловаться ни на одно из них, даже если бы ценил поэзию вообще и мои стихи в частности выше, чем я это делаю. Уйти от самого себя (о, проклятый эгоизм!) — вот к чему я единственно, всецело и искренне стремился, когда начал писать; ту же цель я преследую и при издании моих произведений — занять свой ум, который иначе погружается в себя. Если бы я ценил славу, я старался бы льстить общепринятым суждениям, которые укрепились за долгое время и просуществуют дольше любых нынешних произведений, идущих с ними вразрез. Но я не могу и, — клянусь, — ни за что не стану отречься от собственных дум и сомнений — будь, что будет. Если я глупец, то, по крайней мере, сомневающийся; и я не завидую ни одному человеку, уверенному в своей непогрешимой мудрости.

Все склонны верить в то, чего жаждут — будь то лотерейный билет или пропуск в рай, где, судя по описаниям, я не вижу ничего особенно заманчивого. Беспокойное чувство подсказывает мне, что есть во мне нечто, «правдивей, чем игра» ⁷. Пусть Тот, кто вложил это в меня, оградит искру небесного огня, озаряющего, но вместе и сжигающего, свою бrenную оболочку; а сам я не страшусь «сна без сновидений» и не могу представить себе такого существования, которое со временем не наскучило бы. А иначе отчего «пали ангелы», даже согласно нашим верованиям? Они были бессмертны и наслаждались небесным блаженством, как продолжает им наслаждаться предавший их отступник Абдиал ⁸. Время репит; и вечность не окажется менее приятной или более ужасной из-за того, что будет неожиданностью. А пока я признателен за некоторые блага и довольно терпеливо сношу некоторые неприятности — *grâce à Dieu et mon bon tempérament*^{1*}.

Вторник, 30

Двухдневный пропуск в моем корабельном журнале; *hiatus haud deflendus*^{2*}. Эти дни так же мало стоит отмечать, как и остальные; к счастью, лень или светские обязанности помешали мне отметить их *зарубками*.

В воскресенье обедал с лордом Холландом в Сент-Джеймс Сквере. Многочисленное общество — в том числе сэр С. Ромилли ¹ и леди Р [омплли], генерал сэр Не-помню-кто Бентам ² — человек, как говорят, талант-

^{1*} Благодарение богу и моему хорошему характеру (*фр.*).

^{2*} О пропуске горевать не стоит (*лат.*).

ливый и ученый — Хорнер ³, тот самый, из «Эдинбургского Обзорения», отличный оратор в «Достопочтенной Палате», а в обществе весьма приятный и воспитанный человек, как я мог заметить, — Шарп — Филипп ⁴ из Ланкашира — лорд Джон Рассел ⁵ и другие «люди честные и верные» ⁶. У Холланда собирается очень хорошее общество; там всегда оказывается кто-нибудь, с кем стои́т познакомиться. Я вдоволь поел стерляди и вволю выпил шампанского и других вин, но не до помрачения рассудка. Если уж я обедаю, то наедаюсь рыбы и овощей, как араб или боа-констриктор ⁷, но мяса не ем. Однако я лучше чувствую себя, когда питаюсь одним чаем с сухарями, чем любой другой пищей, и даже в них соблюдаю умеренность.

Почему леди Х[олланд] всегда загораживает огонь этим проклятым экраном? Я переношу холод не лучше, чем какая-нибудь антилопа и еще нигде не нашел солнца, достаточно *жаркого* на мой вкус; поэтому я совершенно ооченел и не в силах был даже дрожать. Остальные тоже выглядели так, точно их держали на льду как лососину и только что подали к столу. Когда она удалилась, я оставил экран, наблюдая при этом за гостями, и видел, как все щеки оттаяли и все носы покраснелись в предвкушении тепла.

В субботу смотрел с Гарри Фоксом «Нурджахад» и, надеюсь, непрестанной зевотой убедил его, что не я автор пьесы. Хоть бы этот милый автор признался сам и избавил меня от причитающейся ему славы. Костюмы очень милы, но неверны. Костюм м-сс Хорн, не считая тюрбана и отсутствия кинжала (если она играет султаншу), *безупречен*. Я в жизни не видел турчанки в тюрбане — да и никто их не видел. Султанши носят у пояса маленький кинжал. Диалог скучен — действие неуклюже — декорации превосходны — актеры сносны. О серале могу сказать мало хорошего — Тереза, Фаннио или ** стоят их всех.

В воскресенье получил очень любезную записку от Макинтоша, являющего собой редкий пример блестящего таланта в сочетании с большим добродушием. Сегодня (во вторник) получил весьма милую записку от госпожи баронессы де Сталь Гольштейн. Ей угодно быть весьма польщенной моим упоминанием о ней и ее последней книге в моих примечаниях ⁸. Я написал то, что думал. Ее произведения восхищают меня, как и она сама, — но только на полчаса. Мне не нравятся ее политические взгляды, во всяком случае то, что она их *сменила*; если бы она была *qualis ab inserto* ^{1*} — тогда ничего. Но это женщина незаурядная, сделавшая в интеллектуальной области больше, чем все остальные, вместе взятые, — ей следовало бы быть мужчиной. В своей записке она очень мило *льстит* мне, но я это знаю. Лесть, пусть и лживая, нравится нам потому, что до-

^{1*} Та же, что вначале (*лат.*).

казывает нашу значительность, иначе люди не стали бы лгать, стараясь завоевать наше расположение; это их дело.

** , как я слышал, прославился *каламбуром* об Уорде⁹, который принадлежит *мне*. Дело было на недавнем обеде у Макинтоша. Глупая острога, произнесенная в присутствии м-м де Сталь, Макинтоша и еще ряда лиц, быстро распространилась и была приписана ** — ну и на здоровье!

Джордж¹⁰ вернулся из плавания и ждет назначения на новый корабль. Он похудел, но выглядит лучше, чем я ожидал. Джордж нравится мне больше, чем обычно нравится человеку его наследник. Он славный малый и моряк с головы до ног. Чтобы помочь ему продвинуться, я готов на все, кроме *отступничества*.

Заходил Льюис. Это добрый и добродушный человек, но несносно словоохотливый, склонный к парадоксам и *личностям*. Если бы он говорил вдвое меньше и ограничивал свои посещения одним часом, его репутация значительно выиграла бы. Как писатель он очень хорош, и тщеславие его, как у Эрскина¹¹, *ouvert*^{1*}, но не раздражает.

Вчера получил очень милое письмо от Аннабеллы¹², на которое ответил. Странные у нас отношения и дружба! — Ни с одной стороны нет и тени любви, и началась эта дружба при обстоятельствах, которые обычно вызывают у одной из сторон холодность, у другой — отвращение. Она — незаурядная женщина и весьма мало избалована, что необычно для двадцатилетней девушки — наследницы титула и большого состояния, единственной дочери и *savante*^{2*}, привыкшей к полной воле. Она поэтесса — математик — философ, и при всем том очень добра, великодушна, кротка и без претензий. Половины ее познаний и десятой доли ее преимуществ было бы довольно, чтобы вскружить любую голову.

Среда, 1 декабря 1813

Ответил сегодня баронессе де Сталь Гольштейн и послал Ли Ханту¹ (новое знакомство прошлого лета, которым я обязан Муру) экземпляр обеих турецких повестей. Хант — примечательная личность и кажется человеком другой эпохи. Он напоминает мне времена Пима и Хэмдена² — немало таланта, большая независимость, суровая, но не отталкивающая внешность. Если он и дальше останется *qualis ab inserto*^{3*}, мало кто пожнет больше лавров и больше будет их заслуживать. Надо опять с ним повидаться; с прошлого лета круговорот событий и множество серьезных

1* Открыто (*фр.*).

2* Ученой (*фр.*).

3* Тем же, что вначале (*лат.*).

забот и дел прервали наше знакомство; но знаться с ним стоит, и хотя, ради него, я желаю ему скорейшего освобождения из тюрьмы ³, я люблю наблюдать людей в подобных обстоятельствах. Он остался и останется непоколебимым. Не думаю, чтобы он хорошо знал жизнь; он фанатик добродетели (но не религии), влюбленный в красоту этого «пустого слова», — а что оно пустое, подтвердил, умирая, Брут ⁴ и вновь подтверждает каждый прожитый нами день. Он пожалуй несколько упрям, как все, кто является *центром кружка*, большого или малого, — таковы все сэрсы Оракулы, собравшие двух-трех человек под свое знамя, таков был даже Джонсон; но при всем том — человек ценный и менее тщеславный, чем мог бы стать при его успехе и сознании, что он предпочел правое дело — выгодам.

Завтра у «синей» мисс Берри ⁵ собирается весьма знатное общество — сплошной пурпур. Пойду ли я? Гм! Мне не очень по душе эти синие мухи, — но надо быть вежливым. Там будут, «как я смекаю» (так говорят американцы), де Сталь и Макинтош — хорошо! Будут также**—и**— менее хорошо —**и пр.— совсем плохо. Может быть будет и кашмирская лазоревая бабочка учености, леди Шарлемон. Надеюсь, что да; приятно смотреть на это прекраснейшее из лиц.

Написал Х[обхаузу] ⁶— он всем рассказывал, что я... Я-то уж никому не рассказывал и лучше бы он тоже молчал. Он славный малый; оказав ему услугу, я в десять раз больше сделал для самого себя — ну, и хватит об этом.

Болдуин ⁷ не дает мне покоя с петицией из Тюрьмы Королевской Скамьи ⁸. В прошлом году я представлял петицию Картрайта ⁹; и мы со Стэнхопом ¹⁰ отважно защищали ее против всей Палаты, получив при этом некоторое удовольствие и немало оскорблений. Но сейчас «я не расположен» ¹¹. Если бы ** была здесь, она меня *заставила бы*. Вот женщина, которая при всей своей привлекательности всегда вдохновляет мужчину на полезное или славное дело. Если бы она осталась здесь, она была бы моим добрым гением.

Болдуин очень настаивает, — но, бедняга! «Не могу выйти, не могу выйти, — твердил скворец». Ах, я не лучше негодяя Стерна, который предпочитал хныкать над «мертвым ослом, вместо того, чтобы помочь живой матери» ¹² — негодяй — лицемер, — низкопоклонник — но и я тоже хорош. Не могу заставить себя выступить с речью в защиту этих несчастных, тогда как два слова и пол-улыбки **, если бы она была здесь и настаивала (а она бы это сделала непременно — во всяком случае, она постоянно напоминала мне о моем сенаторском долге и особенно о защите обиженных), сделали бы из меня адвоката, если не оратора. Проклятый Ларошфуко, всегда он прав! Ложь была бы у него заслугой, или хотя бы утешением для читателя.

Джордж Байрон сегодня не пришел; надеюсь, что он будет адмиралом, а может быть и лордом Байроном в придачу. Если бы он женился, я обязался бы остаться холостяком или лишиться его наследства. Он был бы счастливее, а мне больше хочется иметь племянников, чем сыновей.

Скоро мне исполнится двадцать шесть лет (22-го января 1814). Неужели будущее может хоть чем-нибудь вознаградить нас за то, что нам не может всегда быть *двадцать пять*?

O gioventu!

Oh Primavera! Gioventu dell'anno,

Oh Gioventu! Primavera della vita ^{1*}.

Воскресенье, 5 декабря

Племянник Далласа (сын американского министра юстиции) приехал в Англию и сообщил Далласу, что мои стихи пользуются в Соединенных Штатах большой известностью. Вот первые вести, прозвучавшие в моих ушах как *Слава* — меня читают на берегах Огайо! Величайшее удовольствие такого рода я получил, прочтя в биографии актера Кука ¹ отрывок из его дневника, где он рассказывает, как в читальне города Олбэни, близ Вашингтона, он читал «Английских бардов и шотландских обозревателей». Известность в отдаленной и развивающейся стране дает ощущение *посмертной славы*, очень отличное от эфемерного *éclat*^{2*} и чувстваний, шума и праздничных похвал нарядной толпы. Могу определенно сказать, что во время своего *царствования*, весной 1812 года, я жалел об одном: зачем оно длилось шесть недель, а не две, и сложил с себя это бремя с искренним удовольствием.

Вчера ужинал с Льюисом; не допустил излишеств ни в яствах, ни в напитках, но, как обычно, еле жив с тех пор. Желудок мой совершенно разрушен долгим воздержанием, а разрушение всего остального, вероятно, не замедлит. Пусть — лишь бы прошли *боли*. А «прыжок во тьму» ² пугает меня менее всего.

Приходил герцог ^{**}. А я сорок раз предупреждал, что кроме полдюжины старых друзей, которых я перечислил особо, никого не принимаю. Его светлость — человек хороший, благородный, настоящий герцог; но я предпочитаю считать его таким на расстоянии, поэтому меня не оказалось дома.

Приходил Голт ³. *Мет.*: просить кого-нибудь замолвить словечко Рэймонду ⁴ за его пьесу. Мы с ним старые товарищи по странствиям, и при

^{1*} О юности.

О весна, юность года!

О юность, весна жизни! (*итал.*).

^{2*} Блеска (*фр.*).

всей его эксцентричности у него много здравого смысла и жизненного опыта, а сам он, насколько я его узнал, человек добродушный и настроен философски. Я показал ему письмо Слиго⁵ о слухах, которые распространились в Афинах насчет *aventure*^{1*} с турчанкой, вскоре после этого события. Письмо видели также лорд Холланд, Льюис, Мур, Роджерс и леди Мельбурн. У Меррея есть экземпляр. Я думал, что все осталось *неизвестным*, и был бы этому рад, но Слиго приехал туда несколько дней спустя и написал мне о *слухах*. Письмо я сохранию — *так будет лучше*. Льюис и Голт *пришли в ужас*; Л[ьюис] подивился, отчего я не изобразил этот эпизод в «Гяуре». Пусть удивляется — еще удивительнее то, что я вообще написал эту поэму. Описать *чувства*, вызванные этим случаем, было бы невозможно — от одного воспоминания кровь *стынет* в жилах.

«Абидосская невеста» вышла в четверг 2-го декабря, но понравилась или нет — не знаю. В ее успехе или провале читатели будут невинны, и я не могу на них жаловаться. Но сам я обязан этой повести больше, чем самому пристрастному читателю; она отвлекла мои мысли от действительности и заняла их вымыслом; от себялюбивых сожалений обратила к живым воспоминаниям и увела в страну, которая в моей памяти окрашена самыми *радужными* и самыми *зловещими*, но неизменно яркими красками. Приходил Шарп, но его не впустили, о чем я сожалею.

Виделся вчера с [Роджерсом]. Я не приехал, как обещал, в Миддлтон, и это ему, должно быть, не понравилось, а мое предполагаемое путешествие с [Уордом], вероятно, понравится ему еще меньше, но мне хотелось бы сохранить хорошие отношения с обоими. Это инструменты, которые не могут сыгратья; но каждый в отдельности издает весьма музыкальные звуки, и я не согласен расстаться ни с одним из них.

Хорошо, что сам я не диссонирую из-за их разлада. Сейчас я более или менее лажу со всеми — но не могу разделять всех их *антипатий* — уж очень много различных *групп*. Первая — лорда Холланда; там приветствуется все, что *distingué*^{2*}, и *тон* царит самый лучший. Потом группа м-м де Сталь — там я никогда не бываю, но мог бы, если бы захотел. В нее входят семейства ** и **, а также странная прослойка из ораторов, дэнди и всех видов *синих* — от обычного мундира Граб Стрит до лазоревого облачения *Littérateur*'а^{3*}. Когда я вижу ** и **, восседающих рядом за обеденным столом, я всегда вспоминаю могилу, которая всех равняет и примиряет злейших врагов, и где все они — Критик и Критикуемый, Носорог и Слон, Мамонт и Мегатерий⁶ — упокоятся вместе. А сейчас они *сидят* вместе, в таком же молчании, хоть и не в такой неподвижности, как если бы уже были замурованы в склепе.

1* Приключения (фр.).

2* Выдающееся (фр.).

3* Литератора (фр.).

К Берри я не пошел. Старшая очень талантлива, и обе они красивы, а были, очевидно, еще лучше. Сегодня зван к лорду Х [олланду]. Пойду ли?— Гм! Может быть.

Два часа ночи

Был у лорда Х [олланда] — многочисленное общество — миледи была в отличном настроении, а следовательно — *совершенство*. Никто не может быть приятнее ее или даже сравниться с ней, когда она того захочет. На среду зван обедать и встретиться с м-м де Сталь — зван, должно быть, нарочно, чтобы люди могли поглядеть на нашу первую встречу после *примечания*, от которого Коринна пришла в такой восторг. Мне это не слишком нравится; она вечно говорит обо *мне* или о *себе*, а обе эти темы не интересны (разве что в форме монолога, как сейчас) — особенно мои собственные творения. Что же мне, черт возьми, сказать о «De l'Allemagne»^{1*}? Книга мне очень нравится, но она этому не поверит, если я не облечу своего восхищения в какую-нибудь диковинную форму; и, как я уже знаю по опыту, на меня обрушится поток красивых фраз о поэзии и т. п. Был там сегодня и любовник, м-р ** [Рокка]. К ** говорит, что на *его* взгляд «это единственное доказательство ее хорошего вкуса». Monsieur l'Amant^{2*} чрезвычайно красив, но все же, *по-моему*, не лучше ее книги.

К ** [Кэмпбелл] выглядит отлично, имеет довольный вид и одет *щегольски*. Синий сюртук ему идет и новый парик тоже. Он выглядел так, словно Аполлон подарил ему праздничные или брачные одежды, и был оживлен и остроумен. Он ругал книгу Коринны, что меня огорчило; во-первых, потому, что он знает по-немецки, и, следовательно, может быть судьей, а, во-вторых, потому, что он — *выдающийся* ум и, следовательно, является лучшим из судей. Я чту его и восхищаюсь им, но не согласен отказываться от своего мнения — почему я должен это делать? *Ее* я читал и перечитывал, и тут не может быть никакой аффектации. Я не могу ошибаться (разве только в вопросах вкуса) насчет книги, которую читаю, откладываю и беру снова; если книга находит *одного*, хотя бы *одного*, читателя, который искренне это говорит, она не может быть совсем плоха.

Кэмпбелл намерен весной выступить с лекциями; последние его лекции имели большой успех[?] Мур тоже подумывал об этом, но раздумал — не знаю почему. ** наговорил ему что-то о *достоинстве* и тому подобном, точно человек роняет свое достоинство, когда пытается одновременно *наставлять* и *развлекать*.

^{1*} «О Германии» (фр.).

^{2*} Господин любовник (фр.)

Был представлен маркизу Бэкингеу — видел лорда Гауэра ⁸ — он едет в Голландию; были там также сэр Дж. и леди Макинтош, Хорнер, Дж. Лэм ⁹ и еще множество других (в том числе Ричард Уэлсли ¹⁰ — умный человек). Генри Фокс, очень славный и многообещающий мальчик, — но он ушел домой прежде, чем я успел с ним поговорить. А я охотнее послушал бы его, чем всех savants^{1*}.

Понедельник, 6 декабря

Меррей говорит, что Крокер ¹ спрашивал его, почему поэма названа Абидосской *невестой*. Вопрос чертовски затруднительный, потому что на него нечего ответить. Она не была *невестой*, а только должна была ею стать, если бы не — и т. д. и т. п.

Я не удивляюсь тому, что он обнаружил этот ляпсус, но... теперь поздно и ни к чему. Я дурак, что совершил его, и мне стыдно; зачем я не ирландец?

Кемпбелл вчера казался чем-то слегка уязвленным — не знаю чем. Мы с ним стояли в передней гостиной, когда лорд Х [олланд] принес из соседней комнаты сосуд наподобие тех, что употребляются в католических церквях, и при виде нас воскликнул: «Вот вам *фимиама!*» Кэмпбелл ответил: «Поднесите лорду Байрону, он к нему *привык*».

Вот к чему ведет честолюбца «одиночество на троне» ². Не имея трона, а *теперь* даже и желания его иметь, я пребываю в мире со всей поэтической братией, и если кого-нибудь недолюбливаю, то по мотивам *личным*, а не *поэтическим*. Мир человеческой мысли беспределен; не все ли равно, кто обогнал, а кто отстал, если бег не имеет цели? Храм славы, как храм персов — это вся вселенная; алтарями служат вершины гор. Мне безразлично, отведут ли мне горы Кавказа или любые другие; кто хочет, пусть берет себе Монблан или Чимборасо, я не стану завидовать их высоте.

Думаю, что *теперь* имею право так говорить; я только что выпустил поэму ³ и совершенно не знаю, *понравится* она или нет. До сих пор я мало слышал ей похвал, а прямо *ругать* ее в лицо никто не станет, разве только в печати. Она не может быть хороша, иначе я не споткнулся бы на самом пороге, напутав даже в заглавии. Но я начал писать ее, когда сердце мое было полно **, а голова — *ориентальностей* (я не могу назвать их *ориентализмами*), и написал очень быстро.

Дневник доставляет мне облегчение. Когда я утомлен — а это обычное мое состояние — я достаю его и все туда заносу. Но перечитывать его я не могу, и один бог знает, какие противоречия могут там оказаться. Если я откровенен с собой (а я боюсь, что мы никому столько не лжем, как самим себе), каждая страница должна опровергать предыдущую и целиком от нее отрекаться.

^{1*} Ученых (*фр.*).

Еще одно послание от просителя, Мартина Болдуина, а я сейчас неспособен на умственное и нервное напряжение, которого требует его петиция. Проклятый ужин у Льюиса оказался губительным для моего пищеварения и человеколюбивых намерений. Во мне сейчас не больше милосердия, чем в бутылке уксуса. Отчего я не страус и не могу питаться утюгами или чем угодно, что способно перевариться в моем зубу?

Видел сегодня Уорда. Его дядя ⁴ умирает, и У[орд] не очень склонен осуществлять наши голландские планы. В четверг я должен с ним обедать, если к тому времени сам *oncle*^{1*} не будет подан на обед кладбищенским лакомкам. Я желаю ему выздороветь — не ради *нашего* обеда, а чтобы досадить гробовщику и подлым пресмыкающимся, которые могут и пождать; их час все равно *настанет*.

В мое отсутствие заходил Гелл ⁵ — из Трои. *Мет.*: Не забыть отдать ему визит. Впрочем, мои *memoirs*. — настоящие вежи рассеянности, нечто вроде маяка, у которого корабли разбиваются под самым носом. Всякий раз, взглянув на одну из таких записей, я вижу, что не забыл забыть. Еще одна запись: забыл уплатить налоги Питта и теперь, вероятно, начислят пени. «Ей-ей, когда ты взойдешь на престол, я стану изменником» ⁶. Кажется, даже мои галеты закашлены на податях этого мошенника.

Леди Мельбурн возвращается завтра от леди Джерси — надо будет зайти. Некий м-р Томпсон прислал песню, которую я должен похвалить. Терпеть не могу огорчать людей молчанием или критикой — но и *писать письма* тоже ненавижу.

Видел лорда Гленберви ⁷, а у Меррея видел проспект его нового трактата о лесе. Вот человек более полезный, чем все историки и рифмачи, когда-либо выращенные. Помогая сохранить наши леса, он дает материал для всей истории Британии, какая заслуживает прочтения, и для всех од, которые ничего не заслуживают.

Читал много, но беспорядочно. Голова моя набита самым бесполезным хламом. Странно, что когда я читаю, то выношу только легкий бульон — из *чего угодно*, кроме романов. Я уже много лет не заглядывал ни в один (иногда, в виде опыта, я их заказываю, но не беру), а вчера просмотрел худшие места «Монаха» ⁸. Эти описания могли бы быть сочинены Тиберием на Капри⁹ — они вымучены. Мысли пресыщенного сластолюбца, стремящегося возбудить себя.

Не могу себе представить, как можно написать такое в двадцать лет — тогдашний возраст автора. В них нет ничего естественного — это настойка на шпанских мухах. Подобное мог писать Бюффон ¹⁰, перед смертью впавший в отвратительное старческое слабоумие. Я никогда не читал этого издания и заглянул в него из любопытства, вспомнив, сколько шуму

^{1*} Дядя (*фр.*).

оно наделало и какую репутацию создало Льюису. Но вреда от него не могло быть, кроме...

Зашел сегодня вечером к своему агенту — все по тому же делу. Единственное фамильное достояние, которое не уменьшается у нас в роду, это наши удивительные приключения.

Сейчас выкурю две сигары и — спать. Сигары здесь не сохраняются. Они стареют как *donna di quaranti anni*^{1*} под африканским солнцем. Лучшие из них — гаванские, но ни одна не сравнится с кальяном или наргиле. У турок табак слаб, а кони не выхолощены — как и подобает. Я обязан дневнику хотя бы уже тем, что он не дает мне сочинять стихи, во всяком случае — сохранять их. Только что бросил в огонь поэму (и он, к моему удовольствию, отлично разгорелся), а замысел еще одной поэмы выкурил из своей головы. Хорошо было бы с такой же легкостью избавляться от мыслей или хотя бы от сумятицы в них.

Вторник, 7 декабря

Лег и спал без сновидений, но сон меня не освежил. Проснулся и встал за час до того, как велел себя будить, но потом потратил три часа на одевание. Если вычтешь из жизни младенчество (когда мы живем растительной жизнью), сон, еду, питье, застегивание и расстегивание, много ли останется на самую жизнь? Не больше чем лето какого-нибудь сурка.

Читал газеты, пил чай и содовую воду и обнаружил, что камин badly плохо растоплен. Лорд Гленберви зовет меня в Брайтон — гм!

Получил сегодня утром очень милую записочку от Сталь, предлагающую встретиться с ней завтра у лорда Х[олланда]. Думаю, что она за утро написала двадцать таких записок различным людям, и каждому столь же льстивую. Тем лучше для нее и для тех, кто верит всему, в чем она хочет их уверить, или они хотят уверить сами себя. Ей угодно быть довольной моей краткой похвалой в примечании к «Невесте». Это объясняется несколькими причинами: во-первых, любой женщине приятна любая похвала; во-вторых, данная похвала была для нее неожиданностью, ибо я никогда ей не льстил; в-третьих, как говорит Скрэб¹, те, кого всю жизнь хвалят присяжные критики, любят некоторое разнообразие и довольны, когда кто-то другой дает себе труд сказать им любезность; в-четвертых, она очень добродушное создание — это главная причина, а может быть и единственная.

Стук — простой стук и стук двойной. Явился Блэнд. Говорит, что общество в Голландии (он там был) то же, что и во Франции, но второго сорта, а женщины — такие же, как всюду. Это скучно — хотелось бы, чтобы они были хоть немного *иными*, но этого нельзя ожидать.

^{1*} Сорокалетняя дама (итал.).

Уходил, — вернулся — то, да се — и «все суета, сказал учитель»²; то же самое говорю и я, как один из его учеников. Кстати, о суете: чьи хвалы мне всего приятнее? Миссис Инчболд³ и американцев. Первое — потому что ее «Простая повесть» и «Природа и искусство» по-моему *соответствуют* своим *заглавиям*; и поэтому ее короткая записка Роджерсу насчет «Гяура» порадовала меня больше всего, не считая «Эдинбургского Обозрения». А американцы нравятся мне потому, что я был в Азии, когда «Английских бардов и шотландских обозревателей» читали в Америке. Если бы я мог поместить речь против *торговли рабами в Африке*⁴ и эпитафию собаке в Европе (т. е. в «Морнинг пост») — мой vertex sublimis^{1*} наверняка сместил бы достаточно звезд, чтобы разрушить ньютонову систему.

Пятница, 10 декабря 1813

Я ещущу^{2*} более обычных для меня форм этого постоянно спрягаемого мной глагола, в самом звуке которого слышится зевота; я не нахожу и не вижу, чтобы общество заметно помогало от этого недуга. Застрелиться мне лень — к тому же, это огорчило бы Августу, а может быть и **, но, с другой стороны, для Джорджа это было бы хорошо, да и для меня неплохо; но не хочу поддаваться соблазну.

Получил от Мура очень сердечное письмо. Право, он — самый добросердечный, единственный *сердечный* человек, которого я когда-либо встречал, и талант его не уступает его доброте.

В среду обедал у лорда Х[олланда] — были Стаффорды, Сталли, Кауперы, Оссульстоны, Мельбурны, Макинтоши и пр. и пр. — был представлен маркизу и маркизе Стаффорд, что было неожиданностью: моя ссора с лордом Карлайлем (их зятем, вернее, его зятем) делала это знакомство неудобным, но, видимо, и привела к нему. Но если уже ему суждено было состояться, я удивляюсь, отчего это не произошло раньше. Она хороша и была, очевидно, красавицей — и манеры у нее *царственные*.

Мадам де Сталь сидела на противоположном конце стола и была менее разговорчива, чем обычно. Мы с ней теперь хорошие друзья, хоть она и спросила у леди Мельбурн, есть ли во мне *bonhomme*^{3*}. Ей следовало бы спросить об этом раньше, чем говорить К[аролине] Л[эм], что «с'est un démon»^{4*}. Верно, ничего не скажешь, но только несколько преждевременно; она не могла это обнаружить; вот почему она хочет, чтобы в следующее воскресенье я опять там обедал.

^{1*} Небесный полюс (лат.). Г о р а ц и й. Оды, I, 1, 36.

^{2*} Скучаю (фр.).

^{3*} Добродушие (фр.).

^{4*} Это демон (фр.).

У Меррея дела идут хорошо — по части тиражей. Что касается меня, то я стою за свой фрагмент. Неудивительно, что я сочинил его — мой ум сам представляет собой фрагмент.

Встретил на площади лорда Гауэра ¹, Тьерни ² и др. Простился с лордом Гауэром, который отправляется в Голландию и Германию. Он говорит, что везет с собой пачку «Гяуров» и «Гарольдов» для берлинских читателей, которые, оказывается, читают по-английски и пристрастились к моим сочинениям. Неужели я все время *был немцем*, а воображал себя жителем *Востока*?

Одолжил Тьерни свою ложу на завтра; получил от леди К. А. новую комедию — но *не ее*. Придется прочесть и постараться не огорчить автора. Не люблю огорчать сочинителей придирчивостью; но комедия, по-моему, труднейший род сочинения, труднее трагедии.

Голт говорит, что в первой части «Невесты» имеются совпадения с какою-то его повестью — не знаю, изданной или нет, потому что никогда ее не видел. Он последний из всех, у кого можно было бы совершить плагиат, а я не повинен в *сознательных* кражах ни у кого из литературной братии. Что касается оригинальности, то все претензии на нее смешны — «нет ничего нового под солнцем» ³.

Был вчера в театре. Был также приглашен на вечер, но не пошел — и правильно сделал. В понедельник отказался от приглашения к леди ** — тоже правильно. Если уж бесцельно растрачивать жизнь, лучше делать это в одиночестве. Но соблазн был велик; К** так походит на турчанку, со своим красным тюрбаном и правильным, смуглым лицом. Не то что бы мы с *ней* были или могли чем-нибудь быть друг для друга, но мне нравится все, что напоминает о «детях солнца».

Сегодня обедаю с Роджерсом и Шарпом — и с аппетитом, так как не ел уже двое суток. Хорошо бы и вовсе перестать есть.

Суббота, 11 декабря. Воскресенье, 12 декабря

Судя по ответу Голта, в моем последнем произведении есть совпадения с эпизодом из *действительности*, а не с каким-то литературным произведением. Это еще более странно, ибо я тоже черпал из *жизни*.

Послал извинения м-м де Сталь. Не чувствую себя сегодня достаточно общительным для обеда. К Шеридану в среду тоже не пойду. Я, разумеется, восхищаюсь этим несравненным собеседником и предпочитаю его всем другим, но — это «но» относится к вещам, о которых я не могу писать. Недавно у Роджерса Шеридан был в ударе, но я пробыл там только до *девяти*. Сегодня у Сталь будет весь свет, а я с удовольствием ускользну от них всех. Я бываю в свете только для того, чтобы нагулять аппетит к одиночеству. Все же пошел — но не к Сталь, а к лорду Холланду Мно-

гочисленное общество — общий разговор. Я пробыл долго — сделал промах — поправился — пришел домой и лег спать без ужина. Немного голоден, но fresco^{1*}, а это для меня самое главное.

Понедельник, 13 декабря 1813

Сделал три визита — читал — и готовился к завтрашнему отъезду. Меррей получил письмо из Эдинбурга, от собрата-книгопродавца, который пишет, что Меррей «приобрел завидного поэта» — словно я вьючная лошадь «осел или другое добро»; это напоминает миссис Пэквуд¹, которая на чей-то вопрос об Одах на Бритвы, сказала: «А как же, ведь мы держим поэта». Тот же известный эдинбургский книгопродавец однажды прислал заказ на книги — поэзию и кулинарные руководства — со следующим лестным постскриптумом: «Большой спрос на Гарольда и кулинару». Такова слава, и это, в конце концов, не хуже любой другой «жизни в чужих устах»². Не все ли равно, с кем делить читателей — с Ханной Гласс³ или Ханной Мор⁴?

Некий издатель некоего журнала *объявил* Меррею о своем намерении обругать мое сочинение, *не читая его*. Тем лучше; если бы он сперва его прочел, то изругал бы еще больше.

Аллен⁵ (Аллен лорда Холланда — самый знающий и один из самых способных людей, каких я знаю — истинный Мальябекки⁶ — пожирающий книги и наблюдатель нравов) дал мне почитать множество неизданных писем Бернса, которым и не суждено быть изданными. Они полны сквернословия и похабных песен. Какие противоречия уживаются в нем! нежность — грубость — деликатность — неотесанность — чувствительность, чувственность — парение и ползание в грязи — низменное и божественное — все смешано в одной горсти вдохновенного праха.

Это кажется странным — подлинный сладострастник никогда не углубляется мыслью в грубую реальность. Только идеализируя земное, материальное, физическое в наших наслаждениях, вуалируя эти подробности и вовсе о них забывая, или хотя бы никогда не называя их, даже самому себе — только так можно уберечься от отвращения к ним.

14, 15, 16 декабря

Сделано много, но записывать нечего. Достаточно будет записывать мысли — ибо поступки мои обычно не терпят последующего разбора.

17, 18 декабря

Лорд Холланд сообщил мне удивительный пример сентиментальности у Шеридана. Как-то мы высказывали каждый свое мнение о нем и других

^{1*} Свеж (*итал.*).

hommes marquants ^{1*}, и я сказал следующее: «Все, что Шеридан делал, всегда было *par excellence* ^{2*} *лучшим* в своем роде. Он написал *лучшую* комедию («Школа злословия»), *лучшую* драму (по моему мнению, намного превосходящую «Оперу нищих» ¹, этот площадной пасквиль), лучший фарс («Критик» ², он даже слишком хорош для фарса), лучший пролог («Монолог о Гаррике» ³) и, в довершение всего, произнес лучшую речь (знаменитую Речь о Бегуме ⁴), когда-либо составленную и слышанную в нашей стране». На следующий день кто-то передал эти слова Ш[еридану], и он заплакал!

Бедный Бринсли! Если то были слезы радости, я буду больше гордиться моими немногими, но очень искренними словами, чем если бы сочинил «Илиаду» или произнес его собственную прославленную филиппику. Даже собственная его комедия не радовала меня больше, чем известно, что он порадовался моей похвале, которая покажется недостаточной тем, «кто меня умнее и старше».

Был сегодня в своей ложе в Ковент-Гардене; и моя скромность была несколько шокирована при виде любовницы С** (которую, как мне доподлинно известно, готовили к ее профессии с младенчества), сидевшей в ложе напротив со своей матерью, «сводней высшей марки, главной сводней при армии». Я почувствовал возмущение; но, обведя глазами зал, увидел в соседней с моей ложе и в следующей, и в следующей за ней самых известных старых и молодых великосветских блудниц — и вместо этого расхохотался. Все как на подбор: леди** — *разведенная*; леди** с дочерью, леди** — *обеих следовало бы развести*; миссис ** — *то же самое*, а еще ближе ко мне... Ну и сборище, если знать, как знаю я, всю их историю. Публика в зале состояла из гласных и негласных куртизанок; но распутниц было куда больше, чем профессионалок. В числе последних были только Полина со *своей* мамашей и рядом — еще три, пониже рангом. В чем же разница между *ней* и ее *мамашей*, и леди** с дочерью? Разве лишь в том, что последних пускают в Карлтон ⁵ и любой *другой* дом, а первых — только в оперу или в бордель. Какое наслаждение наблюдать жизнь как она есть! А сам я, в сущности, еще хуже их. Впрочем, неважно; следует избегать эгоцентризма, в данном случае — отнюдь не из тщеславия.

Написал недавно дикую, бессвязную неоконченную рапсодию, которую назвал «Поездкой Дьявола» ⁶, позаимствовав идею заглавия из «Прогулки Дьявола» Порсона ⁷.

Читал кое-что по-итальянски и сочинил два сонета о** ⁸. До сих пор я написал всего один сонет, и то не всерьез, много лет назад, в виде упражнения — и больше не напишу. Это — самые плоские, писклявые, идиот-

^{1*} Выдающихся людей (*фр.*).

^{2*} По преимуществу (*фр.*).

ски платонические писания. Я настолько не терплю Петрарку, что не желал бы даже обладать его Лаурой, на что этот хнычущий, выживший из ума метафизик не был способен.

16 января 1814

Завтра уезжаю на несколько дней из города. Сегодня видел Льюиса, только что вернувшегося из «Отленда», где он препирался с м-м де Сталь по поводу самого себя, Клариссы Гарло¹, Макинтоша и меня. Я никогда не оказывал ей особенного внимания, а то мы с ней наверняка не поладили бы. Я не мастер беседовать, не умею льстить и не люблю слушать, разве что хорошенькую или глупенькую женщину. Мадам до тошноты надоела Льюису похвалами, заявила, что Кларисса — совершенство, а Макинтош — первый человек в Англии. Тут я с ней согласен: во всяком случае, *один* из первых, — но Льюис возражал. Что касается «Клариссы», то судить о ней я предоставляю тем, кто в состоянии ее прочесть. Я не одолел этой книги и поэтому не гожусь в судьи. Она с мудрым видом сказала Льюису, как моему другу, что я, во-первых, полон аффектации, а, во-вторых, позволил себе гнусную выходку: сидел за обедом с закрытыми или полузакрытыми *глазами*. Неужели у меня действительно такая привычка? Если да, то надо отучиться. Мы приобретаем дурные привычки незаметно, и от них следует во-время избавляться. Если у меня есть такая, надо было сказать мне раньше. Оно бы еще ничего, когда тебя побивает в споре некрасивая женщина, но некоторых своих соседей по столу следует видеть, равно как и тарелки на столе.

Больше всего мне хотелось бы слышать диалогическую Эклогу между ней и Льюисом — оба упрямы, умны, чудаковаты, болтливы и визгливы. Они, вероятно, заглушили всех остальных. Но увь, увь! они в ссоре и больше уже не станут препираться. Нельзя ли примирить их на время? Бедная Коринна! — она скоро обнаружит, что некоторые из ее блестящих речений не по вкусу нашим блестящим леди и джентльменам.

Начинаю восхищаться ** [леди К. Ансли], младшей сестрой ** [леди Ф. Уэбстер]. В жене было бы мое спасение. До сих пор жены моих знакомых сделали для меня мало хорошего. Кэтрин красива, но крайне молода и, кажется, глупа. Правда, я слишком мало видел ее, чтобы судить; к тому же я не терплю *esprit*^{1*} в юбке. Очень возможно, что она меня не полюбит, и я ее — тоже. Но по моей системе, и вообще современной системе, это не имеет значения. Дело (если дойдет до дела) будет, вероятно, улажено ее папой и мной. Она имела бы полную свободу; я с женщинами добр и покладист; и если только не влюблюсь в нее, чего я постараюсь не

^{1*} Умника, остроумца (*фр.*).

делать, мы будем весьма благополучной парой. Что касается поведения, пусть остерегается. Но если я полюблю, то буду ревновать — потому-то я и не хочу влюбляться. Впрочем, на мой характер нельзя полагаться; боюсь, что я не сумею проявить терпение, требуемое *bienséance*^{1*} от женатого человека в моем положении. Развод губит бедную *femme*^{2*}, а возмещение убытков — утешение слабое. Да, боюсь, что мой нрав толкнет меня на какую-нибудь восточную месть, или, во всяком случае, на апелляцию к суду двенадцати шагов. Поэтому «ничего этого мне не надо»²; я останусь одиноким холостяком, хотя мне иной раз хочется иметь кого-нибудь рядом, чтобы зевать за компанию.

Уорд, а за ним** украли одну из моих шуток насчет Метафизики м-м де Сталь и тумана и принялись, устно и в письмах, выдавать ее за свою. Как говорит Гиббет³: «из всех грабителей с большой дороги это самые настоящие джентльмены». У[орд] насмерть рассорился с вигами из-за рецензии на Фокса⁴ (если он действительно ее автор); все эссеисты и сочинители эпиграмм напустились на него. Не терплю неравенства и надеюсь, что он их побьет. Что касается меня, то я — благодарение безразлично — упростил свои политические убеждения и свел их к крайней ненависти ко всем существующим правительствам; это — самое простое, ясное и приятное чувство, какое можно вообразить, так что наступление всемирной республики незамедлительно превратит меня в сторонника полного деспотизма. Дело в том, что на всей земле богатства дают власть, а бедность есть рабство, и для народа один строй не лучше и не хуже другого. Я буду держаться своей партии, потому что так велит честь, но что касается *убеждений*, то политика *не стоит убеждений*. Иное дело — *поведение*: если присоединиться к одной из партий, надо ее держаться. Я ни в чем не проявляю последовательности, кроме как в политике, а это, вероятно, происходит от моего полнейшего к ней равнодушия.

18 февраля

Вот уже более месяца, как я не занимался дневником. Большую часть времени провел вне Лондона и в Ноттингемшире; провел хлопотно, но приятно, во всяком случае, три последних недели.

По возвращении застал все газеты в истерике, а город в волнении по поводу перепечатки двух строф¹ о слезах принцессы Шарлотты в 1812 году, после слов регента о Лодердейле². Об этом продолжают писать ежедневно; меня ругают усердно и большей частью крепко. Поговаривают, что об этом будет сделан запрос в Палате. Ну и пусть.

^{1*} Приличием (*фр.*).

^{2*} Женщину (*фр.*).

Встал — прочел в «Морнинг пост» отчет о битве Бонапарта ³, о пожаре в таможне и статью обо мне, длинную, как моя родословная, и, как водится, бранную.

Хобхауз вернулся в Англию. Это лучший мой друг, человек на редкость живой и необычайно одаренный.

С тех пор как я в последний раз брался за дневник, я успел задумать, написать и опубликовать «Корсара» ⁴. Говорят, что он имеет большой успех, — он был написан *con amore* ^{1*} и большей частью списан с *жизни*. Меррей доволен, что поэма хорошо расходуется, а если публика в равной мере довольна тем, как она читается, то больше не о чем и говорить.

Десять часов

Был у Хэнсона по делу. Видел Роджерса и получил записку от леди Мельбурн, которая пишет, что я, как говорят, «чем-то сильно угнетен». Так это, или нет? У меня, конечно, достаточно накопилось в груди «ядовитой дряни» ⁵, и пусть это лучше считают следствием нападков, чем доискиваются истинной причины; но — да, да, вечное «но» до конца моих дней.

Хобхауз пересказал мне великое множество анекдотов о Наполеоне, очень хороших и достоверных. Мой друг Х[обхауз] — самый занимательный из собеседников и, вдобавок, славный малый.

Немного почитал — писал письма и записки и сижу в одиночестве, т. е., согласно Локку, в плохой компании. «Бойтесь одиночества, бойтесь праздности» ⁶. Гм! — праздность тягостна, но об одиночестве я этого сказать не могу. Чем больше я узнаю мужчин, тем меньше они мне нравятся. Если бы я мог сказать то же самое и о женщинах, все было бы хорошо. Отчего же я этого не могу? Мне двадцать шесть лет, я достаточно испытал, чтобы страсть успела остыть, и более чем достаточно, чтобы успела увянуть способность любить — но все же, все же, вечно «но» и «все же». «Отлично: вы — торговец рыбой — ступай в монастырь !!» «Они меня совсем с ума сведут» ⁷.

Полночь

Начал письмо и бросил его в огонь. Читал — но без толку. Не пошел к Хобхаузу, как обещал и как мне следовало бы. Неважно, потерял на этом только я. Курил сигары.

Наполеон! — Эта неделя решит его судьбу ⁸. Кажется все против него; но я верю и надеюсь, что он победит — во всяком случае отразит захватчиков. Какое мы имеем право навязывать Франции монархов? О, хоть бы республика! «Ты спишь, о Брут!» ⁹ Хобхауз привез с континента массу

^{1*} С любовью (*итал.*).

анекдотов об этом необыкновенном человеке; все они свидетельствуют о его уме и отваге, но не обнаруживают в нем *bonhomme*^{1*}. Неудивительно — зная человечество так хорошо, как можно не чувствовать к нему презрения и ненависти?

Чем больше равенство, тем более равно распределяется зло, и, будучи разделено среди такого множества людей, становится легче. Поэтому я — за Республику!

Еще записки от м-м де Сталь, на которые я не ответил — и не отвечу. Я восхищаюсь ее дарованиями, но ее общество право же утомительно — это лавина, погребаящая вас под блестящими пустяками — сплошной снег и софизмы.

Идти ли во вторник к Макинтошу? — гм! Я не был ни у маркиза Лэнсдауна¹⁰, ни у мисс Берри, хотя оба мне приятны. Это относится и к сэру Джеймсу, но не знаю, право — мне кажется, что вечера в обществе не идут мне на пользу, если не встречаешь там какой-нибудь *régnante*^{2*}. —

Не могу понять, как можно было сотворить мир подобным образом. Для чего, например, созданы дэнди — или короли — или ученые мужи в колледжах — или женщины «известного возраста» — да и многие мужчины любого возраста и, прежде всего, я сам!

«*Divesne prisco natus ab Inacho
Nil interest, an pauper et infima
De gente, sub dio [max!] moreris,
Victima nil miserantis Orci.
Omnes eodem cogimur*», etc.^{3*}

Есть ли что-нибудь за гробом? *Кто* знает? Знает *тот*, кто не может сказать. А кто говорит, что *есть*? Тот, кто не знает. Когда же он узнает? Вероятно, когда не ждет этого и обычно когда не хочет. Однако в этом последнем отношении люди не одинаковы; многое зависит здесь от воспитания — кое-что от нервов и привычек — но больше всего от пищеварения.

^{1*} Добродушия (фр.).

^{2*} Владычицы (букв. «царствующей», фр.).

^{3*} Не все ль равно, ты Инаха ль древнего

Богатый отпрыск, рода ль низкого,
Влачащий дни под чистым небом,—

Ты беспощадного жертва Орна —

Мы все гонимы в царство подземное *лат.*

Г о р а ц и й. Оды, II, 3, 21—25.

Суббота, 19 февраля

Только что смотрел Кина¹ в роли Ричарда. Клянусь Юпитером, великий дух! Жизнь — природа — истина без преувеличения и преуменьшений. Гамлет в исполнении Кембла² — совершенство, — но Гамлет — это не природа. Ричард — человек, а Кин — это Ричард. Перейду к собственным своим делам.

Был у Уэйта. Он нашел, что зубы в порядке и белы; но говорит, что я скрежещу зубами по ночам, и от этого обламываются края. Да, сон со мной не в дружбе, хотя я иногда целые пол-суток стараюсь залучить его к себе.

20 февраля

Встал и вырвал два листа из дневника — не знаю почему. Только что приходил Ходжсон. У него много *bonhomme*^{1*} в добавление к другим хорошим качествам, и больше таланта, чем до сих пор признано за пределами его кружка.

Приглашен на обед в Холланд-Хауз, где будет Кин. С ним стоит познакомиться; надо надеяться, что хорошее общество предохранит его от падения, постигшего Кука. Сейчас он более велик на сцене и в жизни не должен быть ниже. Одна из газет напечатала о нем глупую статью, где он недооценен. Вчера мне показалось, что он хоть и был великолепен, все же играл не так, как в первый раз. Это могло быть следствием подобных придинок, но я надеюсь, что он слишком умен, чтобы обращать на них внимание. Он не может надеяться удержаться на нынешней высоте или подняться еще выше, не навлекая на себя зависти своих братьев-актеров и укусов их поклонников.

Но если он не одолеет их всех — значит подлинные заслуги не ценятся «в наш торгашеский век»¹.

Мне хотелось бы обладать талантом драматурга; я немедленно написал бы трагедию. Но нет — ее времена прошли. Ходжсон поговаривает о трагедии — он это сделает хорошо, — М[уру] тоже следовало бы попытаться. У него удивительный талант и много разнообразия; к тому же, он жил и чувствовал. Писать так, чтобы затронуть сердца — для этого надо, чтобы собственное твое сердце много испытало, но, может быть, уже в прошлом. Пока вы находитесь под влиянием страстей, вы можете лишь чувствовать их, но не способны описывать — как не можете в бою обратиться к соратнику и начать рассказ об этом бое. Когда все кончено, и кончено безвозвратно, — доверьтесь своей памяти — тогда она будет даже слишком верна.

Выходил из дому, ответил на несколько писем, потом позевывал и читал «Разбойников»². Отлично, но «Фиеско»³ лучше; а Альфиери⁴ и

^{1*} Добродушия (фр.).

«Аристодемо» Монти ⁵ — *лучше всего*. Их творчество более ровно, чем у драматургов Tedeschi ^{1*}.

Ответил, вернее, подтвердил получение поэмы молодого Рейнольдса ⁶ «Сафи». У мальчика есть способности, но большая часть его мыслей заимствована — *откуда?* это пусть выясняют рецензенты. Не люблю охлаждать надежды юности: к тому же — хотя в поэме было бы меньше дикой страсти и восточного колорита, если бы он повидал страны, где поместил ее действие, — я нахожу у него немало таланта и уж, конечно, достаточно огня.

Получил весьма странное послание; не менее странен и способ вручения — через лорда Х [олланда]. Но письмо приятное и лестное.

Воскресенье, 27 февраля

Сижу один, вместо того, чтобы обедать у лорда Х [олланда], куда был приглашен — но не склонен идти куда бы то ни было. Хобхауз говорит, что я превращаюсь в *loup garou* — одинокого оборотня. Верно: «один я» ¹. Прошедшую неделю провел за чтением — был в театре — кое-кто заходил — я то зевал, то вздыхал, но ничего не писал, если не считать писем. Если бы я мог всегда читать, я никогда не ощущал бы потребности в обществе. Сожалею ли я об этом? — гм! «Из людей меня не радует ни один» ², а из женщин только одна — т. е. когда она одна со мной.

Присутствие женщины оказывает на меня смягчающее действие, имеет какую-то странную власть, даже если я не влюблен, — которую я не могу объяснить, ибо имею о женском поле не слишком высокое мнение. Но все же я как-то больше доволен собой и всем окружающим, когда поблизости есть женщина. Даже миссис Мьюл, моя служанка, древняя, сморщенная и не слишком приветливая (разве только со мной), всегда умеет меня рассмешить — это не трудно, когда я «расположен».

Охо-хо! Как мне хотелось бы на мой остров! ³ Мне что-то не по себе, хотя я выгляжу здоровым. По временам я боюсь, что «я не совсем в своем уме» ⁴; однако сердце мое и голова выдержали не мало крушений; отчего бы им болеть сейчас?

Но они терзают сами себя, и я болен — болен.

«Пуговицу расстегните... Коню, собаке, крысе можно жить, но не тебе...» ⁵ Двадцать шесть лет; да ведь я уже мог бы и должен бы быть пашой. «Постыл мне свет дневной» ⁶.

Буонапарте еще не разбит; но отбил атаку Блюхера и смешал карты Шварценбергу ⁷. Вот что значит хорошая голова. Если он еще раз выигрывает сражение, *vae victis!* ^{2*}

^{1*} Немецких (*итал.*).

^{2*} Горе побежденным (*лат.*).

Воскресенье, 6 марта

В прошлый вторник обедал с Роджерсом — были мадам де Сталь, Макинтош, Шеридан, Эрскин и Пэйн Найт¹, леди Донегал и мисс Р. Шеридан рассказал отличный анекдот о себе и платочке мадам де Рекамье; Эрскин — несколько анекдотов о себе. Она говорит, что намерена написать большую книгу об Англии — я этому верю. Спросила меня, как мне нравится повесть мисс Эджуорт² «Покровительство», а я ответил (с полной искренностью), что для нее это очень плохо и хуже всех других ее вещей. Уже после сообразил, что леди Донегал, как ирландка, вероятно, покровительствует мисс Эджуорт и пожалел, что высказал свое мнение, ибо не люблю огорчать людей по поводу их самих или их любимцев; всегда кажется, что ты делаешь это нарочно. Обед прошел очень удачно, и рыба пришлась мне весьма по вкусу. Но мы слишком быстро присоединились к дамам, а миссис Коринна всегда так долго прохлаждается после обеда, что начинаешь мысленно посылать ее... в гостиную.

Сегодня приходил Кэмпбелл и в это же время зашел Мэривел³. В разговоре К[эмпбелл] принялся ругать за слащавость рецензию на «Переписку» Гримма, напечатанную в «Куотерли Ревью» (не подозревая, что Мэривел — ее автор). Я (зная это) поспешил переменить тему, и К[эмпбелл] ушел, убежденный, что произвел на нового знакомого самое благоприятное впечатление. К счастью Мэривел — весьма добродушный малый, а то бог знает, что могло бы произойти в результате этих некстати сказанных слов. Я не смотрел на него в это время, но чувствовал себя как на угольях — потому что мне нравится Мэривел и нравится статья, о которой шла речь.

На завтра приглашен к леди Кейт⁴; думаю пойти на это первое приглашение на вечер, которое я принял в этом «сезоне». Как сказал ученый Флетчер, когда младший постреленок леди ** разбил мне щеку и веко камнем: «Ничего, милорд, к *сезону* заживет», — точно в другое время глаз нам не нужен.

Приходил лорд Эрскин и вручил мне свой знаменитый памфлет⁵ с собственноручной правкой и пометками на полях. Закажу для него роскошный переплет и буду бережно хранить.

Заказал рамку для моей превосходной гравюры с портрета Наполеона. Она готова; император отлично выглядит в своей мантии — точно он в ней родился.

7 марта

Встал в семь — читал до половины девятого — отправился к м-ру Хэнсону, в Блумсбери-сквер — сопровождал в церковь его старшую дочь Мэри-Анну (хорошую девушку) и был посаженным отцом на ее бра-

косочетании с графом Портсмутом. Удостоверился, что она стала графиней — поздравил родных и жениха с невестой — выпил бокал вина (хорошего хереса) за их счастье и тому подобное — и возвратился домой. Меня оставляли обедать, но я не мог. В три часа позировал Филлипсу для портрета. Был с визитом у леди М[ельбурн] — я так ее люблю, что всегда сижу у нее слишком долго (*Мет.*: надо от этого отучиться).

Вечер провел с Хобхаузом, который начал весьма многообещающую поэму — хотелось бы, чтобы он ее продолжал. Слушал любопытные извлечения из биографии Морозини ¹, болвана-венецианца, который, черт бы его побрал, взорвал снарядом афинский Акрополь. Стало клонить ко сну — только что вернулся домой — надо ложиться. Завтра обещал встретиться с Шериданом у Роджерса.

Станный обряд — венчание. Я много видел их за границей — греческих и католических, — и одно у нас, много лет назад. Во вступлении (увещевании) есть странные фразы, которые заставили меня отвернуться, чтобы не рассмеяться в лицо священнику. Соединяя руки счастливой четы, я сделал ошибку — соединил их левые руки. Поправился — поспешил обратно к алтарной решетке и провозгласил «Аминь». Портсмут отвечал так, словно все выучил наизусть, а иногда даже опережал священника.

Сейчас уже полночь и...

10 марта, четверг

Во вторник обедал с Роджерсом — были Макинтош, Шеридан, Шарп. Оживленная беседа, интересная — за исключением моей собственной болтовни. Вспоминали былые времена — Хорн Тука — процессы ¹ — показания Шеридана и анекдоты тех времен, когда я, увы! был младенцем. Будь я тогда взрослым, из меня вышел бы английский лорд Эдуард Фицджеральд ².

Подвез Шеридана к Бруксу ³ — куда он сам, кстати сказать, не добрался бы, так как мы с ним были единственными, кто пил за обедом. Шерри намерен выставить свою кандидатуру от Вестминстера, потому что Кокрэн ⁴ (маклер и мошенник) должен освободить место. Брум ⁵ — тоже кандидат. Я боюсь за милого, бедного Шерри. Оба они — в высшей степени талантливы, но у молодого пока *еще* есть и доброе имя. Когда он доживет до возраста Шерри, посмотрим, как он сумеет пройти опасные испытания общественной жизни. Не знаю почему, но мне больно видеть поражение *стариков*, особенно Шеридана, при всей его *méchaneté* ^{1*}.

Получил много очень теплых выражений благодарности от леди Портсмут и ее *père* и *mère* ^{2*} за мое участие в бракосочетании. Я об этом не жа-

^{1*} Злости (*фр.*).

^{2*} Отца и матери (*фр.*).

лею, — она отлично выглядит в роли графини и очень милая девушка. Удивительно, как хорошо она справляется со своей новой ролью. Она стала совсем другая и приобрела породистый вид. Вот не думал, что у меня получится такая отличная графиня.

Был в театре с Хобхаузом. Миссис Джордан ⁶ была превосходна в роли Хойден, а Джонс недурен в роли Фоппингтона. *Что за пьесы!* Что за остроумие! — Увы! Настоящие комедии мы находим только у Конгрива ⁷ и Ванбру ⁸. Наше нынешнее общество чересчур пресно для подобных сочинений. К леди Кейт я не захотел пойти. Хобхауза это удивило. Странно, что он любит светские вечера. Если ты влюблен и намерен нарушить заповедь и кого-то там пожелать, тогда они бывают приятны. Но просто идти в толпу, без особого побуждения и цели — К чёрту! «Ничего этого мне не надо». Хобхауз сообщил мне странный слух: будто бы Конрад — это я; будто я и есть подлинный Корсар, и часть моих странствий окутана тайной. Гм! — Люди иногда подходят близко к истине; но никогда не угадывают ее целиком. Х[обхауз] не знает, что я делал на следующий год после его отъезда с Востока; и никто не знает, и — и все это ложь, — и вместе с тем, «я вижу, что бес мне лгал двусмысленною правдой!» ⁹

Завтра должен получить важные письма. От кого? **, ** или **? Охо-хо! ** у меня в сердце, ** — в голове, ** — перед глазами, а та, единственная — бог ее знает, где она. Все пишут, и все получают ответ. «С тех пор как влез я в милость сам к себе, на кой-какие я пойду издержки» ¹⁰. Но я никогда еще «в себе не ошибался» ¹¹, хотя другие, мне кажется, это делали.

Приходил ** [Уэбстер?]; он в отчаянии из-за своей любовницы, которой взбрело на ум... Он начал писать ей, но не смог; я закончил письмо за него, а он его переписал и отослал. Если он выдержит и послушается меня: притворится равнодушным, то она сдастся. А если нет, так он, по крайней мере, избавится от нее; ею, как видно, не стоит дорожить. Но бедняга влюблен, а если так, то победит она. Им стоит только почувствовать свою власть и *finita é la musica* ^{1*}. Захотелось спать; надо ложиться.

Вторник, 15 марта

Обедал вчера с Роджерсом, Макинтошем и Шарпом. Шеридан не мог быть. Шарп рассказал несколько презабавных анекдотов об актере Гендерсоне ¹. Я засиделся допоздна и столько выпил чаю, что не мог уснуть до шести утра. Р[оджерс] говорит, что обо мне будет речь в *ближайшем номере* «Куотерли»; очевидно обругают; «ведь они ненавидят нас, молодежь» ². *N'importe* ^{2*}. Шарп, проходя мимо одного дискуссионного клуба (Вестмин-

^{1*} Всею конец (*итал.*).

^{2*} Неважно (*фр.*).

стерского форума), видел на афише имя *Скотта* и *мое* — темой обсуждения было «кто из них лучший поэт». Думаю, что все Темплиеры³ и карьеристы во время обсуждения поминали наши строфы всуе. Кому присудили первенство, я не знаю и не хочу знать; но польщен тем, что наши имена упоминались вместе — хотя считаю, что Скотт заслуживает лучшей компании.

Приходил Уэддерберн Уэбстер — лорд Эрскин, лорд Холланд и т. д. Написал ** о слухах по поводу «Курсара». Она ответила, что не удивляется; ведь «Конрад так похож». Странно, что женщина, так близко меня знающая, говорит мне это в лицо. Но если уж она не знает, никто больше не может знать.

Автором письма в «Морнинг Кроникл», взявшего меня под защиту, был, по-видимому, Макинтош. Если так, это очень любезно с его стороны и больше того, что я сам для себя сделал.

Просил Меррея оставить за мной Итальянские Новеллы Банделло⁴ на завтрашнем аукционе. Они будут для меня лакомым блюдом. Прочел сатиру на самого себя под названием «Анти-Байрон» и сказал Меррею, что он может ее издать, если хочет. Автор ставит целью доказать, что я безбашник и непрестанно злоумышляю против законов и правительства. Из стихов кое-что хорошо, а прозу я не вполне понял. Автор утверждает, что мои «зловредные сочинения» оказывают «на общество влияние, требующее...» и т. д. и т. п.; дальше идут его собственные стихи. В общем, длинная поэма с пространством предисловием и заглавным листом подставить ему. Подобно мухе в басне, я, как видно, сел на колесо, вздымающее много пыли; но, в отличие от упомянутой мухи, не утверждаю, что всю эту пыль поднял именно я.

Получил письмо от Беллы⁵ и написал ответ. А ведь я снова могу в нее влюбиться, если не остерегусь.

Собираюсь заняться более систематическим чтением.

Четверг, 17 марта

Сегодня утром упражнялся с Джексонем в боксе; намерен продолжать и возобновить знакомство с кожаными рукавицами. Грудь, руки и дыхание у меня в отличной форме, и я не полнею. У меня был прежде хороший удар, и руки очень длинные по моему росту (5 футов 8 1/2 дюймов). Во всяком случае, физические упражнения полезны, а это — самое трудное из всех: фехтование и палаш и вполнину так не утомляли меня.

Прочел «Раздоры среди писателей»¹ (тоже нечто вроде бокса) — новый труд [Д] Израэли, чрезвычайно интересного и дотошного автора. Эта братия, как видно, весьма раздражительна, и я хотел бы держаться от них подальше. «Я не пойду с ними через Ковентри, — это ясно»². Кой

чёрт дернул меня взяться за сочинительство! Теперь говорить об этом поздно и сожалеть бесполезно. Но если бы можно было начать сначала, я, вероятно, все-таки писал бы. Такова человеческая природа — во всяком случае, моя; правда, я буду о себе лучшего мнения, если у меня хватит ума остановиться хоть теперь. Если у меня будет жена, а у жены — сын (от кого бы то ни было), я воспитаю своего наследника в самом анти-поэтическом духе — сделаю из него адвоката, или пирата, или что угодно. Но если он станет сочинять, я уж наверняка буду знать, что он не мой сын, и лишу его наследства. Три часа — а мне еще надо написать письмо.

Воскресенье, 20 марта

Хотел пойти к леди Хардвик¹, но раздумал. С утра я всегда склонен выезжать в свет, но с приближением вечера это желание пропадает, и я почти нигде не бываю — а если бываю, то неизменно раскаиваюсь. Нынешний вечер мог бы быть приятным, во всяком случае, хозяйка дома — женщина незаурядная. На завтра зван к леди Лэнсдаун, а в среду — к леди Хискот. Гм! Придется все же иногда заставлять себя бывать, иначе это покажется невежливым; а лучше поступать как все люди — чёрт бы их побрал.

Читал Маккьявелли, Шардена, Сисмонди² и Банделло — урывками. Прочел только что вышедший 44-й номер «Эдинбургского». В начале статьи о «Покровительстве» мисс Эджуорт нашел весьма похвальный отзыв о себе. Не знаю, лестно ли это для меня, но делает честь редактору, который некогда поносил меня. Похвалу многие готовы взять назад; но чтобы взять назад поношения или похвалить того, кого однажды ругал, нужна сила духа. После возвращения в Англию я часто слышал от тех, кто его знает, самые лестные отзывы о Джеффри, за многое, помимо его таланта. Хвалю его за это; не потому, что он *похвалил меня* (меня столько хвалили и поносили поочередно, что я стал безразличен и к тому и к другому, насколько можно быть к чему-нибудь безразличным в двадцать шесть лет); нет; я хвалю его за то, что он, вероятно, *единственный*, кто, при тех отношениях, в каких мы с ним находимся или находились, имел великодушие так поступить; на это мог рискнуть только большой человек. Высота, на которой он стоит, не вскружила ему голову; заурядный писака до конца продолжал бы придирааться. Заслужен ли мною его панегирик, это — дело вкуса. Многие готовы подвергнуть его сомнению и рады такому случаю.

Сегодня приходил лорд Эрскин. Он намерен довести свои размышления о войне — вернее, о войнах — до наших дней. Надеюсь, что он осуществит это. Надо послать к Меррею и просить, чтобы поскорее переплели мой экземпляр его памфлета; лорд Э[рскин] обещал мне внести исправле-

ния и дать на полях примечания. Все написанное его рукой будет представлять большую ценность, которая возрастет с годами. Эрскин многого ожидает от обещанной «Истории» Макинтоша³. Она несомненно станет классической, когда будет закончена.

Вчера опять боксировал с Джек² оном и завтра намерен снова. Это поднимает мне настроение, хотя руки и плечи сильно ноют. *Мет.*: побывать на боксерском обеде — председательствует маркиз Хантли.

Лорд Эрскин считает, что министрам угрожает отставка. Тем лучше для него. Мне безразлично, кто кого сменяет; нам нужно нечто большее, чем смена кабинета, и когда-нибудь это наступит.

Помню, как однажды на Дельфосе, проезжая у подножья Парнаса, по дороге из Криссо в Кастри, увидел в воздухе шесть орлов. Редко можно видеть столько сразу; и именно их количество, а не вид, встречающийся там довольно часто, — привлекло мое внимание.

Последней подстреленной мною птицей был *орленок*; это было на берегу залива Лепанто, возле Востицы. Я только ранил его и хотел спасти; глаза у него так и сверкали, но он стал чахнуть и через несколько дней умер. С тех пор я не подымал руки ни на одну птицу — и никогда не подыму. Что привело мне сейчас на память оба эти случая? Я только что читал Сисмонди, а там нет ничего, что могло бы вызвать такие воспоминания.

Меня сильно занимают Браччо ди Монгоне, Джованни Галеаццо и Эччелино. Но этот последний — *не* тот Браччаферро, граф Равеннский, чью историю мне хочется разыскать (хотя его тезка). У Лаватера есть отличная гравюра с картины Фюзели⁴ — *того самого* Эччелино над телом Медуны, наказанной им за неверность, пока он был в крестовом походе. Он поступил правильно — но я хочу знать всю историю.

Вторник, 22 марта

Вчера был *званный вечер* у Лэнсдаунов. Сегодня *званный вечер* у леди Шарлотты Гревилл¹ — досадная потеря времени и порча характера. Что можно там сказать? — и что услышать? — речи без мысли; если и *думаешь* о чем-то, то не о том, о чем болтаешь. Охо-хо! И так половина Лондона проводит так называемую жизнь. А завтра вечер у леди Хискот. Пойти, что ли? — Чтобы наказать себя за то, что живу без цели.

Однако кого же я все-таки видел? Единственный, кто произвел на меня впечатление, была старшая дочь леди С[таффорд] — леди Шарлотта Л[евисон]. Ее *не* находят хорошенькой. Не знаю — что нравится, то и корошо; зато у нее видна *душа* — и она способна меняться в лице — и в ней так много застенчивости газели (которая пленяет меня), что я смотрел на нее больше, чем на всех других женщин, какие там были, и отводил

глаза только тогда, когда думал, что она заметит мой пристальный взгляд и смутится. Здесь возможны и ассоциации. Она дружна с Августой, а все, что та любит, мило и мне.

Маркиза, ее мать, немного побеседовала со мной; и я много раз готов был просить ее представить меня à sa fille^{1*}, но не решался. Все это из-за ссоры с Карлайлями.

Граф Грей² со смехом рассказывал мне о заметке в последнем номере «Монитера», где среди прочих признаков бунта приведены некоторые подробности *сенсации*, вызванной во всех наших правительственных газетах стихами о «слезах»; причем из эпиграммы (да и не эпиграммы вовсе, разве что в греческом смысле слова) получился целый роман. Удивляюсь, почему «Курьер» и прочие не перевели этих строк из «Монитера» и не снабдили комментарием.

Принцесса Уэльская заказала Фюзели картину на тему «Корсара» — предоставив ему самому выбрать, какое именно взять место; так сообщил мне м-р Локк. Устал, пресыщен, занят собой, хочу спать — надо ложиться.

Roman, вернее Romance, иногда, как и по-испански, может означать «песнь». Думаю, что именно это и имел в виду «Монитер», если только не спутал с «Корсаром».

Олбэни, 28 марта

Сегодня вечером перебрался на новую квартиру, которую снял на семь лет у лорда Олторпа. Здесь просторно — хватит места моим книгам и саблям. Удобно также, что все находится в самом доме. Последние дни, вернее целую неделю, был крайне воздержан в еде и усерден в физических упражнениях — и все же очень нездоров.

Вчера обедал в «Кокосовой Пальме»¹ tête à tête^{2*} с Скропом Дэвисом — просидели с шести до полуночи — выпили вдвоем одну бутылку шампанского и шесть бутылок *кларета*; ни то, ни другое на меня не действует. Предложил Скропу доставить его домой в моем экипаже, но он упилился и настроился на молитвенный лад; пришлось оставить его на коленях, возносящим молитвы, не знаю какому богу и о чем. Вчера и сегодня утром обошлось без тошноты и головной боли. Встал даже раньше обычного — занимался боксом с Джексонсом ad sudorem^{3*} и чувствую себя гораздо лучше, как уже давно не чувствовал. О Скропе больше ничего не знаю. Вчера уплатил ему четыре тысячи восемьсот фунтов — старый долг, который следовало бы заплатить раньше. Устранив этот débit^{4*}, ощутил большое облегчение.

^{1*} Своей дочери (фр.).

^{2*} Наедине (фр.).

^{3*} До пота (лат.).

^{4*} Дебет (фр.).

Августа хочет, чтобы я помирился с Карлайлем. Я не поддавался *ни на чьи* уговоры, но ей ни в чем не могу отказать; придется это сделать, хотя мне легче «напиться уксусу и съесть крокодила»². Вспоминаю, что Уорд, Холланды, Лэмы, Роджерс и пр. и пр. все, более или менее, в течение двух лет безуспешно пытались уладить эту ссору из-за *стихов*. Я немало посмеюсь, если это удастся Августе.

Читал всего понемногу — завтра придут остальные мои книги. К счастью, в этой комнате они уместятся — «здесь вдоволь места» и т. д., «чтоб ада письмена чертить»³.

Надо подумать о каком-нибудь занятии, а то сердце мое вновь начинает грызть себя.

8 апреля

Шесть дней провел вне Лондона. По возвращении узнал, что моего бедного маленького кумира, Наполеона, сбросили с пьедестала, а воры вошли в Париж. Сам виноват. Подобно Милону¹, он хотел разодрать дуб; но тот сомкнулся и защемил ему руку, и теперь звери — не только лев и медведь, но даже грязный шакал — могут растерзать его. Московская зима *защемила* ему руки — с тех пор он дрался ногами и зубами. Зубы его еще могут оставлять следы; и «я смеаю» (как выражаются янки), что он еще им покажет. Он у них в тылу — между ними и их домом. Спрашивается: сумеют ли они туда вернуться?

Суббота, 9 апреля 1814

Сегодняшний день я отмечаю особо!

Наполеон Буонапарте отрекся от всемирного престола¹. «Изрядно хорошо». Думается, что Сулла² сделал лучше; ибо он отомстил, и затем отказался от власти, когда находился на вершине ее, когда еще был обогретен вражеской кровью — и тем выразил негодям великолепное презрение. Неплохо получилось у Диоклетиана³ — и у Амурата⁴, если бы из него вышло нечто получше дервиша. У Карла Пятого⁵ было похуже, а у Наполеона хуже всего. Как! Дождаться, чтобы враг вступил в столицу и тогда только заявить о своей готовности отказаться от того, что уже потеряно! «Что за ханжа, за праведный обманщик!»⁶. Чёрт знает что! Дионисий⁷ в Коринфе был не в пример царственнее. И куда удалился — на «Остров Эльбу!» Я меньше удивился бы, если бы на Капри. Вижу, что «теряя счастье, мы теряем ум»⁸. Я совершенно растерян и сбит с толку.

Не знаю, — но мне кажется, что я, даже я (букашка в сравнении с этим человеком) ставил свою жизнь на карту ради ставок, в миллион раз меньших. А впрочем, может быть и не стоит умирать за корону. И все же, как мог дойти до этого победитель при *Лоди*!!!⁹ О, если бы Ювенал или Джонсон могли восстать из мертвых! *Expende... — quot libras in duce summo*

invenies^{1*}? Я знал, что они немного *веса*т на весах человеческих судеб; но думал, что в их живых телах больше *каратов*. Увы! Царственный алмаз оказался с изъяном и едва ли пригодится теперь даже стекольщику; а историк не оценит его и в дукат.

Да ну его! «Достаточно об этом»¹⁰. И все же, я не отрекись от него даже сейчас; хотя все его поклонники, все «таны от него бегут»¹¹.

10 апреля

Не знаю, счастливее ли я в одиночестве; но одно я знаю твердо: я не могу долго пробыть в обществе даже *той*, кого люблю (слишком люблю — видит бог, да и дьявол, вероятно, тоже), чтобы меня не потянуло к моей лампе и моей хаотически беспорядочной библиотеке. Даже днем я чаще отсылаю экипаж, чем пользуюсь — или злоупотребляю им. *Regesmpio*^{2*}, — вот уж четыре дня, как я не выхожу из этих комнат. Зато ежедневно в течение часа боксирую (при открытых окнах) с Джексоном, чтобы сбавить в весе и укрепиться духом. Чем сильнее я при этом утомляюсь, тем лучше мое настроение на весь остаток дня; а по вечерам я погружаюсь в спокойное и томное забытие, которое люблю больше всего. Сегодня час занимался боксом — написал Оду к Наполеону Бонапарту¹ — переписал ее — съел шесть сухарей — выпил четыре бутылки содовой воды — остальное время читал, да еще надавал бедному ** [Уэбстеру?] кучу советов относительно его возлюбленной, которая вгоняет его в чахотку и невыносимую тоску. Нельзя сказать, чтобы мне к лицу было читать лекции о «секте». Впрочем, все мои советы бесполезны.

19 апреля 1814

Оба полюса скованы льдом — и северный, и южный — таковы и все крайности — больше всего бедствий на вершине и на дне, у императора и у нищего, у одного — когда он не добудет шести пенсов, у другого — когда лишается трона. Есть, разумеется, и скучная середина — равноденственная линия, — но никто не знает, где ее искать, кроме как на карте.

«...все *вчера* лишь озаряли путь
К могиле пыльной»¹.

Больше я не стану вести дневника об этих вчерашних светильниках; и чтобы не возвращаться, как собака, к блевотине воспоминаний, я вырываю из тетради оставшиеся листы и пишу — *рвотным порошком* вместо чернил — что «Бурбоны восстановлены на престоле!!!» «К чертям всю философию!»² Правда, я давно презираю себя и вообще человека, но никогда еще не плевал в лицо людям. — «Шут мой, я схожу с ума»³.

^{1*} Взвесь — сколько фунтов окажется в великом вожде (*лат.*). Ю в е в а л. Сат., X, 147.

^{2*} Например (*итал.*).

П И С Ь М А

✱

33

29 ноября 1813

Воскресенье — т. е. понедельник — три часа утра —

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

сижу в одном исподнем — и ругаюсь.

Дорогой сэръ,

В свое время я послал вам список опечаток, включая пропущенные мной строки ¹, которые надо добавить отдельно, если уже поздно включить их в текст. Весь этот кусок является подражанием Медее Овидия ² и без этих двух строк будет неполным. Прошу это сделать, и немедленно; это необходимо, прибавит всего одну страницу в книге, ничему не повредит и еще может дойти до *читателей*. Отвечайте же утвердительно, о оракул. Тем, кто уже купил книгу, вы можете послать дополнительные страницы, если они пожелают; и уж обязательно надо послать их всем *критикам*, которые ее приобрели.

Всегда ваш
Б а й р о н

P. S. — Я встал с постели (в которой все равно не мог уснуть, даже внеся эти поправки); поэтому желаю вам доброго утра. Попробую применить «О Германии» в качестве снотворного, но сомневаюсь в успехе.

34

ТОМАСУ МУРУ

6 января 1814

У меня печатается чертовски длинная повесть под названием «Корсар», написанная героическим стихом. Это пиратский остров, населенный созданиями моего воображения, и вам легко представить себе, сколько они успевают натворить в трех песнях. А теперь о посвящении — если вы согласны его принять. Это положительно последнее испытание, которому я подвергаю общественное мнение по части *литературы* — пока не достигну тридцати лет, если только доживу до этого времени, когда мы начинаем идти под гору. Я питаю к вам доверие, удивляющее меня самого, но в настоящее время действие его временно приостановлено... Однако ж увидим. Пока можете забавляться моей нерешительностью и

сзывать трех мировых судей, на случай если я явлюсь в ваши края «с оружием в руках».

В самом деле, получу ли я известия от нее или от него — у меня сейчас наступил *перерыв*, который я заполню всеми немногими мыслями, какие сумею позаимствовать у других. Все лучше, чем застой; а сейчас, в междуцарствие, на пороге моей осени, после странного летнего приключения, о котором мне не хочется вспоминать (я не имею в виду ** — то было всего лишь смешно), я поддерживаю в себе жизнь усиленными полунощными трудами; «Макбет не может больше спать»¹; ему посчастливилось избавиться от дремотного ощущения нового пробуждения.

Прошу писать мне. Я должен вам послать экземпляр (посвящение). Когда выходит в свет ваша поэма? Я уверен, что на этот раз мы не *столкнемся*²; у меня там море, битвы, жена, любовница и т. д.

Томас, ты счастливый человек; но если хочешь, чтобы мы оба были счастливы, надо приехать в город, как в прошлом году; у нас будет о чем поговорить и что посмотреть и послушать. Прошу подать о себе весть.

P. S. — Само собой разумеется, что вы сохраните мою тайну и не проговоритесь о ней даже во сне. Что бы там ни было, посвящение вам обеспечено, так как оно уже написано; сегодня вечером я перепишу его набело. на случай если дела или развлечения — *Amant alterna Camoenae*^{1*}.

35

ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

11 февраля 1814

Дорогая леди М[ельбурн],

Приехав в среду в город, я столкнулся с тем, что ученые называются перед дилеммой, а обыватели — попасть в беду¹.

Столько противоречивых газетных заметок; столько пасквилей, порой даже остроумных и во всяком случае злых. Регент (по слухам) разгневан: лорд Карлайль взбешен; «Морнинг Пост» в истерике; а «Журьер» в судорогах раздоров и укоров. В довершение фарса, сегодняшние утренние газеты сообщают о намерении некоего усердного Розенкранца или Гильденстерна «сыграть на этой дудке»² в палате наших потомственных законодателей. Это кажется чересчур нелепым, чтобы быть правдой — но если даже правда — ибо нет такой нелепости, которую некоторые из них не попытались бы учинить, — никакие предложения, запреты, слова, дела или приказы сего высокого учреждения не заставят меня ни объяснить, ни смягчить хоть единый слог в тех двадцати словах, которые вызвали — *что* именно вызвали, я еще не знаю точно, до того противоречи-

^{1*} Камены любят поочередное пение (*лат.*).

вы все сообщения, но что бы там ни было, «раз вино откупорено, его надо выпить до дна»³. Вы советуете мне не проявлять «резкости» и не «отвечать». Я не отвечал и не стану, хотя следствием может быть изгнание из общества и всевозможные неприятности; демон, которому я служил, «не отнял лучшего, что есть в мужчине»⁴, и что бы я ни чувствовал, сейчас или в будущем, во мне живет нечто такое, что восстает против насилия. Я глубоко чувствую и у меня не слишком крепкие нервы; но они мне не раз хорошо служили в самые нужные минуты и могут послужить еще. Во всяком случае, я попытаюсь.

Видано ли что-либо подобное? На чаше весов лежат мир и война, монархи и Наполеоны и судьба несчастных существ, в которые они превратили человечество, а правительственные газеты день за днем посвящают половину своего внимания и своих столбцов 8-ми строкам, появившимся два года назад, а сейчас лишь переизданным (частным лицом), и предлагают их на рассмотрение Парламента — очевидно, одновременно с мирным договором.

Я, право, начинаю считать себя весьма важным лицом; чего бы ни дал бедняга Поп, чтобы вызвать подобный шум вокруг своего «Послания Августу»⁵.

Вы должны признать, что во всех областях жизни, общественной и частной, мне выпала странная судьба. Однако я заболтался, надо вас пощадить.

Скажите, когда вас дозволено видеть? Или кто-нибудь из «любимцев» помешает нашей встрече?

Как поживает К[аролина]? Что она оставила нас в покое, я считаю немалой компенсацией за все другие волнения; полагаю, что она больше не потревожит вас юбилейными спектаклями.

Я рад, что вам нравится Корсар; я опасался, что этот джентльмен окажется слишком слезлив на ваш вкус. Но все эти внешние черты — ничто в сравнении с внутренними, а этой темы я не коснулся.

Любящий вас
Б.

P. S. — Меррей испугался и в мое отсутствие начал, как вы говорите, подтасовывать; но я немедленно заставил его восстановить каждую строчку⁶ на прежнем месте.

Сейчас не время отступать, а если бы и так, их все равно не следовало вычеркивать, и больше этого не будет. Никакие эдикты в мире не могут помешать их распространению после глупой шумихи газетчиков, которые только пуще разожгли любопытство, придав столько значения «двум строфам виршей», как они их не раз называли.

36

ТОМАСУ МУРУ

Олбэни, 2, 9 апреля 1814

Виконт Олторп собирается жениться, и мне досталась его просторная холостяцкая квартира на Олбэни, куда, я надеюсь, вы скоро пришлете ответ на настоящее послание.

Я только что возвратился в город, из чего вы можете заключить, что я отсутствовал; и весь месяц ежедневно тренировался в боксе с Джексоном. Кроме того, я выпивал; а однажды, с тремя друзьями, пьянствовал в «Кокосовой Пальме» с шести до четырех и даже до пяти утра. До двух у нас были в ходу кларет и шампанское — затем мы ужинали, а закончили неким подобием пунша в стиле регентства, из мадеры, брэнди и зеленого чая, так как *простой* воды туда не полагается. Вот это была ночь! Мы ни разу не встали из-за стола, пока не пришло время убираться домой, что я проделал один, презрев наемную карету и собственный мой vis^{1*}, которые были сочтены необходимыми для нашей доставки. И вот, я чувствую себя отлично, а говорят, что это повредит моему здоровью.

Кроме того, я нарушал еще некоторые из наиболее популярных заповедей, но намерен остепениться и жениться, если кто-нибудь за меня пойдет. А пока я недавно едва не погиб от свиного рулета, который проглотил за ужином и не мог переварить бог знает сколько времени, но это между прочим. Все это обжорство было в честь поста; мясо запрещено мне на весь остальной год, но строго предписано мне на время поста. Я был и есть довольно сильно влюблен, но об этом в другой раз.

Мой дорогой Мур, говорите в вашем предисловии, что хотите; вышучивайте кого угодно и что угодно — меня, если желаете. Чёрт возьми! Неужели я причислен к *старой*, вернее, к *пожилой* школе? Если уж нельзя пошутить с друзьями, с кем же тогда и подурачиться? Вам нечего опасаться со стороны **, которого я не видал, так как меня не было в городе, когда он приходил. Все будет весьма правильно, гладко и так далее, сомневаюсь только, будет ли у него «прелесть, неподвластная уму»¹ — но будет или нет, вы-то до каких пор будете так чертовски скромны? Что до Джеффри, то с его стороны очень великодушно отзываться хорошо о старом противнике² — человек мелкий на это не решился бы. Каждый готов отступить от слов похвалы, но очень немногие, — сказал бы я, если бы это не касалось отчасти и меня, — имеют довольно силы духа, чтобы взять назад свое осуждение или похвалить критикуемого за другие вещи.

Что вы думаете о рецензии на книгу Левиса³? По части бранных слов она оставляет далеко позади «Сумку» и мою ручную гранату⁴, и привела двор в состояние истерики, как я слышал от весьма осведомленных людей. А есть ли вести от **?

¹* Vis-à-vis (*франц.*) — легкий экипаж.

Стихи больше уже не для меня; вернее вы не дождетесь их *от меня*. Я уйду с этой сцены и больше не стану на ней кривляться. У меня была своя пора, на том и покончим. Самое большее, чего я ожидаю или даже желаю, это — чтобы в Biographia Britannica^{1*} было сказано, что я мог бы стать поэтом, если бы постарался исправиться. Я нахожу большое удовольствие в мысли, что временная слава, которой я добился, завоевана наперекор общепринятым мнениям и предрассудкам. Я не льстил властям предрержащим; я не скрыл ни одной мысли, которую мне хотелось высказать. Никто не может сказать, что я склонялся перед требованиями времени или выбирал излюбленные темы (как Джонсон, или еще кто-то, сказал о Кливленде⁵); все, чего я достиг, далось мне ценой *личной* популярности, ибо, мне кажется, не было барда, менее популярного, quoad homo^{2*}, чем я. А теперь — конечно; ludite nunc alios^{3*}. Пусть все убираются к черту, — к которому они явно стремятся и усиленно хлопочут о геенне огненной.

Кстати, чуть не забыл. Выходит длинная поэма, «Анти-Байрон», доказывающая, что я составил заговор с целью ниспровержения, с помощью *рифм*, всех религий и правительств и уже весьма в этом преуспел! Поэма не слишком непристойна, напротив, — серьезна и возвышенна. Я никогда не чувствовал себя особенно важным лицом, пока не узнал, что я этаким Вольтер в миниатюре и способен вызвать к жизни подобное произведение.

Меррей отказался его напечатать, и это очень глупо с его стороны; я ему так и сказал; но кто-нибудь несомненно напечатает. «Достаточно об этом»⁶.

Ваш французский план хорош, но замените его *итальянским*; в Париже соберутся все англы. Пусть это будет Рим, Милан, Неаполь, Флоренция, Турин, Венеция или Швейцария и «ей богу, право» (как говорит Бейс⁷), я готов жениться и присоединиться к вам, и мы напишем новый Inferno^{4*} в нашем Раю⁸. Подумайте об этом, прошу вас, — и я в самом деле куплю себе жену и кольцо, и свершу все обряды, и поселюсь с вами на даче, где-нибудь на Арно, на По или на Адриатике.

Увы, мой бедный маленький кумир, Наполеон, сошел с пьедестала. Говорят, он отрекся от престола. Это способно исторгнуть слезы расплавленного металла из глаз Сатаны. Возможно ли? «Чтоб землю целовать у ног Малькольма юного? Чтоб чернь меня проклятиями затравила?»⁹ Такого бесславного поражения я не могу перенести. Буду держаться Суллы — ибо современные мои любимцы не годятся — их отречения совсем другого

^{1*} Британских биографиях (*лат.*).

^{2*} В качестве человека (*лат.*).

^{3*} Морочьте теперь других (*лат.*). Иоанн Павлович (Anth. Pal. IX, 49).

^{4*} Ад (*итал.*).

рода. Желаю вам всякого благополучия и здоровья, дорогой мой Мур. Извините за длинное письмо.

Всегда и т. д.

P. S.— «Куотерли» обильно цитирует вас в статье об Америке; а все, кого я знаю, непрерывно спрашивают о вас и ваших близких. Когда же вы сами им ответите?

37

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

21 апреля 1814

Дорогой сэр,

Весьма благодарен и возвращаю письма. Вам известно, что я якобы-нец и не мог бы носить белую кокарду и приветствовать воцарение Людовика Подагрического ¹.

Печальные вести, тяжкие для страдальцев во всякое, а тем паче в такое время,— я говорю о вылазке в Байонне ².

Вам следует *уговорить* Мура *выступить*.

Всегда Ваш
Б.

P. S.— Мне хотелось бы приобрести *Морери* ³ в собственность. У меня есть Бейль ⁴, но я хочу М[орери] также.

P. S.— Перри ⁵ сегодня меня хвалит, хотя *фамилию* лучше было бы опустить. Но ничего, меня могут лишь снова обвинить в непоследовательности— ну и пусть — я имею в виду мое решение *не печататься*. *Теперь уж*, впрочем, я сдержу слово. Только особый случай заставил меня его нарушить— тут просто *физически* нельзя было удержаться, и я решил, что *аноним* не будет противоречить моему *пакту* с публикой. Это единственное, что я решил.

38

АННЕ ИЗABELЛЕ МИЛБЭНК

10 августа 1814

На ваш вопрос я отвечу со всей возможной откровенностью. Я любил— люблю — и всегда буду любить вас; это чувство не вполне подвластно моей воле, поэтому я не знаю средства от него, и, во всяком случае, никогда не стану искать такое средство ценой вашего спокойствия.

В начале нашего знакомства мне казалось,— судя по всему, что я видел и что слышал о вас,— что вы более других женщин способны составить счастье любого мужчины (если он не безнадежно туп или безнрав-

ственен); но скоро я услышал, что сердце ваше не свободно, что вы даже, кажется, счастливо помолвлены с человеком, которого горячо поддерживали все женщины того дома, где я об этом узнал. Перед лицом столь мощного препятствия и вашей предполагаемой склонности, у меня оказалось слишком много смирения, или гордости, чтобы не докучать вам или просто не претендовать на ваше внимание, пока я не узнал, почти случайно, что сведения о помолвке были ложными. Остальное вам известно; и я не стану докучать вам «рассказом, выслушанным дважды»¹ и «ничего не значащим»².

Каковы были и есть ваши чувства и возражения, я не имею права, да, пожалуй, и желания спрашивать. Для меня довольно того, что они существуют; они не вызывают у меня ни удивления, ни обиды. Куда бы это годилось, если бы женщина была обязана объяснять причины своего отращения? Вы полюбили бы меня, если бы смогли; но раз не можете, я не настолько фат, чтобы изумляться такой весьма естественной вещи. Вы спрашиваете, насколько мои чувства к вам угрожают моему душевному спокойствию. Не знаю — не настолько, чтобы нарушить ваш покой или требовать от вашей жалости того, чего я не могу ждать от вашей любви.

Меня прервали — может быть, оно и лучше, когда пишешь на подобную тему.

39

ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

Ньюстэдское аббатство, 18 сентября 1814

Дорогая леди М[ельбурн]!

Мисс Милбэнк приняла мое предложение; ее ответ пришел вместе с весьма любезным письмом от вашего брата. Могу ли я надеяться также и на ваше согласие? Я не мог бы быть счастлив без него, даже если бы оно не было важно по многим другим причинам; а, получив его, не нуждаюсь более ни в чем, кроме ваших добрых пожеланий сейчас и вашей дружбы на будущее.

Спешу сообщить вам, как обстоят сейчас дела. Как и в других подобных случаях, многое может помешать их завершению, но я буду надеяться на лучшее. Я буду в городе к четвергу и прошу известить меня двумя строчками, адресованными на Олбэни, когда и где вы позволите мне увидеть вас.

Разумеется, я намерен в корне исправиться и стать «человеком честным и верным»¹ во всех смыслах обоих этих отличных слов. Я всерьез постараюсь сделать вашу племянницу счастливой;

«Не вспоминай о том, чего я стою,
А помни то, чего я стоить буду»².

В моем поведении вы имеете много оснований сомневаться; в ее достоинствах вы сомневаться не можете. Нет нужды говорить, что это надо держать в *секрете*.

Пришлите мне несколько строк на Олбэни и верьте, что я всегда остаюсь

любящим вас
Б.

40

АННЕ ИЗАБЕЛЛЕ МИЛБЭНК

18 сентября 1814

С вашим письмом ¹ для меня началась новая жизнь — оно было неожиданным — нет нужды говорить, каким оно было желанным — жалкое слово для выражения моих чувств — но не хуже любого другого — потому что выразить их я все равно не могу. Я всегда считал вас одним из лучших созданий на земле — как по собственным наблюдениям, так и по мнению других; вас так же трудно *не* любить, как трудно быть вас достойным. Я знаю вам цену — я чту ваши добродетели не менее, чем люблю вас; я глубоко сознаю, как трудно воздать вам должное, и всеми силами готов это доказывать; если доказательства эти могут способствовать *вашему* счастью, тогда и я буду счастлив. Да, в вашей власти дать мне счастье — и вы его уже дали. Я хотел ответить на ваше письмо тотчас же — но неспособен сейчас собраться с мыслями для разумного ответа; ведь я уже был готов уехать из Англии — без надежд, без опасений, почти без чувств; я хотел лишь сделать последнее усилие и убедиться — не в том, что могу вызвать у вас ответное чувство — это было бы слишком самонадеянно — но в том, что время и самые искренние старания любой ценой заслужить ваше одобрение хотя бы несколько расположат вас ко мне. Эти надежды стали мне теперь еще дороже, хотя были дороги всегда; с тех пор как я встретил вас, мое чувство росло; и самые безумства — вы можете назвать их еще хуже — в которые я погружался в поисках забвения, лишь живее и острее будили во мне воспоминания, потому что я невольно сравнивал — несмотря на гордость — и на страсти, которые могли, быть может, погубить меня, но не могли обмануть.

Я еду в Лондон по делу, и как голько закончу его, надеюсь получить дозволение приехать в Сихэм; вашему отцу я отвечу тотчас же, а пока хочу через вас выразить мою почтительную признательность ему и леди Милбэнк. Вы мне напишете, не правда ли? И позвольте заверить вас в вечной и неизменной преданности, привязанности и благодарности

вашего покорного слуги.

ТОМАСУ МУРУ

Ньюстэдское аббатство, 20 сентября 1814

Пью за деву, что всех прелестней!
Долго вздыхал я о ней!
Но из вздохов родились песни,
А они всех сокровищ ценней¹.

Мой дорогой Мур,

Я женюсь — т. е. мне дали согласие, а в таких случаях люди надеются, что и остальное воспоследует. Мою мать Гракхов (*будущих*) вы считаете слишком чопорной для меня, хотя она — чудо среди единственных дочерей, «облеченная золотым нарядом славы»² и не менее Дездемоны полна «истинного благородства»³. Это — мисс Милбэнк, и я получил от ее отца приглашение приехать в качестве жениха — чего, однако, я не могу сделать, пока не улажу некоторые дела в Лондоне и не сошью себе синего фрака.

Говорят, что она богатая наследница, но об этом я, право, ничего наверняка не знаю и не намерен спрашивать. Зато мне известны ее таланты и отличные качества; а в уме вы не можете ей отказать, раз она отвергла шестерых претендентов и избрала меня.

А теперь, если вы имеете что-либо против, скажите, прошу вас; мое решение принято бесповоротно, и теперь я могу выслушивать доводы разума, потому что они ничему не повредят. Что-нибудь может помешать, но я надеюсь, что этого не будет. Сейчас я могу сказать вам (и пусть это будет *секретом*, пока она не выразит желания его раскрыть), что сделал предложение и получил согласие. Можете не торопиться с поздравлениями, потому что свадьба вероятно состоится только через несколько месяцев. Завтра я еду в город, но недели через две думаю снова быть здесь, проездом к невесте.

Если бы я потерпел неудачу, я уехал бы в Италию. Вы можете встретиться со мной в Ноттингеме, где я буду по пути к ним, и приехать со мной сюда. Мне нет надобности говорить вам, что ничто не доставит мне большего удовольствия. Я, разумеется, должен основательно исправиться, и если я сумею способствовать ее счастью, я тем самым обеспечу свое. Она такой хороший человек, что я — что я — словом, что я хотел бы быть лучше.

Всегда и т. д.

42

ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

Сихэм, 4 ноября 1814

Дорогая леди Мельбурн,

Я здесь уже два дня, но хотел выждать и понаблюдать, прежде чем поделиться своими впечатлениями с вами — моим доверенным лицом, как сказал бы мастер Хор¹.

Ваш брат мне очень нравится. Рассказы его, конечно, длинны; но он, кажется, рассказал уже почти все и представляется мне образцом джентльмена; а вот леди М[илбэнк] мне совсем не нравится. Не знаю, почему, ибо у нас с ней ни в чем не было разногласий; но это так; видимо, она здесь главное лицо; что ж, отлично; я держусь и намерен держаться весьма покорно и почтительно; но хотелось бы, чтобы она могла поменяться местами с моей тетушкой — в отношении меня и моих. Моя встреча с А[нна-беллой] была любопытным зрелищем; действия не было, не было даже слов, но пантомима была весьма выразительной. У нее, видимо, больше чувства, чем мы предполагали; но я еще не встречал такой *молчаливой* женщины; и это меня крайне озадачило. Я люблю, чтобы они болтали, потому что тогда они меньше *думают*. Длительные размышления не могут быть в мою пользу; да и мне легче составить о ней мнение; по одним взорам судить трудно, разве что при очень выразительной физиономии. Я ее изучаю, но не могу похвалиться, что глубоко проник в ее сущность; если беседа будет односторонней, как бы мне не проговориться; у того, кто только слушает, мысли не рассеиваются, и он может уловить всякое слабое место собеседника. Впрочем, жребий брошен; ни одна из сторон не может отступить; поверенные уже здесь — мои и прочие — и достаточно нацарапать несколько слов на пергаменте, как я сделаюсь лордом Анна-белла.

Не могу еще сказать, будем ли мы счастливы. Я от всей души готов воздать ей должное; боюсь только, что ей со мной не справиться; а это совсем не годится; но может быть, она научится. Я думал сперва, что совсем ей не нравлюсь, а потом, что ее влюбленность — одно *воображение*. Если так, то близкое общение со мной может развеять ее; я скоро это узнаю, но намерен отнестись к этому философски, а самому быть предупредительным, хотя любить я способен только того, кто *любит*; это я могу про себя сказать: моя привязанность всегда возрастает, встречая взаимное чувство, и никогда не меняется от близости моего предмета; конечно, подобно миссис Дэймер², я «имею свое мнение о разлуке».

Прошу вас писать. Вам нечего бояться, что *ответ* на это письмо подвергнется опасностям, о которых вы говорите. Во всяком случае, для меня будет большим удовольствием называть вас тетушкой и знать, что вы уверены в моей неизменной преданности

Всегда ваш Б.

43

ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

Холлэби, 3 января 1815

Милая тетушка,

Мы обвенчались вчера в десять часов; вот и конец делу — и начало множества других дел. Белл выдержала все церемонии с большой стойкостью, а я — как всегда; и как всегда — ваш почтительный племянник. Все, кто расположен прислать нам подарки, могут сделать это немедленно, и пусть они будут хорошие; кроме того, мы ждем от вас поздравлений, и я убежден, что ваше благословение необходимо для всех наших предприятий.

Леди М[илбэнк] проявила некоторую истеричность и много возвышенных чувств; стоять на коленях было скучно, и подушки были жесткие; но в общем все сошло отлично. Нас сочетали браком в гостиной дома в Сихэме, а затем, согласно обычаю, мы уехали, чтобы побыть наедине.

Можно подумать, что мы женаты лет пятьдесят. Белл крепко спит в уголочке софы, а я бодрствую над письмом к вам; она просит высказать вам свою любовь, а моя восходит к первым дням нашего с вами знакомства. Скажите, кто из нашей новой родни (вернее, моей) намерен нас признать. Я рассчитываю на Джорджа и на вас, на лорда М[ельбури] и на графиню и графа Священной Римской Империи; но что касается Каро и Каро Джорджа¹ и Уильяма, тут уж я не знаю, а вы?

Скоро напишу вам еще; а сейчас прошу принять это письмо во искупление моего молчания, на которое вы имели любезность пожаловаться, и верить, что я всегда остаюсь

любящим вас
Б а й р о н о м

P. S.— Прилагаю пропуск в ложу; до сих пор она была занята. На будущей неделе она^вбудет в моем распоряжении и дальше каждую вторую неделю. Я уступал ее только на эту неделю; на следующей неделе она — ваша.

44

ТОМАСУ МУРУ

7 июля 1815

Grata superveniet^{1*} и т. д. Я написал вам еще одно письмо, но сжег его, ибо решил, что вы всерьез разобижены моей ленью, и не знал, как вы

^{1*} Приятен придет [к тебе час совершенно неожиданный] (лат.). Гораций. Послания, I, 4, 13.

примете содержащиеся в этом письме шутки. Тем временем я получил ваше, так что все хорошо.

Я уже было потерял надежду его получить. Кстати, мой *Grata superveniet* следовало поставить в настоящем времени; я заметил, что сейчас его можно отнести к моему сегодняшнему письму, тогда как я хотел выразить свои чувства по поводу получения вашего ирландского послания.

Вчера утром умер бедняга Уитбрэд¹ — потеря нежданная и тяжкая. Его здоровье было, конечно, расшатано, но все же никто не ожидал приступа с роковым исходом. Он упал и, кажется, больше уже не говорил. Перри винит в его смерти Дрюри-Лейн — нечего сказать, утешительно для нового состава Комитета! Не сомневаюсь, что полнокровный ** немедленно велит пустить себе кровь; а так как и я после женитьбы утратил свою бледность и — *homo gressu refertus*^{1*}, ибо я ненавижу даже небольшое ожирение — ту восхитительную стройность, которой достиг ко времени нашего знакомства, мне тоже не по себе от пророчеств «Морнинг Кроникл». Об Уитбрэде пожалеет всякий; это, несомненно, был человек выдающийся и очень хороший.

Париж взят вторично². Должно быть там будут отныне сдаваться ежегодно. Как и все, я потерял в недавних боях родственника — бедного Фредерика Хоуарда³, лучшего человека во всем его роду. В последние годы я мало общался с его семьей; что до него самого, то я видел и слышал одно лишь хорошее. У Хобхауза убит брат. В общем, смерч не пощадил ни одной семьи.

Всякая надежда на республику погибла. Придется нам жить при старом строе. Но мне опротивела политика и побоища. Удача, которую Провидение так щедро дарит лорду Каслри⁴, доказывает только, что благополучие не считается у богов особенно ценным даром, раз они позволяют таким . . . как он и старый пьяный капрал Блюхер⁵ помыкать достойными людьми. Для Веллингтона⁶, впрочем, надо сделать исключение. Это — *мужчина*, Сципион нашего Ганнибала. Но успехом при Ватерлоо он обязан русским морозам, уничтожившим *весь цвет* французской армии.

Ах, Мур, как непочтительно вы отзываетесь о «Парнасе» и «Моисее»! Мне прямо-таки стыдно за вас. Не угодно ли вам сочинить что-нибудь в драматическом роде? Мы умоляем написать оперу. В оплошности Киннэрда⁷ отчасти виноват я. Я никого так не хотел видеть членом Комитета, как вас — и он тоже. Но сейчас мы рады, что вы оказались умнее; как видно, это дело нелегкое.

Когда же мы увидим вас в Англии? Сэр Ральф Ноэль⁸ (новая фамилия досталась ему по наследству, но *собственным* его наследникам едва

1* Я, повествуя, дрожу (*лат.*). В е р г л и й. Энеида, II, 204.

ли что-нибудь скоро достанется) — сэр Ральф, обнаружив, что один человек не может проживать в двух домах одновременно, отдал мне под жилье свое северное поместье, и там леди Б[айрон] грозитя в ноябре родить. Сэр Р[альф] и леди мама поселятся в Керкби — ранее принадлежавшем лорду Уэнтворту⁹. Отчего бы вам не навестить нас осенью в Сихэме, вместе с миссис Мур? Тогда мы с вами (*без жен*) весело покатим в Эдинбург, чтобы обнять Джеффри. Туда от нас не более ста миль. Но все это, как и другие высокие материи, мы обсудим при встрече, которая, я надеюсь, состоится после вашего возвращения. Мы не уедем из города до августа.

Всегда ваш и т. д.
Б.

45

ЛИ ХАНТУ

Пиккадилли Террас 13, сент. — 30 октября 1815

Дорогой Хант,

Очень благодарен вам за ваши книги, о которых вам уже известно мое мнение. Их внешнее великолепие не должно казаться вам неуместным — они еще богаче внутри, чем снаружи. Вынужден не согласиться с вами относительно Вордсворта¹ так же решительно, как некогда соглашался; тогда я многого ожидал от него, но обманулся в своих ожиданиях. Я по-прежнему считаю², что способности его заслуживают ваших похвал, но его свершения, после «Лирических Баллад», крайне жалки по сравнению с его возможностями; в «Прогулке» несомненно виден немалый талант, но это дождь, оросивший бесплодные скалы, где он может только застаиваться; или дождь, увлажняющий пески, которые он тоже не может оплодотворить. Кто поймет его? Если есть такие, пускай растолкуют. Якоб Беме³, Сведенборг⁴ и Джоанна Сауткот⁵ не идут в сравнение с этим архиапостолом таинственного и мистического. Но я все сказал — впрочем, нет, не все; у меня есть еще два мелких и, может быть, несущественных замечания; но удивительно, как он, претендующий на точность наблюдения и обрушивший грома на Попа за неверный перевод «гомеровской сцены при луне»⁶, мог совершить подобные ошибки. Вот они: в тексте своей книги он говорит о Греции, как о стране

*Рек, тучных трав и воли шумящих,
Под пестрым пологом небес⁷.*

А ведь там реки пересыхают на полгода, равнины бесплодны, море спокойно и не имеет приливов, как полагается Средиземному морю; а небо можно назвать каким угодно, только не пестрым; оно месяцами бывает «глубокой, темной, дивной синевы»⁸. Другую ошибку он делает в приме-

чаниях, где говорит о «памятниках, тесно сгрудившихся среди шумных и т. д. больших городов», в отличие от «тишины и уединения турецкого кладбища, где-нибудь в *отдаленном* месте». Это чепуха: на *один* памятник наших кладбищ в Турции приходится *десяток*, и они расположены так тесно, что между ними не пройдешь; они разделены только тропинкой; а что касается «*отдаленных* мест», то в варварских странах люди не дают себе труда относить своих покойников далеко; их хоронят поблизости от жилья. Там нет кладбищ в «отдаленных местах», кроме тех, где кипарисы и могилы остались, а маслины и дома живых исчезли.

Эти вещи я заметил потому, что они как раз по моей части; и в обеих он неправ; я не обратил бы на них внимания, если бы не его нападки на Попа за подобную же неточность и его притворное презрение к славе, которой он никогда не достигнет. Я пишу поспешно и вероятно не слишком толково, зато по свежему следу, и пусть так и будет. Кстати, вы с ним оба заходите слишком далеко, критикуя строки Попа «Когда луна . . . » и т. д. Я согласен, что они не годятся в качестве перевода, но описание не так уж неверно. Я читал его на месте; ночь в Троаде отличается особой прозрачностью, когда действительно «планеты оживают» и «полюс светится». Луна — во всяком случае, небо — необыкновенно ясное, и для этого неба, раскинувшегося над равниной — Идой — Геллеспонтом — Симоисом — Скамандром — и Островами, самым подходящим выражением мне представляется именно «сияющий разлив». Однако я расписался и должен остановиться; что касается вашего письма в целом, то «я присоединяюсь к м-ру Берку», как воскликнул бристольский кандидат вместо предвыборной речи. Можете не писать мне о мрачных мыслях и огорчениях; у меня их и у самого достаточно; но я виню в том отчасти времена, а более всего — самого себя; однако, постараемся забыть их. Со *мною*, вероятно, так и будет, когда мы с вами увидимся в следующий раз. Не хотите ли придти в театр⁹ и познакомиться с нашей новой дирекцией? Можете после разругать ее в пух и прах, сколько вам угодно, но приходите посмотреть! Если не придете, тогда я должен буду сам навестить вас.

Всегда ваш, любящий и преданный
Б а й р о н

Р. S. — От Мура вот уже два месяца не получал ни строчки. Прошу вас, пришлите мне окончание «Римини»¹⁰. В этой поэме у вас два больших достоинства — оригинальность и итальянский дух. Как на поэта я готов ставить на вас против половины тех личностей, на которых вы даром потратили много умной критики и похвал; не давайте только вашему издателю печатать in quarto; самый неудобный формат для читателей. Это я говорю вам на основании книготоргового опыта.

Еще раз неизменно ваш
Б.

Я не сумел точно выяснить длительность биржевых сроков, но полагаю и надеюсь, что сейчас подходящее время для продажи. Во-первых, потому что я вас увижу; а во-вторых, потому что получу кое-что из доходов леди Б[айрон], которые сильно будут способствовать моему благополучию — ибо у меня (как выражаются кредиторы) «не хватает до нужной суммы».

Вчера я обедал в довольно многочисленном обществе, где были Шеридан и Кольман ¹, Гарри Гаррис из К[овент]-Г[ардена] с братом, сэр Гилберт Хискот, Дуглас Киннэрд и другие известные лица. Как бывает в подобных случаях, все было сперва молчаливы, затем языки усиленно заработали, а там заспорили, а там стали заплетаться, а там перестали ворочаться, и мы совершенно упились. Когда мы достигли этой высшей степени блаженства, было трудно спуститься, не споткнувшись; в довершение всего Киннэрду и мне пришлось провожать Шеридана по проклятой винтовой лестнице, несомненно построенной еще до изобретения крепких напитков и не приспособленной ни для каких ног, даже самых кривых. Мы благополучно доставили его домой, где в прихожей его поджидал слуга, явно привычный к подобным эпизодам.

Он и Кольман были, как всегда, очень интересны; но я поглотил много вина, а вино быстро поглотило мою память, так что в последние час или два я только блаженно икал и ничего не запомнил из беседы. Вы вероятно слышали, что Шеридан недавно ответил ночному сторожу, обнаружившему его без признаков «божественной частицы воздуха», именуемой разумом . . . Подобрал Шерри на улице, пьяного и почти бесчувственного, сторож спросил: «Кто вы, сэр?» — Никакого ответа. «Как ваше имя?» — Ик! — «Как ваше имя?» — Медленно, раздельно и невозмутимо: «Уплберфорс ²!!!» Ну разве не сказался в этом весь Шерри? — по-моему, отлично. Бедняга! У него на дне стакана больше интересного, чем у других в «кипенье первых струй» ³.

У меня кончилась бумага и сильно болит голова.

P. S. — У леди Б[айрон] дела значительно продвинулись. В следующем месяце (с помощью «Юноны Луцины fer oret» ^{1*}, а лучше бы oret ^{2*}, ибо последнее требуется более всего) на свет появится десятое чудо — восьмым считается Жиль Блас ⁴, а девятым — отец моего сына.

^{1*} Поддай помощь (лат.).

^{2*} Богатство (лат.).

47

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

14 ноября 1815

Дорогой сэръ,

Возвращаю вам ваш чек ¹; он не предъявлен, но весьма высоко мной оценен.

Ваше предложение — это такая услуга, которую я принял бы именно от вас, если бы вообще мог принять ее от кого бы то ни было. Если бы я имел такое намерение, поверьте, что я попросил бы у вас сам и принял с той же готовностью, с какой вы дали бы; можно ли сказать больше о моем к вам доверии или о вашем поступке?

Необходимость, побуждающая меня расстаться с моими книгами, — необходимость настоятельная, но не столь уж крайняя. Я с ней примирился, тут и делу конец.

Если бы я хотел воспользоваться вашей любезностью, я сделал бы это раньше; но не жалею, что имел случай отклонить ее, если этот случай показал мне вас, и человеческую природу вообще, иной, чем я привык о ней думать.

Остаюсь вашим благодарным и искренне преданным другом

Б а й р о н

48

ТОМАСУ МУРУ

5 января 1816

Надеюсь, что миссис М[ур] вполне поправилась. Девочка родилась 10-го декабря, ее назвали Августа *Ада* ¹ (последнее — очень старое фамильное имя, кажется, не бывшее в ходу со времен короля Иоанна). Это цветущий и пухленький ребенок и считается очень крупным для своего возраста — она непрерывно кричит и сосет. Ну как, удовлетворил я ваше любопытство? Мать ее чувствует себя хорошо и уже встала.

Второго числа этого месяца исполнился год, как я женился — о-хо-хо! Ни с кем примечательным я за последнее время не виделся, если не считать Себастиани ² и еще одного генерала из Галлов, раз или два на званых обедах. Себастиани — красивый, умный и очень обходительный человек с внешностью явного иноземца и злодея; его соотечественник моложе и больше похож на *petit-maitre* ^{1*}, но далеко не того умственного калибра, что корсиканец (как вам известно, Себастиани — корсиканец и родственник Наполеону).

^{1*} Щеголя (*фр.*).

Неужели мы так и не дождемся вашего приезда в город? Конечно, здесь сейчас нет никого из пятнадцати сотен обитателей натопленных комнат, именуемых высшим светом. Мое приближавшееся отцовство задержало нас, так как нужен был совет врача и т. д.; впрочем, все места по сю сторону Гибралтарского пролива для меня равны.

Я с радостью — вернее, печалью — выполнил бы вашу просьбу: написать погребальную песнь на смерть бедной девушки³, о которой вы мне рассказали. Но как писать о ком-то, кого я никогда не видел и не знал? К тому же, вы сами можете сделать это гораздо лучше. Я не способен писать без какого-то личного опыта, тем более на подобную тему. В данном случае он имеется у вас; а если бы его у вас и не было, то у вас больше воображения, и вам не грозит неудача.

Письмо вышло скучное, и сам я человек скучный. В настоящее время я занят 500 противоречивыми соображениями, хотя имею в виду лишь одну цель, которая, вероятно, не осуществится, как большинство наших желаний. Но ничего — как сказал некто, «небо синее равно для всех»⁴. Я желал бы, чтобы оно сияло надо мной там, где его синева немного заметнее, скажем, над «голубым Олимпом»⁵, который, кстати сказать, был совсем белый, когда я видел его в последний раз.

Всегда и т. д.

49

ЛИ ХАНТУ

29 января 1816

Дорогой Хант,

Возвращаю ваш отрывок с благодарностью за то, что вы дали мне возможность прочесть его, и надеюсь, что поэма¹ очень скоро выйдет в свет. Мои карандашные пометы на полях вашей рукописи по-моему не столь важны, чтобы стоило их разбирать; но я не показал их Меррею вовсе не по той причине, какую вы в этом усматриваете; я совершенно не согласен с ним насчет *условий* вашего договора и не считаю, что вы запросили хоть одним пиастром больше, чем следует. Однако я не сомневаюсь, что в общем он поступит с вами справедливо; он очень хороший малый, и его недостатки — лишь неизбежное порождение торговли, той самой торговли, которая оказывается работрговлей для многих неудачливых авторов.

Мы с упомянутым Мерреем в настоящее время не слишком довольны друг другом; но от этого он не стал хуже. Я уверен, что он сделает для успеха вашей поэмы столько же или больше, чем ваши прежние издатели; а чего не сможет сделать он, поэма сделает сама за себя.

Причинами моей небрежности (не пренебрежения, это я отрицаю) в переписке с вами были постоянные дела, а иногда и недомогания. Они

могут служить мне оправданием; и я надеюсь, что эти оправдания больше удовлетворят вас, чем меня самого. Первое, что я увидел вчера утром, открыв глаза, была ваша воскресная похвала ². Если бы вы знали, до чего наш госпиталь бывает безнадежно сонным и скучным во время дебатов и до чего разложились там пациенты, вы удивлялись бы не тому, что я так редко выступаю, но что я вообще пытался это делать при моих, смею надеяться, независимых мнениях. Однако, когда «за стенами» парламента проявится нужный дух, я постараюсь и в его стенах не тратить время даром. Вы думаете, что это время близится? Мне кажется, что какие-то проблески есть. Мои предки ³ во времена Карла были в противном лагере, результатом чего явился титул и потеря огромного имени.

Если борьба начнется снова, я могу потерять первый и не вернуть второго; но это неважно; даже в нашем мире есть вещи поважнее.

Преданный вам
Б.

50

СЭРУ РАЛЬФУ НОЭЛЮ ¹

2 февраля 1816

Сэр,

Я получил ваше письмо. На туманное и неясное обвинение, содержащееся в нем, я, естественно, не знаю, что ответить; ограничусь поэтому более конкретным фактом, который вам угодно приводить в качестве одной из причин вашего предложения. Я не выпроводил леди Байрон из дому в том смысле, какой вы придаете этому слову. Она уехала из Лондона по совету врача. Когда мы прощались, между нами царило видимое — а с моей стороны искреннее — согласие; хотя именно в ту пору я отпускал ее неохотно и просил подождать, чтобы самому сопровождать ее; но моему отъезду помешали неотложные дела.

Правда, несколько раньше я высказывал мнение, что ей лучше было бы временно поселиться в родительском доме. Причина этому очень простая и может быть указана в немногих словах, а именно: мои стесненные обстоятельства и невозможность содержать дом. Если вы хотите удостовериться в правде моих слов, проще всего спросить об этом леди Б[айрон]; она — воплощенная правдивость. Если она станет отрицать, пусть будет так — я не скажу более ничего.

Мое намерение ехать за границу было вызвано все теми же печальными обстоятельствами, а отложено из-за того, что, видимо, не отвечало ее желаниям. Весь прошедший год мне пришлось бороться с грозившими нам лишениями и одновременно с недугом. О первых мне нечего сказать — разве только то, что я пытался устранить их всеми возможными жертвами

с моей стороны; о последнем я не стал бы говорить, если бы не знал от врачей, что моя болезнь, хотя она и мало сказывается на мне внешне, вызывает болезненную раздражительность, которая и без внешних поводов делает меня почти столь же невыносимым для других, как для себя самого. Однако, насколько я могу судить, дочь ваша не подвергалась дурному обращению. Я мог быть при ней мрачен, а иногда — вспылить, но ей слишком хорошо известны причины, чтобы относить это к себе, или даже ко мне, если судить по всей справедливости. А теперь, сэр, не ради вашего удовлетворения — ибо я не считаю себя обязанным доставить его вам, но ради моего собственного и чтобы воздать должное леди Байрон — я считаю своим долгом сказать, что в ее поведении, нраве, талантах и склонностях нет ничего, что я желал бы изменить к лучшему. Я не могу вспомнить с ее стороны никакой, хотя бы самой пустяшной вины — ни в словах, ни в делах, ни в помыслах (насколько их можно прочесть). Она всегда казалась мне одним из лучших созданий на земле, более близким к совершенству, чем можно, по-моему, ожидать от человека в его нынешнем состоянии. Высказав все это, хотя мне удалось выразить словами отнюдь не всю суть, я возвращаюсь к делу — но вынужден отложить на несколько дней свой окончательный ответ. Постараюсь не задерживать его дольше, чем необходимо; поскольку это важный шаг для вашей семьи, как и для моей, и шаг непоправимый, вы не припишете мою медлительность желанию огорчить вас или ваших, хотя должен заметить, что в вашем письме есть строки, где вы присваиваете себе больше прав, чем сейчас имеете; ибо сейчас, во всяком случае, дочь ваша является моей женой и матерью моего ребенка; и пока ваши действия не получают ее ясно выраженного одобрения, я позволю себе сомневаться в уместности вашего вмешательства. Это скоро выяснится, и тогда я сообщу вам свое решение, которое в очень большой степени будет зависеть от решения моей жены.

Имею честь быть

вашим покорным слугой
Б а й р о н

51

ЛЕДИ БАЙРОН

5 февраля 1813

Милая Белл!

Все еще не имею от тебя ответа; но это, быть может, и к лучшему; помни только, что на карту поставлено все — настоящее, будущее и даже память о прошлом. Мои ошибки, которые ты можешь, если хочешь, называть и более сурово, ты знаешь; но я тебя любил и не расстанусь с тобой,

АННА ИЗАБЕЛЛА МИЛБЭРН
Миниатюра Чарлза Хэйтера. 1816 г.

АВГУСТА АДА, ДОЧЬ БАЙРОНА
Миниатюра

пока не получу твоего ясно выраженного и окончательного отказа вернуться ко мне или принять меня. Скажи только, что в сердце своем ты еще моя. и тогда

Не бойся, Кэт, тебя никто не тронет;
Я отобью, хоть будь их миллион¹.

Всегда твой, дорогая,
Б.

52

ЛЕДИ БАЙРОН

8 февраля 1816

Все, что я говорю, кажется бесполезным — все, что я мог бы сказать, может оказаться столь же тщетным — но я еще держусь за обломки своих надежд, пока они навеки не погрузились в пучину. Разве вы *никогда* не были со мной счастливы? Разве ни разу не говорили об этом? Разве мы не высказывали друг другу самую горячую взаимную любовь? Проходил ли хоть день, чтобы мы не давали друг другу, или хотя бы один из нас другому — доказательств этой любви? Поймите меня правильно; я не отрицаю своего душевного состояния, но ведь вам известны его причины — и разве мои вспышки не сопровождались раскаянием и признанием вины? В особенности последняя? И разве я — разве мы — вплоть до самого дня нашей разлуки не были уверены, что любим друг друга? И что увидимся вновь? Разве вы не писали мне ласковых писем? Разве я не признавался во всех своих ошибках и безумствах — и не заверял вас, что некоторые из них не повторятся и не могут повториться? Я не требую, чтобы на эти вопросы вы ответили мне — ответьте своему сердцу. Накануне получения письма вашего отца я уже назначил день своего приезда к вам. Если я в последнее время не писал, это делала за меня Августа; мне случалось переписываться с ней через вас; почему бы ей теперь не служить посредницей между мной и вами?

Что касается вашего сегодняшнего письма, то из некоторых его выражений можно заключить о таком обращении с вами, на какое я неспособен и какое вы неспособны мне приписывать, если понимаете все значение своих слов и все, что из них может быть выведено. Это несправедливо; но я не намерен упрекать и не хочу искать к этому повода. Можно мне увидеться с вами? Когда и где угодно — и в чем угодно присутствии. Это свидание ни к чему вас не обязывает, и я ничего не скажу и не сделаю, что могло бы нас взволновать. Такая переписка — мученье; нам надо сказать и обсудить вещи, которые написать нельзя.

Вы говорите, что мне не свойственно ценить то, что я имею. Но разве это относится к *вам*? Разве я говорил вам, или другим о вас что-либо по-

добное? Вы, должно быть, сильно переменились за эти двадцать дней, иначе не стали бы так отравлять свои лучшие чувства и так топтать мои.

Неизменно верный вам и любящий вас
Б.

53

ЛЕДИ БАЙРОН

15 февраля 1816

Я не знаю, что́ сказать; все, что я предпринимаю, лишь еще более отдаляет вас от меня и углубляет «пропасть между тобой и мной»¹. Если ее нельзя перейти, я погибну на дне ее.

Я написал вам два письма, но не отослал их; не знаю, для чего я пишу еще и это письмо и отошлю ли его. Насколько ваше поведение совместимо с вашим долгом и чувствами жены и матери, над этим я предоставляю вам поразмыслить самой. Испытание не было слишком долгим — оно длилось год, да, согласен; год терзаний, бедствий и душевного расстрой-ства — но они доставались главным образом мне, и для меня, как ни горьки воспоминания о пережитом, горше всего сознание, что я заставил вас делить со мной мои бедствия. Относительно предъявленных мне обвинений ваш отец и его советники *дважды* отказались что-либо мне сообщить. Эти две недели я страдал от неизвестности, от унижения, от злословия, подвергался самой черной и позорной клевете и не мог даже опровергать догадки и пошлые толки относительно моей вины, раз ничего не мог добиться из единственного источника, где все должно быть известно. Между тем, слухи вероятно дошли и до ваших ушей и, надеюсь, доставили вам удовольствие.

Я просил вас вернуться; в этом мне было отказано. Я хотел узнать, в чем меня обвиняют; но мне было отказано и в этом. Как назвать это — милосердием или справедливостью? Увидим. А сейчас, Белл, милая Белл, чем бы ни кончился этот ужасный разлад, вернешься ли ты ко мне, или тебя сумеют от меня оторвать, я могу сказать только то, что недавно столько раз повторял напрасно — а в беде не лгут, и у меня нет надежды, мотива или цели, — что я люблю тебя, дурен я или хорош, безумен или разумен, несчастен или доволен; я люблю тебя и буду любить, пока во мне жива память или жив я сам. Если я могу так чувствовать при самых тяжких обстоятельствах, при всех терзаниях, какие только могут разъедать сердце и распалать мозг, быть может ты когда-нибудь поймешь, или хоть подумаешь, что я не совсем таков, как ты себя уредила, но ничто, ничто не сможет меня переменить.

До сих пор я избегал упоминать о своем ребенке, но в этих моих чувствах вы никогда не сомневались. Я должен спросить о ней. Я слышал,

что она хорошеет и резвится; и я прошу, не через вас, а через кого угодно — через Августу, если можно — хотя бы иногда сообщать мне о ее здоровье.

Ваш и т. д.
Б.

54

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

20 февраля 1816

Дорогой сэръ,

Если вернуться к *нашему* делу, то ваши послания крайне приятны. Что касается замечаний насчет небрежности¹ и т. п., я смиренно полагаю, что друг-читатель принял за поспешность и небрежность несколько необычную и намеренно неправильную версификацию. Размер тут иной, чем в других поэмах, которые (как мне кажется) были сочтены достаточно правильными согласно Биши² и пальцам — или слуху — по которым ведут счет барды и читатели. Большая часть «Осады» написана тем размером, который ученые зовут анапестом (хотя я не уверен, ибо постыдно позабыл метрику и Gradus^{1*}); многие строки намеренно сделаны длиннее или короче тех, с которыми они рифмуют; да и рифмы расположены то чаще, то реже, как подсказывалось удобством или причудой.

Я не хочу сказать, что это правильно или хорошо; просто я мог бы написать более гладко, если бы мне казалось, что так будет лучше; я и сам видел, что отклоняюсь от правил, но теперь сожалею об этом, потому что, конечно, мне приятнее понравиться, чем не понравиться. Я хотел испробовать нечто отличное от прежних моих опытов, как и раньше старался, чтобы каждый из них был чем-то не похож на другие. Стихотворная система «Корсара» не та, что в «Ларе»; в «Гяуре» — не та, что в «Невесте»; а «Чайльд Гарольд» опять-таки отличается от них всех. Так и последнюю поэму мне хотелось сделать непохожей *ни на одну* из других.

Прошу простить мне всю эту чепуху и эгоцентризм. Дело в том, что я пытаюсь заставить себя думать на тему нашего письма, а думаю о другом. Я не знал, что вы приходили; для вас двери открыты всегда, когда бы вы ни пожелали.

Ваш и т. д.
Б.

P. S. — Вам нечего опасаться или огорчаться за меня. Если бы свет и те, кто его наследует, могли одолеть меня, многое должно было бы

^{1*} Стуцени [к Парпасу] (лат.).

повергнуть меня во прах уже несколько лет назад. Если я не угрожаю, не думайте, что я подавлен; не думайте также, что раз мне больно, то я упаду в обморок. Но сейчас достаточно об этом.

Я огорчен, что с Сотби вышел скандал. В чем там дело? Я полагал, что все улажено, и если я еще могу сделать что-нибудь для него или «Ивана»³, я охотно это сделаю. Сейчас я считаю неудобным часто появляться за кулисами, но могу повидаться по этому поводу с комитетом и Муром, если С[отби] того пожелает.

Если увидите м-ра Сотби, прошу сказать ему, что я написал м-ру Кольриджу, по получении записки от него, Сотби, и надеюсь, что выполнил желание м-ра Сотби.

55

ЛЕДИ БАЙРОН

4 марта 1816

Не знаю, какую обиду может нанести муж жене, один человек другому или даже человек — самому богу, которую нельзя было бы, как нас учат верить, загладить долгим искушением, которое я предлагал, еще *не зная* даже, в чем моя вина перед вами (потому что, пока ее не назвали, я не знаю за собой ничего такого, за что меня можно отталкивать с подобным упорством). Но раз надежды не осталось, и вместо долга жены и матери моего ребенка я встречаю обвинения и непримиримость, мне больше нечего сказать, и я буду поступать сообразно обстоятельствам; но даже обида (хотя от нападок я намерен защищаться) оставляет неизменной любовь, с которой я всегда буду относиться к вам.

Б.

Мне сообщили, что вы *сами* составили предложение о раздельном житье; если так, я об этом сожалею; я усматриваю в нем стремление воздействовать на предполагаемые корыстные чувства *того*, кому предложение адресовано: «если вы расстанетесь с» и т. д. «вы тем самым получаете *столько-то немедленно* и еще столько-то после смерти тех-то и тех-то» — словно все дело в фунтах, шиллингах и пенсах! Ни слова о моем ребенке; жесткая, сухая юридическая бумага. О, Белл! Видеть, как вы душите и уничтожаете в себе всякое чувство, всякую привязанность, всякое сознание долга (ибо ваш первый долг — это долг жены и матери), — вот что гораздо горше всех возможных для меня последствий.

56

ТОМАСУ МУРУ

8 марта 1816

Рад вашему возвышению в должность Председателя, Распорядителя Благотворительных Фондов и т. д. и т. п. Этой чести удостаивается лишь добродетель. Но вспомните, что вам *тридцать шесть* (я говорю это с завистью — не к возрасту, а к «любви, почету, преданным друзьям»¹, которые пришли вместе с ним), тогда как мне остается еще восемь лет до этого убеленного сединами совершенства; а к тому времени — если я вообще *буду* жив — я вероятно заслужу у небес или сподоблюсь благодати.

В одном пункте, однако, я должен вас поправить. Вина — или даже беда — заключается *не* в моем «выборе» (если мне *вообще следовало выбирать*), потому что я считаю и повторяю, даже среди всей этой горькой муки, что вряд ли есть на свете существо лучше, добрее, милее и приятнее, чем леди Б[айрон]. Я не мог и не могу ни в чем упрекнуть ее за все время, проведенное со мною. Если кто виноват, это я, и если я не могу искупить вину, то должен нести кару.

Ее семья это ... — дела мои до сих пор крайне запутаны — здоровье сильно расстроено, а душа беспокойна, притом уже давно. Таковы причины (я не считаю их оправданиями), часто выводившие меня из себя и делавшие мой нрав несносным для окружающих. Некоторую роль, вероятно, сыграли и привычки к беспорядочной жизни, которые могли сложиться у меня вследствие ранней самостоятельности и блужданий по свету. Я думаю, однако, что если бы мне дали возможность исправиться и хоть сколько-нибудь сносную обстановку, все могло бы наладиться. Но дело, как видно, безнадежно — и сказать тут больше нечего. Сейчас — если не считать здоровья, которое улучшилось (как ни странно, любое волнение и борьба вызывает у меня подъем и временный прилив сил), на меня свалились все возможные неприятности, в том числе личные, денежные и т. д. и т. п.

Вероятно, я говорил вам об этом раньше, но на всякий случай повторю. В несчастье меня пугают не *лишения*; моя гордость страдает от связанных с ним *унижений*. Однако не могу жаловаться на эту гордость, которая зато даст мне, я надеюсь, силы все перенести. Если сердце мое могло быть разбито, это случилось бы уже много лет назад, от более тяжелых страданий.

Согласен с вами (ибо пора оставить эту тему и обратиться к нашим литературным делам), что я писал слишком много. Однако последние сочинения были мной опубликованы с большой неохотой и по причинам, которые я объясню при личном свидании. Не знаю, почему я так долго задерживался на одних и тех же темах; может быть потому, что нынешние

тревоги и заботы вытесняют их или *путаю*т (если так можно сказать) в моей памяти, и мне хотелось сделать побольше отпечатков со штампа, прежде чем он сотрется. Теперь я разобью его. Этими странами и связанными с ними событиями начинается и кончается вся моя подлинная поэзия. Если бы я попытался, мне не удался бы никакой другой сюжет, а этот я, по-видимому, исчерпал. «Горе тому, — говорит Вольтер ², — кто сказал о чем бы то ни было все, что мог сказать». Есть предметы, о которых я, вероятно, мог бы сказать больше, но я оставляю их все, и слишком рано.

Помните строки, которые я послал вам в начале прошлого года, они еще у вас? Я не претендую (как м-р Фицджеральд в «Морнинг Пост») на роль Vates ^{1*}, но разве не были они отчасти пророческими? Я имею в виду «Стансы», начинающиеся словами: «Какая радость заменит» ³ и т. д., которые я считаю самыми верными, хотя и самыми грустными, из всего, что я когда-либо написал.

Ну и нацарапал же я вам! О себе вы ничего не пишете, кроме того, что сделали ланкастерским церковным старостой и покровителем нищих. Когда вы появитесь в свете? И как поживает ваше семейство? Мое дитя, как я слышал, здорово и цветет, но я намерен убедиться в этом своими глазами. Я не склонен оставлять ее под вредным влиянием бабки, хотя не хотелось бы брать ее у матери. Но ее отняли от груди, и надо принимать насчет нее какое-то решение.

Всегда и т. д.

57

ЛЕДИ БАЙРОН

[апрель 1816]

Еще несколько слов на прощание ¹ — всего несколько слов и таких, что вы к ним прислушаетесь; ответа я не жду, да он и не нужен, но вы хотя бы выслушаете меня. Я только что простился с Августой, едва ли не единственным человеком, которого вы мне оставили — больше прощаться было не с кем.

Куда бы я ни уехал — а я еду далеко — мы с вами никогда больше не встретимся на этом свете, да и на том. Пусть это удовлетворит вас или искупит вину. Если со мной что-нибудь случится, будьте добры к Августе, а если и ее уже не будет — то к ее детям. Вам известно, что я некоторое время тому назад составил завещание в пользу ее и ее детей, потому что наши дети были обеспечены иначе и лучше. Это не могло быть вам в ущерб, потому что тогда мы еще жили в согласии, да и теперь безразлично для вас при жизни, по условиям нашего брачного контракта. Поэто-

^{1*} Пророка (лат.).

му — будьте добры к ней, ибо она неизменно и на словах и на деле была вашим другом. И помните, что если вам, может быть, приятно отделаться от мужа, то ей тяжело терять брата, с которым ее разлучат волны моря, а затем и земля могилы. Может быть вы вспомните, что когда-то обещали мне это. Я хочу напомнить об этом — ибо озлобление лишает людей памяти. Не считайте себя освобожденной от этого обещания; это ведь не брачный обет.

Я получил от м-ра Уортона письмо, содержащее один вопрос и два сообщения. Карета ваша: так как она успела только отвезти нас в Холнэби и в Лондон, а потом вас — в Керкби, она еще послужит вам для многих более удачных путешествий.

Квитанции могут остаться у вас, если не обременят вас; если да, отошлите их Августе, через которую я хотел бы также получать иногда вести о моем ребенке. Мой адрес я оставлю миссис Ли; кольцо не представляет денежной ценности, но в нем — прядь волос одного из наших королей и одного из моих предков, и я хочу, чтобы его сохранили для мисс Байрон.

Что касается более позднего письма от м-ра Уортона, я должен заметить, что это «промедление закона», а не мое, и что когда он договорится с м-ром Х. о тексте обязательства, я готов его подписать.

Ваш
Б а й р о н

58

АВГУСТЕ ЛИ

Брюссель [среда], 1 мая 1816

Мое сердечко,

Мы задержались здесь из-за мелких починок экипажа, нарочно сделав крюк по дороге к Рейну, после того, как проехали Гент, Антверпен и Малин. Я писал тебе дважды — из Остенде и из Гента. Надеюсь, что ты получишь эти письма, не потому, чтобы в них было что-нибудь важное, но потому, что ты этого хочешь и я также. Мне было бы трудно писать занимательные письма: эти места столь часто описывали, и в них так мало можно описать, хотя немало можно наблюдать, что я не знаю, что писать о них, а говорить только о себе не хочется. В Антверпене мы видели сооружения, которые Бонапарт сделал для своего флота; они великолепны, как все его дела, а что касается *церквей* и картин, то я насмотрелся на них до того, что голова моя уподобилась путеводителю; последние мне совсем не нравятся (хотя говорить так считается ересью). Рубенс кажется мне изрядным мазилой; Ван Дейк нравится во сто раз больше (правда, я ничего в этом не смыслю). У всех женщин Рубенса

красные десны ¹ и красные шеи, не говоря уже о бюстах, которые у них отличаются скорее обилием, чем прелестью. Может быть все это и хорошо, и надо полагать, что это Искусство, потому что на Природу не похоже.

Так как Нидерланды не входили в мой план (только проездом), мне хотелось поскорее из них выбраться. Плоская местность, как ты знаешь, мне не нравится; пусть дорога идет в гору или под гору, тогда я как-то больше *au fait* ^{1*}. Представь себе одну аллею за другой и в конце каждой — голландский шпиль; вот их дороги. По обе стороны тянутся отлично возделанные поля, пересеченные узкими каналами или канавами, уставленные очень чистенькими домиками, — деревни здесь через каждые две мили — вот их страна. Ни одного холмика от Остенде до Антверпена — кротовая нора заставила бы жителей подумать, что сами Альпы пришли к ним в гости; бесконечная равнина и *мощные дороги*, но на всем виден отпечаток комфорта и своя особая, хоть и *неяркая* красота; если бы нам было по пути, мне захотелось бы осмотреть страну менее бегло. Города великолепны. Окрестности Брюсселя очень красивы, а направо, при въезде, возвышается прекрасный дворец.

[Конец письма утерян]

59

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Ушй, близ Лозанны, 27 июня 1816

Дорогой сэр,

Возвращаясь на виллу Диодати ¹ (близ Женевы) из путешествия на лодке вокруг озера, я задержался здесь из-за непогоды. Посылаю вам веточку с *акации Гиббона* ² и розовые лепестки из его сада, который только что осматривал, так же как часть его дома. В его «Жизнеописании» вы найдете упоминание об этой «акации», там, где описана его вечерняя прогулка в день окончания им «Истории». Сад и *беседка*, где он работал, заброшены; последняя сильно разрушена, но ее все еще показывают как его «cabinet» ^{2*} и отлично помнят о нем.

Путь через Фландрию и вдоль Рейна в Швейцарию превзошел мои ожидания.

Я проехал по всем местам, связанным с Руссо ³, имея при себе «Элюизу»; и был поражен силой и точностью его описаний природы и красотой оригиналов. О Мейери, Кларане и Вевэ, и Шильонском замке я не стану много говорить, потому что все равно не сумел бы передать производимое ими впечатление.

^{1*} *Зд.*: разбираюсь (*фр.*).

^{2*} Кабинет (*фр.*).

Три дня назад нас едва не перевернуло шквалом ⁴ около Мейери и прибило к берегу. Мне опасность не грозила, так как до прибрежных скал было близко, а я хороший пловец; но все вымокли и пережили много неприятных ощущений; ветер был так силен, что повалил несколько деревьев, как мы обнаружили при высадке; но сейчас все это позади, и мы возвращаемся домой.

Д-ра Полидори ⁵ с нами нет, он остался на вилле Диодати; когда мы уезжали, он лежал с вывихнутой ногой; это — следствие прыжка со стены — прыгать он не умеет.

Буду рад узнать, что вы здоровы и получили для меня каски и сабли из Ватерлоо, которое я объехал с болью и радостью.

Я закончил третью песнь «Чайльд Гарольда» (в ста семнадцати строфах); она длиннее, чем обе первые, и местами, кажется, лучше; но об этом, разумеется, судить не *мне*. Я пришлю ее с первой надежной оказией.

Неизменно преданный вам
Б.

60

АВГУСТЕ ЛИ

Женева, вилла Диодати, 8 сентября 1816

Милая Августа,

Я с двумя оказиями послал ответы на твое письмо, которое мне вручил м-р Х[обхауз]. С[кроп] возвращается в Англию и, возможно, прибудет туда раньше этого письма. Я послал с ним несколько свертков с печатками, ожерельями, шариками и прочим — из хрусталя, агата и других самоцветов — сувениры с Монблана, купленные и привезенные мной оттуда специально для тебя, чтобы ты разделила их между собой и детьми — включая твою племянницу Аду, для которой я выбрал шарик (из гранита — кстати сказать, *мягкой* породы — но редкой в здешних местах); пусть катает его и играет, когда подрастет и начнет шалить; дай ей, моей душевнице, также хрустальное ожерелье и что хочешь еще, по твоему выбору. Остальное — тебе и твоей детворе, особенно Джорджиане, которая прислала мне очень милое письмо. Надеюсь, что Скроп доставит все это в целости, как обещал. Там много печаток и других безделушек. Хочу, чтобы они понравились — их добыли в очень интересном месте (ничего подобного я до сих пор не видал) — не говоря уж о дарителе!

Итак, ты говоришь, что леди Б[айрон] была к тебе «добра, очень добра». Гм! Хорошо, что она добра хоть к кому-то из нас — и я рад, что у нее нашлось достаточно чувства и разума, чтобы остаться *твоим* другом — ты всегда им была для нее. Недавно я узнал, что она сильно хворала. Я был немало расстроен и огорчен, видит бог — но неважно. Х[обхауз], однако, сообщает мне, что она сейчас *не* больна, что она *была* не-

здорова, но сейчас ей лучше, и все обстоит у нее хорошо. Я узнал это с облегчением. Что до меня, то я в добром здоровье и достаточно хорошо, хоть и неровном, настроении. Все же она — вернее, разрыв — разбил мне сердце: мне кажется, будто по нему прошел слон. Я убежден, что никогда от этого не оправлюсь, хотя я и пытаюсь. Еще до того, как я узнал ее, я пережил довольно, и более чем довольно. Время и волнения сказались на мне. Но последнее крушение я пережил по-иному. Будь то *острая боль*, оно бы еще ничего. Но тут другое — грудь моя точно налита свинцом.

Пока бушевала буря, а вы все утешали меня писком и пересудами на Пикадилли, это было достаточно плохо. Но сейчас мне еще хуже; и у меня нет сил, ни воли, ни охоты предпринять что-либо, что очистило бы мне голову или облегчило сердце. В конце этого месяца я хочу перевалить через Альпы и отправиться — бог знает, куда — через Далмацию, снова к арнаутам¹, если не представится ничего лучшего. Передо мной целый свет — этот или тот.

Х[обхауз] сообщил мне о странных слухах, какие ходят обо мне и моем окружении. *Все это неверно*. Я подвергся некоторой опасности на озере (близ Мейери), но это пустяки; что же касается всех этих «любовниц», видит бог, у меня была здесь всего одна. Не брани меня; что мне было делать? Как я ни противился, глупая девчонка последовала за мной сюда², вернее, опередила меня — я застал ее уже здесь — и мне стоило невероятных трудов убедить ее ехать обратно; но наконец она все же уехала. Дорогая, говорю тебе правду, я тут ничего не мог поделать; я всячески старался предотвратить эту историю, а теперь положил ей конец. Я не был влюблен, у меня ни для кого не осталось любви; но не мог же я разыгрывать стойка с женщиной, которая проехала восемьсот миль, чтобы доказать мне тщету философии. К тому же, за последнее время я испытал столько ненависти, что в виде разнообразия согласился принять дар любви (раз на нем так уж настаивали). Теперь ты знаешь об этом не меньше меня, и все кончено. Прошу тебя писать. Я ничего не слышал о тебе после твоего последнего письма, а с тех пор прошел уже месяц, нет — пять недель. Я очень мало где бываю, разве только на *воздухе*, — езжу по суше и по воде, а также в Коппэ, где г-жа Сталь проявила ко мне особое дружелюбие и любезность и (как я слышал) множество раз выдерживала бой, защищая мое, довольно глбое, дело. Говорят, что оно наделало не меньше шума по сю сторону Ламанша, чем по ту. Одному небу известно, отчего это так — но мне словно суждено быть причиной раздоров.

Не сердись на меня и верь, что я всегда твой, любящий тебя

Б а й р о н

61

АВГУСТЕ ЛII

Ушй, 17 сентября 1816

Милая Августа,

Пишу тебе на пути к Бернским Альпам¹, Гринденвальду и Юнгфрау (что в переводе значит «Дикая женщина» [sic!]) — гора эта так коварна, что никакой другой пол ей не подходит); путешествие займет дней восемь, а затем я намерен вернуться в Женеву, перед тем, как переправляться через Симплон.

Пиши по-прежнему в Женеву. Я за последнее время послал тебе несколько писем (три или четыре по почте и два с оказией) и благополучно получил все твои. Я был рад узнать, что ты здорова. Недавно ты побывала в Лондоне, и Х[обхауз] сообщил мне, что на твоём levée^{1*} он обычно заставлял лорда Ф. Бентинка — отчего этот дурак так зачастил к тебе? Уж не влюбился ли? Недавно я нарушил свое обещание не писать тебе о леди Б[айрон] — но это не значит, что ты должна упоминать ее. Мне доставляет некоторое облегчение иной раз говорить с тобой о ней — но слышать о ней я не хочу. Суди о ней, как хочешь, не забывай только, что она погубила твоего брата. Каковы бы ни были, или могли быть, мои грехи — не ей было суждено отмщение. Когда-нибудь ее поступки падут на собственную ее голову: *ne* через *меня*, я не питаю к ней мстительных чувств, но попомни мои слова: *tôt ou tard*^{2*} она кончит плохо. Пусть она думает, говорит и поступает как хочет; пусть холодными рассуждениями и пустыми словами о «велениях долга» и т. д. и т. п. некоторое время обманывает себя и других. Но горе ей! — сколько несчастий она навлекла на человека, для которого оказалась поистине злым гением (во всем, кроме одного); но весь этот яд потечет когда-нибудь обратно в источник, из которого он излился. Благодаря природному здоровью я смог все это вынести; но если кто всех больше и долгие способен выносить, это не значит, что он меньше страдает. Не думаю, чтобы человек мог вытерпеть больше нравственных терзаний, чем эта женщина причинила мне, прямо или косвенно, за прошедший год.

Она (по крайней мере на время) разлучила меня с моим ребенком — и с тобой — но оставим сейчас эту тему.

Завтра я вновь в проезде через Кларан и Везэ; если во время новой, более длительной поездки, которую я сейчас предпринял, произойдет что-либо, что, по моему мнению, должно заинтересовать тебя, я напишу подробно.

Сейчас к вам уже приехал Скроп и привез мои маленькие подарки для тебя, твоей семьи и Ады. Я все еще надеюсь увидеть вас будущей

^{1*} Утреннем приеме (*фр.*).

^{2*} Рано или поздно (*фр.*).

весной; не могла бы ты, с кем-нибудь из детей, выбрать время в будущем году и месяц-два побыть со мной, здесь или во Франции? Я постарался бы сделать путешествие приятным для тебя, и ни тебе, ни Л[и] не придется ничего потратить. Ты не представляешь себе, как прекрасна большая часть здешнего края — а путешествовать здесь легко и удобно, даже *женщинам и детям*. Я приеду встретить тебя в любое время и из любого места; для тебя я приехал бы и в Англию; если ты вспомнишь, как мало у нас надежды — но не хочу поддаваться унынию и пророчить долгую разлуку.

Главное препятствие состоит в том, что ты так крепко прикована к этому беспомощному джентльмену, своему кузену — так необходима ему для хозяйства, для ведения переписки и для добывания должностей — что обычный эгоизм пожилого человека не даст ему отпустить тебя отдохнуть хоть на самое короткое время.

Каким я был дураком, что вступил в брак — да и *ты* немногим умней, моя милая; а ведь мы могли бы прожить так счастливо — старой девой и старым холостяком; мне нигде не найти такой, как ты, а тебе (пусть это звучит тщеславно) — такого, как я. Мы созданы, чтобы прожить жизнь вместе; а теперь мы — по крайней мере я — по многим причинам разлучен с единственным существом, которое могло бы меня любить и к кому я мог бы безраздельно привязаться.

Будь ты монахиней — а я монахом — мы могли бы беседовать через решетку, а не через моря — но все равно — голос и сердце мое всегда летят к тебе.

Б,

ДНЕВНИК

[17 сентября — 29 сентября 1816]

Кларан, 18 сентября 1816 г.

Вчера, 17-го сентября 1816 года, я отправился (вместе с Х[обхаузом]) на несколько дней в горы. Буду вести ежедневно краткий дневник этого путешествия для моей сестры Августы.

17 сентября

Поднялись в пять; отправились из Диодати около семи, в одном из здешних экипажей (шарабанае); слуги сопровождали нас верхом; погода отличная; озеро спокойно и прозрачно; ясно виден Монблан и Аржантьерская Игла; берега озера великолепны. Пospели в Лозанну до захода солнца; остановились на ночлег в Ушй.

Х[обхауз] обедает с неким мистером Окденом. Я остался в нашем караван-сарае (хоть и был зван к приятелю Х[обхауза]); но устал, или поленился, словом, почему-то не пошел); написал письмо Августе. Лег в девять — простыни оказались сырые — выругался и сбросил их куда попало; завернулся в одеяло и проспал сном младенца до 5-ти утра.

18 сентября

Сегодня меня разбудил Берже (мой курьер, которому на эти два дня надлежит быть моим камердинером, так как ученого Флетчера мы оставили на вилле Диодати сторожить имущество). Х[обхауз] шел впереди. На расстоянии мили от Лозанны дорога затоплена разлившимся озером; мы сели на лошадей и так проделали почти весь путь до Вевэ. Жеребец молодой, но шел отлично; я догнал Х[обхауза] и снова сел в экипаж — он у нас открытый. Два часа провели в Вевэ. (Я здесь уже *второй раз*); дошли до церкви; с кладбища открывается великолепный вид; на кладбище находится памятник генералу Ладлоу¹ (царевубийце) из черного мрамора, с латинской надписью, длинной, но очень простой, особенно в последней части, где жена его (Маргарет де Томас) пишет о своей долгой, испытанной и неизменной привязанности; он пробыл в изгнании *трид-*

цать два года; это — один из судей короля (Карла), достойный человек. Помню, как в январе 1815 г. (в Холнэби) читал его воспоминания; первая часть весьма занимательна, остальное — меньше; когда их читал, я не думал, что мне доведется увидеть его могилу. Рядом с ним погребен Броутон² (тот, кто прочел Карлу Стюарту приговор над королем Карлом), с несколько странной и ханжеской, но все же республиканской эпитафией. Здесь показывают также дом Ладлоу; на нем еще сохранилась его надпись — *Omne solum forti patria*^{1*}. Прошелся к берегу озера; слуги, экипаж и верховые лошади, из-за какого-то недоразумения, уехали и оставили нас *plantés là*^{2*}; пришлось идти вслед за ними к Кларану; Х[обхауз] пустился бегом и в конце концов нагнал их. Вторично прибыли (в первый раз водным путем) в Кларан, прекрасный Кларан! Побывали в Шильоне, среди пейзажей, достойных — не знаю уж кого; вновь осмотрели Шильонский замок. На обратном пути повстречали компанию в экипаже; одна из дам крепко спала! — а ведь эта местность менее всего способна нагнать сон — ну разве не великолепно³ Помню, как в Шамуни другая англичанка, при виде Монблана, сказала своим спутникам: «Вот уж действительно *сельский вид*!» — словно речь шла о Хайгейте или Хэмстеде, Бромптоне или Хэйсе. «*Сельский вид*!» — нечего сказать! Скалы, сосны, водопады, ледники, облака, вершины, покрытые вечным снегом — это, оказывается, «*сельский вид*!» Я не был знаком с красавицей, изрекшей эти слова, но это была весьма достойная особа.

После легкого и поспешного обеда осмотрели замок Кларан; недавно его сняла какая-то англичанка (когда я видел его в первый раз, он пустовал); розы отцвели; хозяйева отсутствовали, но слуги пожелали провести нас по комнатам. В гостиной я увидел Проповеди Блэра³ и еще чьи-то проповеди (забыл, чьи), а также кучу шумливых детей. Осмотрели все, что заслуживало осмотра, а затем спустились в *Bosquet de Julie*^{3*} и т. д., и т. п. Наш гид все время толковал о *Руссо* и все время путал его с *Сен-Пре*⁴, не отличая автора от книги. В деревне, на пороге одного домика, я увидел молодую крестьянку, прекрасную, как сама Юлия. Снова дошли почти до Шильона, чтобы еще раз взглянуть на поток, сбегающий с холма позади замка. В озере отражался закат. Завтра нам предстоит встать в 5 утра, чтобы перевалить через горы верхом — экипаж мы отправим в объезд. Остановились в той же хижине, где я останавливался в первый раз, — гостеприимной и уютной; устал от долгой езды верхом, от тряски в шарабанах и лазания в гору по жаре. Лягу спать, думая о тебе, милая Августа.

^{1*} Храбрецу вся земля — родина (*лат.*).

^{2*} Брошенными (*фр.*).

^{3*} Рощу Юлии (*фр.*)

Мет.: Капрал, который показывал достопримечательности Шильона, был пьян, как Блюхер ⁵, и (по моему мнению) ничем его не хуже. Он был, кроме того, глух и, считая нас всех такими же, так громко выкрикивал легенды Замка, что рассердил Х[обхауза]. Однако мы все осмотрели, от виселицы до казематов (*potence* и *cachots*), и возвратились в Кларан с большей свободой, чем была возможна в XV в.

В Кларане (кроме Библии) имеется только одна книга — перевод «Цецилии» (мисс Берни) ⁶; хозяйка моего домика назвала свою собаку (жирного десятилетнего мопса, такого же противного, как Тип) Фиддэ, в честь собаки Цецилии (вернее, Дельвиля).

19 сентября

Встали в пять; велели экипажу выезжать. Добрались через горы до Монбовона, на лошадях и мулах, а кое-где карабкаясь пешком; вся дорога прекрасна, как сон, и сейчас вспоминается мне неясно, как во сне. Я очень устал; хоть я и здоров, но у меня уже нет той силы, что была несколько лет назад. В Мондаване мы позавтракали; потом на крутом подъеме пришлось спешиться, я упал и рассек палец; часть багажа отвязалась и упала в расщелину, но застряла в ветвях большого дерева; достал его с проклятиями; лошадь устала и валилась с ног; пересел на мула. Вблизи вершины Зуб Жаман снова спешился, вместе с Х[обхаузом] и остальными. Добрались до озера, на груди Горы, у самого ее сосца, оставили наших четвероногих на попечение пастуха и продолжали восхождение; местами лежал снег; пот катился с меня градом, оставляя на снегу дырочки, точно в сите; от холодного ветра и снега у меня кружилась голова, но я взбирался вперед и выше. Х[обхауз] поднялся на *высочайшую точку*; я не дошел туда нескольких ярдов (остановился в расщелине скалы). На спуске наш проводник трижды падал; я рассмеялся и тоже упал — спуск, к счастью, был мягкий, хотя кругой и скользкий. Х[обхауз] тоже падал, но никто из нас не ушибся. Горы великолепны. На высоком и крутом утесе пастух играл на *свирели*; совсем не то, что в *Аркадии* (где я видел у пастухов длинные мушкеты вместо посоха и пистолеты за поясом). Свирель нашего швейцарского пастуха была сладкозвучна, и мелодия ее приятна. Видели заблудившуюся корову; говорят, они часто падают в пропасть и разбиваются. Спустились в Монбовон, живописно и беспорядочно раскинутую деревню с бурной речкой и деревянным мостом. Х[обхауз] отправился удить рыбу — одну поймал. Экипаж еще не прибыл; лошади и мулы не стоят на ногах; сами мы тоже устали — но тем лучше — я крепко усну.

Сегодня с самых высоких точек нам открывались виды, с одной стороны — на большую часть озера Леман; с другой — на долины и горы

кантона Фрибург, на огромную равнину, где лежат озера Невшатель и Морт, на все, чем примечательны их берега и берега Женевского озера; перед нами возвышались оба склона Юры и множество альпийских вершин. Когда проходили одно из ущелий, проводник настоятельно советовал ускорить шаг, так как там часты обвалы, причиняющие иногда бедствия; отличный совет, но, как большинство хороших советов, неосуществимый, ибо именно в этом месте тропа так камениста, что ни мулы, ни люди, ни лошади не могут быстро продвигаться. Однако нам удалось проехать без повреждений.

Звуки коровьих колокольчиков (все богатство здешних жителей, как у библейских патриархов, заключается в стадах); пастбища, расположенные выше любой горы в Англии; пастухи, окликавшие нас с вершин и дудевшие в свои дудочки на недосыгаемой высоте, и вся окружающая природа воплощали все, что я слышал, или мог вообразить, о пастушеском рае; гораздо больше, чем в Греции или Малой Азии, ибо там мы слишком часто видим саблю и мушкет; если кто в одной руке держит пастуший посох, в другой наверняка оказывается оружие; здесь же все в чистом виде — пустынно, дико и патриархально; общее впечатление невозможно передать. На прощание нам играли Ranz des Vaches ^{1*} и другие мелодии. За это время я заново населил свое воображение образами природы.

20 сентября

Встали в 6. Отправились в путь в 8. Весь этот день пробыли на высоте от двух тысяч семисот до трех тысяч футов над уровнем моря. Долина — самая длинная, узкая и одна из наиболее живописных в Альпах — мало посещается путешественниками. Видел мост Ла Рош. Русло реки лежит очень низко и глубоко между громадных скал; река несется неудержимо, как гнев; говорят, туда однажды свалились человек и мул и остались невредимы (мулу явно повезло; о человеке не решаюсь этого сказать, раз ничего о нем не знаю). Жители кажутся свободными, счастливыми и богатыми (последнее еще не предполагает двух первых); коровы великолепны; а бык едва не вскочил к нам в шарабан — «приятный спутник в путешествии»?; очень хороши козы и овцы. Направо видна гора с огромными ледниками — Клецгерберг; дальше — Хокторн — неправда ли, какие благозвучные названия? Хокторн очень величав и крут, местами покрыт снегом; на нем нет ледников и только на плечах — пышные эполеты из туч.

Перешли границу Кантона Во и вступили в пределы Бернского Кантона; вместо французского здесь говорят на скверном немецком языке; округа славится сыром, свободой, зажиточностью и отсутствием налогов.

^{1*} Тирольский танец.

X[обхауз] ходил удить — ничего не поймал. Я прошел к реке; увидел мальчика и козленка; козленок бежал за ним как собака; не смог перепрыгнуть через забор и жалобно заблеял; я попытался посадить его, но едва не свалился вместе с ним в реку. Сюда добрались около шести часов вечера. В девять собираемся лечь. X[обхауз] в соседней комнате стукнулся головой о дверь и, разумеется, проклял все двери; сегодня я не устал, но все же надеюсь уснуть. Внизу болтают женщины; а я читаю Шиллера во французском переводе. Покойной ночи, милая Августа.

21 сентября

Вышли в путь рано. Все еще идем Симментальской долиной. Вход в долину Тун очень узкий; высокие утесы, доверху поросшие лесом; река; все новые и новые вершины с великолепными ледниками. Тунское озеро; обширная равнина, окаймленная Альпами. Дошли до замка Шадау; открылся вид на озеро; переправились через реку в лодке; на веслах сидели женщины; впервые в жизни видел, чтобы женщины не сбивались с пути. Тун — прехорошенький городок. Весь сегодняшний день полон гордой красою альпийских вершин.

22 сентября

Выехали из Туна на лодке, которая за три часа прошла все озеро в длину. Озеро небольшое, но берега очень красивы; утесы спускаются к самой воде. Сошли на берег в Нейхаузе; проехали Интерлакен среди неописуемых красот, каких я не мог себе представить. На пути встретилась скала с надписью о двух братьях: один убил другого; самое подходящее для этого место. По извилистой тропе добрались до огромного утеса. Девушка продавала фрукты — очень хороша; синие глаза, отличные зубы, белокурые волосы, лицо немного длинно, но правильно — напомнила мне Ф[анни]. Купил у нее несколько груш и потрепал по щечке; выражение ее лица приветливо, но без всякого кокетства. Добрались до подножия горы (Юнг Фрау, что означает «Девушка»); ледники; водопады; один из них падает с высоты *девятисот футов* и виден на всем этом протяжении. Остановились в доме пастора. Вышли полюбоваться долиной; услышали шум лавины, подобный грому; видели громадный ледник. Разразилась гроза, с громом, молнией и градом — и все это было прекрасно. Я ехал верхом; проводник предложил нести мою трость, и я уже приготовился отдать ему ее, когда вспомнил, что это — трость со скрытой в ней шпагой и что она может притянуть молнию; оставил ее у себя; она сильно мне мешала, как и плащ, так как была чересчур тяжела, чтобы служить хлыстом, а лошадь попала глупая; она останавливалась при каждом ударе грома. Добрался до дому и даже не очень промок; мой плащ не пропу-

скает дождя. Х[обхауз] вымок насквозь и укрылся в какой-то хижине; добравшись до дома пастора, я послал за ним слугу с зонтом и плащом.

Дом швейцарского священника очень комфортабелен, много лучше, чем у большинства английских. Он расположен прямо напротив потока, о котором я говорил. Этот поток изгибается над скалой, точно *хвост* белого коня, развевающийся по ветру; таким можно вообразить апокалиптического «коня бледа»⁸, на котором едет *Смерть*. Это — не туман и не вода, но нечто среднее; огромная высота (девятьсот футов) заставляет его изгибаться, местами рассеивает, а местами уплотняет чудесным и неопишуемым образом. В общем сегодняшний день был, пожалуй, лучшим во всей нашей поездке.

23 сентября

Прежде чем начать подъем, я снова ходил к потоку (в 7 часов утра); солнце превратило всю нижнюю его часть в *радугу*, где преобладали пурпур и золото. Я шел, а радуга перемещалась; я никогда не видел ничего подобного; это бывает только при солнце. Взошли на гору Венген; к полудню добрались до плато на ее вершине; оставили лошадей, я снял сюртук, и мы поднялись на самую вершину, 7000 футов (английских) над уровнем *моря* и почти 5000 футов над долиной, откуда мы вышли утром. С одной стороны нам открылся вид на Юнг Фрау, со всеми ее ледниками; затем гора Серебряный Зуб, сияющая, как сама истина; затем «Малый Великан» (Kleiner Eigher), «Большой Великан» (Grosser Eigher) и, наконец, — последним по порядку, но не по высоте — Веттергорн. Высота Юнг Фрау — 13 000 футов над уровнем моря и 11 000 футов над долиной; это — самая высокая вершина всей горной цепи. Лавины рушились через каждые пять минут — точно Бог с неба забрасывал Дьявола снежками. С нашего Венгена все это было нам видно; а с другой стороны, из долины напротив подымались тучи, выползая из отвесных пропастей подобно пене Адского океана в весенний прилив — белая, сернистая пучина, казавшаяся бездонной. Склон, по которому мы поднялись, был (разумеется) менее крутым; но, оказавшись на вершине, мы увидели по другую сторону кипящее море облаков, бившее об утесы, где мы стояли (с той стороны они совершенно отвесны). Мы пробыли там четверть часа, затем начали спуск; по эту сторону облаков не было. Проходя по снежному насту, я слепил снежок и кинул им в Х[обхауза].

Добрались до своих лошадей; закусили; снова услышали грохот лавин; на пути встретилось болото; Х[обхауз] спешился и перебрался благополучно; я попробовал перебраться верхом; лошадь погрузилась по самую шею, и мы с ней оба, конечно, выпачкались, но остались невредимы; все посмеялись и двинулись дальше. Прибыли в Гринденвальд; пообедали; снова сели на лошадей и поехали к главному леднику; темно, но все

еще было ясно видно. Ледник великолепен и похож на *застывший ураган*. Дивное звездное небо — но тропа была чертовски крута! Не беда; вернулись благополучно; полыхали зарницы; но вообще погода весь день простояла такая, как в день сотворения Рая. Проехали целые леса засохших сосен, совершенно засохших: стволы с ободранной корой и мертвые ветви; все это — за одну зиму. Они показались мне похожими на меня и мою семью.

24 сентября

Вышли в семь, а встали в пять. Миновали черный ледник, оставив Веттергорн справа; перевалили через гору Шейдек; добрались до *Розового* Ледника, который считается самым большим и красивым в Швейцарии. Я нахожу, что Ледник Боссон в Шамуни — не хуже; Х[обхауз] со мной не согласен. Проехали водопад Рейхенбах, высотой в двести футов; остановились, чтобы дать отдохнуть лошадям. Прибыли в долину Оберхазли; начался дождь, и мы несколько подмокли; впрочем, за 8 дней на дождь пришлось не более 4 часов. Доехали до озера Бриенц, затем до местечка Бриенц; переоделись. Х[обхауз] стукнулся о притоку. Вечером пришли четыре крестьянских девушки из Оберхазли и пели нам местные песни; у двух — отличные голоса; песни тоже хороши; они поют и ту *тирольскую песню*, которую ты любишь, Августа, потому что я ее люблю; а я люблю потому, что любишь ты; они поют и сейчас. Если б ты знала, милая, как мне все это нравилось бы, если бы ты была со мной. Напевы своеобразны и дики, и в то же время очень нежны. Сейчас пение кончилось; но снизу доносятся звуки скрипки, которые не сулят мне ночного покоя. Помоги мне бог — спущусь вниз и погляжу на танцы.

25 сентября

В нижних комнатах, как видно, собралось все местечко Бриенц; играют и вальсируют они отлично; здесь одни крестьяне, а танцуют гораздо лучше, чем в Англии; англичане не умеют вальсировать, никогда не умели и никогда не научатся. Один человек не выпускал изо рта трубки, но танцевал не хуже других; другие танцевали парами и по четверо, и все очень хорошо. Я отправился спать, но веселье внизу длилось допоздна, вернее, до утра. А ведь Бриенц всего-навсего деревня. Встали рано. Выехали на озеро Бриенц в шлюпке; гребцами были женщины (одна из них была очень молода и хороша; я сел рядом с ней и тоже стал грести); скоро причалили к берегу, и там в лодку села еще одна женщина. Здесь, как видно, в обычае заставлять *грести женщин*; в нашей лодке было пять мужчин и три женщины; все женщины гребли, а из мужчин — только один.

За три часа добрались до Интерлакена; красивое озеро, но меньше, чем Тунское. В Интерлакене пообедали. Какая-то девушка преподнесла мне цветы и произнесла по-немецки речь, из которой я ничего не понял; не знаю, какова была речь; но девушка была хороша, надеюсь, что и речь тоже. Видел еще одну, тоже очень хорошенькую и притом высокую, что мне нравится. Не терплю малорослых женщин — по многим причинам. Снова поехали по Тунскому озеру; часть пути я проспал; лошадей отправили в объезд по берегу; на берегу взрывали порохом скалу, близко от нашей лодки, а предупредили только за минуту, по глупости, которая могла стоить нам головы. Вечером прибыли в Тун; погода весь день стояла сносная; но так как все дикие места уже остались позади, для нас это теперь неважно; всюду, где было нужно, нам везло — было тепло и ясно, за что и «возблагодарим господ».

26 сентября

Теперь, когда мы спустились с гор, мой дневник будет таким же плоским, как и местность. Между Туном и Берном — хорошие дороги, изгороди, села, ремесла, исправные хозяйства и все скучные признаки цивилизации. Между Берном и Фрибургом уже другой кантон — католический. Проехали поле битвы, где швейцарцы разбили французов в одной из недавних войн против французской республики. Купил собаку — очень уродливую, но «très méchante»^{1*}; это ее главное достоинство, по мнению продавца, — и по моему также; она нужна мне, чтобы стеречь экипаж. Она бесхвостая и зовется «Mutz», что означает «Куцый»; видимо, она из породы пастушьих псов. Большую часть пути мы проделали на лошадях, пешком и на мулах.

Кобылка (одна из двух молодых лошадей, купленных мной у барона де Винси) шла подо мной очень хорошо: она молода и спокойна, как только может быть существо ее пола; очень кротка; всегда ржет, когда чего-нибудь хочет, а это бывает примерно каждые пять минут. Я назвал ее Viche, потому что ее повадки напоминают собачку; очень ручное и по-детски милое животное.

28 сентября

Видели дерево, посаженное в память битвы при Морате⁹; ему 340 лет, и оно наполовину засохло. Перед отъездом из Фрибурга осмотрели собор с очень высокой колокольней. Нагнали обоз, перевозивший вещи монахинь-трапписток¹⁰, которые перебираются из кантона Фрибург в Норман-

^{1*} Очень злую (фр.).

дию; а потом карету со множеством монахинь — все они старые. Проехали по берегам Невшательского озера; очертания их очень красивы и мягки, но не очень гористы, по крайней мере, Юра не кажется высокой после Бернских Альп. В сумерках добрались до Ивердена; вдоль озера тянется аллея огромных деревьев — красиво и сумрачно; на постоялом дворе было людно — немецкая принцесса со свитой; но комнаты мы все же получили.

Послезавтра надеемся вернуться на виллу Диодати, и я жду от тебя письма, милая сестренка. Желая сладко уснуть и видеть во сне меня. Я ложусь — покойной ночи.

29 сентября

Едем по прекрасной и цветущей, но не гористой местности. Вечером прибыли в Обонн (въезд и мост несколько напоминают Дэрэм), откуда открывается лучший из всех видов на Женевское озеро; сумерки; над озером луна; на холме великолепная роща. Здесь Тавернье¹¹ (путешественник по Востоку) купил (или выстроил) замок, потому что местность напоминала ему *Ереван* (пограничный город в Персии); здесь он закончил свои странствия, а я — свою небольшую экскурсию; до Диодати остается всего несколько часов, тут уже почти нечего смотреть и не о чем писать.

С погодой мне очень везло все 13 дней моей поездки; повезло и со спутником (м-р X [обхауз]); повезло в исполнении нашей программы; не было даже мелких случайностей и задержек, которые часто отравляют путешествие, даже в менее дикой местности. Я был расположен насладиться поездкой. Я люблю Природу и поклоняюсь Красоте. Я умею переносить усталость и лишения, а зато повидал некоторые из красивейших мест в мире. Но и здесь меня не покидали горькие воспоминания, особенно о последних семейных невзгодах, — воспоминания, которым суждено сопровождать меня всю жизнь; ни пастушьи напевы, ни грохот лавин, ни водопады, ни горы, ни ледники, ни леса, ни тучи ни на миг не облегчили тяжесть, лежащую у меня на сердце; ни на миг не дали растворить мое несчастное «Я» в величии, могуществе и красоте, окружавшей меня со всех сторон.

Я уже никого больше не упрекаю; всему свое время. Я не жажду мести, да и какая месть могла бы возместить мне мои страдания? но настанет час, когда и другие почувствуют то, что чувствую я, и — впрочем, довольно об этом.

Тебе, милая Августа, я посылаю и для тебя вел эти записи того, что видел и чувствовал. Люби меня, как ты любима мной.

П И С Ь М А

62

ТОМАСУ МУРУ

Венеция, 17 ноября 1816

По дороге сюда, из Вероны, я на днях послал вам письмо, каковое вы, надеюсь, получите. Вспоминаю, что года три назад, а может быть и больше, вы говорили мне, что получили письмо от нашего друга Сэма¹, датированное «с борта его гондолы». *Моя* гондола сейчас ожидает меня на канале, но я предпочитаю писать вам из дому, так как на дворе стоит осень — и весьма похожая на английскую. Я намерен провести в Венеции эту зиму — после Востока она всегда была для меня обетованной землей. Она меня не разочаровала, хотя ее очевидные разрушения могли бы подействовать именно так на многих. Но я настолько привык к развалинам, что не пугаюсь запустения. К тому же я попал в любовную западню, а это почти так же хорошо, или плохо, как упасть в канал (впрочем, для меня последнее не страшно, ибо я умею плавать). Я снял отличную квартиру в доме некоего «венецианского купца», который весьма занят своими делами и имеет жену двадцати двух лет. Марианна [Сегати] (так ее зовут) всем своим видом очень напоминает антилопу. У нее большие черные восточные глаза с тем особым выражением, которое редко встречается у *европейцев*, — даже у итальянцев — и которого многие турчанки достигают с помощью подведенных век — прием, по-видимому, неизвестный в других странах. У нее это выражение от *природы* — и даже нечто большее. Словом, я не могу описать действие подобных глаз — по крайней мере, на меня. Черты ее правильны, нос слегка орлиный — рот маленький — кожа чистая и нежная, с несколько лихорадочным румянцем — лоб прекрасен; волосы своим цветом, волнистостью и темным блеском напоминают волосы леди Дж[ерси]; стан стройный и грациозный, и она славится своим умением петь; вообще ее голос очень приятен, а наивность венецианского диалекта всегда нравится в женских устах.

23 ноября

Вы замечаете, что мое описание, подробное, как для паспорта, было прервано на несколько дней. Тем временем...

5 декабря

После предыдущего мне, кажется, нечего добавить на эту тему и, к счастью, нечего взять назад, ибо я более чем когда-либо доволен моей венецианкой, и чувства мои становятся настолько серьезными, что я предпочитаю умолкнуть.

В качестве развлечения я ежедневно изучаю в армянском монастыре² армянский язык. Мне надо было занять свой ум чем-нибудь трудным; вот я и выбрал самое трудное из всего, чем здесь можно занять свой досуг, и заставил себя сосредоточиться. Впрочем, это богатый язык; он с лихвой вознаградит каждого, кто его изучит. Я пытаюсь это сделать и намерен продолжать, но ни за что не ручаюсь и менее всего — за свои намерения или успехи. В монастыре есть любопытнейшие рукописи и книги; есть переводы с утраченных греческих подлинников, а также с персидского, сирийского и др., помимо сочинений армянских авторов. Четыре года назад французы учредили кафедру армянского языка. В понедельник утром туда записалось двадцать студентов, полных благородного пыла, юношеского простодушия и несокрушимого прилежания. С мужеством, достойным их нации и способным покорить мир, они упорствовали до четверга; а там *пятнадцать* из *двадцати* пали на двадцать шестой букве алфавита. В их оправдание надо сказать, что армянский алфавит действительно подобен Ватерлоо. Но как это похоже на французов — поступить, как они поступили со своими монархами — взять и бросить обоих; пародируя старый стишок, можно сказать: «давай короля и долой короля». Да, скверные животные; но их победители еще хуже.

Я слышал, что Ходжсон поселился по соседству с вами — получил приход в Дербишире. Вы убедитесь, что это человек прекрасной души, а также редкого ума; быть может, несколько излишне отполирован церковной карьерой и ролью наставника юношества: к тому же — заражен бациллой семейного счастья, обуреваем высокими чувствами к женщинам и верой в *постоянство* (эту разменную монету Любви, которую люди требуют так упорно, получают в виде фальшивых монет, а оплачивают еще более презренным металлом); впрочем, человек весьма достойный; он недавно женился на хорошенькой женщине, а сейчас, вероятно, обзавелся и ребенком. Прошу передать ему мой поклон и сказать, что я не знаю, кому больше завидовать по части соседства — ему или вам.

О Венеции скажу немного. Вы, вероятно, читали множество ее описаний — и они в большинстве своем похожи. Это поэтический город, а для нас классический, благодаря Шекспиру и Отвею³. Стихами я еще против него не грешил, и может быть не стану; лира моя молчит с тех пор, как я перевалил через Альпы, и я еще не ощутил нового взлета *estro*^{1*}.

^{1*} Вдохновения (*итал.*).

Кстати, вы вероятно уже видели «Гленарвон»⁴. Госпожа де Сталь прислала мне его прошлой осенью на прочтение из Коппэ. Мне думается, что если бы сочинительница написала *правду*, только правду и всю правду — роман получился бы не только романтичнее, но и занимательнее. Что касается сходства, то его нельзя было и ожидать — для этого я недостаточно долго позировал.

Когда у вас будет досуг, я хотел бы получить письмо от вас и о вас и прошу считать меня

всегда преданным вам
Б.

P. S. — Ах да, а как ваша поэма⁵ — уже вышла в свет? надеюсь, что Лонгман выплатил полагающиеся вам тысячи. Но только не уподобляйтесь отцу Х[орэйса] Т[висса]⁶, который, получив деньги за путевые заметки, открыл торговлю уксусом, а уксус, представьте, стал сладким (этакая чертовщина!), и он разорился. Последнее мое письмо к вам (из Вероны) было вложено в письмо к Мерреку — получили ли вы его? Пишите мне сюда — *poste restante*^{1*}. Сейчас здесь нет никого из англичан, а в Швейцарии было несколько, в том числе женщины, но за исключением леди Долримпл Гамильтон⁷, большей частью уродливые, как сама добродетель — по крайней мере, те, кого я видел.

63

АВГУСТЕ ЛИ

18 декабря 1816

Милая Августа,

После приезда в Венецию получил твое письмо, помеченное, кажется, 19-м ноября (или, пожалуй, неделей-двумя раньше). Я намерен остаться здесь до весны. Мне здесь нравится. Я встретил приятных людей — а потому, романтика здешних мест, их своеобразие и все ассоциации, обычно вызываемые у нас при знакомстве с Венецией, которая всегда меня привлекала, еще до приезда сюда; и то, что я увидел, меня не разочаровало.

Каждое утро я отправляюсь в армянский монастырь (мужской, дитя мое, — *не женский*) для занятий армянским языком (тебе, кажется, известно, что по-итальянски я говорю; правда, скорее бегло, чем правильно); если ты спросишь, зачем мне понадобился этот редкий язык, я могу ответить только, что он — восточный и трудный и может меня занять; при моем образе мыслей, тоже восточном и трудном, как тебе известно, эти причины являются достаточными.

^{1*} До востребования (*фр.*).

Кроме того, я влюбился в очень хорошенькую венецианку двадцати двух лет, с большими черными глазами. Она замужем — а я женат — и это как нельзя более кстати. Мы поклялись друг другу в вечной привязанности, которая длится уже целый лунный месяц, и я влюбляюсь все больше, и моя дама тоже — так она, по крайней мере, говорит. Она мне не надоедает (а это уже чудо) и мне кажется, что мы с ней составляем одну из счастливейших незаконных пар по сю сторону Альп. Она очень хороша, типичной красотой итальянок, вернее венецианок, и, вместе с тем, больше их похожа на женщин Востока; как большинство ее соотечественников, она обладает талантами и музыкальностью. Супруг ее — отличный человек, занятый на стороне; так-то вот и вертится мир, как здесь, так и всюду. Приключение это подвернулось весьма кстати и утешило меня, а то я, как Сэм Дженнингс, «шибко горевал»; зато сейчас вот уж месяц, как я очень спокоен, очень влюблен и меньше помню о мучениях последних двух лет и о чудовище добродетели — мисс Милбэнк, которая едва не довела меня до сумасшествия.

Хобхауз, с братом и сестрой, уехал в Рим, но в феврале вернется сюда; а я, как ты можешь себе представить, не спешу отсюда трогаться.

За последнее время я не получал вестей из Англии и хотел бы знать, напечатал ли Меррей посланные ему поэмы; хочу также знать, находишь ли ты их превосходными и заставляют ли они тебя «утирать глазки», милый мой Гусенок.

Ты не можешь вообразить, как глубоко несчастен я был со дня разлуки с тобой и до прошлого месяца, — хоть я и боролся с собой изо всех сил. Сейчас мне лучше — слава богу на небеси — и женщине на земле — и я буду пай-мальчиком. Привет твоим младенцам; напиши мне о маленькй Да¹, которой, кстати, на днях исполнился год.

Привет всем вам и тете Софи; сообщи ей особо, что я утешился; и скажи Ходжсону, что его пророчество сбылось. Помнишь, он сказал, что я влюблюсь в итальянку — так я и сделал.

Остаюсь
[всегда твой, дорогая,
Б.

P. S. — Забыл сообщить тебе, что «demoiselle»^{1*} вернулась в Англию из Женевы², чтобы произвести на свет нового «бэби Б.», который ожидается со дня на день. Ты хотела занимательных событий — полагаю, что этого хватит для одного послания. Письма прошу писать прямо в Венецию — *poste restante*^{2*}.

^{1*} Барышня (фр.).

^{2*} До востребования (фр.).

64

ТОМАСУ МУРУ

Венеция, 24 декабря 1816

Приступ эпистолярного усердия, который на меня нашел, грозит большими почтовыми расходами: я писал вам из Вероны — из Венеции, — сейчас снова пишу из Венеции — всего *три раза*. Сами виноваты; мне сообщали, что вы жаловались на мое молчание — ну так я покажу вам многословие.

Надеюсь, что вы уже получили два других письма. «Земной мой путь»¹ (или «весной мой путь» — как там говорят комментаторы?) — «земной мой путь» вошел в привычную колею. По утрам я отправляюсь в гондоле болтать по-армянски с братьями монастыря св. Лазаря и помогаю одному из них править английскую часть англо-армянской грамматики, которую он готовит к печати. По вечерам предаюсь какому-либо из многих видов безделья — либо в театре, либо на *conversazioni*^{1*}, которые похожи на рауты, только хуже; женщины полукругом сидят возле хозяйки дома, а мужчины стоят. Правда, есть и выгодное отличие от наших раутов — вместо лимонада к мороженому подают крепкий *ромовый пунш* — *да, да, пунш* — и это считается за *английский* обычай. Не хочу выводить их из столь приятного заблуждения — «Нет, нет, за всю Венецию»² я на это не пойду.

Вчера был у графа-губернатора, т. е., разумеется, в лучшем обществе, очень напоминающем подобные собрания во всех странах, в том числе и в нашей, разве что вместо епископа Винчестерского³ вы встречаетесь с патриархом Венецианским и пестрым сборищем австрийцев, немцев, знатных венецианцев и иностранцев, а если попадается чужак, можете быть уверены, что это консул. Кстати, я забыл написать вам из Вероны, что в Милане встретился с вашим соотечественником — неким полковником [Фицджеральдом], отличным, добродушным человеком, который в Милане все знает и всем все показывает и сделался как бы местным жителем. Он особенно любезен с иностранцами, и вот его история — или эпизод из нее.

Двадцать шесть лет назад полковник [Фицджеральд], в то время прапорщик, будучи в Италии, влюбился в маркизу [Кастильоне], а она в него. Дама была старше его по крайней мере лет на двадцать. Началась война, он возвратился в Англию, чтобы служить — не родине, потому что он ирландец, но Англии, а это дело другое; а *она* — бог ведает, чем она занялась. В 1814 г., в качестве первого вестника «Окончательного Договора о Мире» (и тирании), перед изумленными миланцами предстал полковник [Фицджеральд]; растянувшись во всю длину у ног мадам [Кастильоне], он забормотал на полузабытом ирландско-итальянском наречии клятвы в неизменной верности. Дама издала крик и спросила:

^{1*} Прием (*букв.* «беседа», *итал.*).

«Кто вы такой?» — «Неужели вы не узнаете меня?» — вскричал полковник; «Я такой-то» и т. д. и т. д., пока наконец маркиза, переходя от воспоминания к воспоминанию и перебрав своих любовников за двадцать пять лет, не добралась до *rovero* ^{1*} прапорщика. Тут она сказала: «Видана ли когда-нибудь подобная добродетель?» (она употребила именно это слово); будучи теперь вдовой, она отвела ему апартаменты в своем палатце, восстановила его во всех правах незаконной любви и представила изумленному свету как чудо внебрачной верности, как такового несокрушимого Абдила разлуки.

Мне думается, что эта повесть не уступает моральным повестям Мармонтеля ⁴. А вот и еще одна. Та же дама, несколько лет назад, имела свидание с неким шведом, графом Ферзенем ⁵ (тем самым, который не так давно был растерзан стокгольмской толпой) и прибыла с ним в остерию на дороге в Рим. Был летний вечер, и за ужином они услышали из соседней комнаты скрипичный концерт, так хорошо сыгранный, что граф, желая лучше его слышать, вышел к музицирующей компании и сказал: «Джентльмены, я убежден, что столь любезные кавалеры охотно покажут свое искусство даме, которой будет очень приятно» и т. д. Музыканты тотчас согласились — все инструменты были настроены, и компания, играя самый сладкозвучный напев из своего репертуара, вошла вслед за графом в комнату дамы. Впереди, играя и на ходу отвешивая поклоны, выступала первая скрипка. Смерть и смятение! то был сам маркиз, занятый серенадами в деревне, в то время как супруга его сбежала из города. Остальное можно себе вообразить — но дама попыталась убедить его, что нарочно приехала к нему и избрала такой способ сделать ему музыкальный сюрприз. Все эти сплетни позабавили меня, и я посылаю их в надежде, что они окажут то же действие и на вас. А теперь возвратимся в Венецию.

Послезавтра (завтра у нас рождество) начнется Карнавал. Я зван на обед к графине Альбрицци ⁶, а затем иду в оперу. Это будет день открытия «Феникса» (не страховой компании, а театра под таким наименованием). Я абонировал там ложу на сезон, по двум причинам, из которых первая — это отличная музыка. Упомянутая мной графиня Альбрицци является венецианской г-жой де Сталь; она немолода, но это весьма образованная женщина, добрая и простая в обращении, очень любезная с чужестранцами и, мне кажется, совсем не распутная, как большинство женщин. Она опубликовала хорошую книгу о Канове, а также том очерков и кое-что еще. Она родом с Корфу, а замужем была за одним покойным венецианцем, т. е. тогда он разумеется был еще жив.

Мой предмет (моя *донна*, о которой я писал в предыдущем послании, моя Марианна) все еще остается моей Марианной, а я ее — что ей угодно.

^{1*} Бедного (*итал.*).

Она намного красивее всех женщин, какие мне здесь встречаются, и самая привлекательная из всех, кого я встречал вообще, — но также и одна из самых странных. Я, кажется, рассказал вам в прошлом письме о зарождении и развитии нашей liaison ^{1*}. Если это письмо не получено вами, я повторю кратко, что она — венецианка двадцати двух лет, замужем за состоятельным купцом, и что у нее большие черные восточные очи и все качества, какие подобные очи нам сулят. Быть может, причиной тут моя влюбленность в нее, сделавшая меня нечувствительным к другим чарам, но мне, кроме нее, мало встречается хорошеньких женщин. В особенности невзрачны знатные дамы; мелкое дворянство несколько лучше. Ну, а ты что подделываешь?

Чем сейчас занят,
 О Томас Мур?
 Чем сейчас занят,
 О Томас Мур?
 Мечты ли манят,
 Рифмы ль тиранят,
 Сердце ль кто ранит,
 О Томас Мур? ⁷

Вы ведь там по соседству с луддитами? ⁸

Клянусь богом! Если начнется потасовка, я к вам приеду! Как там ткачи — разрушители станков — политические лютеране-реформаторы:

Как за морем ⁹ кровью свободу свою
 Ребята купили дешевой ценой —
 Там будем и мы; или сгинем в бою,
 Иль к вольному все перейдем мы житью,
 А всех королей, кроме Лудда — долой!

Когда ж свою ткань мы соткем и в руках
 Мечи на челнок променяем мы вновь —
 Мы саван набросим на мертвый наш страх,
 На деспота труп, распростертый во прах,
 И саван окрасит сраженного кровь.

Пусть кровь та, как сердце злодея, черна,
 Затем что из грязных текла она жил, —
 Она как роса нам нужна;
 Ведь древо свободы вспойт нам она,
 Которое Лудд насадил!

^{1*} Связи (фр.).

Вот вам приятная *chanson* ^{1*} — притом экспромт. Я сочинил ее главным образом для того, чтобы шокировать вашего соседа ^{**} [Ходжсона] — образец верующего и верноподданного, невинной веселости — молочка пополам с водой.

Но карнавал близко,
 О Томас Мур!
 Но карнавал близко,
 О Томас Мур!
 Маски средь блеска,
 Шума и треска,
 Странного всплеска,
 О Томас Мур!

На днях видел новую пьесу — и ее автора. Сюжетом ее является жертвоприношение Исаака ¹⁰. Пьеса имела успех, автора вызывали — как это принято на континенте — и он оказался знатным венецианцем по фамилии Мали или Малапьеро. Сам он *Mala* ^{2*}, а пьеса его *peissima* ^{3*} — таково, по крайней мере, мое мнение, а кому же знать, как не мне — ведь я прочел не менее пятисот драматургических приношений, когда состоял в Подкомитете (не лучше ли сказать: надкомитете) Дрюрилейнского театра.

Когда появится ваша поэма из поэм? Я слышал, что «Эдинбургское обозрение» разбранило Кольриджа за «Кристабель» ¹¹, а меня помянуло лихом за то, что я ее похвалил. Я похвалил ее, во-первых, потому, что она мне понравилась, а во-вторых, потому, что Кольридж был в большой беде: сделав для него то небольшое, что мог, в самом существенном, я решил, что публичное выражение похвалы может также поправить его дела, хотя бы с книгопродавцами. Мне очень досадно, что Джеффри напал на него; бедняга! — это удар и для души и для кармана. Что касается меня, то пусть ругает — я не стану думать о Джеффри хуже, что бы он ни сказал обо мне или моих в будущем.

Полагаю, что Меррей послал или пошлет вам (ибо не знаю, вышли ли они) мои поэму или стихи нынешнего лета ¹². Клянусь мессой, они божественны — *Gaiion Coheriza* ^{4*} — пусть отрицает, кто осмелится ¹³! Хочу получить весточку от вас и о вас или хотя бы узнать, что к вам дошли мои три письма. Пишите прямо сюда — *poste restante* ^{5*}.

Всегда и т. д.

^{1*} Песня (*фр.*).

^{2*} Плохой (*итал.*).

^{3*} Худший (*итал.*).

^{4*} Гэльское восклицание

^{5*} До востребования (*фр.*).

P. S. — Узнал на днях о хитрой проделке одного книгопродавца, который издал какую-то чепуху, а мне приписывает отцовство¹⁴ и утверждает, будто уплатил мне пятьсот гиней. Он лжет — я не писал ничего подобного, никогда в жизни не видел ни стихов, ни их издателя и не имел с ним никакого дела, ни прямо, ни косвенно. Прошу заявить это за меня, если понадобится. Я уже написал Меррею, с просьбой опровергнуть мошенника.

65

ТОМАСУ МУРУ

Венеция, 28 января 1817

Ваше письмо от 8-го лежит передо мной. От вашего полнокровия есть простое средство — воздержность. Несколько лет назад мне пришлось к нему прибегнуть — я имею в виду *диету*; и с тех пор, за вычетом нескольких пиршественных недель и дней (иной раз даже месяцев), я держу привычек Пифагора. Несмотря ни на что, хочу узнать от вас, что вам полегчало. Не позволяйте себе ни «мутного пива», ни портера, и *ужинать* тоже не надо — это совсем не годится тем, кто плотно обедает...

Я искренне огорчен несчастьем вашего отца¹ — это всегда тяжело переживать, особенно под старость. Однако у вас будет отрадное сознание исполненного долга и поверьте, это вам зачтется. Судьба, конечно, женщина, но она все же не такая сука, как остальные (вашу жену и мою сестру мы исключаем), и под конец обычно бережет нечто вроде справедливости; я на нее не в обиде, хоть и немало претерпел от нее и Немецкиды — правда, я всеми силами постарался это заслужить. *Вам* она порядком задолжала и скоро уплатит, вот увидите: вы в расцвете сил, независимы, талантливы, сильны духом и волей. Все, что вы могли, вы сделали и сделаете; кроме того, есть на свете люди, которые не прочь услужить вам, если бы вы разрешили им это сделать или хотя бы попытаться.

Весной я думаю побывать в Англии. Если предстоит потасовка, клянусь скипетром короля Лудда, я приму в ней участие; а если нет и у нас продлится «мирный и тщедушный век»², я сниму домик в сотне ярдов к югу от вашего и стану вашим соседом; и мы будем сочинять такие песни и вести такие беседы, что приведем в ужас «*времена*» (и одноименную газету) и заслужим почести и изумленные похвалы со стороны «Морнинг Кроникл» и потомства.

Рад слышать о скором выходе в свет — в феврале — вашего детища, — но смущен «великолепием», которое вы находите в новой песне «Чайльд Гарольда». Я рад, что она вам нравится; это и моя любимая — отличный образец смутного поэтического отчаяния. Когда я сочинял ее, я был

наполовину безумен от метафизики, гор, озер, неугасимой любви, невыразимых мыслей и кошмара моих прегрешений. Мне не раз хотелось пустить себе пулю в лоб, и меня удерживала лишь боязнь доставить столько удовольствия моей теще; вот если бы я был уверен, что смогу являться ей из могилы... впрочем, не стану больше останавливаться на этих мелочах семейной жизни.

Венеция переживает *estro*^{1*} Карнавала, и я уже две ночи не сплю из-за *ridotto*^{2*}, оперы и тому подобного. Теперь расскажу вам приключение. Несколько дней назад какой-то гондольер принес мне записку без подписи, выражавшую желание увидеться со мной либо в гондоле, либо на острове Сан Лазаро, либо еще в одном месте, указанном в записке. Однако

Я вдоволь изучил венецианок.
Лишь небу праведному видно то,
Чего мужья их не подозревают!³

и т. д. и т. п. Поэтому вместо ответа я сказал, что мне не подходит ни одно из названных мест, но я готов ждать или дома к десяти вечера, один, или в *ridotto* в полночь, где автор записки может подойти ко мне в маске. В десять я был дома, один (Марианна ушла с мужем на *conversazione*^{3*}), когда дверь открылась, и ко мне вошла хорошенькая и (для итальянки) *bionda*^{4*} женщина лет девятнадцати, которая сообщила, что она — жена брата моей *amozosa*^{5*} и желает со мной побеседовать. Я отвечал ей приличным образом, и мы начали беседовать на итальянском и новогреческом языках (ее мать — гречанка с Корфу), как вдруг, спустя несколько минут, к великому моему удивлению, дверь отворилась и вошла Марианна *Segata in propria persona*^{6*}, вежливо поклонилась своей невестке и мне, а затем, не говоря ни слова, вцепилась указанной невестке в волосы и надавала ей пощечин, от одного звука которых у вас зазвенело бы в ушах. Не стану описывать, какой тут поднялся крик. Злополучная гостя спаслась бегством. Я схватил Марианну, которая, после нескольких тщетных попыток вырваться и преследовать противника, забилась на моих руках в припадке и, несмотря на уговоры, одеколон, уксус, полпинты воды и всяких других жидкостей, пребывала в этом состоянии до полуночи.

1* *Эд.*: разгар (*итал.*).

2* Клуба (*итал.*).

3* В гости (*итал.*).

4* Белокурая (*итал.*).

5* Возлюбленная (*итал.*).

6* Собственной персоной (*итал.*).

Обругав слуг за то, что они впускают ко мне не докладывая, я выяснил, что Марианна еще утром увидела на лестнице гондольера своей невестки; решив, что его появление не сулит ей ничего доброго, она вернулась либо по собственному побуждению, либо по наущению служанок или еще кого-либо из ее соглядатаев, а вернувшись, продемонстрировала описанный выше раунд бокса. Я и раньше видал истерики и иные сцены такого рода, как на нашем острове, так и в чужих краях; но это было еще не все. Спустя примерно час является — кто бы вы думали? — синьор Сегати, супруг и повелитель, и застает меня со своей женой — жена простерта в обмороке на кушетке, вокруг полный беспорядок, растрепанные волосы, шляпки, платочки, нюхательные соли и флаконы, а дама бледна, как полотно, и недвижна. Первым его вопросом было: «Что означает все это?» Дама не в состоянии была отвечать — пришлось мне. Я сказал, что все объясняется самым простым образом, но что прежде всего надо привести жену в чувство. После всяческих вдыханий и воздыханий, это в конце концов удалося сделать.

Не тревожьтесь — в Венеции ревновать не принято, а кинжалы вышли из моды; дуэли из-за женщин здесь неизвестны, — во всяком случае мужьям. Все же положение было неловким; и хотя он, по-видимому, знал, что я ухаживаю за Марианной, до этого вечера он, кажется, не подозревал, сколь далеко я зашел. Всем отлично известно, что почти все замужние женщины имеют любовников; но, как и у других народов, здесь принято соблюдать декорум. Поэтому я не знал, что сказать. Сказать правду я не мог, щадя ее, а лгать, спасая себя, мне тоже не хотелось, — к тому же дело было слишком ясно. Я решил, что лучше всего предоставить объяснение ей (ибо женщины никогда не теряются — дьявол всегда их выручает) и только приготовился защитить и увести ее на случай, если синьор проявит свирепость. Но я видел, что он был совершенно спокоен. Она ушла к себе и легла, а наутро — не знаю уж, как они это уладили, но все уладилось. Тут мне пришлось дать Марианне объяснение по поводу ее невестки — будь она стократ неладна — что я и сделал, поклявшись в своей невинности, вечной верности и т. д. и т. п. ... Однако невестка, крайне расстроенная таким обращением (и не понимая, что срамит при этом себя), рассказала о случившемся половине города, а слуги, привлеченные сражением и обмороками, рассказали другой половине. Впрочем, здесь не придают значения подобным пустякам, разве чтобы посмеяться. Не знаю, посмеетесь ли вы, а у меня из этих глупостей вышло длинное письмо.

Остаюсь всегда и т. д.

ТОМАСУ МУРУ

Венеция, 28 февраля 1817

Теперь вы, вероятно, будете так же горько жаловаться на частоту моих писем, как прежде — на их редкость. Это, кажется, четвертое за столько же месяцев. Я жду вашего письма с особым нетерпением, так как в прошлый раз вы сообщили, что нездоровы. Сейчас я и сам нахожусь на положении больного. Карнавал — собственно, последние его дни, когда я очень поздно ложился, — несколько утомил меня. Но он прошел — наступил пост, а с ним воздержание и церковные песнопения.

Карнавал завершился маскарадом в Фениче ¹, где я тоже присутствовал, как и в большинстве ridotto ^{1*} и пр., хотя в общем не так уже много беспутничал; просто «клинок стал изнашивать ножны» ² — а ведь мне исполнилось всего двадцать девять лет.

Не бродить нам вечер целый
Под луной вдвоем,
Хоть любовь не оскудела
И в полях светло, как днем.

Переживет ножны клинок,
Душа живая — грудь.
Самой любви приходит срок
От счастья отдохнуть.

Пусть для радости и боли
Ночь дана тебе и мне,
Не бродить нам больше в поле
В полночь при луне ³.

Узнал некоторые свежие литературные новости (как говаривал некогда редактор «Мансли» ⁴). Слышал, что У[эддерберн] У[эбстер] напечатал в «Кроникл» ученого Перри ⁵ свой ответ на нападки «Куотерли». Я читал его стихи ⁶ прошлой осенью и нашел среди них эпитафию на смерть его бульдога и еще одну, посвященную мне. Хочу, однако, заверить его (подобно астрологу Партриджу ⁷), что я не только сейчас жив, но был жив и в то время, когда он ее сочинял... Слышал также, что Хобхауз произвел на свет послание против «Куотерли», обращенное ко мне. Так как и он, и Гиффорд — мои друзья, я оказываюсь между ними в неловком положении.

Вам тоже предстоит в этом месяце выйти в свет — клянусь телом Дианы! (это венецианская клятва), я так волнуюсь — но за вас не боюсь, —

^{1*} Клубов (итал.).

словно сам выпускаю юмористическое произведение, а это, как вы знаете, было бы прямой противоположностью всем моим предыдущим писаниям. Думаю, что вам не за что опасаться, разве что за свою репутацию. Надо остаться на той же высоте. Так как вы никогда не показывали мне ни строчки, я не знаю даже, какой там размер, но вы должны немедленно прислать мне экземпляр через Меррея, и тогда узнаете мое мнение. Вы, должно быть, порядком волнуетесь. Из всех известных мне авторов вы — единственный подлинно *скромный* — что звучит весьма странно для тех, кому известны грешки вашей молодости, — я хочу сказать самой *ранней* молодости, ибо не намерен укорять вас ни грешками, ни годами.

Я, кажется, писал вам, что «Э[динбургское] О[бозрение]» напало на меня в статье о Кольридже (я ее не читал) — «Et tu 1*, Джеффри?»⁸ «Чего и ожидать от подлеца, как не плутовства?»⁹ Но я прощаю ему все нападки, настоящие и будущие; ибо считаю, что он и без того проявил ко мне все возможное милосердие, и всегда буду о нем хорошего мнения. Я только дивлюсь, отчего он не начал раньше — моя семейная катастрофа была отличным случаем, и все, кто мог, правильно сделали, что ею воспользовались.

Но если я проживу еще десять лет, вы увидите, что я еще покажу себя — не в литературе, это пустяк, и, как ни странно, мне кажется, что не в ней мое призвание. Вы увидите, что я свершу нечто такое, что «как космогония, или, иначе говоря, сотворение мира поставит философов в тупик»¹⁰. Не уверен только, что здоровье мое выдержит до тех пор. Ведь я иной раз изгонял его, точно злого духа.

Я еще не назначил время для возвращения, но подумываю о весне. В апреле будет год, как я уехал. Вы ни разу не упомянули ни Роджерса, ни Ходжсона, вашего соседа-священника, который недавно получил приход в ваших краях. Родился ли у него ребенок? Это было его desideratum^{2*}, когда я в последний раз его видел...

Прошу ответить мне, когда вам позволит время, и считать меня всегда вашим преданным

67

АВГУСТЕ ЛИ

Флоренция, 27 мая 1817

Милая Августа,

Я прибыл сюда на обратном пути из Рима в Венецию. Из Рима я писал тебе подробно. Хобхауз ненадолго поехал в Неаполь.

1* И ты (лат.).

2* Желанием (лат.).

Получил от тебя за это время два письма — одно старое и одно новое.

Здоровье мое поправилось, несмотря на довольно сильную жару, усердную верховую езду и лазание по горам — с самого своего приезда я все время проводил на воздухе.

Буду рад получить письмо от тебя и про тебя, а также про твоих и моих детей. Кстати, у меня, видимо, появился еще один ребенок — *дочь* от той дамы, которую ты знаешь по моим предыдущим письмам — я разумею ту, что вернулась в Англию, чтобы тайно стать матерью — молю богов, чтобы она там и осталась. Я еще не совсем решил, что мне делать с этим новым произведением (девочке сейчас около трех месяцев, хотя мне стало известно о ней только в Риме); но я очевидно пошлю за ней и помещу ее в какой-нибудь венецианский монастырь, чтобы сделать из нее добрую католичку, а может быть, *монахиню*, чего нашей семье весьма недостает.

Говорят, что это очень красивый ребенок, с голубыми глазами и *темными* волосами; и хотя к ее матери я никогда не был привязан и не прилеплялся в этом, но если нескончаемая вражда и отчуждение, которые я предвижу, отравят мне отношения с моей законной дочерью Адой, неплохо, пожалуй, хоть на кого-нибудь надеяться. Мне надо кого-то любить в старости, и обстоятельства могут сделать это бедное маленькое создание большим, а может быть единственным моим утешением...

[Конец письма не сохранился]

68

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Ла Мира¹, близ Венеции, 1 июля 1817

Дорогой сэр,

Со времени моего последнего письма я облек свои впечатления в IV песнь «Чайльд Гарольда»², из которой вчерне написал более тридцати строф и намерен продолжать. Это будет, вероятно, последняя часть поэмы, так что осенью вы можете планировать подписку на 1818 год. Вам следует приготовить деньги, ибо это продолжение означает для вас некоторые расходы; примерно в конце сентября или октября я буду готов (т. е. сдам ее в печать), но я еще не представляю себе длины и калибра этой песни и будет ли из нее толк; однако я намерен проявить крайнюю меркантильность — если бы я смолоду придерживался этого правила (я не намекаю здесь ни на кого, и менее всего — на наших общих знакомых), я был бы сейчас состоятельным джентльменом.

От вас в последнее время не получал ни зубного порошка, ни писем, ни иных вестей.

М-р Льюис сейчас в Венеции, и я еду туда провести с ним неделю ибо этот город — один из предметов его особого восхищения.

Венеция. Мост Вздохов. Я стоял:
 Дворец налево и тюрьма направо;
 Из вод как будто некий маг воззвал
 Громады зданий, вставших величаво.
 С улыбкой умирающая Слава,
 Паря на крыльях десяти веков,
 Глядела вспять, где властная держава
 С крылатым Львом ⁴ над мрамором столпов
 Престол воздвигла свой на сотне островов ³.

«Мост Вздохов» (т. е. Ponte dei Sospiri) разделяет, вернее соединяет дворец дождей с государственной тюрьмой. В нем два крытых коридора; по одному преступник шел на суд, по другому его вели на смерть — душили тут же, в соседней комнате, где для этого имелось механическое приспособление.

Я привел первую строфу новой песни, а вот часть второй:

Но смолкло эхо Тассовых октав;
 Гребцы теперь безмолвны неизменно,
 Дворцы и т. д. ⁵

Вам известно, что гондольеры в прежние времена всегда пели, и любимой их песней был «Gerusalemme» ^{1*} Тассо. Венеция стоит на семидесяти двух островах.

Вот вам кирпич от новой вавилонской башни! Ну что, каков образчик?

Искренне ваш
 Байрон

P. S. — Скоро напишу снова.

69

ТОМАСУ МУРУ

Ла Мира, Венеция, 10 июля 1817

Меррей, истинный Моканна ¹ всех книгопродавцев, сумел прислать мне по почте отрывки «Лаллы Рук». Они взяты из какого-то журнала и состоят из краткого пересказа содержания и цитат из первых двух поэм. Я восхищен тем, что прочел, и жажду остального. Вы уловили цвета, словно сами были в радуге, и в совершенстве передали восточный колорит. Теперь ^{**} и его автор будут несколько отодвинуты на задний план и узнают, что для сочинения хорошей восточной повести недостаточно

^{1*} «[Освобожденный] Иерусалим» (итал.).

уесться на горб дромадера. Я рад, что вы изменили заглавие «Персидская повесть»...

Подозреваю, что вы написали нечто чертовски хорошее, и от души этому рад; «ведь Хотспер с Дугласом, объединясь, дерзнут вдвоем сразиться с целым миром»². Надеюсь, вас не обидит, если я считаю нас с вами «птицами одного полета»; хотя о чем бы вы ни написали, я от души радовался бы вашему успеху.

В строках о «цветах и плодах» апельсинового дерева у вас есть сравнение, которое правилось бы мне больше, если бы мне не чудился там обидный намек на **.

Помните ли вы стихи Тэрлоу, обращенные к Сэму — «Когда Роджерс»³; и тот проклятый ужин у Рэнклиффа⁴, которому следовало быть *обедом*? «Да, приходилось нам слышать, как бьет полночь, мистер Шеллоу»⁵.

Но

Вот и лодка у причала,
Скоро в море кораблю.
Скоро в море, но сначала
Я за Тома Мура пью.

Вадох я шлю друзьям сердечным
И усмешку — злым врагам,
Не согнусь под ветром встречным
И в бою нигде не сдам,

Пусть волна ревет в пучине,
Я легко над ней пройду.
Заблужусь ли я в пустыне,
Я родник в песках найду.

Будь хоть капля в нем живая —
Только капля бытия,—
Эту каплю, умирая,
Выпью, друг мой, за тебя.

Я наполню горсть водою,
Как сейчас бокал — вином,
И да будет мир с тобою,—
За твое здоровье, Том!⁶

Это я должен был написать год и три месяца назад,— когда была написана первая строфа. Я только что вернулся с купанья, проплавав час в Адриатике; сейчас, когда я вам пишу, передо мной сидит черноглазая венецианка и читает Боккаччо...

На прошлой неделе, на большой дороге (я ехал из своей виллы на падуанской дороге купаться в Венецию) у меня произошло столкновение с неким субъектом, ехавшим в экипаже, который позволил себе дерзко обойтись с моей лошадью. Я дал ему по уху, он побежал в полицию, но там его жалобу не приняли. Были свидетели, которые все видели. Сперва он безобразно заорал, чтобы напугать моего коня. Я повернул, подъехал к экипажу и спросил его, что это значит. Он ухмыльнулся и ответил какой-то глупостью, за что немедленно получил пощечину, от которой пришел в растерянность. Затем он прибежал к ругани и угрозам; чтобы положить этому конец, я спешился, открыл дверцы экипажа и пообещал вымостить дорогу его останками, если он не придержит язык. Так он и сделал.

Приехал Монах Льюис — «как приятно!» Он очень хороший человек и очень вам предан. Также и Сам — и все прочие — в том числе

ваш
Б.

P. S.— Каково ваше мнение о «Манфреде»? ?..

70

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

15 сентября 1817

Дорогой сэр,

Прилагаю список исправлений ¹ на случай, если дело дойдет когда-нибудь до второго издания. Заметьте, что из-за опечатки получилось впечатление, будто замок находится над Сен-Гинго, а не на противоположном берегу озера, над Клараном. Прошу вас поэтому разделить абзацы, иначе моя топография покажется столь же неряшливой, как ваша топография.

На днях я изложил вам ² свое предложение относительно IV и последней песни. Я выправил ее и довел число стрóf до ста пятидесяти, что почти равно первоначальной длине двух первых песен и больше любой из моих малых поэм за исключением «Корсара». М-р Хобхауз написал к ней весьма ценные и точные примечания значительного объема ³, и вы можете быть уверены, что я поработаю над текстом так, чтобы закончить достойным образом. Я считаю «Чайльд Гарольда» своим лучшим произведением; им я начал, им думаю и кончить. Но решения на этот счет я не принимаю, ибо уже нарушил такое решение, когда написал «Корсара». Боясь, однако, что ничего уже не напишу лучше этого, а между тем, когда нам не хватает нескольких месяцев до тридцати, для умственного роста остается еще немало лет. Но я в свое время чертовски много страдал душой и телом и слишком часто и много печатал. Да пошлет мне бог разума, чтобы в этом и во всем другом поступать как должно; ибо в своем собственном разуме я очень сомневаюсь.

Я прочел «Лаллу Рук», но недостаточно внимательно; мое время уходит на верховую езду, на размышления — и еще кое на что; так что я читаю урывками и менее прилежно, чем прежде. Я очень рад был узнать об успехе этой поэмы, потому что Мур — во всех отношениях человек весьма благородный и порадуется ему без тех скверных чувств, какие слава — хорошая или дурная — иной раз порождает у стихотворцев. О самой поэме я сообщу вам свое мнение, когда лучше с ней ознакомлюсь; я говорю, о поэме, потому что проза мне совсем, совсем не понравилась; скажу пока, что лучшее во всей книге — «Огнепоклонники», а худшее — «Пророк под покрывалом».

Что до поэзии вообще, то я все больше убеждаюсь, что он, да и все мы — Скотт, Саути, Вордсворт, Мур, Кэмпбелл и я — заблуждаемся, и все в равной мере; что мы избрали в поэзии неверную революционную систему, которая сама по себе никуда не годится; от нее свободны только Роджерс и Крабб ⁴; к этому мнению придет и нынешнее поколение, и будущее. Я еще более в этом уверился, когда перечел недавно некоторых наших классиков, особенно *Попа*, которого я подверг следующей проверке: взял стихи Мура, свои собственные, еще некоторые и читал их одновременно с Попом; я был поистине удивлен (хотя удивляться тут, собственно, нечему) и огорчен, видя, насколько маленький современник королевы Анны превосходит нас, жителей Империи времен упадка, не только разумностью, звучностью, выразительностью, но даже силой *воображения*, страстью и *фантазией*. Поверьте, то было время Горация, а наше — Клавдиана ⁵; и если бы я мог начать снова, я следовал бы другим образцам. Крабб — вот кто на верном пути, но он избрал изменную, неблагодарную тему, а Роджерс, патриарх нынешней Поэзии, вышел на пенсию (не в качестве банкира)

После мисс Жаклины ⁶
С ее носом орлиным

и совершил достаточно, раз уж он не может писать, как писал прежде.

71

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

12 октября 1817

Дорогой сэр,

Мистер Киннэрд и его брат, лорд К[иннэрд], побывали здесь и снова уехали. Все ваши посылки дошли, кроме зубного порошка, который прошу при всяком удобном случае высылать и впредь, как и магнезию и соду, которые здесь являются большой роскошью, не говоря уж о качестве; у местных торговцев их вообще не достать.

В «Жизни» Кольриджа¹ я нашел нападки на тогдашний комитет Дрюрилейнского театра за постановку «Бертрама» и на самого мэтьюринова «Бертрама» за то, что тот был поставлен. Если учесть все обстоятельства, то это и неблагодарно и неблагопристойно со стороны почтенного автобиографа; я ответил бы ему, если бы он не был мне обязан. Не говоря уж о собственных моих стараниях отстаивать интересы Кольриджа, я знаю, что подкомитет был всячески расположен поставить любое его творение, если бы это было возможно. Предложенная им пьеса была поэтична, но не сценична, в отличие от «Бертрама»; вот откуда эта длинная тирада, составляющая последнюю главу его бродячей жизни.

Что до «Бертрама», то пусть Мэтьюрин сам защищает свое детище, если оно ему достаточно дорого; я предоставляю ирландскому священнику и новому оратору Хенли² решить дело поединком; моя совесть спокойна — я сделал для *обоих* все возможное. *Вам*, которому это известно, я могу так сказать.

Мистер Кольридж может утешаться «пылом — почти религиозным», как он выражается, — его и вордсвортовых учеников. Если он считает это доказательством их заслуг, я найду ему у почитателей Ричарда Брозера³ или Джоанны Сауткот⁴ не меньше «пыла», чем когда-либо было на его страницах или у его очага. Скверный он человек, и я умываю руки после общения с ним.

Мой ответ на ваше предложение относительно IV песни вы уже вероятно получили; я ожидаю теперь вашего; возможно, что мы не поладим. Я за это время написал юмористическую поэму (в 84 октавы) в отличной манере мистера Уислкрафта⁵ (думаю, что это Фрир); основой послужил венецианский анекдот⁶, который меня позабавил, но пока я не получил вашего ответа, я не могу писать об этом подробнее.

Мистер Хобхауз не вернется в Англию в ноябре, как намеревался; он вероятно заимует здесь; а так как поэму или поэмы — кроме двух упомянутых у меня могут быть еще (но я их пожалуй не включу в тот же том или в то же соглашение) — должен доставить он, то я не сумею выпустить их в свет в ожидаемый срок; полагаю, что от этой задержки беды не будет.

Я *подписал* и послал с мистером Киннэрдом ваши прежние *договоры*, но не *расписку*, так как деньги еще не уплачены. У мистера Киннэрда есть доверенность, и он подпишется за меня в случае надобности.

Премного благодарен вам за «Эдинбургское обозрение», которое весьма благожелательно отнеслось к «Манфреду»⁷ и отстаивает его оригинальность, никем, насколько мне известно, не отрицаемую. Я *никогда не читал* и, кажется, не видел «Фауста» Марло; у меня здесь не было и нет никаких английских пьес, кроме присланных вами новинок; но я слышал, в устном переводе мистера Льюиса, несколько сцен из «Фауста»

Гёте (в том числе и хорошие и плохие) — и это все, что мне известно из истории этого волшебника; что касается первоначальных набросков «Манфреда», то их можно найти в «Дневнике», посланном мною миссис Ли (частично вы его *видели*) после путешествия к Зубу Жаман, а затем к Венгерену (*sic!*) или Венгебергским Альпам и Шейдеку и вокруг Юнгфрау, Шрекхорна и др., перед моим отъездом из Швейцарии. Место действия «Манфреда» я представляю себе ясно, точно я видел его вчера, и могу все показать шаг за шагом — поток и прочее.

Эсхиловым «Прометеем» я в мальчишеские годы глубоко восхищался⁸ (это одна из греческих пьес, которые мы в Харроу читали трижды в год) — более того, это единственная, не считая «Медеи» и «Семерых против Фив», которая мне когда-либо нравилась. Что до «Фауста» Марло, то я его никогда не читал, не видел, не слышал о нем и не думал — если не считать упоминания о трагической *развязке* в рукописных примечаниях мистера Гиффорда⁹, которые вы мне прислали; но и тогда я никак не связал их с моей поэмой, в которой, может быть, и оказалось нечто сходное.

«Прометей» всегда так занимал мои мысли, что мне легко представить себе его влияние на все, что я написал; я отрекаюсь только от Марло и его творения и прошу вас делать то же.

Если можете прислать мне рецензию, упоминаемую «Э [динбургским] О [бозрением]»¹⁰, сделайте это. Вы говорите, что эта рецензия в журнале принадлежит Уилсону¹¹? Она очень хороша и очень похожа на произведение поэта. Та, что в «Эдинбургском Обозрении», вероятно написана самим Джеффри, судя по ее дружелюбному тону. Удивляюсь, почему они сочли нужным поместить ее так скоро вслед за предыдущей; но это явно было сделано из хороших побуждений.

Недавно видел Хопшнера¹², у которого снял на два года его дачу в Эсте. Если на будущее лето вы приедете, известите меня вовремя. Привет Гиффорду.

Преданный вам

Б.

P. S.—

Крабб, Гамельтон и иже с ним,—
Все за столом едят моим.

Эти две строки опущены в вашем послании Доктору, после:

Все, кто сейчас выходит в люди.

{Шуточное, от лица слуги Флетчера}

ДЖОНУ КЭМУ ХОБХАУЗУ¹

Венеция, июнь 1818

Сэр,

С глубоким прискорбием извещаю вас о кончине моего дорогого покойного хозяина, милорда, скончавшегося нынче в десять часов утра от быстрого истощения сил и медленной лихорадки, причиненных душевными тревогами, морскими купаньями, женщинами и верховой ездой по жаре, от которых я его всегда остерегал.

Это тяжелая утрата для всех, в особенности для меня, потерявшего и хозяина, и место, и я надеюсь, сэр, что вы не откажете мне в рекомендации.

Служа у него, я накопил, как вы знаете, несколько сот фунтов. Бог его знает, как оно вышло — а я не знаю, и мой покойный хозяин тоже; если мое жалованье не всегда выплачивалось день в день, то когда-нибудь оно мне все же причитается, и вы, сэр, как душеприказчик покойного, не допустите, чтобы бедный слуга несправедливо лишился своего скромного достояния.

У смертного одра моего дорогого господина находилось несколько врачей и священник: он умер католиком, но похоронен будет среди евреев на иудейском кладбище; по правде сказать, не понимаю почему — при жизни он их терпеть не мог, да и других тоже; он не выносил шлюх, которые кланчили деньги.

Свой недуг он переносил с большим терпением, и только когда почувствовал себя совсем худо, раза два проклял своих друзей и назвал их себялюбивыми негодяями — особенно вас, сэр, и м-ра Киннэрда, которые не отвечали на его письма и не выполняли его многократных просьб. Он сказал также, что ваша новая трагедия провалится к чертям — господь ему прости! — надеюсь, что этого не случится с самим моим хозяином.

Своих девятирех шлюх и остальных слуг он обеспечил, но что станется со мной? Я забрал его одежду, экипажи, наличные деньги и все вещи; но консул противозаконно наложил печати, составил опись и клянется, что должен во всем отчитаться перед наследниками милорда; кто они — мне неизвестно, но только и им следует позаботиться о бедных слугах и прежде всего о Vally de Sham^{1*}.

У милорда не было в привычках, чтобы скупиться на чаевые — их набегало больше, чем жалованья; хоть я и содержал графиню Мариэтту Монетту Пиретту (по рождению она графиня, пусть и гулящая), когда сам дал слово вам и милорду, что больше ни боже мой! никогда, — он был

^{1*} Лакее (испорч. фр.).

ко мне снисходителен; назвал проклятым дурнем, поругал, да и простил. А что мне было делать? Она грозилась умереть или наложить на себя руки, если я ее брошу, вот я и не бросал; а содержал я ее на доходы от стирки милорда — и всякий вам скажет, что белье бывало отглажено как следует, — хоть и дорого.

Надеюсь, что письмо застанет вас в добром здравии, и остаюсь со слезами на глазах к услугам

У. Флетчер

P. S. — Если вы знаете какого-нибудь джентльмена, которому требуется лакей, я надеюсь на вашу рекомендацию. В Ливорно я видел вашего прежнего слугу-швейцарца, его присудили к каторге за ограбление трактира — так вот этот самый швейцарец на суде предъявил вашу рекомендацию.

73

ТОМАСУ МУРУ

Венеция, 19 сентября 1818

Английская газета была бы здесь чудом, а оппозиционная — чудовищем; и кроме нескольких извлечений *из* извлечений, помещаемых в жалких парижских газетах, которые все перевирают, ничто не доходит до читателю Венето-Ломбардии, вероятно, наиболее угнетенного народа Европы. Я переписываюсь с Англией больше по делу и преимущественно со своим поверенным, не обладающим особенно высоким понятием или ясным представлением об авторстве; однажды он взял в руки «Эдинбургское Обозрение», заглянул туда и сказал мне: «Итак, вы попали в журнал», — и это было единственным его высказыванием о литературе и ее деятелях.

Поэтому о вашем ирландском триумфе¹ я впервые узнал от вас же. Но так как он не скоро позабудется ни друзьями вашими, ни врагами, я надеюсь узнать о нем подробнее от первых, а пока поздравляю вас от души. Такая минута много лучше Вестминстерского аббатства² — впрочем, она сулит и *его* (надеюсь только, что это будет лишь через много лет).

Однако в конце вашего письма я с огорчением заметил, что даже *вы* не избегли *surgit amat* и т. д.^{1*} и что ваш негодный заместитель чересчур усердно «сбирал росу Бермудских островов»³. Прошу сообщить мне подробности, раз это, по вашим словам, серьезное дело; а если оно станет еще серьезнее, вам следует приехать на несколько месяцев сюда и посмотре-

1* Из самых глубин [наслаждений исходит при этом Горькое что-то...] (лат.).

Л у к р е ц и й. О природе вещей, IV, 1133—34.

реть, как оно обернется. Вы, должно быть, горячий поклонник Англии, судя по тому, как долго в ней уживаетесь. Что касается меня, то я между двадцатью одним годом и тридцатью провел половину времени вне Англии и если о чем-нибудь жалею, так только о том, что вернулся туда и что когда-нибудь мне придется вернуться туда снова для выполнения тягостных деловых и отцовских обязанностей — хотя бы для того, чтобы уладить дела и подписать бумаги.

При мне здесь находится моя внебрачная дочь по имени Аллегра — довольно красивый ребенок и, говорят, похожий на своего папу. Мама ее — англичанка; но это длинная история, и мы на ней не будем останавливаться. Ей год и восемь месяцев...

Я закончил первую (длинную, примерно в 180 октав) песнь поэмы ⁴ в стиле и манере «Беппо», вдохновленный успехом этого последнего. Поэма называется «Дон Жуан» и будет выпущивать все на свете. Боюсь только, что она — по крайней мере та ее часть, которая написана — окажется слишком вольной для наших крайне скромных времен. Все же я попытаюсь издать ее анонимно, а если она не пойдет, я ее оставлю. Там есть посвящение Саути ⁵, в простых и крепких выражениях описывающее политические убеждения Лауреата и как он их приобрел. Но переписывание нестерпимо тяготит меня; и даже будь у меня секретарь, от него было бы мало проку — уж очень неразборчив мой почерк.

Эпической была наречена
Моя поэма. В ней двенадцать книг,
Любовь, страданья, бури и война,
И блеск мечей, и тяжкий лязг вериг,
Вождей, князей, героев имена...
Пейзажи ада, замыслы владык ⁶.

Я привел две строфы — образчики кирпичей из моей Вавилонской башни, по которым вы можете судить о характере здания.

Составляя «Жизнеописание» Шеридана ⁷, не слушайте раздраженной лжи мошенников-выгов. Помните, что он был ирландцем и одаренным человеком и что мы провели с ним не один приятнейший день. Не забудьте, что он учился в Харроу, где в мое время мы с гордостью за нашу школу показывали на стене его имя — Р. Б. Шеридан, 1765. Вспомните **. поверьте, что в этой компании были люди куда хуже Шеридана.

Что хотел сказать Парр ⁸, говоря о «высокомерии и холодности»? Я слушал его с восхищением невежды и в почтительном молчании. Чего еще надо оратору? — Они не любят, чтобы им отвечали. Я встретился с ним у Пэйн Найта ⁹, где он преподнес мне больше греческой учености, чем я мог осилить. Но я имел твердое намерение (и я его выполнил) отнестись к нему с величайшим почтением.

Желаю вам спокойной ночи и благословляю вас по-венециански: *Benedetto te, e la terra che ti fara* (Да будет благословение над тобой и землей, в которую ты *отыдешь*) — разве не прелесть? Эти слова показались бы вам еще милей, если бы вы услышали их, как я два часа назад, из уст молодой венецианки с большими черными глазами, лицом Фаустины¹⁰ и станом Юоны — высокой и сильной, как пифия, со сверкающими глазами и темными распущенными волосами, облитыми лунным светом — одной из тех женщин, которых можно сделать чем угодно. Если бы я вложил ей в руки кинжал, я уверен, что она вонзила бы его, куда я сказал бы — *и в меня*, случись мне ее обидеть. Мне нравятся подобные существа, и я не колеблясь предпочел бы Медею всем другим типам женщин. Вы спросите, почему я именно так и не поступил... Я способен простить кинжал или бокал с ядом — что угодно, только не преднамеренные мучения, которые на меня обрушили, когда я остался один у своего домашнего очага, среди обломков своих пенатов... Вы думаете, я мог это забыть? Во мне убили все другие чувства, и я теперь — лишь зритель на земле, пока не предстанет случай отплатить в десятикратном размере. Такой случай еще возможен. Есть люди, более виновные, чем **; с них-то я и не спускаю глаз.

74

ЛЕДИ БАЙРОН

Венеция, 18 ноября 1818

Сэр Сэмюэл Ромилли¹ перерезал себе горло, не перенеся смерти своей жены. Скоро три года как он, несмотря на ранее заключенное соглашение со мной, принял меры и утвердил решения, отнявшие у меня мою. Я не склонен, подобно м-ру Твакому, когда философ Сквейр прикусил себе язык, «считать это карой божией»², но

...возмездье

Рукой бесстрашной чашу с нашим ядом

Подносит нам же...³

Когда этот человек терзал мне сердце согласно закону, когда он отравлял мою жизнь в самых ее истоках и готовил мне позорное клеймо познание, оказавшееся следствием его стараний, думал ли он, что не пройдет и трех лет, как он, добившись высокой чести представлять Сестру величайшей из столиц — достигнув расцвета своей карьеры — дожив до здоровой и бодрой старости — на вершине славы и богатства, заработанного собственными трудами, — будет сведен в могилу семейным горем и что ему, как последнему злодею, будет грозить яма на перекрестке и осиновый кол и только заключение о неумняемости спасет его останки от приговора

закона, который он всю жизнь толковал или перетолковывал и который нарушил своей смертью?

Этот человек имел восьмерых детей, недавно лишившихся матери, — что ж он не остался жить? Быть может, перед смертью он испытал хотя бы часть моих страданий, в которые внес свою юридическую лепту — а я живу, и мне привелось увидеть, как он стал самоубийцей в шестьдесят лет.

Недаром же я заклинал Немезиду римской полуночью, в самых страшных из римских развалин.

Прощайте.

Б.

75

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Венеция, 25 января 1819

Дорогой сэр,

Прошу вас отпечатать за мой счет (для подарков) пятьдесят экземпляров «Дон Жуана». Список лиц, которым я хочу преподнести их, я пришлю позже. Две другие поэмы лучше включить в собрание: *их* я не хотел бы выпускать отдельно. Печатайте «Дон Жуана» *полностью*, разумеется, опустив строки о Каслри¹, так как я отсутствую и не могу дать ему удовлетворение. У меня готова вторая песнь, которая скоро будет вам послана. С этой почтой я написал м-ру Хобхаузу, на ваш адрес

Ваш

Б.

P. S. — Я согласился кое-что исправить по вашим указаниям; после этого бесполезно приводить доводы в пользу моего себялюбия и «поэзии», но я *протестую*. Если в поэме есть истинная поэзия, она выдержит испытание, если нет — будет забыта; все прочее — «лишь кожа и прюнель»,² и никогда еще не влияло ни на одно произведение, «за» или «против». Скука в таких случаях — единственное, что грозит его уничтожить. Что касается модного ханжества, то я презираю его, как всегда презирал всежеманные моды, которые вам так же к лицу, как краска — древним британцам. Если вы хотите подобной чопорности, то надо вымарать половину Аристо, Лафонтена, Шекспира, Бомонта, Флетчера, Мэссинджера, Форда³ и всех писателей эпохи Карла II, короче говоря, большинства предшественников Попа, которых стоит читать, да и многое у самого Попа. *Прочтите его* — большинство из вас *не делает* этого, но прочтите — и я вам прощу; хотя тогда вы непременно бросите в огонь все мои творения и всех прочих жалких современных клавдианцев (кроме Скотта и Крабба). Впрочем, я обижаю Клавдиана, который все-таки *был поэтом*, называя

его рядом с подобными людьми; он был *ultimus Romanorum* ^{1*}, хвостом кометы, а они — всего только хвост от старого платья, из которого выкроили жилет для жокея; но раз и тот и другие — *хвосты*, я сравнил их между собой, хотя сходства мало, как во всех сравнениях. Я пишу в раздражении, дует сирокко, и я вчера до шести утра не ложился из-за карнавала, но я *протестую*, как и в прошлом моем письме.

76

ДЖОНУ КЭМУ ХОБХАУЗУ

Венеция, 6 апреля 1819

Дорогой Хобхауз,

«Несчастья наших лучших друзей» не доставили мне того удовлетворения, какое нам сулит Евангелие от Ларошфуко.

Я очень желал бы вам победы на выборах; но, подобно Крокеру ¹, не ждал бы ничего хорошего от «грязной лужи», в которую завел вас патриотизм. Однако из вас, как из старой «Скребницы», «получился такой красивый покойник» ², что мой плач и стенания сменились восхищением. Если сторонники Бердетта раскололись, а виги и тории объединились, чего еще можно было ждать? Если бы я мог угадать, кто ваш противник, я присоединился бы к вашим Кортесам и... у Каролины Лэм ее «двести голосов»...

Думаю, что я сумел бы охладить ее пыл. Но увы! Кто мог предположить, что это семейство рогоносцев выдвинет свою кандидатуру? Джордж Лэм, вероятно, впервые *выдвинул* что бы то ни было; а тут еще Уильям со своими «*Cogni*» ^{2*}. «*Cazzo da Seno!*» (как говорят у нас в Венеции. Это означает... *всерьез* — ужасная божба). И вам, который их знает, пришлось *состязаться* с этими собаками — ну и ну!!...

Я послал вторую Песнь ³; но не допущу выхолощивания. Меррей имеет на этот счет мой приказ. Дуглас Киннэрд пишет с живостью и более чем обычной вежливостью, что Хэнсон или я пожелали три *процента* вместо пяти — точно я мог предпочесть *три* процента *пяти*! — смерть и проклятие! — а теперь еще брыкается против издания «Дон Жуана». «*Et tu, Brute*» ^{3*} (напоминаю, что «*e*» *здесь немое*^{4*}). Я непременно постараюсь впутать нашего милейшего друга в какую-нибудь «чёртову историю, дорогой мой мистер Спир»⁴.

Через несколько дней мне придется писать вам еще раз, а сейчас уже пятый час утра; страстная неделя — время довольно скучное. Скучаю и

^{1*} Последним римлянином (*лат.*).

^{2*} Рого (*итал.*).

^{3*} И ты, Брут (*лат.*).

^{4*} *Brute* (*англ.*) — скотина.

я, потому что влюбился в некую романьольскую графиню из Равенны ⁵; ей девятнадцать лет, а ее графу пятьдесят. и она, как видно, намерена после года замужества увенчать его чело. Я слегка познакомился с ней в прошлом году, когда она впервые появилась в свете, но у них принято выжидать год. Впервые я встретил ее у Альбрицци, а этой весной у г-жи Бенцони — и имею надежду, да, сэр, надежду, но она хочет, чтобы я поехал в Равенну, а затем в Болонью. Это можно было бы сделать в случае уверенности, а здесь одни только надежды; если она надует меня и я потерплю «фиаско», я не смогу больше показаться на Пьяцце ⁶. Деньгами тут ничего не сделаешь, потому что граф несметно богат и был бы богат даже в Англии — но ему за пятьдесят; он имел уже двух жен и детей от них, прежде чем женился на этой, третьей (хорошенькой блондинке, которая в прошлом году окончила монастырский пансион, а теперь вторую зиму появляется на всех венецианских *conversazioni*); в этом году он не так ревнует ее, как в прошлом — когда он не отходил от нее ни на шаг — даже у губернатора.

Она хорошенькая, но очень бестактна; отвечает вслух, когда следует ответить шёпотом; говорит о возрасте с пожилыми дамами, которым хочется казаться молодыми; и не далее как сегодня вечером ужаснула весьма корректное общество, собравшееся у г-жи Бенцони, во всеуслышание назвав меня «*тiо Вуго*» ^{1*}, как раз во время паузы в разговоре — отчего все прочие болтушки сделали большие глаза и зашептались со своими «*serventi*» ^{2*}. Одно из ее условий — чтобы я никогда не уезжал из Италии. У меня нет желания уехать, но не хотелось бы также и растрчивать свою жизнь на чичисбейство. Что же мне делать? Я влюблен, я устал от беспорядочных связей, а сейчас имею возможность устроить свою жизнь.

Ваш
Б.

77

ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

Венеция, 24 апреля 1819

Дорогой Дуглас!

Когда об этом обо всем наш капитан узнал,
Ее поступку он не пожалел похвал ¹.

Мне не хватает только командовать «неустрасимым Громовержцем», чтобы сделать вас своим «первым помощником». Да, я хотел сказать именно «пять тысяч фунтов» и никогда еще не выражался с большей точностью.

^{1*} Мой Байрон (*итал.*).

^{2*} Кавалерами (*итал.*).

ДЖОН МЕРРЕЙ

Портрет работы Г. В. Пикерсгилла

ДЖОН КЭМ ХОВХАУЗ
Миниатюра Уильяма Дж. Ньютона

Словом, я отсылаю вас, джентльмены, к своему письму, содержащему все инструкции, которые, оказывается, можно с божьей помощью толковать на множество разных ладов, точно дельфийского оракула. Итак, отсылаю вас к этому письму, если вы станете ломать себе голову над тем, как бы не выплачивать моих денег. Я терпеть не могу выплачивать, и вы правы, что попускаете меня. Что касается Хэнсона и Сына — я не делаю между ними различия — это было бы почти кощунственно — все равно, что пытаться разделить святую троицу. Для чего им отдельные векселя? Что касается Рочдэйльской тяжбы — и «широкого кредита в тысячу фунтов» — что я мог сделать? Я хочу выиграть эту тяжбу, но буду вас слушаться. Если вы считаете, что шотландские фунты лучше, сообщите — я человек покладистый. Скажите, отчего это Фэрброзер² сказал, что за неоспариваемую часть поместья Рочдэйл предлагали семнадцать тысяч фунтов? Возможно, но я об этом ничего не слыхал, даже от Спунн³. Если кто-нибудь предложит такую сумму, берите и пришлите мне по почте; только не платите ничего презренным торгашам. Они могут пережить леди Ноэль или меня и получить свои деньги с душеприказчиков и наследников. Но я не одобряю ликвидации при жизни — уж и так было выплачено чёрт знает сколько денег — мерзавцы сами должны мне, а не я им. Чёрт бы побрал «Вампира»⁴! Что мне известно о вампирах? Вероятно, какое-нибудь мошенничество книготорговцев; разоблачите его в торжественном печатном заявлении.

3-го апреля я послал Меррею II песнь «Дон Жуана»; надеюсь, что она прибыла — клянусь богом, это Саро d'Орега^{1*}, столько она «расточает радости»; но кромсать и калечить ее я вам не дам — нет уж, «пусть лучше критики выходят на арену и сражаются за меня до последнего».

Ни вы, ни толстокожий носорог Меррей так и не сообщили мне, хотя я спрашивал раз *пятьдесят*, получил ли он добавление к *первой* Песне, озаглавленное «Письмо Юлии», а также четыре строфы, которые надо поместить в начале.

Вот уж месяц, как я влюбился в одну романольскую графиню из Равенны, год назад выданную замуж за графа Гвиччиоли; ему — шестьдесят, ей — двадцать. У него восемьдесят тысяч дукатов дохода и уже было две жены. Но ему шестьдесят. Он — первый среди равеннской знати, но ему шестьдесят. Она прекрасна, как утренняя заря и горяча, как полдень; у нас было всего десять дней на устройство всех наших делишек: на начало, середину и конец; и мы все успели, и я отлично выполнил свои обязанности. Но она очень молода и не смогла удовлетвориться содеянным, пока не поделилась им с публикой; она предала дело такой огласке, что удивила даже венецианцев, внесла большое оживление на *conversa-*

^{1*} Шедевр (*итал.*).

zioni^{1*} у Бенцони, Альбрицци и Микелли⁵ и поставила своего мужа в весьма неловкое положение. Они уехали на некоторое время в Равенну, но зимою вернутся. Она — самая удивительная женщина, какую я когда-либо встречал; обычно они так или иначе требуют расходов, тогда как здесь, по странному стечению обстоятельств, расходы несла она; это не в моем обычае и вышло случайно; впрочем, это неважно. Она являет собой итальянское подобие Каролины Лэм, только гораздо красивее и не так дика. Но у нее та же горячая голова, то же благородное презрение к общественному мнению и, сверх того, все, что может добавить к этим природным качествам Италия. Разумеется, здесь они могут безнаказанно позволять себе гораздо больше; положение ее мужа обеспечивает ей доступ в любое общество, включая придворное; это ее первое прегрешение со времени замужества, поэтому свет ей сочувствует. Она и сама принадлежит к равеннской знати, воспитывалась в монастыре, принесла себя в жертву богатству, дочернему долгу и т. д. Я чертовски влюблен, но они уехали — уехали на много месяцев — и я живу *всерьез* одной только надеждой.

Всегда ваш
Б.

78

ТЕРЕЗЕ ГВИЧЧИОЛИ

Венеция, 25 апреля 1819

Любовь моя,

Надеюсь, что ты получила мое письмо от 22-го, посланное перед отъездом из Венеции, через то лицо в Равенне, которое ты мне указала. Ты бранишь меня за то, что я не писал тебе в деревню — но как же я мог? Сокровище мое, ведь ты не дала мне другого адреса, кроме равеннского. Если бы ты знала, как велика моя любовь к тебе, ты не подумала бы, что я способен забыть тебя хоть на единый миг. Тебе надо узнать меня лучше — быть может, ты когда-нибудь поймешь, что я хоть и не стою тебя, но истинно люблю.

Ты спрашиваешь, с кем мне всего приятнее видиться после твоего отъезда, кто вызывает во мне волнение — пусть не то, которое способна вызвать одна ты, — но хотя бы подобие его. Что ж, я скажу: это *старик-призватник*, с которым Фанни¹ присылала твои записки, когда ты была в Венеции, — он и сейчас приносит твои письма — все еще дорогие, хотя и не так, как те, что давали надежду увидеться с тобой в тот же день, в обычном месте. Где ты, моя Тереза? Все здесь напоминает о тебе — все осталось прежним, но тебя нет, а я все еще тут. При разлуке тот, кто уезжает, меньше страдает, чем тот, кто остается. Развлечения, доста-

^{1*} Приемах (итал.).

вляемые путешествием, помогают рассеяться — движение, смена впечатлений, пейзажей, быть может и самая разлука — отвлекают мысль и облегчают душу. Но тот, кто остался, окружен прежними предметами; завтрашний день похож для него на вчерашний — недостает лишь Той, которая заставляла меня позабыть, что завтра должно когда-нибудь наступить. Когда я бываю на *Conversazione* ^{1*}, я предаюсь скуке и рад, что страдаю от *ennui* ^{2*}, а не от горя. Я вижу те же лица — слышу те же голоса — но уже не решаюсь взглянуть на софу, где не увижу *тебя*, а могу увидеть какую-нибудь старуху, воплощение Злословия. Я без малейшего волнения слышу стук двери, к которому, бывало, прислушивался так тревожно, когда являлся раньше тебя и с надеждой ждал твоего прихода. Не говорю уж о местах *еще более дорогих* мне, ибо *туда* я не стану ходить, пока ты не вернешься. Я нахожу удовольствие только в мыслях о тебе, но не знаю, как я мог бы вновь увидеть места, где мы бывали вместе, — особенно те, что священны для нашей любви — увидеть и не умереть от тоски.

Фанни сейчас в Треviso — и один бог знает, когда я получу от тебя еще письмо, но все-таки у меня уже есть три; сейчас ты, вероятно, уже прибыла в Равенну, и я нетерпеливо жду извещения о твоём приезде; участь моя зависит от твоего решения. Фанни вернется через несколько дней, но завтра я пошлю ей записку через одного друга и попрошу не забыть написать о тебе, если она что-нибудь получит от тебя до своего возвращения в Венецию.

Сокровище мое, — жизнь моя стала очень печальной и однообразной; ни книги, ни музыка, ни *лошади* (это в Венеции редкость, но ты знаешь, что я держу своих на Лидо), ни собаки — ничто не доставляет мне удовольствия; общество женщин меня не влечет; о мужском я и не говорю, потому что его я всегда презирал. В течение нескольких лет я сознательно избегал сильных страстей, ибо слишком много страдал от тирании Любви. *Никогда не восхищаться*, наслаждаться, не придавая наслаждению слишком большой цены — быть безразличным ко всем делам человеческим — ко многим чувствовать презрение, но ни к кому — ненависти — таковы были основы моей философии. Я не хотел больше любить и не надеялся быть любимым. Ты обратила в бегство все эти решения; — я теперь весь твой; я буду тем, чем ты пожелаешь — буду, быть может, счастлив твоей любовью, но покоя мне уже не знать никогда. Не надо было будить мое сердце — ведь до сих пор (по крайней мере, у меня на родине) моя любовь была несчастьем для тех, кого я любил — и для меня самого. Но эти размышления запоздали. Я обладал тобой, и каков бы ни был конец, я вечно буду всецело твоим.

^{1*} Приемах (*итал.*).

^{2*} Скуки (*фр.*).

Целую тебя тысячу и еще тысячу раз, но

К чему тебе моя любовь, мой ангел,
К чему и мне твоей любви отрада,
Когда жестокий рок
Судил нам быть в разлуке? ²

Люби меня — твоего неизменно нежного и верного

Б.

79

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Венеция, 15 мая 1819

Дорогой сэр,

Я получил и с этой почтой возвращаю, в другом конверте, первую часть корректуры «Дон Жуана». Прежде чем придет вторая, я могу уехать из Венеции и буду отсутствовать неопределенное время, так что вам лучше печатать, не докучая мне больше корректурами. С прошлой почтой я послал добавление — и новый экземпляр «Письма Юлии», полагая, что первый, посланный зимой, до вас не дошел.

М-р Хобхауз снова твердит о непристойности. *Никакой непристойности там нет; если он ищет ее, пусть почитает своего кумира Свифта; надо иметь вместо воображения навозную кучу с гадючьим гнездом в середине, чтобы предположить подобное в этой поэме. Я считаю, что вы все не в своем уме...* Попросите его не «доводить меня до бешенства», как говорит сэр Энтони Абсолют, «хотя он далеко не был таким снисходительным отцом, как я» ¹.

Я получил ваш отрывок, а также «Вампира». Нет надобности говорить, что он *не мой*. На то есть правило: вы мой издатель (пока мы не поссоримся), и что издано не вами, то, значит, не мною написано.

То, что рассказывают о нервном припадке Шелли ² — правда. Не знаю, что нашло на него, ибо он не робкого десятка. Однажды нас с ним застал шквал в маленькой лодке, как раз напротив утесов между Мейери и Сен-Гинго. В лодке нас было пятеро — слуга, два гребца и мы. С парусом не удалось справиться, и лодка стала быстро наполняться водой. Плавать он не умеет. Я снял сюртук, заставил его сделать то же и взяться за весло, сказав ему, что надеюсь спасти его (так как я опытный пловец), если только он не станет вырываться, когда я его схвачу, и если нас не разобьет о скалы — а они высокие и острые, и под ними в ту пору был сильный прибой. Мы находились примерно в ста ярдах от берега, и лодка грозила перевернуться. Он отвечал с полным хладнокровием, что «не желает, чтобы его спасали», что мне «будет достаточно хлопот с моим собственным спасением» и он «ни за что не согласен обременять меня». К счастью, лодка выпрямилась, и мы, вычерпывая воду, обогнули мыс и добрались до Сен-Гинго,

где жители вышли на берег и принялись обнимать наших лодочников в честь чудесного спасения: буря была так сильна, что повалила несколько больших деревьев на склонах Альп, как мы увидели на другой день.

И вдруг тот самый Шелли, проявивший величайшее хладнокровие, возможное в подобных обстоятельствах, которых сам я неспособен оценить, ибо умение плавать, конечно, дает нам спокойствие, когда берег недалек, — тот самый Шелли поддался игре воображения, описанной Полидори, правда, не *вполне* точно.

Верно, что мы условились каждый написать повесть о привидениях, но только дамы — вовсе не родные сестры. Одна из них — дочь Годвина от Мэри Уолстонкрафт, а другая — дочь *нынешней* миссис Годвин от первого брака. Вот вам и «кровосмесительство», о котором говорит подлец Саути; не было и никаких «беспорядочных сношений». И то, и другое — выдумки презренного негодяя Саути, которого я готов так назвать со всею гласностью, какой он заслуживает. Мэри Годвин (ныне — миссис Шелли) написала «Франкенштейн»³, который вы рецензировали, приписывая его Шелли. Считаю, что это удивительное произведение для девочки девятинадцати лет — нет, тогда ей *не было еще* и девятнадцати. Посылаю вам начало своей повести⁴; можете судить, сколь она похожа на то, что издал м-р Колберн⁵. Если пожелаете, можете напечатать ее в «Эдинбургском журнале» (Вильсона и Блэквуда), указав *почему* и снабдив пояснением, какое сочтете нужным. Я не продолжил ее, как видно по дате. Я начал ее в старой расходной книге мисс Милбэнк, которую сохранил потому, что на внутренней стороне обложки дважды написано ее рукой слово «Хозяйство» и это — единственные оставшиеся мне образцы ее почерка, не считая подписи под актом о раздельном жительстве. Ее письма я отослал ей, кроме тех, что относятся к ссоре; а они, будучи документами, переданы на хранение третьему лицу (м-ру Хобхаузу), вместе с копиями нескольких моих писем; так что у меня не осталось ничего на память о ней, кроме этих *двух* слов — и ее поступков. Я выбрал из тетради листы с повестью и прилагаю их к моему письму.

На будущей неделе я по всей вероятности уеду в Романью. Вам лучше продолжать печатание, не дожидаясь моих писем, потому что у меня в голове другие планы. «Мазепу» и «Оду»⁶ лучше издать *отдельно* — как ваше мнение? *Жуана анонимно*, без посвящения; я не хочу нападать на Саути бесчестно, под покровом тьмы.

Как понимать вас? Сперва вы как будто обиделись на мое письмо, а в следующий раз пишете о его «силе» и так далее. «Это все чертовский подозрительно, Джек, ну да уж ладно». Можете быть уверены, что я ничего не сказал *нарочно*, чтобы досадить вам; но если вы «доведете меня до бешенства, убей меня бог, если я вас когда-нибудь назову Беком»⁷. Сейчас я уже ничего не помню из того послания.

А что такое в «Дневнике» Полидори?⁸ Что он может сказать там обо мне? — впрочем, пусть говорит. Мне не в чем себя упрекнуть по отношению к нему, и *сам* он думает так же — или я очень ошибаюсь. Но к чему публиковать имена обеих молодых женщин? — какой неудачный способ оправдаться! Это он пригласил на обед Пиктэ⁹ и др., его и оставили занимать их. Я появился в свете *только затем*, чтобы представить его (как я ему сказал), чтобы он мог, если захочет, вернуться в среду порядочных людей; при его молодости и положении это было бы самым лучшим; что касается меня, то я покончил со светским обществом; представив его, я вернулся «на свой путь». Это правда, что я ушел, не зайдя к леди Долримпл Гамильтон, потому что увидел, что там полно народа. Верно и то, что миссис Харви¹⁰ (она сочиняет романы) упала в обморок при моем появлении в Коппэ, но потом вернулась в комнату. При виде ее обморока герцогиня Брольи воскликнула: «Это уж *слишком* — в *шестьдесят пять лет!*» — Я никогда не давал «англичанам» случая «избегать» меня; но полагаю, что если дать, они не преминут им воспользоваться.

Преданный вам
Б.

80

К [АВГУСТЕ ЛИ?]¹

Венеция (понедельник), 17 мая 1819

Любимая,

Я редко пишу тебе, но что мне сказать? Трехлетняя разлука, полная перемена обстановки и привычек — все это немало значит, и теперь у нас осталось общего только наше взаимное чувство и наше родство.

Но я ни на минуту не переставал и не могу перестать чувствовать ту совершенную и безграничную привязанность, которая соединяла и соединяет меня с тобой и делает меня совершенно неспособным *истинно* любить кого бы то ни было другого — чем могли бы они быть для меня после тебя? Моя..., мы были, быть может, очень виноваты, но я ни о чем не сожалею, кроме проклятой женитьбы и твоего отказа любить меня как прежде — я не могу ни забыть, ни *вполне простить* тебе это пресловутое покаяние, — но не могу переменитьсь и если кого-нибудь люблю, то потому, что она хоть чем-нибудь напоминает тебя. Так, например, я недавно привязался к одной венецианке только потому (хотя это хорошенькая женщина), что ее зовут **, и она часто замечала (не зная причины), как мне нравится это имя. Мысль о нашей долгой разлуке терзает мне сердце — я считаю ее слишком суровой карой за наши грехи — Данте в своем «Аду» был милосерднее; он не разлучил несчастных любовников (Франческу да Римини и Паоло, которым, конечно, очень далеко до нас — хотя и они порядком нагрешили); пусть они страдают, но они вместе. Если я когда-нибудь вер-

нусь в Англию, то лишь для того, чтобы повидать тебя — и напомнить тебе, что всегда и везде я в сердце своем храню все то же неизменное чувство. Жизнь могла нарушить мое душевное равновесие и озлобить меня — тебе случалось видеть меня резким и ожесточенным. Я мог терзаться твоим новым решением, а вслед за тем — травлей злобного дьявола, который изгнал меня из родной страны и *умышлял на мою жизнь*, пытаясь лишить меня всего, чем она может быть драгоценна; но вспомни, что даже тогда ты была единственной, о ком я заплакал; и какими слезами! Помнишь ли ты *наше* прощание? У меня сейчас не лежит душа писать тебе о другом — я здоров — я не имею иных огорчений, кроме мысли о нашей разлуке. Когда будешь мне писать, пиши о себе — о том, что любишь меня, но только не о посторонних людях и предметах, которые меня отнюдь не интересуют; — ведь в Англии я вижу только страну, где живешь ты, а вокруг нее только море, которое нас разделяет. Говорят, что разлука губит слабые чувства, но укрепляет сильные. Увы! В моем чувстве к тебе соединились все страсти и все привязанности. Оно укрепилось во мне; но оно погубит меня, — я не имею в виду *физического* разрушения — я много вынес и много еще могу вынести — я говорю о гибели мыслей, чувств и надежд, так или иначе не связанных с тобой и с *нашими воспоминаниями*. Всегда твой, любимая,

[Подпись стерта.]

81

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Болонья, 7 июня 1819

Дорогой сэр,

Передайте м-ру Хобхаузу, что я написал ему несколько дней назад из Феррары. Поэтому ему или вам не стоит ждать больше ответов или возвращения корректур из Венеции, так как я распорядился не пересылать мне никаких писем из Англии. Издание можно продолжать без этого, и мне уже надоели ваши замечания, на которые, по-моему, не следует обращать никакого внимания.

Скажите м-ру Хобхаузу, что со времени моего письма к нему я воспользовался своими феррарскими рекомендациями и нашел, что здешнее общество гораздо моложе и приятнее, чем в Венеции. Мне очень понравился гонфалоньер¹ граф Мости, его семья и друзья, насколько мое краткое пребывание позволило мне с ними познакомиться.

Сегодня утром я осматривал картины знаменитых Доменикино и Гвидо², и нашел обоих превосходными. Потом я отправился на прекрасное болонское кладбище за городскими стенами и кроме самого кладбища,

удивительно красивого, видел еще *custode*^{1*} — чудака, напомнившего мне могильщика из «Гамлета». У него имеется коллекция черепов капуцинов, с наклейками на лбу; взяв один из них, он сказал: «Вот это был брат Дешидеро Берро, умерший сорока лет — один из лучших моих друзей. После его кончины я выпросил у монахов его голову, и они мне ее дали. Я держал ее в извести, а затем выварил. И вот она, в отличной сохранности, и все зубы целы. Это был умнейший человек и очень веселый. Куда бы он ни приходил, он приносил с собой радость, а если кто, бывало, загрустит, то при взгляде на него снова развеселится. Он так бодро ходил, что вы приняли бы его за танцора — а шутил, — а смеялся! О, это такой был монах, какого я больше не видал и не увижу!»

Он рассказал мне, что сам насадил все кипарисы на кладбище, что очень привязан к ним и к своим покойникам и что с 1801 года там похоронено пятьдесят три тысячи человек. Показал наиболее старинные надгробия и среди них — могилу одной двадцатилетней римлянки, увенчанную бюстом работы Бернини³. Это была княжна Барберини, умершая два века назад; он сказал, что когда могилу разрыли, волосы ее оказались целы и «блестели, как золото». Некоторые из эпитафий в Ферраре понравились мне больше, чем более роскошные памятники Болоньи, вот например:

«Martini Luigi
Implora pace».
«Lucrezia Picini
Implora eterna quiete»^{2*}

Можно ли найти более волнующие слова? В них кратко сказано все, что можно сказать и пожелать: мертвые устали от жизни; они хотят одного лишь покоя и даже о нем «молят». В этом вся беспомощность, все смиренное упование и мольба, все, что может возноситься из могилы — «*implora pace*». Я надеюсь, что те, кто переживет меня и схоронит на Лидо, на кладбище для иностранцев, в ограде адриатической крепости, напишут на моей плите эти два слова и только. Надеюсь, что им не придет в голову «набальзамировать и отправить меня домой в Клод или Бландербесс Холл»⁴. Я убежден, что мои кости не найдут покоя в английской земле, а прах не смешается с ее землей. Если бы я мог думать, что у моих друзей хватит низости перевезти мои останки в вашу землю, мне кажется, эта мысль свела бы меня с ума на смертном одре. Я не хотел бы даже кормить ваших червей.

^{1*} Сторожа (*итал.*).

^{2*} Мартини Луиджи молит о покое. Лукреция Пичини молит о вечном покое (*итал.*).

Итак, как говорит Шекспир о Мобрэе, изгнанном герцоге Норфолькском, умершем в Венеции (см. «Ричард II»):

Под стягом крестоносным побеждал
Он турок, сарацин и чернокожих,
И, утомленный бранными трудами,
В Венецию решил он удалиться
И там земле Италии прекрасной
Предал он плоть, а благородный дух
Предал он своему вождю Христу,
Под знаменем которого сражался ⁶.

Перед отъездом из Венеции я вернул вам ваши и м-ра Хобхауза корректуры «Жуана». Не ждите от меня больше ответов, а свои письма адресуйте, как всегда, в Венецию. Я не знаю, где я окажусь; я могу возвратиться туда через несколько дней или отсутствовать более продолжительное время. Все зависит от обстоятельств. М-ра Хоппнера ⁶ я оставил в добром здравии, так же как и его сына и миссис Хоппнер. Моя дочь Аллегра тоже здорова и хорошеет; волосы у нее темнеют, а глаза голубые. Характером и повадками, как уверяет м-р Хоппнер, так же как и чертами лица, она напоминает меня; в таком случае это будет весьма послушная молодая особа.

Я не имею никаких вестей об Аде, этой маленькой Электре моих Милен: высокоправственная Клитемнестра ⁷ не слишком щедра на вести, но день возмездия придет, хотя бы я до него и не дожил.

По крайней мере я видел гибель Ромилли, одного из моих убийц. Когда этот преступник или маньяк (выбирайте любое — одним из них он должен быть, а может и двумя) прилагал все усилия, чтобы выкорчевать мое семейное древо вместе с ветвями и цветами; когда, нарушив соглашение о защите моих интересов, перешел в стан моих врагов, когда разорил мой домашний очаг и разбил мои пенаты, думал ли он, что менее чем через три года, в результате естественного события — тяжелой, но обычной семейной утраты ему будет грозить участь самоубийц, которых зарывают на перекрестке, или же судебное решение об умопомешательстве? Подумал ли он (он, который в шестьдесят лет выжил из ума и не смог пережить свою няньку — ибо чем еще могла быть для него жена в его годы?) — подумал ли он, каково было мне, когда и жена, и ребенок, и сестра, и честь, и слава, и родина — все было принесено на алтарь его законности — и это в ту пору, когда здоровье мое было подорвано, состояние расстроено, а ум потрясен множеством бедствий, но когда я был еще молод и мог исправить все, что было дурного в моих поступках, и привести в порядок мои дела? Но негодяй лежит в могиле. Я ненавидел его при жизни и не стану

притворяться, будто сожалею о его смерти; я все еще ненавижу его — насколько можно ненавидеть прах — но это все пустое.

Ну и длинное же письмо я настрочил!

Преданный вам
Б.

P. S. — Здесь, как и в Греции, могилы усыпают цветами. На могилах в Ферраре я видел множество розовых лепестков и целых роз. Это выглядит необычайно красиво.

82

ГРАФИНЕ ГВИЧЧИОЛИ

15 июня 1819

Душа моя!

Я пишу о *Любви*, а ты, в ответ, о *Тассо*. Я пишу о тебе, а ты спрашиваешь об *Элеоноре*¹. Если хочешь, чтобы я обезумел еще больше, чем он, тебе это скоро удастся, уверяю тебя. Расспросы твои излишни. Ведь тебе известна, по крайней мере, частично, моя жизнь, но и без этого можно понять, что для изображения сильных страстей их надобно пережить самому. Как-нибудь на днях (но я уже не верю, что эти дни снова настанут), когда мы будем с тобой одни, я скажу тебе, справедливы ли твои предположения об оригинале портрета. Если тебе известно, что такое любовь — если ты любишь меня — если чувствуешь — как можешь ты в такое время, при нашем положении — думать или говорить о вымыслах поэта? Не слишком ли много с нас и *действительности*? Клянусь, что эти последние дни были несчастнейшими в моей жизни. Любовь — сомнения — неуверенность — опасения скомпрометировать тебя, когда мы встречаемся на людях, — невозможность побыть с тобой наедине — страх потерять тебя навеки — все это вместе разрушает те слабые надежды, какие у меня оставались.

Общество раздражает меня; одиночество пугает. Я утешаюсь только надеждой на твоё скорое выздоровление.

Я с величайшим нетерпением жду ответа на оба моих письма.

Что мне делать?

Мне кажется, что твой отец что-то подозревает; что ему, естественно, не может нравиться видеть меня подле тебя; что поездка твоего дяди с Перелли² и внезапный отъезд твоей подруги предвещают нам мало хорошего. Как я и ожидал, мой приезд в Равенну³ не сблизил нас, а, напротив, отдалил друг от друга. О Венеция! Венеция! Там мы были вместе, пусть хоть на несколько часов!

P. S. — Прости меня, если первые строки этого письма были *чересчур английскими* — но я приехал в Италию не для того, чтобы говорить о себе и своих делах — скорее для того, чтобы позабыть свою прежнюю жизнь

там, за горами — а главное, чтобы любить тебя — тебя, моя единственная и последняя радость. Вот отчего я так нетерпеливо ответил на твой вопрос: была ли действительно Э[леонора] и т. д. и т. п.

83

РИЧАРДУ БЕЛГРЕЙВУ ХОППНЕРУ

Равенна, 20 июня 1819

Дорогой Хоппнер,

Я написал вам неделю назад (настоятельно прося ответить с обратной почтой) и просил прислать Августина с двумя серыми верховыми лошадьми, экипажем и упряжкой, седлами и пр., чтобы ожидать меня в «*Пеллегрино*» (постоялый двор) в *Болонье*. На это письмо и на письмо того же содержания, посланное м-ру Скотту, я не получил ответа; это меня беспокоит, так как я, вероятно, некоторое время не вернусь в Венецию. Я просил также переслать с Августином в Болонью мою почту из Англии. Деньгами его могли снабдить Сири и Вилхалм, если бы их не хватало.

Прошу следующей почтой написать мне сюда (в *Равенну*); письмо как раз застанет меня; и пусть Августин не задерживается ни на минуту из-за глупостей сукина сына Эджкома¹, который, вероятно, и является причиной этих проволок.

Я написал вам из Падуи и из Болоньи, а потом из Равенны. Мне здесь нравится, но очень не хватает лошадей — окрестности для верховой езды отличные. Не могу сказать, когда вернусь в Венецию — может быть скоро, или нескоро, а то и вовсе нет — все зависит от *Дамы* [Терезы Гвиччиоли], которую я застал тяжело больной, в *постели*; она кашляла кровью и т. д.; это все утихло, зато нечто другое возобновилось. После выкидыша она сильно похудела, и все окружающие были убеждены, что она не выздоровеет — однако они ошиблись.

Письма мне пригодились — те из них, которые я использовал; мне нравятся здесь и места, и люди, хотя этих последних я не беспокою без крайней надобности. Она отлично умеет все устраивать, хотя обстановка неудобна (двери без засовов, чёрт бы их побрал), и мы подвергаемся большому риску (хорошо еще, что дело происходит в часы послеобеденного сна), да и негде, кроме большой гостиной его собственного палаццо. Так что если в один прекрасный день мне всадят в горло стилет, я ничуть не удивлюсь.

Его я совершенно не могу понять, — он часто меня навещает и катает (как лорд-мэра Уиттингтона²) в карете, запряженной шестерней. По-видимому, он находится у нее в полном *подчинении* — как, впрочем, и я. Здешняя публика нам сильно дивится, потому что он всегда ревновал своих жен — эта у него третья. Говорят, он самый богатый человек в Равенне, но любовью не пользуется.

В нашей незаконной любовной связи нам помогает патер, горничная, мальчик-негритенок и подруга — но это сопряжено с некоторой опасностью, особенно сейчас, когда подруга и патер отлучились на несколько дней из города и некоторые предосторожности доверены горничной и негритенку.

Итак, прошу вас — пришлите Августина, экипаж и лошадей в Болонью без промедлений, не то я потеряю остатки рассудка.

Не забывайте вот чего. Мой приезд — отъезд — и все прочее целиком зависят от нее, как и предсказывала, с чисто женской проникательностью, миссис Хоппнер (которой прошу передать почтительный поклон).

Вы гнусный человек — до сих пор не собрались написать, — а я остаюсь

Вашим преданным
Б.

P. S. — Пишите мне с обратной почтой — в *Равенну*.

84

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Равенна, 1 августа 1819
(*Ответ, однако, адресуйте в Венецию*)

Дорогой сэр,

Не тревожьтесь. Я намерен бодро защищаться — если, конечно, буду испытывать подъем духа; а под этим я разумею не то, что вы — я разумею состояние бульдога, когда его прищемят, или быка, когда его ткнут вилами; вот тогда-то они себя и показывают; а так как мой нрав, когда на меня нападают, по-видимому, удачно сочетается в себе страсти обоих этих крохотных животных, то вы сможете увидеть то, что Маррол называет «отличной потехой»¹; в пылу спора кое-кого придется поддеть на рога и распотрошить. Но для этого я должен сперва прийти в соответствующее настроение; а я, пожалуй, чересчур далеко, чтобы хорошенько разъяриться; к тому же я за эти два месяца ослабел от любви и летней жары.

На днях я написал м-ру Хобхаузу, предсказывая, что «Жуан» либо совершенно провалится, либо будет иметь полный успех — третьего не дано; сейчас признаки неблагоприятны, но вы пишете на следующий день после публикации, и еще вряд ли можно решать, какое мнение возьмет верх. Вы, кажется, испуганы и, вероятно, имеете на то основания. Будь что будет, а я ни в чем не стану угрождать ханжеству толпы; не знаю, возглавлял ли я когда-нибудь общественное мнение, но никогда еще не допускал и не допущу, чтобы общественное мнение руководило мной. Я не хочу восседать на «оскверненном троне» и прошу вас возвести на него Саути или Сотби, или Тома Мура, или Хорейса Твисса — все они будут в восторге от коронации.

На мой взгляд вы дорого заплатили за рисунки Харлоу², изображающие меня и Маргариту; но раз вы хотите узнать историю Маргариты Коньи, я расскажу ее, хотя она может оказаться длинной.

Ее лицо напоминает прекрасных венецианок старых времен, а фигура, быть может несколько чересчур высокая, не менее прекрасна — особенно в национальном костюме.

Летом 1817 года мы с Хобхаузом ехали однажды вечером по берегу Бренты и среди группы крестьян заметили двух чрезвычайно хороших женщин. Народ в то время очень бедствовал, и я им немного помогал. На венецианские лиры великодушные обходится очень дешево, а мое, как англичанина, вероятно, преувеличивали. Не знаю, заметили ли они, что мы на них смотрим, но только одна из них сказала мне на венецианском диалекте: «Ты помогаешь другим, отчего бы не помочь и нам?» Я обернулся и ответил: «Сага, tu sei troppo bella e gidvane per aver' bisogno del' soccorso mio»^{1*}. На это она сказала: «Поглядел бы ты, в какой лачуге я живу и что ем — так не то говорил бы». Все это было сказано полшутя, и несколько дней я ее не видел.

Затем мы снова повстречали под вечер тех же двух женщин, и они обратились к нам уже всерьез, уверяя, что говорят правду. Они приходятся друг другу двоюродными сестрами; Маргарита замужем, вторая — одинока. Так как я все еще сомневался, то взялся за дело по-другому и назначил им встречу на следующий вечер. Хобхаузу понравилась незамужняя; она гораздо ниже ростом, но также очень милостива. Они пришли с третьей женщиной, которая чертовски мешала; прелестница Хобхауза испугалась (не его, а того, что была незамужем — потому что здешние женщины соглашаются только на адюльтер) и убежала, а моя заупрямилась и пожелала обдумать мой предложения. Я сказал ей: «Если ты действительно нуждаешься, я помогу тебе без всяких условий; можешь любить меня или нет — как тебе угодно. Это ничего не изменит; но если ты не совсем нищая, тогда это — свидание, и ты это, конечно, понимала, когда согласилась прийти». Она сказала, что не возражает против любовных отношений, потому что замужем, а все замужние женщины этим занимаются, но что муж ее (пекарь) отличается свирепым нравом и может с ней расправиться. Словом, через несколько дней мы с ней поладили, и в течение двух лет, когда я имел больше женщин, чем могу сосчитать или перечислить, она одна имела надо мною власть, которую часто оспаривали, но не могли пошатнуть. Как сама она публично заявляла: «Ничего, пусть у него их будет пятьсот, он все равно ко мне вернется».

Причинами для этого были, во-первых, ее внешность — она очень смуглая, высокая, с типично венецианским лицом и прекрасными черными

^{1*} Милая, ты слишком красива и молода, чтобы нуждаться в моей помощи (*итал.*).

глазами — и некоторые другие качества, о которых говорить излишне. Ей было двадцать два года, она не рожала и сохранила стройность и прочее; а это, уверяю вас, крайне желательно в жарком климате, где женщины вскоре после родов расплзаются как тесто. Затем, она истая венецианка по речи, мыслям, выражениям, со всей свойственной им наивностью и клоунским юмором. Кроме того, она неграмотна и не может докучать мне письмами — и только дважды уплатила шесть пенсов публичному писцу на площади, чтобы он написал за нее письмо, когда я был болен и не мог с нею видаться. Но она была несколько свирепа и *prepotente*, т. е. властна. Она входила ко мне, когда ей вздумается, не считаясь со временем, местом или посетителями, а когда заставала у меня женщин, то сбивала их с ног.

Когда я сошелся с ней, у меня была *relazione* (связь) с синьорой Сегати, которая однажды вечером в Доло, в присутствии нескольких подруг, имела глупость пригрозить ей; сплетницы из *Villegiatura* ^{1*} уже обнаружили, по ржанию моей лошади однажды вечером, что я «езжу поздно по ночам» и встречаюсь с Форнариной ². Маргарита откинула свое покрывало (*fazziolo*) и ответила на очень ясном венецианском диалекте: «Ты ему не жена, и я ему не жена; ты его *донна*, и я его *донна*, твой муж рогач, и мой тоже. Какое же у тебя *право* меня корить? Я ли виновата, что ему больше нравится мой товар, чем твой? Хочешь его удержать, так привяжи его к своей юбке, только не жди, чтобы я от тебя стерпела обиду, потому что ты меня богаче». После этой красноречивой тирады (которую я привожу со слов очевидца) она пошла своей дорогой, предоставив госпоже Сегати и многочисленным слушателям размышлять на досуге над этим диалогом.

Когда я приехал на зиму в Венецию, она за мной последовала. Я не имел с ней постоянной связи, но когда она приходила, я всегда предпочитал ее другим, и, оказавшись любимицей, она стала являться очень часто. Но она была крайне эгоцентрична и не терпела других женщин, кроме Сегати, которую признавала за мою законную *Amica* ^{2*}; а так как я в ту пору вел довольно беспорядочный образ жизни, то из этого следовало смятение, сдирание косынок и сокрушение головных уборов; а мои слуги, стараясь «умерить бой» ⁴ между ней и другими женщинами, получали за свое миротворчество больше тумачков, чем благодарности. Во время *Cavalcina* — маскарада — в последний день карнавала, куда приходит весь свет, она сорвала маску с госпожи Контарини, дамы знатного рода и приличного поведения, по той лишь причине, что та шла со мною под руку. Можете себе представить, какого это наделало шуму; и это лишь одна из ее выходов.

^{1*} Дачной местности (*итал.*).

^{2*} Подругу (*итал.*).

БАЙРОН ПОСЛЕ ПРОГУЛКИ-ВЕРХОМ
Силуэт, вырезанный из бумаги миссис Ли Хант

Наконец, она поссорилась с мужем и однажды вечером прибежала ко мне. Я сказал ей, что этак не годится, а она заявила, что будет ночевать на улице, но к нему не вернется; что он ее бьет (эту кроткую тигрицу), тратит ее деньги и бросил печь хлеб. Была полночь, и я оставил ее ночевать, а на следующий день ее нельзя было выжить. Пришел муж, вопя и рыдая и умоляя ее вернуться, — не тут-то было! Он обратился в полицию, а та обратилась ко мне; я сказал полиции и мужу, чтобы ее *забирали*, потому что мне она не нужна; раз она пришла, не мог же я ее вышвырнуть

из окна; а они могут вывести ее через дверь или окно, как им угодно. Ее отвели к полицейскому комиссару, и она была вынуждена вернуться к *besso ettico* («чахоточному рогачу»), как она называла беднягу, который действительно болел чахоткой. Через несколько дней она снова убежала. Учинив основательный разгром у меня в доме, она обосновалась там без моего согласия, даю вам слово, но благодаря моей слабости и неумению выдерживать характер; если я приходил в бешенство, дело кончалось тем, что она смешила меня каким-нибудь венецианским шутовством; и негодница это знала, как знала и другие свои возможности и пользовалась ими с обычным тактом и успехом всех существ женского пола — в этом они все одинаковы, знатные и простые.

Госпожа Бенцони также взяла ее под защиту, и это вскружило ей голову. Она постоянно впадала в крайности — она или плакала, или смеялась а в гневе бывала так неистова, что наводила страх на мужчин, женщин и детей, ибо обладала силою амазонки и нравом Медеи. Это было велико-лепное животное, но приручить ее было невозможно. Я был единственным, который умел хоть как-нибудь призывать ее к порядку, и когда она видела меня действительно взбешенным (а это, говорят, довольно страшное зрелище), она утихала. Но у нее были сотни глупых причуд; в своем *fazziolo* — народном уборе — она была красавицей, но увы! ей хотелось шляпу с перьями, и как я ни старался (а я очень старался), я не мог помешать этому маскараду. Первую ее шляпу я бросил в огонь, но мне надое-ло их жечь раньше, чем ей надоело покупать, и она вырядилась как чучело — они ей совсем не шли.

Потом ей понадобились платья с *хвостами* — как у дамы, изволите ли видеть; давай ей непременно *l'abito colla coda* ^{1*} или «*coda*» (так зовется на венецианском диалекте *la Coda* — хвост или шлейф); ее произношение этого слова насмешило меня, это положило конец спорам, и она стала всюду таскать за собой этот чёртов хвост.

Тем временем она была всех женщин и перехватывала мои письма. Однажды я застал ее над письмом, в глубоком раздумье: она пыталась угадать по его виду, не было ли оно от женщины; она сокрушалась о своем невежестве и даже выучила азбуку, специально для того (как она заявила), чтобы вскрывать все получаемые мной письма и читать их.

Я принужден отдать должное ее хозяйственным талантам: после того, как она водворилась у меня в качестве *donna di governo* ^{2*}, расходы сократились более чем вдвое и все стали лучше выполнять свои обязанности — она содержала в порядке комнаты и все и всех, кроме себя самой.

Думаю все же, что она любила меня на свой необузданный манер.

^{1*} Платье с хвостом (*венец. диалект*).

^{2*} Домоправительницы (*итал.*).

МАРГАРИТА КОНЪИ
Рисунок Джорджа Г. Харлоу

Приведу хотя бы один случай. Однажды осенью, направляясь со своими гондольерами на Лидо, я был застигнут сильным шквалом, и гондоле грозила опасность — у нас улетели шляпы, оторвало весло, лодка стала наполняться водой, волна усиливалась, гремел гром. лил проливной дождь, а тут еще стемнело и ветер все крепчал. Когда мы с большим трудом добрались до дому, она стояла на открытой лестнице палаццо Мочениго на Большом канале, в ее больших черных глазах сверкали слезы, а длинные темные волосы, намокшие от дождя, падали ей на плечи и грудь. Она стояла под дождем и бурей — ветер развевал волосы и одежду на ее высокой, стройной фигуре, вокруг сверкали молнии, у ног бурлили волны, делая ее похожей на Медею, сошедшую со своей колесницы, или Сивиллу бушевавшей кругом грозы — единственное живое существо, кроме нас, которое было в тот момент видно на горизонте. Увидя меня невредимым, она не приветствовала меня, как можно было ожидать, а крикнула: *Ah! can'della Madonna, xe esto il tempo per andar' al' Lido!* (Ах, ты, пес мадонны, нашел время ехать на Лидо!) и вбежала в дом, чтобы сорвать злость на лодочниках, зачем не предвидели *temporale* ^{1*}. Слуги сообщили мне, что она только потому не могла помчаться искать меня, что ни один гондольер на Канале не согласился выйти в море в такую погоду; тогда она уселась на ступеньках, не обращая внимания на бурю и не давая ни увести себя, ни утешать. В ее радости при виде меня было нечто свирепое, напомнившее мне тигрицу, которой вернули детеныша.

Но царствованию ее наступил конец. Спустя несколько месяцев с ней не стало никакого сладу; на нее сыпались жалобы, частью справедливые, частью ложные, ибо «у фаворитки нет друзей» ⁵, и я решил с нею расстаться. Я спокойно сказал ей, что она должна вернуться домой (она достаточно накопила на моей службе для себя и матери), но она отказалась уйти. Я проявил твердость, и она ушла, грозя кинжалом и отмщением. Я сказал ей, что мне не впервые иметь дело с кинжалами и что она может начать, когда ей угодно; что нож и вилка — вот они на столе, к ее услугам, и ей меня не запугать. На другой день, когда я сидел за обедом, она вооружалась, для начала разбив внизу стеклянную дверь, и подойдя к столу, вырвала у меня нож, слегка поранив мне при этом палец. Хотела ли она пустить его в ход против меня или себя самой — не знаю, вероятно, ни то, ни другое, — но Флетчер схватил ее за руки и обезоружил. Тут я кликнул своих лодочников и велел приготовить гондолу, чтобы отвезти ее домой и стеречь по пути, как бы она чего-нибудь над собой не сделала. Она казалась спокойной и спустилась вниз. Я снова принялся за обед.

Вдруг мы услышали страшный шум; я выглянул и увидел, что ее вносят по лестнице — оказалось, что она бросилась в Канал. Я не верю,

^{1*} Грозу (*итал.*).

чтобы она хотела утопиться; но если подумать, как страшна глубокая и даже мелкая вода тем, кто не умеет плавать (особенно венецианцам, хотя они и живут на воде), и как было темно и холодно, надо признать за ней чертовскую отвагу. Ее вытащили без особого труда или повреждений, не считая того, что она наглоталась соленой воды и вся вымокла.

Я предвидел ее намерение вновь водвориться в доме и послал за доктором спросить, сколько часов ей понадобится, чтобы оправиться от пережитых волнений; он назвал мне время. Тогда я сказал: «Даю вам это время, и больше, если потребуется, но по истечении срока, если она не уберется из дома, это сделаю я».

Слуги были в отчаянии — они всегда ее боялись, а теперь совершенно оцепенели; они просили меня обратиться к полиции, нанять себе охрану и т. п. — этикие трусливые дурни! Ничего этого я не стал делать, — не все ли равно, в сущности, где я найду свой конец; к тому же я привычен к неистовым женщинам и знаю их повадки.

После ее выздоровления я спокойно отправил ее домой и с тех пор больше не видел, только дважды в опере, на расстойнии. Она делала много попыток вернуться, но без всяких бесчинств. И вот вам история Маргариты Коңьи в той части, которая касается меня.

Я забыл упомянуть, что она была весьма набожна и крестилась при звуке церковного колокола, — даже когда занималась при этом не совсем подходящим делом.

Она была очень находчива; так, однажды, когда она кого-то поколотила и очень рассердила меня этим, я обозвал ее *коровой* (в итальянском языке *корова* — слово бранное и соответствует английской собаке женского пола). Итак, я назвал ее «Васса». Она повернулась ко мне, поклонилась и ответила: «Vassa tua, 'Celenza» (т. е. Eccelenza) — «Твоя корова, ваше сиятельство». Словом, это было, как я уже сказал, великолепное животное, полное жизни и красоты, со многими хорошими и некоторыми забавными качествами, но злая, как ведьма, и свирепая, как демон. Она любила публично похвалиться своим влиянием на меня, сравнивая себя с другими женщинами и объясняя мое предпочтение множеством причин, физиологических и моральных, которые делали больше чести ее женским прелестям, чем ее скромности. Но действительно, многие старались вытеснить ее, и никому это не удавалось, пока ее не погубила собственная глупость. Когда случались конкурентки, — а их иногда приходилось запереть в разных комнатах, чтобы избежать потасовки — она обычно выходила победительницей.

Преданный вам и любящий вас

Б.

Р. S.— Графиня Г[виччиоли] чувствует себя много лучше. Перед отъездом из Венеции я послал вам в письме подлинный набросок, послуживший поводом для «Вампира» и т. д.— получили ли вы его?

85

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Болонья, 12 августа 1819

Дорогой сэръ,

Не знаю, смогу ли я достаточно полно ответить на ваше письмо, ибо чувствую себя сегодня не совсем здоровым. Вчера я был на представлении «Мирры» Альфиери, где последние два акта повергли меня в конвульсии. Это не было дамской истерикой, но мучительными, судорожными рыданиями, от которых задыхаешься и которые вымысел не часто у меня исторгает. Это всего лишь второй случай, когда слезы мои лились не по реальному поводу: в первый раз их вызвал Кин в роли сэра Джайлса Оверрича¹. Хуже всего было то, что *дама*, в чьей ложе я находился, испытала то же самое, более от страха, как мне кажется, чем от сочувствия — по крайней мере, к актерам; но она только что оправилась от болезни, я тоже, и сегодня мы все томны и в изобилии потребляем нюхательные соли. Однако вернёмся к вашему письму от 23-го июля.

Вы правы, Гиффорд прав, Крабб прав, Хобхауз прав — все вы правы, неправ только я, но доставьте мне это удовольствие, прошу вас. Разрежьте меня на части, четвергуйте меня в «Куотерли», разбросайте повсюду *disjecti membra poetae*^{1*}, как было сделано с возлюбленной Левита: если хотите, выставьте меня на позор перед людьми и богами, но не трейте меня изменений, ибо я их сделать не могу — я упрям и ленив — и это истинная правда.

Тем не менее я отвечу вашему другу К[оэну]², который возражает против быстрого чередования смешного и серьезного, словно в данном случае серьезное (по крайней мере по замыслу) не усиливает смешного. Он образно говорит, что «мы не можем одновременно мокнуть и обжигаться». Мало же у него сыта! Спросите-ка его, не случалось ли ему именно «мокнуть и обжигаться»? Неужели он никогда не играл в крикет или не шел пешком милью в жаркую погоду? Неужели никогда не проливал чай, с большим ущербом для своих нанковых брюк, передавая чашку даме своего сердца? Никогда не плавал в море в полдень, когда солнце так слепит глаза и печет голову, что их не охладить всей пеной океана? Не отдергивал, проклиная себя и лакея, ногу, когда вода в ванне была слишком горячей?... Никогда не бывал в турецкой бане, в этом мраморном Эдеме шер-

^{1*} Куски растерзанного тела поэта (лат.).

бега и содомии? Никогда не варился в кипящем масле, как святой Иоанн? Или в расплавленной сере ада (куда ему следует попасть за это самое «одновременно мокнуть и обжигаться»)? Неужели он никогда не сваливался в реку или озеро во время рыбной ловли и не сидел потом в мокрой одежде, в лодке или на берегу, «мокрый и обожженный», как подобает истому спортсмену? «Одним духом не перечислишь!»³ — и все же передайте ему мои поздравления — несмотря ни на что, он способный малый, очень способный.

Вы спрашиваете у меня план Донни Джонни⁴; плана *нет* и *не было*, зато были и есть материалы; но если ко мне, как к Тони Ламкину⁵, «будут приставать, когда я в хорошем расположении духа», из поэмы ничего не выйдет, а поэт снова делается серьезен. Если она не пойдет на лад, я не стану ее продолжать, при всем моем уважении к публике; но уж если буду продолжать, то по-своему. Укрощать мое шутовство, если я хочу быть шутком, это все равно, что заставить Гамлета (или Диггори⁶) «играть безумие» в смиренной рубашке — мои мысли, как и их движения, станут от этого нелепо скованными. Ведь вольность, дорогой мой, — это душа подобных сочинений; во всяком случае *право* на *вольность* — а злоупотреблять ими не следует. Это вроде суда присяжных и паров или Nabes Corpus⁷ — отличная вещь, особенно когда к ней *не прибегаешь* — никому ведь не хочется идти под суд ради удовольствия воспользоваться своей привилегией.

Но довольно рассуждений. Вы чересчур серьезно подошли к сочинению, которое не было задумано как серьезное. Неужели вы предполагали у меня иные намерения, кроме намерения посмеяться и посмешиг? — веселая сатира и как можно меньше поэзии — вот чего я хотел; а что до непристойности, то прошу вас прочесть у Босвелла, что *Джонсон*, этот угрюмый моралист, говорит о Прайоре и Паоло Пурганти⁸.

Не окажете ли вы мне услугу? Вы это можете — через ваших друзей в правительстве, Крокера, Каннинга или моего старого школьного товарища Пила⁹, а я не могу. Дело вот в чем. Нельзя ли попросить их назначить (*без жалования и вознаграждения*) одного знатного итальянца¹⁰ (которого я назову позже) консулом или вице-консулом в Равенне? Он обладает крупным состоянием и принадлежит к знати; но он хочет на случай перемен заручиться покровительством Англии. Равенна недалеко от моря. *Вознаграждение* ему не требуется, а что такая должность была бы там не лишней, это я знаю, так как недавно отправил из Равенны в Триест одного английского матроса; он, бедняга, сидел там большой и без гроша (он был списан на берег в 1814 году) из-за того, что не было полномочного лица, которое могло бы или хотело помочь ему вернуться домой. Вы это сделаете? Тем самым вы окажете мне величайшую услугу. Если сделаете, я сообщу вам его имя и звание, и, разумеется, если он окажется нежелательным, назначение можно отменить.

Мне известно, что в странах Востока вы постоянно назначаете консулами и вице-консулами иностранцев. Это патриций, с двенадцатью тысячами годового дохода. Его цель — заручиться покровительством англичан на случай новых вторжений. Как вы полагаете, мог бы Крокер выхлопотать это для нас? Конечно, *мое влияние* на них невелико, что и говорить! Но быть может какой-нибудь литературный собрат из числа тори согласится сделать любезность вигу, столь безвредному и столь долго отсутствующему, особенно если с назначением не связано ни *жалованье*, ни иные обязательства.

Уверяю вас, что это было бы большой услугой мне, но увы! — именно поэтому никто наверняка не захочет ее оказать. Но я, по крайней мере, всегда был честным и открытым противником. С вашими блестящими правительственными связями, не могли бы вы сделать нашего Бибула ¹¹ консулом? Или назначьте консулом меня, чтобы я мог сделать его своим вице-консулом. Поверьте, что в случае событий в Италии он был бы полезным союзником — вы бы убедились в этом, если бы знали, как он богат.

Что происходит с Томом Муром? А впрочем, зачем я спрашиваю? Ведь собственные мои дела таковы, что я ничем не могу быть ему полезен, хотя с 1816 года они немного поправились и при некоторой удаче и осторожности могут совсем наладиться. Кажется, на нем иск *американских* купцов? ¹² *Вот она — Немезида!* Мур ругал Америку. Этим всегда кончается, время — мститель. Всякий тиран бывает в свой черед низвергнут, от Буонапарте до простого смертного. Вы видели, как иные мстили даже моей незначительной особе и как Ромилли, в свою очередь, поплатился за свою жестокость. Странно устроен свет; но должна же у Часов быть заводная пружина.

Итак, принц-регент ¹³ отменил приговор над лордом Эд. Фицджеральдом? Ессо un'Sonnetto! ^{1*}

Стать сироте гонимому отцом,
 Длань простирая с тронной высоты
 Тому, чей пращур (это помнишь ты)
 Престол отцовский колебал в былом, —
 То значит быть достойным королем,
 Хвалою сделать голос клеветы.
 Не надо стражи: силой доброты
 Ты охранен в правлении своем.
 Не правда ль, государь, легко снискать
 Любовь людей обилием щедрот

^{1*} Вот вам сонет (*итал.*).

И с милосердьем веритья судьбе?
 Да, твой удел — прямая благодать:
 Ты деспот, но свободен твой народ —
 Его ты сердцем подчинил себе ¹⁴.

Вот вам сонет, собаки вы этикие; вы не скоро дождались бы такого от м-ра Фицджеральда. Можете напечатать под моим именем, ежели угодно. Он заслуживает всяческой хвалы, плохой и хорошей; поступок его был поистине княжеским.

А теперь не угодно ли переводную эпиграмму?

Если б ты, сводя прыщи,
 Денег вовсе не жалела,
 Ты бы малость побелела,
 Но за правду не взыщи:
 Станешь лучше ты — но все же
 Безобразна будет рожал ¹⁵

Это было написано о какой-то француженке, кажется, Рульером ¹⁶.
 Итак, «прощайте, достойный лейтенант» ¹⁷.

Ваш
 Байрон

86

ДЖОНУ КЭМУ ХОБХАУЗУ

Болонья, 23 августа 1819

Дорогой Хобхауз,

Я получил от Меррея письмо со вложением одиннадцатой статьи из «Британского Обзорения». Могли ли вы думать, что кто-нибудь так попадетя в ловушку, как Робертс? ¹ Именно этого-то от него и хотели. В качестве ответа Робертсу, я посылаю вам письмо для печати, с причудливой подписью (для Меррея, который все еще не должен раскрывать аноним Д. Жуана), и хотел бы получить на это ваше одобрение. Письмо было написано за один вечер и утро, наспех, когда со здоровьем было плохо, а с нервами и того хуже. Я до такой степени раздражен, что теряю голову, и до того нервен, что плачу без причины; по крайней мере, сегодня, наедине с собой, я залился слезами над бассейном с золотыми рыбками, а между тем в этих созданиях нет ничего особенно трогательного. Поверьте, что ни м-р Робертс, ни кто-либо другой из его команды не может меня расстроить; но все это лето было для меня полно волнений и тревог; я обессилен морально и физически и стал думать, что «начну умирать с го-

ловы»² и что это время не так уж далеко. Особых причин для огорчений у меня нет, кроме обычных спутников всех незаконных страстей.

Я имею дело с женщиной совершенно бескорыстной вследствие своего положения, молодой, милой и хорошенькой, словом, соединяющей в себе все, что женский пол может предложить нам хорошего, во всяком случае привлекательного; со всеми преимуществами — или наоборот — какие ей дают двадцать лет от роду, из которых она всего два провела вне своего романольского монастыря в Фаэнце.

Но я чувствую — и чувствую с горечью, — что человеку не следует растрачивать жизнь в объятиях и в обществе женщины и чужестранки; что получаемой от нее награды — пусть и немалой — недостаточно для него и что подобная жизнь чичисбея заслуживает осуждения. Но мне не хватает ни силы воли, чтобы порвать свои цепи, ни бесчувственности, которая помогла бы мне легче их нести. Не знаю, что со мной будет; покинуть ее или быть ею покинутым — это сейчас совсем свело бы меня с ума; но до чего я дошел? К счастью, или к несчастью, у меня не осталось честолюбия; лучше бы осталось, это меня хотя бы пробудило; а сейчас я лишь вздрагиваю во сне.

Кажется, я писал вам на прошлой неделе, но наверное (как лорд Гризлз³) сказать не могу.

Отчего вы не пишете? Прошу вас писать — бог с ним, с «Дон Жуаном», пусть летит вверх тормашками и я тоже — как Джек и Джил⁴.

Пишите и верьте, что пока я в своем уме, я всегда буду вашим верным и любящим

Б.

87

ДЖОНУ КЭМУ ХОБХАУЗУ

Венеция, 3 октября 1819

Дорогой Хобхауз,

На прошлой неделе я писал Меррею и просил его заверить вас, что я здоров и в своем уме, насколько это мне сейчас известно. В Болонье я был и душевно и физически не в своей тарелке. Здесь я, по крайней мере, здоров. Мой южноамериканский проект, о котором я, очевидно, говорил вам (раз вы о нем упоминаете), заключался в следующем. Из приложенных вырезок я увидел, что поселенцам на территории Венецуэлы предлагаются выгодные условия. Дела мои в Англии почти улажены или скоро уладятся; в Италии у меня долгов нет, и я могу покинуть ее, когда захочу. Англичане в Североамериканских штатах несколько грубы, на мой вкус, и климат там чересчур холодный; я предпочел бы другое. Я бы скоро овладел испанским языком. Эллис¹ или другие могли бы снабдить меня письмами к Боливару² и его правительству, и раз там поощряют при-

езд даже малоимущих и неимущих, то мне, с моими теперешними доходами и даже — если бы мне удалось продать Рочдэйл — с некоторым капиталом, очевидно, позволили бы купить или хотя бы арендовать землю и стать, если это дозволено законом, тамошним гражданином. Хорошо, если бы вы поговорили с *Перри* из «М[орнинг] К[роникл]», который служит там вместо географического справочника — и попросили, как Джереми Дидлер³, — только не восемнадцать пенсов, а сведений. Уверяю вас, что я подумываю об этом весьма *серьезно* и уже давно, как вы можете видеть по этому истрепанному газетному объявлению. Я хотел бы поехать туда с моей внебрачной дочерью Аллегрой — ей около трех лет, и она сейчас при мне — и обосноваться там прочно.

Италия мне не надоела, но здесь человек должен петь дуэты, быть чисибеем и знатоком опер — или же ничем. Я сделал некоторые успехи во всем этом, но не могу не чувствовать униженности своего положения. Лучше быть неумелым плантатором, неопытным поселенцем — лучше быть охотником или чем угодно, нежели рассыпаться в леги музыкантам и носить веер за дамой. Видит бог, я люблю женщин, но чем больше наблюдаю здешнюю систему, тем она мне представляется хуже, особенно после Турции; здесь *полигамия* предоставлена женщинам. Я был любовником, мужем, распутником, а сейчас стал Cavaliero Servente^{1*}. Клянусь небом! странное ощущение. У себя на родине и в других странах я побывал в числе тех, кто ухаживает, кто женится и кто содержит — конечно, честный союз всего лучше; было у меня и это, есть и сейчас — но здесь такой союз считается *пожизненным*, чем, видимо, исключается долголетие. Однако давайте говорить серьезно, если возможно.

Об Англии вы мне не говорите, она исключается. Были у меня там когда-то дом и земли, жена и ребенок, и имя — но все это отнято у меня или же подверглось странному превращению. Из последних и лучших десяти лет моей жизни почти шесть были проведены вне Англии. Я не чувствую к ней любви после того, как там так обошлись со мной перед последним моим отъездом, но не настолько ее ненавижу, чтобы принять участие в ее бедствиях⁴; ибо обеим сторонам придется вершить зло, прежде чем можно ожидать добра; революции не делаются на розовой воде⁵. Моя склонность к революции стала умереннее, как и другие мои страсти.

Но мне нужен дом и родина — если возможно, свободная. Мне еще нет тридцати двух лет. Я могу еще стать полезным гражданином и основать дом и семью не хуже — а может быть и лучше — прежних. Во всяком случае я мог бы найти себе полезное занятие; я не целю особенно высоко и не обладаю чрезмерным честолюбием; если десятки тысяч моих соотечественников селятся в колониях (подобно древним грекам в Сицилии и

^{1*} Поклонником (*итал.*).

Италии) из самых различных побуждений, почему мое намерение кажется фантастическим или безрассудным? В Европе нет свободы — это уж несомненно; к тому же это одряхлевшая часть света. Мне нужны сведения относительно того, что требуется, какие обещают преимущества, что дозволяется и как меня могут принять. Все это вы можете узнать для меня у Перри или Эллиса и многих других негодяев. Я еду туда не путешествовать, а поселиться. Не смейтесь надо мной; вы, конечно, посмеетесь, но уверяю вас, что мое намерение вполне серьезно, если проект хоть сколько-нибудь осуществим. Я не хочу иметь никакого касательства к войнам, я хочу ехать туда как поселенец, а если надо принять тамошнее гражданство — тем лучше; мое правительство не должно отказать мне в разрешении, это в его собственных интересах; полагаю, что люди, подобные мне, не слишком желательны сейчас для Сидмута. Пишите мне в Венецию. Разумеется, мне придется приехать в Ливерпуль или другой город на вашем побережье, чтобы там сесть на корабль и получить нужные документы. Прошу считать меня всегда преданным вам

Б.

88

ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

Венеция, 26 окт[ября] 1819

Дорогой Дуглас,

Мои недавние траты объясняются тем, что я живу далеко от Венеции, на два дома, часто езжу, покупаю мебель и книги, бывает, что и лошадей — а все не возвратом к *эпикурейству*, как вы подозреваете.

Я верен моей честной связи с графиней Гвичиоли и могу заверить вас, что она еще не стоила мне и шести пенсов, прямо или косвенно; это, разумеется, не заслуга, при том состоянии, какое имеет она сама и ее семья. Я только однажды сделал ей подарок — бриллиантовую брошь, а она отослала ее обратно, вложив туда прядь *своих волос* (... , но именно так в Италии принято) и написала, что не привыкла получать столь ценные подарки, но надеется, что я не буду обижен отказом и не сочту, что ценность броши уменьшилась от такого вложения...

Отчего бы не дать Хэнсону сделаться *пэром*, если ему хочется? Мне думается, что казнь через удушение была бы лучшей из парламентских привилегий. Чёрт бы побрал вашу деликатность! В коммерции это считается пороком и весьма недостойно человека, у которого перед фамилией значится «достопочтенный». Раз вы говорите, что я должен подписать обязательства, значит, я должен, но как несправедливо заставлять меня платить долги — вы не представляете себе, как это мне больно.

Прошу вас о трех вещах: вызволите мои деньги из процентных бумаг, продайте Рочдэйл и добудьте через Перри хоть какие-нибудь сведения о

Южной Америке; а в-четвертых, убедите леди Ноэль не слишком зажиматься на этом свете. Что касается подписки на Манчестер² — если я это сделаю, то pošлю Бердетту письмо для опубликования вместе с подпиской, и оно будет невиданным по своему радикализму — но мне что-то лень. Я уже подумывал об этом, но увы! воздух этой проклятой Италии может расслабить человека и усыпить в нем гражданские чувства, если вдыхать его четыре года, не говоря уже о выдыхании.

Что касается «Дон Жуана», признайтесь, — ну признайтесь же, пес вы такой, будьте честны, — что это вершина *подобных* писаний — оно, может и похабно, но разве язык не хорош? Оно, может, и непристойно, но разве это не сама *жизнь*, не *то самое*, настоящее? Разве мог написать это человек, который сам не жил в свете? — и не шалил в дилижансе — в извозчикьем экипаже — в гондоле — у стенки — в придворной карете — в *vis-à-vis*^{1*} — на столе — и под столом?

Я сочинил около ста строф третьей Песни, но она чертовски скромна — так меня испугали нападки. У меня для «Дона» — большие планы; но в наше время ханжество настолько сильнее ..., что опыт человека, познавшего значение обоих этих слов, не дойдет до огорченного потомства. В сущности, отчего все эти нападки? «Лалла Рук» и Литгл, может быть, опаснее, чем моя бурлескная поэма. Мур приезжал сюда, мы с ним вместе напились и обменялись множеством любезностей, а потом он поехал в Рим. Я вручил ему свою жизнь (в рукописи)³, не предназначенную для печати — когда он вернется, вы, или кто-нибудь другой, могут посмотреть ее. Она доведена только до 1816 года. Мур благородный человек; и вид у него свежий и поэтический, а ведь он старше меня на девять лет (для поэта это равно годам учения). Ему можно дать меньше. А все оттого, что он женат и живет в деревне. Я хочу ехать в Южную Америку — я уже писал об этом Хобхаузу. Три месяца назад я писал, через Меррея, своей жене. Попало ли к ней это письмо? — или же оно попало в «Блэквуд Мэгэзин»?

Вы спрашиваете о моем рождественском пироге. Переведите его любимым путем — но лучше всего *аккредитивами*. Вы правы относительно *дохода* — он мне нужен целиком. Откуда мне, чёрт возьми, знать, сколько я проживу — год или месяц? Хорошо было бы знать, чтобы соразмерять свои траты. А то всегда думаешь, что тебе осталось немного. Если уж пропадать или обанкротиться, так лучше за большую сумму, чем за малую. Мне не хотелось бы платить дьяволу, или любому другому кредитору, больше шести пенсов за фунт.

B

^{1*} Экипаже (*фр.*).

89

ЛЕДИ БАЙРОН

[Равенна, 31 декабря 1819]

Августа может сообщить вам все новости обо мне и моих, если вы сочтете нас достойными такого интереса. Цель моего нынешнего письма иная.

Она заключается в следующем. Три месяца назад я виделся с Муром и отдал ему на хранение пространные автобиографические записки, доведенные до лета 1816 года; я писал их с тех пор, как покинул Англию. Они должны быть изданы только после моей смерти — это именно Мемуары, а не Исповедь. События и страсти, имевшие в моей жизни наиболее важное и решающее значение, я опустил, чтобы не компрометировать других лиц. Но часть, касающаяся вас, написана подробно — и я хотел бы, чтобы вы отметили то место или места, которые, по вашему мнению, не соответствуют истине. Я всюду старался ее придерживаться, но ее можно толковать двояко, и ваш взгляд на нее может быть иным. С тех пор, как все это было написано, я ничего не исправлял. Можете прочесть — и отметить, что угодно — я хотел, чтобы вы знали, что именно я думаю и говорю о вас и вашей родне. Я нигде вам не польстил; нигде не дал вам ни малейшего повода думать, что мы с вами могли бы быть счастливы. Но я не хочу, чтобы потомство читало слова, которые мы не сможем ни доказать, ни опровергнуть, вставши для этого из могилы; я хочу прежде дать вам самой прочесть, как я вас описываю и кем считаю. Если вы обнаружите несправедливость или обвинение, которое можете отвести, сделайте это, и *ваши пометы* не будут стерты.

Быть может, вы спросите, *зачем* я описал свою жизнь? Увы! Я и сам задаю себе этот вопрос; но те, кто погубил ее, кто оклеветал и заклеил меня, должны знать, что они, а не я, в том повинны. Прожить жизнь — не большая радость; еще меньше радости в том, чтобы заново переживать подробности своей жизни, но последнее бывает иногда необходимостью и даже долгом.

Быть может вы захотите это понять; а если нет — ну что ж, вам, по крайней мере, будет дана возможность выбора.

[Окончено 1 января 1820.]

90

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Равенна, 16 апреля 1820

Дорогой Меррей,

Почта приходит за почтой, а вы все еще не подтвердили получение хотя бы одного из пакетов (кроме первого), посланных мною за последние два месяца; между тем вы уже давно должны были их получить; так как я

сообщал о них в других письмах, вам следовало хотя бы сказать, получены ли они. Я не жду от вас частых или длинных писем, ибо вы очень заняты; но когда вам посылают рукописи, которые нелегко было сочинить и весьма трудно переписать, надо хотя бы не заставлять меня тревожиться и тут же, с обратной почтой, подтверждать их получение, адресуя *прямо* в Равенну. Зная, какова почта на континенте, я, натурально, хочу убедиться, что они дошли; особенно потому, что так ненавижу переписывание; если бы нашелся кто-либо, способный переписывать мои грязные черновики, я отдавал бы ему за работу весь доход от них. Мне нужны всего две строчки: такого-то числа получен такой-то пакет. Сейчас их набралось не менее *шести*, о которых я ничего не знаю. Это с вашей стороны и невежливо и нечутко.

Есть и другие причины просить вас торопиться, ибо в Италии назревает *такое*, что всякая связь может прерваться, а все путешественники-англичане — разлететься кто куда; такова уж их всегдашняя стойкость при всех чужеземных переворотах. Испанские и французские дела вызвали в Италии брожение¹, и неудивительно: слишком долго ее попирали. Привередливым туристам это не понравится; иное дело — человек, живущий здесь постоянно, который, конечно, хочет, чтобы народ распрямил спину. Если здешние жители позволят, я останусь посмотреть, чем кончится дело, а то и принять в нем участие, как Дугалд Долгетти² со своим конем; ибо я считаю, что в жизни не может быть более интересного зрелища и момента, чем итальянцы, загоняющие варваров всех наций обратно в их берлоги. Я достаточно долго прожил среди них, чтобы сочувствовать их национальному делу более, чем любому другому; но им недостает единства и принципиальности, и я сомневаюсь в их успехе. Однако они, очевидно, попытаются, и это будет правое дело. Ни один итальянец не ненавидит австрийцев больше, чем я; австрийцы кажутся мне самым противным племенем под небесами, если не считать англичан.

Если что-то свершится, едва ли здесь это пройдет так же спокойно, как в Испании. Конечно, революции не делаются на розовой воде, когда страной распоряжаются чужеземцы. Пишите, пока можно; стбит выпасть решке вместо орла, и здесь произойдет потасовка, которая несколько задержит почту.

Адресуйте письма прямо в Равенну.

Ваш
Б.

91

ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

Равенна, 20 июля 1820, 11 ч. вечера

Дорогой Дуглас,

Несколько недель назад вы должны были получить мое согласие на закладную, под которую надлежит ссудить деньги лорду Блессингтону¹. Что вы сделали по этому поводу? И где причитающийся мне полугодовой доход с процентных бумаг? Г. г. Хэнсоны сообщили, что Рочдэйлское дело слушалось. Решено ли оно? Буду рад получить сведения об этом и другом, когда будет угодно вашему императорскому величеству.

В Неаполе совершилась революция², и то же ожидается со дня на день по всей Италии. Я закончил (осталось только переписать) трагедию в пяти актах о Марино Фальеро, венецианском доже. У меня был новый приступ лихорадки, правда, не сильный. Я подхватил ее, катаясь верхом в лесу, в месте болотистом и малярийном.

Госпожа Гвиччиоли разошлась с мужем (по решению папы) и будет получать от него тысячу двести крон в год; по здешним местам это недурная сумма для одинокой женщины — около трехсот фунтов на английские деньги, но в Англии она была бы равноценна примерно тысяче. Это длинная история. Он хотел застращать нас, но это ему не удалось — ни с дамой, ни с джентльменом. Говорят, что он со мной разделается — таков обычай. На прошлой неделе здесь убили двоих: священника и фактора³, один был убит политической организацией, другой — частным лицом, из мести; здесь с вами не бьются, а просто высказывают из-за деревьев и всаживают в вас нож, когда кругом полно народа, или из-за угла, когда вы остановитесь высморкаться. Пусть делает, что хочет, по совету ему не представится. Что можно одному, то можно и другому. Мне легко будет узнать, чьих рук это дело, и я пристрелю его на месте, если он не пристрелит меня.

Я не принимаю никаких мер предосторожности (они бесполезны) и только беру с собой пистолеты, когда езжу по вечерам в лес. Вам известно, что я в свое время был неплохим стрелком, и если мерзавцы промахнутся, то я, вероятно, попаду.

Все эти глупости говорятся в местном обществе (где его, кстати сказать, терпеть не могут); правда это или нет, я не сойду ни на шаг со своего пути; чего стоит жизнь, если надо жить, опасаясь подобных личностей? Чему суждено быть, то и сбудется; но только если суждено, не иначе.

Пока я писал вам, мой дворецкий Лега доложил, что четверть часа назад бригадир жандармов получил пулю в бедро (я слышал пистолетный выстрел, но подумал, что это слуги чистят мое оружие и сперва его разряжают); кто стрелял — неизвестно; мы знаем только, что две недели

назад эти жандармы имели стычку с населением; им угрожали, и двое из них уже были ранены.

Жандармы повздорили также с моими слугами из-за галунов на ливреях, которые будто бы похожи на их форму; однако полиция призвала их к порядку и разрешила эти ливреи.

Надеюсь, что в сегодняшнее дело не замешан никто из моих молодцов.

Видите, что тут за нравы! Как в средние века. Небезопасно, зато весьма драматично.

Всегда вапи
Б.

P. S. — Уверяю вас, что все это *факты*. Ночи сейчас лунные. Недели две назад нечто подобное произошло с солдатами, но их (двоих) просто [ранили] ножами. Один из них в схватке потерял шапку.

92

ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

Равенна, 22 ноября 1820

Дорогой Дуглас,

Вы хотите, чтобы я *заставил* Хэнсона, чтобы он *заставил* Клаутона заплатить *мне* ¹. Я очень хотел бы знать, как мне заставить Хэнсона сделать это, или что-либо другое, на таком расстоянии — во времени и в милях. Если вы дадите ему понять, что все, взятое из кармана Клаутона, пойдет ему, в уплату его «счета горестей и обид», ну, тогда он, может быть, сообразовит выполнить свой долг. Добавлять что-либо к этому было бы бесполезно. Я писал, и не раз, *а вы* говорили с ним. Думаю, что он в конце концов все сделает на свой лад, т. е. как-нибудь очень неладно.

Положение в нашей части Италии упрощается: либералы медлили до тех пор, пока не упустили возможность сделать что-либо стоящее. Если мерзавцы из Троппау ² постановят начать избиение (что вполне возможно), варвары вступят к нам через одну границу, а неаполитанцы — через другую. *И те и другие испросили* на это дозволения его святейшества; это все равно, что просить у человека дозволения дать ему пинка в зад; если даст дозволение, ясно, что он не может дать сдачи.

Самое худшее то, что эта злосчастная страна — в шеститысячный раз со времени сотворения человека по образу и подобию божью — станет очагом войны. Я помню Испанию в 1809 г., а Морею и часть Греции в 1810—1811 гг., когда Вели Паша ³ шел на русских (турецкая армия в походе ведет себя на *собственной территории* как на неприятельской); помню также мое графство Ноттингем во время восстания луддитов, когда мы уничтожали станки, а иногда и мануфактуры; так что я имею неко-

торое представление о возможных последствиях. Здесь царят подозрительность и террор, здесь страшат, вооружают и разоружают; священники напуганы, народ угрюм, а купцы *скупают* зерно для *военных поставок*. Это последнее проявление итальянского патриотизма так мне нравится, что я подчеркнул его для вашего сведения. Это все равно, как если бы наши хэмпширские фермеры готовили склады для любых двух негодяев с континента, которые вздумали бы высадиться у нас и дать бой в Нью-Форест.

Немало здешних *строгостей* приходится и на мою долю. Они забрали себе в голову, что я пользуюсь популярностью (этим в Италии пользуются одни только оперные певцы, и так будет вплоть до воскресения Ромула), и всячески досаждают мне по мелочам, чтобы вывести из терпения и заставить уехать. Это делается так нелепо, что трудно было бы поверить, если бы некоторые из священников не признавались сами. Они затевают ссоры, возлагая вину на моих слуг; пытаются втянуть в ссоры и меня (это нетрудно), и, наконец, они (т. е. правящая партия) грозят заточить госпожу Гвиччиоли в *монастырь* ⁴. Последнее продиктовано двумя соображениями: во-первых, ее *семья* подозревается в либеральных взглядах; во-вторых, мои собственные взгляды (хотя я их и не проповедаю) также им известны и были известны еще тогда, когда быть другом свободы было куда менее почетно, чем ныне.

Если я горжусь некоторыми своими стихами, то гораздо больше горжусь некоторыми своими предсказаниями; они не хуже, чем у Фицджеральда, пророчателя Литературного Фонда и поэта первого ранга, по мнению Меррея.

Если им удастся запереть бедную девочку в монастырь только за то, что она занимается со мною тем, чем все другие графини Италии вот уж 1000 лет занимаются с каждым встречным, я, конечно, предпочту уехать, лишь бы не дать ей сесть в тюрьму, а *именно* моего отъезда они и добиваются. Как свойственно женщинам перед лицом препятствий, она проявляет немало героизма и упорства; но оба эти качества лишь усиливают угрозу монастырского заточения, и я, право, не знаю, что делать. Я видел переписку полдюжины ханжей по этому поводу и понял, что они метят в ее родных и в меня самого. Словом, я, по своему обыкновению, имею множество неприятностей, как вы можете себе представить.

Дела общественные обстоят не лучше [в рукописи вырвано слово], партии медлили, пока не пропустили момента. Сомневаюсь, чтобы *сейчас* они сумели собрать двенадцать тысяч надежных людей. А несколько месяцев назад все было иначе.

Прошу вас писать. Передайте мой привет Хобхаузу и считайте меня

всегда вашим

Б.

P. S. — Полиция сейчас подчинена немцам, вернее австрийцам, которые не заслуживают названия немцев и, видимо, вскрывают все письма. Я не возражаю: пусть видят, как я ненавижу и глубоко презираю зверей-гуннов и все гнусности, которые им, впрочем, не долго удастся совершать — ибо время, общественное мнение и месть пробужденного народа сокрушат их и трупы их удобрят итальянскую землю; не через год или два, может быть и не через десять, но это *будет*, и ради того, чтобы *приблизить* это время, можно, кажется, отдать *все*; впрочем, противник немногого стоит. Испанцы — вот кто молодцы ⁶.

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА

4 января — 27 февраля 1821

★

Равенна, 4 января 1821

«Меня осенила внезапная мысль»¹. Начну еще раз писать дневник. В последний раз я вел его в Швейцарии, записывая впечатления от своей поездки через Бернские Альпы; в 1816 г. я переслал его моей сестре, у которой он, вероятно, хранится; она писала мне, что он ей понравился. Еще один дневник, подлиннее, я вел в 1813—1814 гг. и в тот же год отдал его Томасу Муру.

Сегодня восстал ото сна поздно, как обычно — погода скверная — как в Англии, или еще хуже. Снег, выпавший на прошлой неделе, тает от сегодняшнего сирокко, так что у нас две неприятности сразу. Нельзя даже проехать верхом по лесу. Все утро сидел дома — смотрел в огонь — ждал почту. Почта прибыла во время вечерней молитвы вместо половины второго, как ей положено. Шесть номеров «Вестника Галиньяни»², письмо из Фаэнцы³ и ни одного из Англии. Пришел от этого в скверное настроение (потому что письма должны были быть), вследствие чего плотно пообедал — когда я сердит, я глотаю быстрее — нопил очень мало.

Был не в духе — читал газеты — и задумался над тем, что такое *слава*, по поводу одного отчета об убийстве, где сказано: «Мистер Уич, бакалейщик в Танбридже, отпустил бекону, муки, сыра и, кажется, чернослива обвиняемой цыганке. На прилавке у него (цитирую дословно) лежала книга „Жизнь Памелы“, которую он *разрывал на завертку* и т. д., и т. д. В сыре были найдены и т. д. *Бекон был также завернут в лист* из „Памелы“. Что сказал бы Ричардсон, самый тщеславный и самый удачливый из живых писателей, т. е. достигших славы при жизни, — он, который вместе с Аароном Хиллом⁴ злорадно предсказывал забвение Фильдингу (Гомеру человеческой природы *в прозе*) и Попу (прекраснейшему из поэтов), — что сказал бы Ричардсон, если бы мог проследить путь своих творений со стола французского принца⁵ (см. Босвеллова Джонсона) на прилавок бакалейщика, к свертку бекона, купленного цыганкой-убийцей!!!

Что он сказал бы? Да что же тут можно сказать, кроме того, что задолго до нас сказано Соломоном? В конце концов это всего лишь переход с одного прилавка на другой, от книготорговца к другим торговцам — бакалейщику или кондитеру. По моим наблюдениям стихи чаще всего идут

на оклейку сундуков, и я склонен считать сундучных дел мастера могильщиком сочинителей.

За полчаса написал пять писем, кратких и свирепых, всем моим недоям-корреспондентам. Приехала карета. Узнал о трех убийствах в Фаэнце и Форли — карабинера, контрабандиста и адвоката — все за прошлую ночь. Первые два произошли в драке, третье было предумышленным.

Три недели назад — почти месяц — 7-го числа — я подобрал на улице смертельно раненного офицера; он умер у меня в доме; убийцы остались неизвестными, но мотивы, по-видимому, были политические. Вчера его братья написали мне из Рима; благодарят за помощь, оказанную ему в его последние минуты. Бедняга! Жаль его, — он был храбрый воин, но неосторожный. Было восемь часов вечера, когда его убили. Мы услышали выстрелы; мои слуги и я выбежали из дома и застали его при смерти — он получил пять ран — из них две смертельные — причиненных, видимо, самодельными пулями. Я осмотрел его, но утром не присутствовал при вскрытии.

Карета прибыла около 8-ми — отправился к графине Г[виччиоли], застал ее за пианино — беседовал до десяти, пока граф, ее отец, и другой граф, ее брат ⁶, не вернулись из театра. Давали «Филиппо» Альфieri ⁷ — публика приняла его хорошо.

Два дня назад через Болонью, по дороге на конгресс ⁸, проезжал неаполитанский король. Эту новость сообщил мой слуга Луиджи. Я посылаю его в Болонью за лампой. Чем-то все это кончится? Время покажет.

Вернулся домой в одиннадцать, даже раньше. Если позволит дорога и погода, думаю завтра проехать верхом. Давно пора — это тянется уже неделю: один день — снег и сирокко, на следующий — снег и мороз — плохо для Италии. Но последние две зимы в этом отношении необыкновенны. Читал «Жизнь Леонардо да Винчи» Росси ⁹ — размышлял — сделал эти записи, а сейчас ложусь.

5 января 1821

Встал поздно — сплин и сонливость — а на дворе сырость и слякоть. На земле снег, в воздухе сирокко, как и вчера. На дорогах грязь по брюхо лошади, так что о верховой езде (по крайней мере, для удовольствия) думать не приходится. Добавил постскрипtum в моем письме к Меррею. В пятидесятый раз (я все романы В. Скотта читал не менее пятидесяти раз) перечел заключение третьей серии его «Рассказов трактирщика» ¹ — великолепное произведение — шотландский Фильдинг, и к тому же большой английский поэт — замечательный человек! Я очень хотел бы с ним выпить.

Пообедал около шести часов. Забыл, что к обеду будет плумпуддинг (в последнее время я к «букету моих пороков» добавил чревоугодие) и

наелся еще до него. Выпил полбутылки какого-то спирта — вероятно, винного; все, что здесь называется бренди, ромом и т. д., и т. п., не что иное, как винный спирт, по-разному подкрашенный. Не стал есть двух яблок, поданных на десерт. Покормил обеих кошек, ястреба и ручную (но отнюдь *не прирученную*) ворону. Читал «Историю Греции» Митфорда² — «Отступление десяти тысяч» Ксенофонта³. Сейчас пишу в дневник — без 6 минут восемь — по французскому, а не итальянскому времени.

Слышу экипаж — приказываю подать пистолеты и плащ, как обычно — вещи необходимые. Погода холодная — экипаж открытый, а жители свирепы, коварны и крайне озлоблены политической обстановкой. При всем том отличные люди — хороший материал для создания нации. Из хаоса господь создал мир; из бури страстей рождается народ.

Бьют часы — еду на любовное свидание. Несколько опасно, но не лишено приятности. Не забыть: поставил сегодня новый экран. Он очень древний, но если немного починить — сойдет.

Оттепель продолжается — надеюсь, что завтра можно будет ехать верхом. Отослал газеты Алл⁴ — близятся важные события.

11 часов 9 минут. Прибыл к графине Г[виччиоли], nata^{1*} Г[излери] Г[амба]. Она как раз начала писать ответ на письмо Алессіо дель Пинто из Рима, который благодарил меня за помощь, оказанную его умирающему брату-офицеру.

Я просил ее ответить за меня на более чистом итальянском языке: я ультрамонтанец и плохо владею тосканскими идиомами. Прервал ее занятие — окончим письмо в другой раз. Говорили об Италии, патриотизме, Альфиери, мадам Альбани⁴ и других ученых предметах. Также о «Заговоре Катилины» и «Югуртинской войне» Саллюстия⁵. В 9 пришел ее брат, граф Пьетро, в 10 — ее отец, граф Руджiero.

Говорили о различных методах ведения войны — об известном венграм и шотландским горцам искусстве биться на палашах, в котором я некогда достиг кое-каких успехов. Решили, что Р[еволуция] начнется 7—8 марта, чему я верил бы, если бы она не была уже однажды назначена на октябрь 1820 года. Но болонцы не пожелали объединиться с романьольцами.

«Рейнджеру все едино»⁶. Разбираться не приходится, представилась возможность восстать — пользуйся! Возвратился домой — снова читал о «Десяти тысячах», а сейчас ложусь. *Мет.*: велел Флетчеру (сегодня в четыре часа) выписать семь-восемь апофтегмов Бэкона, где я нашел ошибки, которых даже школьник не сделал бы, но наверняка заметил бы. Вот они — мудрецы! Кто же они, если даже я нахожу у них ошибки или неточности? Надо ложиться, а то становишься циником.

^{1*} Урожденной (итал.).

6 января 1821

Туман — оттепель — грязь — дождь. Ехать верхом невозможно. Читал «Анекдоты» Спенса ¹. Отличный человек был Поп — я так всегда и думал. Поправил ошибки в девяти апофтегмах Бэкона — все исторические — и читал «Грецию» Митфорда. Сочинил эпиграмму ². Обратился к одному месту у Гингенз ³ — ditto ^{1*} у лорда Холланда в «Люпе де Вега» ⁴. Написал примечание к «Дон Жуану».

В восемь вышел делать визиты. Послушал музыку — люблю слушать музыку. Говорили с графом Пьетро Г[амба] об итальянском комедийном актере Вестрисе, который сейчас находится в Риме — я часто видел его на сцене в Венеции — хороший актер, отличный. Немного манерничает, но великолепен, как в фарсе, так и в патетически-сентиментальном жанре. Он часто заставлял меня смеяться и плакать; и то и другое сейчас нелегко — во всяком случае для актера.

Размышлял о положении женщин в древней Греции — довольно удобно. Нынешнее положение — пережиток рыцарского и феодального варварства — искусственно. Им следует заниматься домом — их надо хорошо кормить и одевать, но не позволять вращаться в обществе. Давать им религиозное воспитание, но ни поэтических, ни политических книг, только религиозные и кулинарные; музыка — рисование — танцы — иногда немного работы в саду или в поле. В Эпире я видел, как они отлично работают на починке дорог. Отчего бы не на сенокосе или в коровнике?

Вернулся домой и снова читал Митфорда; играл со своим догом, покормил его ужином. Сочинил новый вариант эпиграммы, но на той же основе. Сегодня в театре, в последнем действии комедии — когда показали короля на троне — в публике раздался смех и возгласы, требовавшие *Конституцию*. Это показывает здешнее состояние умов, так же как и убийства. Этак не годится. Необходима всемирная республика — и это будет правильно.

Ворона хромает — не понимаю, как это случилось — должно быть какой-то дурак отдал ей лапу. Ястреб чувствует себя хорошо, кошки растут и возятся — обезьян я не видел после наступления холодов, так как их вредно выводить наружу. Лошади, вероятно, застоялись; вьеду верхом, как только позволит погода. Все еще чертовски сыро. Итальянская зима — скверная штука, зато все другие времена года здесь чудесны.

В чем причина того, что всю мою жизнь я был более или менее еппуэ? ^{2*} И что сейчас, пожалуй, даже меньше, чем в двадцать лет, насколько я помню? Не знаю, как ответить на это, но полагаю, что дело в каких-то врожденных свойствах; по этой же причине я просыпаюсь в дурном рас-

^{1*} Оно же (*лат.*).

^{2*} Скучающий (*фр.*).

положении духа — и так уже много лет. Умеренность в еде и усиленные физические упражнения, к которым я по временам прибегал, почти ничего не изменяли. Больше помогала сильная страсть — под ее прямым воздействием я бывал странно возбужден, но не подавлен.

Доза солей вызывает у меня кратковременное опьянение, подобно легкому шампанскому. А вино и другие крепкие напитки делают угрюмым, даже свирепым — но молчаливым, замкнутым и не склонным к ссоре, если со мной не заговаривать. Плаванье также вызывает у меня подъем духа, но обычное мое состояние — подавленность, которая усиливается с каждым днем. Это безнадежно; ведь я теперь даже менее *еппиуэ*, чем в девятнадцать лет. Закрываю это из того, что тогда мне нужны были азартная игра, вино или какое-нибудь движение, иначе я чувствовал себя несчастным. Сейчас я научился хандрить спокойно и предпочитаю одиночество любому обществу — кроме общества дамы, которой я служу. Но что-то заставляет меня думать, что я — если доживу до старости — «начну умирать с головы», подобно Свифту. Только я не так боюсь идиотизма или безумия, как он. Напротив, я считаю, что некоторые спокойные формы их предпочтительнее того, что считается у людей здравым рассудком.

7 января 1821, воскресенье

Все еще дождь — туман — снег — крупа — и все неисчислимые комбинации, возможные при борьбе холода с теплом. Читал Спенса и перелистывал Роско¹, отыскивая одно место, которого так и не нашел. Читал четвертый том второй серии «Рассказов трактирщика» В. Скотта². Обедал. Читал «Газету Лугано». Читал — не помню что. В восемь отправился на *conversazione*^{1*}. Встретил там графиню Гелтруду³, Бетти В. с мужем и других. Хорошенькая черноглазая женщина — *всего* девятнадцать — ровесница Терезе — но та все же лучше.

Граф Пьетро Г[амба] отвел меня в сторону и сообщил, что патриоты получили из Форли (двадцать миль отсюда) сведения о намерениях правительства и его партии: они сегодня готовят удар, — здешний кардинал получил указания немедленно произвести несколько арестов; поэтому либералы вооружаются и выслали на улицы патрули, чтобы бить тревогу и призывать к борьбе.

Он спросил меня: «Что следует делать?» Я ответил: «Лучше драться, чем дать схватить себя поодиночке»; и предложил, если кому-нибудь из них грозит немедленный арест, укрыть их в моем доме (который может выдержать осаду) и защищать их с помощью моих слуг, сколько можно

^{1*} Прием (*итал.*).

(у нас есть оружие и патроны), или же под покровом ночи попытаться устроить им побег. Собираясь домой, я предложил ему пистолеты, которые имел при себе, — он отказался, но сказал, что в случае необходимости обратится ко мне.

До полуночи осталось полчаса; идет дождь; — как говорит Гиббет: «отличная ночь для их предприятия — темно, как в аду, и ветер дует, как дьявол»⁴. Если стычка не произойдет *сейчас*, то скоро. Я знал, что эта манера стрелять в людей быстро вызовет противодействие — так и оказалось. Буду сражаться, как только умею, хотя я и не совсем в форме. Дело это правое.

В поисках нужного мне отрывка перелистал полдюжины книг, но не могу его найти. Каждую минуту ожидаю услышать барабан и мушкеты (они поклялись сопротивляться, и они правы) — но не слышу ничего, кроме шума дождя и, по временам, порывов ветра. Не хочу ложиться, потому что не терплю неожиданных пробуждений и готов лучше дожидаться боя, если он предстоит.

Поправил огонь — приготовил оружие — и пару книг, которые буду пока перелистывать. Я не знаю их численности, но по-моему карбонарии⁵ даже здесь достаточно сильны, чтобы справиться с солдатами. С отрядом в двадцать человек мой дом можно оборонять хоть двадцать четыре часа от любых сил, какие здесь сейчас могут выставить против нас за столько же часов; а за такой срок страна непременно откликнется и восстанет — если только восстанет *вообще*, в чем я начинаю сомневаться. А пока я сижу один, лучше всего заняться чтением.

8 января 1821, понедельник

Проснувшись, увидел у себя в комнате графа П[ьетро] Г[амбу]. Отослал слугу. Он сказал, что по достоверным сведениям правительство не отдало ожидавшихся приказов об арестах; что в Форли санфедисты¹ — противники карбонариев, или либералов — не выступили (как предполагалось) и что они пока выжидают. Попросил у меня оружия получше, и я его дал. Решили, что в случае столкновения либералы соберутся *здесь* (со мной), о чем он предупредил Винченцо Г[аллини]² и других *главарей*. Сам он с отцом отправится в лес на охоту, но В[инченцо] Г[аллини] прибудет ко мне, а в случае надобности мы пошлем нарочного за ним, П[ьетро] Г[амба]. Договорились о действиях. Они должны захватить — впрочем, неважно что.

Я посоветовал им выступить мелкими отрядами и в разных *местах* (но в *одно* время), чтобы рассеять внимание войск, которые, правда, малочисленны, но дисциплинированы и в правильном бою способны разбить любое число необученных волонтеров, если не разделить эти войска и не

нападать на них в нескольких местах одновременно. Я предложил собраться у меня, если пожелают. Здесь неплохие позиции — узкая улица, которая простреливается изнутри, и прочные стены.

Пообедал, примерил новый сюртук. Отправил письмо Меррею с поправками к «Апофтегмам» Бэкона и эпиграммой — последняя не для печати. В восемь отправился к Терезе, графине Г[виччиоли]. В половине десятого туда пришли il conte ^{1*} П[ьетро] и граф Р[уджиеро] Г[амба]. Говорили о недавно выпущенной прокламации. Граф Р[уджиеро] Г[амба] виделся с ** [Джузеппе Вальтанцони] ³ (занимающим пост **), чтобы выведать у него насчет арестов. Он — типичный ошпортунист и сейчас сдает карты обеими руками. Они, пожалуй, могут остаться у него на руках. ** [Вальтанцони] уверяет (я ему не верю; но они верят — посмотрим, кто окажется прав), что такого приказа нет, и, видимо, поражен мощными усилиями неаполитанцев и воинственным духом здешних либералов. Дело в том, что ** [Вальтанцони] беспокоится только о своей должности (очень выгодной) и старается угодить обеим партиям. За последние три месяца он — мне это известно, потому что он со мной переписывается, — раз тридцать менял свои позиции. Но он не кровожаден — только алчен.

Сейчас похоже на то, что «никакого похищения не будет» ⁴, как говорит Лидия Лэнгвиш. Жаль, что я не знал этого прошлой ночью — вернее, сегодня утром — я лег бы спать на два часа раньше. Впрочем, мне не на что жаловаться; хотя дует сирокко и льет дождь, я уже два дня ни разу не *зевнул*.

Вернулся домой — читал «Историю Греции» — перед обедом читал «Роб Роя» Вальтера Скотта. Написал ответ Алесслио дель Пинто, который благодарил меня за помощь его брату (покойному командиру, убитому здесь в прошлом месяце) в его последние минуты. Я написал ему, что я всего лишь выполнил долг человеколюбия — и это правда. Брат живет в Риме.

Подбросил в огонь немного *sgobole* (романьольское слово) и дал напиться соколу. Выпил немного сельтерской воды. *Мет.*: получил сегодня гравюру, вернее, офорт на тему Уголино ⁵, работы итальянского художника — весьма отличающуюся, конечно, от гравюры сэра Джошуа Рейнольдса ⁶, но по-моему (насколько я помню) *не хуже*, потому что Рейнольдс в истории не силен. Оторвал пуговицу у нового сюртука.

Интересно, как покажут себя итальянцы в настоящем бою. Мне иногда кажется, что они, как ружье пресловутого ирландца (которому кто-то всучил кривое ружье), годятся только для «выстрелов из-за угла»; по крайней мере в последнее время они упражнялись именно в этом. И все же в этом народе заложены отличные качества и благородная отвага, которую

^{1*} Граф (итал.).

только надо бы направить. Но кто же делает это? Ничего. В такие времена являются герои. Высокий дух рождается в трудностях; Свобода — мать всех тех немногих добродетелей, какие свойственны человеку.

Вторник, 9 января 1821

Проснулся — погода отличная. Велел седлать лошадей; но тут Лега (*мой секретарь* — итальянизм, обозначающий дворецкого или старшего слугу) доложил, что художник окончил расписывать одну из комнат, и я пошел взглянуть на его работу, прежде чем отправиться. В общем художник неплохо скопировал гравюры с картин Тициана и других.

Пообедал. Читал «Суетность человеческих желаний» Джонсона¹; все его примеры и манера их давать — великолепны, так же как и последняя часть, за исключением очень немногих двустийший. Начало нравится мне меньше. Вспоминаю замечание Шарпа (Мастера Беседы, как его звали в Лондоне, и человека очень умного) о первой строке этой поэмы: он считал ее лишней и сказал, что Поп (по моему мнению, лучший из поэтов) начал бы сразу, изменив только пунктуацию:

«Зри человечество от Перу до Китая».

Предшествующая строка «Пусть наблюдение» и т. д. несомненно тяжела и не нужна. Но поэма замечательна — и *так правдива!* — как 10-я сатира самого Ювенала. Течение столетий изменяет все — язык — землю — очертания морских берегов — звезды в небе, словом, все «вблизи, вокруг и под ногами» человека, *кроме самого человека*, который всегда был и навсегда останется несчастным негодяем. Бесчисленное многообразие жизней ведет лишь к смерти, а многообразие желаний — к разочарованию. Все доселе сделанные открытия лишь способствовали увеличению числа людей на земле. Стоит победить одну болезнь, как является другая; открытие нового света мало принесло старому, кроме с[ифилиса] сперва и свободы потом — *последний дар прекрасен*, тем более, что был дан Европе в обмен на рабство. Но «Монархи», пожалуй, предпочли бы для своих подданных *первый*.

В восемь часов вышел из дому — услышал кое-какие новости. Говорят, что король неаполитанский из Флоренции через курьеров известил *Державы* (как теперь именуют этих коронованных негодяев), что его Конституция была вынужденной и пр. и пр. и что австрийским варварам снова назначено жалованье *военного времени*, и они выступают. Пусть выступают, — проклятые собаки! — пусть «явятся как жертвы, к закланью убранные»². Есть еще надежда, что из их костей нагромоздят холмы, как сделали с двуногими псами в Морате³, в Швейцарии, где я это видел сам.

Слушал музыку. В девять пришли обычные посетители — новости — война или слухи о войне. Совещался с П[ьетро] Г[амба] и другими. Они хотят поднять здесь восстание и почтить меня приглашением участвовать. Что ж, я не отступлю, хотя не вижу в них достаточно силы и решимости, чтобы добиться больших результатов. Но *вперед!* — пора действовать настала, и что значит *твоя особа*, если можно передать в грядущее хоть одну живую искру того нетленного, что достойно сохраниться от прошлого? Дело не в одном человеке и не в миллионе людей, а в *духе* свободы, который надо распространять. Волны, атакующие берег, разбиваются одна за другой, но *океан* все же побеждает. Некогда он рассеял Армаду, он размывает скалы и, если верить *нептунистам*⁴, не только разрушил, но и создал мир. Точно так же, сколько бы отдельных людей ни принести в жертву, великое дело будет шириться и крепнуть; оно снесет все бесплодные утесы и оплодотворит (ибо *водоросли* удобряют почву) все, что можно возделывать. В таких случаях нельзя предаваться себялюбивым расчетам, и я не стану этого делать. Я никогда не был силен в арифметике наибольшего шанса и сейчас не намерен в ней упражняться.

10 января 1821

Отличная погода — дождь шел только с утра. Просмотрел счета. Читал «Поэтов» Кэмпбелла¹ — отметил ошибки Тома (автора), которые надо будет исправить. Пообедал — пошел в гости — слушал музыку — тирольский напев с вариациями. Отстаивал превосходство простой основной мелодии над вариациями в итальянском вкусе.

В политике атмосфера грозовая, и тучи сгущаются ежедневно. Завтра прибывает заграничная почта, и, вероятно, будут новости.

Вернулся домой — читал. Исправлял описки Тома Кэмпбелла. Книга все же хорошая — он выражается вычурно, но Попа защищает блестяще. Разумеется, он при этом защищает самого себя, но все равно очень хорошо, и это делает ему честь.

Полночь

Перелистывал «Жизнеописания» поэтов. Я редко читаю их стихи, разве иногда классиков: Попа, Драйдена, Джонсона, Грея и тех, кто к ним ближе (напыщенный бред прочих поэтов пускай тешит современных ханжей) — имею некоторые соображения, но очень хочется спать, и я лучше лягу.

11 января 1821

Читал письма. Редактировал трагедию и «По стопам Горация». Пообедал и немного развеселился. Уходил — вернулся — закончил письма — их всего пять. Читал «Поэтов» и анекдот из Спенса.

Аллан пишет мне, что папа, герцог Тосканский и король Сардинии также приглашены на Конгресс, но папа пошлет вместо себя своего представителя. Итак, судьба миллионов находится в руках каких-нибудь двадцати хлыщей, съехавшихся в местечке под названием Лайбах!

Я почти сожалел бы, если бы мои дела обстояли хорошо, когда судьба народов находится под угрозой. Если бы удалось коренным образом улучшить положение народов (особенно угнетенных итальянцев), я не стал бы принимать к сердцу собственные «мелкие дела». Да пошлет нам всем бог лучшие времена или способность философы смотреть на вещи!

Только что прочел у Тома Кэмпбелла следующее замечание: говоря о Коллинзе¹, он пишет, что «нынешнему читателю столько же дела до точности изображения нравов в его эклогах, сколько до достоверности Троянской войны». Неверно! Нам *есть* дело «до достоверности Троянской войны». В 1810 году я *ежедневно* в течение месяца с лишним бывал на этом поле и если что-нибудь отравляло мне удовольствие, так это негодяй Браунт², подвергший ее сомнению. Правда, я прочел «Гомера наизнанку»³ (первые двенадцать книг), потому что Хобхауз и прочие надоедали мне своей ученой географией, а я люблю подразнить. Но я продолжаю чтить великий оригинал и считать, что он верен *истории* (в основных фактах) и *месту*. Иначе я не мог бы им наслаждаться. Когда я садился отдохнуть на огромный могильник, кто бы мог убедить меня, что под ним не покоится герой³ — Сама огромность камня говорила об этом. Люди не сооружают памятников презренным и ничтожным мертвецам. И почему бы им не быть именно гомеровскими героями? Том Кэмпбелл оправдывает *неточности* в костюмах и обстановке потому, что в его «Гертруде»⁴ обстановка так же далека от Пенсильвании, как от Пенманмора. Она полна грубых ошибок, как утверждает все американцы, хоть они и хвалят некоторые части поэмы. Вот так-то себялюбие всюду подымает голову, как змея, и жалит всех, кто на нее наступит, хотя бы случайно.

12 января 1821

Погода все еще сырая и не позволяет выйти; даже Лондон в пору самых густых туманов показался бы летним садом по сравнению с здешним туманом и сирокко, которые длятся, попеременно со снегом и проливным дождем, с 30 декабря 1820 года и прекращались всего на один день. Хорошо, что я имею литературные наклонности, — но все же скучно,

когда столько дней нельзя выбраться из дому ни на каком коне, кроме Пегаса. Дороги еще хуже, чем погода; земля размякла, потоки разлились, и мы шлепаем по воде.

Читал поэтов — английских — в собрании Кэмпбелла. В предисловии у Тома немало пышных фраз, но в общем издание хорошее. Правда, собственные его стихи нравятся мне больше.

Меррей пишет, что в Лондоне хотят ставить трагедию «Марино Фальеро»¹ — очень глупо, потому что она написана для чтения. Я протестовал против такого произвола (который, по-видимому, узаконен для каждого напечатанного произведения, хотя бы против воли автора) и надеюсь, что они этого не сделают. Почему бы им не поставить одну из пьес, которыми их завалили бесчисленные претенденты на театральную славу, вместо того, чтобы вытаскивать мою, которой место в библиотеке? Я написал резкое возражение против всех подобных попыток, но надеюсь, что в нем не окажется надобности и что они сразу увидят, что пьеса не предназначена для сцены. Она чересчур правильна — действие совершается за сутки — место его почти не меняется — нет ничего мелодраматического — никаких неожиданностей, испугов, потайных дверей, ничего такого, что заставляет переминаться от нетерпения с ноги на ногу, и никакой любви, а в современной пьесе это главное.

Разглядел печать на письме Меррея. Она изображает Вальтера Скотта — или сэра Вальтера — первого поэта, получившего дворянство, со времени сэра Ричарда Блэкмора². Но он здесь хуже, чем в действительности. Лицо Скотта — особенно когда он читает — дышит умом, а на печати этого не видно.

Скотт несомненно удивительнейший писатель нашего времени. Его романы сами по себе составляют целую особую новую литературу, а поэзия не уступает любой другой, если не лучше (хотя и исходит из неверного принципа), и только потому стала менее популярна, что ученой братии наскучило слышать, как «Аристида называют справедливым»³, а Скотта — самым лучшим, и она объявила на него гонение.

Мне нравится в нем также мужество, необычайный дар собеседника и расположение ко мне лично. Пусть ему сопутствует удача! Он ее заслуживает. Ни одну книгу я не беру с такой охотой, как произведения В. Скотта. Я подарю сегодня печать с его изображением госпоже графине Г[виччиоли], которой будет интересно иметь портрет столь знаменитого человека.

Странные мысли мне приходят! — Читая у Мильтона строки о прекрасной Сабрине⁴, я вспомнил — не знаю почему и как — дни, пожалуй, счастливейшие в моей жизни (не считая двух последних летних каникул в Харроу) — дни, проведенные в Кембридже с Эдуардом Ноэлем Лонгом⁵, который впоследствии поступил в гвардию, с честью участвовал в копенгагенской кампании⁶ (от нее уцелело две-три тысячи мерзавцев, получаю-

щих жалованье за свой позор) и утонул в начале 1809 г., когда плыл со своим полком в Лиссабон на транспортном судне «Сент-Джордж», получившем ночью пробоину от столкновения с другим транспортом. Мы с ним состязались в плавании — любили поездки верхом — чтение — и дружеские пирушки. Мы вместе учились в Харроу, но там он не отличался таким буйным нравом, как я. Я только и делал, что играл в крикет — буянил, дрался и проказничал на все лады; а он был более усидчив и благовоспитан. В Кембридже — где мы оба поступили в Тринити — я несколько притих, или он огрубел, но только мы сделали большими друзьями. Описание подводного царства Сабрины напомнило мне, как мы с ним наперегонки ныряли. Хотя воды реки Кэм не отличаются прозрачностью, глубина там четырнадцать футов, и мы ныряли за тарелками, яйцами и даже шиллингами, которые нарочно туда бросали. Помню, что на дне реки (на глубине не менее десяти — двенадцати футов), на нашем любимом месте купанья торчала коряга, и я хватался за нее, удивляясь, «какого чёрта я тут оказался» ?.

Вечера наши были посвящены музыке (он был музыкален и играл на нескольких инструментах, в том числе на флейте и виолончели, а я был слушателем). Пили мы главным образом содовую воду. Днем мы ездили верхом, купались, бездельничали, иногда читали. Помню, с каким интересом мы приобрели (в 1806 г.) новый том Мура⁸ и как читали его по вечерам.

Мы провели вместе только лето. В тот год, когда я был в Ноттингемшире, Лонг поступил в гвардию. Его дружба и сильная, хотя и чистая, любовь и страсть, которая тогда мной владела, составляли романтику этого самого романтического периода моей жизни.

Вспоминаю, как весной 1809 г. Хобхауз смеялся над моим горем при известии о гибели Лонга и упражнялся в каламбурах на его фамилию. А три года спустя ему пришлось пожалеть об этом; утонул его близкий друг, Чарльз Мэтьюс, и Хобхауз был столь же потрясен этим несчастьем. Но я не отплатил ему каламбурами и эпитаграммами; для этого я сам слишком ценил Мэтьюса, а если бы это было и не так, все же уважал его горе.

Отец Лонга написал мне, прося сочинить эпитафию на могилу сына. Я обещал — но выполнить не смог. Это был один из тех светлых людей, которые редко живут долго; а его таланты заставляют еще больше сожалеть о нем. Он был веселым спутником, но иногда его посещали странные и печальные мысли. Однажды, когда я провожал его, кажется, к его дяде, жившему не то на Верхней, не то на Нижней Гровнор или Брук Стрит — помню только, что на какой-то улице, которая начиналась у площади, — он рассказал мне, что накануне вечером «взял пистолет, не зная, заряжен ли он, и выстрелил себе в голову, предоставив случаю решить, была ли там пуля». Письмо, которое он написал мне при поступлении в гвардию, было грустным, как только могло быть в подобном случае. Но обычно он не

обнаруживал этого и был приветлив и ласков — а вместе с тем необыкновенно умел видеть смешное. Оба мы очень любили Харроу и иногда вместе ездили туда из Лондона, чтобы освежить наши школьные воспоминания

Полночь

Прочел в итальянском переводе Гвидо Сореля немца Грильпарцера ⁹ — чертовски трудное имя для потомков, но *придется* им научиться произносить его. При всех скидках на *перевод*, да еще *итальянский* (итальянцы — худшие из переводчиков, если не считать переводов из древних — например Аннибала Каро ¹⁰, — да и то потому, что там им помогает их язык, незаконный отпрыск латыни, которому они подражают, чтобы *казаться законнорожденными*), — итак, при всех скидках, трагедия «Сафо» великолепна! Этого нельзя отрицать. Написавший эту пьесу сделал большое дело. Но *кто же он?* Я его не знаю, но *потомство будет знать*. Это — высокий ум.

Должен, впрочем, оговориться, что *совсем* не читал Адольфа Мюльнера ¹¹ (автора «Вины») и гораздо меньше, чем хотел бы, читал Гёте, Шиллера и Виланда. Я знаю их только в английских, французских и итальянских переводах. *Самого* языка я совсем не знаю — за исключением ругательств, слышанных от кучеров почтовых карет и офицеров! *Ругаться* по-немецки я могу отлично, когда захочу — *Sacrament — Verfluchter — Hundsfott* ^{1*} — и так далее, но больше ничем не владею из их энергичной разговорной речи.

Впрочем, мне нравятся их женщины (однажды я был *без памяти* влюблен в одну немку, Констанцию) и та их литература, какую я прочел в переводах, а также пейзажи и люди, виденные на Рейне, — все, кроме австрийцев; этих я ненавижу — не нахожу слов для выражения своей ненависти, и не хотел бы выразить ее и делом — ибо ненавижу жестокость еще больше, чем австрийцев, — если не считать порывов, когда я бываю свиреп — но не обдуманно.

Грильпарцер велик на древний лад — *менее прост*, чем древние, но очень прост для современного автора — по временам смахивает на мадам де Сталь — но в общем большой и хороший писатель.

13 января 1821, суббота

Набросал план и список действующих лиц для задуманной трагедии о Сарданапале ¹. Имена я взял у Диодора Сицилийского (историю Сар-

^{1*} Проклятие — окаянный — подлец (нем.).

данапала я знаю с двенадцати лет) и перечел отрывок из девятого тома «Греции» Митфорда, где он склонен обелять имя последнего из ассирийцев.

Пообедал — узнал новости — *Державы* намерены воевать с народами. Известие как будто достоверное — что ж, пусть — все равно их когда-нибудь разобьют. Времена королей быстро близятся к концу. Кровь будет литься как вода, а слезы — как туман; но народы в конце концов победят. Я не доживу до этих времен, но их предвижу.

Отнес Терезе итальянский перевод «Сафо» Грильпарцера, и она обещала прочесть. Она поссорилась со мной, когда я стал утверждать, что любовь не составляет *самой возвышенной* темы для подлинной трагедии; пользуясь преимуществами родного языка и природного женского красноречия, она разбила мои немногочисленные доводы. Вероятно она права. Придется подбавить в «Сарданапала» больше любви, чем я намеревался. Разумеется, *если* у меня будет для этого досуг. Боюсь, что это *если* нас не помирит.

14 января 1821

Перелистал трагедии Сенеки. Написал первые строки задуманной трагедии «Сарданапал». Проехал несколько миль верхом по лесу. Туман и дождь. Вернулся — пообедал — еще немного поработал над своей трагедией.

Читал Диодора Сицилийского¹ — перелистывал Сенеку и еще кое-какие книги. Работал над трагедией. Выпил стакан грога. После долгой скачки под дождем и такой порции сочинительства нужно было чем-то поднять мой дух, а опиум я теперь люблю меньше, чем прежде. Поэтому я смешал стакан спирта и воды и сейчас его опорожню. Впрочем, все вина и крепкие напитки действуют на меня странно. Они успокаивают, но делают меня мрачным — мрачным в самый момент их действия, и едва ли веселят потом.

15 января 1821

Погода прекрасная. Принял посетителя. Ездил верхом в лес — стрелял из пистолетов. Вернулся домой — пообедал — заглянул в митфордову «Грецию» — написал часть сцены «Сарданапала». Пошел в гости — слушал музыку — а также разговоры о политике. Еще несколько министров различных итальянских государств отправились на Конгресс. Война кажется неминуемой — и если будет, то будет жестокой. Беседовал с одним из посвященных на различные важные темы. В половине одиннадцатого вернулся домой.

Вспомнил нечто странное. В 1814 г. мы с Муром (поэтом *par excellence* ^{1*}, как он заслуженно считается) ехали в одном экипаже на обед к лорду Грею, *sans politico* ^{2*} уцелевших вигов. Тароватый Меррей (сей достославный издатель) прислал мне яванскую газету — не знаю, зачем и для чего. Мы развернули ее из любопытства и прочли в этой самой яванской газете дискуссию о моих и Мура поэтических достоинствах. Если бы я был там, я избавил бы их от необходимости дискутировать на эту тему. Но какова *слава* в двадцать шесть лет! В этом же возрасте Александр завоевал Индию, но не думаю, чтобы о нем дискутировали на Яве или сравнивали его завоевания с победами Индийского Вахха ¹.

Быть названным вместе с Муром было славой; еще большей славой было сравнение с ним; а всего *приятнее* было *быть* с ним; и не странное ли совпадение, что мы с ним обедали вместе, пока за линией экватора люди из-за нас препирались?

В тот же вечер я встретил художника Лоуренса ² и слушал игру на арфе одной из дочерей лорда Грея (красивой, высокой девушки с одухотворенным лицом и аристократическими породистыми чертами отца, которые так меня восхищают). Она играла так скромно и непринужденно, что казалась *самой* музыкой. И я не променял бы моей беседы с Лоуренсом (превосходным собеседником) и игры этой девушки на всю нашу с Муром славу.

Единственная ценность славы состоит в том, что она открывает доступ к наслаждениям; и чем эти наслаждения возвышеннее, тем лучше для них и для нас также. Все же приятно было услышать отзвуки нашей славы до обеда, а девичью игру на арфе — после.

16 января 1821

Читал — ездил верхом — стрелял из пистолетов — вернулся — пообедал — писал — был с визитом — слушал музыку — болтал чепуху — и вернулся домой.

Написал часть трагедии — первый акт продвигается «со всей неспешной скоростью». Купил одеяло. Погода все еще сырая, как бывает в Лондоне в мае — туман — изморозь, в воздухе висят шотландизмы, прекрасные в описании Оссиана, но несколько надоедливые в прозаической действительности. В политике все еще царит неизвестность.

17 января 1821

Ездил по лесу — стрелял — обедал. Получил связку книг из Англии и Ломбардии — английских, итальянских, французских и латинских. До восьми читал — пошел в гости.

^{1*} По преимуществу (*фр.*).

^{2*} Политическому вождю (*итал.*).

18 января 1821

Сегодня не ездил верхом, так как почта пришла с опозданием. Читал письма — получил всего две газеты вместо двенадцати, которые ожидал. Поручил Леге написать Галиньяни об этой небрежности и добавил постскрипту. Пообедал.

В восемь собирался выйти из дому. Явился Лега с письмом насчет одного *неоплаченного* счета из Венеции, который я считал давным-давно оплаченным. Я пришел в такое бешенство, что едва не потерял сознания. С тех пор чувствую себя больным. Поделом мне за мою глупость — но *как* было не рассердиться на этих мошенников? Впрочем, счет всего на двадцать пять фунтов.

19 января 1821

Ездил верхом. Зимний ветер отнюдь не добрей людской неблагодарности, хотя Шекспир и держится иного мнения ¹. Но я гораздо больше привычен к неблагодарности, чем к северному ветру, и последний казался мне злее. За последние сутки я испытал и то и другое, поэтому мог о них судить.

Обдумывал план воспитания моей дочери Аллегры, которой скоро пора учиться. Написал письмо — добавил постскрипту. Настроение неважное — хандра — печень дает себя знать — приму дозу солей.

Читал биографию м-ра Р. Л. Эджуорта ², отца известной мисс Эджуорт, написанную им самим и дочерью. Имя их стало знаменитым. Помню, что в 1813 г. встречал их в лондонском высшем свете (в котором я составлял тогда частицу, сегмент круга, миллионную долю, нуль от какой-то суммы), на тогдашних приемах и на завтраке у сэра Хэмфри и леди Дэви, куда в тот раз был приглашен и я. Я был львом 1812 г.; мисс Эджуорт и м-м де Сталь, а к концу сезона «Казак» — достопримечательностями следующего года.

Эджуорт был красивый старик, с винно-красным лицом, но бодрый и живой — казалось, что ему не будет износу. Ему было семьдесят, но на вид нельзя было дать и пятидесяти или даже сорока восьми. Незадолго до того я видел беднягу Фицпатрика — остряка, жуира, известного своим красноречием и т. п. Он трясся от старости, но все еще говорил как джентльмен, хоть и слабым голосом. Эджуорт прыгал, как мяч, и говорил громко и много; но не казался слабым и дряхлым, даже едва ли мог быть назван стариком.

Для начала он сообщил, что «отделал доктора Парра, принявшего его за ирландского бродягу» и т. п. Зная доктора Парра и зная, что его не так-то легко «отделать» (не по опыту, ибо я не отважился бы с ним

сразиться, а наслышавшись, как он *обходится* с другими и как о них *отзывается*, я понял, что мистер Эджуорт в своих речах отклоняется от истины. Он не мог бы справиться с Парром. В остальном он казался неглупым, живым, энергичным, полным огня. Такой может прожить сто лет.

В Лондоне он не слишком понравился, и я помню премилую шутку, ходившую среди тогдашних остряков. В то время был пущен подписной лист с ходатайством о возвращении в театр миссис Сиддонс ³ (которая только что оставила сцену: потеря невозвратимая, ибо равных ей не было и быть не может). По этому поводу Томас Мур, нечестивой и поэтической памяти, предложил пустить такой же лист ⁴ в пользу «возвращения мистера Эджуорта в Ирландию».

Дело в том, что всем больше нравилась *его дочь*. Это была милая, скромная маленькая особа наподобие Джини Динс ⁵, как говорят у нас в Шотландии, — если не красивая, то весьма недурная собой. Речь ее была столь же скромна, как она сама. Вы не подумали бы, что она умеет подписать *свое имя*. Зато когда говорил ее отец, никто не подумал бы, что он только это и умеет; он вел себя так, словно ничто другое не достойно начертания.

Миссис Эджуорт я не помню — кажется только, что она была самой молодой из трех. В общем они были отличной в своем роде компанией и были на виду два месяца, пока не явилась мадам де Сталь.

Что касается их сочинений, то они мне нравятся, хотя не возбуждают чувств и не вызывают любви — разве к какому-нибудь ирландскому управителю или кучеру. Но в них виден ум и благоразумие, и они могут быть полезны.

21 января 1821

Ездил верхом — стрелял из пистолетов. Читал «Переписку» Гримма ¹. Обедал — был в гостях — слушал музыку — вернулся — написал лорду камергеру просьбу запретить театрам представлять «Дожа», которого, судя по итальянским газетам, собираются ставить. Нечего сказать! Не спросив моего разрешения и даже наперекор моему желанию!

21 января 1821

Погожий, ясный, морозный день — конечно, морозный на итальянский манер; зима у них не заходит дальше снега, поэтому никто не умеет кататься на коньках — это специальность англичан и голландцев. Ездил верхом, как обычно, и стрелял из пистолетов. Стрелял удачно — с четырех выстрелов на расстоянии четырнадцати шагов, из обычных пистолетов и с плохим порохом, сбил четыре довольно маленьких бутылки. Почти

так же хорошо — учитывая различие в пистолетах и порохе — как в 1809, 1810, 1811, 1812, 1813, 1814, когда мне удавалось с двенадцати шагов одной пулей раскалывать трости, облатки, полукроны, шиллинги, даже попадать в наконечник трости — и все с помощью глазомера и расчета, потому что рука у меня нетвердая и на нее влияет даже погода. Описанные деяния могут быть подтверждены Джо Мэнтоном и прочими — первый обучал меня, а последние при этом присутствовали.

Обедал — был с визитом — вернулся домой — читал. Отметил один анекдот в «Переписке» Гримма, где сказано, «que Régnard et la plupart des poètes comiques étaient gens bilieux et mélancoliques; et que M. de Voltaire, qui est très gai, n'a jamais fait que des tragédies — et que la comédie gaie est le seul genre où il n'ait point réussi. C'est que celui qui rit et celui qui fait rire sont deux hommes fort différents»^{1*}. Том VI.

Сейчас я желчен, как лучший из комедиографов (как сам Реньяр², уступавший только Мольеру, написавший некоторые из лучших комедий, когда-либо сочиненных на каком-либо языке, и, как говорят, покончивший самоубийством) и не расположен писать задуманную мной трагедию «Сарданапал», которую я уже несколько дней как забросил.

Завтра день моего рождения — вернее в двенадцать ночи, т. е. через двенадцать минут, мне исполнится тридцать три года !!! — и я ложусь с тяжелым сердцем оттого, что прожил так долго и так бесполезно.

Три минуты первого — «Вот уж замер на башне полуночный бой»³, и мне стукнуло тридцать три года!

Eheu, fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni^{2*};

Но мне не так жаль того, что я сделал, как того, что мог бы сделать:

Дорогой жизни, грязной и невзрачной,
До тридцати трех лет добрей я мрачно;
Что ж те года оставили — смотри!
Да ничего: лишь цифру 33⁴.

^{1*} Реньяр и большинство комических писателей были людьми желчными и меланхолическими, а г-н де Вольтер, человек весьма веселый, сочиняет одни трагедии, и единственное, что ему не удается — это веселая комедия. Ибо одно дело — смеяться, и совсем другое — смешить других (*фр.*).

^{2*} Увы, мой Постум, Постум, уносятся
Года проворным бегом (*лат.*).

Г о р а ц и и. Оды, 11, 14, 1—2.

1821

Здесь покоится
погребенный в Вечности
Прошедшего,
из которого нет
Воскресения
— для Дней, если даже оно возможно
для нашего праха —
Тридцать Третий Год
дурно прожитой жизни,
который после
тяжкой и продолжительной болезни
впал в беспамятство
и скончался
22 января 1821 года нашей эры,
оставив преемника,
безутешно горюющего
о потере, которой
он обязан
своим появлением
на Свет.

23 января 1821

Отличный день. Читал — ездил верхом — стрелял из пистолетов — и вернулся домой. Пообедал — читал — в восемь ушел из дому сделать обычный визит. Только и разговоров, что о войне — «Опять кричат: Идут!»¹ Как видно, у карбонариев нет никакого плана — ничего решенного — как, когда и что делать. В таком случае у них ничего не выйдет из их намерений, которые так часто откладывались и ни разу не осуществлялись.

Вернулся домой и сделал некоторые необходимые распоряжения на случай, если придется уехать. Когда я точно узнаю намерения варваров, я поступлю, как найду нужным. Сейчас они сооружают понтонный мост через По, что выглядит весьма воинственно. В ближайшие дни все, вероятно, выяснится. Я подумываю перебраться к Анконе, поближе к северной границе; — это в том случае, если Терезе и ее отцу придется уехать, что весьма вероятно, так как вся ее семья принадлежит к либералам. Если нет — останусь здесь. Переезд будет зависеть от желаний моей дамы, — самому мне это безразлично:

Не знаю, что делать с моей маленькой дочерью, а также с вещами; их у меня набралось немало, в том числе ценных — ни ее, ни их нельзя

брать с собой на театр военных действий, куда я собираюсь отправиться. Но здесь есть пожилая дама, которая возьмет ее, а Т[ереза] говорит, что маркиза Ч. возьмет на сохранение мою подвижность. Полгорода готовится к походу. Вот так карнавал! Мерзавцы могли бы подождать до поста.

24 января 1821

Вернулся — на Корсо встретил несколько масок — *vive la bagatelle!* ^{1*} — Немцы стоят на По, варвары у ворот, их хозяева совещаются в Лайбахе (или как там произносится это сочетание рыгающих звуков), а здесь пляшут, поют и веселятся, «ибо завтра могут умереть» ¹. Кто может сказать, что Арлекины неправы? А я — как леди Боссьер ² и мой старый друг Бертон ³ — я «продолжаю свой путь».

Пообедал — (экое мерзкое попалося перо!) — говядина была жесткая — говядина в Италии никуда не годится, если не считать съедобным старого вола в шкуре, провяленного на солнце.

Главные участники событий, ожидаемых в ближайшие дни, отправились на *охоту*. Пусть бы еще это делалось как в горной Шотландии, где охота служит предлогом для сбора советников и вождей. Но тут ведь настоящая сопливая — пиф-паф! — пальба дробью по водяным курочкам и трата пороха для развлечения — да стоят ли эти люди того, «чтобы из-за них рисковать своей головой?» ⁴, как говорит Маршал Уэллс в «Черном Карлике».

Если они соберутся — «что весьма сомнительно» — они не наберут и тысячи человек. А все из-за того, что простой народ не заинтересован — только высшие и средние слои. А хорошо было бы привлечь *на нашу сторону* крестьян — это храбрая, свирепая порода двуногих леопардов. Но болонцы не пойдут — а романьольцы без них не смогут. А если попытаются — что тогда? Попытаются-то попытаются, и большего человек не может; но если бы он *пытался из всех сил*, это было бы немало. Вспомним голландцев в борьбе против испанцев — тогдашних тиранов Европы, впоследствии — рабов, а с недавних пор — вольноотпущенников.

Год 1820 не был счастливым для меня лично, каким бы он ни был для народов. Я проиграл тяжбу, хотя она дважды решалась в мою пользу. После целого года надежд и хлопот, план получения денег по ирландской закладной ⁵ был окончательно отвергнут поверенным моей жены; Рочдэйльская тяжба длилась пятнадцать лет и шла успешно, пока я не женился, после чего все пошло вкривь и вкось — по крайней мере у меня.

^{1*} Да здравствует пустяк! (*фр.*).

В том же 1820 г. графиня Тереза Г[виччиоли] nata 1* Г[излери]Г[амба] — хотя я всеми силами пытался отговорить ее — разошлась со своим мужем, П Cavalierе Commendatore 2* Г[виччиоли], и все из-за «П. П.—писца нашего прихода» 6. Не говорю уж о мелких огорчениях этого года — опрокинутый экипаж — человек, убитый у самых моих дверей и скончавшийся в моей постели — судороги во время плаванья — колики — несварение желудка и приступы печени и т. д., и т. п.

Из малых крох соберется гора —
Ура, Калев Квотем, ура!⁷

25 января 1821

Получил письмо от лорда С[идни] О[сборна]¹, государственного секретаря Семи Островов² — отличный человек — умница — пять лет назад потерпел неудачу в Англии и уехал за границу — окопаться перед новым наступлением. Он написал мне из Анконы на обратном пути на Корфу о некоторых наших делах. Он сын покойного герцога Л[идса] от второго брака. Зовет меня на Корфу. Почему бы нет? Будущей весной я, пожалуй, мог бы поехать.

Ответил на письмо Меррея — читал — отдыхал. Нацарапал лишнюю страницу в этом судовом журнале жизни. Еще один ее день миновал для меня — но «что лучше, жизнь или смерть, ведомо одним лишь богам», как сказал Сократ своим судьям по окончании суда³. Две тысячи лет, прошедшие после того, как мудрец признался в своем неведении, не внесли ясности в этот важный вопрос, ибо, согласно христианскому учению, никто не может быть *уверен* в спасении, — даже самый праведный — стоит ему чуть поскользнуться в вере, и он упадет навзничь, как конькобежец, хотя бы уже мчался по гладкой дорожке в рай. Но что бы ни обещала религия, человек не больше уверен в загробном блаженстве или муках, чем при Юпитере.

Сказано, что бессмертие души — это un grand Peut-être^{3*}, но во всяком случае grand. Все цепляются за него — самый глупый, тупой и гнусный из двуногих, и тот убежден в своем бессмертии.

26 января 1821

Отличная погода — несколько перистых облаков сулят перемену, но небо почти чисто. Ездил верхом — стрелял из пистолетов — и притом

1* Урожденная (итал.).

2* Командором ордена (итал.).

3* Великое Быть может (фр.).

удачно. На пути домой встретил старика. Он попросил милостыню — и я приобрел на шиллинг спасения души. Если оно покупается, то я за свою жизнь выплатил ближним — иногда, правда, за *греховные* радости, не *щедрее*, если не *чаще*, из самых добродетельных побуждений — больше, чем сейчас имею. Я никогда не давал любовнице столько, сколько мне случалось давать честному бедняку; впрочем, неважно. Негодяи, которые меня преследовали (с помощью **, увенчавшей их усилия), восторжествуют, а справедливость будет восстановлена лишь тогда, когда моя рука будет так же холодна, как сердца моих обидчиков.

На обратном пути, на мосту возле мельницы повстречал старуху. Спросил ее возраст — она ответила Tre stosi ^{1*}. Я спросил своего грума (хотя и сам недурно говорю по-итальянски), что означают ее три креста. Он сказал — девяносто лет, да еще пять впридачу!!! Во избежание ошибки я повторил вопрос трижды — девяносто пять лет!!! — а она еще довольно бодрa — *расслышала* мой вопрос, раз ответила — *увидела* меня, раз пошла мне навстречу; и не казалась дряхлой, хотя, конечно, в годах. Я велел ей прийти завтра, и сам ее расспрошу. Я люблю редкостные случаи. Если ей *действительно* девяносто пять лет, она должна помнить кардинала Альберони ¹, который был здесь легатом.

Сойдя с лошади, увидел лейтенанта Э., только что приехавшего из Фазнды. Пригласил его пообедать со мной завтра. *Не* пригласил на сегодня, потому что к обеду был маленький *палтус* (по пятницам я всегда набожно соблюдаю пост), которого я хотел съесть сам. Так я и сделал.

Навестил Т[ерезу] и как обычно слушал музыку. Джентльмены, которые делают революцию, а сейчас отправились на охоту, еще не вернулись. Они не вернуться до воскресенья — значит, отсутствуют уже пять дней, забавляясь пустяками, когда на карту поставлены интересы целой страны и собственная их судьба.

Трудно выполнять свою роль, если вокруг убийцы и дурни, но когда накипь будет снята или выкипит сама собой, может получиться толк. Лишь бы освободить эту страну, — чего не сделаешь ради этого? Ради отмщенья ее вековой обиды? Будем надеяться. Она надеется вот уже тысячу лет. Ведь должны же кости когда-нибудь выпасть удачно.

Если бы у неаполитанцев был хоть один Массаниелло ², они одолели бы кровавых палачей со скипетрами и саблями. Голландия, в более трудных условиях, победила Испанию и Филиппа; Америка победила англичан; Греция — Ксеркса ³, а Франция побеждала Европу, пока не возвела на престол тирана; Южная Америка выбивает своих старых стервятников из их гнезд; так и эти, если сами будут тверды, тоже могут не опасаться ничего извне.

^{1*} Три креста (*итал.*).

28 января 1821

Не получил «Газету Лугано». Из Венеции получил письма. Видимо, австрийские негодяи захватили мои три или четыре фунта английского пороха. Мерзавцы! За этот порох я надеюсь расплатиться с ними *пулями*. Ездил верхом до сумерек.

Обдумывал сюжеты четырех будущих трагедий, которые хотел бы написать (если позволит жизнь и обстоятельства), а именно: «Сарданапал», уже начатый; «Каин»¹ — метафизический сюжет, немного в духе «Манфреда», но в пяти актах, может быть с хором; «Франческа да Римини»² в пяти актах; и возможно попытаюсь написать о Тиберии. Мне кажется, что я смог бы извлечь трагическое, во всяком случае *мое* трагическое, из угрюмого затворничества и старости этого деспота — и даже из его жизни на Капри — если смягчить *детали* и показать отчаяние, которое привело к таким порочным наслаждениям. Только мощный и мрачный дух, когда он повержен, мог прибегнуть к подобным одиноким ужасам — когда он, к тому же *стар* и в то же время властелин мира.

Memoranda

Что такое поэзия? — Ощущение Прошедшего и Будущего миров.

Еще одна мысль

Отчего на вершине всех человеческих стремлений и успехов — светских, общественных, любовных, честолюбивых и даже стяжательских — примешиваются некоторое сомнение и печаль — страх перед грядущим — сомнение в *настоящем* — воспоминания о прошлом, заставляющие предугадать будущее? (Лучший из предсказателей Будущего — это Прошедшее). Отчего все это? Не ведаю. Быть может потому, что на вершине мы более всего подвержены головокружению и что с большой высоты падать страшнее — чем выше, тем ужаснее и величественнее. Мне кажется поэтому, что страх отчасти относится к приятным ощущениям; *Надежда*, во всяком случае, к ним относится; а *разве бывает Надежда* без примеси страха где-то в глубине? А что может быть сладостнее Надежды? И если бы не Надежда, где было бы будущее? — в аду. *Где* находится настоящее, говорить бесполезно, большинство из нас и без того это знает. Что касается прошедшего, — что остается от него в памяти? Обманутые надежды; во всех делах людских мы видим Надежду, — Надежду, — Надежду. Любого обладания нам хватает на шестнадцать минут, хоть я их и не считал. Откуда бы мы ни начинали, мы знаем, где все должно окончиться. Но что из того, что мы знаем? Люди не становятся от этого ни лучше, ни мудрее. Во время ужасов чумы (например, в Афинах и Флоренции, смотри Фукидида

и Маккьявелли ³) люди были еще более жестоки и развратны, чем всегда. Тайна сия велика. Я чувствую почти все, но ничего не знаю, кроме

— — — — — — — — —
 — — — — — — — — —
 — — — — — — — — — 1*

Набросок речи Люцифера для трагедии «Каин».

Когда бы смерть была лишь злом — безумец!
 Жить разве я позволил бы тебе?
 Живи, как я живу, как жил отец твой,
 Как будут жить и правнуки твои ⁴.

После полуночи. Час ночи

Весь вечер читал Фридриха Шлегеля ⁵ (брата другого Шлегеля) и ничего не могу понять. Он так и сыплет словами, а ухватиться не за что. Он, как Хэзлитт ⁶ в Англии, *выражается прыщами* — красновато-белыми пузырьками (вроде гор на географической карте), которые ничего не содержат, кроме собственных соков.

Он (Шлегель) особенно не нравится мне за то, что, кажется, вот-вот изречет нечто разумное, но внезапно гаснет, как заходящее солнце, или расплывается, как радуга, оставляя пыльное смешение красок; впрочем, приведенные сравнения чересчур для него лестны.

Продолжаю читать мистера Фридриха Шлегеля. Он не так глуп, как мне показалось, когда пишет о Севере. Но о *мировых делах* он судит с авторитетностью, которую философ счел бы ниже своего достоинства, а человек со здравым смыслом, чувством и сознанием собственного невежества постыдился бы обнаруживать. Он явно стремится произвести впечатление, как и его брат ⁷ — или как Джордж в «Векфильдском священнике»; обнаружив, что «почти все, что можно сказать хорошего в защиту правды, уже сказано другими», Джордж «изготовил несколько парадоксов» — изящных, но заведомо ложных, как он сам говорит — на которые, однако, «ученый мир ничего не ответил, просто-напросто ничего» ⁸. Но братьям Шлегель «ученый мир» *нашел*, что сказать.

Пора подумать о чем-нибудь другом. Самое лучшее у них это — о древностях Севера.

1* Эти нетерпеливые росчерки пером сделаны самим Байроном в оригинале. [Прим. Т. Мура].

29 января 1821

Вчера приходила та старуха девяноста пяти лет. Она сказала, что ее старшему сыну (если бы он был жив) было бы семьдесят. Она худощава, мала ростом, но подвижна — слышит, видит и говорит без умолку. Сохранила несколько зубов — только в нижней челюсти — и отдельные передние зубы. Очень сильно сморщена и поросла редкой седой бородой, длинной, как мои усы. Лицо ее напоминает карандашный портрет матери поэта Попа, помещаемый в некоторых изданиях его произведений.

Я забыл спросить ее, помнит ли она Альберони (здесьнего легата) — спрошу в следующий раз. Дал ей луидор — заказал новую одежду и назначил еженедельное пособие. До сих пор она собирала в лесу хворост и сосновые шишки — подходящая работа в девяноста пять лет! У нее дюжина детей, некоторые из них живы. Зовут ее Мария Монтанари.

Встретил в лесу отряд общества Americani (род Либерального клуба); все были вооружены и во весь голос пели на романьольском наречии «Sem tutti soldat' per la liberta» («Все мы — солдаты свободы»). Они приветствовали меня — я отдал салют и проехал дальше. Вот каково настроение в Италии.

Сегодняшние мои записи состоят из того, что я упустил во вчерашних. День сегодня прошел как обычно. Имею несколько лучшее мнение о сочинениях братьев Шлегель, чем двадцать четыре часа назад; и изменю его еще больше, если возможно.

Говорят, что пьемонтцы наконец-то поднялись¹; ça ira^{1*}.

Читал Шлегеля. О Данте он пишет, «что величайший и наиболее национальный из всех итальянских поэтов никогда не был любимцем своих соотечественников»². Неверно! Данте имел больше издателей, комментаторов (а потом и подражателей), чем все их другие поэты, взятые вместе. Не был любимцем? Да они только и говорят, только и пишут, только и думают, что о Данте, а сейчас (в 1821 г.) так настойчиво, что это было бы смешно, если бы он того не заслуживал.

В том же духе этот немец говорит и о гондолах на реке Арно³. Ну куда ему рассуждать об Италии!

Он пишет также, что главный упрек, который можно сделать Данте — это недостаток нежных чувств. Нежных чувств! — а Франческа да Римини — а отцовские чувства Уголино — а Беатриче — а «La Pia»^{2*}. Когда Данте бывает нежен, его нежность ни с чем не сравнима. Правда, в повести о христианском Гадесе, или Аде мало места для нежности — но кто, кроме Данте, смог бы вообще найти хоть какую-нибудь «нежность» в *Аду*?

¹* Дело пойдет (*фр.*), припев популярной песни времен французской революции.

²* Праведная (*итал.*).

Разве она есть у Мильтона? Нет. — А Небеса Данте полны любви, славы и величия.

Час ночи

Однако я обнаружил, в чем немец прав: относительно «Векфильдского священника». «Из всех миниатюрных романов (а это, пожалуй, лучшая форма для романа) «Векфильдский священник» кажется мне самым очаровательным». Ему *кажется!* — Он мог бы быть уверен. Но для Шлегеля это сказано неплохо. Меня клонит ко сну; надо, пожалуй, ложиться. Завтра будет хорошая погода.

Все ж верь, и думай, что заря настанет ⁴.

30 января 1821

Сегодня вечером граф П[етро] Г[амба] (по поручению к[арбонариев]) сообщил мне новый *пароль* на ближайшие полгода . . . и . . . Новое заветное слово . . . ответ — . . . , пропуск . . . .

Прежний (ныне замененный) пароль был . . . — есть также . . . и . . . Дело, как видно, близится к развязке — ça ira! ^{1*}

Мы обсудили некоторые важные вопросы движения. Их я опускаю; если что-нибудь выйдет, они будут говорить сами за себя. Потом мы говорили о Костюшко ¹. Граф Р[уджиеро] Г[амба] рассказал, что во время итальянской кампании он встречал польских офицеров, которые плакали при упоминании его имени.

В Пьемонте что-то несомненно происходит — все письма и бумаги задерживаются. Никто ничего не знает, а немцы стягивают силы к Мантуе. Что решено в Лайбахе — неизвестно. Такое положение не может длиться долго. Как сильно здесь брожение умов, трудно себе представить, если не видишь сам.

31 января 1821

Несколько дней ничего не писал; только ответил на некоторые письма. Когда с минуты на минуту ожидаешь взрыва, трудно сосредоточиться за письменным столом на поэзии высшего рода. Вообще я это *умел*; недаром прошлое лето я писал свою драму в разгар бракоразводного дела госпожи la Contessa ^{2*} Г[виччиоли] со всеми сопровождавшими его обстоятельствами. В это же время я узнал из Англии, что проиграл важную тяжбу. Но то были дела частные и личные; сейчас совсем иное.

^{1*} Дело пойдет (фр.).

^{2*} Графиня (итал.).

Возможно, именно это мешает мне писать, но подозреваю, что это может быть и лень. Недаром Ларошфуко, говоря о страстях, утверждает, что «лень часто их себе подчиняет»¹. Если это верно, почему же говорится, что «леность — мать всех пороков»; эти пороки порождаются только страстями; ergo^{1*}, то, что подчиняет себе страсти, уже тем самым должно быть добром. Кто знает?

Полночь

Читал «Переписку» Гримма. Говоря о поэтах или о гениях в любой области, даже в музыке (например, о Гретри²), он часто повторяет, что им нужна une âme qui se tourmente, un esprit violent^{2*}. Не знаю, насколько это верно, но если так, то я поэт per excellenza^{3*}; потому что всегда имел une âme, терзавшую не только себя, но всех, кто был мне близок, и esprit violent, который лишил меня всякого esprit вообще. Но стоит ли определять, каким должен быть поэт — стоят ли они того? Что они свершили?

При всем том Гримм — отличный критик и историк литературы. Его «Переписка» представляет собой анналы литературной истории Франции за то время и содержит также множество политических сведений, а еще больше — сведений об ее «образе жизни». Он так же ценен и гораздо более занимателен, чем Муратори³ или Тирабоски⁴ — я готов был сказать, чем Гингене — но на этом остановлюсь. Впрочем, последний в своей области велик.

У господина де Сен-Ламбера⁵ мы находим:

Et lorsqu'à ses regards la lumière est ravie,
Il n'a plus, en mourant, à perdre que la vie^{4*}.

Это взято слово в слово из Томсона⁶:

Со смертью он теряет лишь дыханье,

но лотарингский поэт не делает на него ни малейшей ссылки. Г-н Сен-Ламбер умер и (насколько мне известно) забыт как поэт. Однако в его «Временах года» есть хорошие места и некоторые, может быть, даже принадлежат ему самому.

^{1*} Следовательно (*лат.*).

^{2*} Душа, терзающая сама себя, буйный ум (*фр.*).

^{3*} По преимуществу (*итал.*).

^{4*} Когда свет для него гаснет, ему нечего терять, кроме жизни (*фр.*).

2 февраля 1821

Не могу понять, отчего я всегда просыпаюсь под утро в один и тот же час и всегда в прескверном состоянии духа — я бы сказал, в отчаянии — даже от того, что правилось мне накануне. Через час-два это проходит, и я, если не засыпаю, то хотя бы успокаиваюсь. Пять лет назад, в Англии, я страдал той же ипохондрией, причем она сопровождалась такой жаждой, что мне случалось выпивать до пятнадцати бутылок содовой воды за ночь, в постели, так и не утолив этой жажды — хотя часть воды, конечно, вытекала в виде пены, когда я откупоривал бутылки или от нетерпения отбивал горлышки. Сейчас я не ощущаю жажды, но угнетенное состояние столь же сильно.

В «Мемуарах» Эджуорта я прочел о подобных же симптомах у сэра Ф. Б. Делаваля (который утолял жажду *слабым пивом*) — но он был по крайней мере на двадцать лет старше. Что бы это могло быть? — Печень? В Англии Ле Ман (аптекарь) излечил эту жажду за три дня, а я страдал ею три года. Полагаю, что все это — ипохондрия.

Что у меня развивается всего сильнее, это лень и равнодушие, даже более того — отвращение ко всему. Я выхожу из этого состояния, только когда прихожу в ярость. Думаю, что кончу, как Свифт, «начиная с головы» (если не кончу раньше от несчастного случая или чего-нибудь подобного). Признаюсь, что не жду этого с таким ужасом, как ожидал он, уже за несколько лет. Но в моем возрасте (тридцать три) Свифт едва начал жить, тогда как я чувствую себя *стариком*.

На улице играет шарманка — да еще вальс! Надо послушать. Этот вальс я слышал десять тысяч раз на лондонских балах между 1812 и 1815 годом. Странная вещь — музыка.

5 февраля 1821

Наконец-то «пылают горы»¹! Немцы получили приказ выступить, и Италия в десятикратный раз становится полем битвы. Эта весть пришла вчера вечером.

Во второй половине дня граф П[ьетро] Г[амба] приходил советоваться о различных делах. Мы вместе ездили верхом. Они послали к К[арбонариям] за указаниями. Завтра придет решение, и что-нибудь будет предпринято. Вернулся — пообедал — почитал — уходил из дому — обсуждал положение. Купил оружие для вновь набранных *Americani*, которым не терпится выступить. Заказал необходимую *сбрую* для лошадей и дорожные сумки.

Прочел кое-что из рассуждений Баулса² о Попе, со всеми возражениями. Вижу, что мое имя тоже вовлечено в спор, но не имею времени высказаться. Когда наступит «мирный век»³, я, может быть, вернусь к этому.

9 февраля 1821

До обеда немного писал; когда собрался ехать верхом, зашел граф П[ьетро] Г[амба], чтобы сообщить мне результаты собрания К[арбонариев] в Ф[аэнце] и Б[олонье]¹. ** вернулся вчера поздно. Все планы были составлены в расчете на то, что варвары перейдут По 15-го этого месяца. А они, получив какие-то сведения, или еще почему-то, поторопились и перешли уже два дня назад; так что теперь в Романье остается только быть наготове и ждать выступления неаполитанцев. Все было готово, и неаполитанцы известили о своих планах, которые были рассчитаны на *десятое* и *одиннадцатое*, когда должно было произойти общее восстание, опять -таки при условии, что варвары выступают не раньше 15-го.

Однако у них всего пятьдесят-шестьдесят тысяч человек; с такими силами легче завоевать мир, чем покорить Италию в ее нынешнем состоянии. Артиллерия идет *последней* и отдельно и ее думают отрезать от остальных сил. Все будет в большой мере зависеть от первых шагов неаполитанцев. *Здесь* общественный подъем очень велик, если бы только он мог продолжиться. Это покажут события.

Возможно, что Италия сбросит иго варваров, если неаполитанцы проявят стойкость и единство. *Здесь* эти качества, по-видимому, есть.

10 февраля 1821

День прошел как обычно — ничего нового. Варвары еще продвигаются — но они плохо экипированы, и, конечно, их плохо встречают. Поговаривают о беспорядках в Париже¹.

От четырех до шести ездил верхом — дописал письмо Меррею о памфлетах Баулса — добавил постскрипtum. Вечер провел как всегда — до одиннадцати в гостях — потом дома.

11 февраля 1821

Писал — заказал выписки из писем Петрарки о заговоре дожа Марино Фальеро, где поэт высказывает о нем свое мнение. Со стороны Комакьо слышна пушечная пальба — варвары отмечают не то день рождения своей главной свиньи, который кажется приходится на завтра, не то какого-то святого — я забыл, кого именно. Получил билет на первый бал, на завтра. На первый не пойду, но намерен посетить второй, а также пойти на Veglione^{1*}.

^{1*} Бал-маскарад (*итал.*).

13 февраля 1821

Читал понемногу «Голландию» Луи Б[онапарта] ¹, а писать ничего не писал, с тех пор как послал письмо относительно дискуссии о Попе. В политике в настоящее время царит полный туман. Варвары продолжают наступать. Что будут делать сейчас итальянцы — догадаться нелегко.

Был вчера избран Socio ^{1*} Общества Карнавальных балов. Это мой пятый карнавал. Во время первых четырех я порядком порезвился. Сейчас, во время пятого, я веду себя чинно, как олицетворение Приличия.

14 февраля 1821

Провел день как обычно. Написал, прежде чем отправиться на вечернюю прогулку, часть сцены «Сарданапала». Первый акт почти готов. Остаток дня и вечер прошли как обычно — частью на *conversazione* ^{2*}, частью — дома.

Узнал подробности стычки в Руси, городке неподалеку отсюда.

Полное повторение истории Ромéo и Джульетты — а не Ромео, как пишут варвары. Две семьи *contadini* (крестьян) находятся во вражде. На празднике молодое поколение, позабыв о вражде, танцует вместе. Приходит старик, родственник одной из семей, и укоряет юношей, танцующих с дочерьми врагов. Родственникам девушек это не нравится. И те и другие бегут домой за оружием. При луне они сходятся на большой дороге и решают дело боем. Трое убито на месте, шестеро ранено, по большей части тяжело — недурно для двух семей, мне кажется — все это произошло на прошлой неделе. Еще одно убийство совершено в Чезенне — в общем их в Романье было за последние три месяца около *сорока*. У этого народа сохранилось немало от средневековых нравов.

15 февраля 1821

Вчера вечером закончил первый акт «Сарданапала». Сегодня или завтра надо бы ответить на письма.

16 февраля 1821

Вчера вечером Il Conte ^{3*} П[ьетро] Г[амба] прислал ко мне человека с мешком штыков, несколько мушкетов и несколько сотен патронов, не предупредив меня, хотя виделся со мной за полчаса до этого. Примерно

^{1*} Членом (*итал.*).

^{2*} В гостях (*итал.*).

^{3*} Граф (*итал.*).

десять дней назад, когда здесь предполагалось поднять восстание, либералы и мои братья К[арбонарии] попросили меня приобрести оружие для нескольких наших оборванцев. Я немедленно это сделал, заказал боеприпасы и пр., и они вооружились. Сейчас восстание не может состояться из-за того, что варвары выступили на неделю раньше, чем предполагалось, а правительство издало приказ, согласно которому «все лица, хранящие у себя оружие и т. д., и т. п., подлежат и т. д., и т. п.» — И что же делают мои друзья-патриоты через два дня? Возвращают мне без всякого предупреждения то самое оружие, которое я купил по их просьбе, на свой счет и на свой риск.

Хорошо еще, что Лега оказался дома, чтобы принять этот груз. Если бы это был другой слуга (кроме Титы, Ф[летчера] и Леги), он немедленно выдал бы нас. А если теперь это оружие обнаружат и донесут, я попаду в беду.

В девять ушел из дому — в одиннадцать вернулся. Побил ворону за то, что она отнимала еду у сокола. Читал «Рассказы трактирщика» — написал письмо — и смешал стакан воды с другими ингредиентами.

18 февраля 1821

Слышал, что неаполитанцы разрушили мост и убили при этом четырех папских карабинеров, которые пытались им помешать. Не говоря уже о нарушении нейтралитета, жаль, что первая кровь, пролитая в этой немецкой драке, оказалась кровью итальянцев. Но теперь война, кажется, началась всерьез; ведь если неаполитанцы убивают папских карабинеров, они вряд ли проявят больше нежности к варварам. А если так, то мы скоро «наглядимся всяких чудес», как говорит миссис Алисон Уилсон о прическе Дженни Блейн ¹ в «Рассказах трактирщика».

Перелистывая сегодня «Переписку» Гримма, нашел в песне Мопертюи ², обращенной к лапландке, мысль, близкую Тому Муру:

Et tous les lieux
Où sont ses yeux,
Font la zone brûlante ^{1*}.

У Мура:

«Этот взор — мое солнце, где б ни странствовал я».

Однако я убежден, что Мур этих стихов не читал; они были опубликованы в «Переписке» Гримма в 1813 году, а я уже в 1812 знал строки

^{1*} Где ее глаза, там всюду жаркий климат (фр.).

Мура наизусть. Есть и другое совпадение, но по контрасту:

Le soleil luit,
Des jours sans nuit
Bientôt il nous destine;
Mais ces longs jours
Seront trop courts,
Passés près de Christine ^{1*}.

Это как бы *перевернутое отражение* последней строфы баллады о Шарлотте Лайнс, приведенной в «Воспоминаниях о Дарвине» мисс Сьюард ³; строфа удачная; цитирую ее по памяти, через пятнадцать лет:

В нашу брачную ночь
Я б умчал ее прочь,
В край, где ночь по полгода царит.
Но и там я б роптал:
День так скоро настал,
Он с Шарлоттой меня разлучит.

Сегодня от моих приятелей — Карбонариев — не было никаких вестей; а между тем нижний этаж моего дома завален их штыками, ружьями, патронами и прочим. Видимо, они считают меня за некий склад, которым можно пожертвовать в случае нужды. Это бы еще ничего; если бы удалось освободить Италию, неважно, кем или чем жертвовать. Это великая цель — подлинная *поэзия* политики. Подумать только — свободная Италия!!! Ее не было со времен Августа. Времена Цезаря (Юлия) я считаю свободными; каждый мог присоединиться к любому из враждующих станов, и вначале силы были примерно равны. Но потом все перешло в руки преторианцев и легионеров — а с тех пор! — но теперь мы увидим, или хотя бы некоторые из нас увидят, чья возьмет. Лучше всего — надеяться, даже когда дело безнадежно. Голландцы, во время семидесятилетней войны ⁴, совершили больше, чем предстоит этим молодцам.

19 февраля 1821

Вернулся домой *solus* ^{2*} — сильный ветер — молния — лунный свет — редкие прохожие, закутанные в плащи, — женщины в масках — белые дома — облака, бегущие по небу, как выплеснутое из ведра молоко, — в общем весьма поэтично. Ветер все не утихает — черепицы летят, дом кача-

^{1*} Солнце светит и сулит нам вечный день; но и этот долгий день покажется слишком кратким, если проводить его с Крестивой (*фр.*).

^{2*} Один (*лат.*).

ется — дождь хлещет — молния блещет — похоже на вечер в швейцарских Альпах, а вдали ревет море.

Был в гостях — на *conversazione*. Все женщины напуганы бурей: *не хотят* идти в маскарад из-за молнии — весьма благочестиво!

Буря все бушует. А [Абборигетти] сообщил сегодня некоторые новости. Война подходит все ближе и ближе. О негодях монархи! Только бы увидеть их поражение — только бы у неаполитанцев оказалось мужество старых голландцев, или нынешних испанцев, или немецких протестантов, или шотландских пресвитериан, швейцарцев при Телле или греков при Фемистокле ¹ — а ведь они *все* (кроме испанцев и немецких лютеран) были маленькими нациями и сражались в одиночку; значит для Италии еще возможно воскресение, а для мира — надежда.

20 февраля 1821

Говорят, что неаполитанцы полны решимости. *Здесь* общественный подъем несомненно очень велик. *Americani* (здесьняя патриотическая организация, один из отрядов *карбонариев*) на днях дают обед в *лесу* и пригласили меня как К[арбонария]. Это тот самый лес, что воспет Боккаччо и Драйденом в «Призрачном Охотнике» ¹, и если бы я даже не разделял их политические убеждения (не говоря уже о застольном веселье, к которому меня иной раз влечет, как прежде), я отправился бы туда в качестве поэта или, по крайней мере, любителя поэзии. Я ожидаю увидеть призрак «Настаджио дельи Онести» (Драйден переименовал его в Гвидо Кавальканти, а это совершенно другое лицо, как можно узнать у Данте), который «среди пира прискакал за своей добычей». Но будет он там или нет, я намерен отдать должное и напиткам и патриотическому восторгу.

Вот уже несколько дней читаю, но не пишу.

21 февраля 1821

Как обычно ездил верхом — был с визитом и т. п. Дела оживляются. Папа издал прокламацию против патриотов, которые, по его словам, замышляют восстание. Следствием этого будет то, что через две недели поднимется вся страна. Прокламация еще не обнародована, но отпечатана и готова для распространения. ** [Абборигетти] прислал мне экземпляр ¹ — это явный признак его растерянности. Когда он хочет быть в хороших отношениях с патриотами, он делает мне какую-нибудь любезность.

Что до меня, то мне кажется, что только самый решающий успех варваров может предотвратить общее и немедленное восстание всего народа.

23 февраля 1821

Почти полное повторение вчерашнего — ездил верхом и т. д. — был с визитом — ничего не писал — читал римскую историю.

Получил любопытное письмо от какого-то человека, сообщающее, что варвары ко мне не расположены. По всей вероятности, это — шпион или обманщик. Но дело действительно обстоит так. Они недаром относятся ко мне враждебно — трудно найти кого-либо, кто ненавидел бы их больше, чем я, и выступил бы против них с большей решимостью, когда представится случай.

24 февраля 1821

Ездил верхом и пр. как обычно. К[арбонарии] получили сегодня утром с границы тайные известия самого печального свойства. План не удался — главари, военные и гражданские, — преданы, а неаполитанцы не только не выступили, но заявили П[апскому] правительству и варварам, что им ничего не известно!!!

Так вертится мир; и так итальянцы из-за отсутствия единства вечно терпят поражение. Что можно сделать *здесь*, между двух огней, будучи отрезанными от сев. границы, еще не решено. Ранее я думал, что лучше восстать, чем быть схваченными поодиночке; но как это решится теперь, не могу сказать. К делегатам других городов посланы гонцы, чтобы узнать их решение.

Мне всегда казалось, что дело провалится, но я хотел и до сих пор хочу надеяться. Все, что я могу сделать деньгами или иными средствами или личным участием, все это я готов сделать ради их освобождения; я так и сказал им (некоторым из здешних предводителей) полчаса назад. У меня имеется при себе две тысячи пятьсот скуди, т. е. более пятисот фунтов, которые я и предложил для начала.

25 февраля 1821

Вернулся домой — с головной болью — множество новостей, но записывать их скучно. Весь день не читал, не писал и не думал; жил чисто животной жизнью. Прежде чем лечь, хочу попытаться написать страницу-другую. Но, как говорит сквайр Саллен: «Чертовски болит голова: Скрэб, подай выпить!»¹ Вот и я выпил имольского вина и пунша!

Продолжение судебного журнала

27 февраля 1821

Целый день не писал в своем судебном журнале из-за того, что не мог найти чистой тетради. Наконец вспомнил про эту.

Ездил верхом и пр. — написал добавочную строфу к V песне ¹ Д[он] Ж[уана], которую сочинил сегодня утром в постели. Навестил L'Amica ^{1*}. Мы приглашены на Veglione ^{2*} (в следующее Dominica ^{3*}) к маркизе Клелии Кавалли и графине Спинелли Распони. Я обещал быть. Вчера на балу, где я выполнял обязанности Socio ^{4*}, произошла ссора. Вице-легат имел неосторожность и наглость привести туда *трех* своих слуг в масках, да еще *без билетов!* несмотря на возражения. Молодые люди, бывшие на балу, едва не выбросили вице-легата из окна. Слуги его, видя эту сцену, регировались, и он последовал за ними. Монсиньору надо бы знать, что сейчас не время позволять духовенству нарушать приличия. Еще две минуты, еще два шага, и весь город поднялся бы с оружием в руках и прогнал бы правительство.

Таков дух времени, а эти субъекты, по-видимому, не замечают его. Вообще молодые люди были правы, потому что слуги на эти празднества никогда не допускаются.

Вчера написал два примечания по поводу полемики с Баулсом о Попе и послал их по почте Меррею. Старуха, которой я пособил деньгами (ей девяносто четыре года), принесла мне два пучка фиалок. *Nam vita gaudet mortua floribus* ^{5*}. Подарок доставил мне большое удовольствие. Англичанка в феврале вероятно подарила бы пару шерстяных носков. Тоже хорошо; но первый подарок изящнее. В это время года он напоминает строфу, опущенную Греем в его элегии:

Невидимые руки часто там
 Фиалок ранних ворох рассыпают;
 Малиновки гнездятся по кустам
 И маленькие ножки пробегают ².

Эта строфа не уступает другим в его элегии. Удивляюсь, как ему не жалко было ее выбросить.

Прошлой ночью страшно мучился — должно быть несварение. Я *никогда* не ужинаю — когда бываю дома. Но вчера я поддался уговорам

^{1*} Подругу (*итал.*).

^{2*} Бал-маскарад (*итал.*).

^{3*} Воскресенье (*итал.*).

^{4*} Зд. распорядителя (*итал.*).

^{5*} Ибо жизнь утешает мертвых цветами (*лат.*).

графини Гамба и убедительному примеру ее брата и поглотил за ужином множество вареных устриц, запивая их, уже *без* уговоров, имольским вином. Придя домой и опасаясь последствий, выпил три или четыре бокала спиртного, которое зовется у людей (т. е. виноторговцев) брэнди, ромом или голландским джином, а у богов просто винным спиртом, подкрашенным или подсахаренным. Все было хорошо, пока я не лег, но тут я почувствовал тяжесть и сильное головокружение. Встал и выпил содовой воды. Она принесла временное облегчение. Я снова лег; но мне снова стало скверно. Выпил еще содовой. Наконец уснул тяжелым сном. Проснулся и весь день чувствовал себя больным, пока не проехал несколько миль галопом. Спрашивается — что вызвало переполох — устрицы или то, что я принял против них? Думаю, что и то и другое. Когда мне было плохо, я отметил полное оцепенение, деградацию и разрушение моих умственных способностей. Я пытался пробудить их и не смог — и это называется *Думшой!!!* Я готов был бы думать, что душа состоит в браке с телом, если бы между ними не было такого согласия. Если бы одна испытывала подъем, когда другое находится в прострации, это означало бы, что они стремятся к естественному состоянию развода. Но они, видимо, тянут одну лямку, как почтовые лошади.

Будем жить надеждой на лучшее, — это самое ценное достояние.

П И С Ь М А

93

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Равенна, 16 февраля 1821

Дорогой Меррей,

В марте из Барселоны приедет синьор Куриони ¹, получивший ангажемент в Оперу. Это мой знакомый, весьма порядочный молодой человек, достигший высоких ступеней в своей профессии. Прошу вас оказать ему ласку и покровительство. Познакомьте его, пожалуйста, с театральными деятелями, газетными издателями и иными лицами, какие могут при его профессии быть ему полезны в общественной или частной жизни.

Вместе с ним едет синьора Арпаличе Таручелли, венецианская дама, известная своей красотой и моя близкая приятельница; я уверен, что ваша врожденная галантность побудит вас оказать ей должное внимание. Скажите [Д] Израэли, что если он — любитель литературных анекдотов, она много может ему порассказать о ваших зарубежных знакомых. Полагаю, что он говорит по-итальянски. Уважьте мою просьбу и окажите эту услугу им и мне. Я напишу некоторым другим лицам и попрошу помочь вам в этом.

Согласен на вашу просьбу подождать с уточнением условий для трех песен Д[он] Ж[уана], пока не станет ясно, как они будут приняты. Если я отказываюсь внести изменения, вы взамен имеете право на эту мою любезность. Я освободил вас от вашего прошлогоднего обязательства относительно этих песен (считая III и IV за одну) и не требую возобновления уговора. Вам поэтому нет нужды бояться этих тем, ибо я не подавал вам никакого повода для опасений.

Пятая песнь Д[он] Ж[уана] вовсе не последняя, а, напротив, еще только самое начало. Я хочу послать его вокруг Европы и приправить рассказ надлежащей смесью осад, битв и приключений; а кончит он, подобно Анахарсису Клоотсу ², участником французской революции. Сколько для этого понадобится песен, я не знаю; и не знаю, закончу ли я их (даже если буду жив); но таков мой замысел; я хотел, чтобы в Италии он был *Cavaliere servente* ^{1*}, в Англии — причиной развода, а в Германии —

^{1*} Поклонником, кавалером (*итал.*).

сентиментальным «юношей с вертеровской миной»³; все это для того, чтобы высмеять светские нелепости каждой из этих стран, а его показать все более *gâté* и *blasé*^{1*} с возрастом, как оно и должно быть. Я не решил только, кончить ли ему в аду или в несчастливом супружестве, не зная, что из них хуже. Согласно испанской легенде, это должен быть ад; но возможно, что это лишь аллегорическое изображение второго. Теперь вам известен мой замысел.

Вы говорите, что «Дожд»⁴ не будет популярен; а когда же это я писал ради *популярности*? Назовите мое произведение (кроме разве одной-двух повестей), которое было бы написано популярно. Мне думается, что нам нужен новый тип драмы, которая не была бы рабским подражанием старой, полной грубых ошибок, но не была бы вместе с тем и *чересчур французской*, как та, что сменила нашу старую драматургию.

Мне кажется, что хороший язык и более строгое соблюдение правил могут создать нечто такое, что будет достойно занять место в нашей литературе. Кроме того, я попытался сочинить драму без любовного сюжета. Нет в ней также и колец, ошибок, неожиданностей, нестерпимо ходульных злодеев и мелодрамы. Все это помешает ее популярности, но не убедит меня, что она *из-за этого* плоха. Если она плоха, то вследствие недостатков выполнения, а не замысла; он прост и строг.

Итак, вы сочиняете эпиграммы на мою эпиграмму? Глядите, как бы я когда-нибудь не *рассчитался* с вами. Я никогда никому не прощаю (*если кто начинает первый*); вспомните Сэма и смотрите, чтобы и с вами не случилось того же. О выродец среди издательского племени! Как! Осмеивать собственных авторов! Да вы просто бумажный каннибал.

В письме о Баулсе⁵ (которое я послал по почте во вторник) после слов «были сделаны попытки» (имеется в виду переиздание «Английских Бардов») добавьте: «в Ирландии»; ибо Когорн⁶, как видно, ничего не предпринимал, пока я вторично не уехал из Англии. Прошу об этом позаботиться. Сообщите мне, что вы и ваша ватага думаете насчет письма о Баулсе.

Вторая *печать* показалась мне недурна; и уж, конечно, много лучше головы сарацина, которой вы запечатали *последнее* ваше письмо; крупная, та, что *в профиль*, несомненно, гораздо лучше.

Итак, Фосколо⁷ говорит, что в Италии печати режут лучше; он, вероятно, хотел сказать: *глотки* — только это и получается у них ловко. Искусства — исключая Канову, Моргена⁸ и Овидия (я *разумею* не *позилу*⁹) — пали там весьма низко; взгляните на печать, которую я подарил У. Бэнксу¹⁰, и вы с этим согласитесь. А как случилось, что Джордж Бэнкс¹¹ процитировал «Английских Бардов» в Палате Общин? Весь свет, точно сговоровшись, тычет мне в лицо эту поэму.

^{1*} Избалованным, пресыщенным (*фр.*).

Бельцони ¹² действительно великий путешественник и очень мило коверкает английский язык.

Что касается новостей, то варвары идут на Неаполь ¹³; стоит им проиграть одну битву, и вся Италия восстанет. Если они хоть чего-нибудь стоят, здесь будет то же, что в Испании ¹⁴.

Вскрывают письма? А вы думали как? Вот почему я всегда пишу в них *свое мнение* о немецко-австрийских мерзавцах; ни один итальянец не питает к ним большей ненависти, чем я; и все, что я мог бы сделать, чтобы очистить от их гнусной тирании Италию и всю землю, все это было бы сделано *con amore* ^{1*}.

Неизменно преданный вам
Б.

Не забудьте, что «По стопам Горация» ¹⁵ надо печатать вместе с *латынью*, иначе получается бессмыслица.

94

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

Равенна, 26 апреля 1821

Девочка по-прежнему здорова, и я часто получаю о ней хорошие известия. Мне приятно, что вы и миссис Шелли не осуждаете принятых мною мер, которые, впрочем, являются временными.

Я очень огорчен тем, что вы сообщили мне о Китсе — *неужели* это правда? ¹ Я не думал, что критика способна убить. Я совершенно расхожусь с вами в оценке его творений, но так ненавижу ненужные страдания, что лучше усадил бы его на высочайшую вершину Парнаса, чем дал ему погибнуть так печально. Бедняга! Впрочем, с его болезненным самолюбием он едва ли мог быть счастлив. Я прочел в «Куотерли ревью» рецензию на «Эндимиона» ². Сурово — но все же менее, чем бывало во многих случаях, и в этом журнале и в других.

Помню, как подействовала на меня рецензия на первые мои стихи в том же «Обзрении»; меня охватила ярость, желание сопротивляться и смыть обиду, но не уныние или отчаяние. Я согласен, что все это — не слишком добрые чувства, но в этом мире злобы и злоречия, а особенно на литературном поприще, человек, прежде чем выходить на арену, должен рассчитать свою силу сопротивления.

Не думай жизнь прожить и не страдать,
И общего удела избежать ³.

^{1*} С любовью (*итал.*).

Вам известно мое мнение об этой второсортной поэтической школе. Вы знаете также мое высокое мнение о вашей собственной поэзии — потому что она *вне* всяких школ. Я прочел «Ченчи» ⁴, но — не говоря уж о том, что считаю *сюжет* совершенно *непригодным* для драмы — я не склонен считать наших старых драматургов наилучшими *образцами*. Я утверждаю, что доныне у англичан еще не было драмы. Впрочем, в «Ченчи» есть и поэзия, и сила. Что до моей драмы, то прошу вас в отместку разделаться с ней так же бесцеремонно, как я — с вашей.

Я еще не получил вашего «Прометея» ⁵, которого жажду увидеть. Ничего не слышал о своем ⁶ и не знаю, вышел ли он в свет. Я напечатал памфлет в связи со спорами о Попе ⁷; он вам не понравится. Если бы я знал, что Китс умер — или жив, но столь болезненно чувствителен — я опустил бы некоторые замечания по поводу его поэзии ⁸, к которым меня побудили его *нападки* на Попа и мое невысокое мнение о *собственной его манере*.

Вы хотите, чтобы я взялся за большую поэму — для этого у меня нет ни желаний, ни сил. С возрастом во мне усиливается равнодушие — не к жизни, ибо ее мы любим инстинктивно — но к ее соблазнам. К тому же недавние неудачи итальянцев разочаровали меня по многим причинам — и общественным и личным.

Свидетельствую свое почтение миссис Ш[елли].

Всегда ваш
Б.

Р. С. — Нельзя ли нам с вами увидеться этим летом? Отчего бы вам не проехаться сюда *одному*?

95

ТОМАСУ МУРУ

Равенна, 28 апреля 1821

Я не менее вас разочарован и больше вас обманут в своих надеждах. Кроме того, мне лично грозила опасность, которая еще не миновала. Но ни время, ни обстоятельства не изменят моих убеждений или моего чувства негодования против торжествующей тирании. В нынешнем деле было столько же предательства, сколько трусости ¹ — хотя и то и другое сыграло свою роль. Если мы когда-нибудь встретимся, то поговорим на эту тему. Сейчас, по причинам вполне очевидным, я не могу много писать, ибо все письма вскрываются. В *моих* всегда можно найти *мои* убеждения, но ничего такого, что могло бы повредить другим.

Прошу вас помнить, что неаполитанцы нигде не вызывают сейчас большей ненависти, чем в Италии, и не винить целый народ за гнусность,

ДЖЕЙМС ГЕНРИ ЛИ ХАНТ
Портрет работы Б. Р. Хэйдона

ТОМАС МУР

Портрет работы Томаса Лоуренса

совершенную одной провинцией. Это все равно, что обвинять Великобританию, когда в Корнуолле грабят суда, потерпевшие крушение.

А теперь перейдем к литературе — это, конечно, совсем не то, но все-таки утешение. Если уж «надо проститься с ремеслом Отелло»², займемся второсортным делом; если мы не можем способствовать свободе и просвещению человечества, будем забавляться и забавлять желающих. Что вы сейчас сочиняете? Я урывками кое-что пописывал, и скоро Меррей выпустит это в свет.

Леди Ноэль действительно была опасно больна; но утешьтесь, сейчас она вновь опасно здорова.

Я написал для вас еще несколько страниц Воспоминаний и месяца два вел дневник, пока не исписал тетрадь. Затем я его бросил; слишком много появилось дел, а потом дела эти стали слишком мрачны, чтобы писать о них без душевной боли. Все это я охотно послал бы вам, если бы представился случай, но трудно переслать тетрадь, как бы ни была она мала, по той почте, какая существует в этой стране инквизиторов.

Мне нечего сообщать. Как сказала на днях одна очень хорошенькая женщина, со слезами на глазах садясь за клавиорды: «Увы! Итальянцам остается снова сочинять оперы». Боюсь, что им удастся только *это*, да еще макароны, и что «костюм шута — единственный достойный их наряд»³. Но остались еще и среди них люди, сильные духом. Прошу вас, пишите.

И примите уверения
и т. д.

96

ТОМАСУ МУРУ

Равенна, 3 мая 1821

Хотя я и писал вам 28-го прошлого месяца, я должен подтвердить получение вашего сегодняшнего письма *с вложением*. Эти строки прекрасны¹ и написаны в вашей лучшей манере. К тому же они правдивы. Не надо однако смешивать мерзавцев у *каблука сапога* с теми, кто на голенище². Это — люди иного сорта. Уверяю вас, что здесь есть высокие души.

Но ничто не может быть лучше ваших стихов или более заслужено этими лаццарони. Нигде их сейчас так не клянут и не презирают, как здесь. Мы еще поговорим обо всем этом (если встретимся), и я расскажу вам собственные мои приключения, в том числе и несколько рискованные.

Итак, вы получили письмо о Баулсе? Я не помню, чтобы оно содержало что-либо обидное для вас — во всяком случае памеренно обидное. Что касается ** [Роджерса?], то я хотел сделать ему комплимент. Все это я написал за один присест, без черновика и помарок, ежедневно готовясь

вступить в бой. Что же такое я написал там о вас? Совершенно забыл. Должно быть, сожалел ³, что вы поддерживаете Баулса. А разве вы не одобряли его — по крайней мере он так говорит? Зачем я не знал раньше? Я бы ему еще добавил жару. Я намеревался высмеять их всех; насколько это мне удалось, не знаю.

Что касается Попа, то я всегда считал его величайшим из наших поэтов. Все прочие — варвары, поверьте мне. Это — греческий храм, а вокруг него, с одной стороны — готический собор, с другой — турецкая мечеть и всевозможные фантастические пагоды и часовни. Можете, если угодно, называть Шекспира и Мильтона пирамидами, но я предпочитаю храм Тезея или Парфенон груде обожженного кирпича.

Меррей писал мне всего раз, в день выхода книги в свет, когда все представлялось благоприятным. Но я теперь редко получаю вести из Англии. О других моих сочинениях, изданных Мерреем, мне ничего не известно, — да и *были* ли они? Ему следовало сообщить мне об этом месяц назад. Хорошо бы, если бы вы могли что-то сделать — или быть со мной.

Неизменно любящий вас
Б.

МОЙ СЛОВАРЬ, май 1821—
РАЗРОЗНЕННЫЕ МЫСЛИ,
15 октября 1821—18 мая 1822

★

Равенна, 1 мая 1821

В числе различных записей, дневников и пр., какие я вел за свою жизнь, есть один, который я начал около трех месяцев назад и продолжал, пока не заполнил одну тетрадь (довольно тонкую) и около двух листов из другой. Затем я бросил его, отчасти потому, что предполагал заняться здесь делом, начистил оружие и приготовился пособить патриотам, которые держали у меня полные ящики своих прокламаций, присяг и резолюций, а в комнатах нижнего этажа прятали оружие всевозможных калибров; отчасти же потому, что кончилась тетрадь. Но неаполитанцы предали самих себя и весь мир, и теперь тем, кто хотел пролить кровь за Италию, остается лишь проливать слезы.

Когда-нибудь, если я буду жив, я сумею, быть может, пролить какой-то свет на гнусное предательство, вновь погрузившее Италию в варварство, ибо был достаточно причастен к их секретам (во всяком случае в здешних местах). Сейчас у меня нет для этого ни времени, ни настроения. Скажу только, что *настоящие* итальянцы тут *неповинны*, а только мерзавцы, пресмыкающиеся у *каблука сапога*, надетого сейчас *гунном*; он же и растопчет их насмерть за их раболепство.

Здесь я рисковал наравне с другими, а насколько я себя скомпрометировал, сейчас еще не ясно; есть такие, что вроде Крэйгенгельта¹, «чтобы спасти себя, откроют все и даже больше», но чем бы все ни кончилось, дело было славное, хотя сейчас оно представляется так, словно греки бежали от Ксеркса.

Блаженны те немногие, кто может упрекнуть себя только в одном — что повергли, будто мерзавцы были менее *мерзки*, чем оказалось. *Здесь*, в Романье, дело по необходимости ограничилось приготовлениями и добрыми намерениями, пока немцы не начали военных действий на *равных* основаниях, ибо на границе с ними у нас нет ни одной крепости или холма ближе Сан-Марино. Будет ли «ад вымощен» этими «добрыми намерениями»² — не знаю; но чем бы его ни замостили, я знаю, что по этой мостовой пойдет достаточно неаполитанцев. Плиты лавы из их вулкана,

скрепленные, вместо цемента, их собственными погибшими душами — вот чем лучше всего вымостить сатанинское *Корсо*.

Однако что же я буду писать? Новый дневник? Пожалуй, нет. Буду записывать все, что придет в голову, — и назову это «Моим Словарем».

МОЙ СЛОВАРЬ

Цезарь Август ¹. — Я часто задумывался над этим человеком. Был ли он велик? Несомненно. Но не из *моих* великих людей. Величайшим человеком в истории я всегда считал Суллу, за то, что он сложил с себя власть в такой момент, когда она была

не только бременем, но и величием,

и этим выразил свое презрение ко всему. Что касается власти Августа, то здесь все уже было решено. Если бы он от нее отказался, республика погибла бы; воскресить ее было уже невозможно. Если бы Брут и Кассий выиграли битву при Филиппах ², это не вернуло бы их к дням республики — она погибла вместе с Гракхами, а дальше была одна лишь борьба партий. Легче излечить чахотку или починить разбитое яйцо, чем возродить государство, которое так долго было добычей каждого удачливого солдата, как Рим.

Что касается деспотии, то если бы Август был уверен, что все его преемники будут похожи на него (*не* на Октавиана, а именно на Августа), а Наполеон мог заверить мир, что его преемники *не* будут похожи на него, то древний и современный мир могли бы жить как китайская империя — в сонном оцепенении.

Предположим, например, что непосредственным преемником Августа оказались бы, вместо Тиберия и Калигулы, Нерва, Траян, Антонины или даже Тит со своим отцом ³ — как изменилась бы наша оценка Августа? Он не только не выигрывает от *контраста*, но наоборот: половина нашей неприязни к нему вызвана тем, что ему наследовал Тиберий; а половина славы Юлия Цезаря создана тем, что империя его была укреплена Августом.

Предположим, что *Октавиана не было бы*, а Тиберий, «перескочив» через одно царствование, непосредственно наследовал бы Юлию? И все же трудно сказать, какие монархи хуже — наследственные или выборные. Римские консулы показывали себя неплохо, но ведь они властвовали всего год и чувствовали себя как бы обязанными отличиться. Еще труднее сказать, какая форма правления *хуже* — до того все плохи. А демократия хуже всех, ибо что такое демократия (*на деле*) — как не аристократия негодяев?

Эбердин — Старый и Новый Город

В этом городе я провел в раннем детстве несколько лет, но после десяти лет не бывал там ни разу. В пятилетнем возрасте, или моложе, меня отдали в школу некоего мистера *Бауэрса*, прозванного за щегольство Франтом Бауэрсом. Мальчики и девочки обучались там вместе. Я мало чему научился в этой школе, разве что повторять наизусть первый урок из односложных слов:

God made Man; let us love Him ^{1*},

который я выучил со слуха, не зная ни одной буквы. Всякий раз, когда дома хотели продемонстрировать мои успехи, я быстро и без запинки повторял эти слова; но продолжал повторять их, уже перевернув страницу; таким образом, ограниченный характер моих познаний был обнаружен, меня выдрали за уши (незаслуженно, потому что я выучил азбуку именно со *слуха*) и поручили заботам другого преподавателя. Это был порядочный и умный маленький пастор по фамилии Росс, впоследствии священник в одной из пресвитерианских церквей (кажется, восточной). С *ним* я сделал удивительные успехи и по сей день не забыл его мягкого обращения и добродушных стараний.

Едва выучившись читать, я пристрастился к *истории*;— не знаю почему, мне особенно понравилась в римской истории битва на Регильском озере ⁴, пощавшая мне первой.

Четыре года назад, стоя на вершине Тускуланума и глядя вниз на маленькое круглое озеро посреди огромной равнины, которое некогда было Регильским, я вспомнил свой детский восторг и своего старого наставника.

После него моим наставником был очень серьезный, даже мрачный, а в сущности добрый юноша, по фамилии Патерсон; он был сыном моего сапожника, но весьма преуспел в науке, как часто бывает у шотландцев. Он был, к тому же, строгим пресвитерианцем. С ним я начал изучать латынь по грамматике Раддима ⁵, пока не поступил в «Грамматическую школу» (Scotice ^{2*}—«schule», Aberdonice ^{3*}—«Squeel»), где дошел до *четвертого* класса, после чего из-за смерти моего дяди был вызван в Англию (где я появился на свет).

Свой почерк, который я сам едва разбираю, я приобрел под руководством мистера Дункана в том же городе. Ему не приходилось особенно гордиться моими успехами. И все же тогда я писал много лучше, чем когда-либо потом. Поспешность или волнения, то одного, то другого

^{1*} Бог сотворил человека; возлюбим его (англ.).

^{2*} По-шотландски (лат.).

^{3*} По-эбердински (лат.).

рода, вконец испортили мой почерк, который был не хуже, чем у большинства мне подобных.

В Грамматической школе обучалось около ста пятидесяти учеников всех возрастов, кроме совершеннолетних. Она была разделена на пять классов, где преподавали четыре учителя; старший сам вел четвертый и пятый классы, как в Англии, где пятый, шестой и выпускной классы находятся в ведении директора.

РАЗРОЗНЕННЫЕ МЫСЛИ

15 октября 1827

Недавно я принялся размышлять над различными сравнениями, лестными и нелестными, которыми меня награждали в английских и иностранных журналах. Началось с того, что я случайно перелистал один иностранный журнал; я теперь взял себе за правило никогда не *искать* таких отзывов, но и не пропускать их, если они попадаютя случайно.

Итак, за последние девять лет меня или мою поэзию сравнивали — на английском, французском, немецком (тут мне требовался переводчик), итальянском и португальском языках — с Руссо — Гете — Юнгом — Аретино — Тимоном Афинским — «алебастровым сосудом, светящимся изнутри» — Сатаной — Шекспиром — Бонапартом — Тиберием — Эсхилом — Софоклом — Эврипидом — Арлекином — Клоуном — Стернгольдом и Гопкинсом¹ — «Комнатой Ужасов» — Генрихом VIII — Шенье — Мирабо — Р. Далласом-младшим (школьником) — Микельанджело — Рафаэлем — петиметром^{1*} — Диогеном — Чайльд Гарольдом — Ларой — графом из «Бешпо» — Мильтоном — Попом — Драйденом — Бернсом — Сэведжем — Чаттертоном — шекспировским Бироном («Я много слышала о вас, Бирон»²) — поэтом Черчиллем — актером Кином — Альфьери и т. д., и т. д., и т. д. Сходство с Альфьери весьма серьезно утверждалось одним итальянцем, знавшим его в молодые годы; разумеется, речь шла только о некоторых чертах наших характеров. Это говорилось не *мне* (мы тогда не были коротко знакомы), а в обществе.

Предмет стольких противоречивых сравнений должен, вероятно, быть не похож ни на одно из упомянутых лиц; но *что же* он, в таком случае, за человек — это я сказать не берусь, да и никто не возьмется.

Моя мать, когда мне не было еще двадцати лет, уверяла, что я похож на Руссо; то же говорила мадам де Сталь в 1813 году, и нечто подобное можно найти в «Эдинбургском Обозрении» в рецензии на IV песнь «Чайльд Гарольда». Я не вижу никакого сходства: он писал прозой, я — стиха-

^{1*} Щеголем (*фр.*).

ми; он был из народа, я — аристократ; он был философом, я — нет; он опубликовал свое первое произведение сорока лет от роду, а я — восемнадцати; его первое сочинение вызвало всеобщее одобрение, мое — наоборот; он женился на своей домоправительнице, а я не смог управиться с женой; он считал весь мир в заговоре против *него*, а мой маленький мир считает, судя по брани, какой меня осыпают в печати и в различных кружках, что я замыслил заговор против всех; он любил ботанику, а я люблю цветы, травы и деревья, но ничего не смыслю в их родословных; он сочинял музыку, а я знаю в ней лишь то, что улавливаю на *слух*, и ничего никогда не усваивал путем *изучения*, даже иностранный язык, а все только на слух, на память, наизусть; у него была плохая память, у меня — во всяком случае *была* отличная (спросите поэта Ходжсона, который сам обладает редкостной памятью и может судить); он писал медленно и тщательно, я — быстро и почти без усилий; он не умел ни ездить верхом, ни плавать; не был он и «искусен в фехтовании»³; я — превосходный пловец и сносный, хотя и не лихой, наездник (после того как в восемнадцать лет сломал ребро во время галопа), я и фехтовал недурно, особенно шотландским палашом; неплохо также боксировал, если сохранял самообладание, что было для меня трудно, но что я всегда стараюсь делать с тех пор, как в 1806 году, в заведении Анджело⁴ и Джексона, работая в перчатках, сбил с ног мистера Пэрлинга и повредил ему коленную чашечку; был я также довольно силен в крикете; играл в команде Харроу⁵ против Итона в 1805 г. К тому же весь образ жизни Руссо, его национальность, манеры и весь характер настолько отличны от моих, что я не могу понять, что подало повод к сравнению, которое делалось трижды при довольно примечательных обстоятельствах. Я забыл добавить, что *он* был близорук, а я, наоборот, настолько дальновзорок, что в самом большом театре Болоньи мог разглядеть бюсты и прочесть надписи около сцены из такой дальней и *плохо освещенной* ложи, что никто из моей компании (а это были все люди молодые и зоркие, и некоторые сидели в той же ложе) не мог разобрать ни одной буквы и все репили, что я их дурачу, хотя я был в этом театре впервые.

В общем я считаю, что сравнение ни на чем не основано. Я говорю это без всякой досады, ибо Руссо был великий человек, и сравнение было бы достаточно лестным; но мне не хочется льстить себе пустыми химерами.

1

Когда я встретил старого оратора Куртнэ¹ у поэта Роджерса в 1811—1812 гг., мне очень понравились величавые руины некогда статной фигуры и беседа, еще полная остроты. Это *он* в английском парламенте

заставил умолкнуть Флода, уничтожающим замечанием оборвав этого ирландского соперника Граттана². Я спросил Куртнэ (ибо люблю выяснять мотивы человеческих поступков), не было ли у него личных счетов с Флодом; желчность его ответа заставила меня это предположить. Куртнэ ответил: «да, была; однажды в Ирландии (он сам ирландец), в ирландской Палате Общин Флод позволил себе несправедливый личный выпад против *него*, а он, не будучи членом палаты, не мог защищаться, и когда, несколько лет спустя, в английском парламенте ему представилась возможность отплатить обидчику, он не мог удержаться». И он отплатил Флоду с лихвою; после этого Флод всего раз или два выступил с речью в английской Палате Общин и не занял там сколько-нибудь заметного места. Должен, впрочем, сделать исключение для его речи о Реформе в 1790 г., которую Фокс назвал лучшей из всего «слышанного им по этому вопросу».

2

Когда Фокса спросили, какую из слышанных им речей он считает лучшей, он ответил: «Речь Шеридана о Хастингсе в Палате Общин» (а не в Вестминстер-Холле). На вопрос: что он думает о собственной своей речи по поводу объявления войны, он ответил: «и это тоже чертовски хорошая речь». — Слышал от лорда Холланда.

3

Когда Шеридан произнес уже упомянутую знаменитую речь, Фокс посоветовал ему повторить ее в Вестминстер-Холле на суде, ибо лучше сказать нельзя; однако Шеридан составил свою новую речь совсем иначе, и она, по мнению авторитетных лиц, оказалась несравненно хуже первой, несмотря на вымученный панегирик, который произнес своему коллеге Берк. — Записано со слов лорда Холланда].

4

Впоследствии Берк испортил впечатление от своих речей, пытаясь подражать речи Шеридана в Вестминстер-Холле; эту речь он всегда называл «великим идеалом, не относящимся ни к поэзии, ни к ораторскому искусству, но превосходящим их».

5

Я еще не слышал никого, кто удовлетворял бы моему идеалу оратора. Граттан был бы к нему близок, если бы не его клоунские манеры, Питта мне не довелось слышать. Фокса — только однажды, и он пока-

зался мне скорее мастером дебатов, а это мастерство — так же отличается от ораторского, как импровизатор или версификатор от поэта. Грей велик, но это не ораторское искусство. Каннинг иногда приближается к нему. Уиндэм не поразил меня, хотя поражает всех; он показался мне софистом. Уитбрэда¹ можно назвать Демосфеном дурного вкуса и вульгарного неистовства; но вместе с тем в нем много силы и чего-то характерно английского. Холланд привлекает здравым смыслом и искренностью. Хорошо и лорд Лэнсдаун, но тоже только в прениях. Гренвилл очень нравится мне, но лучше бы он сокращал свои речи и не говорил более часа. Бэрдетт сладок и серебрист, как сам Велиал, и, вероятно, — любимый оратор в аду; по крайней мере, я всегда слышал, как сельские джентльмены и министерская нечисть хвалили его *речи* и прибегали из кафе Беллами, когда он брал слово. Слышал я и *вторую* речь Боба Милнса — она не произвела впечатления. Мне нравится Уорд — он говорит несколько деланно, но остро и временами красноречиво. Пиля, моего товарища по школе и классу (мы сидели с ним через два человека), я не слышал, как это ни странно, хотя много раз собирался; судя по тому, каким он был в Харроу, он *должен* быть в числе лучших. А вот мистер Уилберфорс мне *не* нравится; это просто поток *слов* — «слова, слова, слова»².

Я сильно сомневаюсь, *обладают ли* англичане красноречием в собственном смысле слова; я склонен думать, что им в большой степени *обладали* ирландцы и *будут обладать* французы, у которых уже был Мирабо. Из англичан ближе всего к подлинным ораторам лорд Чатам³ и Берк. Не знаю, каков был Эрскин *в суде*, но когда он выступает в парламенте, мне хочется отправить его снова в суд. Лодердейл резок и остер, как истый шотландец. О Бруме я ничего не стану говорить, ибо чувствую к нему личную неприязнь.

Но ни от одного из них — хорошего, плохого или среднего — я не слышал речи, которая не была бы чрезмерно длинна для публики и понятна лишь местами. Все они обманывают ожидания слушателей и чрезвычайно скучны для тех, кто вынужден слушать их часто. Шеридана я слышал только раз и то недолго; но мне понравился его голос, манера и остроумие; он — единственный, кого мне хотелось слушать подольше. В обществе я встречал его часто; он был великолепен! Он питал ко мне некоторую симпатию и никогда на меня не нападал — по крайней мере в моем присутствии — а вообще он не щадил никого: ни громких имен, ни остряков, ни ораторов, ни поэтов. Я слышал, как он обрывал Уитбрэда, вышучивал мадам де Сталь, как уничтожил Кольмана, да и некоторых других (чьи имена я здесь не называю, ибо это друзья), людей способных и известных. Бедняга! Он очень быстро и сильно напивался. Мне иногда приходилось провожать его домой — нелегкая работа, пого-

му что он бывал так пьян, что надо было надевать на него треуголку; конечно, она тут же снова сваливалась, а я тоже не был достаточно трезв, чтобы ее поднять.

6

В Шеридане было нечто странное. Однажды за обедом он слегка похвалялся нахального мошенника и самозванца Литтлтона (парламентского фата, который, кажется, здравствует донныне). Я позволил себе не согласиться с ним; он повернулся ко мне и спросил: «Это истинное ваше мнение?» Я ответил утвердительно. «Тогда,— сказал он,— заручившись вашей поддержкой, я заявляю, что это в действительности также и мое мнение, что я презираю, ненавижу и не терплю этого человека». Тут он пустился подробно перечислять его гнусные качества с обычным своим остроумием и очевидной серьезностью (ибо ненавидел Литтлтона). Прежняя похвала была вызвана у него чьими-то предшествующими словами, а противоположное суждение — моим намеком на то, что похвала эта незаслуженна.

7

Однажды он при мне стал читать свою «Монодию о Гаррике». Увидя посвящение леди Спенсер, он пришел в ярость и закричал, что «это подделка, что он никогда ничего не посвящал этой проклятой ханже и суке» и т. д., и т. д. и не успокаивался добрых полчаса, проклиная собственное посвящение, во всяком случае его адресата. Если бы все сочинители были столь же искренни, это было бы весьма комично.

8

Он рассказал мне, что в день блистательного успеха его «Ш[колы] з[дословия]» его схватили и отправили в полицейский участок за то, что он в пьяном виде скандалил на улице.

9

Недавно, когда ночные сторожа подобрали его пьяным в канаве и спросили фамилию, он ответил: «Уилберфорс».

В последний раз я, кажется, встретился с ним у сэра Гилберта Эллиота¹, где он был по-прежнему блестящ. Нет, то был не последний раз; в последний раз это было у Дугласа Киннарда. Я встречал его во всевозможных местах — в Уайтхолле с Мельбурнами, у маркиза Тэвисто-

ка ², у аукционера Робинса ³, у сэра Хэмфри Дэви ⁴, у Сэма Роджерса, словом, в самой различной компании, и всегда он бывал общителен и восхищал всех.

10

Расположение Шеридана ко мне (если только он не дурачил меня; но леди К[аролина] Л[эм] и другие говорили мне, что он высказывал его и до, и после знакомства со мной) основывалось на «Английских бардах и шотландских обозревателях». Он сказал мне, что равнодушен к поэзии (в частности, к моей, не считая этой поэмы), но заключает — из нее и по другим признакам, — что из меня может выйти оратор, если я стану упражняться и посвящу себя парламентской деятельности. Он непрестанно твердил мне об этом; помню, что мой старый наставник доктор Дрюри думал то же самое, когда я был *мальчиком*, но у меня никогда не было охоты попробовать. Я выступил раз или два, как делают все молодые пары, в качестве дебюта; но рассеянный образ жизни, застенчивость, высокомерие и необщительность, а, кроме того, краткость моего пребывания в Англии после совершеннолетия (всего около пяти лет) не позволили мне возобновить эти попытки. В общем дебют мой был таков, что мог бы воодушевить меня, особенно *первая* речь (всего я выступал три-четыре раза), но сразу же вслед за тем вышла моя поэма «Чайльд Гарольд», и после этого никто уже не вспоминал о моей *прозе*, в том числе и я сам; она отошла на задний план, хотя мне иногда кажется, что я *сумел бы* чего-нибудь в ней достичь.

11

О парламенте я вынес впечатление, что члены его не столь сильны в ораторском искусстве, как в качестве *слушателей*; в столь многочисленном собрании может быть мало Красноречия (в конце концов, в древности насчитывалось лишь *два* великих оратора, а в наше время, мне думается, их *еще меньше*); но должна быть закваска разума и здравого смысла, позволяющая *знать*, что правильно, хотя бы они и не умели хорошо выразить это.

12

Говорят, Хорн Тук и Роско заявили, что, покидая парламент, они имеют более высокое мнение о его коллективной честности и способностях, чем вначале. И честность и способности во всех парламентах, вероятно, одинаковы, как и число выступающих и их таланты. Разумеется,

я не говорю о прирожденных *Ораторах*, потому что они рождаются раз в столетие, а не каждые семь лет или три года.

Ни одна из палат парламента не внушила мне больше трепета и уважения, чем внушило бы соответствующее количество турок, собравшихся на свой Диван, или методистов в каком-нибудь сарае. Засгенчивость и нервное волнение, которые я чувствовал (а я в сильной степени чувствовал и то и другое), вызывались скорее количеством слушателей, чем составом, и я больше думал о *публике за стенами* парламента, чем о тех, кто был внутри,— ибо я знал (как знают все), что сам Цицерон и, вероятно, даже Мессия не сумели бы повлиять на голосование хотя бы одного Епископа или Лорда Королевской Опочивальни.

Наша палата показалась мне скучной, зато другая — достаточно оживленной в особо важные дни.

12 [так пронумеровано Байроном]

Когда Шеридан лежал при смерти, ему предложили подвергнуться «некой операции»; но он сказал, что уже подвергался *двум*, а этого довольно для одной человеческой жизни. На вопрос, что это были за операции, он ответил: «стрижка волос и позирование художнику для портрета».

13

Всякий раз, когда меня хочет видеть американец (что бывает *нередко*), я соглашаюсь: во-первых, из уважения к народу, завоевавшему себе свободу твердостью, но без крайностей; во-вторых, потому, что эти трансатлантические посещения, «немногие и редкие»¹, создают у меня чувство, что я беседую с потомством с другого берега Стикса. Лет через сто двести обитатели новых английских и испанских Атлантид будут, вероятно, хозяевами Старого свега, подобно тому как Греция и вообще Европа в древности одолели свою праматерь — Азию.

14

Однажды М. Г. Льюис предложил Шеридану пари. «Я ставлю крупную сумму, мистер Шеридан, ровно столько, сколько вы *мне* задолжали как антрепренер за постановку моего «Призрака в замке». «Никогда не держу пари на большие суммы,— сказал Шеридан.— Я лучше поставлю *очень маленькую*: ровно столько, сколько пьеса стбит!»

15

Льюис, вообще человек добродушный, терпеть не мог Шеридана; из-за этого у меня с ним вышла размолвка в Швейцарии в 1816 г. После Льюис прислал мне из Сен-Морица следующую эпиграмму на Шеридана:

Природы щедрые дары
Он обратил во зло.
В нем сердце мягко потому,
Что целиком сгнило.

16

Однажды утром в Отлендсе у Льюиса заметили красные глаза и сентиментальное выражение. На вопрос, отчего это, он ответил: «Когда ему говорят что-нибудь *ласковое*, это его глубоко трогает; а герцогиня только что сказала ему нечто *столь* ласковое, что...». Тут «слезы потекли» у него вновь. «Утешься, Льюис,— сказал ему полковник Армстронг,— не плачь. Это у нее вышло нечаянно».

17

Льюис был хорошим и умным человеком, но нудным, дьявольски нудным. Моей единственной мезью или утешением бывало сравнить его с каким-нибудь живым умом, не терпящим скучных людей, например с мадам де Сталь или Хобхаузом. Но все же я любил Льюиса; это был не человек, а алмаз, если б только был получше оправлен. Получше не в смысле *внешности*, но хоть бы не был так *надоедлив*; уж очень он умел нагнать скуку, а кроме того, противоречил всем и каждому.

Он был близорук, и когда мы в летние сумерки катались с ним верхом по берегу Бренты, он посылал меня *вперед*, чтобы указывать дорогу. Я бываю порой рассеян, особенно по вечерам; в результате наш конный Монах несколько раз был на волосок от гибели. Однажды он угодил в канаву, которую я перепрыгнул как обычно, забыв предостеречь моего спутника. В другой раз я едва не завел его в реку, вместо того чтобы привести к раздвижному мосту, *неудобному* для путников; и оба мы дважды налетали на дилижанс, который, будучи тяжелым и тихоходным, причинил меньше повреждений, чем получил сам; особенно пострадали передние лошади, на которых пришелся удар. Трижды он терял меня из виду в сгустившейся тьме и я должен был возвращаться на его жалобные призывы. И все время он без умолку говорил, ибо был очень словоохотлив.

Он умер, бедняга, как мученик своего нового богатства, от второй поездки на Ямайку¹.

Я б землю Делорэн отдал,
Чтоб Масгрейв из могилы встал²,

г. е. 1

Я б сахарный тростник отдал,
Чтоб Льюис из могилы встал.

18

Как-то Льюис сказал мне: «Почему вы говорите с венецианцами на венецианском диалекте (я говорил как умел и, вероятно, не очень блестяще), а не на обычном итальянском?» Я ответил, что это отчасти привычка, отчасти желание быть лучше понятым. «Может быть оно и так, — сказал Льюис, — но по мне это все равно, что обращаться к ирландцам с ирландским акцентом».

19

Бейли (прозванный Долговязым Бейли; весьма умный человек, но со странностями) во время поездки верхом пожаловался нашему другу Скропу Б. Дэвису, что у него «колет в боку, точно *иглой*». «Ничего удивительного, — сказал Скроп, — ведь вы сидите на лошади как *портной* на портняжном столе». Всякий, кто видел долговязого Б[ейли] на малорослой кобылке, оценил бы меткость этого ответа.

20

В 1808 г., когда мы со Скропом ужинали у Стивенса¹ после оперы (кажется, при этом был и Хобхауз), вошел молодой Гоулберн (из компании Синих Чулок) и принялся расхваливать свою лошадь Гримальди, голько что выигравшую скачки в Ньюмаркете. «А легко она выиграла?» — спросил Скроп. «Сэр, — отвечал Гоулберн, — поверите ли, когда она пришла, у нее даже бока не раздувались». «Зато вы вместо нее раздулись», — сказал Скроп.

21

Капитан Уоллес — человек, некогда известный и в то время близкий с самыми отъявленными повесами, — спросил меня как-то за игорным столом, куда попадет его душа после смерти. Я ответил: «В *Серебряный Ад*» (так назывался на жаргоне второразрядный игорный притон).

22

Когда достопочтенный Дж. У. Уорд вышел из партии вигов, он, будучи как-то в гостях у сэра Джеймса Макинтоша, в присутствии г-жи де Сталь, Мальтуса и многочисленного и приятного общества, состоявшего из представителей различных партий и стран, шутливо спросил, что требуется, «чтобы вновь сделать его вигом, так как он подумывает еще раз переменить фронт». «Прежде чем вновь сделать вас вигом, — сказал я, — боюсь, что сперва вас надо будет *наградить*». Эта шутка ¹ была приписана другим; ну и на здоровье; она все-таки моя, как известно многим лицам, в том числе самому Уорду. Кажется, Люттрел ² изложил ее потом стихами, для помещения в «М[орнинг] К[роникл]» — так, по крайней мере, говорила мне покойная леди Мельбурн. В свое время Уорд принял это добродушно.

23

Когда Шеридан умирал, Роджерс помог ему деньгами и заботился о нем. Это особенно трогательно со стороны Роджерса, который всегда дурно отзывался о Шеридане (по крайней мере в беседах со мной); впрочем, он отзывался так обо всех и каждому. Роджерс — прямая противоположность строке:

«Добрак-поэт с весьма сердитой музой» ¹.

Он — наоборот:

«Не то, чтоб очень *добр*, но с самой *добррой* музой».

Его муза вся из Сахара, Сентиментов и Саго, а собеседник он весьма желчный. Я говорю: «не то, чтоб очень *добр*» потому, что он, может быть, все-таки *добр* — во всяком случае иногда делает добро; и правильно делает: надо же ему купить на шпilling отпущения грехов — разве мало он клеветал на людей; впрочем, грехи эти все такие *мелькие* — сплетни старой кумушки; он злобен, завистлив и — да ну его к черту!

24

Кэрран ¹! Вот человек, который более всего поразил меня. Что за воображение! Я никогда не встречал ничего подобного.

Его *опубликованная* биография и напечатанные речи не дают *никакого* представления об этой личности — ни малейшего. Это настоящая машина Воображения, подобно тому как Пирона ² кто-то назвал «машиной для эпиграмм».

Я недолго встречался с Кэрраном — только в 1813 г., но встречал его и дома (он приходил ко мне), и в обществе — у Макинтоша, в Холланд-Хаузе и пр., и пр., и он поражал даже меня, видевшего в свое время множество замечательных людей.

25

Несколько месяцев назад ко мне приходил молодой американец по фамилии Кулидж¹ — он умен, очень красив и на вид не старше двадцати лет. Несколько романтичен, но к юности это идет, и большой любитель поэзии, как можно заключить из того, что он пробрался в мою берлогу. Он привез мне привет от старого слуги нашей семьи (Джо Меррея) и сообщил, что он, Кулидж, купил в Риме у Торвальдсена копию моего бюста, которую хочет отправить в Америку. Признаюсь, что я был больше польщен юношеской восторженностью заокеанского посетителя, чем если бы мне решили воздвигнуть статую в парижском Пантеоне (еще на моей памяти императоров и демагогов сбрасывали с пьедесталов, а имя Граттана стерли с таблички на дублинской улице, названной в его честь); так вот, я был больше польщен этим потому, что это было выражением *личного*, а не *политического* интереса — просто чистым и теплым чувством юноши к полюбившемуся поэту, без чего-либо корыстного или показного. Вероятно, это стоило дорого. Я не заказал бы Торвальдсену² ничего бюста — кроме Наполеона, или моих детей, или какого-нибудь «нелепого женского пола», но выражению Монкбарнса³, или моей сестры. Могут спросить, почему я в таком случае позировал для своего собственного бюста. Отвечу, что сделал это по усиленным просьбам Дж. К. Хобхауза, эсквайра, и ни для кого другого. *Портрет* — иное дело, портреты пишут со всех; тогда как бюст кажется претензией на *бессмертную* славу, а не просто чем-то, что мы оставляем на память близким.

26

Одним из наиболее интересных собеседников, каких я знал, был Скроп Бердмор Дэвис. Хобхауз также очень силен по этой части; но для человека, который может обнаружить свои таланты и в других областях, а не только в беседе, это не столь важно. Скроп был неизменно находчив и часто остроумен, Хобхауз — столь же остроумен, но не всегда так же находчив, потому что более застенчив.

27

Однажды Хобхауза толкнул на улице пьяный. Спутник пьяного, тоже не слишком трезвый, возмущенно сказал Хобхаузу: «И не стыдно

вам наткаться на пьяного человека? Не видите разве, что он *пьян?*» «Чёрт его побери,— ответил Хобхауз,— а *ему-то* не стыдно на *меня* наткаться? Не видит разве, что я *трезв?*»

28

Когда Браммель ¹ был вынужден уехать во Францию (после истории с беднягой Мейлером,— которого с тех пор прозвали «Дик-Истребитель франтов» ²— а все вышло из-за денег, долгов и тому подобного), он не знал французского языка и обзавелся грамматикой, чтобы его изучать. Нашего друга Скропа Дэвиса спросили, каковы успехи Браммеля во французском языке; он ответил, что «Браммель, как Наполеон в России, споткнулся на пороге» ³. Я поместил этот каламбур в «Бешпо», считая «такую мену честной, а не тайным, постыдным воровством» ⁴; потому что Скроп не раз блистал на званных обедах (как сам в этом признавался), повторяя, в качестве своих собственных, некоторые из шуточек, которыми я встречал его утром.

29

Я любил дэнди: они всегда были со мной любезны, хотя вообще недолюбливают литераторов и всячески изводили мадам де Сталь, Льюиса, Хорэйса Твисса и прочих. Они уверили мадам де Сталь, что Элвенли ¹ имеет сто тысяч фунтов годового дохода и т. п., и т. п., а она стала *в глаза* хвалить его красоту! и ловить его в мужья для Альбертины (Либертины, как окрестил ее Браммель, хотя бедняжка была и осталась примерной, как только может быть девушка или женщина, и к тому же очень милой); и еще множество подобных глупостей.

По правде говоря, хотя я рано с этим покончил, на мне в юности тоже был налет дэндизма, и в двадцать четыре года я сохранил его, вероятно, достаточно, чтобы снискать расположение их светил. Я играл, пил и сдал экзамены на большинство пороков; я не отличался педантством или высокомерием, и мы мирно с ними уживались. Я был более или менее знаком с ними всеми, и они избрали меня в члены Ватье ² (в ту пору это был великолепный клуб), где я был единственным писателем (не считая еще *двоих*, М[ура] и С[пенсера], людей светских).

Наш маскарад был большим событием, так же как и бал Дэнди в Аргайле, но этот последний давался, если я не ошибаюсь, четырьмя главарями — Б[раммелем], М[илдмэем], Э[лвенли] и П[ьеррпойнтом].

30

Я состоял также членом «Альфреда» ¹, куда меня избрали, пока я был в Греции. Это был приятный клуб — пожалуй, чересчур трезвый и

литературный; Сотби и сэр Фрэнсис Д'Ивернуа² наводили там скуку, но там можно было встретить Пиля, Уорда, Валенсия³ и многих других приятных или видных людей; в общем это было неплохое прибежище для дождливых дней или в мертвый сезон, когда нет ни балов, ни заседаний парламента.

31

Я состою или состоял в следующих клубах или обществах: «Альфред», «Кокосовая Пальма», «Ватье», «Юнион», «Рэкет» (в Брайтоне), «Боксерский»¹, «Совы» или, иначе, «Полунощники», Клуб вигов в Кембридже, клуб Харроу (Кембридж), один-два частных клуба, политический клуб Хемпдена — и последнее по счету, но *не по значению* — общество итальянских карбонариев. Вот и все, насколько мне известно. В некоторые другие я отказался вступить, хотя меня уговаривали выставить свою кандидатуру.

32

Если газеты не лгут (по своему обыкновению), то в Афинах во главе нынешнего восстания стоит афинянин Деметрий Зограффо. Он был у меня слугой в 1809, 1810 и 1812 гг. с перерывами (когда я ездил в Константинополь, я оставлял его в Греции), а в 1811 г. сопровождал меня в Англию. Он вернулся в Грецию весной 1812 г. Это был смысленный человек, но он не казался особенно предприимчивым; впрочем, людей создают обстоятельства. Двух его сыновей (тогда малолетних) звали Мильтиадом и Алкивиадом. Пусть это окажется счастливым предзнаменованием!

33

Мне представляется, что игроки должны быть довольно счастливы — они постоянно *возбуждены*. Женщины, вино, слава, чревоугодие и даже честолюбие по временам *пресыщают*; а у игрока интерес к жизни возобновляется всякий раз, когда он выбрасывает карты или кости; игру можно продлить в десять раз дольше, чем любое другое занятие.

В юности я очень любил игру, т. е. именно азартную игру, но все другие *карточные* игры ненавижу, даже фараон. Когда в моду вошел Макао (или как там он пишется), я все это оставил; мне доставало стука выбрасываемых костей и волнующей неизвестности — ожидания, не только выигрыша или проигрыша, но *судьбы* вообще, потому что для ее решения кости надо бросать часто.

Мне случалось *выигрывать* до четырнадцати ставок подряд и забирать со стола всю наличность, но мне не хватало хладнокровия и расчетливо-

сти. Во всем этом мне нравилось возбуждение. В общем я кончал игру вовремя, без большого проигрыша или выигрыша. После двадцати одного года я играл мало и никогда не делал ставок больше, чем на сто, две-сти или триста.

34

Что касается славы (я разумею славу при жизни), то на мою долю ее досталось довольно;— вероятно — нет, даже *наверное* — больше, чем я *заслужил*. Мне не раз пришлось убедиться, в какие отдаленные и неожиданные места проникает иногда имя и производит впечатление. Два года назад (или почти три, так как это было в августе или июле 1819 г.) я получил в Равенне письмо, написанное *английскими* стихами и посланное из *Дронтхейма* в Норвегии каким-то норвежцем, со всеми обычными похвалами и т. д. Оно хранится где-то в моих бумагах. В том же месяце я получил из Гамбурга приглашение в *Голштинию*, помнится, от некоего мистера Якобсена; от него же пришел перевод песни Медоры из «Корсара», сделанный одной вестфальской баронессой (не «Тондер-тон-тронк»¹), с приложением собственных ее стихов, посвященных моей жене (очень милых, в духе Клопштока²), и их прозаического перевода. Поскольку они касались *жены* больше, чем меня, я послал их ей, вместе с письмом мистера Я[кобсена]. Было странно, живя в *Италии*, получить приглашение на *лето* в *Голштинию*, от совершенно незнакомых людей. Письмо было послано в Венецию. Мистер Я[кобсен] писал мне о «диких розах, цветущих летом в Голштинии»; отчего же тогда кимвры и тевтоны покинули свою родину?

Странная вещь жизнь и человек. Если я явлюсь в дом, где живет сейчас моя дочь, передо мной закроют дверь, если только (что вполне возможно) я не собью с ног швейцара; а если бы я тогда (а может быть и теперь) поехал в Дронтхейм (в глубине Норвегии), или в Голштинию, меня с распростертыми объятиями приняли бы незнакомые иностранцы, связанные со мной одними лишь духовными узами и молвой.

Да, что касается *Славы*, то на мою долю ее досталось довольно; правда, к ней примешивался и другой род превратностей — больше, чем обычно достается литератору из *порядочного* общества; но я считаю, что подобное смешение противоположностей составляет наш общий удел.

Я иногда сомневаюсь в том, что спокойная, безбурная жизнь больше пришла бы мне по душе; и все же мне случается о ней тосковать. Самые ранние мои мечты (как у большинства мальчишек) были воинственны, но несколько позже я мечтал только об уединении и *любви*, пока не началась, чуть ли не с четырнадцати лет, моя безнадежная любовь к М[эри] Ч[аворт] (хотя и тщательно скрываемая); и это длилось некоторое время. Тут я вновь почувствовал, что я «один, один, всегда один»³.

Помню, что в 1804 г. встретился со своей сестрой у генерала Харкорта ⁴ на Портленд-Плейс. Тогда я был *таким*, каким всегда казался ей до того. Когда мы снова встретились в 1805 г., мой нрав до такой степени изменился (как она вспоминала потом), что меня едва можно было узнать. Тогда я не сознавал перемены, но верю этому и могу объяснить причину.

35

Когда в Кембридже любители ставили однажды пьесу, некто мистер Ток, к большому неудобству актеров и зрителей, неожиданно отказался играть, так что пришлось приносить публике извинения. При этом Хобхауз (возмущенный, как и все, этим несвоевременным капризом) объявил, что «вследствие того, что *некий* мистер Ток неожиданно отказался от своей роли, участники спектакля вынуждены просить снисхождения» и т. д. На другой день взбешенный Ток спросил Хобхауза: «Вы употребили *это* выражение, сэр — так это или нет?» — «Да, сэр (ответил Хобхауз), я употребил это выражение, *так или нет*». «Быть может (спросил присутствовавший при этом Скруп Дэвис) — вы возражаете против слова «некий» и предпочли бы именоваться «тот самый мистер Ток?» Тот самый Ток устремил на него негодующий взор, но, очевидно, зная, что Скруп не только дерзкий шутник, но, к несчастью, также отличный стрелок и уже раза три дрался на дуэли, удалился, ограничившись условной угрозой: *если он убедится, что здесь имело место преднамеренное и т. д., и т. д.*».

36

Я не менее двадцати раз бывал посредником или секундантом в серьезных ссорах, и всякий раз мне удавалось уладить дело так, чтобы спасти честь обеих сторон и, вместе с тем, не допустить смертельного исхода; иногда положение бывало весьма трудным и щекотливым; приходилось иметь дело с людьми горячими и заносчивыми — ирландцами, игроками, гвардейцами, кавалерийскими капитанами и корнетами и тому подобной публикой. Разумеется, это было в юности, когда я водил дружбу с такими сорви-головами. Мне случалось передавать вызовы от мелкого дворянина — вельможе, от одного капитана — другому, от адвоката — советнику юстиции, а однажды от священника — офицеру лейбгвардии. Это может показаться странным, но именно в последнем случае всего труднее

«...оказалась цель:

Предотвратить кровавую дуэль».

Ссора произошла из-за женщины. Должен добавить, что никогда не видел, чтобы *женщина* вела себя при этом так гнусно и оказалась такой

бессердечной, хладнокровной распутницей, правда, очень красивой. Это была некая Сьюзен С. Я видел ее всего один раз, когда пытался добиться от нее нескольких слов, которые ни в какой мере ее не компрометировали, но спасли бы жизнь священнику или кавалерийскому офицеру. Она *отказалась* их произнести, и ни мне, ни Н. (сыну сэра Э. Н. и приятелю одной из сторон) не удалось ее убедить, хотя оба мы умели обращаться с женщинами. В конце концов мне удалось примирить противников без ее участия, и, кажется, к ее большому неудовольствию. Это была худшая из сук, каких я видел, а я их видел немало. Хотя мой священник рисковал жизнью или приходом, он был настроен не менее воинственно, чем епископ Бовэ; и успокоить его было очень трудно; но это потому, что он был влюблен, а любовь — весьма воинственная страсть.

37

[Зачеркнуто самим Байроном]

38

Кто-то спросил Шлегеля (Дустерсвивела¹ мадам де Сталь), считает ли он *Канову* великим скульптором. «О! — ответил скромный пруссак, — вы бы посмотрели *мой бюст* работы Тика»².

39

В 1817 г. в Венецию из Вены пришел приказ, повелевавший архиепископу торжественно проследовать на площадь св. Марка в карете, запряженной четверкой лошадей; это примерно то же, что приказать лондонскому лорд-мэру проследовать через Темпл-Бар на своей барже.

40

Когда я встретил у лорда Холланда тюремщика Хэдсона Лоу, перед его отъездом на остров св. Елены, разговор зашел о битве при Ватерлоо. Я спросил его, были ли в стратегии Наполеона черты великого полководца. Он ответил неодобрительно, что «она была очень *проста*». Я всегда считал, что известная простота — неперемнная черта великих людей.

41

Меня поражала простота Граттана в частной жизни; он отличался некоторой чудаковатостью, но большой естественностью. Кэрран очень похоже и смешно изображал, как он кланяется до земли, «благодаря

бога за то, что тот не наделил его никакими странностями во внешности и телодвижениях».

Роджерс называл его «сентиментальным Арлекином»; правда, Роджерс высмеивает всех и каждого; а Кэрран, который передразнивает в глаза даже своего близкого друга Годвина, не мог упустить такой соблазнительный предмет для подражания. Кэрран был, конечно, *изумителен!* Его рассказ о допросе свидетеля-ирландца был не хуже его собственных речей; последних мне не довелось слышать, зато я слышал первый.

42

Говорят, что когда Граттан произнес в Палате общин свою первую речь, слушатели сперва заколебались, не зная, — смеяться или аплодировать. Его предшественник Флод при очень сходных обстоятельствах потерпел со своей первой речью полное фиаско. Но когда те парламентарии, которые поддерживали министерство, взглянули на Питта (он был для них барометром) и увидели, что он одобрительно кивает, они последовали его примеру и разразились бурными аплодисментами. Речь Граттана заслуживала такого приема; то был действительно *шедевр*. *Этой* его речи я не слышал (я тогда еще учился в Харроу), но слышал большинство других, посвященных тому же вопросу; а также речь о войне 1815 года. Здесь я расхожился с ним во мнениях, но разделял общее восхищение его красноречием.

43

В 1812 г., когда пары оппозиции встретились у лорда Гренвилла и лорд Грей прочел нам переписку, относящуюся к переговорам Мойры¹, я сидел рядом с нынешним герцогом Графтоном. По окончании чтения я повернулся к нему и спросил, «что же делать дальше?» «Разбудить герцога Норфолька» (храпевшего вблизи нас), — сказал он: — «ничего другого нам на этот раз не остается».

44

Во время последующих дебатов, вернее, дискуссии, по тому же вопросу в Палате лордов, я сидел позади лорда Мойра, который был крайне раздражен речью Г[рея] и во время речи несколько раз оборачивался ко мне, чтобы спросить, согласен ли я с ним. Мне было трудно ответить на это, так как я не слышал обеих сторон. Мойра повторял, что дело было *не так*, а вот так-то и так-то. Я не знал, что думать, но мне нравилась его горячность.

45

Лорд Элдон ¹ пытается подражать двум весьма разным канцлерам — Тэрло ² и Лоуборо ³, и способен иногда выругаться. Во время одного из дебатов о католиках, когда голоса разделились поровну или почти поровну (не помню точно), за мной спешно послали, и я — признаюсь, с неохотой — покинул бал, чтобы дать права пяти миллионам людей. Я опоздал и не сразу прошел в зал, а остановился позади Мешка с шерстью ⁴. Элдон обернулся и, увидя меня, тотчас сказал одному из пэров (который на минуту подошел к нему, как принято среди его друзей): «Чёрт их побери! Теперь-то уж они получают свои права! Вот еще голос, который им конечно их даст».

46

Когда я достиг совершеннолетия, некоторые задержки с получением из Корнуолла свидетельств о рождении и браке помешали мне в течение нескольких недель занять свое место в Палате. Когда все уладилось и я принес присягу, канцлер извинился передо мной за задержки и заметил, что «выполнение этих формальностей он считал своим долгом». Я попросил его не извиняться и добавил (ибо он не проявил в моем деле особой поспешности): «Ваша светлость совсем как Мальчик-с-Пальчик ¹ — (эта пьеса как раз шла тогда на сцене) — вы выполнили свой долг, — и не более того».

47

В одной из зарубежных столиц секретарь посланника (сам посланник в то время отсутствовал) обиделся на то, что я не нанес ему визита. Когда я собрался уезжать, один мой знакомый, мистер У., обратился к нему по поводу моего паспорта; паспорт был прислан, но в сопровождении официальной записки от секретаря, где он указывал, что «выдает его *по просьбе мистера У.*», намекая, что только просьба мистера У. заставила его выдать мне то, в чем, в сущности, он никому не имеет права отказать. Я написал следующий ответ: «Лорд Б. выражает свое почтение мистеру Л. и весьма благодарен мистеру У. за паспорт».

48

Когда я еще не достиг совершеннолетия и вел рассеянную жизнь в столице, у Стивенса и в кофейне Принца Уэльского часто появлялся сумасшедший по имени Бэтгерсби. Однажды он подошел к какому-то злополучному чужеземцу, чей сюртук ему не понравился, и сказал: «Скажите, сэр, это вам портной так выкроил или крысы погрызли?»

49

Следующий анекдот (как мне кажется) известен больше. Некий щеголь (слово «дэндэи» тогда еще не появилось) пришел в кофейню П[ринца] У[эльского] и сказал жеманно: «Официант, подайте желе и стакан глинтвейна и протрите мою тарелку душистым луком». Какой-то морской офицер немедленно спародировал во весь голос: «Официант, подайте стакав чертовски крепкого грога и потрите мне...кирпичом!»

50

Сотби — хороший человек и рифмует «сильно, хоть не умно»¹, но очень надоедлив. Он берет вас за пуговицу. Однажды на рауте у миссис Хоуп он пристал ко мне (что-то насчет «Агамемнона» или «Ореста», или каких-то его пьес), хотя я выказывал явное нетерпение (я был тогда влюблен и сумел как раз улучшить минуту, когда возле моего тогдашнего идола, прекрасного как статуи галерей, где мы находились, не было ни матери, ни мужа, ни соперников, ни сплетниц). Итак, Сотби теребил меня за пуговицу и одновременно за струны сердца, не щадя ни того, ни другого. У. Спенсер², который любит шутку и не прочь также и порезвиться, увидел мои мучения и, подойдя к нам, взял мою руку и торжественно простился со мной: «Ведь я вижу, — сказал он, — что с вами все кончено». После этого Сотби удалился. Sic me servavit Apollo^{1*}.

51

Удивительно, как скоро мы забываем то, что не находится *постоянно* у нас перед глазами. После года разлуки образ тускнеет, после десяти — изглаживается. Без усилия *памяти* мы уже ничего не можем представить себе ясно; правда, *тогда* свет на миг загорается вновь, но быть может это Воображение подносит свой факел? Пусть кто-нибудь попытается через *десять* лет вызвать в памяти черты, склад ума, поговорки и привычки своего лучшего друга или любимого героя (т. е. величайшего человека — своего Бонапарта или кого-нибудь еще), и он будет поражен неясностью своих воспоминаний. Я берусь это утверждать, а я всегда считался одаренным хорошей, даже отличной памятью. Исключение составляют наши воспоминания о женщинах; их позабыть нельзя (чёрт бы их побрал!), как нельзя позабыть другие знаменательные события, вроде «революции», или «чумы», или «вторжения», или «кометы», или «войны», т. е. памятных дат Человечества, которому ниспосылается столько *бла-*

^{1*} Так спас меня Аполлон (*лат.*).

гословений, что оно даже не включает их в календарь, как слишком обыденные. Среди календарных дат вы найдете «Великую засуху», «Год, когда замерзла Темза», «Начало Семилетней войны», «Начало А[нглийской] или Ф[ранцузской] или И[спанской] революции», «Землетрясение в Лиссабоне», «Землетрясения в Лиме», «Землетрясения в Калабрии», «Лондонскую чуму», «Константинопольскую чуму», «Моровую язву», «Желтую лихорадку в Филадельфии» и т. д., и т. п., но вы не найдете «обильного урожая», или «роскошного лета», или «длительного мира», или «выгодного соглашения», или «благополучного плавания». Кстати, была война Тридцатилетняя и Семидесятилетняя — а был ли когда-нибудь *Семидесятилетний* или *Тридцатилетний* мир? Да был ли когда-нибудь хоть *однодневный всеобщий* мир, кроме как в Китае, где секрет жалкого счастья и мира нашли в неподвижности и застое? Каковы же причины этого — жестокость или скупость Природы в отношении нас? Или неблагодарность Человечества? Это пусть решают философы. Я к ним не принадлежу.

52

В 1814 г., когда я и Мур должны были обедать у лорда Грея на Портман Сквере, я достал «Яванскую газету» (посланную мне Мерреем), где обсуждались сравнительные достоинства нашей с ним поэзии. Мне показалось забавным, что мы с Муром собирались мирно разделить трапезу, в то время как в Индийском океане из-за нас шли раздоры (впрочем, газета была полугодовой давности) и батавские критики заполняли газетные столбцы. Но должно быть такова слава.

53

Я обычно не слишком лажу с писателями. Не то, чтобы я их не любил, но я никогда не знаю, что им сказать после того, как похваляю их последнее произведение. Разумеется, существует несколько исключений, но это либо люди света, вроде Скотта или Мура, либо далекие от него визионеры, вроде Шелли и др.; со средними литераторами я никогда не умел поладить, в особенности с иностранными, которых не терплю. Кроме Джордани¹ (пожалуй, я не сумею назвать никого другого) я не помню никого из них, кого мне хотелось бы увидеть вторично, разве только Меццофанти², это лингвистическое чудо, этого Бриарея³ частей речи, ходячего полиглота и более того, которому следовало бы жить во времена вавилонского столпотворения, чтобы быть всеобщим переводчиком. Он в самом деле удивителен — и притом очень скромен. Я проверял его на всех языках, на которых знаю хоть одно ругательство (или проклятие, призываемое на головы фореиторов, адвокатов, татар, лодочников, матро-

сов, лодманов, гондольеров, погонщиков мулов и верблюдов, веттурини, почтмейстеров, почтовых лошадей, почтовых станций и всего почтового), и он поразила меня настолько, что я готов был выругаться по-английски.

54

В Болонью приехали трое шведов, не знавших иного языка, кроме шведского. Жители в отчаянии привели их к Меццофанти. Меццофанти (при всех своих лингвистических познаниях) знал по-шведски не более, чем остальные. Но через два дня, с помощью словаря, он уже бегло разговаривал с ними и удивил их, как и всех, тем, что сумел изучить язык за сорок восемь часов. Этот анекдот я сперва услышал от г-жи Альбрицци, а позже от *него самого*, а он не хвастлив.

55

Я иногда сожалею, что не изучал языки с бóльшим старанием. Те, что я знаю, даже классические (латынь и греческий в объеме знаний школьника шестого класса), а также кое-какие познания в новогреческом, армянский и арабский алфавиты, несколько турецких и албанских фраз, ругательств или просьб, итальянский сносно, испанский хуже, французский настолько, что читаю с легкостью, но говорю с трудом — вернее, не говорю — все это приобретено на слух или на глаз, но не настоящим изучением. Подобно Эди Охилтри¹, я не люблю «утруждать себя работой».

Правда, я рьяно взялся за армянский и арабский, но оба раза, еще не одолев алфавита, я влюблялся в какую-нибудь представительницу «нелепого женского пола», а на Мальте и в Венеции покинул полезное общество ориенталистов ради — ради (неважно, ради чего), хотя мой учитель, отец Паскаль Ошер (для которого я, между прочим, составил бóльшую часть двух грамматик: армянской и английской) уверял меня, что земной рай «навверняка находился в *Армении*». Я отправился искать его — бог знает куда — но нашел ли? Гм! Изредка находил, да и то лишь на минуточку-другую.

56

Из актеров Кук был самым естественным, Кембл — самым сверхъестественным, Кин — чем-то средним между ними, а миссис Сиддонс одна стоила всех, кого я видел в Англии.

57

Раза два или три я видел Шеридана плачущим; возможно, что он был тогда пьян; тем более грустно. Кто хотел бы видеть

Как хнычет, выжив из ума, Мальборо,
И Свифт на мир взирает мутным взором? ¹

Однажды он плакал у аукционера Робинса, после роскошного обеда, где было много громких имен и крепких напитков. Я имел честь сидеть с ним рядом. Слезы его были вызваны каким-то замечанием насчет стойкости вигов, которые отказываются от выгодных должностей ради верности своим принципам. Шеридан обратился к говорившему: «Сэр, лорду Г. или графу Г., маркизу Б. или лорду Х., имеющим многотысячные доходы от *собственных* или *наследственных* синекур или присвоенных общественных сумм, легко хвастать своим патриотизмом и не поддаваться искушениям: они не знают, какие искушения побороли те, кто не менее их горд, не менее их талантлив, не менее обуреваем страстями, но за всю жизнь не имел и шиллинга за душой». Сказав это, он заплакал.

58

Я не раз слышал от Шеридана, что он никогда не имел «шиллинга за душой»; зато, надо отдать ему должное, он умел вытянуть немало шиллингов у других.

В 1815 г. мне пришлось посетить моего поверенного на Чансери Лейн; у него я застал Шеридана. После взаимных приветствий, Шеридан удалился первым. Прежде чем приступить к собственным делам, я полюбопытствовал, что за *дело* у Ш[еридана]. «О, — ответил юрист, — дело обычное — он пытается отсрочить иск своего вино торговца, а моего клиента». «Ну и как? — спросил я. — Что вы намерены делать?» «В настоящее время — ничего, — сказал он; — неужели мы станем подавать иск на старого Шерри? Какой от этого толк?» Тут он рассмеялся и принялся хвалить блестящее остроумие Шеридана как собеседника. Я по собственному опыту могу сказать, что мой поверенный отнюдь не мягкосердечен и нелегко поддается впечатлениям не юридического свойства. И все же Шеридан за каких-нибудь полчаса сумел настолько смягчить и пленить его, что если бы в тот миг появился его клиент (честный человек, имевший на своей стороне все законы и некоторые права), он, кажется, был бы способен выбросить его за окошко. Вот каков был Шеридан! Он мог смягчить даже законника. А этого не сумел бы никто после Орфея.

59

Когда в 1815 г. ко мне пришел судебный пристав (мне всякое пришлось повидать), чтобы описать мою движимость (моя особа, как члена Палаты лордов, была для них неприкосновенна), я по своей привычке полюбостествовал, какие еще у него имеются исполнительные листы, и он показал мне *один на семьдесят тысяч фунтов!* Я спросил далее, нет ли листа на Шеридана. «А-а, Шеридана,— сказал он,— да, есть вот это» (тут он вынул свои бумаги и пр.). «Мне, милорд, случалось жить у мистера Шеридана по году; очень любезный джентльмен — знает, как обращаться с нашим братом и т. д., и т. п.» Затем мы перешли к моему собственному делу, которое в то время было для меня не из легких. Но пристав был обходителен и (что я оценил еще больше) общителен. До тех пор я встречал многих его собратьев, но только по делам моих приятелей (из нетитулованных); он был первым (или вторым), кто явился по моему собственному делу. Обходительного человека надо отблагодарить должным образом; быть может, он именно на это и рассчитывал.

60

Никто не захотел бы заново прожить свою жизнь — старая и верная поговорка; в этом каждый убеждается сам. Вместе с тем, в жизни большинства людей есть, вероятно, *минуты* столь блаженные, что *ради* их повторения они были бы готовы снова пережить всю свою жизнь. Иначе к чему вообще жить? Мы живем потому, что Надежда обращается к Памяти, и обе нам лгут; но — но — но — это *но* длится вплоть до — чего? Не знаю, и думаю, что никто не знает. Разве только «тот, кто умер в среду»¹. Кстати, здесь (в Равенне) завтра расстреляют одного горемыку за убийство. Он съел за обедом половину индейки, не говоря о фруктах и пудинге, и отказался исповедаться. Пойду ли я посмотреть на его казнь? Нет. А почему? Потому что она состоится в *девять* утра. Если бы я мог *спасти* его или хотя бы муху от подобной участи, я не пожалел бы потратить годы. Но раз я этого не могу, я не согласен подыматься по случаю чьей-то казни раньше, чем если бы казнь грозила мне самому.

К тому же я не раз уже видел, как люди умирают этой смертью (и другими).

В подобных случаях людьми движет не жестокость, а жажда сильных ощущений; по крайней мере, я так думаю. Гнусно *отнимать* таким образом человеческую жизнь, разве что ради спасения двух жизней.

61

Старый Эджуорт, четвертая или пятая по счету миссис Эджуорт и известная мисс Эджуорт в 1813 г. жили в Лондоне. Мисс Эджуорт всем

правилась, миссис Эджуорт была терпима, старый Эджуорт на всех нагонял скуку, притом худшего сорта — он был скучен и суетлив. Я однажды встретил их в обществе за завтраком у сэра Х [эмфри] Д [эви]. Старый Эджуорт явился с опозданием и похвастался, что «накануне отделал д-ра Парра» (задача нелегкая). *Она* мне понравилась. Все они отзывались дурно о покойной Анне Сьюард.

62

Уже в пути они получили известие о смерти *ее* брата и *его* сына. Что делать? *Лондонские* туалеты были уже заказаны и готовы! И они скрыли его смерть на шесть недель своего пребывания в столице и облеклись в траур уже на обратном пути в Ирландию. Это факт!

63

Пока семья была в Лондоне, там шла подписка в пользу «возвращения на сцену миссис Сиддонс». Мур предложил открыть подобную же подписку на предмет «возвращения мистера Эджуорта в Ирландию!»

64

Сэр Хэмфри Дэви сказал мне, что эпизод с французским лакеем и ирландским фореитором в «Ennui»^{1*} был в свое время рассказан им Эджуортом в Эджуорттауне как дорожное происшествие, приключившееся с ним самим. Тем лучше — ведь это значит, что оно *взято из жизни*.

65

Однажды, когда мне было пятнадцать лет, мне пришлось в одной из дербширских пещер плыть в лодке (где можно было поместиться только вдвоем, да и то лежа) под скалой, которая нависает над водой так низко, что перевозчик (подобие Харона) должен толкать лодку, а сам идет за ней, все время нагибаясь. Моей спутницей была М. А. Ч [аворт], в которую я долго был влюблен, не признаваясь в этом, хотя *она* сумела узнать мою тайну. Помню свои ощущения, но описать их не могу — пожалуй, оно и лучше.

Мы ездили тогда компанией: некий мистер В., две его дочери, мистер и миссис Кл [ар]к, мисс М. и *моя* М. А. Ч [аворт]. Увы! Зачем я говорю — *моя*? Наш союз мог бы положить конец вражде, из-за которой пролилась кровь наших предков; он объединил бы обширные и богатые земли;

^{1*} Скука (фр.).

соединил бы сердца, по крайней мере *одно*, и двух людей, подходящих друг другу по годам (она старше меня на два года), и что ж? Она вышла за человека много старше ее, была с ним несчастлива и разошлась. Я женился и тоже разошелся, и все же мы не соединились.

66

В отличие от своих современников, я держусь того мнения, что наше время никак не является периодом расцвета английской поэзии: (Soi-disant ^{1*}) поэтов стало *больше*, а поэзии соответственно *меньше*.

Этот тезис я защищал на протяжении ряда лет, но, как ни странно, не нахожу поддержки у моих собратьев по перу. Даже Мур качает головой и твердо верит, что мы живем в великую эру английской поэзии.

67

Когда я ведал делами Д[рюри]-Л[ейнского] театра и состоял в Комитете по управлению им, скопилось около *пятисот* пьес. Полагая, что среди них должны найтись стоящие, я распорядился обследовать их и тоже принял в этом участие. Помню, что из тех, которые я прочел сам, не было ни одной сколько-нибудь сносной. Большинство было совершенно немислимо.

Мэтьюрин ¹ был горячо рекомендован мне Вальтером Скоттом, к которому я обратился, во-первых, в надежде, что он что-нибудь напишет для нас сам, а во-вторых, с просьбой указать какого-нибудь молодого (или старого) многообещающего автора, которого мы отчаялись найти. Мэтьюрин прислал своего «Бертрама» и письмо без *обратного адреса*, так что я сперва не мог ему ответить. Когда я наконец обнаружил его местожительство, я послал ему благоприятный ответ и нечто более существенное. Пьеса его имела успех, но меня тогда не было в Англии.

Я обращался и к Кольриджу, но у него в то время не было ничего подходящего. Мистер Сотби любезно предложил *все* свои трагедии, и я связал себя обещанием; несмотря на ряд ссор с членами Комитета, я добился, чтобы «Иван» был принят к постановке; читка состоялась и роли были распределены. Но увы! в разгар работы, из-за прохладного отношения Кина или чрезмерной горячности автора, Сотби взял свою пьесу обратно.

Сэр Дж. Б. Берджес ² тоже предложил четыре трагедии и фарс; я убеждал, как мог, и актеров, и Комитет — но они остались непреклонны.

^{1*} Так называемых (*фр.*).

А какие сцены мне пришлось выдерживать! Сколько авторов и авторш, сколько портных, диких ирландцев, жителей Брайтона, Блекуолла, Ча-тама, Челтнама, Дублина и Данди мне пришлось принять! И каждому надо было вежливо ответить, каждого прослушать или прочитать. Отец миссис Гловер, шестидесятилетний ирландец, по профессии учитель танцев, пришел просить роль Арчера³ и для этого надел в мороз шелковые чулки, чтобы показать свои ноги; они были типично ирландские и несомненно недурны для его возраста, а в свое время были еще лучше. Приходила мисс Эмма Такая-то с пьесой под заглавием «Богемский разбойник» или что-то в этом роде. Приходил мистер О' Хиггинс, проживавший тогда в Ричмонде, с ирландской трагедией, где во всяком случае не могли не соблюдаться единства, потому что главный герой был все время прикован за ногу к столбу. Это был дикарь свирепого вида, и желание смеяться сдерживалось *только* размышлением над возможными последствиями такого веселья.

Я по природе вежлив и учтив и *не* люблю причинять людям боль, когда этого можно избежать; а потому я отсылал их к Дугласу Киннэрду, человеку деловому, который умеет без колебаний сказать «нет», и предоставлял ему вести все подобные переговоры. В начале следующего года я уехал за границу и с тех пор мало что знаю о театральных делах.

68

Говорят, что актеры — народ весьма несговорчивый. Так оно и есть. Но мне удавалось избегать столкновений с ними, и я не помню, чтобы я о чем-нибудь спорил, кроме как однажды с Бирном-старшим¹ относительно Па-де-Сколько-то (подробности я забыл) мисс Смит. Я покровительствовал мисс Смит, — она напоминала лицом леди Джейн Харли, а сходства имеют для меня большое значение. Обычно же я предоставлял эти дела моим более усердным коллегам, которые всерьез упрекали меня, зачем я не умею вести дело без того, чтобы самому не скоморошничать с лицедеями и не вносить беспорядка своим легкомысленным отношением к пустякам.

69

А Комитет! А Подкомитет! Нас было мало, но мы никогда не могли сговориться! Питер Мур¹ спорил с Киннэрдом, а Киннэрд — со всеми. А два наших менеджера — Рэ² и Дибдин³, а секретарь Уорд! И все-таки все мы во-всю старались сеять доброе и т. д. Хобхауз сочинял прологи для наших постановок старых английских пьес, но обиделся на меня, когда я назвал его «Эптоном» нашего театра (мистер Эптон — поэт,

который пишет или писал песенки для цирка Астли), и готов был из-за этого бросить сочинение прологов.

70

Пантомима 1815—1816 г. воспроизводила маскарад 1814 г., который «мы, молодежь» клуба Ватье устраивали в честь Веллингтона и К°. Дуглас Киннэрд, я и еще двое-трое надели маски и поднялись на сцену к οἱ πολλοὶ^{1*}, посмотреть, как выглядит зал со сцены. Выглядит он весьма внушительно. Кроме того Дуглас принял участие в танцах статистов, и они, насчитав двух лишних людей, гадали, кто же мы такие. Странно, что и Д[углас] К[иннэрд] и я присутствовали на *настоящем* маскараде, а потом на изображении его на сцене Д[рюри]-Л[ейнского] театра.

71

В юности у меня находили хорошие актерские способности. Кроме выступлений в «Ораторском клубе Харроу», где я блистал, я имел большой успех в ролях Пенраддока в «Колесе Фортуны»¹ и Тристрама Фикля в фарсе Аллингема² «Флюгер», который мы показали три раза (таковы были условия контракта) в Саутвелле в 1806 г. Пролог к нашему любительскому спектаклю был также моего сочинения. Остальные роли были сыграны местными молодыми девицами и юношами, и весь спектакль был отлично принят нашей снисходительной публикой.

72

Поступление в университет было для меня новым и тяжелым переживанием. Во-первых, мне так не хотелось расставаться с Харроу, хотя уже было пора (мне минуло семнадцать лет), что весь последний семестр я тосковал, считая оставшиеся дни. Вначале я *ненавидел* Харроу, но в последние полтора года полюбил его. Во-вторых, мне хотелось поступить в Оксфорд, а не в Кембридж. В-третьих, я был совершенно одинок в новой среде и поэтому подавлен. Нельзя сказать, чтобы мои товарищи были необщительны, напротив — они были остроумны, гостеприимны, знатны, богаты и веселы гораздо более меня. Я вошел в их круг, обедал и ужинал с ними и т. п., но, не знаю почему, сознание, что я уже не мальчик, было одним из самых гнетущих чувств в моей жизни. С того времени я стал почитать себя стариком, а надо сказать, что я не почитаю этот возраст. Я очень быстро прошел все ступени порока, но они мне

^{1*} Толпе (греч.).

не нравились; ибо первые мои чувства, хотя и крайне бурные, сосредоточивались на одном объекте и не растрчивались по мелочам. С любым существом или ради него я готов был отречься и удалиться от света; но, несмотря на пылкий темперамент, которым меня наделила природа, я не мог без отвращения предаваться принятому там пошлomu разврату. Но именно это отвращение и одиночество моего сердца увлекло меня к излишествам быть может более роковым, нежели те, которые так меня отталкивали; ибо я сосредоточивал на одном объекте страсть, которая, будучи поделена между многими, повредила бы мне одному.

73

Люди немало удивлялись меланхолии, которая звучит в моей поэзии. Другие дивятся моей веселости в жизни; помню, что однажды, когда я был в обществе искренне весел и даже блистал, и это было замечено моей женой, я сказал ей: «Вот видишь, Белл, а ведь меня так часто зовут Меланхоликом — и часто совершенно напрасно». Но она ответила: «Нет, Б[айрон], это не так: *в душе* вы самый глубокий меланхолик и часто именно тогда, когда наружно всего более веселитесь».

74

Если бы я мог подробно объяснить *истинные* причины, усилившие мою, быть может *природную*, склонность к той меланхолии, которая сделала меня притчей во языцех, никто бы уже не удивился; но это невозможно, ибо наделает больших бед. Я не знаю, как живут другие, но не могу себе представить ничего более странного, чем моя жизнь бывала в молодости. Я написал свои воспоминания, но опустил при этом все действительно *важное* и *значительное*, из уважения к мертвым, к живым и к тем, кому суждено быть и тем и другим.

75

Я иногда думаю, что мне следовало бы написать *обо всем* ради урока, но может оказаться, что урок послужит для *подражания* вместо предостережения; ибо страсть — как водоворот, который нельзя созерцать вблизи—она притягивает.

76

Не стану больше размышлять над этим, чтобы не выдать тайны, которая потрясла бы потомство.

77

Однажды в игорном доме (это было еще до моего совершеннолетия) Скроп Дэвис напился, что обычно бывало с ним к полуночи, и проигрался, но друзья, чуть менее пьяные, чем он, не могли уговорить его идти домой. Пришлось предоставить его самому себе и демонам игры. На следующий день, около двух часов пополудни, проснувшись с жестокой головной болью и пустыми карманами, друзья Скропа (которые расстались с ним часов в пять утра, когда он был в проигрыше) застали его крепко спящим, без ночного колпака и вообще почти без всякой одежды; подле него стоял ночной горшок, *доверху полный... банкнотами!* Скроп не помнил, как он их выиграл и как туда засунул, но их там было на несколько тысяч фунтов.

78

В 1808 году в Brighthelmstone ¹ (люблю соблюдать орфографию) Хобхауз, Скроп Дэвис, майор Купер и я, пообедав с лордом Делвином, графом (позабыл французскую эмигрантскую номенклатуру) и другими, среди ночи *вчетвером* отправились в игорный дом, имея *на всех* около *двадцати гиней* наличных денег, на каковые средства мы должны были содержать такое же количество лошадей и слуг, не говоря уже о расходах на хозяйство и девок. Итак, у нас было около двадцати гиней, и мы их проиграли и вернулись в прескверном расположении духа. Купер отправился домой, а Скроп, Хобхауз и я пошли купаться в море (дело было летом); те, кто умел плавать (Скроп и я), с полчаса плавали, а затем, облачившись в халаты, мы решили распить дома пару бутылок шампанского или белого рейнского. Пока мы решали, что именно будем пить, возникли разногласия. Скроп схватил X [обхауза] за горло; X [обхауз], боясь, что тот его задушит, стал обороняться ножом и пырнул Скропа в плечо. Скроп упал, обливаясь кровью и вином, — падая, он повалил *бутылку* — вдребезги пьяный от игры, ночного купанья и дополнительного шампанского. Все произошло так мгновенно, что я не успел вмешаться. Разумеется, я прочел им наставление о пагубности азартных игр —

Pugnare Thracum est ^{1*}

а затем осмотрел рану Скропа, которая оказалась широким и длинным, но не глубоким и не опасным порезом. Скроп был в бешенстве; сперва он пожелал драться на дуэли, затем — немедленно уехать, а затем вы-

^{1*} Фракийцы воинственны (лат.).

разил намерение *застрелиться*; последнее я одобрил, требуя только, чтобы он не воспользовался для этого *моими пистолетами*, которые в случаях самоубийства конфискуются в пользу короля. Наконец, с большим трудом и многочисленными проклятиями, его удалось уложить в постель. Утром явился врач, и отрезвляющее раздумье, потеря крови и липкий пластырь уняли и жар в ране и пыл ссоры (затейной Скропом), и мы снова были друзьями, как были ими многие годы до и после этого.

79

Мой первый опыт в поэзии относится к 1800 г. Он был внушен мне любовью к моей кузине Маргарет Паркер (дочери младшего и внучке старшего адмирала Паркера), одному из прекраснейших, недолговечных созданий. Свои стихи я давно уж забыл, но ее забыть трудно. Темные глаза, длинные ресницы и чисто греческий овал лица! Мне было тогда лет двенадцать — ей, кажется, на год больше. Она умерла года два спустя¹, в результате падения, которое повредило ей позвоночник и вызвало чахотку. Ее сестра Августа (которую некоторые находили еще прекраснее) умерла от той же болезни; несчастный случай, повлекший за собой смерть Маргарет, произошел с ней, когда она ухаживала за сестрой. Моя сестра говорила мне, что когда она навестила Маргарет незадолго до смерти и случайно упомянула обо мне, у Маргарет сквозь бледность проступил густой румянец; это очень удивило мою сестру, которая в то время жила у своей бабушки, леди Холдернесс, почти не видалась со мной по семейным причинам, не знала о нашей привязанности и не могла понять, отчего мое имя так ее взволновало в такое время. А я, живя то в Харроу, то в деревне, не знал о ее болезни, пока она не умерла.

Несколько лет спустя я попытался сочинить элегию. Получилось очень плохо. Я не помню ничего равного *прозрачной* красоте моей кузины или ее кротости в течение нашей недолгой близости. Она казалась сотканной из радуги — все в ней было красота и неземной покой.

Страсть моя имела обычные следствия: я не мог спать, не мог есть, не находил покоя и, хотя знал, что она разделяет мое чувство, терзался мыслью о том, как долго надо ждать следующей встречи — а расставались мы обычно часов на двенадцать. Я был тогда глупцом — а впрочем, не поумнел и теперь.

80

Страсть проснулась во мне очень рано — так рано, что немногие поверят мне, если я назову тогдашний свой возраст и тогдашние ощущения. В этом, быть может, кроется одна из причин моей ранней меланхолии — я и жить начал чересчур рано.

В моих юношеских стихах выражены чувства, которые могли бы принадлежать человеку по крайней мере на десять лет старше, чем я тогда был; я имею в виду не основательность размышлений, а заключенный в них жизненный опыт. Первые две песни Ч[айльд] Г[арольда] я завершил к двадцати двум годам, а кажется, что они написаны человеком такого возраста, до которого я вряд ли доживу.

81

[Опущено Байроном]

82

В 1809 г. на Парнасе, по дороге к дельфийскому источнику (Кастри), я увидел двенадцать летящих орлов (Хобхауз уверяет меня, что это были стервятники) и счел это знамением. Накануне я сочинил строки к Парнасу (в «Чайльд Гарольде») и при виде птиц решил, что мой дар угоден Аполлону. В поэтический период жизни (от двадцати до тридцати) я вкусил поэтической славы; будет ли так и дальше, другой вопрос; но я был почитателем этого божества и этих мест; вознося ему благодарность за его дары, я оставляю в его руках грядущее, как оставил прошедшее.

83'

Подобно Сулле, я всегда считал, что все зависит от Судьбы и ничто — от нас самих. Я не могу назвать ни одной своей мысли или поступка, принесших пользу мне или другим, которыми я не был бы обязан благой богине Фортуне!

84

Года два-три назад я думал посетить одну из Америк — Английскую или Латинскую. Но сведения, полученные из Англии в ответ на мои запросы, отбили у меня охоту. Думаю, что все страны в сущности одинаковы для *чужеземца* (но никак не для *коренных жителей*). Я вспомнил надпись в доме генерала Ладлоу:

Omne solum forti patria^{1*}

и свободно обосновался в стране, веками пребывающей в рабстве. Но среди рабов *нет* свободы, даже для *господ*, и при виде этого кровь моя вскипает. Иногда мне хотелось бы быть повелителем Африки и немед-

^{1*} Храбрецу вся земля — родина (*лат.*).

ленно осуществить то, что со временем сделает Уилберфорс, а именно — уничтожить там рабство и увидеть первый праздник Освобождения.

Что касается рабства политического — столь обычного, — то в нем повинен сам человек — если он *хочет* рабства, пусть! А ведь только всего и нужно, что «слово и удар»¹. Смотрите, как освободились Англия, Франция, Испания, Португалия, Америка и Швейцария! Не было случая, чтобы *люди* в результате *долгой* борьбы не одержали победы над реакционным режимом. Тирания подобна тигру: если *первый* прыжок ей не удастся, она трусливо пятится и обращается в бегство.

85

Один итальянец (младший из графов Руота) в 1820 г. в письме из Равенны к одному своему другу в Риме пишет обо мне, как нечто весьма лестное, что «в обществе никто не принял бы его за англичанина», хотя все же считает, что в глубине души я англичанин — так я выделяюсь своими манерами. Это в его устах было высшей похвалой и я ее принял как таковую. Письмо было мне показано в этом году адресатом, графом П[ьетро] Г[амба] или его сестрой.

86

Мне случалось писать рецензии. «Мансли ревью» поместило некоторые мои статьи. Это было в конце 1811 г.¹ В 1807 г. я рецензировал для журнала «Ежемесячные литературные досуги» чепуху, которую писал тогда Вордсворт. Кроме этого у меня на совести нет больше анонимных критических статей (насколько я помню), хотя наши главные журналы не раз *предлагали* мне писать рецензии.

87

Как это ни странно, но до восемнадцати лет я не прочел ни одного журнала. Однако в Харроу я был осведомлен во всех современных вопросах, и всем казалось, что это можно почерпнуть только из *журналов*, потому что меня никогда не *видели* за чтением — вечная праздность, игры и проказы. Дело в том, что я читал за едой и в постели — читал, когда никто не читает; с пяти лет я читал самые разнообразные вещи; журнал просто ни разу мне не *попался*: только поэтому я их и не читал. Но это было именно так. Когда Хантер и Керзон высказали это предположение в Харроу в 1804 г., я рассмешил их, спросив с нелепым удивлением: «А что такое обозрение?» Правда, тогда их было не так много.

Года три спустя я был уже лучше знаком с ними, но самое первое прочел не раньше 1806—1807 г.

88

В школе (как я уже говорил) я отличался широтой *общих* познаний, но в остальном был ленив; я был способен на героическое кратковременное усилие (вроде тридцати-сорока греческих гекзаметров — их просодия, разумеется, получалась как бог на душу положит), но не на систематический труд. Я проявлял скорее ораторские и военные, чем поэтические способности. Доктор Д[жюри], мой покровитель и ректор нашей школы, уверенно заключал из моей говорливости, бурного темперамента, звучного голоса, увлечения декламацией и игрой на сцене, что я буду оратором. Помню, что моя первая декламация на нашей первой репетиции вызвала у него невольную похвалу (как правило, он был на нее скуп). Мои первые стихи, сочиненные в Харроу (в качестве учебного задания по английскому языку) — перевод хора из эсхилова «Прометея» — были встречены им холодно — никто не предполагал, что я могу опуститься до стихотворства.

89

Оратор и государственный деятель Пиль («в прошедшем, будущем или настоящем») был моим товарищем по классу, и оба мы были на самой верхушке (выражаясь школьным языком). Мы были с ним в приятельских отношениях, но гораздо ближе я сошелся с его братом. Все мы — наставники и ученики — возлагали на Пиля большие надежды и не обманулись в нем. В учении он намного превосходил меня, в декламации и актерском искусстве мы считались равными. Вне школы я вечно попадался в разных проказах, а он — никогда; *в школе он всегда* знал урок, а я — редко, но когда знал, то знал не хуже его. В *общих* познаниях, в истории и пр., мне кажется я был сильнее его, как и большинства мальчиков моего класса.

89

[Так пронумеровано Байроном]

Нашим школьным феноменом был Джордж Синклер (сын сэра Джо-на): он писал упражнения для половины школы (*буквально*); стихи по желанию, а сочинения даже без такового. Еще будучи в четвертом классе, он писал упражнения для своего дяди Дадли Макдональда, ученика шестого класса (тупицы, умевшего только одно: играть на флейте). Мы были с ним приятели и одноклассники, и он, случилось, просил дать ему

приготовить за меня уроки — просьба, которую я охотно выполнял, когда они оказывались у меня неприготовленными в последний момент или когда мне хотелось заняться чем-нибудь другим, а этого мне хотелось ежечасно. Зато он был смирен, а я весьма свиреп, и я дрался вместо него, бил за него других или бил его самого, чтобы побудить его драться, когда этого требовала честь. Мы говорили с ним о политике, в которой он был весьма сведущ, и вообще дружили, и я донныне храню некоторые из его школьных писем.

90

Было у нас в школе еще одно Чудо учености и талантов, подававшее большие надежды — Клейтон, но что с ним случилось, не знаю. Это несомненно был человек выдающийся.

91

Школьная дружба была для меня *страстью* (я был страстен во всем), но, кажется, ни разу не оказалась прочной (правда, в некоторых случаях она была прервана смертью). Дружба с лордом Клэрмом, одна из самых ранних, оказалась наиболее длительной и прерывалась только разлукой. Я до сих пор не могу без волнения слышать имя «Клэр»¹ и пишу его с тем же чувством, что и в 1803—1804—1805 гг. *ad infinitum*^{1*}.

92

В 1812 году в Миддлтоне (у лорда Джерси) в многочисленной компании лордов, знатных дам и остряков оказался бедный старый Вайс Лич, адвокат, строивший из себя джентльмена. Его первая попытка — он взялся, кажется, сопровождать дам верхом, бог весть куда, в ноябре месяце — кончилась приступом люмбаго, «лютого врага всякой галантности», как говорит лорд Оглби, и если бы он мог слышать (как слышал я) насмешки леди Джерси над *причиной* его болезни, он едва ли попытался бы еще раз изображать «дамского угодника». Он показался мне самым большим дураком (по этой части), какого мне довелось видеть. С тех пор я встречал старого Вайса Лича только в городе, где он приползал на светские приемы, стараясь ²казаться молодым джентльменом.

93

Был там также Эрскин — этот, кажется, всем взял, и все же был невыносим. Он и шутил, и беседовал, и все — отлично, но непременно хотел по два раза срывать похвалы за одно и то же. Он читал свои стихи,

^{1*} До бесконечности (лат.).

свои заметки и непрерывно говорил о себе — да еще о «суде присяжных»!! Я готов был желать отмены этого суда, потому что сидел с ним рядом за обедом. Я читал его опубликованные речи и он мог бы не повторять их мне снова.

Честер (охотник на лисиц), по прозвищу «Нахал», и я были там единственными, кто потягивал кларет. «Нахал» — любитель выпить — не ожидал, что сочинитель окажется бонвиваном, и принялся однажды вечером расхваливать меня кому-то, закончив свой панегирик словами: «Истинный бог! Он пьет как настоящий мужчина!»

94

Кроме нас с «Нахалом» никто не пил. Правда, им редко представлялся случай, потому что мы выпивали все, что подавалось (а погреб у Джерси был отличный, как можно себе представить). Но мы умели пить, не пьянея, как барон Бредуардайн¹.

95

Если бы мне пришлось начинать жизнь сначала, я пожалуй не выбрал бы иного удела, разве только *совсем не родиться*. История, опыт и все прочее показывают, что добро и зло в общем уравниваются в нашей жизни и что самое желанное это — уйти из нее без мучений.

Что может принести нам жизнь, кроме *годов*? А они что могут принести хорошего, кроме собственного своего конца?

96

Бессмертие души представляется мне несомненным, стоит лишь задуматься над деятельностью ума. Эта деятельность непрерывна. Прежде я сомневался, но размышления убедили меня в этом. И как часто эта деятельность независима от тела: во сне, например, пускай бессвязно и безумно, но все же *дух* и духовное начало выражено яснее, чем когда мы бодрствуем. Кто может поручиться, что *он* не имеет *отдельного*, не слитного с телом существования? Стоики, Эпиктет¹ и Марк Аврелий² говорят, что в земной жизни «душа влачит за собой труп»; это, конечно, тяжкая цепь, но всякие цепи, как и вообще все материальное, можно разбить.

Другое дело, насколько будущая жизнь будет индивидуальным существованием, вернее, насколько она будет походить на нашу *нынешнюю*. Но *вечность Духа* представляется столь же несомненной, как бренность тела. Я взялся рассуждать об этом, не оглядываясь на библейское откоро-

вение, которое, впрочем, представляется не менее разумным решением вопроса, чем любое другое.

Воскресение *плоти* кажется странным и даже нелепым, разве только в целях наказания: а всякое наказание, имеющее целью *возмездие*, а не *исправление*, с нравственной точки зрения несправедливо. Раз настанет *конец света*, какое исправление или предостережение может заключаться в вечных муках? В этом пункте людские страсти, по-видимому, исказили божественное учение, но вообще все это непостижимо. Напрасно мне говорят, чтобы я *не рассуждал*, а *верил*. С тем же успехом вы можете приказывать человеку не бодрствовать, а *спать*. И при этом еще *запугивать* вечными муками! И всем прочим! Поневоле подумаешь, что *угроза* Ада создает столько же дьяволов, сколько злодеев создают жестокие кодексы бесчеловечного человечества.

Человек рождается с плотскими *страстями*, но и с врожденной, хотя и тайной любовью к Добру, коренящейся в его Духовном начале. Но да поможет бог всем нам! Сейчас человек — сборище атомов, среди которых царит полный разброд.

97

Материя вечна, она постоянно изменяется, но воспроизводится и, насколько мы в состоянии постичь вечность, она вечна; отчего бы и Духу не быть вечным? Почему бы Духу не действовать во Вселенной и на нее, подобно тому, как часть его одушевляет скопление праха, именуемое Человечеством? Мы видим, как может один человек действовать на себя, на окружающих и на целые толпы. То же Начало, на высшей, более чистой ступени способно, быть может, действовать и на небесные светила и пр., *ad infinitum* ^{1*}.

98

Я часто склонялся к материализму в философии, но не мог допустить его в *Христианстве*, которое представляется мне всецело основанным на *душе*. Поэтому христианский материализм Пристли ¹ всегда казался мне губительным. Верьте, если хотите, в воскресение *плоти*, *но не без души*. Неужели Душа, черт возьми, дана нам на этом свете (потому что интеллект, или назовите его как хотите, это и есть Душа), неужели она дана лишь для того, чтобы на том свете мы теряли ее даже ради Материального Бессмертия? Признаюсь, что отдаю предпочтение Духу.

^{1*} До бесконечности (*лат.*).

99

В солнечный день я всегда больше склонен к религиозности, точно существует некая связь между внутренним приближением к источнику света и чистоты и тем, что возжигает потайной фонарь нашей вечной жизни.

100

Ночь также располагает к религиозным размышлениям, особенно с тех пор, как я посмотрел на луну и звезды в телескоп Гершеля¹ и увидел, что это миры.

101

Если бы удалось, как позволяют некоторые данные, доказать, что мир на много тысячелетий старше ветхозаветной хронологии; или, если б можно было разделаться с Адамом, Евой, Змием и Яблоком, чем можно было бы их заменить? И как разрешить основное сомнение? Ведь должно же было быть начало всех вещей, а *когда* и *как* — это уж неважно.

Иногда я думаю, что *Человек* — потомок какого-то более высокого материального существа, уцелевший от иного мира, выродившийся вследствие лишений и борьбы, через Хаос пришедший к некому соответствию со средой — или нечто в этом роде. Недаром лапландцы, эскимосы и др. стоят в своем развитии тем ниже, чем суровее окружающая их природа. Но даже это предполагаемое доадамово творение должно было иметь Начало и *Творца*; ибо нам легче представить себе *Творца*, чем случайное сочетание атомов. Все в мире восходит к какому-то источнику, если даже и течет в Океан.

102

Странная вещь — размножение живых существ! Любая капелька семени, излившаяся в лоно шлюхи или в оргазме эротического сновидения, могла бы (почем знать) породить Цезаря или Бонапарта: ведь об их отцах кажется не известно ничего примечательного.

103

Лорд Кеймс¹ (если память мне не изменяет) сказал: «способность по своей воле вызывать приятные мысли была бы для смертных лучшим даром, чем все, о которых говорится в сказках».

У меня все усиливается (с краткими промежутками) угнетенное состояние (иногда не вызванное никакими особыми причинами), которое я имею некоторые основания считать врожденным или наследственным.

104

Плутарх ¹, в жизнеописании Лисандра ², цитирует слова Аристотеля: «Великие гении обычно подвержены меланхолии» и приводит в качестве примеров Сократа, Платона и Геркулеса (или Гераклита), а также Лисандра, правда, *не в молодости*; у него она проявилась лишь «на склоне лет». Не знаю, гений я или нет, но так меня называют и друзья и враги во многих странах и на многих языках на протяжении моей, не очень еще долгой, жизни. О моей гениальности я ничего не могу сказать, но о меланхолии должен сказать, что она «возрастает, а надо бы ее уменьшить» ³ — но как?

105

Думаю, что таково большинство людей в глубине души, но только у замечательных людей это бывает замечено. Герцогиня Брольи, когда я заговорил об ошибках умных людей, сказала: «они не *хуже* других, они только больше на виду, и все их поступки замечаются, особенно те, что снижают их до уровня обыкновенных людей или остальных поднимают до них». Этот разговор происходил в 1816 г.

106

Действительно, если бы люди замечали за глупцами все их глупости, так же как за мудрецами, то мудрые (которые сейчас кажутся всего лишь улучшенным сортом глупцов) показались бы почти умными.

107

Я несколько раз встречался с Джорджем Кольманом и находил его весьма приятным собутыльником. Юмор или, вернее, остроумие Шеридана всегда было мрачно, а порой свирепо: сам он никогда при этом не смеялся (я, по крайней мере, этого не видел, а я наблюдал за ним), а Кольман смеялся. Мне случилось сильно выпивать с ними обоими; но если бы мне пришлось выбирать между ними, я сказал бы, что начать вечер лучше с Шериданом, а кончить с Кольманом. К обеду — Шеридана, к ужину — Кольмана. С Шериданом лучше пить кларет или портвейн, а с Кольманом — все, что угодно, от обеденной мадеры и шампанского, или кларета вперемежку с портвейном, до ночного пунша и даже предрассветного грога и джина с водой. Всего этого я отведал с ними обоими. Шеридан был ротой лейбгвардейцев, а Кольман — целым полком ¹ — конечно, *легкой инфантерии*, но все же полком.

108

Говорят будто Алкивиад «побеждал во всех своих битвах», но что это были за битвы? Назовите их! Говоря о Цезаре, Ганнибале или Наполеоне, вы тотчас вспоминаете Фарсалии, Мунду, Алезию, Канны, Тразимены, Требию, Лоди, Маренго, Иену, Аустерлиц, Фридланд, Ваграм, Москву; назвать победы Алкивиада гораздо труднее — хотя и их можно назвать, правда не с такой легкостью, как Левктру и Мантинею Эпаминонда ¹, Марафон Мильтиада ², Саламин Фемистокла ³ и Фермопилы Леонида ⁴.

И все же несомненно, что из всех имен античности ни одно не окружено таким обаянием, как имя *Алкивиада*. Почему же так? Я не мог бы на это ответить; а кто может?

109

Поразительна тщета военной славы.

Предложите любому человеку *назвать, не задумываясь, десять павших при Трафальгаре* ¹ или Ватерлоо: на Нельсоне все застрянут; а второй переживет себя ².

Нельсон был героем, а тот, другой — всего лишь капралом, разделившим с пруссаками и испанцами удачу, которой он не заслуживал. Он даже — но я так ненавижу этого дурака, что лучше умолкну.

110

Негодяй Веллингтон — любимое детище Фортуны, но ей не удастся прилизать его так, чтобы получилось нечто приличное; если он проживет дольше, его разобьют — это несомненно. Никогда еще Победа не проливалась на столь бесплодную почву, как эта навозная куча тирании, где вызревают одни лишь гадючьи яйца.

111

Я встречал Блюхера на лондонских приемах и не помню менее почтенного старца. Обладая голосом и ухватками сержанта-вербовщика, он притязал на лавры героя; прославлять его — все равно, что прославлять победу камня, о который кто-то споткнулся.

112

Человечеству остается только Республика, и мне кажется, что на это есть надежды. Обе Америки (Южная и Северная) уже имеют ее; Испания и Португалия находятся на пути к ней, и все жаждут ее. О, Вашингтон!

Пиза, 5 ноября 1821

«В мелочах нашей жизни, Санчо, бывают порой странные совпадения», — говорит Стерн в каком-то из писем (если не ошибаюсь), и у меня часто оказывалось именно так.

На странице 128 этих отрывков¹, под номером 91 я упоминал о своем друге лорде Клэре в выражениях, подсказанных мне моими чувствами. Неделю или две спустя я встретил его, после семи или восьми лет разлуки, на дороге между Имолой и Болоньей. В 1814 г. он ездил за границу и вернулся в 1816 г., как раз когда я уехал.

Наша встреча на миг стерла в моей памяти все годы, прошедшие после Харроу. То было новое, непонятное чувство, подобное воскресению из мертвых. Клэр также был сильно взволнован — внешне даже *больше* меня; я чувствовал биение его сердца в пожатии руки, если только это не бился мой собственный пульс. Он сказал мне, что в Болонье я найду от него письмо. Так и оказалось. Нам пришлось разминуться и ехать дальше — ему в Рим, мне в Пизу, но весной мы обещали друг другу встретиться вновь. Мы провели вместе всего пять минут на проезжей дороге, но мне трудно вспомнить в своей жизни час, с которым их можно было бы сравнить. Он знал, что я еду, и оставил мне письмо в Б[олонье], потому что сопровождавшие его лица не могли задержаться там дольше.

Из всех, кого я знал, он менее всего изменился и менее всего утратил те высокие душевные качества, которые так сильно привязали меня к нему в школе. Я не мог предполагать, чтобы общество (или свет, как его называют) могло оставить на человеке так мало пагубных следов дурных страстей. Я говорю это не только по личному впечатлению; так говорили все, от кого я слышал о нем за годы нашей разлуки.

В Болонье я встретил Роджерса, провел там день и перевалил с ним через Апеннины. Он остался во Флоренции, я поехал дальше, в Пизу — 29, 30 окт. 1821 г.

Во Флоренции я вновь посетил картинную галерею и пр. Прежние мои впечатления подтвердились, но там было слишком много посетителей, чтобы я мог что-нибудь воспринять. Когда всех нас (человек тридцать-сорок) втиснули в зал камей, в конце галереи, я сказал Р[оджерсу], что «чувствую себя точно в полицейском участке». Я предоставил ему раскланиваться с какими-то знакомыми и прошел дальше один — и

только в эти несколько минут смог хоть что-нибудь воспринять из окружавших меня произведений искусства. Я не хочу сказать, что мне помешало бы общество Роджерса, который обладает отличным вкусом и способностью глубоко чувствовать искусство (и того и другого у него гораздо больше, чем у меня — потому что *первого* у меня совсем немного); я имею в виду толпу толкающихся зевак и путешествующих болтунов.

Один храбрый бритт при виде тициановой Венеры сказал женщине, которую держал под руку: «Вот это действительно здорово!» — и напомнил мне трактирщика в «Джозефе Эндрусе»¹, который размышлял о неизбежности смерти, и тоже «до чего верно!» (как отметила трактирщица жена).

В палаццо Питти я вспомнил, что советует Гольдсмит, чтобы прослыть знатоком, а именно: говорить, что картины лучше удалась бы, если бы художник приложил больше стараний, и хвалить работы Пьетро Перуджино².

116

Перечитывал недавно Фильдинга. Я слышал, что в Англии много толкуют о распространении радикализма, якобинства и т. д.; — пусть бы перелистали «Джонатана Уайльда Великого»¹. Неравенство состояний и низость верхушки общества нигде не изображены с большей силой, а презрение автора к Завоевателям и тому подобным таково, что живи он *сейчас*, «Курьер» объявил бы его главным Рупором и Агентом революционеров. Однако ж я не помню, чтобы это направление ума Фильдинга, видное на каждой его странице, было кем-нибудь замечено.

117

В Равенне между мной и очень хорошенькой крестьянкой (Розой Бенини, женой веттурино¹ Доменико Овиоли или Овиуоли) произошел следующий диалог:

Р о з а: Кто такой папа?

Я: Неужели вы этого не знаете?

Р о з а: Нет, не знаю. Так кто же он и что? Он — святой?

Я: Он — старик.

Р о з а: Ну разве не глупо столько говорить о нем, если он просто старик? А вы его когда-нибудь видали?

Я: Да, в Риме.

Р о з а: Вы, англичане, не слушаетесь папу?

Я: Нет, а вы слушаетесь?

Р о з а: Я ничего не знаю, а священники о нем говорят, это верно; я даже не знала, кто он такой.

Я записал этот диалог почти дословно и кажется ничего не прибавил и не убавил. Моей собеседнице еще нет восемнадцати лет; это моя старая приятельница. Меня поразило, что мне пришлось объяснять ей, *кто* такой папа; мне кажется, им пора было бы и без меня в этом разобраться. Но это — неоспоримый факт, имевший место всего несколько недель назад, перед моим отъездом из Равенны.

Пииза, 6 ноября 1821

118

1

Ты толкуешь о славе героев? Довольно!
Все дни нашей славы — дни юности вольной.
И стоит ли лавр, пусть роскошный и вечный,
Плюща и цветов той поры быстротечной?

2

На морщинистом лбу мы венцы почитаем.
Это — мертвый цветок, лишь обрызганный маем.
Что гирлянды сединам? — пустая забава.
Что мне значат венки, раз под ними лишь слава?

3

О слава! Польщенный твоей похвалою,
Я был счастлив не лестью, не фразой пустою,
А взором любимой, моей ясноокой,
Что, пленившись тобою, раскрылся широко.

4

Там тебя я искал, там тебя и нашел я,
Милых взоров лучи твои в перлы возвел я:
Где они освещали мой взлет величавый,
Там — я ведал — любовь, там — я чувствовал — слава!¹

Эти строфы (кроме четвертой, добавленной сейчас) я сочинил несколько дней назад, по дороге из Флоренции в Пиизу.

Пииза, 6 ноября 1821

119

10 декабря 1821 г. был день рождения моей дочери Ады — ей исполнилось шесть лет. Я не видел ее с тех пор, как ей был месяц от роду. Не я слышал, что это — цветущий ребенок с очень вспыльчивым нравом.

Я задумался над одним странным обстоятельством. Моя дочь, моя жена, моя сводная сестра, моя мать, мать моей сестры, моя внебрачная дочь и я сам — все мы *единственные* дети. Мать моей сводной сестры (леди Коньерс) имела от второго брака только мою сестру, а мой отец, женившись вторично на моей матери (тоже единственной дочери), имел только меня. Такое обилие *единственных* детей в *одной семье* достаточно странно и почти похоже на рок. Но известно, что самые свирепые звери имеют самый малочисленный помет — таковы львы, тигры и даже слоны, сравнительно кроткие.

120

18 мая 1822

Не брался за эти записки несколько месяцев — продолжать ли их? Chi lo sa? ^{1*}

В этом году я написал мало, но за прошлый год — изрядно. *Пять* пьес (из них две еще не опубликованы), несколько песен поэмы и др. С тех пор я начал кое-что еще; но я обескуражен, вернее, возмущен грубыми нападками, которые, как я слышал (ибо я видел лишь немногие из них), участились со всех сторон против меня и моих последних произведений. Впрочем, таким поведением англичане позорят себя больше, чем меня. Странно, но немцы говорят, что в Германии я гораздо популярнее, чем в Англии, а американцы говорили мне то же самое об Америке. Французы тоже издали много переводов (прозаических!), имевших большой успех, но я подозреваю, что *их* благосклонность (если таковая существует) основана на убеждении, что я не питаю любви к Англии и англичанам. Было бы странно, если бы я ее питал; и все же я не желаю им зла.

121

[На этом рукопись обрывается.]

^{1*} Кто знает? (*итал.*).

П И С Ь М А

97

РИЧАРДУ БЕЛГРЕЙВУ ХОППНЕРУ

Равенна, 23 июля 1821

Так как по всей стране идут репрессии, — все мои друзья арестованы или высланы — всему семейству Гамба пришлось уехать во Флоренцию — отцу и сыну по мотивам политическим (а госпоже Гвиччиоли потому, что *в отсутствие* отца ей угрожают заточением в *монастырь*), — я решил перебраться в Швейцарию, и они также. По правде говоря, мою жизнь здесь нельзя считать в безопасности, но такое положение длится уже год и поэтому не является главной моей заботой.

Я с этой же почтой пишу мистеру Генчу-младшему, женевскому банкиру, с просьбой приискать (если возможно) дом для меня и другой для семьи Гамба (отца, сына и дочери) на *Юрском* берегу Женевского озера, с мебелью и конюшнями (для *меня* во всяком случае) на восемь лошадей. Аллегру я возьму с собой. Не смогли бы вы помочь мне или Генчу в этих поисках? Семья Гамба находится сейчас во Флоренции, но уполномочила меня действовать от их имени. Вам известно, а может быть и нет, что они большие патриоты и оба — в особенности сын — отличные люди. *Это-то* я знаю, потому что недавно видел их в очень трудных обстоятельствах — не финансовых, а личных — и они вели себя геройски, не уступили и не отrekliсь.

Вы не можете себе представить, какому гнету подвергается страна — в Романье арестовано более тысячи человек всех сословий — иные высланы, иные заключены в тюрьму, без *суда* и следствия и даже без *обвинения*! Все говорят, что со мной сделали бы то же самое, если бы смели действовать открыто. Но я именно потому и остался, что высланы все мои знакомые, а их, пожалуй, будет не одна сотня.

Постарайтесь, если возможно, найти два дома с *обстановкой* и посоветайтесь об этом с Генчем. В обществе мы не нуждаемся и желали бы обрести лишь спокойный временный приют и личную свободу.

Примите уверения и пр.

P. S. — Не дадите ли вы мне некоторое представление о сравнительной стоимости жизни в Швейцарии и в Италии? Это нечто, о чем я успел

забыть. Я имею в виду *приличную жизнь, лошадей* и т. п., но никакой особенной роскоши. Прошу вас, однако, ничего окончательно не решать, пока я не получу вашего ответа, после которого я смогу обдумать наше переселение и т. д., и т. п.

98

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Равенна, 4 сентября 1821

Дорогой сэръ

С субботней почтой я послал вам яростное и гневное письмо по поводу типографской путаницы в «Дон Жуане». Прошу вас обратить на них внимание, хотя мой гнев уже сменился угрюмостью.

Вчера я принял вашего друга мистера Моумена ¹ и именно потому, что он *вам* друг; я не сделал бы этого ни для одного *англичанина*, кроме тех, кого *особо* чту. Я принял его со всей любезностью, какую можно было проявить в разгар укладки и упаковки всего, вплоть до столов и стульев; я через несколько недель переезжаю в Пизу и уже отправляю вещи. К сожалению, я не мог послать вам кое-что приготовленное для вас, потому что книги и все прочее были упакованы и увязаны так, что добираться до них пришлось бы целый месяц. Я дал ему в конверте итальянское письмо ², на которое я ссылаюсь в своей защите Джилкрайста ³. Хобхауз переведет его вам; оно вас насмешит, и его тоже, в особенности орфография. «*Megisani*» (они называют меня их «саро» или главой) означает «американцы»; так называют в Романье местных карбонариев, вернее, *народную* их часть, их *отряды*. Первоначально это было сообщество лесных охотников, называвших себя «американцами», а теперь оно включает несколько тысяч человек и т. д.; но я не стану дальше посвящать вас в тайну, которая может стать достоянием почтмейстера. Почему меня сочли их вождем, не знаю. Вождей у них много, «имя им легион». Однако это звание приносит больше чести, чем выгод; сейчас, когда их преследуют, я обязан им помочь, что я и делаю в меру своих возможностей. В один прекрасный день они снова восстанут, ибо правительственные дурни делают оплошности: они, как видно, *ничего* не знают, потому что арестовали и выслали многих из *собственной* своей партии и дали ускользнуть тем, кто им отнюдь не друг.

А что ты думаешь о Греции?

Письма ко мне адресуйте по-прежнему *сюда*, пока я не напишу еще раз.

С Моуменом я послал Муру свой дневник, но для публики он не годится, во всяком случае целиком; *частями* — может быть.

Я перечел «Жуанов»⁴ и нашел их отличными. Ваш синод был совершенно неправ, и когда-нибудь вы это обнаружите. Мне жаль, что я его не продолжаю, потому что у меня был готов весь план для нескольких песен, изображающих разные страны и широты. Вы ничего не пишете о *записке*, которую я вложил в письмо к вам и которая объясняет, почему я решил расстаться с этим замыслом (по просьбе госпожи Г {виччиоли}), но вы столь величавы, торжественны и заняты, что можно подумать, будто вы не издаете книги для «Министерства *Долготы*», а пытаетесь ее открыть.

Хотелось бы услышать, что Гиффорду *лучше*. Нам нельзя терять его — ни вам, ни мне.

Прилагаю примечание и прошу *не* забыть подтвердить его получение и опубликовать.

Ваш *Б.*

99

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Равенна, 12 сентября 1821

Дорогой сэр!

Во вторник я послал вам по почте, в трех отдельных пакетах, драму «Каин» в трех действиях, получение которой прошу подтвердить. В последнем монологе *Евы*, в последнем действии (там, где она прокликает Каина) прибавьте после заключительной строки следующие:

Пусть всюду,

Где ступишь ты, трава иссохнет! Пусть

Зеленый лес тебе откажет в сени,

Земля — в жилище, прах — в могиле, солнце

В сиянии, и небеса — в их боге!¹

В сочетании с тем, что я уже послал вам, получается самая красноречивая анафема, какую вы могли бы пожелать себе за всю вашу деловую жизнь. Не забудьте только добавить приведенные строки: они завершают речь *Евы*.

Сообщите мне, что скажет Гиффорд (если драма дойдет благополучно), потому что я высокого мнения о ее поэтических достоинствах; как и «Манфред», она написана в моей веселой метафизической манере.

Отдайте же, по крайней мере, должное плодовитости и разнообразию моей музыки, если вспомнить, что я успел сделать за последний год и три месяца, и притом в такое время, когда голова моя была полна другими, более мирскими, делами. Но вы, конечно, постараетесь не сказать ни одного доброго слова, чтобы я не повысил цену; что ж, правильно, надо

же вам делать дела! Сообщите, что пишут остальные ваши оборванцы; вы, кажется, не любите одновременно выпускать нескольких из ваших бродяг. Можете пустить их вперед, я не возражаю.

Если моя драма поспеет во-время, чтобы пойти вместе с двумя другими, напечатайте их *вместе*. Если нет, то отдельно, в *том же* формате, чтобы покупатели имели нечто единообразное. Прошу поскорее прислать мне корректуру всего текста. Он длиннее, чем «Манфред».

Почему вы не издаете моего «Пульчи»², лучшее из всего, что я написал, с приложением итальянского оригинала? Хотел бы я быть поближе к вам; когда человек далеко, ничто не делается как следует, и все ставят ему палки в колеса, потому, что *можно*. Если я *когда-нибудь* вернусь в Англию (впрочем, этого не будет), я напишу поэму, рядом с которой «Английские барды и т. д.» покажутся парным молочком. Ваш нынешний мир литературных фигляров так и просится в подобную «Аватару»³; — но я еще не накопил достаточно желчи; еще один-два сезона, еще одна-две выходки против меня, и меня доведут до надлежащего состояния, а тогда и задам же я им всем!

Из книг вы мне прислали совершенную дребедень; кроме романов Скотта и еще трех-четырех вещей, я никогда не видел ничего подобного. Кэмпбелл умничает, Мур бездельничает, Саути пустословит, Вордсворт пускает слюни⁴, Джоанна Бэйли⁵ пускает в штаны, Кольридж завирается, Баулс пререкается, плачется и играет словами. Милман⁶, пожалуй, *сойдет*, если не будет слишком ханжить или подражать Саути; поэтический дар у него есть, но он завистлив и несчастен, как все завистники. Все же среди нынешних он — один из лучших. Барри Корнуолл⁷ еще покажет себя, если его не испортит зеленый чай и похвалы Пентонвилля и Парадайз Роу. Беда этих людей состоит в том, что им не пришлось жить ни в *высшем свете*, ни в *уединении*; а без этого не узнаешь мира ни в *движении*, ни в *покое*. Если их и допускали в свет на один сезон, то лишь как *зрителей*, но не как часть действующего механизма. Мур и я, один — благодаря особым обстоятельствам, другой — благодаря рождению, имели свободный доступ в свет и могли подслушать его пульс и его страсти, *quam partes fuimus*^{1*}. Оба мы почерпнули оттуда многое, чему не могли бы научиться в другом месте.

Ваш Б.

P. S. — Недавно видел одного из ваших собратьев, этакого союзного монарха с Граб-Стрит, а именно Моумена Великого, с которым послал вашему императорскому величеству всеподданнейший привет. Завтрашняя почта быть может доставит мне письмо от вас; но вы самый неблагодарный и нелюбезный из корреспондентов. Правда, у вас есть неко-

^{1*} В которых мы приняли участие (*лат.*).

торые извинения, при том количестве политиканов, пасторов, лезущих в сочинители, и бездельников, какое постоянно толпится в вашей приемной; когда-нибудь я составлю вам их *стихотворный* каталог.

Почта пришла, письма нет — но ничего.

Как здоровье миссис Меррей и Гиффорда? Лучше? Напишите, что *хорошо*.

Прошу поздравить мистера Хебера ⁸ с избранием.

100

ТОМАСУ МУРУ

Равенна, 19 сентября 1821

Весь в поту и в пыли, проклиная все на свете, я отправляю свои вещи, мебель и пр. в Пизу, куда перебираюсь на зиму. Причиной этому — изгнание всех моих друзей-карбонариев, в том числе всей семьи госпожи Г[виччиоли], которая, как вам известно, на прошлой неделе развелась с мужем, и все из-за «П. П., писца из нашего прихода», а теперь вынуждена уехать вместе с отцом и родными, сосланными в Пизу; иначе ее заточат в монастырь, ибо папское решение по ее делу требует ее пребывания в *casa paterna* ^{1*} или, приличия ради, в монастыре. Я не мог, как Гамлет, сказать «ступай в обитель» ¹, и вот я готовлюсь за ними следовать.

Скверная штука — любовь; она мешает всем нашим стремлениям к добру или славе. Недавно я собрался в Грецию (потому что здесь все, видимо, конечно) с ее братом, отличным, смелым малым (я видел его в деле), влюбленным в свободу. Но слезы женщины, которая ради вас оставила мужа, и собственное ваше слабодушие берут верх над этими намерениями, и едва ли я осуществлю их.

Мы колебались между Швейцарией и Тосканой; я высказался за Пизу; она ближе к Средиземному морю, которое я люблю, ибо оно омывает любимые мной берега и связано с воспоминаниями юности, воспоминаниями о 1809 г. Швейцария — гнусная страна себялюбивых и грубых свиней, занимающая самую романтическую местность на земном шаре. Я всегда терпеть не мог тамошних жителей, а еще меньше — английских туристов; вот почему, справившись о жилье для нас и узнав, что во всем женевском и других кантонах расселились англичане, я немедленно отказался от намерения туда ехать и убедил семью Гамба сделать то же самое.

С последней почтой я послал вам «Ирландскую аватару»² — что вы о ней думаете? Последняя строка: «Без проклятий не мог он никем быть назван» не годится. У меня возникли также сомнения насчет строки: «За убийства улыбками платишь ему».

^{1*} Родительском доме (*итал.*).

Прошу вас пройтись вашим поэтическим пером по рукописи и выбрать наименее неудачные из моих поправок. И если Присциану³ еще где-либо проломили голову, прошу наклеить пластырь. Я писал в величайшей спешке и ярости и на другой же день отослал вам; поэтому там наверняка есть неудачно построенные фразы и довольно бесцеремонное обращение с ритмом.

Насчет того, что Анна Сьюард называет «свободой переписывания» — она это делает в своей жалобе на мисс Матильду Мэглтон, высокообразованную дочь викария Вустерского собора, которая как раз злоупотребила указанной «свободой переписывания», поместив в «Мальвернском Меркурии», в качестве *собственного* произведения и за *своей* подписью, стихотворение мисс Сьюард «Элегия, посвященная Южному Полюсу», за два года до того переписанное ею с дозволения автора — итак, насчет «свободы переписывания»: я отнюдь не возражаю против списывания стихов некоторыми благожелательными людьми, при условии, чтобы с ними не обходились чересчур свободно и чтобы небрежность переписчиков не бросала тень «на мои части речи»⁴.

Полагаю, что в данном случае «пресса его величества» может не опасаться злоупотреблений, если издателям журналов дороги остатки личной свободы. Это самое дерзкое обличение, какое когда-либо сулило издателю прямую дорогу в «Ботани»⁵. Пусть *попробуют* перепечатать, *им же* будет хуже. Что касается меня, то я готов дать объяснения любому джентльмену, хотя и не признаю «права сыска» в случае неопубликованного произведения и неподписанных стихов. То же относится к вещам, напечатанным *без* согласия автора. Надеюсь, что вам понравились хотя бы заключительные строки поэмы.

Что вы делаете и где пребываете? В Англии? Пригвоздите Меррея к его собственному прилавку, пока он не раскошелится. С тех пор как я писал вам прошлый раз, я послал ему еще одну трагедию — названную «Каин», — так что теперь у него или у типографщика находятся уже три моих рукописи. Трагедия написана в метафизическом стиле «Манфреда» и полна титанической декламации; одним из действующих лиц является Люцифер, который путешествует с Каином над звездами, а потом спускается с ним в Гадес, где показывает ему призраки прежнего мира и его обитателей. Я исходил из гипотезы Кьюве о том, что мир три или четыре раза переживал грандиозные катастрофы и, вплоть до эпохи Моисея, был населен мамонтами, бегемотами и невесть кем, но *не* людьми, что доказано различными слоями найденных костей — среди них есть кости известных и не известных нам животных, но человеческих нет. Поэтому я предположил, что Каину были показаны *разумные* существа доадамовой эпохи, наделенные более высоким интеллектом, чем человек, но совершенно несхожие с ним внешне и гораздо более сильные духом

и телом. Вы можете заключить из этого, что светскую беседу, которую он ведет по всем этим вопросам с Люцифером, нельзя назвать вполне канонической.

Кончается все тем, что Каин, вернувшись, убивает Авеля, частью из недовольства политической обстановкой в раю, из-за которой все они оказались оттуда изгнаны, частью потому (как сказано в Книге Бытия), что жертва Авеля оказалась более угодной богу. Надеюсь, что мое творение дошло до вас — в нем три действия и подзаголовок «Мистерия», в подражание тем мистериям, которые по старому христианскому обычаю некогда разыгрывались в церкви, а также потому, что она, вероятно, останется такой для читателя.

Ваш и т. д.

101

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Равенна, 20 сентября 1821

Дорогой Меррей!

Не надо присылать «Синие чулки»¹ — это простая буффонада, вовсе не предназначенная для печати.

Бумаги, о которых я писал на случай, если вы меня переживете, — это — архив писем, полученных мною с шестнадцатилетнего возраста и находящихся в сундуках, которые я оставил на хранение мистеру Хобхаузу. Кроме того, еще столько же, если не больше, находится сейчас у меня — эти все получены после моего изгнания. Я хотел бы, чтобы издатель имел к ним доступ не для того, чтобы злоупотребить доверием или оскорбить память умерших корреспондентов и чувства живых; там есть вещи, не вызывающие подобных опасений; но я все же не отметил их и не объяснил; как всегда в подобных случаях, их может разъяснить только Время, хотя некоторые из этих вещей говорят в мою пользу. Задача эта, разумеется, потребует деликатности, но на нее можно рассчитывать, если Мур и Хобхауз переживут меня и, смею добавить, вы тоже; а я искренно желаю, чтобы вы пережили меня все трое. Я не уверен, что долгая жизнь желательна для человека с моим характером и моей врожденной меланхолией, которую я, разумеется, сдерживаю в обществе, но которая против моей воли прорывается в одиночестве, а также в моих писаниях. Она была, вероятно, усилена некоторыми событиями далекого прошлого (я не имею в виду моей женитьбы и т. д.; это, напротив, развеяло ее, потому что преследования меня разъярили). Но я имею основания считать ее врожденной. Вы знаете, а может быть и нет, что мой дед по матери (говорят, очень умный и приятный человек), как сильно подо-

зрели, покончил самоубийством (его нашли утонувшим в Эвоне возле Бата); другая весьма близкая мне особа из того же рода приняла яд, и ее удалось спасти только противоядиями. Для первого из этих поступков не было видимых причин — он был богат, всеми уважаем, имел отличные способности, едва достиг сорока лет и не страдал никакими пороками, которые могли вывести его из равновесия. Самоубийство его является только предположением, основанным на обстоятельствах его гибели и на его всегдашней меланхолии. Во втором случае причина была, но мне не подобает о ней говорить; это случилось когда я был слишком молод, чтобы ее знать, а узнал лишь много лет спустя, уже после смерти упомянутой особы. Думаю, поэтому, что мою меланхолию можно назвать врожденной. Мне всегда говорили, что характером я пошел больше в деда по матери, чем в кого-либо из семьи отца — т. е. именно мрачными чертами, потому что он был человек добродушный, а я нет.

Свои «Записки» я послал недавно Муру через Моумена, но это всего лишь дневник, и только частично годится для печати. Другой дневник. о путешествии 1816 г., Августа могла бы дать вам переписать; но с 1815 г. ее нервы находятся в таком состоянии, что за нее трудно ручаться. Родственники леди Байрон и леди Каролины Лэм и вся их компания добрались до нее и до того запугали всякими намеками и угрозами, что она не могла с тех пор написать мне ни одного толкового письма и столько твердит о каких-то таинственных бедах, что я могу лишь сочувствовать ей, но не всегда ее понимаю. Все мои любовницы также считают своим долгом являться к ней с визитами и тем приводят ее в волнение (что сделать нетрудно); в позапрошлом году, кажется, к ней ворвалась леди Ф[рэнсис] У[эддерберн] У[эбстер], а несколько лет назад с ней заговорила на вечеру леди Оксфорд; эти и подобные бедствия довели ее до того, что она стала бояться собственной тени. Странно, как она всем им нравится; всего полгода назад я с трудом отговорил графиню Г[виччиоли] обрушить на нее письмо в итальянском вкусе. Хотел бы я видеть Августу при получении сего этрусского послания со всеми *иссимами* и прочими формами превосходной степени в полуденном стиле.

Мне очень досадно, что Гиффорду не нравятся мои новые драмы; конечно, они во всем противоположны обычной английской драме; но мне кажется, что если они будут поняты, то со временем понравятся читателю (только не на сцене). Простота сюжета в них преднамеренная, так же как и отсутствие *напыщенной декламации* и сжатые монологи в наиболее драматических ситуациях. В «Фоскари»² я стремился показать *сдерживаемую* страсть, в отличие от принятых нынче тирад. Надо сказать, что

«Я разглагольствовал умею, как и ты»³.

Мне это было бы нетрудно, как я, надеюсь, показал в более ранних сочинениях — конечно, *не драматических*. Повторяю, мне досадно, что они не нравятся Гиффорду, но тут ничем не поможешь, слишком уж различны наши точки зрения. Как он? Надеюсь, что здоров. Меня тем более печалит его возражения, что он всегда был моим главным покровителем, и ничья похвала не вознаградит меня за его порицания. Рецензии меня не трогают, потому что их я могу бить их же собственным оружием.

Всегда ваш
Б.

P. S. — Кстати при нашем следующем расчете (который вы произведете с мистером Киннэрдом) прошу вычесть стоимость *книг*, почтовых посылок, *полученных и посланных, бюста*, зубного порошка и пр., и пр., на которые вы для меня тратились.

Хобхауз, в предисловии к «*Римини*», вероятно лучше объяснит мои драматургические принципы, чем это сумел бы сделать я, ибо он хорошо с ними знаком. Они стоят ближе к школе Альфьери, чем к англичанам.

Надеюсь, что мистер Роджерс не придет сюда; склад его ума и его болтовня отличаются низменной мелочностью, которая неприятна мне с тех пор, как я *раскусил его* (что удалось не сразу); к тому же он нехороший человек; отчего он не ляжет спать? Зачем ему понадобилось путешествовать?

Дневник 1814 г. Мур вам даст, надо полагать, или позволит списать.

Прибыл ли «*Каин*» (мой третий опыт в драматическом роде)? Прошу сообщить.

Письма адресуйте в *Лизу*, куда я готовлюсь уехать. Причина та, что все мои здешние итальянские друзья высланы и находятся сейчас там; как было условлено, я еду провести с ними зиму.

102

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Равенна, 24 сентября 1821

Дорогой Меррей!

Обдумав нашу недавнюю переписку, я отныне хочу условиться о следующем:

1. Чтобы вы писали о себе, о здоровье и благополучии всех друзей; но обо *мне* (*мне quoad* ^{1*}) поменьше или ничего.

^{1*} Как таковом (*лат.*).

2. Чтобы вы посылали соду в порошках, зубной порошок, зубные щетки и тому подобные одонтологические и химические продукты, как до сих пор, *ad libitum* ^{1*} с возмещением расходов на них.

3. Чтобы не присылали никаких современных или (как их называют) *новых* изданий на *английском языке*, кроме сочинений прозаических или стихотворных, принадлежащих (или приписываемых) перу Вальтера Скотта, Крабба, Мура, Кэмпбелла, Роджерса, Гиффорда, Джоанны Бэйли, американца Ирвинга, Хогга ¹, Уилсона ² (автора «Острова палым») и отдельных художественных произведений особо выдающихся. Буду рад книгам о путешествиях, но не по *Греции, Испании, Малой Азии, Аلبании и Италии*: посетив указанные страны, я убежден, что никто не сообщит мне о них ничего, что я еще желал бы о них узнать. И больше никаких английских книг.

4. Чтобы не присылали никаких *периодических* изданий — ни «Эдинбургского», ни кварталного, ни ежемесячного и никаких иных обозрений, журналов или газет, английских или иностранных.

5. Чтобы не присылали отзывов, будь то *похвальные, ругательные или безразличные*, от вас, ваших друзей и прочих, о каких бы то ни было моих сочинениях прошлых, настоящих или будущих.

6. Чтобы все деловые переговоры со мной велись через достопочтенного Дугласа Киннэрда, являющегося моим другом и доверенным лицом или мистера Хобхауза — *Alter Ego* ^{2*}, всецело меня заменяющего как в моем отсутствии, так и в присутствии.

Некоторые из этих пунктов могут на первый взгляд показаться странными, но на это есть причины. Количество полученного мною книжного мусора не поддается учету и не принесло мне ни удовольствия, ни пользы. Обозрения и журналы это — в лучшем случае чтение на один день. Кто *вспоминает* даже *лучшую* статью прошлого года? А когда статьи касаются *меня*, они питают мой эгоцентризм; а если они благожелательны, то — нечего греха таить — *льстят*, если враждебны — раздражают, а последнее может побудить меня написать сатиру, от которой не поздоровится ни вам, ни вашим друзьям; *сейчас* они могут улыбаться, и *вы* тоже; но если бы я за всех вас взялся, вас нетрудно было бы изрубить как тыквы. Я это сделал в девятнадцать лет со столь же видными лицами; ничто не мешает мне, в тридцать три, если захочу, поджарить ваши сердца на решетках ваших собственных ребер. Но я этого *не* хочу. Поэтому прошу не дразнить меня. Если меня оскорбят настолько грубо, что этого нельзя будет игнорировать, друзья меня уведомят; об остальном я попросту ничего не желаю знать.

^{1*} В любом количестве (*лат.*).

^{2*} Второго я (*лат.*).

То же относится и к мнениям, *благоприятным, неблагоприятным или безразличным*, высказанным в беседе или письмах; они не прерывают течения моих мыслей, но все же *замутняют* его. Я достаточно чувствителен, но лишь тогда, когда меня *трогают*, а здесь меня не достигают короткие руки литературной Англии, кроме нескольких щупальцев Осминога, протянувшихся через пролив в виде цитат.

В Англии все эти предосторожности были бы бесполезны; клевета или лесть все равно достигли бы моих ушей; но в Италии мы мало знаем о литературной Англии и еще меньше думаем о ней; до нас ничего не доходит, кроме кратких и искаженных отрывков, помещенных в какой-нибудь жалкой газете. За *два года* (не считая двух-трех статей, которые я вырезал и послал *вам* по почте) я читал газеты только совершенно случайно и в общем так же мало знаю об Англии, как все вы — об Италии, а *это*, видит бог, крайне мало, сколько вы ни путешествуете и пр. Английские путешественники знают об Италии столько же, сколько *вы* знаете об острове Гернсей — а много ли *это*?

В случае какого-либо грубого личного оскорбления, которое нельзя оставить без внимания, мистер Д. Киннэрд *известит* меня, а о *похвалах* я не хочу знать *ничего*.

Вы спросите «к чему все это»? На это я отвечу: чтобы быть *свободным* от всяких мелких личных побуждений, вызываемых хвалой или порицаниями, чтобы мое дарование могло развиваться *свободно*, а чувства уподобились мертвым, которые ничего не знают и не ощущают из того, что о них — или против них — говорится или против них делается.

Соблюдая эти условия, вы избавите себя и других от неприятностей; пусть остерегаются меня дразнить; ибо если я разъярюсь, то всерьез. Если вы *не* можете соблюдать эти условия, мы прекратим переписку, *но не дружбу*; ибо я неизменно останусь искренне вашим

Б а й р о н о м

P. S. — Это решение я принял не под влиянием раздражения против *вас* или *ваших*, а просто по зрелом размышлении, убедившись, что чтение похвал или критики всегда приносит мне вред. В Швейцарии и Греции они до меня не доходили — и *как же я там писал!* В Италии они также до меня не доходят, но в последнее время, отчасти по моей вине, отчасти из-за вашего любезного стремления посылать мне *новейшие* периодические издания, мне попало множество рецензий, которые наскучили мне своим жаргоном и отвлекли мое внимание от вещей более серьезных. Вы прислали мне также целую кипу никуда не годных стихов, неведомо зачем, разве только затем, чтобы вдохновить меня на новых «Английских бардов». *Этого* я хотел бы избежать, потому что если уж когда-нибудь

возьмусь, то напишу весьма сильно; а мне хочется жить мирно, лишь бы только дураки не совались ко мне со своим вздором.

103

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Пииза, 3 ноября 1821

Дорогой Меррей,

В обоих местах ничего нельзя менять, иначе Люцифер заговорит как епископ Линкольнский ¹, а это совсем не в его духе. Теорию «погибших миров» я заимствовал у Кьюве и поясняю это в особом примечании ² к предисловию. Второе место также написано соответственно характеру действующего лица, а если получается чепуха — тем лучше; значит, она никому не повредит, и чем глупее выглядит Сатана, тем безопасней для всех. Что касается «тревоги» и т. п., неужели вы действительно думаете, что подобные вещи могут кого-либо совратить? Разве мои персонажи безбожнее, чем Сатана у Мильтона или Прометей у Эсхила? Или даже саддукеи вашего завистливого пастора, сочинителя «Падения Иерусалима» ³? Разве Адам, Ева, Ада и Авель не набожны, как сам катехизис?

Гиффорд слишком умный человек, чтобы думать, будто подобные вещи могут оказывать *серьезное* действие; неужели чтение поэмы способно кого-либо совратить? Прошу заметить, что я не выражаю здесь моего личного символа веры; но мне было необходимо, чтобы Каин и Люцифер говорили, как свойственно их природе — ведь в поэзии это всегда дозволялось. Каин горд; если бы Люцифер посулил ему царства и пр., он возликовал бы; но Демон хочет как можно более унижить его в собственных его глазах, показывая ему бесконечность мира и собственное его ничтожество, пока он не приходит в то состояние духа, которое приводит к катастрофе; это у него — *внутреннее* раздражение, а не обдуманное намерение или зависть к *Авелю* (иначе он был бы презренным ничтожеством); это — ярость при виде несоответствия между его возможностями и замыслами. И ярость эта направлена более против Жизни и ее Творца, чем против живущих. Раскаяние его приходит естественно, едва он видит следствия своего внезапного поступка. Если бы *поступок* был *намеренным*, раскаяние пришло бы позднее.

Последние три строки проклятия Евы вписаны в корректуру *по памяти* и при этом неверно (ибо я не оставляю себе копий). Либо оставьте *эти три*, либо *замените тремя другими*, какие больше понравятся мистеру Гиффорду. В сверке я не вижу надобности; это пустая трата времени.

Посвятите поэму Вальтеру Скотту; а если вы думаете, что он предпочел бы, чтобы я посвятил ему «Фоскари», поместите посвящение там. Об этом надо спросить его самого.

Первая ваша записка была довольно странной; но два других письма, где приводятся мнения Мура и Гиффорда, все исправили. Я уже говорил вам, что не умею *переделявать заново*. Я — как тигр; когда мне не удастся первый прыжок, я с рычаньем отступаю в свои джунгли; но уж если попадаю, то удар бывает сокрушительным. Что касается мистера Моумена ⁴, то я принял его весьма учтиво, в качестве вашего друга, и он с большой теплотой говорил о вас. Как рядовой армии сочинителей, я не мог не отдать честь одному из ее офицеров.

Я дал ему ту книгу с надписью, чтобы показать *вам* и дать вам исправить ошибки. Остальное меня не касается, но вам досталось *поделом*. Вы обошлись с Д[он] Ж[уаном] как мачеха — не то стыдясь его, не то боясь, не то пренебрегая; и все это себе же в убыток и никому не в честь. Слышанное ли дело, чтобы *издатель* не ставил *своего имени*? Причины *моего анонима* я объяснил — они чисто семейные. Некие путешествующие англичане, встретившиеся мне недавно в Болонье, сказали, что вы стараетесь *отрицать* всякую причастность к этому сочинению, а ведь это двурушничество; что ж, тем хуже, ибо вам не скоро доведется издать что-нибудь лучше.

Вас словно обижает слово *«издатель»*. Как? Вы не хотите поставить на титульном листе свое имя, а желаете, чтобы я написал на чистом листе: «Дж. М., эсквайр»? Нет, Меррей! Вы отличный малый, правда, немного переменчивый и склонный повторять мнение каждого, с кем поговорите (особенно последнего), но при всем том — хороший малый; и все-таки я никак не могу назвать благородным ваше отношение к этой преследуемой книге, которая пробила себе дорогу совершенно *самостоятельно*, без вашей поддержки и какого-либо поощрения — критического или книгопродавческого. За последние три песни вы меня отругали и задерживали их более года; а между тем мне сообщили из Англии, что (незирая на опечатки) их хвалят, в том числе — американец Ирвинг ⁵; а этим можно гордиться.

Через мистера Киннэрда вы получили мое письмо (открытое), так что прошу не посылать впредь никаких рецензий. Я не хочу читать ни плохих, ни хороших. Вальтер Скотт уже *тринадцать лет* не читает рецензий на *свои* сочинения.

Бюст принадлежит не *мне*, а *Хобхаузу*. Я направил его вам, как чиновнику Адмиралтейства и важной персоне в глазах таможенников. Прошу вычесть расходы на него, как и на все прочее.

Всегда ваш
Б а й р о н

МИССИС ЛИ ДЛЯ ЛЕДИ БАЙРОН

Пижа, 17 ноября 1821¹

Я должен подтвердить получение пряди волос Ады; они очень мягкие и красивые и уже почти такие же темные, какими были мои в двенадцать лет, если судить по пряди, которую я видел у Августы и которая была срезана именно в этом возрасте. Но они не вьются, может быть потому, что их отпускают.

Я также благодарен вам за надпись — имя и число — и вот почему: это, кажется, единственные два слова, написанные вашей рукой, которые у меня есть. Ваши письма я возвратил, и кроме двух слов, вернее, одного слова: «Хозяйство», дважды написанного в старой расходной книге, у меня ничего нет. Вашу последнюю записку я сжег по двум причинам: во-первых, она была написана в тоне не слишком приятном; во-вторых, я хотел полагаться на одно лишь ваше слово, а не на документы, которые необходимы людям подозрительным.

Это письмо, вероятно, дойдет до вас около 10 декабря — ко дню рождения Ады. Ей исполнится шесть лет, и еще лет через двенадцать мне, может статься, удастся ее увидеть — а быть может и раньше, если придется приехать в Англию по делу или иначе. Но близко ли, далеко ли, я прошу вас помнить одно: каждый день нашей разлуки после стольких лет должен смягчать наши взаимные чувства; пока жив наш ребенок, есть нечто, что объединяет нас, а я думаю, мы оба надеемся, что она надолго переживет своих родителей.

Наша разлука продолжается гораздо дольше, чем длился наш краткий союз и предшествующее ему, почти столь же краткое, знакомство. Оба мы горько ошиблись, но все это прошло и прошло безвозвратно. Теперь, когда мне тридцать три, а вам лишь немногим меньше, мы хоть и далеко не стары, но дожили до возраста, когда привычки и образ мыслей сложились, чтобы уже больше не изменяться; и если мы не ужились, когда были моложе, теперь это было бы трудней.

Я говорю все это потому, что несмотря ни на что, после года разлуки и даже дольше, я считал наше примирение возможным — но потом навсегда оставил эту надежду. Однако именно невозможность нашего соединения обязывает нас, мне кажется, в тех немногих вопросах, какие могут перед нами вставать, соблюдать учтивость и всю возможную доброжелательность, что, пожалуй, легче людям, которые никогда не встретятся, чем более близким. Что до меня, то я вспыхнув, но не злопамятен; и только новые поводы могут снова пробуждать во мне гнев. Вам, натуре более холодной и сдержанной, я хотел бы сказать, что вы можете иногда ошибочно принять холодное озлобление за чувство собственного достоинства, а еще худшее чувство — за долг. Уверю вас, что *сейчас* (что бы там ни

было раньше) я не чувствую к вам никакой вражды. *Если вы чем-либо обидели меня*, это прощение что-нибудь значит; а *если я обидел вас*, оно значит еще больше, если моралисты говорят правду: тот, кто больше виновен, труднее прощает.

Была ли вина целиком моей, или взаимной, или преимущественно вашей, об этом я больше не размышляю и помню только две вещи: что вы — мать моего ребенка и что мы никогда не встретимся. Если и вы будете думать то же обо мне, так будет лучше для всех троих.

Всегда ваш
Н о э л ь Б а й р о н

105

ВАЛЬТЕРУ СКОТТУ

12 января 1822

Дорогой сэр Вальтер,

Излишне говорить, как я благодарен за ваше письмо; и все же я виню себя в неблагодарности, ибо давно должен был написать вам. С тех пор как я уехал из Англии (а это не обычный срок ссылки), я написал деловые и иные письма по крайней мере пяти сотням дураков — без труда, если и без особого удовольствия; а вам не собрался, хотя это сто раз приходило мне в голову и неизменно было у меня на сердце. Могу объяснить это только аналогией: мы иной раз робеем признаться в любви красавице нашего круга, в которую по-настоящему влюблены, но атакуем румяную служанку без малейших (я говорю, конечно, о днях молодости) сентиментальных угрызений или ущерба для нашей добродетели.

Вам я обязан гораздо большим, нежели простой любезностью, обычной между братьями-литераторами; вы оказали мне услугу в 1817 г., когда для этого требовалась не только любезность, но и мужество. Таким вашим отзывом можно было бы гордиться в любое время; но в то время, когда «весь свет и его жена», согласно ходячему выражению, старался меня растоптать, он был еще важнее для моего самолюбия. Я имею в виду рецензию на третью песнь «Чайльд Гарольда»¹ в «Куотерли ревью»; Меррей говорил, что она принадлежала вам, да я и сам мог бы об этом догадаться, ибо в то время никто *другой* не мог и не *пожелал бы* так написать. Будь то обычный критический отзыв, даже самый красноречивый и похвальный, я конечно был бы и доволен и благодарен, но не испытал бы того волнения, которое столь необыкновенная доброта должна вызывать в каждом человеке, способном чувствовать. Если я благодарю вас с таким *запозданием*, пусть это, по крайней мере, покажет, что услуга мною не забыта; и могу заверить вас, что моя благодарность росла все это время по правилу сложных процентов. Добавлю к этому одно лишь слово, а именно: из всех многочисленных литераторов, каких я знал (и каким оказывал

услуги), только вы, Джеффри и Ли Хант отважились в ту пору замолвить за меня словечко, даже анонимно; из этих троих *одного* я не видел никогда, другого — гораздо реже, чем мне хотелось бы, — а третий решительно ничем не был мне обязан; более того, *двоим* из них некогда от меня досталось; одному, правда, за дело, но другому ни за что ни про что. Видите, сколько раскаленных углей вы возложили на мою главу в истинно евангельском духе и, уверяю вас, они прожгли меня до самого сердца.

Я рад, что вы приняли Посвящение ². Вместо этого, я хотел посвятить вам «Фоскари»; но, во-первых, я услышал, что «Каин» считается менее плохим из двух сочинений, а, во-вторых, одно из приложений к «Фоскари» содержит всяческие поношения по адресу Саути ³, а я вспомнил, что он вам друг и что нехорошо посвящать человеку произведение, где есть что-то против его друга. Но я еще задам Лауреату, как только достаточно изучу бранный лексикон рыночных торговок. Я с мальчишеских лет люблю драться и должен сказать, что эту склонность легче всего удовлетворить и в жизни, и в поэзии. Вы говорите, что чужды «зависти», но позвольте себе спросить, как спросил Босвелл у Джонсона: *вам-то* кому завидовать? Уж наверное никому из живых, да и многим ли (если рассудить) из мертвых? Не хочу докучать вам восторгами по поводу шотландских романов (как их называют, хотя два из них целиком английские ⁴, а остальные наполовину); но уже после первых десяти минут знакомства с вами ничто не могло бы разубедить меня в том, что именно *вы* — их автор ⁵. Для меня в этих романах так много от «добрых старых времен» ⁶ (до десятилетнего возраста я рос хитрым шотландцем), что я с ними никогда не расстаюсь; когда я недавно переезжал из Равенны в Пизу и заранее отправлял туда свою библиотеку, я только эти книги оставил при себе, хотя и без того знаю их наизусть.

27 января 1822

Я намеренно не отправлял письмо, в надежде получить «Пирата» ⁷, который идет, но еще не появился на горизонте. Я слышал о замужестве вашей дочери ⁸ и полагаю, что сейчас вы уже наполовину дедушка — и, надо сказать, молодой. Я много слышал о внешнем и душевном обаянии миссис Локхарт и много хорошего о ее супруге; желаю вам столько же внуков, сколько у вас романов.

Душевно преданный вам и т. д.

P. S. — Отчего бы вам не проехать в Италию? Вы убедитесь, что так же известны и любимы здесь, как в Горной Шотландии. А с англичанами у вас будут те же отношения, что и в Лондоне; надо ли прибавлять, что я с радостью увижу вас снова, чего не могу сказать об Англии и (за исключе-

нием немногих «родных, соратников, друзей») об ее обитателях. Но «сердцу моему мил шотландский плед»⁹ и все шотландское, напоминающее Эбердин и другие места, поближе к горам, около Инверхолда и Бремара, куда меня посылали в 1795—1796 гг. пить козью сыворотку¹⁰, когда я ослабел после скарлатины. Однако я заболтался — покойной ночи и да хранят боги ваш сон!

Прошу передать мой поклон леди Скотт, которая, быть может, вспомнит, что мы с ней встречались в Лондоне в 1815 г.

Оказывается, одной из опор вашего герба (ибо я, как сэр Гильдебранд¹¹, люблю читать Гвиллима) является *русалка*; это и мой герб, и как раз с тем же изгибом хвоста. Вот ведь стечение обстоятельств — я сейчас заказал в Генуе маленький катер для летних поездок. Я знаю, что и вы любите море.

106

ТОМАСУ МУРУ

Пииза, 4 марта 1822

Написав вам прилагаемое здесь письмо¹, я подождал следующей почты и теперь имею ваш ответ, подтверждающий получение пакета — боюсь, что он окажется для вас обременительным, так он во всех смыслах увесист.

Из моих неопубликованных вещей у вас, Дугласа К[иннэрда] и м-ра Джона Меррея имеются следующие: «Небо и земля»², лирическая драма на тему о потопе и пр.; «Вернер»³, *только что вами полученный*; перевод первой песни «Морганте Маджжоре», а также перевод одного эпизода из Данте; несколько стансов к По⁴, датированных 1 июня 1819 г.; «По стопам Горация»⁵—стихи, написанные в 1811 г., но многое с тех пор подлежит изъятию; несколько прозаических вещей, которые, пожалуй, печатать не стоит; и «Видение»⁶ и т. д., в стихах, подписанное Кеведо Редививус⁷.

Итак, вот вам «еще увеселение для майского утра»⁸; но что из всего этого можно печатать — еще вопрос. Поэма Кеведо (одна из лучших моих вещей в этом роде) уже привела в ужас лондонский свет, и если где можно ее издавать, так только в Париже. В новой мистерии меньше философии, чем в «Кайне», и много благочестия; к тому же она по преимуществу лирическая. Перевод «Морганте» — *лучший* из всех переводов, настоящих и будущих, а об остальном предоставляю вам судить самому.

Жаль, что вы считаете «Вернера» *хоть сколько-нибудь* пригодным для сцены; с моими понятиями о ней я отнюдь не ставлю себе такой цели. Что касается издания, то я уже толковал вам, что не жду на сей раз ни денег, ни славы; но хочу видеть свои строки напечатанными, раз уж они написаны — таково желание всех сочинителей.

Что касается религии ⁹, то неужели мне не удастся убедить вас, что я не разделяю мнений персонажей моей драмы, которые так всех перепугали? А между тем *они* не идут в сравнение с некоторыми пассажирами гетевского «Фауста» (в десять раз более дерзкими) и ничуть не смелее того, что говорит Сатана у Мильтона. При создании образа я способен увлекаться; подобно всем людям, наделенным живой фантазией, я, конечно, отождествляю себя с моим героем, когда *изображаю* его, но только пока вожу пером по бумаге.

Я не враг религии, напротив. В доказательство этого я даю своей внебрачной дочери Аллегре строго католическое воспитание в одном из монастырей Романьи; ибо считаю, что если уж быть религиозным, *то в полной мере*. Я и сам склоняюсь к догматам католицизма; но когда я пишу драму, мне надо, чтобы мои персонажи говорили в соответствии с моим замыслом, так, как они мной задуманы.

Что касается бедняги Шелли ¹⁰, который тоже представляется вам и всему свету каким-то чудовищем, то я знаю его за *самого* кроткого и *наименее* эгоистичного из людей — который больше чем кто-либо из известных мне лиц отдавал людям и денежных средств, и душевных сил. С его философскими взглядами я не имею и не хочу иметь ничего общего.

Дело в том, дорогой мой Мур, что вы живете у самой печи общества и неизбежно подвергаетесь воздействию ее жара и паров. Так было некогда и со мной — даже слишком — и это наложило отпечаток на все мое будущее. Поскольку я пользовался в обществе *немалым* успехом, я едва ли могу быть предубежден против него, скорее напротив; но я нахожу, что в теперешнем своем состоянии оно *губительно* для всего великого и самобытного. Я не заискивал перед ним *тогда*, когда был молод и пылок и был одним из его «лучших женихов» ¹¹; так неужели я стану делать это *теперь*, когда дышу иным, более чистым воздухом? *Одно* только может побудить меня вернуться — новая попытка сделать что-нибудь стоящее в *политике*; но только не в той мелочной политике, которая сейчас раздирает нашу несчастную страну.

Однако ж поймите меня правильно. Если вы высказываете свое *собственное* мнение, оно, как всегда, имеет для меня большое значение. Но если вы всего лишь вторите *monde'у* ^{1*} (а этого трудно избежать, когда находишься в его центре и в его милости), мне остается только пожалеть, что вам придется повторять то, с чем я не могу считаться.

Но я впал в многословие. Да благословят вас боги и да пошлют они вам столько бессмертия всех родов, сколько вас может потребоваться в вашей нынешней и всякой иной жизни.

Ваш и т. д.

---

^{1*} Светскому обществу (*фр.*).

107

ДЖОНУ МЕРРЕУ

Пииза, 22 апреля 1822

Дорогой сэр,

Вы будете опечалены известием, которое я только что получил: дочь моя Аллегра¹ скончалась от лихорадки в монастыре Банья Кавалло, куда я поместил ее в прошлом году для получения образования. Это — тяжелый удар, по многим причинам, но придется его снести; время мне в этом поможет.

Я намерен отправить ее останки в Англию и похоронить в церкви Харроу (где я некогда сам надеялся найти упокоение); вот почему я и обеспокоил вас этим письмом. Погребение должно быть без посторонних. Тело набальзамировано и положено в цинковый гроб. Оно будет отправлено из Ливорно. Надеюсь, что вы не откажете взять на себя необходимые хлопоты, когда оно прибудет.

Ваш и т. д.
Н. Б.

P. S. — Вам, вероятно, известно, что в католических странах протестантов не хоронят в освященной земле.

108

ПЕРСИ ВИШИ ШЕЛЛИ

23 апреля 1822

Удар был ошеломляющим и неожиданным; я считал, что опасность миновала — столько времени прошло между известием об улучшении и последней вестью. Но я переносу его как умею и настолько, что выполняю обычные жизненные дела с обычным внешним спокойствием и даже с большим. Ничто не должно помешать вам приехать завтра. Но сегодня и вчера вечером нам, пожалуй, было лучше не встречаться. Мне кажется, что в моих поступках в отношении умершей и уже во всяком случае в моих чувствах и намерениях не было ничего, в чем я должен был бы себя упрекать. Но в такую минуту мы всегда думаем, что если бы было сделано то или другое, несчастье можно было бы предотвратить; хотя каждый день и час убеждают нас, что оно естественно и неизбежно. Полагаю, что время делает свое дело — как Смерть сделала свое.

Всегда ваш
Н. Б.

СЭРУ ВАЛЬТЕРУ СКОТТУ

Пииза, 4 мая 1822

Дорогой сэр Вальтер!

Мне были очень приятны известия о вашей семье; «на эту радость я радостью хотел бы вам ответить»¹, но я только что потерял свою внебрачную дочь Аллегру, скончавшуюся от лихорадки. Единственным утешением, кроме того, которое принесет время, мне служит мысль, что она обрела покой или блаженство; за ее недолгую жизнь (всего пять лет) на ней не могло набраться грехов, кроме греха, который все мы наследуем от Адама.

Богов любимцы долго не живут.²

Мне нет нужды заверять вас, что ваши письма особенно приятны мне, когда не обременительны для вас; и теперь, когда наша переписка возобновилась, я надеюсь, что она будет продолжаться.

Недавно я испытал некоторые тревожения, скорее чем действительные неприятности, в связи с одним делом, о котором вы быть может слышали; но наш посланник проявил себя отлично, а тосканские власти — лучше, чем можно было ожидать от подобного правительства, а это не слишком много. Недавно, находясь в компании нескольких англичан и шотландцев, я повздорил с неким драгуном, оскорбившим одного из нас: мы приняли его за офицера из-за обилия медалей и хорошей лошади; но он оказался старшим сержантом. Он приказал страже у ворот арестовать нас (мы были без оружия); я и еще один человек (итальянец) прорвались, но остальных им удалось задержать. Я поехал домой и послал своего секретаря к властям сообщить о незаконных действиях стражи, а затем, не сходя с лошади, вернулся к воротам, находящимся поблизости от моего нынешнего дома. По дороге туда я встретил нашего драгуна, изрыгавшего брань и грозившего мне саблей (у меня же не было иного оружия, кроме трости). Все еще принимая его за офицера, я спросил у него фамилию и адрес и вручил ему перчатку. Один из моих слуг совершенно самовольно бросился между нами, но я приказал ему не вмешиваться. Драгун галопом поскакал прочь; но в каких-нибудь сорока шагах был ранен и весьма серьезно (жизнь его в опасности) каким-то Каллюм Бегом³ из числа моих слуг (среди них есть грубые малые) — нечего и говорить, что я не давал им никаких указаний. Однако этот драгун рубил саблей наших безоружных соотечественников у ворот уже после того, как стража их арестовала, и очень тяжело ранил одного из них, капитана Хэя. Он вел себя как убийца — вот и «получил должное»⁴. Хотя все произошло на глазах тысячной толпы, но так и не удалось установить, кто именно его ранил или хотя бы каким оружием; называют и *пистолет*, и *духовое*

ружье, и стилет, и шпагу, и копье, и вилы, и не знаю уже, что еще. Арестованы и допрошены слуги и самые различные лица, но дело не выяснено. М-р Даукинс, наш посланник, заверяет, что никто не подозревает меня или моих спутников в подстрекательстве. Я прилагаю копии их показаний, а также показаний д-ра Кроуфорда, рассудительного шотландца (не из числа моих знакомых), который был очевидцем конца этого происшествия. Они написаны по-итальянски.

Вот и все мои литературные занятия со времени издания «Каина» и вызванного им скандала ⁵ — но в руках у моего акушера, м-ра Меррея, имеется несколько моих вещей. Еще одна *Мистерия — Видение — Драма* — и тому подобное. А вот *вы не хотите* сообщить мне, что *вы* делаете — да только я все равно узнаю, что бы вы ни написали. Вы пишете, что мне понравился бы ваш зять — мне очень трудно представить себе, чтобы мне мог не понравиться кто-либо, близкий вам; но я не сомневаюсь, что он и сам по себе таков, каким вы его описываете.

Мне жаль, что вам не понравилась новая книга лорда Орфорда ⁶. Сословная гордость, которая во мне очень сильна, делает его одним из моих любимых авторов. Вспомните, что эти «мелкие клики» включали лорда Чатама и Фокса-старшего; и что *мы* живем во времена гигантских, преувеличенных масштабов, когда все, кто мельче Гога и Магога, кажутся нам пигмеями. Мы видели, как Наполеон начал подобно Тамерлану, а кончил как Баязет ⁷ — естественно, что мы не можем ощущать того же интереса к вещам, которые иначе были бы важными историческими событиями. Однако мне пора кончать.

Примите уверения в моей искренней и неизменной преданности

Н о э л ь Б а й р о н

110

ТОМАСУ МУРУ

Пииза, 8 августа 1822

До вас вероятно уже дошло известие о том, что Шелли и еще один джентльмен (капитан Уильямс) утонули с месяц назад (вчера как раз исполнился *месяц*) во время шквала в заливе Специя. Вот ушел еще один человек, относительно которого общество, в своей злобе и невежестве, грубо заблуждалось. *Теперь*, когда уже ничего не поделаешь, оно, быть может, воздаст ему должное.

Я не видел, и не имею желаний видеть, упоминаемую вами книгу ¹ и только смутно слышал о ней. Как явствует из объявлений, она стоит четырнадцать шиллингов, а я не намерен столько платить за клевету на самого себя. Кто-то сообщил в письме, что книга сочинена неким доктором

Уоткинсом, специалистом по жизнеописаниям и по клевете. Когда вы нашли там себя, это должно было уменьшить естественное удовольствие, которое она доставила вам как моему другу (*vide*^{1*} Ларошфуко).

Что касается блэквудской братии, то я никогда не печатал ничего, направленного против них, и вот уже три года, как не читаю их журнала (если не считать извлечений, помещаемых у Галиньяни). Довольно давно я написал несколько замечаний по поводу их рецензии на «Дон Жуана», но там было весьма немного о них самих, да и это *не было* напечатано. Если вы считаете, что я должен последовать вашему примеру (а я готов присоединиться к вам всегда, когда могу) и возражать этим наглецам, можете составить из этого моего заявления подобную же заметку от моего имени. То немногое, что я *написал* (и нигде не печатал), вы, возможно, видели у Меррея — там гораздо больше сказано о Саути, чем о блэквудцах.

Если вы полагаете, что мне следует как-то ответить на книгу Уоткинса, я не возражал бы против опубликования *своих Записок*² ради опровержения этого субъекта. Но в *этом случае* я хочу сам просмотреть *корректуры*. Прошу вас сообщить ваше мнение, и нельзя ли без этого *обойтись*, — хотя бы без второй части, которая касается вещей, еще не отошедших в прошлое.

Я написал три новых песни «Дон Жуана»³ и готов произвести на свет еще одну (девятую). Строфы, которые я послал вам, потребуются мне снова, и вот почему: так как в этих песнях подробно (так же подробно, как буря во второй песне) описана осада и штурм Измаила⁴ и содержится много сарказмов по адресу наемных солдат, этих оптовых мясников, мне представляется хороший случай украсить поэму... В нынешнем столкновении философии с тиранией пора открыто обнажить меч и отбросить ножны — с подобным противником иначе нельзя. Я знаю, что борьба неравная, но вести ее надо, и в конечном счете она пойдет на благо человечеству, что бы ни грозило одинокому бойцу, который рискнет собой.

Что вы скажете о вашем ирландском епископе⁵? Помните строку Свифта: «Мне бы только *казарму*, и плевать на *попов*»⁶. Это, как видно, и было девизом его преосвященства...

Ваш и т. д.

111

ТОМАСУ МУРУ

Пиза, 27 августа 1822

Досадно утруждать вас «такими пустяками», но было бы хорошо, если бы вы справились, дошла ли до парижского комитета моя подписка в пользу Ирландии¹. Подобно Веллуму², я имею на то «три причины». Во-пер-

^{1*} Смотри (*лат.*).

вых, я сомневаюсь в аккуратности всех сборщиков добродетельных деяний; во-вторых, я подозреваю, что упомянутый комитет, угодничая перед властями, не пожелал включить в список жертвователей политически неблагонадежное имя; в-третьих, я уверен, что правительственные писаки когда-нибудь упрекнут меня в том, что я заявлял о своей любви к Ирландии, но не поддержал ее в беде.

Не думайте, что мною руководит тщеславное желание видеть свое имя в газетах; это я могу доставить себе и даром в любой день. Я просто хочу знать, перевел ли преподобный Томас Холл мое пожертвование (200 тосканских скуди или около тысячи франков) парижскому комитету.

Недавно в Виареджио мне вздумалось доплыть до моей шхуны (Боливар), стоявшей на рейде, а оттуда обратно к берегу — всего мили три, если не больше. Дело было в полдень, при палящем солнце, и от этого со мной случился приступ лихорадки и сошла вся кожа, предварительно вздувшись сплошным пузырем под совместным действием солнца и моря. Боль была сильная; я не мог лежать на спине и даже на боку, ибо и руки мои, и плечи были ободраны, точно у св. Варфоломея. Но сейчас все прошло, и я обзавелся новой кожей, гладкой, как у змеи, когда она в обновке.

Мы сожгли на берегу тела Шелли и Уильямса, чтобы их прах можно было перевезти и предать настоящему погребению. Вы не можете себе представить необычайное впечатление, производимое погребальным костром на пустынном берегу, на фоне гор и моря, и странный вид, который приобрело пламя от соли и ладана. Тело Шелли сгорело целиком, кроме *сердца*; оно никак не загоралось, и теперь сохраняется в винном спирте.

Ваш старый знакомец Лондондерри³ мирно опочил в Норт Крей. А добродетельный Де Витт был растерзан толпой. Повезло же этому ирландскому ... и в жизни и в смерти. В его лице *est mort*^{1*} ваш ирландский Франклин!

Ли Хант потеет над статьями для своего нового журнала⁴, и мы оба считаем, что *вам* стыдно не сотрудничать в нем. Не хотите ли стать одним из владельцев? Давайте действительно «вступим в дело на паях»⁵. Советую подумать, прежде чем отказываться.

У меня готовы почти четыре новых песни «Дон Жуана» (а *полностью три*). Я получил от моего *Sensor morum*^{2*} в женском образе дозволение продолжать поэму при условии, что она будет непорочной; поэтому я, как мог, соблюдал пристойность. Там много описаний войны — осада и прочее, в той же графической и технической манере, что и буря во второй

^{1*} Умер (*фр.*).

^{2*} Цензора нравов (*лат.*).

песне, которая, кажется, «пришлась по вкусу», как говорят в лондонском высшем свете.

Ваш и т. д.

P. S. — Этот ... Галиньяни врет не менее десяти раз в каждом абзаце. В кармане у Шелли была вовсе не библия, а стихи Джона Китса ⁶. Впрочем, в этом не было бы ничего странного, так как он был большим поклонником библии как литературного произведения. Я не посылал своего бюста Нью-йоркской академии, но действительно позировал молодому Уэсту ⁷, американскому художнику, которого члены Академии просили написать мой портрет — очевидно для Академии.

Я подумывал и до сих пор подумываю о Южной Америке, но колеблюсь между нею и Грецией. Я давно уехал бы в одну из этих стран, если бы не моя связь с графиней Г [виччиоли]; ибо любовь в наши дни плохо совмещается со славой. Она последовала бы за мной с восторгом; но я не желаю подвергать ее трудностям далекого пути и увозить в страну, где царят беспорядки, в которых я, вероятно, приму какое-то участие.

112

ДЖОНУ ХАНТУ ¹

17 марта 1823

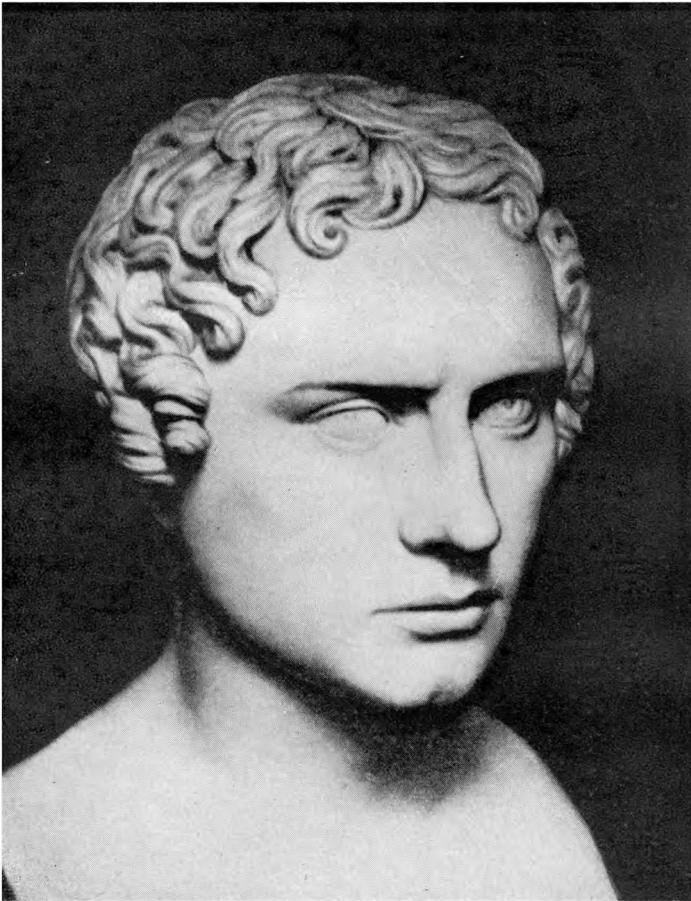
Сэр,

Ваш брат переслал вам по почте исправленную корректуру «Синих чулок» для одного из ближайших номеров журнала; но я считаю, что в ближайший номер лучше поместить перевод из Пульчи, ибо «Синие чулки» могут лишь еще больше раздражить часть ваших читателей.

Я по-прежнему держусь мнения, что моя связь с вашим изданием отнюдь не будет способствовать его успеху. Так я думал с самого начала, когда предложил выпускать его в виде некоего литературного приложения к «Исследователю» ²; другая попытка была рискованной и поэтому не удалась; по-видимому два мои произведения всего больше способствовали неудаче. Нельзя было печатать меня в таком количестве; вам следовало бы знать о моей непопулярности и общем предубеждении против моих сочинений после выхода в свет последней книги у Меррея ³. Мой талант (если он у меня есть) не того рода, чтобы нравиться читателям журналов. Сейчас вы вероятно убедились в этом. Если вы хотите выпускать журнал и впредь (а я не вижу, почему бы нет), ему будет куда больше пользы от его нынешних, или каких-нибудь новых сотрудников, чем от меня. Быть может следовало бы также на первое время уменьшить тираж до двух тысяч, а потом постепенно увеличивать его, если в этом окажется надобность. Ненависть направлена более против меня, чем против вас; и я

ПЕРСИ БИШ ШЕЛЛИ
Портрет работы Джорджа Глинта

БАЙРОН

Мраморный бюст работы Б. Торвальдсена

должен сказать, что предпочитаю иметь с ней дело *один на один*. Мистер Меррей, отчасти с досады — ибо он смертен, как и его издания, хоть он и книгопродавец — причинил тут больше вреда, чем вы, или даже я можем себе представить; вы это вероятно увидите при первом же появлении моих произведений отдельной книгой, не меньше чем при их появлении в «Либерале»⁴. Меррей имеет на своей стороне и духовенство, и правительство, и публику; когда я один, я их не очень боюсь; но я не хочу топить вместе с собой других. Да, дело обстоит именно так; ибо я не помню, чтобы ваша семья и близкие подвергались таким нападкам, пока ваш брат, на свою беду, не начал сотрудничать со мною. Впрочем, я не покину «Либерал» без зрелого размышления, хотя и убежден, что это было бы вам на пользу. Время и Истина могут рассеять эту враждебность или хотя бы ее следствия; но сейчас вы от нее страдаете. В последнее время все мои попытки печататься были неудачны; это меня не обескуражило, ибо поэзия является для меня духовной потребностью, а Успех и Издание — чем-то более отдаленным, не *причинами*, а *следствиями*, как в любом другом занятии. Мне досталось вдоволь и похвал и порицаний; и то и другое для меня не внове, но я продолжаю писать, как и ездить верхом, или чистить, или купаться, или путешествовать — по привычке.

Мне крайне нужен «Певериль из Пика»⁵, который здесь еще не получен; буду очень вам благодарен за экземпляр его и распорядюсь, чтобы мистер Киннэрд возместил вам его стоимость. Посылать «Либерал» бесполезно; это только помешает мне получить другие книги, посланные в том же пакете. Издание это находится под строгим запретом; номера, посланные морским путем, удалось получить с великим трудом. Никогда не посылайте ничего морем; на это требуется четыре месяца, а по суше всего две недели.

Всегда ваш
Н. Б.

113

ДЖОНУ БАУРИНГУ

Генуя, 12 мая 1823

Сэр,

С большим удовольствием подтверждаю получение вашего письма, из которого я узнал о чести, оказанной мне Комитетом. Это доверие я постараюсь оправдать всеми доступными мне средствами. Первое мое желание — это лично отправиться на Восток, где я мог бы способствовать если не победе нашего дела, то хотя бы получению сведений, нужных Комитету, чтобы начать действовать; здесь может пригодиться мой опыт: я бывал в этой стране, знаком с итальянским языком (который там распространен в более цивилизованных частях континента не меньше, чем французский)

и не совсем несведущ в новогреческом. Единственным препятствием является некое домашнее обстоятельство, но я попытаюсь его преодолеть; если это не удастся, я постараюсь и здесь делать, что могу, но всегда буду с сожалением думать, что на месте сумел бы принести больше пользы делу.

От капитана Блэкира ² мы в последний раз имели известие из Анконы, откуда он 15-го числа прошлого месяца отплыл при благоприятном ветре в Корфу, так что сейчас он, вероятно, добрался до места. Лично мне он в последний раз писал из Рима; ему не разрешили проезд через неаполитанские владения, и он вернулся, чтобы добраться до Анконы через Романью: впрочем, эта поеха кажется не отняла у него много времени. По-видимому, главное, что нужно грекам ³, это, во-первых, полевая артиллерия, легкая и годная для действий в горах; во-вторых, порох; в-третьих, медикаменты. Доставить их, как я слышал, легче всего через Идру, в адрес посланника, м-ра Негри ⁴. Второе и третье из названного мною я сам хотел послать в каком-то количестве — небольшом, но достаточном для того, чтобы частное лицо выразило этим свое сочувствие делу греков; но я медлю потому, что если поеду сам, то захвачу их с собой. Я не думаю ограничить этим свой вклад; если мне удастся поехать в Грецию, я отдам ее великому делу все, что смогу. Я переписываюсь с синьором Николасом Каррелласом (он хорошо известен мистеру Хобхаузу), находящимся сейчас в Пизе; в своем последнем сообщении он указывает, что греки заняты сейчас устройством своего *внутреннего* управления, во всех его деталях; это, казалось бы, означает *устойчивость*; однако война далеко еще не закончена.

Турки, как это видно из всех прежних войн, народ упорный, и они будут возобновлять атаки годами, даже если их побьют, как надо надеяться. Но труды Комитета ни в коем случае не пропадут напрасну; даже если греки будут разбиты и рассеяны, его средства пойдут на то, чтобы помочь уцелевшим, облегчить их лишения и помочь им найти или создать себе новую отчизну (как часто приходилось делать изгнанникам из других стран); такая помощь «благословенна тем, кто дает и кто берет ее» ⁵, как того требует и справедливость и милосердие.

Что касается формирования бригады (об этом пишет мистер Хобхауз в полученном мною сегодня кратком письме, куда было вложено и ваше, на которое я имею честь отвечать), я позволю себе заметить — правда, мое мнение основано скорее на печальном опыте бригад, посланных в Колумбию ⁶, чем на опыте Греции, где это не проверено — что Комитету следовало бы привлекать опытных *офицеров*, а не вербовать *необученных* английских солдат, которые часто недисциплинированны и не очень пригодны для партизанской войны, по сравнению с иностранцами. Полезнее всего был бы небольшой контингент хороших офицеров, особенно артиллеристов, а также инженеров и некоторое (по усмотрению Комитета) ко-

личество припасов, на которых особенно настаивает капитан Блэкир. Из офицеров следует предпочесть тех, кто ранее служил на Средиземном море, ибо им необходимы некоторые познания в итальянском языке.

Им следует также знать, что им предстоит нечто похуже, чем «обходиться бифштексом и бутылкой портвейна»; и что Греция — где давно уже нет изобилия — сейчас является страной всяческих *лишений*. Это замечание может показаться излишним; но я вынужден его сделать, видя сколько *иностранных* офицеров — итальянцев, французов и даже немцев (хотя *последних меньше*) — вернулись оттуда недовольными, вообразив, должно быть, что им предстояла увеселительная поездка или самая необременительная служба с хорошим жалованьем и быстрым продвижением. Они жалуются также, что были плохо приняты правительством или населением; но многие из этих недовольных были просто-напросто авантюристами, которые рассчитывали на командные посты и трофеи и потерпели разочарование в том и другом. Те греки, с которыми я беседовал, решительно отрицают обвинение в негостеприимстве и уверяют, что делили с иностранными добровольцами весь свой паек до последней крохи.

Излишне напоминать Комитету о всех выгодах, какие извлечет Великобритания из победы греков и тех торговых связей, которые вероятно будут с ними установлены; ибо я убежден, что главной целью Комитета является освобождение страны, а не какие-либо корыстные виды. Но для английской нации в целом, с ее нынешней тягой ко всевозможным спекуляциям, это соображение также может иметь вес: не к чему переплывать Атлантику, когда есть места поближе и получше. На одних только островах греческого архипелага имеются огромные возможности для иммигрантов; не только продукты *первой необходимости*, но и предметы роскоши (я имею в виду *природные дары* — фрукты, вино, масло и пр.) несравненно дешевле здесь в мирное время, чем на Капе, Ван Дименовой земле и в других прибежищах, которые английский народ ищет за морями.

Прошу Комитет располагать мною во всем. Если он пожелает дать мне какие-либо инструкции, я постараюсь выполнить их в точности, каково бы ни было мое личное мнение. Позволю себе добавить к этому заверения в моем личном уважении к джентльмену, которому имею честь адресовать настоящее письмо, и остаюсь и т. д.

P. S. — Лучшим опровержением Геллю ? будет активная деятельность Комитета. Я чересчур горяч для спора с ним и полагаю, что если за это взялся мистер Хобхауз, мне едва ли придется «обременять его помощью»⁸. Если я поеду туда сам, то постараюсь послать самый точный и беспристрастный отчет, какой позволят обстоятельства.

Мистеру Каррелласу я напишу. Ожидаю также известий от капитана Блэкира, который обещал по прибытии в столицу Временного правитель-

ства незамедлительно написать мне. Я дал ему рекомендательное письмо к лорду Сидни Осборну ⁹, на Корфу; но поскольку лорд С[идни] находится на государственной службе, он может принять его лишь с большими *предосторожностями*.

114

ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

Генуя, 21 мая 1823

Дорогой Дуглас,

Посылаю вам в этом конверте еще одну исправленную корректуру Д[он] Ж[уана], а также записку к м-ру Бэрри ¹, главному партнеру гг. Уэбб относительно кредита на случай моего отъезда *на Восток*. Я не решил еще, какую назвать сумму — уверен, что 5000, в добавление к тому, что я уже имею в виде ваших аккредитивов и в банке Уэбба, будет более чем довольно для моих личных нужд *по крайней мере на четыре года*, ибо мои потребности скромны, а другие мои расходы, как вам известно, я за последнее время сократил. Если я все-таки поеду в Грецию, я может быть смогу быть там полезен. Может понадобится выкупить военнопленных, одолжить наличных денег, приобрести оружие; а если я как-нибудь проснусь в гневном расположении духа и пожелаю набрать собственный отряд (хотя это мало вероятно), на все это понадобятся деньги и кредит. Достаньте мне столько, сколько считаете возможным, но *не менее* указанной выше суммы; *большой срочности* в этом нет, так как я не собираюсь отправляться раньше июля, если поеду вообще. Само собой разумеется, что *аккредитив на две тысячи фунтов*, который у меня хранится *в целости*, будет возвращен в такой же *целости*, или оставлен у гг. Уэбб для перевода вам, как только я получу более широкий кредит. Разумеется также, что если я получу этот расширенный кредит, но по какой-либо причине не поеду на Восток, кредит этот будет аннулирован, ибо в нынешних условиях он для меня совершенно излишен. Я делаю все, чтобы уехать, но встречаю всевозможные препятствия со стороны «нелепого женского пола», который, как видно, решил всячески жертвовать собой и мешать мне приносить пользу, и все это без всякой надобности; ибо ее родня и ее муж (который хлопочег перед папой и здешним правительством, чтобы добиться *возвращения* ему жены) настойчиво гребуют ее переезда в Равенну. А она хочет ехать в Грецию! Что и говорить — подходящее для нее сейчас место. Это, конечно, нелепая мысль, потому что там придется заботиться о ее безопасности в ущерб всему остальному. Решение ее совершенно бескорыстно, потому-то с ним так трудно бороться; я не умею с ней справиться: если она устроит сцену (а она это умеет) — вот вам и готова еще одна романтическая повесть о жестокостях и изменах в духе леди Каро-

лины, леди Байрон и Гленарвонов. Не было еще мужчины, который так много уступал женщинам, как я, а стяжал репутацию мучителя слабого пола. Однако я сделаю, что могу, и имею некоторую надежду; отцу ее разрешено вернуться из политической ссылки, но с одним условием: чтобы он возвращался вместе с дочерью. Если б я покинул одну женщину ради другой, она имела бы основания жаловаться, но когда человек хочет всего лишь исполнить великий долг и послужить правому делу, такой эгоизм со стороны женщины — это уж чересчур.

Всегда ваш
Н. Б.

P. S.— Прилагаю письмо от м-ра Джона Меррея, делающее ему честь, а также еще одну рукопись, в виде доказательства.

115

АНРИ БЕЙЛЮ¹

Генуя, 29 мая 1823

Сэр,

Теперь, когда я знаю, кому я обязан крайне лестным упоминанием в книге господина Стендаля «Рим, Неаполь и Флоренция», 1817 г., мне подобает выразить за него благодарность (пусть даже нежелательную и нежеланную) господину Бейлю, которого я имел честь знать в Милане в 1816 г. То, что вы говорите обо мне в вашем труде, слишком большая для меня честь; мне было приятно получить эту похвалу и столь же приятно было узнать наконец (это вышло совершенно случайно), что она исходит от человека, чьим мнением я дорожу уже так давно. Столько перемен произошло со времен миланского кружка, что я едва решаюсь о нем вспомнить — кто погиб, кто в изгнании, а кто в австрийских казематах. Бедный Пеллико²! Я верю, что за железными стенами он хоть отчасти утешен своей Музой — и что она вновь порадует нас, когда вместе с поэтом обретет свободу.

Из ваших сочинений мне известны только «Рим и пр.», биографии Гайдна и Моцарта и брошюра о Расине и Шекспире. «Histoire de la Peinture»^{1*} мне еще не удалось достать.

На одно ваше замечание, высказанное в брошюре, я позволю себе возразить — оно касается Вальтера Скотта. Вы пишете, что «как человек он не вызывает восхищения» и, вместе с тем, воздаете должное его произведениям. Я давно и хорошо знаю Вальтера Скотта и притом в таких обстоятельствах, которые обнаружили его подлинный характер — и я могу

^{1*} Историю живописи (фр.).

заверить вас, что им *можно* восхищаться как человеком; что это самый *прямодушный*, самый *благородный* и самый *доброжелательный* из людей. С его политическими взглядами у меня нет ничего общего: они отличны от моих, поэтому мне трудно о них говорить. Но он в них *совершенно искренен*; а искренность может быть смиренной, но не раболопной. Вот почему я прошу вас изменить или смягчить это место. Вы можете объяснить мое вмешательство желанием показать, что я *лишен зависти*, ибо я ведь тоже писатель. Приписывайте его чему угодно, но *верьте правде*. Я утверждаю, что Вальтер Скотт — истинно хороший человек, насколько это возможно для человека, потому что *знаю* это из опыта.

Если вы почтите меня ответом, осмелюсь просить вас не откладывать его, ибо возможно (хотя еще не решено окончательно), что обстоятельства снова забросят меня в Грецию. Сейчас я нахожусь в Генуе, где ваш ответ будет получен мной без промедлений, или будет переслан мне в любое место.

С живым воспоминанием о нашем кратком знакомстве и в надежде на его возобновление

остаюсь
вашим покорным слугой
Н о э л ь Б а й р о н

116

Ж. Ж. КУЛЬМАНУ¹

Генуя, июль 1823

Дорогой сэр!

Ваше письмо, а также приложения к нему, доставили мне величайшее удовольствие. Слава и творения писателей, почтивших меня этими томами, на которых значатся их имена, были известны мне и ранее, но, разумеется, мне более лестно получить книги от самих авторов. Я прошу вас передать мою благодарность каждому особо и добавить, что я горжусь их добрым мнением и был бы счастлив с ними познакомиться, если к этому представится случай. С сочинениями г-на Жуи² я знаком давно. Кто не зачитывался и не восхищался «Отшельником» и «Сциллой»? Но я не могу принять то, что вашим друзьям угодно называть данью, потому что в литературной республике нет верховного владыки, а если бы даже и был, у меня не было бы ни сил, ни стремления стать узурпатором.

Я должен также поблагодарить вас за собственные ваши сочинения; я считал вас слишком юным и, пожалуй, слишком благообразным, чтобы быть литератором. Что касается «Очерка», то я благодарю вас за него, хотя уже чигал его в последнем издании переводов³. Мне нечего возражать в той части, которая касается меня лично, хотя там, конечно, имеют-

ся неточности и ошибки, которые автор совершил с чужих слов. Я имею в виду факты, а не критические оценки. Но тот же автор жестоко клеветает на моего отца и брата моего деда, в особенности на первого. Он не только не был «груб», но, по отзывам всех знавших его, был человеком необычайно приветливым и жизнерадостным (enjoué), хотя беспечным (insouciant) и расточительным. Он был известен как хороший офицер и показал себя таким в Америке, служа в гвардии. Сами факты противоречат этому утверждению. Ведь не «грубостью» же сумел молодой гвардейский офицер очаровать и увести маркизу и дважды жениться на богатых наследницах. Правда, он был весьма красив, а это немало значит. Его первая жена (леди Коньерс, маркиза Кармартен) умерла не от горя, а от болезни, которую получила по неосторожности; она пожелала сопровождать моего отца на охоту, еще не вполне оправившись от родов, когда произвела на свет мою сестру Августу.

Вторая его жена, моя уважаемая мать, была слишком горда, уверяю вас, чтобы терпеть обиды от кого бы то ни было, и скоро доказала бы это. Добавлю, что он долго прожил в Париже и тесно сошелся там со старым маршалом Бироном, начальником французской гвардии, который из-за сходства наших фамилий и норманнского происхождения нашего рода полагал, что состоит с нами в отдаленном родстве. Он скончался, еще не достигнув сорока лет, и каковы бы ни были его недостатки, грубость (du reté et grossiereté) не была в их числе. Если статья попадет в Англию, я уверен, что слова, относящиеся к моему отцу, еще больше, чем меня, огорчат мою сестру (жену полковника Ли, состоявшего при дворе покойной королевы; не Каролины, а Шарлотты, супруги Георга III); а эгого она не заслужила, ибо нет на земле существа более ангельски кроткого. Мы с Августой всегда любили память нашего отца так же, как и друг друга, и это опять-таки освобождает его от обвинений в жестокости. Если он растратил свое состояние, это касается одних лишь нас, его наследников, и если мы его не упрекаем, кто же еще имеет на это право? Что до лорда Байрона, убившего на дуэли мистера Чаворта ⁴, то он вовсе не удалился от света; напротив, он объехал после этого всю Европу и был назначен Начальником Королевской Охоты, а уединился лишь после того как обиделся на сына, женившегося против его воли. Он не только не раскисался в том, что убил мистера Чаворта, известного бреттера (spadassin), но всегда, до самой смерти держал у себя в спальне шпагу, которую пустил тогда в ход. Странно, что я в ранней юности сильно полюбил внучатую племянницу и наследницу мистера Чаворта, состоявшую с ним в том же родстве, что я с лордом Байроном; и одно время казалось, что обе семьи примирятся благодаря нашему союзу. Она была старше меня двумя годами, и мы в юности много времени проводили вместе. Она вышла замуж за человека из старинной и почтенной семьи, но брак ее оказался несчастли-

вым, как и мой. Поведение ее было безупречным, но несходство характеров было таково, что они расстались. Я не виделся с нею уже много лет. Однажды мне представился случай, и я уже готовился, с ее согласия, посетить ее, но моя сестра, всегда имевшая на меня больше влияния, чем кто бы то ни было, убедила меня отказаться от моего намерения. «Если ты поедешь,— сказала она,— ты снова влюбишься, и произойдет какая-нибудь сцена; а там и еще, и *cela fera un éclat* ^{1*}. Я внял этому совету и вскоре женился; с каким успехом — не стоит и говорить. Миссис Ч[аворт] жила отдельно с мужем, потеряла рассудок; но с тех пор выздоровела и кажется примирилась с мужем. Письмо мое получилось длинным и касается, главным образом, моих семейных дел, но это уж вина г. Пишо, моего благосклонного биографа. Обо мне он волен писать сколько угодно дурного или хорошего, но я желаю, чтобы о моей семье он говорил лишь так, как она того заслуживает. Если бы вы предложили ему и г. Нодье исправить факты, относящиеся к моему отцу, и опубликовать их, вы оказали бы мне большую услугу, ибо я не могу допустить, чтобы о нем говорили несправедливо. На этом мне пора кончить, ибо я и так слишком долго занимал ваше внимание. Весьма польщен оказанными мне знаками уважения и прошу считать меня неизменно

вашим покорным слугой.

Н о э л ь   Б а й р о н

Р. S.— Десятого или двенадцатого числа сего месяца я отплываю в Грецию. Если мне суждено вернуться, я проеду через Париж и буду весьма рад встрече с вами и вашими друзьями. Если не суждено, прошу вас сохранить обо мне по возможности добрую память.

117

ТЕРЕЗЕ ГВИЧЧИОЛИ

Ливорно, 22 июля 1823

Милая Тереза,

В моем распоряжении всего несколько минут, чтобы известить тебя, что мы все здоровы и, как видишь, уже находимся на пути на Восток. Верь, что я *люблю* тебя неизменно и в тысяче слов не смог бы выразить ничего, кроме этого.

Всегда твой, дорогая,
Н. Б.

^{1*} Это вызовет скандал (*фр.*).

ИОГАННУ ВОЛЬФАНГУ ФОН ГЕТЕ

Ливорно, 24 июля 1823

Мой прославленный корреспондент,

Едва ли я сумею должным образом отблагодарить вас за ваши строки, присланные мне моим юным другом м-ром Стерлингом¹; мне не подobaет обмениваться стихами с тем, кто в течение пятидесяти лет является бесспорным верховным владыкой европейской литературы. Поэтому прошу вас принять мою самую искреннюю благодарность в прозе, и притом торопливой; ибо я сейчас вновь еду в Грецию и пишу вам среди спешки и суеты, которая почти не оставляет мне времени даже для выражения благодарности и восхищения.

Несколько дней назад я отплыл из Генуи, но сильный ветер вынудил меня вернуться; я отправился снова и прибыл сюда, в Ливорно, сегодня утром, чтобы взять на борт нескольких греков, которые направляются на родину, где идет борьба.

Здесь я нашел ваши стихи и письмо м-ра Стерлинга; и для меня не могло быть более благоприятного знаменья и более радостного сюрприза, чем слова Гете, собственноручно им написанные.

Я еду в Грецию вторично и попытаюсь быть ей хоть чем-нибудь полезен; если мне суждено вернуться, я посету Веймар в качестве одного из миллионов ваших искренних почитателей.

С глубочайшим уважением имею честь быть
вашим благодарным почитателем и покорным слугой,

Н о э л ь   Б а й р о н

КЕФАЛОНСКИЙ ДНЕВНИК

*

19 июня 1823

Встревожен мертвых сон,— могу ли спать?
Тираны давят мир,— я ль уступлю?
Созрела жатва,— мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце —²

1823

Метаксата, Кефалония, 28 сентября

Шестнадцатого июля (если память мне не изменяет) я отплыл из Генуи на английском бриге «Геркулес» под командой капитана Джона Скотта, 17-го числа разразилась буря; так как она грозила покалечить лошадей, которых мы везли в трюме, мы возвратились в Геную, где пережидали бурю в течение суток; затем вышли в море³, зашли в Ливорно, а оттуда через Мессинский пролив направились в Грецию. Пройдя в виду Эльбы, Корсики и Липарских островов, включая Стромболи, а затем — Сицилии, Италии и др., мы около 4 августа⁴ бросили якорь у Аргостоли, главной гавани острова Кефалония.

Здесь я ожидал получить известия от капитана Б[лэкира], посланного греческим комитетом в Лондоне к Временному правительству Морей; но к немалому моему удивлению узнал, что он уже отбыл в обратный путь, хотя в последних письмах ко мне, отправленных с полуострова, настоятельно просил меня ускорить мой приезд и сообщал о своем намерении здесь задержаться. С тех пор я получил от него несколько писем, адресованных в Геную и пересланных мне на острова, где он отчасти объясняет причины своего неожиданного отъезда из Греции и просит меня (противореча прежнему своему мнению) отложить *на время* мой собственный приезд, по нескольким причинам, в числе которых есть и важные. Я послал лодку на Корфу, надеясь еще застать его там, но он уже отплыл в Анкону.

Высшее командование на острове Кефалония осуществлялось резидентом, полковником Нэпиром ⁵, а восьмым королевским полком, составлявшим гарнизон, командовал полковник Даффи. Оба они встретили нас, как, впрочем, и все офицеры и гражданские лица, с величайшей любезностью и радушием, которых мы, разумеется, не заслуживали, но постарались оправдать; это радушие остается неизменным и теперь, когда частые встречи стерли новизну наших отношений.

Здесь мы узнали то, что впоследствии полностью подтвердилось, а именно: Греция раздираема междоусобицами; Маврокордато ⁶ смещен или сам сложил с себя полномочия (L'un vaut bien l'autre ^{1*}); в Морее власть перешла к Колокотрони ⁷, главарю не знаю уж какой партии. Турки были весьма сильны в Акарнании и др., а турецкий флот блокировал побережье от Миссолунги до Кьяренцы, а потом и до Наварина. Греческий флот из-за недостатка средств или по иным причинам остался на стоянке в Гидре, Исфаре и Специи, где, возможно, находится и поныне. Так как я, вопреки моим ожиданиям, не получал никаких сведений из Пелопонесса и ожидал также писем из Англии, от Комитета, я решил оставаться до поры до времени на Ионийских островах, тем более, что высадка на противоположном берегу грозила нам конфискацией судна и груза; а капитан Скотт разумеется соглашался на такой риск только при условии, что я гарантирую ему полное возмещение возможных убытков.

Чтобы скоротать время, мы совершили поездку через горы в монастырь Св. Евфимии — по такой плохой дороге, каких я еще не встречал за годы моих странствий по многим странам даже в самых глухих местах. Из Св. Евфимии мы отплыли на Итаку и объехали этот красивейший остров, где я уже побывал несколько лет назад. Прием, оказанный нам капитаном Ноксом (резидентом) и его супругой, ничуть не уступал гостеприимству наших военных друзей на Кефалонии. Резидент, миссис Н[окс] и их друзья повели нас к источнику Аретузы, ради которого уже стоило совершить эту поездку; но и все остальное на этом острове не менее привлекательно для любителей природы. Памятники искусства и древности я предоставляю антиквариям; эти джентльмены занялись ими столь удачно, что существование Трои сделалось спорным, а существование Итаки (я разумею Итаку гомеровскую) еще не признается.

Дело было в августе, и нас предостерегали против поездок в жаркие часы дня; но так как я прежде никогда не страдал от жары, пока находился в *движении*, мне не захотелось терять столько дневных часов из-за лишнего солнечного луча; и хотя наше общество было довольно многочисленно, никто, насколько я мог наблюдать, не почувствовал себя плохо, и только один из слуг (негр) заметил, что жара стоит такая же, как в Вест-

^{1*} Одно другого стоит (*фр.*).

Индии. Я оставил термометр на борту и потому не мог точно определить температуру воздуха. Мы возвратились в Св. Евфимию, переправились в Самосский монастырь на противоположном берегу залива, а на следующий день вернулись оттуда в Аргостоли, по более удобной дороге, чем тропа, ведущая в Св. Евфимию. Сухопутную часть пути мы проделали на мулах.

Спустя несколько дней после нашего возвращения, я узнал, что в Занте есть для меня письма; но прошло немало времени, прежде чем грек, которому они были поручены, сумел их доставить, так что получением их я оказался обязан полковнику Нэпиру; причина задержки так и не выяснилась.

В письмах из Англии меня уведомляли, что Комитет поручает мне представлять его при греческом правительстве и взять на себя распределение некоторых грузов и т. п., ожидавшихся с кораблем, который и по сей день (28 сент.) еще не прибыл ⁸.

Вскоре по прибытии я на собственные средства нанял отряд из сорока сулиотов ⁹ во главе с их командирами Фотомарой, Джавеллой и Драко и, вероятно, увеличил бы этот отряд, если бы не обнаружил, что между ними ни в чем нет согласия, кроме как в том, чтобы запрашивать с меня все больше и больше, хотя я и так платил каждому на доллар в месяц больше, чем он получал бы от греческого правительства, а когда нанимал их, они были разуты и раздеты. Я согласился на их просьбы и уплатил им за месяц вперед. Однако — вероятно по наущению мошенников-лавочников, у которых они обыкновенно забирают товары в долг — они пытались вымогать прибавку; тогда я созвал их, высказал им свое мнение и объявил, что не возьму их с собой дальше. Но я предложил выдать им жалованье еще за месяц и оплатить им проезд до Акарнании, куда теперь, после ухода турецкого флота и снятия блокады, им легко было попасть.

Часть отряда приняла это предложение и уехала. Власти Семи Островов ¹⁰ попытались было препятствовать возвращению им оружия, но это в конце-концов удалось уладить, и сейчас они соединились со своими соотечественниками в Этолии или Акарнании.

Кроме того, я переслал резиденту Итаки двести пятьдесят долларов для тамошних беженцев, а также помог переправить на Кефалонию одно семейство родом из Морей, очутившееся в безвыходном положении, и обеспечил ему жилье и содержание, поручив его попечениям гг. Корджаленьо, богатых торговцев в Аргостоли, к которым у меня были рекомендации от моих корреспондентов.

Я распорядился написать Марко Боццарису, командиру греческих отрядов в Акарнании, к которому имел рекомендательные письма. Его ответ был, вероятно, последним из того, что он подписал или продиктовал, так как он был убит в бою на следующий же день, оставив по себе славу

храброго воина и честного человека, что не всегда встречается вместе, как, впрочем, и порознь. Я получил также приглашение от графа Метакса, губернатора Миссолунги; но при нынешних отношениях между партиями мне необходимо было прежде узнать у существующего правительства, где я смогу, по его мнению, если не принести *больше всего* пользы, то хотя бы *менее всего* помешать.

Так как я прибыл сюда помочь не одной какой-либо клике, а целому народу и думал иметь дело с честными людьми, а не с хищниками и казнокрадами (такие обвинения греки бросают друг другу ежедневно), мне понадобится большая осмотрительность, чтобы не связать себя ни с одной из партий; это будет тем более трудно, что я уже получил приглашения от нескольких враждующих между собой клик, из которых каждая заверяет, что именно *она-то* и является подлинно правоверной. Все же я не хочу отчаиваться, хотя все иностранцы, которых я до сих пор встречал в Греции, покидают или уже покинули ее в полном разочаровании.

Каждый, кто едет сейчас в Грецию, должен поступать как миссис Фрай¹¹ при посещении Ньюгейтской тюрьмы — т. е. не ожидать немедленных проявлений честности, но надеяться, что время и гуманное обращение искоренят нынешние воровские и грабительские наклонности.

Когда греки немного расправят члены, четырехста лет скованные цепями рабства, они уже не будут ходить, «точно у них на ногах кандалы»¹². Сейчас цепи разбиты; но обрывки их еще влачатся, и Сатурналии еще слишком недавни, чтобы Раб успел превратиться в зрелого гражданина. Хуже всего в них то, что они (тут мне придется употребить грубое выражение, потому что только оно соответствует истине) — хуже всего то, что они так чертовски лживы; подобная неспособность говорить правду не видана со времен Евы в райских кущах. Недавно один из них сетовал, зачем в английском языке существует так мало оттенков для отрицательного ответа; тогда как грек, благодаря особенностям своего скользкого языка, может так плавно переходить от «нет» к «да» и *vice versa*^{1*}, что увильнет от чего угодно и все же оставит лазейку, в которую клятвopступление может проскользнуть никем не замеченное. Это — собственные слова этого джентльмена, и сомневаться в них можно только потому, что «Эпименид сам был критянином»¹³, как гласит известный силлогизм. Конечно, со временем они могут исправиться.

30 сентября

Пробыв здесь некоторое время в ожидании известий от Гр[еческого] Пр[авительства], я воспользовался отъездом мистера Б[рауна] и мистера

^{1*} Наоборот (лат.).

Т[релони] в Триполицу после ухода турецкого флота, чтобы написать здешним исполнительным властям. Я хотел не только получить некоторые точные сведения, которые позволили бы мне поехать туда, где я мог быть полезнее, хотя бы и в меньшей безопасности; я хотел также иметь возможность судить об истинном положении дел. Тем временем я получил вести от Маврокордато и от примаса ¹⁴ Гидры; последний приглашает меня посетить остров, а первый пишет, что желал бы встретиться со мной либо там, либо в другом месте.

1823

17 декабря

Неожиданно прервал свой дневник и не брался за него до сего дня, потому что в день, когда была сделана предыдущая запись, получил письмо от моей сестры Августы, сообщавшее о болезни моей дочери, и у меня пропало всякое желание писать. Позднее я узнал из того же источника, что ей лучше, а потом — что она выздоровела; если так, тогда и у меня все обстоит хорошо.

Хотя я узнал об этом еще в начале ноября, я почему-то не возобновил тогда своих записей, несмотря на то, что с тех пор произошло множество событий, которые составили бы курьезную хронику.

Не знаю также, почему я сейчас снова берусь за дневник — разве потому, что стою у окна, любясь красивейшим селением; в безмятежном, хотя и холодном, прекрасном и прозрачном лунном свете мне видны острова, горы, море и далекие очертания Мореи между двух лазурных полос — морской и небесной; это успокаивает меня настолько, что я способен писать — занятие, которое всегда было для меня (как ни трудно отказать от него тому, кто так много писал для печати) тяжелым и мучительным. Я мог бы представить свидетелей, но мой почерк свидетельствует об этом достаточно. Это — почерк человека, который думает много, быстро, быть может глубоко, но редко с удовольствием для себя.

Однако ж — en avant ^{1*}! Греки одерживают политические победы, но ссорятся между собой. Мне, как видно, придется, bon gré, mal gré ^{2*} примкнуть к одной из партий, чего я до сих пор старательно избегал, в надежде объединить их на общее дело.

Маврокордато наконец-то появился в наших водах с отрядом гидриотов ¹⁵ — это появление едва ли состоялось бы, если бы я не вызвался внести двести тысяч пиастров (на греческом материке 10 пиастров идут

^{1*} Вперед (фр.).

^{2*} Волей-неволей (фр.).

сейчас за один доллар) для оказания помощи Миссолунги; он начал действовать довольно успешно, хотя и неосторожно.

Четырнадцать (а по другим сведениям — семнадцать) греческих кораблей атаковали 12-пушечное турецкое судно и захватили его. Это, разумеется, не назовешь океанскими Фермопилами, но *p'importe* ^{1*}; *on dit* ^{2*}, что на борту его оказалось пятьдесят тысяч долларов — сумма весьма полезная при нынешнем положении Греции, если распорядиться ею с толком. Впрочем, эти трофеи были добыты в нейтральных водах, у побережья Итаки; говорят, что турок преследовали и на берегу, и среди них имеются убитые. Тут может возникнуть вопрос о законности, решать который будет не слишком терпимый Томас Мейтленд ¹⁶, едва ли в нем разбирающийся. Я внес вышеозначенную сумму на содержание указанного отряда; она не очень велика, однако ж вдвое больше той, с которой Наполеон, Император из Императоров, начинал свою итальянскую кампанию — *vide* ^{3*} Лас Казас ¹⁷, *passim* ^{4*} *tome premier* ^{5*}.

Турки отступили из-под Миссолунги — неведомо почему, так как они оставили большое количество провианта и боеприпасов, а гарнизон не делал против них вылазок, по крайней мере, успешных. В этом году они не осаждали Миссолунги, зато бомбардировали Анатолико ¹⁸ вблизи Ахелуса — деревню, хорошо запомнившуюся мне с 1809 г., когда я, с пятьюдесятью албанцами, проехал всю эту часть страны, включая Миссолунги.

Есть слух, что Вриони Паше стало известно о восстании близ Скутари; ходят и другие слухи. Что до меня, то я состою в переписке с главарями, но и их сообщения разноречивы.

Сулиоты, как здесь, так и в других местах, прониклись ко мне *симпатией*; во всяком случае, свели или возобновили со мной *знакомство* (ибо я оказывал им и их семьям всю помощь, какую позволяли обстоятельства) и видимо желают, чтобы я стал во главе их (если можно так сказать). Сейчас мне этого не хотелось бы — и без того уже слишком здесь много главарей и группировок. Однако, если это окажется необходимым, что ж — из всех здесь сражающихся они признаны лучшими и храбрейшими — может статься, я и возглавлю такой отряд; с ним, как мне кажется, можно кое-что сделать и в Греции, и *за ее пределами* (как тут, так и там многое требует вмешательства). Я мог бы содержать их на собственные средства, конечно если мои теперешние доходы и состояние можно считать неизменными. Число их не превышает тысячу человек; из них

^{1*} Не важно (*фр.*).

^{2*} Говорят (*фр.*).

^{3*} Сммотри (*лат.*).

^{4*} В разных местах (*лат.*).

^{5*} Том первый (*фр.*).

настоящих султанов не более шестисот; зато считается, что *каждый* (это может показаться бахвальством, но так недавно сообщалось в газетах) стоит *пяти* европейских турок или десяти азиатских! Как бы то ни было, они ценятся весьма высоко, и мы с ними большие друзья.

На материке содержание солдата обходится в 25 пиастров (т. е. несколько *более двух долларов*) в месяц на своих харчах; или *пять долларов*, включая харчи. Таким образом, примерно на две-три тысячи долларов в месяц (доллар здесь стоит 4 шилл. 2 пенса, а не 4 шилл. 6 пенсов, как в Англии) я мог бы содержать от пятисот до тысячи таких воинов столько времени, сколько понадобится; средств моих на это более чем достаточно (если они останутся таковы, как сейчас). Мои личные потребности весьма скромны (если не считать расхода на лошадей, ибо я плохой ходок), а доходы весьма значительны для любой страны, кроме Англии (я имею столько же, сколько получает президент Соединенных Штатов! или английский министр, или французский посол в Вене и при всех больших дворах — примерно 150 000 франков), да еще около 3 000 000 франков я рассчитываю выручить от продажи поместья. Итак, я могу (добавив сюда еще то, что нам достанется по обычаям войны) некоторое время содержать довольно многочисленный клан, племя или орду; а так как у меня при этом не будет иных целей, кроме благоденствия Греции, то можно надеяться, что это сослужит ей полезную службу.

ТЕРЕЗА ГВИЧЧИОЛИ
Рисунок графа д'Орсе

БАЙРОН

Рисунок графа д'Орсе. Май 1823 г.

П И С Ь М А

✱

119

АВГУСТЕ ЛИ

Кефалония, 12 октября 1823

Милая Августа,

Три твоих письма, касающиеся недомогания Ады, заставляют меня с большой тревогой ждать дальнейших известий об улучшении. Я страдал тою же болезнью, но не в столь раннем возрасте и не в такой сильной степени. К тому же она не отражалась у меня на зрении, а только на слухе, и то слегка и ненадолго. До четырнадцати лет, а иногда и позже, я периодически страдал ужаснейшими головными болями, но воздержание и привычка каждое утро обливать голову холодной водой излечили меня, во всяком случае с тех пор они мучают меня реже. Быть может они пройдут у нее ко времени созревания. Конечно, этого еще долго ждать; а впрочем, при таком сангвиническом темпераменте оно может наступить у нее раньше, чем обычно бывает в нашем более холодном климате;... Прости, если я говорю на эту тему *медицинскими* терминами и en passant^{1*}; мне кажется, что приливы крови к голове в столь раннем возрасте могут быть связаны все с той же склонностью к раннему созреванию. Быть может, все это — одно лишь мое воображение. Во всяком случае, сообщи мне, как она чувствует себя сейчас. Нечего говорить, как *сильно* я тревожусь (особенно на таком расстоянии) о ее здоровье.

Ты спрашиваешь, для чего я поехал к грекам? Мне сказали, что как частное лицо и как член английского Комитета я тем самым могу в какой-то мере способствовать их борьбе за независимость. Не берусь предсказывать, насколько это возможно, но я готов сделать что могу. Отбив нападение противника, они нашли наконец время свести счеты между собой, а мне, вероятно, достанется нелегкая задача соблюдать нейтралитет по отношению к различным кликам. Они устранили Маврокордато, единственного среди них человека, подобного *Вашингтону* или *Костюшко*, и еще не послали депутатов в Лондон договариваться о займе, и вообще не сделали для себя всего, что могли бы. Я трижды писал мистеру Хобхаузу и послал

---

^{1*} Мимоходом (фр.).

ему все относящиеся к делу документы, из которых он может извлечь все нужное Комитету. Я писал также их правительству в Триполице и Саламине и жду указаний, куда направиться, ибо здесь творится такое, что трудно сообразить, где можно принести пользу и можно ли вообще. Надеюсь, однако, что они достаточно понимают собственные интересы, чтобы не ссориться, пока не добьются национальной независимости, а тогда пускай себе дерутся по-домашнему. Как видишь, у меня есть о чем думать; ты не представляешь себе, что это за беспокойные, хитрые интриганы; так как ко мне являются сейчас эмиссары от всех партий, а я должен выказывать беспристрастие, я восклицаю, подобно Юлиану¹ за военными занятиями: «О, Платон, какая задача для философа!»

Я знаю, впрочем, что *ты* не высокого мнения о моей философии, да и сам я тоже, *entre nous*^{1*}.

Если ты считаешь, что это письмо или часть его стоит переслать леди Б[айрон], можешь послать ей копию; если она не превратилась бог знает во что, едва ли она вовсе уж безразлична к тому, где я и что со мной.

В настоящее время я нахожусь в прелестной деревушке (Метаксата в Кефалонии) между горами и морем, с видом на Занту и Морею, и жду более точных указаний от Временного правительства в Саламине. Но сейчас кто-то ко мне пришел.

Меня прервали вчера полковник Нэпир и капитан королевского судна, стоящего сейчас в гавани. Полковник Н[эпир] является здешним резидентом или губернатором и проявил большую любезность и гостеприимство, как, впрочем, все здешние англичане. Когда они ушли, явился какой-то грек насчет нескончаемой осады Миссолунги (на побережье Акарнаний или Этолии) и провианта, который мы хотим туда подбросить; а когда и с этим было покончено, я сел на лошадь (я привез с собой моих лошадей, и они оказались весьма беспокойными спутниками в бурном море) и проехался до Аргостоли и обратно; а после того почувствовал обычную свою *грозовую* мигрень (ты-то знаешь, что перед грозой моя голова действует как барометр) и не мог взяться за письмо до сегодняшнего утра. С тех пор как я сюда приехал, в августе, я побывал на Итаке (которую ты примешь за Ирландию, но если заглянешь в «Одиссею» Попа², то увидишь, что это — древнее название острова Уайт), а также развезжал кое-где по Кефалонии.

Здоровье наше сейчас хорошо, благодарение богам! Кстати, кто этот доктор Типперери, или Мэйи, или как там его зовут? Никогда не встречал такой фамилии, кроме как в названиях ирландских графств. Зато хирург Лоренс, если это тот самый, кого преследовали за его философские взгляды, этот, как я слышал, — отличный знаток своего дела. Но я удивлен,

^{1*} Между нами (*фр.*).

как это леди Б[айрон] (скажи ей) решилась призвать на помощь паписта или неверующего. Я думал, что она, подобно почтенному Дэвиду Динсу³, не примет «и капли лекарства», если не будет уверена, что его прописал камеронец.

Здесь есть умный, хотя и чудаковатый человек, некто доктор Кеннеди⁴, весьма набожный, который всерьез старается обращать своих собеседников в веру; только христианство у него несколько странное, ибо он говорит, что англиканские священники — такие же христиане, как Махмуд или Термагант⁵. Несколько человек ему удалось обратиться, но я подозреваю, что на них действовала больше красота его жены (которая не уступает ее набожности), чем его богословские теории. Он мне нравится, насколько я могу судить, о ней я ничего не знаю и знать не хочу, потому что занят совсем другими делами. Он говорит, что недавние подземные толчки были подтверждением его догмы или божьим знамением, предостерегающим его слушателей, но это мнение никто не разделяет. Один из толчков был настолько длительным, хотя и не очень сильным, что дом мог рухнуть; а так как лестница у нас *наружная* (здешние здания отличаются от наших), обитатели его (напомню тебе, что это — поголовно *мужчины*, а если бы среди нас были женщины, их пришлось бы вытаскивать или погибать с ними за компанию) сочли за лучшее поскорее спуститься во двор. Кто первым выскочил за дверь — я не знаю, но спустившись по лестнице, я обнаружил, что несколько человек меня опередило, а это они могли сделать только выскочив в окно или *спрыгнув* с верхней площадки лестницы (перил и ограждения у нее нет), но никак не обычным способом. Вся сцена была достаточно нелепа; ночью толчки повторялись еще несколько раз, но мы спокойно оставались в постелях, потому что выскакать было бесполезно — если бы дом обрушился, мы все равно не успели бы.

Остров не очень пострадал (если не считать того, что несколько старых домов треснуло пополам), но солдат на плацу приподняло, как прилив приподымает суда, и весь строй заметно колыхался (хотя никто не двигался) из-за колебаний почвы у них под ногами. Словом, ты не можешь пожаловаться, что это письмо чересчур кратко.

Мне хотелось бы, чтобы ты получила от леди Б[айрон] сведения о наклонностях Ады, ее привычках, занятиях, нравственных качествах и характере, а также о ее внешности, потому что я не знаю даже этого, не имея ничего, кроме миниатюры, сделанной пять лет назад (а ведь сейчас она почти вдвое старше). Когда я узнаю это, я смогу судить о ее натуре и о том, как лечить ее недомогания. Мне кажется, что в ее нынешнем возрасте у меня было много чувств и понятий, в которые *теперь* никто не поверил бы, а потому мне лучше о них молчать. Общительна ли она или любит уединение, молчалива или разговорчива, любит ли читать или наоборот?

И каков ее *тик* — я хочу сказать, ее слабость? Пылкая ли у нее натура? Надеюсь, что боги наградили ее чем угодно, лишь бы не *поэтическим* даром — одного подобного дурака в семье достаточно. Ответ мне на все эти вопросы на досуге; письма адресуй как до сих пор — в *Геную*, оттуда мне скорей их доставят мои тамошние корреспонденты.

Всегда твой
Н. Б.

P. S. — Передай Дугласу К[иннэрд], что я только что получил его письмо от 19 августа и не только одобряю, что он не согласился взять за имение меньше десяти-двенадцати тысяч фунтов, но желал бы, чтобы он старался получить возможно больше.

120

11 декабря 1823

ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

Пост-скрипту к утерянному письму

Полагаю, что вы пришли также к какому-то соглашению с м-ром М[ерреем] относительно «Вернера». С тех пор как он напечатал его, прошло уже более года. Хотя гонорар составляет всего двести-триста фунтов, я скажу вам, что на них можно сделать. На триста фунтов я могу содержать в Греции сотню вооруженных людей, платить им *больше*, чем Временное правительство, включая *довольствие*, и все это *в течение трех месяцев!* Не то, чтобы у меня была неотложная нужда в наличности, особенно такого рода, но лучше уладить все финансовые дела, каковы бы они ни были — рента, процентные бумаги, деньги, вырученные от продажи имения или от изданий. Полагаю, что от «Острова»¹ тоже есть или будет некоторый доход, а также от продажи других сочинений; но особенно я на это не рассчитываю. Х[обхауз], вероятно, уже подготовил собрание сочинений, как ему было указано раньше, и опубликовал все одиннадцать новых Д[он] Ж[уанов]².

Я вхожу во все эти подробности только потому, что на сумму, незначительную в *Лондоне* или *Париже*, даже для *личного* бюджета джентльмена, в Греции можно вооружить и содержать сотни людей. Вы можете судить об этом, если я скажу, что на четыре тысячи фунтов, которые я ссудил, будет, вероятно, несколько месяцев действовать целая армия и флот.

Прошу вас избегать всех лишних расходов в Англии (кроме страховок). То, что осталось выплатить адвокатам и кредиторам (а вы сами говорите, что эта сумма не на много превышает *весь мой полугодовой* доход, включая Керкби Маллори), можно выплатить после Греческой Войны или Греческих Календ; эти собаки, особенно адвокаты, и так уж получили

больше, чем им причиталось по справедливости. Впрочем, никто их не обидит — надеюсь, что и меня также; но прошу все же присмотреть за указанными делами.

121

ГЕНРИ МЮИРУ¹*Драгоместри, 2 января 1824*

Дорогой Мюир,

Поздравляю вас с Новым годом и желаю счастья. Есть серьезные основания думать, что Гамбу и «Бомбарду» гонит в Патрас турецкий фрегат, который на наших глазах погнался за ними на рассвете 31-го числа; ночью мы подошли к нему с кормы, приняв его за греческое судно, пока не приблизились на расстояние пистолетного выстрела, и спаслись только чудом и заступничеством всех святых (как говорит наш капитан) — и я разделяю его мнение, потому что самим нам не удалось бы уйти. Они сигнализировали другому своему судну огнями, иллюминировали весь корабль и кричали во все горло — но почему же они тогда не стреляли? Быть может они приняли нас за греческий брандер и опасались, что мы их подожжем — флаг у них не был поднят ни на заре, ни позже.

К рассвету мое судно оказалось у берега, но ветер не благоприятствовал входу в гавань — между нами и заливом находилось большое судно, которому ветер дул попутный, а другое преследовало «Бомбарду» милях в двенадцати от нас. Вскоре они (т. е. «Бомбарда» и фрегат), по-видимому, повернули к Патрасу, а мы, увидя с зантиотского корабля, стоявшего у берега, сигнал удалиться, пошли по ветру и зашли в бухту под названием, кажется, Скрофес, где я высадил Луку², а с ним еще одного (так как жизнь Луки была в наибольшей опасности), дал им денег и письмо к Стэнхопу³ и отправил их по суше в Миссолунги, где они будут в безопасности; там, где мы находились, на нас могли в любой момент напасть вооруженные суда, а все наше оружие, кроме двух карабинов, охотничье-го ружья и нескольких пистолетов, осталось у Гамбы.

Менее чем через час преследовавший нас вражеский корабль приблизился, и мы снова вышли в море (судно у нас очень быстроходное) и успели до наступления темноты добраться до Драгоместри, где сейчас и находимся. Но где же греческий флот? Я не знаю — а вы? Я сказал капитану нашего судна, что оба больших корабля (других не было видно) могли, по моему мнению, быть греческими. Но он ответил: «Они слишком крупны — отчего они не поднимают флага?», и его мнение, верное или ложное, было подтверждено несколькими встретившимися нам судами — при таком ветре мы все равно не могли сразу добраться до места; а поскольку мы рисковали ценным имуществом и несколькими жизнями (в особенности

жизнью мальчика) и были беззащитны, пришлось подчиниться желаниям наших моряков.

Вчера я послал еще одного гонца в Миссолунги с просьбой дать нам охрану, но ответа еще не получил. Я и мои спутники уже пятый день не раздеваемся и спим на палубе во всякую погоду, но все мы здоровы и бодры. Надо полагать, что правительство в собственных своих интересах пришлет нам охрану, потому что я имею на борту 16 000 долларов, предназначенных главным образом для него же. Не считая комитетских денег, я имел 8 000 долларов собственных, да личного имущества примерно еще на 5 000 — так что турки немало поживятся, если им достанется этот трофей.

Мне жаль, что задержан Гамба ⁴ и др., а остальные потери мы можем восполнить; поэтому скажите Хэнкоку ⁵, чтобы он возможно скорей превратил мои аккредитивы в наличность, а Корджаленьо — чтобы он сделал то же самое с остатками моего текущего счета у г. г. Уэбб. Если не произойдет ничего чрезвычайного, я буду дожидаться здесь людей Маврокордато, а затем проследую дальше и поступлю согласно обстоятельствам. Прошу передать поклоны обоим полковникам и привет всем друзьям. Скажите «Ultima Analise» ⁶, что его приятель [П] Раиди ⁷ не прибыл на бриге, хотя я считаю, что ему надо было поговорить с нами в Занте или поблизости и хоть немного подготовить нас к тому, что нас ожидало.

Неизменно преданный вам
Н. Б.

P. S. — Прошу извинить неразборчивость, в которой повинно перо и утренний холод. Спешу дописать письмо, так как сейчас отправляется шхуна в Каламо. Не знаю, можно ли считать задержание «Бомбарды» (если только она действительно была задержана, ибо я не мог бы в этом присягнуть и сужу лишь по видимости и по словам всех моих людей) делом, касающимся правительства, нейтралитета и т. п., но ее *задержали по крайней мере* в двенадцати милях от какого-либо порта, и все документы на проезд от Занте в Каламо были у нее в порядке, как и у нас. Я не высадился в Занте, чтобы не терять времени, но сэр Ф[редерик] С[товен] ⁸ приезжал пригласить меня туда и т. п., и все проявили любезность чрезвычайную, даже для Кефалонии.

122

ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ЮСУФУ ПАШЕ ¹

Миссолунги, 23 января 1824

Ваше высочество!

Корабль, на котором находился мой друг и несколько моих слуг, был на днях задержан, а затем отпущен по приказу вашего высочества. Я дол-

жен поблагодарить вас; не за освобождение судна, — никто не имел права его задерживать, ибо оно шло под нейтральным флагом и находилось под покровительством Великобритании — но за любезное обхождение с моими друзьями, пока они находились в вашей власти.

В надежде сделать приятное вашему высочеству, я попросил здешнего губернатора освободить четырех турецких военнопленных, и он гуманно дал на это свое согласие. Спешу отослать их к вам, чтобы возможно скорее отплатить за вашу учтивость. Пленные эти освобождены без каких-либо условий; но я осмеливаюсь просить вас, если этот случай сохранится в вашей памяти, гуманно отнестись к тем грекам, которые могут в будущем попасть к вам в плен; ибо война слишком ужасна сама по себе, чтобы увеличивать эти ужасы бесцельной жестокостью с той или другой стороны.

Имею честь быть и т. д.

Н о э л ь Б а й р о н

29 февраля 1824. Копия письма, посланного Юсуфу Паше вместе с четырьмя турецкими пленными, освобожденными по моей просьбе. Остальные двадцать четыре отправлены мной в Превезу, с письмом к английскому генеральному консулу.

Н. Б.

123

М-РУ МЕЙЕРУ¹

[без даты]

Сэр,

Одной из главных целей моего приезда в Грецию было по возможности облегчить страдания, причиняемые столь жестокой войной, какова нынешняя. Когда этого требует человечность, я не делаю различия между греками и турками. Любой страдающий человек имеет право на жалость и помощь всякого, кто хоть сколько-нибудь претендует на гуманность. Я нашел здесь турецких пленных в количестве двадцати четырех человек, включая женщин и детей, которые давно уже томятся вдали от дома, лишены всякой помощи. Правительство передало их мне; я отправляю их в Превезу, согласно их собственному желанию. Надеюсь, что вы не откажетесь позаботиться о доставке их в безопасное место и что губернатор вашего города примет мое подношение. Лучшей наградой, на какую я надеюсь, было бы внушить турецким военачальникам те же чувства в отношении несчастных греков, которые могут попасть к ним в руки.

Прошу вас принять уверения и т. д.

Н. Б а й р о н

ЧАРЛЗУ ХЭНКОКУ

Миссолунги, 5 февраля 1824

Дорогой сэр!

Письмо доктора Мюира и ваше письмо от 23-го были получены мной несколько дней назад. Передайте Мюиру, что я рад за него, узнав о его повышении, и рад за нас, узнав, что он останется вблизи нас; но не могу не сожалеть, что доктор Кеннеди уехал и тем навлек на нас недавнее землетрясение и нынешнюю английскую погоду в здешних местах. При всем уважении к моему медицинскому пастырю, я должен сообщить ему, что в числе прочих смутьянов только что прибывший сюда пиротехник Пэрри¹ доставил благочестивого кузнеца с грузом в триста двадцать два греческих Евангелия. Я предоставил ему все возможности потрудиться на духовном и на светском поприще, и если он сумеет столь же легко поладить с греческим архиепископом и церковным чиновничеством, я надеюсь, что ни еретик, ни предполагаемый скептик не будут обвинены в нетерпимости.

Кстати, с этим архиепископом я встретился в Анатолико (где я побывал на днях по приглашению примасов и где меня встретили таким пушечным салютом, каким не встречали должно быть и турок) — и это уже во второй раз (я встречался здесь с ним и раньше); он, кн. Маврокордато, командиры, примасы и я отобедали вместе; архиепископ показался мне самым веселым из всей компании, но при всем том отличным христианином. Гамба заболел лихорадкой (мы промокли на обратном пути) и коликами; Лука (не евангелист, а мой ученик) тоже был нездоров, как и некоторые другие, а я был вполне здоров и только вчера схватил простуду от того, что слишком долго ругал под дождем греков, которые не желали помочь выгрузке комитетских припасов и этим едва не погубили все наше горючее; тут-то я и вышел к ним сам и осыпал их всех, начиная с правительства, такой бранью, что они зашевелились и сделали, наконец, хоть *часть* того, что им следовало сделать несколько дней назад — но и это, оказывается, можно считать истинным чудом.

Передайте Мюиру, что невзирая на его предостережения, за которые я приношу ему благодарность, я предпочитаю все же наступать вместе с войском, ибо если мы не начнем действовать немедленно, нам предстоит третий год оборонительной войны, еще одна осада и т. д. Мы слышали, что турки подбрасывают большие силы и притом ранее обычного; и так как я что-то значу для здешнего народа, все считают, что мне надо выступить, — во-первых, потому, что они при их междоусобицах скорее послушаются чужестранца, чем кого-либо из своих; во-вторых, потому, что турки охотнее пойдут на переговоры или на капитуляцию (если будет такой случай) с франком, чем с греком; а в-третьих, потому, что никто больше не склонен взять на себя эту ответственность. Маврокордато крайне занят здесь,

иностранные командиры слишком молоды или не имеют достаточного авторитета у местного населения, а греческие военачальники (как сказано выше) готовы повиноваться кому угодно, лишь бы не одному из своих. Что касается меня, то я готов делать, что прикажут, и выполнять инструкции. Я не ищу, но и не избегаю, никакого дела, которое мне пожелали бы поручить; что же касается личной безопасности, которую вообще не следует принимать в расчет, я полагаю, что в этом отношении одно место не хуже другого и что лучше погибнуть от пули, чем от хинной коры. Если нас не сразит меч, то наверняка уложит лихорадка в этом грязевом мешке. Вам известно расположение Миссолунги. Прорвавшиеся плотины Голландии в сравнении с ним — безводная Аравийская пустыня.

А теперь о мускулах войны. Благодарю вас и мистера Барффа² за личное участие, почти столь же ценное, как наличные деньги. Помимо доходов и остатка, а также результатов переписки Корджаленьо с Ливорно и Генуей (передайте ему, что я продал муку этого негодяя, но не по его цене) мне, начиная с марта, потребуется около пяти тысяч долларов каждые два месяца, т. е. всего, до конца нынешнего года, около двадцати пяти тысяч, причем регулярно, независимо от сумм, которые сейчас реализуются. Я могу подтвердить документами, что это на много *меньше* моих доходов; но мне не хотелось бы показывать грекам, *сколько именно я мог бы дать* в случае нужды, иначе они удвоят и утроят свои претензии (к этому они уже проявили достаточную склонность); и хотя я готов сделать все, что могу, *когда* нужно, я не понимаю, *почему* бы и им не помочь немного — есть сведения, что они не так уже нищи, как хотят показать.

7 февраля 1824

Меня прервал приезд Пэрри, а затем возвращение Хэскета³, который, к некоторому моему удивлению, не привез ответа на мои послания. Надеюсь, что вы не замедлите мне написать. Пэрри кажется мне грубым, но честным человеком, но в ближайшие три недели он едва ли будет готов к действиям; думается, что мы с ним сумеем работать вместе — во всяком случае я не стану ему перечить или вмешиваться в его дела. Он горько сетует на меркантильность Комитета и его *энтузиазмузи* — так Брэм произносит «энтузиазм» — но очень хвалит Гордона⁴ и Юма⁵. Гордон готов был дать три-четыре тысячи фунтов и приехать *сам*, но не поладил с Кеннеди или с кем-то еще, и вот так они сами повредили подписке и ограничили свои возможности. Пэрри называет Блэкира пустым хвастуном, на это я молчу. Он очень опечален расходами на печать и просвещение и хотел бы, чтобы на свете не было ни одной воскресной школы, а *здесь* пока что — вообще *никаких* школ, кроме артиллерийского училища.

Жаловался он также на холод, что меня несколько удивило; во-пер-

вых, за отсутствием здесь каминов я привык обходиться собственным теплом и плащом; а, во-вторых, я скорее ожидал, что вулкан схватит насморк и начнет чихать, чем огненных дел мастер (которому предстоит спалить целый флот) станет бояться непогоды. Я думал, что он одним своим приближением подожжет город, как зажигательные стекла Архимеда⁶.

Мне, как видно, предстоит быть верховным главнокомандующим, и пост этот отнюдь не синекура: нас никак не назовешь «компанией любезных офицеров» как говорит майор Старджэн. Не знаю, предстоит ли нам «кулачный бой между капитаном Ширсом и полковником»⁷; но с нашими сулиотскими вождями, немецкими баронами, английскими добровольцами и авантюристами со всего света из нас получится первейшая союзная армия, какая когда-либо ссорилась под одним знаменем.

8 февраля 1824

Вчера меня снова прервали различные дела, и мне пора кончать это письмо. Недавно я выписал на мистера Барффа чек на тысячу долларов, чтобы округлить некую сумму, необходимую правительству. Указанное правительство получило по нему *здесь* наличными и притом с выгодой для себя, но тот самый человек, который выплатил эти деньги и предложил мне еще денег, по другим векселям на Барффа, на сумму 1300 долларов, либо не сумел этого сделать, либо раздумал. Я сообщил об его предло-жении Барффу, но затем вынужден был написать, что этот субъект не явился. Вы должны поскорее прислать мне остаток. Мне надо платить артиллеристам и моим сулиотам, да мало ли что еще; тут все зависит от пунктуальности, и все наше дело остановится, если вы не поторопитесь. Я пошлю в Англию, вам или мистеру Барффу, еще на три тысячи фунтов векселей, которые необходимо реализовать со всей поспешностью. Я уже указал, в этом письме и в предыдущих, какими суммами я ежегодно могу располагать дома — не считая моего кредита, а также уже реализованных векселей и вклада у Корджаленьо, о котором пишут г. г. Уэбб; письма от моих друзей (полученные с мистером Пэрри) подтверждают сказанное мною. Сколько мне потребуется в течение года, я сказать не могу, но я постараюсь, чтобы это не превысило моих ресурсов.

Всегда ваш
Н. Б.

P. S. — По желанию некого мистера *Геростати* мне пришлось обратиться за деньгами к Деметрию Делладецима (*in ultima analyse*^{1*}, друг он нам или нет?) для покрытия комитетских расходов. Некоторые дейст-

^{1*} В конечном счете (*лат.*).

вия Комитета остаются для меня непонятными. Пока мы с Пэрри ладим: надолго ли, бог его знает, но надеюсь, что надолго, потому что это важно для дела Греции; а с полк[овником] С[тэнхопом] у него уже было несколько стычек, и я всеми силами стараюсь сохранять между ними мир. Однако ж Пэрри, мне кажется, отличный малый, весьма деятельный и, как видно по всему, наделенный замечательными практическими способностями. Прилагаю чеков на три тысячи фунтов, выписанных как мне было указано (т. е. мелкими частями). Пользуюсь удобным случаем переслать письма на Кефалонию. Прошу передать поклон Стивенсу⁸ и всем друзьям. Самый искренний привет также полковникам и офицерам.

9 февраля 1824

P. S. — 2-ой или 3-ий. — В скором времени ко мне должен прибыть из Англии человек с деловыми бумагами на подпись; встретиться со мной где-то на островах; если он придет, могу ли я просить доставить его ко мне в безопасности? Бумаги касаются улаживания некоей тяжбы, в результате чего я или мои банкиры и поверенные в Англии смогут получить несколько тысяч фунтов. Время его вероятного прибытия я не могу указать, но письма были от 2 ноября, и я полагаю, что он должен прибыть в самом скором времени.

[ЗАПИСЬ В ТЕТРАДИ С «КЕФАЛОНСКИМ ДНЕВНИКОМ»]

15 февраля 1824¹

15 февраля (эту запись я делаю 17-го сего же месяца) со мной случились сильные конвульсии, но была ли то эпилепсия, паралич, или апоплексия, или еще что-либо, неизвестно; этого еще не могут решить оба находящиеся при мне врача. Приступ был крайне мучительным, и если бы он продлился еще с минуту, я расстался бы с жизнью — судя по ощущениям. Я лишился языка, и у меня сильно перекошило лицо, но пена изо рта *не* шла, как говорят, а судороги были так сильны, что меня не могли сдержать несколько человек — хотя двое из них, инженер Пэрри и мой егерь Тита², обладают большой силой. Все это продолжалось около десяти минут и произошло сразу после того, как я выпил у полковника Стэнхопа бокал сидра с холодной водой. Насколько мне известно, подобный припадок случается со мной впервые. Я не слыхал, чтобы им был подвержен кто-либо из моих родных; правда, мать моя страдала *истерией*.

Вчера (16) мне поставили пиявки к вискам. Уже до того я значительно оправился, хотя оставалась еще лихорадка и некоторые другие симптомы. Крови вышло очень много; височная артерия была слишком близко и остановить кровь оказалось очень трудно, даже прижиганиями ляписа. Од-

нако через несколько часов, часам к одиннадцати ночи, это удалось сделать, и сегодня (17) я хоть еще и слаб, но начинаю выздоравливать.

Возможных причин припадка, по-видимому, несколько. Местность и погода не позволяют мне много бывать в движении. За последнее время я неоднократно испытывал сильные волнения самого различного свойства и был изрядно утомлен политической и иной деятельностью среди враждующих партий и затруднительных обстоятельств; кроме общественных дел, я был также встревожен некоторыми сугубо личными обстоятельствами и, быть может, нарушал иной раз обычное для меня воздержание. Насколько каждая из этих причин, или все они вместе, могли подействовать на дух и тело человека, уже испытавшего за свои тридцать шесть лет немало превратностей, сказать трудно. — Но меня прерывают донесением: разведка сообщает о турецком военном бригае, который только что прибило к берегу и который мы должны атаковать, как только наведем на него пушки. Послушаю, что скажет об этом Пэрри. Вот и он —

125

АВГУСТЕ ЛИ¹*Миссолунги, понедельник, 23 февраля 1824*

Милая Августа,

Несколько дней назад я получил твой и леди Б[айрон] отчет о здоровье Ады, вместе с некоторыми другими письмами из Англии, за которые мне следует выразить большую благодарность (что я и делаю); они меня очень утешили, а я в этом нуждался, так как сам только что был болен, но сейчас мне гораздо лучше, и тебе не о чем тревожиться.

Ты, вероятно, слыхала о наших походах, нашем избавлении, и так далее — может быть даже с некоторыми преувеличениями; но сейчас все обстоит отлично, и я давно уже нахожусь в Греции, где все идет хорошо, насколько это возможно при данных обстоятельствах. Не стану надоедать тебе политикой, войной и *землетрясениями*, хотя три дня назад мы пережили еще одно, довольно ощутительное, вызвавшее очень смешную сцену, — смешную, потому что никто не пострадал кроме тех, кто застрял в дверях и окнах, стараясь выскочить первыми; больше всего были помяты в этой давке новички из Англии, непривычные к столь бурным стихиям.

Я добился освобождения двадцати девяти турецких пленных — мужчин, женщин и детей — и за свой счет отправил их домой, к родным, кроме одной — прелестной девочки лет девяти, по имени Хато или Хатаджэ, которая пожелала непременно остаться при мне, так что я почти решил удочерить ее. Если бы я знал, что леди Б[айрон] разрешит ей приехать в Англию, чтобы воспитываться вместе с Адой (они почти ровесницы), мы легко обеспечили бы ее; если нет, я могу послать ее учиться в Италию. Она

очень живая и смышленная, с большими восточными черными глазами и азиатскими чертами лица. Все ее братья были убиты во время революции, мать желает вернуться в Превезу к своему мужу, но девочку, при нынешнем состоянии страны, готова доверить мне. Ее пол и нежный возраст до сей поры сохраняли ей жизнь, но трудно предугадать, чем может грозить ей война (и какая война!) и я пока, вероятно, оставлю ее на попечение какой-нибудь английской дамы в Греции. Этого желает и сама девочка, у которой для ее возраста, как видно, решительный характер. Ты можешь рассказать об этом, если считаешь нужным. Я только хочу обеспечить ей доброе отношение и образование; принимая во внимание мои годы и все прочее, меня трудно заподозрить в каких-либо иных намерениях.

Что касается здоровья Ады, я рад был узнать, что оно настолько поправилось. Но я считал нужным предостеречь леди Б[айрон], так как, судя по описанию, ее нездоровье и склонности очень похожи на мои в том же возрасте, разве только я был гораздо более пылким. Ее предпочтение прозы (как это ни странно) тоже унаследовано от меня (я всегда терпеть не мог читать стихи), и я тоже никогда не придумывал ничего, кроме *кораблей* и прочего, связанного с морем. Я показал отчет о ней полковнику Стэнхопу, который был поражен тем, как ясно выявлена у нее уже сейчас *отцовская* линия. Поэтому я счел нужным, хотя это и неприятно, сообщить, что мой недавний припадок, очень сильный, весьма похож на *эпилепсию*. Почему — не знаю; казалось бы, тридцать шесть лет для первого ее проявления поздно, насколько я знаю — она не наследственная; но чтобы она не стала таковой, тебе следует сказать леди Б[айрон], чтобы в отношении Ады были приняты некоторые предосторожности. Припадок у меня не повторялся, и я пытаюсь помешать этому диетой и движением на свежем воздухе, пока — успешно; если он был случайным, тогда все хорошо.

126

ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Миссолунги, 25 февраля 1824

Я узнал от мистера Дугласа Киннэрда, что вы говорили о «сатире на мистера Гиффорда, полученной из Италии и, по *служам*, сочиненной мною, но что вы этому не верите». Еще бы вы верили! — Да и кто-либо другой. Всякий, кто утверждает, что я написал или поощрял написание чего-либо подобного о Гиффорде — нагло лжет. Я всегда считал его своим литературным отцом, а себя — его блудным сыном; и если подобное сочинение существует, то я тут не при чем. Вы лучше других знаете, о ком я писал и о ком не писал; и вы знаете также, насколько они того заслуживали. Но довольно об этом.

Вам, вероятно, интересно узнать, что нового в нашей части Греции (которая скорее других может подвергнуться вторжению); но вы достаточно услышите об этом из официальных и иных источников. Впрочем, я готов дать вам отчет за неделю о моих личных делах попеременно с общественными; ибо у нас сейчас все смешалось.

В воскресенье (кажется 15) со мной случился внезапный и сильный приступ судорог, я лишился языка, но не движений — несколько сильных людей не могли меня удержать — но была ли то эпилепсия, катаlepsия, кахексия, апоплексия или иная «ексия» и «епсия», врачи не могут решить; и были ли это спазмы или нервы и т. п. Во всяком случае это было весьма неприятно и чуть не прикончило меня, и все такое прочее. В понедельник мне поставили пиявки к вискам — дело пустяшное, но кровь не удавалось остановить до одиннадцати ночи (пиявки поставили слишком близко к височной артерии) и ранка никак не хотела затянуться, несмотря на япис и кровоостанавливающие средства.

Во вторник на берег выкинуло турецкий бриг. В среду, когда мы приготовились атаковать его — хотя на защиту явились другие суда — турки подождли его и отступили к Патрасу.

В четверг вспыхнула ссора между сулиотами и иностранной стражей у арсенала; один шведский офицер был убит и один сулиот тяжело ранен; ожидалась общая битва, которую удалось предотвратить с некоторым трудом. В пятницу офицера похоронили, а английские артиллеристы капитана Пэрри взбунтовались — они считают, что подвергаются здесь опасности, и требуют отправки домой — мы им в этом не препятствуем.

В субботу здесь произошло самое сильное землетрясение на моей памяти (а я испытал в разное время не менее тридцати толчков различной силы, довольно частых в Средиземноморье), и вся армия начала палить из ружей, подобно дикарям, которые бьют в барабаны или воют во время лунного затмения, — зрелище было редкостное — надо было видеть английских парней, которые никогда не бывали дальше лондонских мастерских — и постараются больше не бывать. А в воскресенье мы узнали, что в Лариссу прибыл визирь и с ним более ста тысяч солдат.

По пути сюда я дважды подвергался опасности: один раз это были турки (одно из моих судов было захвачено, но потом отпущено), а другой раз — кораблекрушение. Мы дважды налетали на скалы у Скрофеса (остров вблизи берега).

Я добился у греков освобождения двадцати восьми турецких пленных — мужчин, женщин и детей — и отправил их за свой счет на Патрас и в Превезу. Одну девятилетнюю девочку, которая пожелал остаться у меня, я пошлю (если буду жив) в Италию или в Англию, вероятно вместе с матерью, и думаю ее удочерить. Ее зовут Хато, или Хатадже. Это прелестный и очень живой ребенок. Все ее братья были убиты греками, а ее с ма-

терью пощадили лишь из особой милости или по малолетству — ей было тогда пять-шесть лет.

Здоровье мое сейчас лучше, и я снова езжу верхом. Моя здешняя должность — отнюдь не синекура; уж очень много здесь партий и всяческих трудностей, но я сделаю, что смогу. Князь Маврокордато — отличный человек и делает все, что в его силах, но положение его крайне затруднительно. И все же мы твердо надеемся победить. Впрочем, этих политических новостей вы узнаете много больше из других источников, ибо мне писать недосуг

Искренне ваш и т. д.
Н. Б.

127

ТЕРЕЗЕ ГВИЧЧИОЛИ

17 марта 1824

Милая Т[ереза]!

Пришла весна — я сегодня видел ласточку — да и пора, потому что зима была очень сырая, даже для Греции. Мы все здоровы, и я надеюсь, что это вселит в тебя бодрость и надежду. Я не пишу тебе о политике — это было бы скучно, а между тем больше писать почти не о чем — кроме некоторых интимных происшествий, которые я сберегаю для «*viva voce*»^{1*}, когда мы увидимся — чтобы повеселить тебя за счет Пьетро и еще кое-кого. Здешний карнавал — любопытное зрелище, хоть и не столь блестящее, как в Италии.

Нас, иностранцев, здесь довольно много, из всех стран — и они представляют странную смесь. Я пишу тебе по-английски и не прошу извинений — ведь ты говоришь, что сделала большие успехи в этом птичьем языке. Англичанам и грекам я обычно пишу по-итальянски — должно быть из духа противоречия — и чтобы показать, что долгое пребывание в вашей стране меня итальянизировало. Привет Коста¹ и его супруге — а также папе, Олимпии, Джулии и Лаурине², и верь, милая Т[ереза], что я всегда t. a. a. in E. +++^{2*}

Н. Б.

128

ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

Миссолунги, 30 марта 1824

Дорогой Дуглас,

Это письмо вам вручит третий греческий депутат, сеньор Заими¹; прошу вас оказать ему гостеприимство и обычную вашу любезность. Дру-

^{1*} Устного (рассказа) (итал.)

^{2*} Первые буквы итальянских слов: tuo ardente amante in Eternità (твой пламенный возлюбленный навеки).

гие здешние депутаты могут, могли бы и должны были бы явиться к вам и другим с рекомендательными письмами. Прилагаю также копию составленного и подписанного ими документа, где удостоверяется, что я ссудил греческому правительству 400 ф. ст., которые они сами пожелали возместить в случае получения ими займа в Лондоне, чего они, по-видимому, добились. Должен также уведомить вас, что я подписал и отправил вам для князя Маврокордато чеки на сумму в 550 ф. ст. на имя мистера Бауринга. Князь Маврокордато говорит, что суда «Орландо» и «Луриотти» достаточно ценны, чтобы служить обеспечением упомянутому мистеру Баурингу; это вам надлежит проверить, иначе может выйти задержка с выплатой этих 550 фунтов.

До настоящего времени дело Греции стоило мне около тридцати тысяч испанских долларов — это только то, что я ссудил, не считая множества непредвиденных расходов. Правда, не сделай я этого, ничто в Миссолунги не сдвинулось бы с места. Часть этих денег, а именно 4 000, гарантированные греческими депутатами, подлежит, или должна подлежать возврату. Позаботьтесь об этом; впрочем, я их снова истрачу на то же дело, ибо под моим началом состоит сотня людей, регулярно оплачиваемых и достаточно меркантильных.

Я не раз писал вам, умоляя продать процентные бумаги, пока они высоко котируются, и взять четыре процента — или любой процент — под залог земель.

Мне необходимо также знать, что вам удалось сделать с Рочдэйлом, с задолженностью по Керкби, с новыми изданиями, тяжбами, которые надо было уладить и т. п., и т. д., и я повторяю свою просьбу мобилизовать все кредиты в пределах моих возможностей, ибо я должен сделать все как следует.

Я сильно хворал, но сейчас считают, что мне лучше, да и почти все другие тоже болели — Пэрри и вся компания, хотя он подобен неутомимому Геркулесу. У нас тут была необычная погода и необычные события — природные, нравственные, физические, военные и политические, о которых вы, вероятно, услышите от других — ложь или правду — а мне сейчас не до того. Меня и князя Маврокордато пригласили в Салону для совещания с Улиссом и восточными властями по делам государства и начавшейся кампании. Каковы будут результаты — сказать не могу. Генеральное правительство поручает мне командование здешним округом или предлагает соединиться с ним в Морее. Я готов сделать все, что может оказаться полезным.

Нам предстояло осадить Лепанто, но сулиотам не понравилась перспектива «сражаться с каменными стенами»; к тому же они повздорили с нашими иностранцами, с обеих сторон пролилась кровь, и наш план был отложен. Капитан Пэрри делает по своей части все, что позволяют обстоя-

тельства, да и еще многое за других; словом, делает все, что здесь вообще делается, и притом без чьей-либо помощи, кроме моей и Комитета, потому что местное греческое правительство, как *оно* уверяет, сидит без гроша, да еще в долгу. Я содержу за свой счет двести двадцать пять регулярных и нерегулярных солдат; этих последних у меня прежде было пятьсот, но когда они перессорились между собой и к тому же попытались требовать прибавки, я на них прикрикнул; благодаря этой мере и тому, что я проявлял упорство, когда нельзя было поладить добром, остальных удалось призвать к порядку; *регулярные* все время вели себя очень хорошо — не хуже любых других войск. Этой вспомогательной артиллерийской части придано шесть орудий; кстати, это единственная воинская часть в Греции, аккуратно получающая жалованье. Правительство выдает им только провиант — причем неохотно; они уже дважды бунтовали из-за плохого хлеба, и вполне основательно — он был совершенно несъедобен; но теперь у нас новый интендант и новый пекарь вместо того каменщика, который, по-видимому, снабжал их ранее кирпичами — да и то плохими. Вчера один из солдат был предан военному суду за кражу; немецкие офицеры требовали наказания плетьюми, но я этому решительно воспротивился; виновного публично лишили воинского звания и провели через город в полицейский участок, чтобы судить гражданским судом. В тот же день один милейший офицер вызвал на дуэль двух других; я продержал их всех под арестом, пока дело не было улажено. Если будут еще вызовы, мне придется посадить под замок добрую половину.

Впрочем, дела идут неплохо, и мы надеемся, что они пойдут еще лучше теперь, когда греки получили заем, и их можно организовать.

Искренне преданный вам
Н. Б.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА БАЙРОНА

Байрон-прозаик — такое сочетание слов может показаться странным, неожиданным. А между тем проза Байрона составляет важную, хотя и мало изученную часть его литературного наследия.

Байрон-прозаик писал в различных жанрах. Широко известны его замечательные парламентские речи — великолепный памятник английской политической публицистики, в котором ирония и сарказм, напоминающие Свифта, пронизаны, вместе с тем, пламенным чувством романтического негодования, предвещающим сатирическую поэзию Байрона.

Он пробовал писать и романы в прозе, — задолго до того, как в его воображении возник первоначальный замысел его романа в стихах, «Дон Жуана». О самом раннем из его опытов в этом жанре мы знаем только из письма Байрона к его приятельнице Элизабет Пигот. 26 октября 1807 года он сообщал ей из Кембриджа, что «написал 214 страниц романа». Замысел этого произведения остался, по-видимому, не осуществленным, так же, как и замысел эпической поэмы о битве при Босворте, над которой Байрон работал в эту же пору. В 1813 г. Байрон снова пишет роман в прозе, но тогда же сжигает рукопись, потому что вымысел кажется ему слишком близким «к реальности». До нашего времени сохранился только фрагмент третьего, фантастического романа Байрона «Вампир», написанный в Швейцарии в 1816 г. Байрон, Шелли со своей молодой женой Мэри, а также домашний врач и секретарь Байрона Полидори, коротая дождливые дни, условились сочинить для общего развлечения каждый по «страшной» истории. Единственным из членов кружка, кто выполнил в положенный срок эту задачу, оказалась восемнадцатилетняя Мэри Шелли. Ее роман «Франкенштейн», повествующий о трагической судьбе ученого, которому удалось сконструировать и оживить искусственное чудовищное подобие человека, был напечатан в 1818 г. и оставил заметный след в истории литературы. Байрон успел написать только первый эпизод своего романа. Местом действия этого эпизода было зловещее, заброшенное турецкое кладбище в окрестностях Эфеса, а действующими лицами — два знатных молодых английских путешественника, один из которых должен был впоследствии оказаться вампиром. Этот набросок, вероятно, остался бы неопубликованным, если бы сочиненный впоследствии доктором Полидори роман на тот же сюжет, под заглавием «Вампир», не был приписан

Байрону; поэт поспешил отречься от этого «подкидыша» и предал гласности свой фрагмент, чтобы доказать свою непричастность к сочинению Полидора.

Байрон выступал и в жанре литературной критики. Его первая рецензия — отзыв о двухтомнике «Стихотворений» Вордсворга, относящийся к 1807 г., когда Байрону было всего девятнадцать лет, — поражает точностью, глубиной и объективностью, с какими автор подметил и оценил противоречивые особенности вордсвортовской поэзии.

Но безусловно самым замечательным образцом прозы Байрона являются его дневники и письма. Эта часть его наследия чрезвычайно обширна. В известном классическом издании сочинений Байрона под редакцией Кольриджа и Протера (1898—1901), состоящем в общей сложности из 13 томов, поэтические произведения Байрона занимают 7 томов, а его письма и дневники — 6 томов, т. е. почти половину всего собрания. Позднейшие публикации писем Байрона, не вошедших в это собрание сочинений, еще более увеличили канон его эпистолярного наследства.

Далеко не все из автобиографической прозы Байрона дошло до нашего времени. Особенно драматичный и достопамятный эпизод в истории литературного наследия Байрона составляет гибель «Записок», над которыми поэт работал в течение довольно длительного времени в Италии и о которых он неоднократно упоминает в письмах, входящих в настоящее издание. Эти «Записки», где важное место занимала история женитьбы Байрона, разлада с женой и тех гонений, которые заставили его навсегда покинуть Англию, были осенью 1819 г. вручены автором его близкому другу, поэту Томасу Муру. Байрон, уже тогда предвидевший, что жизнь его продлится недолго, передал рукопись своих мемуаров в дар Муру и поручил ему издать их после своей смерти. При этом, допуская, что «Записки» могут задеть чувства его жены и ее родных, Байрон великодушно предложил ей прочесть рукопись и обещал принять во внимание ее замечания, чтобы не погрешить против истины. Это предложение было отвергнуто. Дальнейшая судьба «Записок» сложилась совсем не так, как предполагал Байрон. Томас Мур, всегда нуждавшийся в деньгах, продал драгоценную рукопись издателю Джону Меррею. А Меррей по настоянию представителей леди Байрон, а также Хобхауза, Гиффорда и других советчиков, уверявших, что «Записки» повредят репутации поэта (точно так же, как несколькими годами ранее они уверяли его самого, что «Дон Жуан» навсегда погубит его в глазах читателей), принял решение их уничтожить. Мур, присугствовавший на этом судилище, тщетно пытался отстоять «Записки», предлагая опубликовать их хотя бы в отрывках или, опечатав рукопись, сохранить ее для потомства. 17 мая 1824 г. (когда непогребенный прах поэта еще не был перенесен на борт корабля, которому предстояло доставить его из Греции на родину) рукопись «Записок» с недостойной

поспешностью была предана огню в доме Меррея, в присутствии нескольких свидетелей, в комнате, поныне известной под названием «комната Байрона»¹.

«Записки» были не единственным автобиографическим произведением Байрона, погибшим для потомства.

Есть сведения, что во время своего первого путешествия на Восток, в 1809 г., Байрон, по настоянию того же Хобхауза, который был его спутником, сжег свой юношеский дневник². Есть данные и о другом интереснейшем документе — о записках Байрона, посвященных его участию в карбонарском национально-освободительном движении в Италии в 1819—1821 гг. Как сообщает исследовательница этого периода жизни Байрона Ирис Ориго, поэт, готовясь в 1823 г. отплыть из Ливорно в Грецию, «передал эти записки вместе с другими документами своему венецианскому другу Менгальдо, не желая, очевидно, доверять столь опасные бумаги семейству Гамба, которое собиралось уехать в Романью. Менгальдо, однако, сжег конверт, не вскрыв его, «на бреге Адриатики», — и таким образом все, что Байрон мог бы рассказать нам о тайнах карбонариев, исчезло бесследно»³.

Как ни прискорбно уничтожение этих драгоценных документов, сохранившиеся до нашего времени дневники и письма Байрона представляют сами по себе богатейший материал и для понимания личности поэта и его необычайно драматической судьбы, и для характеристики его эпохи, социальные и политические конфликты которой он знал и оценивал не с хладнокровием стороннего наблюдателя, а с пылом и страстью бойца.

В письме Муру 13 июля 1820 г. Байрон, говоря о своих «Записках», признавался:

«Я писал их с твердым намерением быть «верным и правдивым» в моем повествовании, но не беспристрастным — нет, клянусь богом! На это, пока я чувствую, я не могу претендовать».

¹ «Записки» Байрона еще при его жизни стали известны ряду его современников; так, например, их читала Мэри Шелли; сам Байрон предлагал Исааку д'Израэли (отцу будущего романиста и политического деятеля Бенджамина Дизраэли) познакомиться с ними. Мур, в распоряжении которого находились «Записки», мог давать их для прочтения любопытствующим друзьям. Не исключено, что когда-нибудь еще будет обнаружена копия, снятая с безвозвратно утраченного оригинала.

² Полковник Лейстер Стэнхоп в книге «Греция в 1823 и 1824 годах» (Leicester Stanhope. Greece in 1823 and 1824. A New Edition, 1825) приводит следующее сообщение Джорджа Финлея, который был коротко знаком с Байроном в последние месяцы жизни поэта: «Лорд Б. говорил, что он вел очень точный дневник, куда заносил все обстоятельства своей жизни в юности и многие свои мысли; что он показал его Хобхаузу в Албании, и тот в конце концов убедил его сжечь этот дневник. Хобхауз, сказал он, лишил человечество лакомого угощения» (см. Leslie A. Marchand. Byron. A Biography. London, J. Murray, 1957, vol. I, p. 212, notes, 22).

³ Oriго, I r i s. The Last Attachment. The Story of Byron and Teresa Guiccioli. London, 1949, p. 15.

То же самое Байрон мог бы сказать и о своих дневниках и письмах. Обладая ценностью живого исторического документа, письма и дневники Байрона представляют собой вместе с тем замечательный памятник художественной литературы.

«Для всех, кто любит английскую литературу, письма Байрона обладают притягательной силой по трем причинам, — писал Роулэнд Э. Протеро в предисловии к первому тому вышедшего под его редакцией собрания писем Байрона. — Они содержат необычайно красноречивый комментарий к его поэзии; они рисуют правдивейший портрет Байрона как человека; в своих лучших образцах они отличаются непосредственностью, свежестью и энергической живостью, которые придают им высокую литературную ценность»⁴.

Письма Байрона различны по духу и жанру. Наряду с совершенно интимными, предназначенными для единственной читательницы или одного читателя, среди них много таких, которые, будучи обращены к одному определенному адресату, были, вместе с тем, вероятно, рассчитаны на более широкий круг читателей. Так, например, письма, которые Байрон посылал матери в 1809—1811 гг., описывая свои странствия по Пиренейскому полуострову, Средиземноморью, по Балканам и Малой Азии, наверняка ходили по рукам в Ноттингемшире, заменяя многим соседям миссис Байрон очередную порцию журнальных новостей. Впоследствии, в письмах, которые Байрон писал в Англию из Швейцарии и Италии, в годы полудобровольного, полувынужденного изгнания, все чаще звучат интонации, свидетельствующие о том, что, обращаясь к своему непосредственному адресату, автор хочет быть услышанным и понятым и другими своими соотечественниками. Он говорит между строк с современниками и вызывает к суду потомства.

Томас Мур подметил эту черту, в частности, в письмах Байрона к его издателю Джону Меррею, составляющих очень значительную часть эпистолярного наследия поэта. Интересны следующие соображения Мура относительно характера переписки Байрона с Мееррем, высказанные в предисловии во втором тому его биографического труда о поэте.

«Хотя лорд Байрон сам обрек себя на изгнание из Англии, — писал Мур, — было ясно, что до конца дней своих лишь в Англии видел он не только родное поприще своей литературной славы, но и трибунал, на суд которого он отдавал все свои мысли, чувства, достоинства и слабости [...] Постоянно занимать собой умы английской публики [...] — к этому, днем и ночью, неизменно стремилась его честолюбивая душа; и переписка, которую он вел столь регулярно со своим издателем, была одним из глав-

⁴ The Works of Lord Byron. Letters and Journals, 6 vols. Edited by Rowland E. Prothero. London, 1898—1901, vol. 1, p. VI.

ных средств к достижению этой цели. Дом мистера Меррея был тогда, как и теперь, местом встреч большинства литераторов, принадлежавших в то же время к свету; лорд Байрон знал, что любые подробности, какие он мог бы пожелать предать гласности относительно себя самого, будучи сообщены по этому адресу, наверняка распространятся отсюда повсеместно в обществе»⁵.

Сам Байрон, по-видимому, не только предвидел возможность опубликования в будущем многих своих писем и дневников, но и готовился к этому. Так, например, как бы предугадывая в Муру своего будущего биографа, Байрон передал ему еще в 1814 г. рукопись своего дневника 1813—1814 гг. (публикуемого в настоящем издании). Хотя Байрон и делал вид, будто равнодушен к судьбе этого дневника, — замечает новейший биограф поэта Лесли А. Марченд, — «он был написан с таким литературным мастерством, которое заставляет предполагать, что автор рассчитывал на читателей»⁶. После разгрома карбонарского движения в 1821 г. Байрон воспользовался первой надежной оказией, чтобы переслать Муру и тот дневник, который он вел в январе — феврале того же года в Равенне, в напряженном ожидании предполагавшегося восстания (см. выше, стр. 193—228). «Поскольку это — просто дневник, только отдельные части его подойдут для издания»⁷, — писал он тогда же Меррею.

Есть немало свидетельств того, что Байрон не только заботился о сохранности своих писем (так, например, после смерти матери он передал на хранение своему дальнему родственнику, литератору Далласу, все письма, которые посылал ей из-за границы), но и предусматривал, что они могут быть опубликованы вместе с его «Записками» или использованы как материалы для его посмертной биографии. Характерно, например, его письмо Меррею 28 сентября 1821 г. Байрон подробно инструктирует своего издателя насчет того, откуда и от каких именно лиц могут быть получены его письма. Он особенно озабочен судьбой тех «весьма многочисленных» писем, которые были писаны им леди Мельбурн, а после ее смерти оказались в руках ее дочери. Письма эти представляли собой необычайно драматический документ: эта корреспондентка Байрона, с которой он был откровенен как с самым близким другом, была одновременно и свекровью леди Каролины Лэм (чья связь с Байроном получила скандальную огласку в великосветском Лондоне) и теткой будущей жены поэта, Аннабеллы Милбэнк. Широта взглядов, унаследованная от просветительски-вольнодумного XVIII столетия, позволяла этой пожилой даме дружелюбно и

⁵ Thomas Moore. The Life, Letters and Journals of Lord Byron. London, J. Murray, 1892, p. XVIII.

⁶ Leslie A. Marchand. Byron. A Biography, vol. 1, p. 455.

⁷ Письмо Меррею 20 сентября 1821 г. — Byron. A Self-Portrait, ed. by Quennell. Vol. II, p. 672.

спокойно читать смятенные признания поэта и давать ему советы, весьма далекие от ханжеской морали. Знаменательно, что, хлопоча после смерти леди Мельбурн о возвращении своих писем, Байрон даже и в этом случае имеет в виду возможность впоследствии предать их гласности: «Они необходимы, как подтверждение той части «Мемуаров», которая относится к двум периодам (1812 и 1814 годы), когда вставал вопрос о моем браке с ее племянницей, и будут способствовать выяснению моих действительных намерений и чувств в этом деле, которые вызывали столь разноречивые толки»⁸.

Вместе с тем, дневники и письма Байрона обладают всей непосредственностью, какая может быть присуща этому роду творчества. Байрон уверял, что, написав свои «Записки», ни разу не прочел их. Свежесть непосредственного выражения мыслей и чувств, которые облекаются в слова, так сказать, на глазах у читателей, составляет одну из самых привлекательных черт писем и дневников поэта. И они действительно написаны поэтом, — тем самым, который мечтал, чтобы слово его стало молнией. Какие бы бурные страсти им ни владели, как бы ни был он удручен заботами, сомнениями и тревогой, взявшись за перо даже для разговора с самим собой, в дневнике, он ищет точного слова, единственно верного выражения. В самих стилистических особенностях его фразы, нередко незаконченной, прерываемой нетерпеливыми тире или многоточиями, с постоянно повторяющимися, столь любимыми Байроном подчеркиваниями⁹, как бы передающими то ироническую, то нежную, то патетическую интонацию живого голоса, в дневниках и письмах Байрона запечатлено движение его поэтической мысли, поиски его воображения. Выражение «творческая лаборатория» приобрело уже досадный оттенок штампа. Но здесь мы поистине присутствуем при самом рождении поэзии.

Это справедливо и в том смысле, что читатель дневников и писем как бы узнает от самого поэта о его литературных замыслах и свершениях; о них Байрон, по мере того, как он достигает подлинной зрелости, в пору создания «Каина», «Дон Жуана» и «Бронзового века», судит все более мудро и самостоятельно, не поддаваясь ни угрозам, ни лести, ни примитивным советам доброхотов, которые непрочь были бы обескровить его пламенное творчество так же, как обескровили его самого на смертном одре усердные, но неумелые врачи.

Читатель присутствует и при самом акте внезапного и мгновенного

⁸ В у г о н. A Self-Portrait, vol. II, p. 677. Переписка Байрона с леди Мельбурн была опубликована только в 1922 г. Джоном Мерреем в очень ценном двухтомном издании: Lord Byron's Correspondence with Lady Melbourne, etc., ed. by John Murray. London, 1922.

⁹ В настоящем издании эти подчеркивания передаются курсивом, как и во всех английских изданиях дневников и писем Байрона.

перехода от прозы — к стихам, когда из-под пера Байрона выходят то задорно-веселые, то задушевные послания к друзьям (Ходжсону, Муру и другим), то такие шедевры гражданской политической лирики, как, например, знаменитая «Песнь для луддитов», или еще более совершенные, незабываемые «Строки из дневника в Кефалонии» — это завещание Байрона-революционера. Вместе с Мерреем мы как бы впервые, отрешившись от привычных книжных воспоминаний, читаем начальные строфы четвертой песни «Паломничества Чайльд Гарольда», посланные ему «как образчик» еще творимого произведения, или фрагмент задуманного, но еще не созданного: «Каина».

Но поэзия не только входит в виде стихов в эти дневники и письма, — они сами полны поэзии.

Героями этой поэзии являются и сам Байрон и история его времени, творимая пришедшими в движение народными массами.

В этих документах глубоко, в противоречиях и развитии раскрывается характер Байрона.

Знакомая с ними, нельзя не вспомнить замечательных суждений Белинского.

«Читая Байрона, — писал русский критик, — видишь в нем поэта глубоко лирического, глубоко субъективного, а в его поэзии — энергическое отрицание английской действительности; и в то же время в Байроне все-таки нельзя не видеть англичанина и притом лорда, хотя, вместе с тем, и демократа»¹⁰.

Байрон писем и дневников нередко предстает перед своим читателем как светский дэнди, бравирующий своим аристократизмом, самолюбивый до надменности, следующий дворянским понятиям о сословной «чести» и в своих отношениях с женщинами, и в своем демонстративном пренебрежении к профессиональному труду литератора. Но это — лишь одна сторона характера Байрона, и притом такая, о которой он сам впоследствии судил и проницательно, и строго. В период своей духовной зрелости, в «Разрозненных мыслях», он с легкой усмешкой, как преходящую болезнь молодости, вспоминает свой юношеский дэндиизм. Относящееся к тому же времени письмо к Муру 4 марта 1822 г. (см. стр. 297—298 настоящего издания) замечательно решительностью, с какой Байрон говорит о своем разрыве с английским «обществом», — т. е. аристократическим «светом», — и о благодетельности этого разрыва для себя как человека и поэта: «Вы живете у самой печи общества и неизбежно подвергаетесь воздействию ее жара и паров. Так было некогда и со мной — даже слишком — и это наложило отпечаток на все мое будущее...» Общественную среду, к которой он принадлежал по праву рождения, Байрон называет теперь «губитель-

¹⁰ В. Г. Б е л и н с к и й. Собр. соч. в трех томах, т. 2. М., 1948, стр. 109.

ной» для всех больших самостоятельных начинаний и радуется, что в своем изгнании, в Италии, обрел «более чистый воздух», способствующий свободе и независимости поступков и мыслей.

Этот разрыв с привычной средой совершался в муках, — но вместе с тем был спасителем для Байрона и как поэта, и как общественного деятеля.

В дневниках 1813—1814 гг. запечатлен глубокий духовный кризис, который переживал в ту пору их автор. Полные тоски и горечи раздумья тогдашнего Байрона теперь особенно живо напоминают позднейшие слова Пушкина о «современном человеке» «...с его озлобленным умом, кипящим в действии пустом» («Евгений Онегин», гл. 7, строфа XXII). Само это «кипение» ума, к которому дневниковые записи зимы 1813—1814 гг. приобщают читателей, отчасти уже предвещало скрытые возможности будущего развития поэта. Он рвется уже не к «пустым», а к подлинным действиям, к борьбе. Перед его воображением проходят героические тени республиканцев-революционеров, от Вашингтона до якобинца Сен-Жюста...

Но для того, чтобы эти возможности могли претвориться в жизнь, Байрону нужно было найти выход из своего одиночества. В Италии, а затем в Греции он нашел то, чего ему так не хватало в Англии 1813—1814 гг., — освободительное движение, в котором он мог занять свое место и которое, поглощая его силы, внушало ему уверенность в себе как поэте и общественном деятеле.

О своем разрыве с Англией Байрон зачастую говорит словами трагических героев Шекспира: ему, как видно по многим его письмам, глубоко созвучны негодование Кориолана, отрекающегося от Рима, ярость Шейлока, затравленного венецианской знатью, скорбная горечь Отелло, расстающегося со своим благородным «ремеслом» воителя... Но трагедия этого прощания с прошлым, разрыва, который проходил по живой ткани и кровотоку при каждой новой весте из Англии, была не единственным источником изумительного драматизма эпистолярной и дневниковой прозы Байрона времен изгнания.

Если, по замечанию английского исследователя Дж. Вильсона Найта, «проза писем и дневников Байрона представляет собой самое шекспировское, что есть в английской литературе»¹¹, то это объясняется тем, что трагедия его личной судьбы сливается здесь с общественной трагедией масс, пробуждавшихся к действию, творивших в настоящем — будущее. Действующими лицами этой трагедии были и испанские герильясы, патриоты-партизаны, и английские рабочие-луддиты, и итальянские заговорщики-карбонарии, и греческие повстанцы... В их борьбе Байрон ощущал ту «поэзию политики», о которой он так вдохновенно писал в дневнике 1821 г. И хотя для себя он не ждал счастья в будущем и задолго предвидел

¹¹ G. Wilson Knight. Byron's Dramatic Prose. The University of Nottingham, 1954, p. 15.

свою раннюю смерть, он был твердо уверен, что эта великая трагедия освободительной борьбы народов, несмотря на всю горечь поражений, ошибок и обманов, увенчается победным концом.

«Кровь будет литься как вода, а слезы как туман; но народы в конце концов победят. Я не доживу до этих времен, но предвижу их». Эти строки из дневника Байрона 13 января 1821 г. (см. стр. 206 настоящего издания) звучат как завещание поэта, — урок мужества, преподанный потомкам.

Дневники и письма Байрона сочетают в себе достоинства и исторического, и литературного памятника. Читатель найдет в них неоценимые подлинные свидетельства о борьбе направлений в общественной, политической и литературной жизни Западной Европы первой четверти XIX столетия. Он обнаружит в них схваченные наблюдательным художником-современником черты быта и нравов, анекдоты, отзвуки минувших споров, путевые наброски, впоследствии воплощенные в стихи и образы «Паломничества Чайльд Гарольда» и «Манфреда». Перед ним предстанет и картина формирования эстетических воззрений Байрона, стремящегося в период творческой зрелости преодолеть субъективистскую односторонность романтического метода и использующего уроки Просвещения и Ренессанса в своем движении к реалистическому мастерству.

Вместе с гем, письма и дневники Байрона могут быть прочтены и как замечательный по своей художественной силе автобиографический роман, точный в деталях и смелый в обобщениях, — роман о человеке, который стал одним из подлинных героев своего времени, «властителем дум» своего поколения.

Современники Байрона, находившиеся под особым обаянием его ранних романтических восточных поэм, нередко видели в нем самом — прообраз его зловещих и мрачных одиноких героев. «Он представил нам призрак себя самого, — писал Пушкин в неоконченной наброске статьи о Байроне. — Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею, то странствующим посреди... В конце концов он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), все, кроме некоторых сатирических выхонок, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному» («О драмах Байрона», 1827 г.)¹².

Дневники и письма Байрона показывают действительно глубокую внутреннюю связь между этими романтическими созданиями его воображения и его жизненными испытаниями, порывами и страстями юношеских лет. Зачастую, особенно в лондонском дневнике 1813—1814 гг., в пору создания «Гяура», «Корсара» и «Лары», Байрон не без лукавства мистифици-

¹² А. Пушкин Полн. собр. соч., т. 5, М., Изд. «Правда», 1954, стр. 32.

ровал возможных будущих читателей своих записей, дразня их загадочными намеками на роковые тайны своей интимной жизни. В то время он вряд ли мог представить себе, какие бури разразятся над ним в связи с одной из этих загадок — историей его отношений с сестрой, Августой Ли, а также в связи с выяснением истинных причин его позднейшего разрыва с женой, которая через год после свадьбы, уехав к родителям с новорожденной дочерью, наотрез отказалась вернуться к Байрону, несмотря на все его настояния и просьбы.

Если собрать все, что написано по поводу этих «тайн» интимной биографии поэта его учеными биографами, бойкими журналистами и сочинителями модных романов, то составитась целая библиотека. Педантическое крохоборство и пошлая развязность, характеризующие многие из посвященных этой теме «изысканий», дали бы богатую поживу сатирическому остроумию Байрона, если бы он мог их предвидеть.

В свете всех документов, которыми располагают в настоящее время исследователи жизни и творчества Байрона, можно считать достоверным, что он действительно был связан со своей старшей, сводной сестрой Августой (с которой он рос розно и познакомился только когда был уже подростком, а она — невестой на выданье) чувством, более глубоким и бурным, чем обычная братская и сестринская любовь. Своим единственным другом называет он ее не раз и в письмах, и в лирических стихах, ей посвященных; по всей вероятности, именно к ней обращено то письмо без адреса, которое читатель найдет на стр. 166—167 настоящего издания.

Но какую бы значительную роль ни сыграло это чувство в личной жизни поэта, было бы абсурдно и фальшиво сводить к нему все помыслы и интересы Байрона, — о многообразии и широте которых наглядно свидетельствуют его дневники и письма.

Вряд ли можно объяснить и крушение супружеской жизни Байрона его отношениями с Августой Ли, каковы бы они ни были в действительности. Брак Байрона с Аннабеллой Милбэнк при любых обстоятельствах вряд ли мог быть счастливым. Чопорная, мелочная, самоуверенная, усвоившая все ханжеские предрассудки своей провинциальной дворянской среды, Аннабелла была совершенно неспособна ни понять характер своего мужа, ни сочувствовать его стремлениям и деятельности. Перед свадьбой она, по-видимому, тешила себя надеждой «перевоспитать» его в духе благонамеренности и религии; а когда эти честолюбивые планы рухнули, задалась мыслью, не объясняется ли раздражительность и эксцентричность Байрона его сумасшествием, и поручила эксперту-психиатру втайне надзирать за поведением поэта. Да и сам Байрон, которому едва исполнилось 27 лет, когда он женился, никак не был подготовлен своей предшествующей жизнью и воспитанием к заботам и жертвам, которых требовало от него супружество. Помимо духовной отчужденности

между мужем и женой, их семейная жизнь омрачалась и постоянными материальными тревогами. Вплоть до продажи Ньюстэда в 1817 г., Байрон не мог окончательно расплатиться с долгами, сделанными еще до совершеннолетия, на которые наросли ростовщические проценты. В его дом то и дело врывались судебные приставы, имущество описывалось, даже книги пришлось продать с аукциона. Унизительное сознание того, что он не может оградить от этих бед жену и ребенка, делало Байрона особенно недружелюбным и угрюмым; он не мог впоследствии простить леди Байрон, что она выбрала для разрыва с ним именно это, особенно тяжелое для него время, когда рушились его домашние лары и пенаты.

Что касается Августы, то Аннабелла Байрон усиленно приглашала ее гостить в свой лондонский дом и вела с ней и до, и после своего разрыва с мужем самую оживленную конфиденциальную переписку. Если допустить, что леди Байрон действительно считала Августу Ли виновницей своих семейных несчастий, то нельзя не изумляться тому, с каким лицемерием на протяжении нескольких десятков лет она вела рассчитанную игру с сестрой своего мужа, то приближая ее к себе, задаривая подачками, то отталкивая и пугая какими-то всегда недосказанными намеками... Сама Августа, нежно любившая брата и гордившаяся его поэтическим талантом, не обладала ни необходимой стойкостью, ни ясностью и широтой ума, чтобы по-настоящему понять и поддержать его своим сочувствием в годы изгнания. Переписка их после переезда Байрона в Италию, где его поглотили новые интересы и заботы, хотя и не прекратилась вовсе, но стала постепенно гораздо менее регулярной. Августу пугали вольнодумные сочинения брата; она трепетала при мысли о «Каине» и «Дон Жуане»; а после его смерти не сделала ничего, чтобы спасти рукопись его «Записок», хотя и могла бы помешать их уничтожению.

Письма и дневники Байрона после 1816 г., когда он навсегда покинул Англию, показывают, что как ни мучили его воспоминания о пережитой им семейной драме, они отступали на второй план, оттесняемые новыми впечатлениями и обязанностями.

Письма Байрона из Венеции, где он с нарочитой бравадой, на зло английским сплетникам и добровольным цензорам нравов, рассказывает о том, как прожигает жизнь в кутежах и оргиях, не могут заслонить от внимательного читателя той все возрастающей серьезности, с какой Байрон относится теперь к своему литературному труду. Никогда, пожалуй, он еще не жил такой полной, разносторонней жизнью, как в 1819—1821 гг.; отдаваясь со всем пылом политического борца подготовке восстания карбонариев (в конспиративной организации которых он занимал, как видно, один из командных постов), он пишет в эти годы, одно за другим, произведения, отмеченные печатью подлинной зрелости. В письме к Мерреку 14 ноября 1821 г. он с гордостью говорит о разнообразии создан-

ного им за последние один-два года, имея в виду и «Жаина», и исторические трагедии, и политические сатиры, и переводы, и прозаические литературные памфлеты, и вершину всего, осуществленного им в этот период — «Дон Жуана».

И в творчестве, и в характере самого Байрона в эту пору, когда он нашел для себя выход из прежнего трагического одиночества и почувствовал, что может в полную меру своих сил, и словом, а может быть — и оружием, вмешиваться в ход истории, творя «поэзию политики», обнаруживаются решительные перемены. Байрон не без иронии говорит о своем прежнем «поэтическом унынии». Уже весной 1818 г., посылая Меррею рукопись поэмы «Беппо», написанной в новом для него шутивно-сатирическом тоне и во многом пародировавшей его собственные «восточные» поэмы, Байрон с удовольствием отмечает: «Беппо», «во всяком случае, покажет, что я могу писать весело». Прежний субъективистски-меланхолический взгляд на мир (который, впрочем, и ранее никогда не удовлетворял вполне его самого) теперь отвергается им как часть «ложной» поэтической системы. Он учится писать у реалистов Возрождения, у просветителей XVIII в. и, стремясь сделать все стороны жизни общества предметом поэзии (именно так был задуман «Дон Жуан»), последовательно и яростно отстаивает свои новые эстетические принципы, уже предвещающие во многом расцвет реалистического искусства в Европе XIX столетия. Его письма к Меррею и другим английским корреспондентам, старавшимся вернуть Байрона в прежнее, привычное для них русло поэтического творчества, замечательны и как человеческий документ и как блестящие, искрящиеся остроумием и страстью страницы прозы, написанной большим поэтом. Нужна была незаурядная выдержка и темперамент настоящего борца, чтобы так решительно, как это делал Байрон, отстаивать свое право писать по-новому, наперекор всем тем, с кем его связывали издавна и дружба, и взаимное уважение, и сила привычки. В письмах Байрона из Италии запечатлен весь драматизм этой борьбы. «Зло берет, когда видишь по письмам Байрона как Хобхауз, Киннэрд, Меррей и все прочие изводили и третировали поэта, почти нарочно мешая ему работать и думать, — и все это, по-видимости, во имя дружбы, на самом же деле попросту в силу их ограниченности»¹³, — пишет Жак Барзэн в предисловии к своему изданию «Избранных писем Байрона» (1953 г.). Разногласия с Мерреем завершились в конце концов, по инициативе Байрона, полным разрывом; Байрон пошел на этот шаг, нелегкий и для него самого, чтобы опубликовать последние из написанных им песен «Дон Жуана» и

¹³ Jacques Barzun. Introduction. В кн.: The Selected Letters of Lord Byron. Edit. with an Introduction by Jacques Barzun. New York, Grosset and Dunlap, 1953, p. XXVI.

сатирическую поэму «Бронзовый век», которые пугали Меррея своей смелостью.

Письма Байрона, связанные с подготовкой и осуществлением его экспедиции в восставшую Грецию, и его «Дневник в Кефалонии» показывают, что опыт карбонарского движения развил в нем способности организатора и руководителя и обострил его наблюдательность и умение разбираться в людях. Превосходно отдавая себе отчет в огромных трудностях, ожидавших его в Греции, Байрон сохранял там мужество до конца, хотя инертность и бюрократизм Греческого комитета в Лондоне, раздоры в лагере повстанцев, недисциплинированность воинских частей, нехватка оружия и денег ставили его каждодневно перед лицом тяжелых испытаний. Буржуазные биографы Байрона не прочь пронизировать над аристократическими причудами «благородного лорда», заказавшего себе для этой экспедиции шлем в древнегреческом стиле. Они предпочитают умалчивать о многочисленных поступках Байрона, свидетельствовавших о его демократизме. Воспоминания очевидцев, наблюдавших Байрона в эти последние месяцы его жизни (и, в частности, молодого Пьетро Гамбы, брата Терезы Гвиччиоли, а также артиллериста Пэрри, служившего под началом Байрона в Миссолунгах), дополняют многими колоритными чертами письма самого поэта. Гамба вспоминает, как любили Байрона за его общительность и простоту в обращении матросы корабля, на котором он плыл в Кефалонию. В Греции Байрон поддерживал бодрость духа в населении, не гнушаясь самой черной работой, если надо было подать пример другим. Он первым бросился на выгрузку боеприпасов, которые могли пострадать от дождя; он поспешил взяться за лопату, чтобы откопать людей, пострадавших при обвале. В своем понимании воинской дисциплины он резко расходился с немецкими офицерами, которые хотели ввести в греческих отрядах палочную муштру по прусскому образцу. Хотя дело дошло до очень серьезных столкновений с офицерами, Байрон сумел настоять на своем и не допустил, чтобы греческие рядовые подвергались унижительным телесным наказаниям (хотя они были приняты в ту пору и в английской армии). Немало нападок пришлось ему выдержать и из-за нежелания считаться с формальной табелью о рангах в своей оценке воинских способностей людей. Ему долго не могли простить, например, того, что он смело выдвинул на ответственный пост «выскачку» Пэрри, бывшего рабочего, в котором Байрон увидел дельного артиллериста, столь необходимого для гарнизона.

Важные начинания, к которым готовился Байрон незадолго до смерти, — осада Лепанто, совещание с руководителями различных греческих партий — остались неосуществленными. Но если рассматривать письма и дневники Байрона как своеобразный автобиографический роман, написанный рукою мастера, то можно сказать, что образ героя был дорисован

и завершен вполне в этих последних главах, лейтмотивом которых звучат бессмертные «Строки из дневника на Кефалонии»:

Встревожен мертвых сон,— могу ли спать?
 Тираны дают мир,— я ль уступлю?
 Созрела жатва,— мне ли медлить жать?
 На ложе — колкий терн; я не дремлю;
 В моих ушах, что день, поет труба,
 Ей вторит сердце...

* * *

Эпистолярное наследие Байрона — как, впрочем, и его поэтическое творчество — еще совершенно недостаточно изучено в текстологическом отношении. Обстоятельства публикации писем и дневников поэта позволяют предполагать, что не все, им написанное в этом жанре, было опубликовано с необходимой текстологической точностью. Существующие издания дневников и писем Байрона не дают возможности судить с исчерпывающей полнотой о состоянии и местонахождении рукописных подлинников. В ряде случаев эти последние, по-видимому, не сохранились или находятся в руках различных частных владельцев, как в Англии, так и за ее пределами.

Первая основополагающая публикация писем и дневников Байрона была осуществлена Томасом Муром в книге «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни»¹⁴, изданной в Лондоне в 1830 г., через шесть лет после смерти поэта.

Позднейшие текстологи упрекали Мура в том, что он слишком произвольно обошелся с эпистолярным наследием Байрона.

Р. Э. Протеро, редактор шеститомного собрания писем и дневников Байрона, писал в предисловии ко второму тому этого издания: «Мур, который, как полагают, уничтожил не только письма Байрона к нему самому, но также многие из писем, доверенных ему для публикации в «Жизни», позволял себе как редактор необычайные вольности. Примеры этого произвола, приводимые в книге мистера Клейдена «Роджерс и его современники», заставляют с подозрительностью относиться к его текстам даже там, где нет явных мотивов для купюр. Но по мере того, как письма Байрона становились все более горькими по тону, а его критическое отношение к современникам выражалось все более открыто, Мур считал себя все более вправе опускать места, касавшие лиц, которые были еще в живых в 1830 году. Начиная с 1816 года и далее он, как выясняется, переносил отрывки из одного письма в другое, или печатал два письма как одно и

¹⁴ Thomas Moore. Letters and Journals of Lord Byron: with Notices of His Life, L., 1830.

наоборот, или производил столь значительные купюры, что укорачивало письмо, в некоторых случаях, на треть или даже наполовину»¹⁵.

Изыскания новейшей исследовательницы автобиографического наследия Байрона Дорис Лэнгли Мур подтверждают эти горькие суждения. Она приводит, в частности, записи Хобхауза, свидетельствующие о том, что Т. Мур и Хобхауз произвели существенные купюры в итальянском дневнике Байрона, прежде чем опубликовать его в форме «Отрывков из дневника» в изданной Муром биографии.

Подлинная рукопись дневника, как пишет Дорис Лэнгли Мур, «была потом, по-видимому, вовсе уничтожена». — «Поистине, ни один великий писатель не был так несчастлив как Байрон в своем выборе литературных душеприказчиков!»¹⁶ — заключает Д. Л. Мур этот печальный эпизод из истории литературного наследия Байрона. Она сообщает также, что после смерти Томаса Мура «большое количество байроновских материалов, опубликованных им со «смягчающими» исправлениями или пропусками (in bowdlerized form), исчезло совершенно, будучи или потеряно, или уничтожено душеприказчиком Мура лордом Джоном Расселом или его вдовой»¹⁷.

При всем том, книга Мура ввела в широкий читательский обиход и в Англии, и за ее пределами довольно значительную часть эпистолярного наследия Байрона. Она впервые дала читающей публике и литературной критике богатейший материал для суждения о личности Байрона, о формировании его характера и развитии его общественных и эстетических взглядов, и о сущности его конфликта с английским «высшим» обществом. Со страниц писем и дневников Байрона вставал выразительный образ «благородного изгнанника» (как назвал его Мур в предисловии к своей книге), существенно дополнявший тот романтический автопортрет, который был создан им в своих поэтических произведениях. И Пушкин, и Лермонтов многое почерпнули из книги Мура. Шестнадцатилетний Лермонтов выразил свое первое впечатление от знакомства с личностью Байрона, так полно раскрывшейся ему в письмах и дневниках английского поэта, в стихотворении, носившем подзаголовок «Прочитав жизнь Байрона, написанную Муром» (1830 г.):

Я молод; но кипят на сердце звуки;
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки.
О если бы одинаков был удел!..

¹⁵ The Works of Lord Byron. Letters and Journals. Ed. by R. E. Prothero. Vol. II, pp. VII—VIII.

¹⁶ Doris Langley Moore. The Late Lord Byron. Posthumous Dramas. London, J. Murray, 1961, p. 273.

¹⁷ Там же, стр. 275.

Годом позже, в 1831 г., Лермонтов снова обращается в другом стихотворении к той же теме, уже не только провозглашая жизнь Байрона своим идеалом, но и в чем-то противопоставляя себя ему:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник —
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Конфликт Байрона с «миром» трактовался передовыми умами России (Белинским, Герценом, Добролюбовым) как конфликт *общественный* по своей природе. Буржуазная литературная критика в Англии, напротив, тотчас же после выхода книги Мура постаралась истолковать этот конфликт, — об остроте которого недвусмысленно свидетельствовали письма и дневники поэта, — как частный, индивидуальный, чисто психологический или даже психопатологический казус. Именно в таком духе была выдержана критическая статья Маколей о книге Мура, напечатанная в 1831 г. во влиятельном «Эдинбургском Обзрении», надолго предопределившая основные тенденции истолкования биографии Байрона, — а вместе с тем и его эпистолярного наследства, — в английском литературоведении и литературной критике.

Томас Бэбингтон Маколей — в ту пору еще молодой публицист, а впоследствии один из признанных столпов британского буржуазного либерализма — выполнил свою задачу довольно дипломатично и тонко. Согласившись с тем, что «извлечения из дневников и переписки лорда Байрона в высшей степени ценны не только по содержащимся в них сведениям о замечательном человеке, их авторе, но и по редкому своему достоинству в значении чисто литературного произведения»¹⁸, он предсказывал, однако, что пройдет «еще несколько лет и уничтожатся последние остатки той магической силы, которая соединялась некогда с именем Байрона»¹⁹.

Трагедия поэта была, по утверждению Маколей, предопределена парадоксальными противоречиями его личной судьбы: немущий лорд, красавец-калека, привязчивый и непостоянный, он был якобы уже от рождения поставлен в фатально ложное положение. Представляя Байрона жертвой роковых обстоятельств, Маколей умаял, таким образом, значение сознательного общественного идейного начала, которым руководствовался Байрон в своей литературной и политической бунтарской деятельности; вместе с тем, Маколей затушевывал и принципиальные основания той враждебности, с какой относились к великому поэту правящие круги его родины. Обдуманная травля Байрона-вольнодумца и бунтаря выглядит в интерпретации критика как абсурдная «причуда» английского об-

¹⁸ Маколей Т. Б. Полное собрание сочинений, т. I. СПб., 1865, стр. 240.

¹⁹ Там же, стр. 273.

щества; а разлад в семье поэта, который послужил лишь удобным предлогом для вдохновителей этой травли, оказывается главной причиной постигших его гонений.

По пути, намеченному Маколеем, шло большинство позднейших биографов Байрона в Англии. Они с высокомерным пренебрежением относились к многообразнейшим проявлениям творческих исканий и раздумий Байрона, запечатленным в его дневниках и письмах. Их, в сущности, не занимало ни его становление как поэта, ни его деятельность как политического борца. В дневниках и письмах Байрона — как, впрочем, и в самой его поэзии — они искали прежде всего свидетельств его ипохондрии, развращенности или болезненно-неуживчивого темперамента.

В 1869 г., после смерти леди Байрон, вдовы поэта, широкую огласку получила сенсационная статья американской писательницы Гарриэт Бичер-Стоу «Подлинная история супружеской жизни леди Байрон». Ссылаясь на признания, услышанные якобы от самой леди Байрон, с которой она встречалась в бытность в Англии, — Бичер-Стоу обвиняла поэта в кровосмесительной связи с его сводной старшей сестрой Августой Ли и утверждала, что именно это заставило леди Байрон порвать с мужем. Выступление Бичер-Стоу имело успех скандала. В одном из журналов того времени ему была посвящена остроумная карикатура. Художник изобразил американскую беллетристку в виде старомодной провинциальной старушонки, которая, вооружившись зонтиком, вступила в неравное единоборство с величавой мраморной статуей поэта и оставляет грязные следы своих калош на пьедестале памятника.

Однако пресловутая проблема «инцеста» и поныне продолжает занимать главенствующее место в биографических изысканиях английских и иностранных байроноведов. Именно этой проблеме была посвящена, в частности, книга «Астарта» (Astarte), изданная внуком Байрона, лордом Ловлейсом. Публикация ранее неизвестных документов из фамильного архива наследников Байрона, осуществленная в этой книге²⁰, была рассчитана на то, чтобы обелить память леди Байрон, возложив всю ответственность за крушение семейной жизни поэта на него самого и его сестру.

Точка зрения, изложенная лордом Ловлейсом в «Астарте», вызвала серьезные возражения многих знатоков жизни и творчества Байрона. Против «Астарты» выступили, в частности, Р. Э. Протеро, Джон Меррей (потомок и наследник издателя и корреспондента Байрона), известный байроновед Сэмюэль Чью²¹ и другие.

²⁰ Заглавие «Астарта» было заимствовано из лирической драмы Байрона «Манфред», где под этим именем появляется призрак таинственно погибшей героини, которая, по-видимому, была любима Манфредом «противозаконной», кровосмесительной любовью. Первое, «закрытое» издание книги Ловлейса вышло в 1905 г.; второе издание, доступное широкой публике, — в 1921 г.

²¹ «Когда после болезненных посланий леди Байрон, с их выискиванием моти-

Тем не менее, так называемая «теория инцеста» многократно повторялась, с различными вариациями подробностей, и в биографических штудиях, и в беллетристических сочинениях о Байроне.

Распространение фрейдистских теорий в буржуазном литературоведении Западной Европы и Америки способствовало усилению внимания к этой стороне биографии Байрона. Было предпринято немало «научнообразных» попыток доказать с позиций фрейдизма, что не только крушение семейной жизни поэта, но и весь непокорный, бунтарский дух его поэтического творчества и даже само его участие в национально-освободительном движении народов были обусловлены, в конечном счете, якобы все тем же патологическим подсознательным эротическим импульсом. Во многих случаях подобное истолкование жизни и деятельности поэта было весьма удобным способом перечеркнуть те незабываемые страницы, которые великий революционный романтик Байрон, этот Прометей XIX столетия (по крылатому слову Белинского), вписал в историю освободительной борьбы человечества.

«Дар Байрона — создавать драмы — не угас в Миссолунгах», — пишет Дорис Лэнгли Мур в своей недавней книге «Покойный лорд Байрон». «Распри и фальсификации, комедии и трагедии продолжали возникать вокруг его имени на протяжении всего XIX столетия, а в XX возникли и новые»²². Характеризуя споры современных биографов и «антибиографов» Байрона, Дорис Лэнгли Мур выдвигает справедливое требование — судить о нем не по наслышке, не по чужим предвзятым домыслам, а по тому, что было действительно свершено и написано им самим.

Сам Байрон поддержал бы этот принцип. В беседе с леди Блессингтон в 1823 г. он иронически отзывался о своих будущих «друзьях» — биографах, из которых одни, — предвидел он, — будут обмакивать свои перья в очищенный мед, другие же — в уксус, и выдвигать доводы — хромые, как он сам, — в оправдание его прегрешений. «Я хочу, чтобы мою бедную славу ни засахаривали, ни мариновали!» — восклицал он.

Дневники и письма Байрона, дополняя его поэтические произведения, издавна популярные в нашей стране, помогут читателям представить себе действительный облик этого замечательного поэта.

А. А. Елистратова

вов и зондированием совести», переходить к чтению писем самого Байрона к Августе, — писал С. Чью, полемизируя с Ловлейсом, — то чувствуешь себя так, словно «вышел из психиатрической клиники на свободу, на вольный воздух» (цит. по кн.: G. Wilson Knight. Lord Byron's Marriage. Evidence of Asterisks. Routledge and Kegan Paul. London, 1957, p. 130).

²² Doris Langley Moore. The Late Lord Byron. Posthumous Dramas. J. Murray, London, 1964, p. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА

1. М-СС ПАРКЕР

8 ноября 1798

¹ *М-сс Паркер* — урожденная Шарлотта Августа Байрон, сестра отца поэта. Это первое письмо было написано Байроном в возрасте десяти лет и десяти месяцев.

2. МАТЕРИ

1 мая 1803

¹ *Кэтрин Гордон* (1765—1811) — мать поэта, происходившая по мужской линии от шотландского короля Якова I (1394—1437). В 1785 г. вышла замуж за капитана Джона Байрона (1755—1791).

² *Дрюри, Генри* (1778—1841) — сын Джозефа Дрюри, директора школы в Харроу, в доме которого Байрон был поселен в 1801 г., когда приехал учиться в Харроу. В 1803 г. Байрон отказался жить в доме Дрюри и был переведен в дом преподавателя Эванса.

³ *Хэнсон, Харгривс* (1788—1811) — школьный товарищ Байрона по Харроу, сын адвоката, поверенного семьи Байронов Джона Хэнсона.

3. МАТЕРИ

[1804?]

¹ *Грей де Рутин, Генри Эдвард* (1780—1810), — лорд, которому в 1803—1808 гг. был сдан в аренду Ньюстэд.

4. АВГУСТЕ БАЙРОН

22 марта 1804

¹ *Августа Байрон* (1783—1851) — сводная сестра поэта от первого брака его отца с Эмилией д'Арсей (ум. 1784), бывшей женой маркиза Кармартэна; в 1807 г. Августа вышла замуж за своего двоюродного брата, драгунского полковника Джорджа Ли. Переписка Байрона с Августой продолжалась в течение всей жизни поэта, ей он посвятил многие свои произведения.

² *Меррей, Джо* — старый слуга в доме Уильяма, пятого лорда Байрона (1722—1798), двоюродного деда поэта. После смерти Уильяма Байрона, известного под именем «злой лорд Байрон», будущий поэт унаследовал его титул и имя.

5. АВГУСТЕ БАЙРОН

18 августа 1804

¹ *Карлайль, Фредерик Хоуард* (1748—1825) — опекун Байрона (с 1799 г.), родственник поэта со стороны матери.

6. АВГУСТЕ БАЙРОН

23 апреля 1805

¹ *Дандас, Генри* (1742—1811), с 1802 г. виконт Мелвилл — английский государственный деятель, тори, министр внутренних дел (1791—1794), военный министр (1794—1801), первый лорд адмиралтейства (1804—1805). В 1805 г. был обвинен в служебных злоупотреблениях, судим, но оправдан.

7. ЧАРЛЗУ О. ГОРДОНУ

4 августа 1805

¹ *Гордон, Чарлз* (ум. 1829) — школьный товарищ Байрона.

8. ДЖОНУ ХЭНСОНУ

2 апреля 1807

¹ *Они скоро вытеснят своих ничтожных преемников* — имеются в виду события марта 1807 г., когда король Георг III потребовал от коалиционного кабинета министров письменное обязательство не делать более уступок католикам. Ввиду отказа кабинета от подобных гарантий, к власти пришел торийский кабинет министров во главе с Портлендом.

² *Что до наших раздоров* — речь идет о конфликтах, возникавших у Байрона с адвокатом его матери Джоном Хэнсоном по поводу денежного содержания, определенного Байрону во время его пребывания в Кембриджском университете.

³ *Титлер, Александр Фрейзер*, лорд Вудхауэли (1747—1813) — шотландский писатель и историк, близко знавший Роберта Бернса.

⁴ *Маккензи, Генри* (1745—1831) — шотландский писатель, получивший прозвище «северного Аддисона».

⁵ *Литтлтон, Джордж* (1709—1773) — английский политический деятель и поэт

⁶ *Гловер, Ричард* (1712—1785) — английский парламентарий и поэт.

⁷ *Юнг, Эдуард* (1683—1765) — английский поэт-сентименталист.

⁸ *Фокс, Чарлз Джеймс* (1749—1806) — английский политический деятель, один из руководителей партии вигов.

9. ЭЛИЗАБЕТ БРИДЖЕТ ПИГОТ

2 августа 1807

¹ *Пигот, Элизабет Бриджет* — Байрон познакомился с семьей Пигот во время своего пребывания у матери в Саутвелле (близ Ньюстада). Байрон был близок со старшим братом Элизабет — Джоном М. Б. Пиготом.

² *Ридж С. и Дж.* — издатели сборника стихов Байрона «Часы досуга».

³ *Герцогиня Гордон* (1748—1812). — Ее дом в Лондоне был постоянным местом собраний тори. Ее сын Александр Гордон умер в 1808 г.

⁴ *Моя книга* — т. е. сборник стихов «Часы досуга».

⁵ *Хаттон, Уильям* (1723—1815) — бирмингамский книготорговец, обратившийся на склоне лет к поэзии и издавший в 1788 г. свою книгу «Битва при Босворте». В 1813 г. появилось ее новое издание. Поэма Байрона на эту тему никогда не публиковалась; рукопись ее не сохранилась.

10. Р. Ч. ДАЛЛАСУ

21 января 1808

¹ *Даллас, Роберт Чарлз* (1754—1824) — английский писатель, дальний родственник Байрона.

² *Гранта* — прозвище Кембриджского университета (по англосаксонскому названию реки Кэм).

³ «*Дух Законов*» (1748) — сочинение французского политического писателя-просветителя Шарля Луи Монтескье (1689—1755), представляющее собой первое изложение основ буржуазного либерализма.

⁴ *Зенон* из Китиона (336—264 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель стоической школы, утверждавшей необходимость подчинения чувств рассудку.

⁵ *Аристипп* из Кирены (род. ок. 430 до н. э.) — древнегреческий философ, утверждавший, что высшее благо состоит в мудром наслаждении, невозмутимом удовольствии.

⁶ *Конфуций* (551—479 до н. э.) — древнекитайский философ, создатель этико-политического учения, в основу которого положен моральный принцип гуманности.

⁷ *Павел* — апостол, один из первых проповедников христианства.

⁸ *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, выступавший с проповедью религиозно-правственного учения.

11. ДЖОНУ БИЧЕРУ

28 марта 1808

¹ *Бичер, Джон Томас* (1770—1848) — ноттингемширский священник, организатор исправительного и работного домов в Саутвелле. По его совету Байрон уничтожил многие из своих ранних стихов. Ему Байрон посвятил одно из стихотворений в «Часах досуга» («Строки, адресованные Дж. Т. Бичеру»).

² *Пратт, Сэмюэл Джексон* (1749—1814) — поэт-эпигон, которому Байрон посвятил несколько строк в «Английских бардах и шотландских обозревателях».

³ *Макферсон, Джеймс* (1736—1796) — автор цикла поэм «Сочинения Оссиана» (1762—1765), которые он выдавал за подлинные песни древнего кельтского барда Оссиана. Молодой Байрон увлекался макферсоновской обработкой кельтских преданий и легенд и написал в подражание «Оссиану» Макферсона «Смерть Кальмара и Орлы».

⁴ ...*слова 9-ра Джонсона* — в мемуарах Х. Л. Пионци (1786) об английском критике и лексикографе Сэмюэле Джонсоне (1709—1784), рассказывается, что на вопрос о том, мог ли бы кто из живущих ныне написать подобную книгу, Джонсон ответил: «Да, сэр. Многие мужчины, многие женщины и многие дети».

⁵ *ланкаширское поместье* — см. письмо 14, прим. 4.

13. ДЖОНУ ХЭНСОНУ

15 января 1809

¹ ...*быть здесь 22-го* — 22 января 1809 г. в Ньюстэде праздновалось совершеннолетие Байрона.

² «*Мальчик-с-Пальчик*» — драматическая пародия Г. Фильдинга «Трагедия трагедий, или жизнь и смерть Великого Мальчика-с-Пальчик» (1730), направленная против пьес ложно-патетического характера.

³ *Питт, Уильям*, младший (1759—1806) — английский государственный деятель, лидер партии тори, премьер-министр (1783—1801, 1804—1806).

⁴ *Уиндэм, двукратный перебежчик* — военный министр Уильям Уиндэм (1750—1810), получивший прозвище «Флюгер-Уиндэм»: ведя войну с Францией, как лидер так называемой «новой оппозиции» выступал против войны.

⁵ *Гренвилл, Уильям* (1759—1834) — английский политический деятель, виг, премьер-министр в 1806—1807 гг.

⁶ *Сидмаут, Генри Аддингтон* (1757—1844) — английский государственный деятель, участник ряда торийских кабинетов министров в период 1801—1827 гг. Вдохновитель репрессивной политики правительства в 1817—1819 гг., когда он был министром внутренних дел; организатор в 1819 г. кровавого избиения рабочих в Манчестере на Питерсфилде, известного под именем «Питерлоо» (названного так иронически по аналогии с Ватерлоо).

⁷ *Бердетт, Фрэнсис* (1770—1844) — английский радикал, сторонник умеренной реформы парламента, вызывавший нападки как со стороны тори, так и со стороны

вигов. В 1812 г. был одним из организаторов радикального Хэмпден-клуба, членом которого одно время состоял Байрон.

14. МАТЕРИ

22 июня 1809

¹ *Я отплываю через несколько дней* — Байрон отправился в путешествие на Восток вместе со своим другом Джоном Кэмом Хобхаузом. Сопровождавшие его Роберт Раштон, сын одного из ньюстэдских фермеров, и слуга Уильям Флетчер, преданно служивший Байрону до самой его смерти, изображены в «Прощании Чайльд Гарольда» (паж и йомец). Роберт настолько стосковался в пути, что из Гибралтара Байрон отправил его обратно вместе с Джо Мерреем, престарелым слугой Байронов.

² *На континенте дела хороши...тирольцы тоже поднялись.* — 21—22 мая 1809 г. Наполеон потерпел поражение от австрийцев при Лобау. Тирольский крестьянин Андрей Гофер поднял партизанскую войну против французов. Тревожные вести доходили до Парижа, где было неспокойно.

³ *...мой портрет* — работы художника Джорджа Сэндера (1774—1846), которому принадлежит ряд портретов Байрона.

⁴ *...продан Рочдэйл.* — Речь идет о собственности семьи Байронов в Ланкашире (угольные шахты), которая была незаконно продана Уильямом, пятым лордом Байроном. Судебное разбирательство по этому делу настолько затянулось, что Байрон, не будучи в состоянии ждать более, продал Ньюстэд.

15. ФРЭНСИСУ ХОДЖСОНУ

16 июля 1809

¹ *Ходжсон, Фрэнсис (1781—1852)* — английский поэт и переводчик. Его знакомство с Байроном началось в 1807 г.; Ходжсон гостил у него в Ньюстэде.

² *афесцы* — слово, употребляемое Шекспиром для обозначения веселых собутыльников («Виндзорские насмешницы», д. IV, сд. 5; «Король Генрих IV», часть II, д. II, сд. 2). Жители древнегреческого города Эфеса слыли любителями роскоши и увеселений.

³ *Батлер, Джордж (1774—1853)* — с 1805 г. директор школы в Харроу, где учился Байрон (1801—1805).

16. МАТЕРИ

11 августа 1809

¹ *Долримпл, Хью (1750—1830)* — главнокомандующий английскими силами в войне на Пиренейском полуострове. 31 августа 1808 г. подписал конвенцию в Цинтре, по которой французы ушли из Португалии. Условия конвенции были чрезвычайно выгодны для французов, что дало повод радикальной английской оппозиции выступить с критикой торжеских правящих кругов. Ср. 25—26 строфы I песни «Паломничества Чайльд Гарольда».

² *Мадра* — город в Португалии. Ср. 29 строфу I песни «Паломничества Чайльд Гарольда».

³ *Адмирал Кордова* — командовал испанским флотом во время морского сражения 14 февраля 1797 г., в котором был разбит англичанами.

⁴ *Кэпп, Джон (1772—1832)* — английский писатель, известный книгами о своих многочисленных путешествиях.

⁵ *Битва близ Мадрида* — битва у Талаверы 27—28 июля 1809 г., в которой англичане одержали победу над французами ценой тяжелых потерь (260 офицеров и 5000 солдат).

⁶ *Его величеству* — с 1802 по 1821 г. королем Сардинии был Виктор Эммануил I. Встреча с ним Байрона не состоялась.

⁷ *Кастанос, Франсиско* (1758—1852) — испанский генерал, разбивший французов в 1808 г.

17. МАТЕРИ

12 ноября 1809

¹ *Али Паша Тепеленский* (1741—1822) — правитель Эпира и Албании, о котором Байрон позднее писал в «Паломничестве Чайльд Гарольда» (песнь II, строфы 47 и 62). Его сын Вели Паша был женат на дочери Ибрагима Паши, правителя Берата.

² *Монастырь Зитца* — монастырь в северо-западной части Греции. (См. «Паломничество Чайльд Гарольда», песнь II, строфа 48.)

³ *Замок Бранксом в «Менестреле»*. — В. С к о т т. «Песнь последнего менестреля», песнь I.

⁴ *Лик, Уильям Мартин* (1777—1860) — английский дипломат в Турции, известный также своими топографическими исследованиями.

⁵ *Акций* — древнегреческий город, где в 31 г. до н. э. Октавиан разбил флот Марка Антония, управлявшего восточными провинциями при втором триумvirате. С 27 г. до н. э. Октавиан стал римским императором Августом.

18. МАТЕРИ

14 января 1811

¹ *Леандр* — по древнегреческому преданию, возлюбленный Геро. Леандр и Геро жили на разных берегах Геллеспонта (древнее название Дарданелл). Каждую ночь Геро зажигала светильник, и Леандр переплывал к ней через Геллеспонт. Однажды бурной ночью огонь погас, и Леандр утонул.

² *своим последним произведением* — имеется в виду сатира «Английские барды и шотландские обозреватели», первое издание которой вышло анонимно 1 марта 1809 г.

19. МАТЕРИ

25 июня 1811

¹ *Броггерс* — драпировщик, работавший в Ньюстэдском аббатстве.

20. ДЖОНУ М. В. ПИГОТУ

2 августа 1811

¹ *издатель «Бича»* — Хьюсон Кларк (1787—1832), которого Байрон назвал в «Английских бардах и шотландских обозревателях» «собирателем клеветы». Статья против Байрона была напечатана в журнале «Бич» в марте 1811 г. Суд не состоялся, поскольку генеральный прокурор признал, что Байрон сам дал повод для нападок.

21. СКРОПУ БЕРДМОРУ ДЭВИСУ

7 августа 1811

¹ *Дэвис, Скроп Бердмор* (1783—1852) — один из друзей Байрона, которому он посвятил «Паризину» (1816).

² *один из лучших моих друзей утонул в канаве* — товарищ Байрона по Кембриджу Чарлз Скиннер Мэтьюз утонул в реке Кэм.

22. АВГУСТЕ ЛИ

30 августа 1811

¹ *ссора между твоим супругом и принцем* — муж Августы полковник Джордж Ли служил конюшим наследника престола Уэльского.

23. ФРЭНСИСУ ХОДЖСОНУ

3 сентября 1811

¹ *Не надо мне никакого вашего бессмертия* — спор с Ходжсоном о жизни и смерти возник в связи со II песней «Паломничества Чайльд Гарольда».

² *«Аргал»* — испорченное латинское ergo (следовательно). Имеется в виду сцена на кладбище в «Гамлете» Шекспира (д. V, сц. 1).

³ *павликианец* — участник народного религиозного движения в Византии в VII—IX вв., явившегося формой антифеодальной борьбы народных масс, главным образом крестьянства. Павликиане выступали против социального неравенства.

⁴ *манихей* — последователь религиозного учения, возникшего на Ближнем Востоке в III в. и выражавшего мировоззрение крестьянства в период кризиса рабовладельческого строя. Основным догматом манихейства являлось учение о борьбе доброго и злого начал в мире и требование строжайшей воздержанности.

⁵ *спинозист* — последователь голландского философа Бенедикта Спинозы (1632—1677), отрицавшего бога как творца природы и называвшего богом природу.

⁶ *Пиррон* (ок. 365—275 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель античного скептицизма.

⁷ *Зороастр* — легендарный основатель религиозного учения древних народов Средней Азии и Персии, представлявшего мир как борьбу доброго и злого начал.

24. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

5 сентября 1811

¹ *Меррей, Джон* (1778—1843) — издатель Байрона, печатавший «Паломничество Чайльд Гарольда», о котором идет речь в этом письме. Постоянная переписка с Мерреем продолжалась с 1811 г. до самой смерти Байрона.

² *Джон Буль* — ироническое прозвище англичан, ставшее популярным после памфлета Джона Арбетнота «История Джона Буля» (1712), направленного против войны за испанское наследство.

³ *Массена, Андре* (1758—1817) — французский маршал. Весной 1811 г. был вытеснен Веллингтоном из Португалии, благодаря чему впал в немилость Наполеона.

⁴ *я не могу изменить своих мнений* — в письме Меррея от 4 сентября 1811 г., на которое отвечает Байрон, содержится предложение устранить из «Паломничества Чайльд Гарольда» некоторые политические места. Образцом комплиментов, о которых не без иронии пишет в этом письме Байрон, может служить следующая фраза из письма Меррея: «Поскольку некоторые выражения, касающиеся Испании и Португалии, справедливые в то время, когда были написаны, могут теперь отчасти повредить той популярности, которую несомненно завоеует поэма, так как они не гармонируют с общепринятыми понятиями, то, исходя из сострадания к издателю, не претендующему судить по этому вопросу иначе, как только с коммерческой точки зрения, я надеюсь, благорасположение вашей светлости позволит вам устранить эти выражения...»

⁵ *шахты в Ланкашире* — см. письмо 14, прим. 4.

25. Р. Ч. ДАЛЛАСУ

31 октября 1811

¹ *Прилагаю несколько строф* — «К Тирзе». Ср. 9 и 95—96 строфы II песни «Паломничества Чайльд Гарольда».

² «монашка-Зитца» — «Паломничество Чайльд Гарольда», II, 48.

26. УИЛЬЯМУ ХАРНЕССУ

6 декабря 1811

¹ *Харнесс, Уильям* (1790—1869) — школьный товарищ Байрона. Их дружба началась к Харроу, в декабре 1811 г. Харнесс посетил Байрона в Ньюстэде. Ему Байрон

хотел посвятить «Чайльд Гарольда», но отказался от этой мысли, «чтобы не повредить его карьере» (в 1812 г. Харнесс был посвящен в духовный сан).

² *Блэнд, Роберт* (1780—1825) — один из учителей Харроу, где учился Байрон; друг Фрэнсиса Ходжсона.

³ *Миллер, Уильям* (1769—1844) — лондонский издатель и книготорговец, отказавшийся печатать «Паломничество Чайльд Гарольда» из-за политической направленности поэмы. В 1812 г. продал свое издательское дело Дж. Меррею.

⁴ *аргивянин* — житель города Аргоса в Арголиде. Упоминается у Гомера как обозначение греков вообще.

⁵ «*Проклятие Кехамы*» (1810) — поэма Роберта Саути (1774—1843).

⁶ *Кольридж читает лекции* — с 18 ноября 1811 г. по 27 января 1812 г. С. Т. Кольридж (1772—1834) прочитал в Лондонском философском обществе семнадцать лекций о Шекспире и других английских поэтах. Эти лекции (впервые опубликованы посмертно — в 1849 г.) — крупнейшее явление английской романтической критики.

⁷ *Ганнибал об одном таком лекторе.* — Цицерон рассказывает, что карфагенский полководец Ганнибал (247—183 до н. э.), находясь в ссылке в Эфесе, попал на лекцию бродячего философа Формио о военном искусстве, о котором затем сказал: «Много я видел старых дураков, но такого как Формио еще не встречал».

27. ЛОРДУ ХОЛЛАНДУ

25 февраля 1812

¹ *Холланд, Генри Ричард* (1773—1840) — английский политический деятель, виг, входил в министерство «всех талантов» (1806—1807); выступал в палате лордов за эмансипацию католиков и отмену рабства в колониях. Письмо Байрона написано за день до первого выступления поэта в парламенте в защиту ноттингемских ткачей-луддитов (Холланд в это время был главным судьей Ноттингема).

28. КАРОЛИНЕ ЛЭМ

[1812]

¹ *Лэм, Каролина* (1785—1828) — жена Уильяма Лэма, виконта Мельбурна, ставшего позднее премьер-министром (1835—1841); роман Байрона с леди Каролиной Лэм окончился их разрывом в конце 1812 г. Историю своей любви она описала в романе «Гленарвон» (1816), где под именем Гленарвона выведен Байрон.

29. КАРОЛИНЕ ЛЭМ

1 мая 1812

¹ *Милбэнк, Анна Изабелла (Аннабелла)* (1792—1860) — будущая жена Байрона, с которой он познакомился 25 марта 1812 г.

² *Дермоди, Томас* (1775—1802) — ирландский революционный поэт. Одноимник его стихов был опубликован посмертно в 1807 г.

³ *Сихэм* — деревня, где в детстве жила Милбэнк.

⁴ *Блэкет, Джозеф* (1786—1810) — английский поэт, по профессии сапожник, которому покровительствовала мисс Милбэнк. Байрон упоминает его в «Английских бардах и шотландских обозревателях» и в поэме «По стопам Горация» (1811). См. также «Эпитафию Джозефу Блэкету» (1811).

31. ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

10 сентября 1812

¹ *Мельбурн, Элизабет* — свекровь Каролины Лэм, тетка будущей жены Байрона. Была близким другом Байрона, который поверял ей в письмах многие подробности своей личной жизни.

² они благополучно доставлены в Ирландию — в начале сентября 1812 г. Каролина Лэм с мужем и матерью уехала в Ирландию.

³ по случаю открытия театра — 10 октября 1812 г. Дрюрилейнский театр был открыт после пожара 24 февраля 1809 г. Все стихи, поступившие на конкурс, были отклонены, комиссия обратилась к Байрону, и он написал свой «Адрес, читанный на открытии Дрюрилейского театра».

⁴ *Грэн-Стрит* — улица в Лондоне, некогда населенная нуждающимися писателями и литературными поденщиками.

⁵ *Бетти, Уильям Генри Уэст* (1791—1874) — актер-комик, популярный в те годы в Англии.

32. ТОМАСУ МУРУ

1 сентября 1813

¹ *Мур, Томас* (1779—1852) — английский поэт-романтик, уроженец Ирландии, друг Байрона, автор «Ирландских мелодий» (1807—1834), отражающих ирландское национально-освободительное движение. Ранние стихи Мура опубликованы под псевдонимом «Томас Литтл». В 1814 г. Байрон посвятил ему свою поэму «Корсар». После смерти Байрона Мур издал его письма и дневники (1830).

² *Кастеллан А. Л.* — автор книги «Нравы, обычаи и одежда турок и краткая их история» (Париж, 1812).

³ *трехтомную историю турецкой литературы.* — Д. Б. Тодерини опубликовал свою историю турецкой литературы в 1787 г. в Венеции.

⁴ *Макинтош, Джеймс* (1765—1832) — английский юрист и писатель, выступавший в конце XVIII в. защитником идей французской революции.

⁵ *Ваша перо.* — В персидской мифологии *перо* — крылатая женщина, охраняющая людей от злых духов. В своем письме Мур сообщил Байрону о замысле сказки «Рай и перо», вошедшей позднее в поэму «Лалла Рук» (1817).

⁶ «*Будь я неладен, Том, ведь наглец-то—это ты!*». — Р. Б. Шеридан. «Поездка в Скарборо» (1786), д. V, сд. 2.

⁷ *Я много добавил к «Гяуру».* — Над поэмой «Гяур. Фрагмент турецкой повести» Байрон работал в мае — декабре 1813 г. Первое издание (685 строк) вышло 5 июня; седьмое, представляющее собой окончательный текст (1344 строки), — 27 декабря 1813 г. В течение полутора лет поэма выдержала 13 изданий.

⁸ *Темплиер* — прозвище лондонских юристов (по названию здания — Темпл, — где помещается одна из лондонских коллегий адвокатов).

⁹ *Слиго—Хоу, Питер Браун* (1788—1845), унаследовавший в 1809 г. титул второго маркиза Слиго. Байрон пробыл вместе с ним некоторое время в Афинах в 1810 г.

ДНЕВНИК

(14.XI 1813—19.IV 1814)

[14 ноября]

¹ *проволочки с Ньюстэдом* — имеется в виду затянущаяся с осени 1812 г. продажа родового имени Байронов, принадлежавшего предкам поэта с XVI в. После ряда несостоявшихся сделок Ньюстэд был, наконец, продан в ноябре 1817 г. одному из школьных товарищей Байрона.

² «*Зюлейка*» — речь идет о поэме Байрона «Абидосская невеста. Турецкая повесть», написанной в ноябре 1813 г. и посвященной Холланду. Опубликована 29 ноября 1813 г. Первая «турецкая повесть» Байрона — «Гяур» (1813).

³ *О, имя милое! Останься в тайне.* — Из стихотворения А. Попа «Элоиза к Абельяру» (1717).

⁴ *Генри Байрон* — дядя поэта, сын Ричарда Байрона и племянник Уильяма, пятого лорда Байрона.

⁵ *Джорджина* — старшая дочь Августы Ли.

⁶ *Льюис, Мэтью Грегори* (1775—1818) — английский писатель, автор «готического романа» тайн и ужасов «Монах» (1796) и пьесы «Призрак в замке», поставленной в Дриурлейнском театре в 1797 г.

⁷ *Сталь, Анна Луиза Жермена, де* (1766—1817) — французская писательница, одна из первых представительниц европейского либерализма, автор романов «Дельфина» (1802) и «Коринна» (1807), в которых выступает за эмансипацию женщины.

⁸ *Гиффорд, Уильям* (1756—1826) — английский писатель и журналист, редактор реакционного журнала «Антиякобинец» (1797—1798) и торийского «Куотерли ревью» (1809—1824). Несмотря на различия в политических взглядах, Байрон высоко ценил его эстетические суждения.

⁹ *петиция должников* — речь идет о петиции против закона лорда Ридесдейла о банкротстве, представленной 11 ноября 1813 г. в палату общин, а 15 ноября 1813 г. лордом Холландом в палату лордов, и требовавшей гуманного отношения к разорившимся и неплатежеспособным гражданам.

¹⁰ *Я выступал там трижды* — речь идет о трех выступлениях Байрона в палате лордов (в защиту ткачей-луддитов Ноттингемшира — 27 февраля 1812 г.; по вопросу об уравнивании в правах ирландских католиков — 12 апреля 1812 г.; по поводу петиции ветерана демократического движения Джона Картрайта в защиту права отстаивать перед парламентом необходимость политических реформ) — 1 июня 1813 г.

¹¹ *«Компания, дурная компания — вот что меня сгубило».* — В. Шекспир. «Король Генрих IV», ч. 1, д. III, сц. 3.

¹² *«пошли приворотным зельем».* — В. Шекспир. «Король Генрих IV», ч. 1, д. I, сц. 2.

¹³ *Экстер Чейндж* — зверинец в Лондоне.

¹⁴ *Ливерпуль, Роберт* (1770—1828) — английский государственный деятель, тори, премьер-министр (1812—1827).

16 ноября

¹ *винегрет из Шекспира и Драйдена* — пьеса «Антоний и Клеопатра» В. Шекспира была возобновлена в Ковентгарденском театре (15 ноября 1813 г.) с добавлением из пьесы на тот же исторический сюжет Джона Драйдена «Все за любовь» (1677).

² *Туллий* — т. е. Цицерон.

³ *«ведь слова — дела»* — позднее в «Дон Жуане», III, 88.

⁴ *«однако честь зовет тебя отсюда».* — В. Шекспир. «Антоний и Клеопатра», д. I, сц. 3 (перефразировка).

⁵ *лорд Джерси* — Джордж Чайльд Уильерс (1773—1859) — см. о нем в «Разрозненных мыслях», 92 (стр. 271).

⁶ *последняя даже восхищает* — речь идет о книге Ж. де Сталь «О Германии», написанной в 1810 г., но изданной в Лондоне в 1813 г., после того как ее парижское издание было конфисковано и уничтожено наполеоновской полицией.

⁷ *бедняга Бринсли... Бедный, милый Шерри!* — Ричард Бринсли Шеридан (1751—1816).

⁸ *Роджерс, Самюэл* (1763—1855) — английский поэт, автор поэмы «Утехи памяти» (1792), которую Байрон назвал «прекраснейшей дидактической поэмой на нашем языке» («Английские барды и шотландские обозреватели»). Роджерсу Байрон посвятил свою поэму «Гяур» (1813).

¹ *«Зачем сетует человек живущий?»* — «Плач Иеремии», гл. 3, 39.

² *поспешил с злополучной сатирой* — имеется в виду сатира Байрона «Английские барды и шотландские обозреватели» (1809), где он напал на и на лорда Холланда, ошибочно считая его причастным к появлению в «Эдинбургском обозрении» (январь 1808) статьи, высмеивающей сборник стихов Байрона «Часы досуга».

³ *Эллис, Джордж* (1753—1815) — английский поэт, примыкавший к группе так называемых «антиякобинских» поэтов, выступавших против французской революции; друг В. Скотта.

⁴ *граф Уорик, Ричард* (1428—1471) — английский политический деятель эпохи войны Алой и Белой розы, известный в истории под прозвищем «делатель королей».

⁵ *Джеффри, Франсис* (1773—1850) — издатель вигийского журнала «Эдинбургское обозрение». В «Английских бардах и шотландских обозревателях» Байрон клеймит эдинбургских критиков, вожаком которых выступал Джеффри, написавший в дальнейшем ряд рецензий на произведения поэта. Впоследствии Байрон отзывался о нем не столь резко.

⁶ *«Рокби»* (1813) — поэма В. Скотта.

⁷ *Брам, Джон* (1774—1856) — популярный во времена Байрона тенор и композитор, положивший на музыку «Еврейские мелодии» Байрона (1815).

⁸ *леди Уэбстер, Франсис Уэддерберн*. — жена Джеймса Уэддерберна Уэбстера, который был с Байроном в Афинах в 1810 г.

⁹ *«держат меч наготове»*. — В. Шекспир. «Король Генрих V», д. II, сд. 1.

¹⁰ *Мэнтон, Джо* — владетель тира в Лондоне.

¹¹ *анаким* — легендарное племя гигантов в Палестине.

¹² *побегу, отъезд из армии* — в декабре 1812 г., после разгрома в России, Наполеон, бросив армию, вернулся в Париж. После поражения в «битве народов» под Лейпцигом Наполеон в середине ноября 1813 г. отступил во Францию.

¹³ *Как говорит Коббет* — речь идет о статьях радикального публициста В. Коббета (1762—1835) в издававшемся им еженедельнике «Политикал реджистер».

¹⁴ *Баррас, Поль Франсуа* (1755—1829) — политический деятель французской буржуазной революции. Его любовница Жозефина Богарне стала женой Наполеона, с которой последний развелся и в 1810 г. вступил в брак с дочерью австрийского императора Марией-Луизой.

¹⁵ *«легкие напитки и пристрастие к рыбным блюдам охлаждают кровь»*. — В. Шекспир. «Король Генрих IV», ч. II, д. IV, сд. 3.

¹⁶ *Мэри Дафф* — одна из кузин Байрона, в которую он был влюблен в детстве.

¹⁷ *Эпикур* (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ. Считал, что боги не вмешиваются в дела мироздания.

¹⁸ *Ларошфуко, Франсуа* (1613—1680) — французский писатель-моралист. Его «Максимы» (1665), проникнутые мизантропией и неверием в человеческую доброту, пользовались исключительной популярностью в Англии XVIII в.

¹⁹ *Лукреций... в переводе Басби* — в 1813 г. Томас Басби (1755—1838) перевел рифмованными стихами поэму римского поэта и философа Лукреция (99—55 до н. э.) «О природе вещей», в которой делалась попытка освободить человечество от страха перед богами и от предрассудков.

²⁰ *«Архитектура... напоминает мне застывшую музыку»*. — Ж. де Сталь пишет в «Коринне» (1807), что собор св. Петра в Риме подобен «непрерывной и застывшей музыке». Позднее подобная характеристика архитектуры встречается у Гете.

²¹ *«Джаннат аль Адэн»* — имеется в виду, очевидно, Дженна Элизабет Скотт, графиня Оксфорд, в усадьбе которой в Эйвуде Байрон жил осенью 1812 г.

²² *«Голландцы взяли Голландию»* — имеется в виду события 15 ноября 1813 г.

в Амстердаме, в результате которых французские власти были изгнаны из города, а затем и из всей Голландии, присоединенной Наполеоном (в 1810 г.) к Франции.

²³ *Бернарот, Жан Батист* (1764—1844) — французский маршал, в 1813 г. участвовал в войне против Наполеона, с 1818 г. — король Швеции и Норвегии под именем Карла XIV.

²⁴ *принц Оранский* (1772—1843) — во время французской оккупации Голландии служил в прусской и австрийской армиях. После битвы при Лейпциге отправился в Англию, а 30 ноября 1813 г. высадился в Голландии и на следующий день торжественно въехал в Амстердам, был провозглашен королем Нидерландов Вильгельмом I (1813—1840).

²⁵ *«мистеру Шеллоу, который должен мне тысячу фунтов»*. — В. Шекспир. «Король Генрих IV», ч. II, д. V, сц. 5. («Мистер Шеллоу, я должен вам тысячу фунтов»). Речь идет о Джеймсе Уэддерберне Уэбстере (1789—1840), которому Байрон одолжил 1000 фунтов стерлингов.

22 ноября

¹ *Де Витты, Корнелиус и Ян* (1623—1672; 1625—1672) — голландские государственные деятели, убитые во время вторжения французской армии в Нидерланды.

² *Де Рейтер, Михаил Адриан* (1607—1676) — голландский флотоводец, участник англо-голландских войн XVII в. В 1667 г. вторжение голландского флота под его командованием в устье Темзы вызвало панику в Лондоне и принудило англичан подписать мирный договор.

³ *Ирод Антиохский*, Тиберий Клавдий (101—177 н. э.) — древнегреческий ритор и архитектор; знатный афинянин, известный тем, что нашел в своем доме богатый клад.

⁴ *Помпоний, Аттик Тит* (109—32 до н. э.) — крупный римский рабовладелец и ростовщик.

⁵ *Бонневаль* (1675—1747) — французский наемник, служивший в войсках Австрии, России и Турции.

⁶ *Рипперда* (ум. 1737) — голландский авантюрист, ставший премьер-министром Испании при Филиппе V.

⁷ *Альберони* (1664—1752) — итальянский авантюрист. См. дневник от 26.I.1821, прим. 1.

⁸ *Хайреддин* (ум. 1547) и *Хорук Барбаросса* (ум. 1518) — алжирские пираты.

⁹ *Монтегю, Эдуард Уортли* (1713—1776) — английский парламентарий-авантюрист, перешедший в магометанскую веру.

¹⁰ *первая рецензия в «Эдинбургском обозрении»* — см. прим. 2 к дневнику от 17 ноября 1813 г.

¹¹ *Как у Джорджа в «Векфильдском священнике»* — речь идет о герое романа О. Гольдсмита «Векфильдский священник» (1766) Джордже, который, написав свою книгу, утратил возможность читать и оценивать достоинства других книг (глава XX).

¹² *«Рука моя была на всех, а руки всех на меня»*. — «Бытие», гл. 16, 12.

¹³ *Хобхауз, Джон Кэм* (1786—1869) — английский литератор, близкий друг Байрона; путешествовал с ним за границей в 1809—1810 гг., был шафером на свадьбе Байрона 2 января 1815 г.; провозжал его в Дувре, когда в 1816 г. Байрон покидал Англию, а позднее был с ним в Швейцарии и Италии. Хобхаузу Байрон посвятил свою поэму «Осада Коринфа» (1816) и IV песнь «Чайльд Гарольда» (1818).

¹⁴ *я в одной из строк намекал на нервную болезнь бедного лорда Карлайля* — имеется в виду сатира Байрона «Английские барды и шотландские обозреватели», где поэт писал:

Какая ж муза может награждать
Карлайлево расслабленное пенье?

Фредерик Хоуард Карлайль (1748—1825) — вице-король Ирландии (1780—1782), опубликовал в 1801 г. свою книгу стихов. Он был опекуном Байрона.

¹⁵ *«Жизнь Нельсона»* — книга Роберта Саути (1813).

¹⁶ *Сотби, Уильям* (1757—1833) — английский писатель и переводчик, которого Байрон высмеивает в «Английских бардах и шотландских обозревателях», «Беппо» и «Синих чулках». В 1814 г. опубликовал свои «Пять трагедий». Ср. его характеристику в «Разрозненных мыслях», 50 (стр. 256).

¹⁷ *Лидия Уайт* — богатая ирландка, получившая известность своими приемами и обедами. Позднее Байрон изобразил ее в сатире «Синие чулки» под именем мисс Дилдл.

¹⁸ *Смит, Сидней* (1771—1845) — английский писатель и журналист, один из основателей «Эдинбургского обозрения». На одном из вечеров в доме Лидии Уайт, где все, кроме хозяйки, были виги, назвал ее «торийской богоматерью».

¹⁹ *Уилмот, Варберина* (1768—1854) — английская писательница.

²⁰ *леди Бомонт* — жена художника и основателя Национальной галереи Джорджа Бомонта, которого Байрон упоминает в своей сатире «Синие чулки».

²¹ *леди Шарлемон* (ум. 1876) — хозяйка аристократического литературного салона в Лондоне.

²² *«взгляни в лицо ее, и все забудешь»*. — А. П о п. «Похищение локона», песнь II.

²³ *«Почтовая сумка»* — сатира «Перехваченные письма, или двухпенсовая почтовая сумка»; выпущена Т. Муром в 1813 г. под псевдонимом Томас Браун-младший.

23 ноября

¹ *Уорд, Джон Уильям* (1781—1833) — английский критик и журналист.

² *Его писем* — сатирические письма, подписанные псевдонимом *Юниус*, печатавшиеся в лондонском журнале «Паблик адвертайзер» в 1769—1772 гг. в связи с борьбой за свободу печати в Англии. Авторство их не установлено.

³ *...тени нынче ночью...* — В. Ш е к с п и р. «Король Ричард III», д. V, сд. 3.

⁴ *лорд Огльби* — персонаж из драмы Джорджа Кольмана и Дэвида Гаррика «Тайный брак» (1766).

⁵ *Маунтморрис* — отец Фрэнсис Уэджерберн Уэбстер (см. дневник от 17 ноября 1813, прим. 8).

⁶ *Каннинг, Джордж* (1770—1827) — английский политический деятель, лидер умеренного крыла тори. В 1807—1809 гг. и 1822—1827 гг. — министр иностранных дел.

⁷ *Фрир, Джон Хукем* (1769—1846) — поэт и дипломат, вместе с Каннингом входил в группу поэтов-антиякобинцев.

⁸ *Шарп, Ричард* (1759—1835) — английский общественный деятель и писатель, член многих литературных и политических клубов, в 1806—1812 гг. — член парламента, виг.

⁹ *Джексон, Джон* (1769—1845) — чемпион Англии по боксу в 1795—1803 гг. В его доме в Лондоне был клуб и школа боксеров.

¹⁰ *Крибб, Томас* (1781—1848) — боксер, прославившийся своими победами в 1810—1811 гг., а затем содержавший ресторан в Лондоне.

¹¹ *Бриджес, Сэмюэл Эджертон* (1762—1837) — английский поэт и романист.

¹² *«Чайльд Аларик»* — поэма Роберта Пирса Гиллса (1788—1858).

¹³ *Сулла* — см. прим. 2 к дневнику от 9 апреля 1814.

¹⁴ *Аристид* (540—467 до н. э.) — афинский политический деятель и полководец, прозванный греческими историками, идеализировавшими его образ, «Справедливым».

¹⁵ *Франклин, Вениамин* (1706—1790) — американский политический деятель и ученый, участвовал в выработке «Декларации независимости» США (1776).

¹⁶ *Пенн, Уильям* (1644—1718) — один из английских колонизаторов Северной Америки, квакер, основатель Пенсильвании (1682).

¹⁷ *Мирабо, Оноре Габриель Рикетти* (1749—1791) — деятель французской буржуазной революции.

¹⁸ *Сен-Жюст, Луи Антуан* (1767—1794) — деятель французской буржуазной революции, один из руководителей якобинцев.

¹⁹ *Вильгельм Оранский* (1533—1584) — выдающийся деятель Нидерландской революции, правитель Голландии.

24 ноября

¹ *«как мрамор целен, как утес незыблем».* — В. Шекспир. «Макбет», д. III, сц. 4.

² *Хорн-Тук, Джон* (1736—1812) — английский демократ, один из руководителей Лондонского Корреспондентского общества.

³ *Уиндем, Уильям* (1750—1810) — английский государственный деятель, военный министр в 1794—1801, 1806—1807 гг. Он пострадал во время пожара в Лондоне и умер после неудачной операции.

⁴ *Фицпатрик, Ричард* (1747 — 1813) — английский политический деятель, друг Джеймса Фокса и Шеридана. Выступал также как писатель.

⁵ *«Вознесся к небу благородный дух».* — В. Шекспир. «Ромео и Джульетта», д. III, сц. 1.

⁶ *«Ему подобнох мне уже не встретитъ».* — В. Шекспир. «Гамлет», д. I, сц. 2.

⁷ *Терло, Эдвард* (1781—1829) — английский поэт.

⁸ *времен королевы Бесс* — т. е. английской королевы Елизаветы (1558—1603).

⁹ *«Все приедается, мой ангел».* — Шодерло де Лакло. «Опасные связи» (1782), письмо 141.

¹⁰ *Поллукс и Кастор* — в греческой мифологии сыновья Зевса и Леды, близнецы. Имена их стали синонимом двух неразлучных друзей.

27 ноября

¹ *Джо Миллер* (ум. 1738) — актер-комик, имя которого стало нарицательным для обозначения старой избитой шутки.

² *Клим-о-Кляу* — легендарный английский стрелок, один из сподвижников Робин Гуда. Ему посвящена одна из баллад XVI в.

³ *«Не подобает никому до срока умирать»* — из «Баллады о Робин Гуде».

⁴ *Генри Фокс* — сын лорда Холланда.

⁵ *«Нурджахад»* — очевидно, имеется в виду постановка по одноименному роману (1767) Франсис Шеридан (1724—1766), матери известного драматурга.

⁶ *Берк, Эдмунд* (1729—1797) — английский публицист и политический деятель, выступавший против идей французской революции.

⁷ *«то, что во мне, правдивей, чем игра».* — В. Шекспир. «Гамлет», д. I, сц. 2.

⁸ *Абдиил* — ангел в «Потерянном рае» Мильтона (песнь V), борющийся с Сатаной.

30 ноября

¹ *Ромилли, Самюэл* (1757—1818) — английский юрист и парламентарий, выступавший в защиту идеи парламентской реформы, отмен работорговли и эмансипации католиков. Сыграл неприглядную роль в семейных делах Байрона: взявшись защищать его интересы, Ромилли принял затем на себя роль адвоката леди Байрон и отстаивал ее требование разрыва с мужем. 2 ноября 1818 г. покончил самоубийством.

² *Бентам, Сэмюэл* (1757—1834) — английский корабельный инженер, сторонник парламентской реформы.

³ *Хорнер, Фрэнсис* (1778—1817) — английский парламентарий, юрист, один из основателей «Эдинбургского обозрения».

⁴ *Филипс, Джордж* — английский парламентарий.

⁵ *Рассел, Джон* (1766—1839) — английский аристократ, член палаты лордов, виг. Отец премьер-министра (в 40—60-х гг.) Джона Рассела.

⁶ «*люди честные и верные*». — В. Ш е к с п и р. «Много шума из ничего», д. III, сц. 3.

⁷ *боа-констриктор* — удав.

⁸ ... в моих примечаниях — имеются в виду примечания Байрона к 6 строфе I песни «Абидосской невесты», в которых он упоминает книгу Жермены де Сталь «О Германии».

⁹ *каламбур об Уорде* — на вопрос Уорда, отошедшего от партии вигов, что требуется, чтобы снова сделать его вигом (re-whig), Байрон сказал: «Прежде чем его можно будет re-whig, его придется re-ward (наградить)».

¹⁰ *Джордж* — двоюродный брат поэта, унаследовавший в 1824 г. его титул лорда Байрона.

¹¹ *Эрскин, Томас*. (1750—1823) — английский адвокат, успешно защищавший в 90-х годах английских демократов, обвиненных в государственной измене за приверженность идеям французской революции.

¹² *Аннабелла* — мисс Милбэнк, будущая жена Байрона.

1 декабря

¹ *Хант, Джеймс Генри Ли* (1784—1859) — английский публицист, литературный критик, поэт и эссеист. С 1808 по 1821 г. издавал либеральный еженедельник «Исследователь». После смерти Байрона опубликовал мемуары «Лорд Байрон и некоторые из его современников» (1828), пытаясь опорочить память поэта.

² *Пим, Джон* (1584—1643), *Хэмиден, Джон* (1594—1643) — политические деятели, участники английской буржуазной революции.

³ ... *освобождения из тюрьмы* — Ли Хант и его брат были осуждены на два года тюрьмы за оскорбление принца-регента в статье в мартовском номере журнала «Исследователь» за 1812 г.

⁴ ... *подтвердил, умирая, Брут*. — Ср. В. Ш е к с п и р. «Юлий Цезарь», д. V, сц. 5.

⁵ *Берри, Мэри* (1763—1852) — друг и издательница Гораса Уолпола, автора «готических романов».

⁶ *Написал Х [обхаузу]* — речь идет о письме Хобхаузу, которому Байрон ввиду его предстоящей женитьбы одолжил большую сумму денег.

⁷ *Болдуин, Мартин* — один из заключенных в лондонской долговой тюрьме. О петиции см. прим. 9 к дневнику от 14 ноября 1813.

⁸ *Королевская Скамья* — королевский суд в Англии. До XIV в. дела разбирались в нем в присутствии короля; название сохранилось и позднее.

⁹ *петиция Картрайта* — 1 июня 1813 г. Байрон выступил в палате лордов с речью по поводу петиции ветерана английской демократического движения Джона Картрайта (1740—1824).

¹⁰ *Стэнхоп, Чарлз* (1753—1816) — английский политический деятель.

¹¹ «*я не расположен*». — В. Ш е к с п и р. «Король Ричард III», д. IV, сц. 2.

¹² «*не могу выйти, не могу выйти*», — *твердил скворец...* «*мертвым ослом, вместо того, чтобы помочь живой матери*». — Л. С т е р н. «Сентиментальное путешествие Йорика по Франции и Италии» (1768).

5 декабря

¹ *Кука, Джордж Фредерик* (1755—1812) — актер Ковентгарденского театра. В 1810 г. уехал в США. Речь идет о двухтомных мемуарах о Куке, выпущенных в 1813 г. У. Данлопом, где приводится отзыв из дневника Кука об «Английских бардах и шотландских обозревателях» («Хорошо написано. Лорд строг, но справедлив в отношении Вальтера Скотта и особенно Монаха Льюиса»).

² *«Прыжок во тьму»* — предсмертные слова английского философа Томаса Гоббса (1588—1679).

³ *Голт, Джон* (1779—1839) — английский писатель. Познакомился с Байроном в 1809 г. в Гибралтаре. Его путешествие вместе с Байроном из Гибралтара на Мальту нашло отражение в его книге: «Жизнь лорда Байрона» (1830).

⁴ *Раймонд* — режиссер в театре Дрюри Лейн.

⁵ *письмо Слиго* — см. приложение к письму Т. Муру 1 сентября 1813 г.

⁶ *мегагерий* — гигантское ископаемое животное.

⁷ *...последние его лекции имели большой успех* — речь идет о лекциях о поэзии, читанных в 1811 г. поэтом Томасом Кэмпбеллом (1777—1844) в Королевском институте (опубликованы в издававшемся им «Новом ежемесячном журнале»).

⁸ *Гауэр, Джордж Гранвилл* (1786—1861) — английский аристократ.

⁹ *Лам, Джордж* (1784—1834) — литератор-любитель, двоюродный брат мисс Милбэнк, будущей жены Байрона.

¹⁰ *Уэлсли, Ричард* (1760—1842) — английский политический деятель.

6 декабря

¹ *Крокер, Джон Уилсон* (1780—1857) — английский государственный деятель, с 1809 г. морской министр.

² *«Одиночество на троне»* — из «Послания к доктору Арбетноту» А. Попа (1735).

³ *Я только что выпустил поэму — «Абидосская невеста»* была опубликована 29 ноября 1813 г.

⁴ *Его дядя* — Уильям Босвил (1745—1813), известный лондонский бонвиван, славившийся своими обедами.

⁵ *Гелл, Уильям* (1777—1836) — английский географ, автор ряда трудов о Греции. В августовском номере «Ежемесячного журнала» за 1811 г. Байрон опубликовал свою рецензию на книги Гелла «География Итаки» и «Путеводитель по Греции».

⁶ *«Вей-ей, когда ты взойдешь на престол, я стану изменником»* — слова Фальстафа из «Короля Генриха IV» В. Шекспира (ч. I, д. I, сц. 2).

⁷ *лорд Гленберви* — Сильвестр Дуглас (1743—1823) — генеральный инспектор лесов и государственных земель.

⁸ *«Монах»* (1796) — «готический» роман М. Г. Льюиса (1775—1818).

⁹ *Тиберий на Капри* — в 26 г. римский император Тиберий (43 до н. э. — 37 н. э.) оставил Рим и удалился на остров Капри, избрав орудием борьбы со своими врагами кровавые политические процессы. Образ Тиберия как жестокого тирана создал Тацит.

¹⁰ *Бюффон, Жорж Луи Леклерк* (1707—1788) — французский естествоиспытатель.

7 декабря

¹ *Скрэб* — персонаж в пьесе Джорджа Фаркера (1678—1707) «Военная хитрость» (1706).

² *«все суета, сказал учитель».* — «Экклезиаст», гл. I, 2.

³ *Ичболд, Элизабет* (1753—1821) — английская писательница и актриса. Ее наиболее известные романы — «Простая история» (1791) и «Природа и искусство» (1796).

⁴ *речь против торговли рабами в Африке* — в 1807 г. работорговля была официально запрещена в английских колониях, однако тайная торговля рабами продолжалась. В демократической прессе Англии печатались в эти годы многочисленные выступления против торговли рабами в Африке и Вест-Индии.

10 декабря

¹ *Гауэр, Джордж Грэнвил Ливсон* (1758—1833) — маркиз Стаффорд, английский посол в Петербурге.

² *Тьерни, Джордж* (1761—1830) — английский политический деятель, виг.

³ *«нет ничего нового под солнцем»*. — «Экклезиаст», гл. I, 9.

13 декабря

¹ *Пэксуд* — жена лондонского торговца ремнями для правки бритв, который наваял поэта для сочинения стихотворных реклам о бритвах.

² *«жизни в чужих устах»*. — А. П о п. «Храм славы» (1715).

³ *Ханна Гласс* — автор: книги «Общедоступное искусство кулинарии» (1747) Эта поваренная книга, изданная Мерреем, пользовалась большим спросом.

⁴ *Ханна Мор* (1745—1833) — английская писательница, входившая в литературный кружок «Синие чулки».

⁵ *Аллен, Джон* (1771—1843) — английский журналист, друг и библиотекарь в доме лорда Холланда.

⁶ *Мальябекки, Антонио* (1633—1714) — библиотекарь великого герцога тосканского, которому герцог завещал свое собрание в 30 000 томов.

17, 18 декабря

¹ *«Опера нищих»* (1728) — пьеса Джона Гея (1685—1732).

² *«Критик»* (1779) — последняя комедия Шеридана.

³ *«Монолог о Гаррике»* — имеется в виду пролог к комедии Шеридана «Школа зловолья» (1777).

⁴ *Речь о Бегуме* — речь Шеридана 7 февраля 1787 г. в парламентской комиссии по делу генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса, отстраненного от должности и преданного суду по обвинению в хищениях и злоупотреблении властью в Индии.

⁵ *Карлтон* — резиденция принца Уэльского, будущего Георга IV.

⁶ *«Поездка Дьявола»* — написана 9 декабря 1813 г. При жизни Байрона не печаталась.

⁷ *Порсон, Ричард* (1759—1808) — английский писатель; «Прогулка Дьявола» ошибочно приписывалась Порсону. Авторы ее — Кольридж и Саути (1799).

⁸ *сочинил два сонета о *** — «Сонеты к Геневере», впервые опубликованы при втором издании «Корсара» (1814).

16 января

¹ *Кларисса Гарло* — героиня семитомного романа С. Ричардсона (1689—1761) «Кларисса, или история молодой леди...» (1747—1748).

² *«ничего этого мне не надо»*. — В. Ш е к с п и р. «Буря», д. IV, сц. 1.

³ *Гиббет* — персонаж в пьесе Джорджа Фаркера «Военная хитрость».

⁴ *рецензия на Фокса* — статья Джона Уорда в «Куотерли ревью» (июль) 1813 г.) о письмах Ч. Дж. Фокса.

18 февраля

¹ ...перепечатки двух строф — речь идет о стихотворении Байрона «Строки плачущей девушке», опубликованном анонимно 7 марта 1812 г. в газете «Морнинг кроникл» и перепечатанном при втором издании «Корсара» в январе 1814 г. Плачущая девушка — наследница престола, дочь принца-регента; причина же ее слез — грубость и неблагодарность ее отца в отношении к прежним его сторонникам-вигам. Публикация этого стихотворения положила начало травли поэта официальной Англией.

² *Лодердейл, Джеймс* (1759—1839) — английский политический деятель.

³ *отчет о битве Бонапарта* — битва при Бриенне 31 января 1814 г., в которой Наполеон одержал победу.

⁴ «Корсар» — начат 18 декабря 1813 г., опубликован 1 февраля 1814 г.

⁵ «ядовитой драки». — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сд. 3.

⁶ «Бойтесь одиночества, бойтесь правды». — Роберт Бертон. *Анатомия меланхолии* (1621).

⁷ «— торговец рыбой — ступай в монастырь!» «Они меня совсем с ума сведут». — В. Шекспир. «Гамлет», д. II, сд. 2; д. III, сд. 1 и 2.

⁸ *Эта неделя решит его судьбу* — в первой половине февраля 1814 г. Наполеон вновь одержал ряд побед (при Ларотьере, Шампобере, Монмирайле, Шато-Тьеры, Вошане), воскресивших надежду, что война им не проиграна.

⁹ «Ты спишь, о Брут!» — В. Шекспир. «Юлий Цезарь», д. II, сд. 1.

¹⁰ *Лансдаун, Генри Петти-Фитцморис* (1780—1863) — английский государственный и политический деятель, родственник лорда Холланда, в доме которого встречался с ним Байрон. См. также упоминание о нем в «Английских бардах и шотландских обожателях».

19 февраля

¹ *Кин, Эдмунд* (1787—1833) — английский актер-романтик. К его лучшим шекспировским ролям принадлежит Ричард III (преьера 12 февраля 1814 г.).

² *Кембл, Джон Филипп* (1757—1823) — английский актер-трагик, прославившийся в шекспировских ролях.

20 февраля

¹ «е наш торгашеский век». — В. Шекспир. «Король Генрих IV», ч. II, д. I, сд. 2.

² «Разбойники» — драма Ф. Шиллера (1781). На английский язык переведена в 1801 г.

³ «Фиско» — вторая драма Ф. Шиллера, «Заговор Фиско в Генуе» (1782), на английский язык переведена в 1798 г.

⁴ *Альфieri, Витторио* (1749—1803) — итальянский драматург и поэт. В своих трагедиях выступает за идеалы политических свобод и национального возрождения Италии.

⁵ *Монти, Винченцо* (1754—1828) — итальянский поэт и драматург, выразитель национально-объединительных тенденций, автор трагедий «Кай Гракх», «Аристоклемо» и «Манфред».

⁶ *Рейнольдс, Джон Гамильтон* (ум. 1852) — друг Китса, в ту пору начинающий литератор. 20 февраля 1814 г. Байрон написал Рейнольдсу письмо, в котором благодарил за присылку поэмы «Сафи. Восточная повесть» (1814), посвященной Байрону.

27 февраля

- ¹ «один я». — В. Шекспир. «Король Генрих VI», ч. III, д. V, сд. 6.
² «Из людей меня не радует ни один». — В. Шекспир. «Гамлет», д. II, сд. 2.
³ Как мне хотелось бы на мой остров — очевидно, имеется в виду остров, на котором герой романа Сервантеса «Дон-Кихот» Санчо Панса мечтал быть губернатором.
⁴ «я не совсем в своем уме». — В. Шекспир. «Король Лир», д. IV, сд. 7.
⁵ «Пуговицу расстегните... Коню, собаке, крысе можно жить, но не тебе...». — В. Шекспир. «Король Лир», д. V, сд. 3.
⁶ «Постыл мне свет дневной». — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сд. 5.
⁷ ...он отбил атаку Блюхера и смешал карты Шварценбергу — 14 февраля 1814 г. Наполеон разбил прусского фельдмаршала Г. Л. Блюхера в битве при Вошане, 18 февраля союзники потерпели новое поражение в битве при Монтеро. Эти неожиданные победы Наполеона так смутили союзников, что главнокомандующий Шварценберг послал в лагерь Наполеона адъютанта с просьбой о перемирии, которая была отвергнута.

6 марта

- ¹ Найт, Ричард Пэйн (1750—1824) — английский поэт.
² Эджуорт, Мария (1767—1849) — английская писательница-романистка. «Покровительство» опубликовано в 1813—1814 гг.
³ Мэривел, Джон Гермин (1779—1844) — английский поэт. Имеется в виду его рецензия на «Литературицу» переписку барона Фридриха Мельхиора Гримма.
⁴ Кейт Хестер Мария — дочь Генри Трола, друга С. Джонсона.
⁵ свой знаменитый памфлет — речь идет о памфлете Томаса Эрскина «Причины и последствия настоящей войны с Францией» (1797), выдержавшем несколько десятков изданий.

7 марта

- ¹ Морозини, Франческо (1618—1694) — венецианский военачальник, осадивший Афины и подвергший обстрелу Парфенон, превращенный турками в пороховой склад (1687). В 1688 г. стал дожем Венеции.

10 марта

- ¹ процессы — речь идет о ряде громких политических процессов 1794 г. над английскими демократами и радикалами, обвиненными в «государственной измене». Суд над Хорн-Туком состоялся 17—22 ноября 1794 г., и он был оправдан.
² Фицджералд, Эдуард (1763—1798) — один из руководителей революционной организации «Объединенные ирландцы», смертельно раненный при аресте.
³ Брукс — один из лондонских политических клубов.
⁴ Кокрэн, Томас (1775—1860) — английский политический деятель, член парламента от Вестминстера. За мошеничество на бирже (при его посредстве был распространен слух об убийстве Наполеона, в результате чего курс акций поднялся, и Кокрэн обогатился на их продаже) он был судим и изгнан из палаты общин.
⁵ Брум, Генри (1778—1868) — английский парламентарий, автор анонимной критической статьи о «Часах досуга» Байрона в «Эдинбургском обозрении».
⁶ Джордан, Дороти (1762—1816) — английская комическая артистка. В комедии «Поездка в Скарборо» Шеридана, исполнявшейся 10 марта 1814 г. в Ковентгарденском театре, она играла роль мисс Хойден, артист Джонс — роль лорда Фолпингтона.

⁷ *Конгрив, Уильям* (1670—1729) — английский драматург, крупнейший представитель комедии Реставрации.

⁸ *Ванбру, Джон* (1664—1726) — английский драматург. «Поездка в Скарборо» Шеридана (1777) является переделкой комедии Ванбру «Неисправимый» (1696).

⁹ «я вижу, что бес мне легал двусмысленною правдой». — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сд. 5.

¹⁰ «С тех пор как влез я в милость сам к себе, на кой-какие я пойду издержки». — В. Шекспир. «Король Ричард III», д. I, сд. 2.

¹¹ «в себе не ошибался». — Там же (перифразировка).

15 марта

¹ *Гендерсон, Джон* (1747—1785) — английский артист.

² «ведь они ненавидят нас, молодежь». — В. Шекспир. «Король Генрих IV» ч. I, д. II, сд. 2.

³ *Темплиеры* — см. примеч. 8 к письму 32.

⁴ *Банделло, Маттео* (1485—1562) — итальянский писатель, автор 214 новелл (4 книги, 1554—1573).

⁵ *Белла* — мисс Милбэнк, будущая жена Байрона.

17 марта

¹ «Раздоры среди писателей» (1814) — произведение Исаака Дизраэли (1766—1848).

² «Я не пойду с ними через Ковентри — это ясно». — В. Шекспир. «Король Генрих IV», ч. I, д. IV, сд. 2.

20 марта

¹ *Хардвик, Элизабет* — жена Филиппа Йорка, графа Хардвика.

² Читал *Маккьявелли, Шардена, Сисмонди* — 13-ти томное собрание сочинений Никколо Маккьявелли в миланском издании 1804 г., 10-ти томное «Путешествие в Персию» Шардена (1811); «О литературе южных стран» Сисмонди, 1813, Париж, 4 т.

³ «История» *Макинтоша* — Джеймсу Макинтошу принадлежит «История революции в Англии».

⁴ *Фюссли, Иоганн Генрих* (1741—1825) — швейцарский художник, работавший в Англии (1779—1825), где он получил известность под переделанной фамилией Фюзели. Представитель своеобразного романтического маньеризма, писал картины главным образом на литературные сюжеты. Сюжет его картины, о которой пишет Байрон, является вымышленным. Т. Мур рассказывает, что Байрон обратился с вопросом к Фюссли: «Несколько месяцев я искал, м-р Фюссли, сюжет Вашей картины об Этчелино у историков и поэтов Италии. Скажите, пожалуйста, где его можно найти?» — «Только у меня в голове, — был ответ. — Я все это придумал».

22 марта

¹ *Гревиль, Шарлотта* — дочь Уильяма Генри Кавендиша, герцога Портлендского; жена Чарлза Гревилля.

² *Грей, Чарлз* (1764—1845) — английский политический деятель, виг, будущий премьер-министр (1830—1834).

28 марта

¹ «Кокосовая Пальма» — один из старых английских клубов, основанный в 1745 г. и бывший центром сборищ якобитов. Байрон был членом этого клуба.

² «Напиться уксусу, съест крокодила». — В. Шекспир. «Гамлет», д. V, сц. 1.

³ «здесь вдоволь места» и т. д., «чтоб ада письма чертит» — из оды «Бард» (1757) английского поэта Томаса Грея (1716—1771).

8 апреля

¹ Милон Кротонский (VI в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий атлет. Пытаясь разломить руками пень, который дровосеки не могли разбить клиньями, он попал в тиски, не мог освободиться и стал добычей зверей. Ср. «Оду к Наполеону Бонапарту», строфа VI.

9 апреля

¹ Наполеон Буонапарте отрекся от всемирного престола — отречение было подписано Наполеоном 6 апреля 1814 г.

² Сулла, Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Установил личную военную диктатуру и проводил массовые истребления своих противников, а затем восстановил власть сената. В 79 г. до н. э. сложил с себя власть и вернулся к частной жизни.

³ Диоклетиан (230—313 н. э.) — римский император (284—305). В 305 г. отказался от власти и уехал доживать свой век на родину, в Черногорию.

⁴ Амурат, или Мурад II (1403—1451) — турецкий султан. В 1444 г. отказался от престола в пользу своего сына.

⁵ Карл V (1500—1558) — испанский король, император «Священной Римской империи» (1519—1556). В 1555 г. отрекся от королевства в пользу сына Филиппа, а в 1556 г. от императорской короны в пользу брата Фердинанда и удалился в монастырь св. Юста в Эстремадуре.

⁶ «Что за ханжа, за праведный обманщик!» — Томас Оувей. «Спасенная Венеция, или раскрытый заговор» (1682), д. IV, сц. 2.

⁷ Дионисий Младший (395—335 до н. э.) — тиран древних Сиракуз (Сицилия). Будучи в 344 г. до н. э. изгнан из Сиракуз, бежал в Коринф, где открыл школу.

⁸ «Теряя счастье, мы теряем ум». — В. Шекспир. «Антоний и Клеопатра», д. III, сц. 13.

⁹ Лоди — город в северной Италии, где 10 мая 1796 г. Наполеон разбил австрийцев.

¹⁰ «Достаточно об этом». — В. Шекспир. «Гамлет», д. III, сц. 2.

¹¹ «таны от него бегут». — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сц. 3 (переводка).

10 апреля

¹ «Ода к Наполеону Бонапарту» — написана в связи с отречением (6 апреля 1814 г.) Наполеона от престола и опубликована анонимно отдельным изданием 16 апреля 1814 г.

19 апреля

- ¹ «...все вчера лишь озаряли путь к могиле пыльной». — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сц. 5. Пер. Ю. Корнеева.
² «К чертям всю философию!». — В. Шекспир. «Ромео и Джульетта», д. III, сц. 3.
³ «Шут мой, я схожу с ума». — В. Шекспир. «Король Лир», д. II, сц. 4.

П И С Ь М А

33. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

29 ноября 1813

- ¹ пропущенные мной строки — имеется в виду XX строфа из II песни «Абидосской невесты».
² подражание Медеи Овидия — имеется в виду образ Медеи в «Посланиях» и «Метаморфозах» римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э.— 18 г. н. э.).

34. ТОМАСУ МУРУ

6 января 1814

- ¹ «...не может больше спать». — В. Шекспир. «Макбет», д. II, сц. 2.
² На этот раз мы не столкнемся — в «Английских бардах и шотландских обозревателях» Байрон насмешливо отозвался о несостоявшейся дуэли Мура с Джеффри. Считая себя оскорбленным, Мур 1 января 1810 г. написал, требуя удовлетворения, Байрону письмо, которое, однако, тот не получил, так как в это время путешествовал по Востоку. По возвращении в Англию в письме к Муру 27 октября 1811 г. Байрон писал: «в какой бы части света я ни получил ваше письмо, я счел бы своим долгом вернуться и лично ответить на него».

35. ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

11 февраля 1814

- ¹ попасть в беду — см. прим. 1 к записи в дневнике 18 февраля 1814 г.
² сыграть на этой дудке. — В. Шекспир. «Гамлет», д. III, сц. 2.
³ раз вино откупорено, его надо выпить до дна — французская поговорка.
⁴ не отнял лучшего, что есть в мужчине. — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сц. 7.
⁵ «Послание Августу» (1737) — произведение Александра Попа, в котором высмеиваются те, кто признает «классиком» лишь писателей столетней давности.
⁶ я немедленно вставил его восстановить каждую строчку — речь идет о дополнительных двух строфах в «Корсар».

36. ТОМАСУ МУРУ

9 апреля 1814

- ¹ прелесть, неподвластная уму. — А. Поп. «Опыт о критике» (1711).
² о старом противнике — в июле 1806 г. Мур вызвал на дуэль Джеффри, считая себя оскорбленным его резким критическим отзывом о своем сборнике стихов в «Эдинбургском обозрении». Дуэль не состоялась благодаря вмешательству полиции.
³ рецензии на книгу Левиса — имеется в виду рецензия в XXII томе «Эдинбургского обозрения» (1814) на книгу «Воспоминаний» М. Левиса.
⁴ «Сумку» и мою ручную гранату — т. е. «Почтовую сумку» Мура и «Строки плачущей девушке» Байрона (см. прим. 1 к записи в дневнике от 18 февраля 1814 г.).

⁵ *Кливленд, Джон* (1613—1658) — английский поэт, представитель придворно-аристократической поэзии «кавалеров».

⁶ *«Достаточно об этом»* — см. прим. 10 к записи в дневнике от 9 апреля 1814 г.

⁷ *Бейс* — персонаж из пьесы герцога Бэкингема (1628—1687) «Репетиция» (1671), в образе которого пародировался Джон Драйден, получивший звание поэта-лауреата.

⁸ *мы напишем новый Inferno в нашем Раю* — имеются в виду поэмы «Ад» и «Рай» — части «Божественной комедии» (1307—1321) Данте Алигьери.

⁹ *«...Чтоб землю целовать у ног Малькольма юного? Чтоб чернь меня проклятиями травила?»*. — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сц. 8.

37. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

21 апреля 1814

¹ *Людовик Подагрический* — имеется в виду французский король Людовик XVIII, занявший престол после падения Наполеона (1814—1824).

² *вылазка в Байонне* — имеется в виду удачная вылазка французов из блокированной англичанами крепости Байонна 14 апреля 1814 г., во время которой они захватили английского генерала.

³ *Морери, Луи* (1643—1680) — автор «Большого исторического словаря» (1674); речь идет о парижском издании 1759 г., которое было приобретено Байроном.

⁴ *Бейль, Пьер* (1647—1706) — французский философ; имеется в виду его «Исторический и критический словарь» (1697), возвестивший, по словам К. Маркса¹, «появление атеистического общества». В библиотеке Байрона было издание 1734 г.

⁵ *Перри, Джеймс* (1756—1821) — издатель крупнейшей газеты вигов «Морнинг кроникл», в которой печатались (нередко анонимно) стихи Байрона, Мура, Кольриджа, Бернса и др. Речь идет об отзыве «Морнинг кроникл» на байроновскую «Оду к Наполеону Бонапарту», опубликованную 16 апреля 1814.

38. А. И. МИЛБЭНК

10 августа 1814

¹ *«рассказом, выслушанным дважды»*. — В. Шекспир. «Король Джон», д. III, сц. 4.

² *«ничего не значащим»*. — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сц. 5.

39. ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

18 сентября 1814

¹ *«человеком честным и верным»*. — В. Шекспир. «Много шума из ничего», д. III, сц. 3.

² *«Не вспоминай о том, чего я стою, А помни то, чего я стоить буду»*. — В. Шекспир. «Король Ричард III», д. IV, сц. 4.

40. А. И. МИЛБЭНК

18 сентября 1814

¹ *С вашим письмом* — Байрон имеет в виду письмо мисс Милбэнк, в котором она принимает его предложение. 15 сентября 1814 г. состоялась их помолвка, а 2 января 1815 г. — свадьба.

41. ТОМАСУ МУРУ

20 сентября 1814

¹ *Пью за прелестную деву...* — пер. З. Е. Александровой.

² *«блещущая золотым нарядом славы»*. — В. Шекспир. «Макбет», д. I, сц. 7.

³ *«истинного благородства»*. — В. Шекспир. «Отелло», д. II, сц. 1.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 2, стр. 141.

42. ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

4 ноября 1814

¹ *Хор, Уильям* — один из друзей семейства мисс Милбэнк.

² *Дэймер, Анна Сеймур* (1749—1828) — английская скульпторша, которой принадлежит бюст леди Мельбурн.

43. ЛЕДИ МЕЛЬБУРН

3 января 1815

¹ *Каро и Каро Джорджа* — т. е. Каролина Лэм, жена Уильяма Лэма, и Каролина Розали Аделаида Лэм, жена Джорджа Лэма (см. прим. 9 к записи от 5 декабря 1813 г.)

44. ТОМАСУ МУРУ

7 июля 1815

¹ *Уитбрэд, Сэмюэл* (1758—1815) — английский общественный деятель, входивший вместе с Байроном в комитет по управлению Дрюрилейнским театром. 7 июля 1815 г. в газете «Морнинг кроникл», редактором которой был Перри (см. прим. 5 к письму 37), появился некролог, который имеет в виду Байрон.

² *Париж взят вторично* — 31 марта 1814 г. в Париж вступили войска европейской коалиции. После битвы при Ватерлоо, 6 июля 1815 г. Париж вновь был оккупирован иностранными войсками.

³ *Хоуард, Фредерик* (1785—1815) — родственник Байрона, убит при Ватерлоо. О нем Байрон пишет в III песне «Чайльд Гарольда» (строфа XXIX).

⁴ *Каслри* — см. прим. 1 к письму 75.

⁵ *Блюхер* — см. 5 прим. к Швейцарскому дневнику.

⁶ *Веллингтон* — см. прим. 2 к «Разрозненным мыслям», 109.

⁷ *Киннэрд, Дуглас Джеймс Уильям* (1788—1830) — друг Хобхауза и Байрона, вместе с которыми входил в комитет, руководивший Дрюрилейнским театром. По просьбе Киннэрда Байрон написал «Еврейские мелодии» (1815) и «Монодию на смерть Шеридана» (1816).

⁸ *Ральф Ноэль* — тесть Байрона.

⁹ *лорд Уэнтворт* — дядя жены поэта.

45. ЛИ ХАНТУ

13 сентября — 30 октября 1815

¹ *не согласиться с вами относительно Вордсворта* — в своем «Пире поэтов» (1814) Ли Хант восхваляет стихи Вордсворта.

² *Я по-прежнему считаю* — в июле 1807 г. Байрон опубликовал рецензию (в «Monthly Literary Recreations») на двухтомник стихов Вильяма Вордсворта (1770—1850), в которой писал: «...эти томики обнаруживают талант, достойный более высоких задач, и мы сожалеем, что м-р Вордсворт ограничивает свою музу такими вздорными темами». В дальнейшем Байрон резко критиковал религиозно-мистические стихи Вордсворта в «Английских бардах и шотландских обозревателях», в критических статьях итальянского периода и в «Дон-Жуане», где «Прогулка» Вордсворта (1814) названа «снотворной и вздорной» поэмой и осужден дух религиозного смирения, которым она проникнута.

³ *Беме, Якоб* (1575—1624) — немецкий философ-мистик.

⁴ *Сведенборг, Эммануил* (1688—1772) — шведский ученый и теолог, проповедовавший мистические теософические идеи.

⁵ *Сауткот, Джеанна* (1750—1814) — известная во времена Байрона прорицательница, возвестившая, что, согласно явившемуся ей видению, она родит от непорочного зачатия нового мессии. Предполагаемая беременность оказалась водянякой, и прорицательница умерла.

- ⁶ «гомеровской сцены при луне» — «Илиада» Гомера в переводе А. Попа, песнь VIII.
⁷ *Рек, тучных трав и волн шумящих, Под пестрым пологом небес.* — В. В о р д с в о р т. «Прогулка», книга IV. Перевод З. Е. Александровой.
⁸ «глубокой, темной, дивной синевы». — Р. С а у т и. «Мэдок» (1805), часть I, песнь V.
⁹ театр — Дрюрилейпский театр, в делах которого Байрон принимал в то время живейшее участие.
¹⁰ «Римини» — «Повесть о Римини» (1816), в которой Ли Хант пытался соперничать с Данте в поэтической разработке истории Франчески,

46. ТОМАСУ МУРУ

31 октября 1815

- ¹ *Кольман Младший, Джордж* (1762—1836) — английский драматург, популярный в Дрюрилейпском театре.
² *Уилберфорс, Уильям* (1759—1833) — английский государственный деятель, филантроп, сторонник трезвости. Ср. его характеристику в «Разрозненных мыслях» Байрона, 5 (стр. 241)
³ «кипенья первых струй». — Дж. Д р а й д е н. «Ауренг-Зеб» (1675), д. IV, сц. 1.
⁴ *Жиль Блас* — герой плутовского романа «История Жиль Бласа из Сантьяны» 4 тт., (1715—1735) французского писателя Ален Рене Лесажа (1668—1747).

47. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

14 ноября 1815

- ¹ *Возвращая вам ваш чек* — денежные затруднения заставили Байрона осенью 1815 г. обратиться к книгопродавцам для продажи своих книг. Узнав об этом, Меррей послал Байрону чек на 1500 фунтов стерлингов с предложением договориться с ним о продаже авторского права на стихи Байрона.

48. ТОМАСУ МУРУ

5 января 1816

- ¹ *Августа Ада* (1815—1852) — дочь Байрона. После 15 января 1816 г., когда жена Байрона вместе с дочерью переехала к своим родителям, он больше ее не видел.
² *Себастиани, Франсуа Орас Бастьен* (1772—1851) — французский военный и государственный деятель, маршал, участник наполеоновских войн.
³ *погребальную песнь на смерть бедной девушки.* — Т. Мур написал по этому поводу стихотворение «Не плачь о ней...»
⁴ «небо синее равно для всех». — С. Т. К о л ь р и д ж. «Кристалль», часть I (написана в 1797 г., опубликована в 1816 г.).
⁵ «голубым Олимпом». — В. Ш е к с п и р. «Гамлет», д. V, сц. 1.

49. ЛИ ХАНТУ

29 января 1816

- ¹ поэма — «Повесть о Римини».
² *ваша похвала* — 28 января 1816 г. в либеральной газете Ли Ханта «Исследователь» была опубликована его статья «Талантливые люди в парламенте», которую Ли Хант начинает с вопроса о том, почему Байрон не выступает больше в парламенте.
³ *Мои предки* — в 1643 г. Карл I даровал титул пэра Джону Байрону.

50. РАЛЬФУ НОЭЛЮ

2 февраля 1816

- ¹ *Сэру Ральфу Ноэлю* — настоящее письмо представляет собой ответ отцу жены Байрона на его письмо от того же числа, в котором он объявляет, что леди Байрон настаивает на том, чтобы разойтись с мужем.

51. ЛЕДИ БАЙРОН

5 февраля 1816

¹ *«Не бойся, Кэт, тебя никто не тронет; Я отобью хоть будь их миллион».* — В. Шекспир. «Укрощение строптивой», д. III, сц. 2.

53. ЛЕДИ БАЙРОН

15 февраля 1816

¹ *«пропасть между тобой и мной».* — Евангелие от Луки, гл. XVI, 26.

54. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

20 февраля 1816

¹ *нашему делу... замечаний насчет небрежности* — поэма Байрона «Осада Коринфа» была опубликована вместе с поэмой «Паризина» 7 февраля 1816 г. и вызвала ряд журнальных рецензий, упрекавших поэта в небрежности поэтического стиля, нарушении правил грамматики и логики.

² *Биши, Эдуард* — автор посредственной компиляции «Искусство английской поэзии» (1702), представляющей собой пособие для сочинения виршей.

³ *«Иван»* (1814) — трагедия Уильяма Сотби, посвященная Ивану Антоновичу, отстраненному от престола и пожизненно заключенному в тюрьму императрицей Елизаветой. 15 сентября 1815 г. Байрон писал Сотби, что его пьеса принята в Дрюрилейнском театре, однако постановка не состоялась.

56. ТОМАСУ МУРУ

8 марта 1816

¹ *«любви, почету, преданным друзьям».* — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сц. 3.

² *...говорит Вольтер.* — Вольтер. «Семь речей о человеке», VI. О природе человека.

³ *«Какая радость заменит».* — «Стансы для музыки», написанные Байроном в марте 1815 г. и опубликованные в 1816 г. Русский перевод Вяч. Иванова.

57. ЛЕДИ БАЙРОН

[апрель 1816]

¹ *Еще несколько слов на прощание* — настоящее письмо сохранилось в копии Хобхауза с его надписью «Последнее письмо лорда Байрона к леди Байрон, написанное при отъезде из Англии в 1816 г. и переданное м-ром Хобхаузом м-с Ли».

58. АВГУСТЕ ЛИ

1 мая 1816

¹ *...красные десны* — в издании Протеро вместо «десны» (gums), как значится в издании Квенелла, — «платья» (gowns).

59. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

27 июня 1816

¹ *вилла Диодати* — вилла принадлежала теологу Жану Диодати (1576—1649), у которого останавливался Мильтон в 1639 г. во время своего заграничного путешествия. В середине мая 1816 г. в английскую гостиницу в Женеве прибыли Шелли со своей гражданской женой Мэри Годвин и Клер Клермонт, дочь мачехи Мэри от первого брака. 25 мая в ту же гостиницу приехал Байрон, и два поэта впервые встретились.

² *Гиббон, Эдуард* (1737—1794) — английский историк, автор антиклерикальной «Истории упадка и разрушения Римской империи» (6 тт., 1776—1788). В своей автобиографии Гиббон рассказывает, что закончил «Историю» 27 июня 1787 г. Таким образом, Байрон посетил дом Гиббона в годовщину окончания его труда.

³ *по всем местам, связанным с Руссо...* — в Вевэ родилась и получила образование покровительница Руссо — г-жа Варанс. Между Вевэ и Шильоном вблизи Кларава

находился ее загородный дом. Мейери, Кларан и Шильонский замок на Женевском озере являются местом действия романа Жан-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

⁴ нас едва не перевернуло шквалом — 23—27 июня 1816 г. Байрон и Шелли облежали на лодке Женевское озеро.

⁵ *Полидори, Джон Уильям* (1795—1821) — сын бывшего секретаря Альфиери, сопровождал Байрона в Швейцарию в качестве личного врача. Дневник, который он вел в 1816 г. во время жизни с Байроном, был опубликован в 1911 г.

60. АВГУСТЕ ЛИ

8 сентября 1816

¹ *арнауты* — турецкое название жителей Албании.

² *глупая девчонка последовала за мной сюда* — Клэр Мария Джейн Клермонт (1798—1879), падчерица Уильяма Годвина и мать дочери Байрона Аллегры, родившейся 12 января 1817 г. Байрон познакомился с Клэр Клермонт еще в Лондоне.

61. АВГУСТЕ ЛИ

17 сентября 1816

¹ *на пути к Бернским Альпам* — 17—29 сентября 1816 г. Байрон в сопровождении Хобхауза совершает путешествие по Бернским Альпам и начинает работу над драматической поэмой «Манфред» (I и II д.).

ДНЕВНИК

(18.IX 1816—29.IX 1816)

¹ *Ладлоу, Эдмунд* (1617—1692) — деятель английской буржуазной революции XVII в., автор «Мемуаров» (1698—1699), являющихся ярким документом английского республиканизма.

² *Брутон, Эндрю* (1603—1687), участник английской революции XVII в.

³ *Блэр, Хью* (1718—1800) — шотландский профессор риторики Его «Проповеди» изданы в 1777 г.

⁴ *Сен-Пре* — герой романа Ж. Ж. Руссо (1712—1778) «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), действие которого происходит в местах, описываемых Байроном.

⁵ *Блюхер, Гебгард* (1742—1819) — прусский фельдмаршал, своевременное появление войск которого под Ватерлоо (1815) на помощь англичанам решило исход этого сражения.

⁶ *Берни, Фрэнсис, мадам д'Арблэ* (1752—1840) — английская писательница. Ее бытовой роман «Цецилия, или записки наследницы» (1782) вызвал восхищение Сэмюэля Джонсона.

⁷ *«приятный спутник в путешествии»* — очевидно, Байрон имеет в виду слова С. Джонсона, приведенные в «Жизни Джонсона» Дж. Босвелла: «Если бы у меня не было обязанностей и загробной жизни впереди, то я провел бы свою жизнь в приятном путешествии в карете с хорошенькой женщиной» (Письмо к Босвеллу 19 сентября 1777 г.).

⁸ *кнь блед.* — «Новый завет. Откровение Иоанна Богослова», гл. VI, 8. Ср. «Манфред», д. II, сд. 2.

битва при Морате — 22 июня 1476 г. швейцарцы разбили войска герцога бургундского Карла Смелого. В память этой победы и молодого гонца, пришедшего в род

ной город эту весть и умершего со словом «победа» на устах, было, согласно легенде, посажено дерево. Ср. 64 строфу III песни «Паломничества Чайльд Гарольда».

¹⁰ *трапписты* — члены католического монашеского ордена, возникшего в 1664 г. Устав траппистов считался самым строгим в католическом монашестве.

¹¹ *Тавернье, Жан-Батист* (1605—1689) — французский путешественник, автор «Путешествия в Турцию, Персию и Индию» (1677—1678).

П И С Ь М А

62. ТОМАСУ МУРУ

17 ноября 1816

¹ *Сам* — Сэмюэл Роджерс. Имеется в виду его письмо Муру 17 октября 1814 г. из Венеции.

² *в армянском монастыре* — основан в 1717 г. на острове св. Лазаря в двух милях юго-восточнее Венеции. Подробнее об интересе Байрона к армянской культуре см. в книге: Х. Т. Д а ш т е н ц. Байрон и армяне. Ереван, 1959. (На арм. яз.)

³ *Отвей, Томас* (1652—1685) — имеется в виду его пьеса «Спасенная Венеция, или раскрытый заговор» (1682).

⁴ «Гленарвон» — см. прим. 1 к письму 28.

⁵ *ваша поэма* — из-за финансовых затруднений «Лалла Рук» Мура была опубликована только в 1817 г.

⁶ *отец Х [орейса] Т[висса]* — имеется в виду Ричард Твисс (1749—1821), автор «Путешествий по Португалии и Испании» (1775).

⁷ *Долримпл Гамильтон* — дочь виконта Дункана, жена баронета Хью Долримпла Гамильтона.

63. АВГУСТЕ ЛИ

18 декабря 1816

¹ *Да* — т. е. Ада Байрон.

² *...вернулась в Англию из Женевы* — имеется в виду Клэр Клермонт (см. прим. 2 к письму 60).

64. ТОМАСУ МУРУ

24 декабря 1816

¹ *«земной мой путь»*. — В. Ш е к с п и р. «Макбет», д. V, сц. 3. Под комментариями Байрон имеет в виду С. Джонсона.

² «Нет, нет, за всю Венецию». — В. Ш е к с п и р. «Венецианский купец», д. IV, сц. 1.

³ *епископ Винчестерский* (1781—1820) — многие годы жил в Италии.

⁴ *Мармонтель, Жан Франсуа* (1723—1799) — французский писатель, автор «Моральных повестей» (1761).

⁵ *Ферзен, Ганс Аксель* (1750—1810) — шведский военачальник, служивший французскому королю, организатор неудачного побега Людовика XVI в 1791 г. По возвращении в Швецию был заподозрен в отравлении наследного принца и убит на улице толпой горожан.

⁶ *Альбрицици, Изабелла* (1761—1836) — происходила из старой греческой семьи. Ее литературный салон в Венеции пользовался известностью с конца XVIII в. Ее книга о творчестве скульптора А. Кановы издана в 1809 г. во Франции. В 1807 г. вышла ее книга очерков «Портреты», четвертое издание которой (1826) было пополнено статьей о Байроне.

⁷ *«Чем сейчас занят...», «Но карнавал близко...»* — в пер. М. Зенкевича.

⁸ *луддиты* — участники первых стихийных рабочих выступлений в Англии в конце XVIII и особенно в начале XIX вв., направленных на разрушение машин. Название происходит от имени легендарного рабочего Неда Лудда, который первым разрушил свой станок. В конце 1816 г. луддитское движение активизировалось.

⁹ *Как за морем...* — Байрон имеет в виду американскую революцию 1775—1783 гг. «Песня для луддитов» — в пер. Н. Холодковского.

¹⁰ *жертвоприношение Исаака*. — Согласно библейской легенде, Авраам должен был принести в жертву своего сына Исаака, но ангел отклонил уже занесенный нож.

¹¹ *...разбранило Кольриджа за «Кристалель»* — рецензия на поэму Кольриджа «Кристалель» появилась в 27 т. «Эдинбургского [обозрения] за 1816 г.

¹² *мои поэмы или стихи нынешнего лета* — «Шильонский узник и другие стихи» опубликованы 5 декабря 1816 г.

¹³ *...лусть отрицает, кто осмелится!* — девиз клана Макдональдов.

¹⁴ *...издал какую-то чепуху, а мне приписал отцовство* — книгопродавец Джеймс Джонсон выпустил в 1816 г. поддельное «Поломничество лорда Байрона в Святую землю».

65. ТОМАСУ МУРУ

28 января 1817

¹ *несчастьем вашего отца* — отец Т. Мура был уволен со службы в Дублине; сын оказывал ему материальную помощь.

² *«мирный и щедрый век»*. — В. Шекспир. «Король Ричард III», д. I, с. 1.

³ *«я вдоволь изучил венецианок...»*. — В. Шекспир. «Отелло», д. III, с. 3. Пер. Б. Пастернака.

66. ТОМАСУ МУРУ

28 февраля 1817

¹ *Фениче* — опера, где Байрон абонировал ложу. Венецианский маскарад окончился 18 февраля, о чем Байрон сообщал в письме Августе Ли 19 февраля 1817 г.

² *«клинок стал изнашивать ножны»* — французская пословица.

³ *«Не бродить нам вечер целый...»* — пер. С. Маршака.

⁴ *редактор «Мансли»* — Джордж Эдуард Гриффит (1769—1829) продолжал издавать журнал «Мансли ревью» после смерти своего отца в 1803 г. В 1812 г. и 1813 гг. Байрон опубликовал в журнале две анонимные рецензии.

⁵ *в «Хрониках» ученого Перри* — см. прим. 5 к письму 37.

⁶ *Я читала его стихи* — Уэддерберн Уэбстер напечатал в 1816 г. в Париже свою книгу «Ватерлоо и другие стихи», в которой помещено стихотворение о его любимой собаке, похороненной в Ньюстэдском аббатстве, и «Строки к портрету лорда Байрона».

⁷ *Партридж, Джон (1644—1715)* — английский астролог, астрологические альманахи которого, издававшиеся с 1680 г., пользовались широкой известностью в Лондоне. Свифт в своей пародии «Предсказания на 1708 год», написанной под псевдонимом Исаака Бикерстаффа, осмеял шарлатанство Партриджа и предсказал его смерть 29 марта 1708 г. 30 марта Свифт опубликовал памфлет «Исполнение первого предсказания Бикерстаффа» — отчет об обстоятельствах смерти Партриджа, а затем «Элегия на смерть Партриджа». Введенный в заблуждение цех книгоиздателей Лондона вычеркнул из своих списков имя Партриджа, которому пришлось после этого публиковать объявление в газете, что он «не только жив сейчас, но был жив и 29 марта».

⁸ *«Et tu, Джеффри?»* — «И ты, Джеффри?» — перефразировка слов умирающего Цезаря («И ты, Брут?»), ставших крылатыми для характеристики неожиданной измены друга. О Джеффри см. прим. 5 к дневнику от 17 ноября 1813 г.

⁹ *«Чего и ожидать от подлеца, как не плутовства».* — В. Шекспир. «Король Генрих IV», часть I, д. II, сц. 4.

¹⁰ *«космогония, или, иначе говоря, сотворение мира, поставит философов в тупик».* — О. Гольдсмит. «Векфильдский священник», глава XIV.

68. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

1 июля 1817

¹ *Ла Мира* — 14 июня 1817 г. Байрон поселился на вилле Фоскари в Ла Мира (7 миль от Венеции), где провел лето.

² *IV песнь «Чайльд Гарольда»* — IV песнь «Паломничества Чайльд Гарольда» начата 26 июня и закончена 29 июля 1817 г.; опубликована 28 апреля 1818 г.

³ *Венеция. Мост Вздохов. Я стоял...* — первая строфа IV песни «Паломничества Чайльд Гарольда» в пер. Г. Шенгели. В приводимой в письме Байрона строфе имеется разночтение с окончательным текстом. В последней строчке строфы в письме — «на семидесяти островах», в окончательном тексте — «на сотне островов».

⁴ *Крылатый Лев* — герб Венеции.

⁵ *Но смолкло эхо тассовых октав...* — в окончательной редакции IV песни «Паломничества Чайльд Гарольда» эта строфа стала третьей. Эпическая поэма Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим» (1575), стихи из которой пели венецианские гондолеры, написана октавами.

69. ТОМАСУ МУРУ

10 июля 1817

¹ *Моканна* — властолюбивый лжепророк из поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1817), исторический вождь народного восстания против арабов и ислама в Средней Азии в VIII в.

² *«ведь Хотспер с Дугласом объединясь, Дерзнут вдвоем сразиться с целым миром».* — В. Шекспир. «Король Генрих IV», часть I, д. V, сц. 1.

³ *«Когда Роджерс»* — Байрон вспоминает случай, происшедший весной 1813 г. Байрон и Мур обедали у Роджерса, когда тот получил в подарок от лорда Тэрлоу (см. примечание 7 к дневнику 24 ноября 1813) томик «Стихов на различные случаи» (1813). Байрон и Мур высмеяли тогда многие стихи Тэрлоу, особенно посвященные Роджерсу и начинающиеся словами «Когда трудился Роджерс над поэмой...»

⁴ *ужин у Рэнклиффа* — в письме к Муру 4 мая 1814 г. Байрон послал свою эпиграмму об ужине у барона Джорджа Рэнклиффа (ум. в 1850) «Вчера мы ужинали у Рэнклиффа...», которую Мур не опубликовал, сочтя ее слишком богохульной.

⁵ *«Да, пришло нам слышать, как бьет полночь, мистер Шеллоу».* — В. Шекспир. «Король Генрих IV», часть II, д. III, сц. 2.

⁶ *«Вот и лодка у причала...»* — пер. Л. Шифферс.

⁷ *«Манфред»* — первые два действия этой драматической поэмы написаны 17—29 сентября 1816 г. во время путешествия по Швейцарии. Третье действие — в Венеции в апреле 1817 г. Драма опубликована 16 июня 1817 г.

70. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

15 сентября 1817

¹ *Прилагаю список исправлений* — речь идет о поэме Байрона «Шильонский узник», первое издание которой появилось 5 декабря 1816 г.

² *я изложил вам* — имеется в виду письмо Байрона Меррею 4 сентября 1817 г.

³ *примечания значительного объема* — примечания Хобхауза опубликованы при IV песне «Паломничества Чайльд Гарольда».

⁴ *Крабб, Джордж (1754—1832)* — английский поэт, автор поэм «Деревья» (1783),

«Приходские списки» (1807), изображающих тяжелую жизнь английского крестьянства.

⁵ *Клавдиан Клавдий* (IV—V вв.) — поэт позднего периода римской литературы.

⁶ *Жаклина* — героиня одноименной поэмы С. Роджерса (1814).

71. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

12 октября 1817

¹ В «Жизни» *Кольриджа* — «*Biographia Literaria*» Кольриджа опубликована в 1817 г.; о «Бертраме» Мэтьюрина речь идет в 23 главе книги.

² *новому оратору Хенли* — Байрон сравнивает Кольриджа с лондонским проповедником Джоном Хенли (1692—1756), пустословие которого высмеивает А. Поп в «Дунсиаде» (кн. III, строка 205—206).

³ *Брозерс, Ричард* (1757—1824) — известный авантюрист, объявивший себя в 1795 г. царем иудейским и грядущим властителем мира, после чего был арестован и препровожден в сумасшедший дом.

⁴ *Сауткот* — см. прим. 5 к письму 45.

⁵ *в манере мистера Уилскрафта* — имеется в виду книга Джона Хукема Фрира (1769—1846), писавшего под псевдонимом Уилскрафт: «*Prospectus and Specimen of an Intended National Work*» (1817).

⁶ *венецианский анекдот* — имеется в виду поэма «Беппо». Начата Байроном 6 сентября, закончена 12 октября 1817 г., опубликована 28 февраля 1818 г. и до конца года выдержала семь изданий.

⁷ «*Эдинбургское обозрение*» ... *благожелательно отнеслось к «Манфреду»* — «Эдинбургский журнал Блэквуда» в июле 1817 г. писал, что общий замысел и лучшее, что есть в «Манфреде», заимствовано из «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло. В августе 1817 г. «Эдинбургское обозрение» выступило с возражением против такой трактовки «Манфреда». Вместе с тем «Эдинбургское обозрение» отмечало, что «Манфред» напоминает скорее «Прометей» Эсхила. Это дало повод Байрону высказать свое суждение об Эсхиле.

⁸ *Эсхиловым «Прометеем» я в мальчишеские годы глубоко восхищался* — первым сочинением Байрона в Харроу было переложение хора из «Скованного Прометей» Эсхила. В Харроу он участвовал также в представлении этой трагедии на греческом языке.

⁹ *в ... примечаниях мистера Гиффорда* — 28 марта 1817 г. Меррей послал Байрону критические замечания Гиффорда по поводу третьего действия «Манфреда».

¹⁰ *рецензию, упоминаемую «Эдинбургским» о «Бозрением»* — т. е. статью в «Эдинбургском журнале Блэквуда» за июль 1817 г.

¹¹ *рецензия в журнале принадлежит Уилсону* — сотрудничество английского поэта Джона Уилсона (см. прим. 2 к письму 102) в «Эдинбургском журнале Блэквуда» началось в 1817 г.

¹² *Хоппнер, Ричард Белгрейв* (1786—1872) — английский консул в Венеции.

72. ДЖОНУ КЭМУ ХОБХАУЗУ

Июнь 1818

¹ Это шуточное письмо написано якобы слугой Байрона Флетчером. Через шесть лет Флетчеру действительно предстояло известить Меррея о смерти лорда Байрона.

73. ТОМАСУ МУРУ

19 сентября 1818

¹ *о вашем ирландском триумфе* — 8 июня 1818 г. в Дублине были устроены торжества в честь Мура.

² *Вестминстерское аббатство* — один из старейших в Лондоне соборов с усыпальницей королей, ученых и писателей.

³ «Сбирал росу Бермудских островов». — В. Шекспир. «Буря», д. I, сц. 2. В 1803 г. Мур был назначен на службу на Бермудских островах, но уже в 1804 г. вернулся в Англию, оставив дела заместителю, который растратил казенные деньги, и в 1818 г. Мур был привлечен к ответственности.

⁴ Я закончил первую (длинную, примерно в 180 октав) песнь поэмы — первая песнь «Дон Жуана» была начата в Венеции 6 сентября и окончена 1 ноября 1818 г. (220 строф). Опубликована вместе со второй песней анонимно 15 июля 1819 г.

⁵ посвящение Саути — 17 строф посвящения Саути написаны 16 сентября 1818 г., но оставались неопубликованными до 1833 г., если не считать «пиратской» листовки с текстом посвящения, продававшейся на улицах Лондона. В письме к Меррею 6 мая 1819 г. Байрон просит исключить посвящение, так как не желает «нападать на эту собаку» анонимно.

⁶ «Эпической была наречена...» — начало 200-й строфы I песни «Дон Жуана» в пер. Т. Гнедича.

⁷ «Жизнеописание» Шеридана — книга Т. Мура о Шеридане вышла в 1825 г.

⁸ Парр, Самюэл (1747—1825) — преподаватель в школе Харроу (1767—1771), когда там учился Шеридан. Работая над биографией Шеридана, Мур посетил Парра в августе 1818 г.

⁹ Найт, Ричард Пэйн — см. прим. 1 к дневнику 6 марта 1814.

¹⁰ Фаустина (ум. 175 г. н. э.) — супруга римского императора Марка Аврелия, который выстроил в честь нее храм, где она изображена на большом барельефе.

74. ЛЕДИ БАЙРОН

18 ноября 1818

¹ Ромилли — см. прим. 1 к дневнику от 30 ноября 1813 г.

² «считать это карой божией». — Г. Фильдинг. «История Тома Джонса, найденыша» (1749), кн. V, гл. 2. Тваком и Сквейр — действующие лица в романе Фильдинга.

³ «возмездье Рукой бесстрастной чашу с нашим ядом Подносит нам же». — В. Шекспир. «Макбет», д. I, сц. 7.

75. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

25 января 1819

¹ Каслри, Роберт Стюарт (1769—1822) — английский политический деятель, тори, жестоко подавил восстание в Ирландии в 1798 г. В 1812—1822 г. министр иностранных дел. Для Байрона, Шелли, Мура и всей передовой Англии имя Каслри ассоциировалось с реакционной внутренней и внешней политикой страны. Его самоубийство было воспринято в этих кругах с нескрываемым удовлетворением. Байрон заклеимил этого реакционера во многих стихах. Строки о Каслри в Посвящении к «Дон Жуану» при жизни Байрона не были опубликованы (см. прим. 5 к письму 73).

² «лишь кожа и прюнель» — А. Поп. «Опыт о человеке», IV.

³ Болонт, Франсис (1584—1646), Флетчер, Джон (1579—1625), Мэссинджер, Филипп (1583—1640), Форд, Джон (1576—1639) — английские писатели-драматурги.

76. ДЖОНУ КЭМУ ХОВХАУЗУ

6 апреля 1819

¹ Крокер — образ пессимиста в комедии О. Гольдсмита «Добрячок» (1768).

² «...такой красивый покойник» — из той же комедии О. Гольдсмита.

³ вторую Песнь — вторая песнь «Дон Жуана» начата 13 декабря 1818 г. и закончена 20 января 1819 г.

⁴ Снир — персонаж из комедии Р. Б. Шеридана «Критик» (1779).

⁵ графиню из Равенны — Тереза Гвиччиоли (урожденная Гамба) (1800—1873).

Семья Гамба принимала активное участие в подготовке восстания карбонариев. В 1818 г. Тереза вышла замуж за графа Гвиччиоли, в июле 1820 г. разошлась с ним. Когда в 1821 г. семья Гамба выехала из Папской области, Байрон приехал к ней в Пизу, а позднее поселился вместе с ней вблизи Генуи. В 1868 г. она опубликовала свои воспоминания о Байроне.

⁶ *Пьяцца* — имеется в виду площадь Св. Марка в Венеции.

77. ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

24 апреля 1819

¹ *Когда об этом обо всем наш капитан узнал, Ее поступку он не пожалел позвал — пер. Э. Е. Александровой.*

² *Фэрброзер* — лондонский аукционер, организовавший продажу Ньюстэдского аббатства.

³ *Спунн* — Джон Хэнсон.

⁴ *«Вампир»* (1819) — роман Дж. У. Полидори, опубликованный под именем Байрона. По настоянию Хобхауза, 5 мая 1819 г. Полидори опубликовал в «Курьере» объяснительное письмо по поводу «Вампира».

⁵ *Бенцони, Альбрицци, Микелли* — аристократические салоны в Венеции. У Альбрицци Байрон впервые увидел Терезу Гвиччиоли осенью 1818 г., через три дня после ее свадьбы, у Бенцони в апреле 1819 г. был ей представлен.

78. ТЕРЕЗЕ ГВИЧЧИОЛИ

25 апреля 1819

¹ *Фанни* — Фанни Сильвестрини, подруга Терезы Гвиччиоли.

² *«К чему тебе моя любовь, мой ангел...»* — из драматической пасторали итальянского поэта Баттисты Гварни (1538—1612) «Верный пастух» (1590), д. III, сц. 4. Письмо написано по-итальянски.

79. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

15 мая 1819

¹ *«Доводить меня до бешенства», как говорит сэр Энтони Абсолют, «хотя он далеко не был таким снисходительным отцом, как я».* — Р. Б. Ш е р и д а н. «Соперники» (1775), д. I, сц. 2; д. II, сц. 1.

² *о нервном припадке Шелли* — однажды летом 1816 г. в Швейцарии после вечера рассказов о приведениях с Шелли случился нервный припадок. Полидори описал этот случай в своем предисловии к «Вампиру».

³ *«Франкенштейн»* (1818) — роман Мэри Шелли, о котором одобрительно отозвался Вальтер Скотт в рецензии, появившейся в марте 1818 г. в «Эдинбургском обозрении». ⁴ *начало своей повести* — опубликовано под названием «Фрагмент» 28 июня 1819 г. вместе с «Мазепой» и «Одой к Венеции». Написано 17 июня 1816 г.

⁵ *то, что издал м-р Колберн* — т. е. «Вампира» Полидори.

⁶ *«Мазепа»* и *«Ода»* — поэма «Мазепа» и «Ода к Венеции», написанные в 1818 г., опубликованы вместе 28 июня 1819 г.

⁷ *«Доведите меня до бешенства, убей меня бог, если я вас когда-нибудь назову Бекком».* — Р. Б. Ш е р и д а н. «Соперники», д. I, сц. 2 и д. II, сц. 1 («...назову Джеком»).

⁸ *«Днеаник»* Полидори — см. прим. 5 к письму 59.

⁹ *Пиктэ*, Марк Август — женеvский знакомый Байрона.

¹⁰ *Харги*, Элизабет — английская писательница-романистка.

80. К [АВГУСТЕ ЛИ?]

17 мая 1819

¹ Письмо адресовано, по-видимому, Августе Ли.

81. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

7 июня 1819

¹ *гонфалоньер* — должностное лицо в городах Северной Италии.

² *картины Доменикино и Гвидо* — имеются в виду картины итальянских художников Доменикино (1581—1641) «Мучение св. Петра», «Мучение св. Агнессы» и Гвидо Рени (1575—1642) «Избиение младенцев».

³ *Бернини, Джованни Лоренцо* (1598—1680) — итальянский архитектор и скульптор, крупнейший мастер барокко.

⁴ *«набальзамировать и отправить меня домой в Клод или Бландербесс Холл».* — Р. Б. Шеридан. «Соперники», д. V, сц. 3.

⁵ *«Под стягом крестоносным побеждал...».* — В. Шекспир. «Король Ричард II», д. IV, сц. 1. Пер. М. Донского.

⁶ *Хоппнер* — см. прим. 12 к письму 71.

⁷ *Клитемнестра* — в греческой мифологии жена Агамемнона, царя Аргоса, убившая своего мужа. Пала от руки своего сына Ореста, отомстившего за отца. Электра — ее дочь.

82. ГРАФИНЕ ГВИЧЧИОЛИ

15 июня 1819

¹ *Элеонора* — из поэмы Байрона «Жалоба Тассо» (1817). Гвиччиоли читала поэму по-французски или в первом итальянском переводе (*Lamento del Tasso di Lord Byron. Recato in italiano da Michele Leoni. Pisa, Presso Niccolo Capurro, 1818, IX, 28 p.*)

² *Перелли*, дон Гаспар — равенский священник, в адрес которого Байрон посылал свои первые письма Терезе Гвиччиоли. Ср. о нем в письме Хоппнеру 20 июня 1819 г.

³ *мой приезд в Равенну* — в начале июня 1819 г. Байрон посетил Терезу в Равенне.

83. РИЧАРДУ БЕЛГРЕЙВУ ХОППНЕРУ

20 июня 1819

¹ *Эджком, Ричард* — клерк английского консульства в Венеции, которому Байрон поручил ведение финансовых дел.

² *Уиттинетон, Ричард* (ум. 1423) — мэр Лондона. По преданию, происходил из бедной семьи, случайно разбогател и стал мэром.

84. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

1 августа 1819

¹ *Маррол называет «отличной потехой».* — Ф. Мэссинджер. «Новый способ платить старые долги» (1633), д. V, сц. 1.

² *Харлоу, Джордж Генри* (1787—1819) — английский художник-портретист, посетивший в 1818 г. Италию, где встречался с Байроном.

³ *Форнарина* — любовница Рафаэля, дочь пекаря, подлинное имя которой будто бы было Маргарита.

⁴ *«умерить бой».* — В. Скотт. «Уэверли», глава 54.

⁵ *«у фаворитки нет друзей».* — Томас Грей. «На смерть любимой кошки, утонувшей в бочонке с золотыми рыбками» (1747).

85. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

12 августа 1819

¹ *Джайлс Оверрич* — образ циничного и бессердечного английского буржуа, тянущегося к дворянству и не брезгающего никакими средствами ради обогащения в комедии Ф. Мэссинджера «Новый способ платить старые долги».

² *Коен, Франсис* (1788—1861) — английский журналист и историк, писавший под именем Ф. Полгрейва.

³ «Одним духом не перечислишь!». — В. Шекспир. «Король Генрих IV», часть I, д. II, с. 4.

⁴ план Донни Джонни — т. е. план поэмы «Дон Жуан».

⁵ Тони Ламкин — персонаж из комедии О. Гольдсмита «Она смиряется, чтобы победить, или Ошибки одной ночи» (1773). Цитируемая Байроном фраза взята из II д. пьесы.

⁶ Диггори — персонаж из фарса Исаака Джекмена «Весь мир — театр» (1777).

⁷ *Habeas Corpus (Хабейас корпус)* — закон, принятый в 1679 г. английским парламентом в период борьбы буржуазии против королевского произвола. Согласно этому закону, суд обязан по жалобе любого лица требовать срочного представления арестованного в суд для проверки законности задержания. На практике это не препятствует произволу и посягательствам на личную свободу со стороны полицейских и других властей.

⁸ ...у Босвелла, что Джонсон... говорит о Прайоре и Паоло Пурганти — биограф английского критика Сэмюэля Джонсона Джеймс Босвелл (1740—1795) в своей «Жизни Джонсона» (1791) приводит слова Джонсона, что ни одна леди не стыдится иметь в своей библиотеке шутливую поэму Мэтью Прайора (1664—1721) «Паоло Пурганти и его жена», избобилующую фривольными намеками.

⁹ Пиль, Роберт (1788—1850) — английский государственный деятель, тори, министр внутренних дел (1821—1831), позднее премьер-министр.

¹⁰ одного знатного итальянца — имеется в виду граф Гвиччиоли.

¹¹ Бибул — был последовательно эдилом, претором и консулом при Юлии Цезаре.

¹² иск американских купцов — во время службы Мура на Бермудских островах произвола растрата денег, и ему был предъявлен иск на 6000 фунтов стерлингов.

¹³ принц-регент — ввиду слабоумия английского короля Георга III (1738—1820) Англией с 1811 г. правил принц-регент, ставший в 1820 г. королем Георгом IV.

¹⁴ «Стать сироте, гоимному отцом...» — «Сонет принцу-регенту по поводу отмены конфискации имущества лорда Эдуарда Фицджеральда» в пер. В. Рогова.

¹⁵ «Если б ты, сводя прыщи...» — пер. В. Рогова.

¹⁶ Рульер, Клод (1718—1791) — французский историк и поэт. Среди изданий его стихов нет этой эпиграммы. Пер. на русский яз. С. Ильина.

¹⁷ «прощайте, достойный лейтенант». — В. Шекспир. «Отелло», д. III, с. 1. Байрон цитирует неточно.

86. ДЖОНУ КЭМУ ХОБХАУЗУ

23 августа 1819

¹ Робертс, Уильям (1767—1849) — издатель торийского журнала «Британское обозрение» (1811—1822), который высказывал предположение, что «Дон Жуан» не принадлежит Байрону.

² «начну умирать с головы» — Э. Юнг в одном из писем к Ричардсону рассказывает, как во время прогулки Свифт остановился перед старым вязом, верхушка которого стала засыхать, и сказал: «Со мной будет, как с этим деревом. Я умру, начиная сверху».

³ лорд Гризл — персонаж в «Великом Мальчике-с-Пальчик» Г. Фильдинга.

⁴ Джек и Джил — персонажи популярной английской детской песенки.

87. ДЖОНУ КЭМУ ХОБХАУЗУ

3 октября 1819

¹ Эллис, Эдуард (1781—1863) — английский капиталист, имевший деловые связи с Америкой и пользовавшийся большим политическим влиянием. Друг Хобхауза и дальний родственник Байрона.

² *Боливар, Симон* (1783—1830) — один из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Америке (1810—1826).

³ *Джерми Дидлер* — персонаж из пьесы Джеймса Кенни (1780—1849) «Добыча денег».

⁴ ... в ее бедствиях — осенью 1819 г., после расправы над рабочими Манчестера («Питерлоо»), в Англии сложилась предреволюционная ситуация. Наиболее решительные демократы организовали из рабочих и ремесленников Лондона тайный «Комитет двухсот», который ставил перед собой цели вооруженного переворота. По всей стране проходили народные митинги.

⁵ *революции не делаются на розовой воде.* — Жан Франсуа Мармонтель (1723—1799), «Мемуары» (1804), кн. 14.

88. ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

26 октября 1819

¹ *Венеция, 26 окт. 1819* — письмо Байрона ошибочно датировано 26 окт. 1818.

² *подписка на Манчестер* — осенью 1819 г. по всей Англии собирались подписи под петициями протеста против кровавой расправы над рабочими Манчестера 16 августа 1819 г. («Питерлоо»).

³ *Литтл* — см. прим. 1 к письму 32.

⁴ *Я вручил ему свою жизнь (в рукописи)* — в своем дневнике Мур записывает 11 октября 1819 г., что при расставании Байрон передал ему свои «Мемуары», сказав, что «я могу поступить с ними как пожелаю». После смерти Байрона, 17 мая 1824 г., рукопись была сожжена.

0. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

16 апреля 1820

¹ *в Италии брожение* — см. прим. 2 к письму 91.

² *Дугалд Долгетти* — герой романа В. Скотта «Легенда о Монтрозе» (1819).

91. ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

20 июля 1820

¹ *Блессингтон* — Чарлз Джон Гардинер (1782—1829), с 1816 г. граф Блессингтон. Под его недвижимую собственность в Дублине Байрон дал согласие ссудить деньги.

² *В Неаполе совершилась Революция* — поднятое карбонариями восстание, вынудившее короля дать конституцию, было подавлено Австрией.

³ *фактор* (устар.) — комиссионер, мелкий посредник в делах.

92. ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

22 ноября 1820

¹ *Клаутона заплатить мне* — речь идет о неустойке, которую несостоятельный покупатель Ньюстэдского аббатства Клаутон должен был выплатить Байрону.

² *мерзавцы из Троппау* — имеется в виду конгресс «Священного Союза», созданный Меттернихом в Троппау (Опава) в конце октября 1820 г. 19 ноября Россия, Австрия и Пруссия подписали здесь протокол, который поручал Австрии осуществить военную оккупацию Неаполитанского королевства. Варварами Байрон называл австрийцев.

³ *Вели Паша* — см. прим. 1 к письму 17.

⁴ ... *грозят заточить госпожу Гвиччиоли в монастырь* — римский папа разрешил Терезе Гвиччиоли разойтись с мужем только при условии, что она будет жить вместе с отцом.

⁵ *Испанцы — вот кто молодцы.* — Байрон имеет в виду испанскую революцию, начавшуюся в 1820 г.

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА
(4.I—27.II 1821)

4 января 1821

¹ «*Меня осенила внезапная мысль*». — Джон Хукем Фрир. «Разбойник», д. I, сд. 1.

² «*Вестник Галиньяни*» — журнал, издававшийся с 1814 г. в Париже Джованни Галиньяни и пользовавшийся большой популярностью среди англичан, живших на континенте.

³ *Фаэнца* — один из центров движения карбонариев в северной Италии.

⁴ *Хилл, Аарон* (1685—1750) — английский драматург, поклонник Ричардсона, осмеянный А. Попом.

⁵ *со стола французского принца*... — Дж. Босвелл в своей «Жизни Джонсона» рассказывает: однажды в присутствии большого общества вернувшийся из Парижа знакомый Ричардсона сообщил ему, что видел его роман «Клариссу» на столе брата французского короля. Ричардсон, заметив, что большая часть собравшегося общества занята разговорами, сделал вид, как будто не расслышал, и, дождавшись, когда наступило молчание, спросил, чтобы все могли услышать лестную для него новость: «Вы, кажется, начали говорить что-то о...?» Его собеседник, не желая потворствовать непомерному тщеславию Ричардсона, отвечал с напускным равнодушием: «Сущий пустяк, сэр, не стоящий того, чтобы повторять его вновь».

⁶ *ее брат* — Пьетро Гамба, один из вождей равенских карбонариев.

⁷ «*Филиппо Альфиери*» — тираноборческая трагедия, поставленная впервые в 1783 г.

⁸ *конгресс* — имеется в виду Лайбахский конгресс «Священного Союза», состоявшийся в январе 1821 г., на котором Австрии было поручено подавить национально-освободительное движение в Италии. Для переговоров в Лайбах (Люблян) отправился неаполитанский король Фердинанд, только что присягнувший конституции и получивший согласие своего парламента на эту поездку. Но, покинув границы королевства, Фердинанд немедленно отрекся от конституции и стал просить «Священный союз» о вооруженной помощи.

⁹ *Росси* — по-видимому, Джузеппе Босси (1779—1815), итальянский художник, автор двух книг о Леонардо да Винчи.

5 января 1821

¹ *заключение третьей серии его «Рассказов трактирщика»* — третья серия издана в 1819 г. и состоит из романов «Ламмермурская невеста» и «Легенда о Монтрозе».

² *Митфорд, Уильям* (1744—1827) — английский историк. Его «История Греции» вышла в 1784—1810 гг.

³ «*Отступление десяти тысяч Ксенофонта*» — имеется в виду «Анабасис», мемуары древнегреческого историка Ксенофонта (430—354 до н. э.) о походе царя Кира.

⁴ *мадам Альбани* (1753—1824) — в 1780 г. оставила мужа-англичанина и поселилась с Альфиери сначала в Риме, затем во Флоренции. Оказала большое влияние на литературную деятельность Альфиери.

⁵ *Саллюстий, Гай Крисп* (86—35 до н. э.) — римский историк, автор «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны» (о борьбе Рима с нумидийским царем Югуртой, 111—106 гг. до н. э.).

⁶ «*Рейнджеру все едино*». — Из пьесы английского драматурга Бенджамена Ходли (1706—1757) «Подозрительный муж» (1747), д. V, сд. 2.

6 января 1821

¹ *Спенс, Джозеф* (1699—1768) — английский писатель-анекдотист, друг А. Попа, автор опубликованного посмертно в 1820 г. сборника анекдотов (*Observations, Anecdotes and Characters of Books and Men*).

² *Сочинил эпиграмму* — Эпиграмма на адрес медников, который общество их намеревалось поднести королеве Каролине, одевшись в медные латы (опубликована Муром в 1830 г.).

³ *Гингенз, Пьер-Луис* (1748—1816) — французский посол в Турине, автор многотомной «Литературной истории Италии», выходявшей с 1811 г.

⁴ *«Лопе де Вега»* — «Жизнь и сочинения Лопе Феликса де Вега», написанная лордом Холландом, том I (1817), стр. 216.

7 января 1821

¹ *Роско, Уильям* (1753—1831) — английский поэт и историк, участник демократического движения 90-х годов XVIII в.

² *четвертый том второй серии «Рассказов трактирщика» В. Скотта* — вторая серия вышла в 1818 г. и состоит из 4 томов «Эдинбургской темницы».

³ *графиня Гелтруда* — Гелтруда Викари, подруга Терезы Гвиччиоли.

⁴ *«отличная ночь для их предприятия — темно как в аду, и ветер дует как дьявол»*. — Дж. Фаркер. «Военная хитрость», д. IV, с. 2.

⁵ *карбонарии* — члены тайной революционной организации, возникшей в Италии около 1808 г. и борющейся сначала против французского владычества, а затем за демократизацию и воссоединение Италии. Байрон стоял во главе карбонарской организации в Романье («Американские охотники»).

8 января 1821

¹ *санфедисты* — сторонники папского правительства в Ватикане.

² *Винченцо Г[аллини]* — один из руководителей романьольских карбонариев.

³ *Граф Р[уджиеро] Г[амба] виделся с*** — речь идет о встрече Руджиеро Гамба с австрийским шпионом Джузеппе Вальтантони, который имел связи с карбонариями. Вальтантони было поручено установить особый надзор за Байроном.

⁴ *«никакого похищения не будет»*. — Р. Б. Шеридан. «Соперники», д. IV, с. 2.

⁵ *Уголино Герардеска* (XIII в.) — правитель города Пизы. Был заключен в «Башню голода», где умер голодной смертью, что нашло отражение в «Божественной комедии» Данте.

⁶ *Рейнольдс, Джошуа* (1723—1792) — английский художник-портретист.

9 января 1821

¹ *«Суетность человеческих желаний»* (1749) — поэма С. Джонсона, написанная в подражание десятой сатире Ювенала.

² *«явятся как жертвы, к закланью убранные»*. — В. Шекспир. «Король Генрих IV», часть I, д. IV, с. 1.

³ *Морат* — см. прим. 9 к Швейцарскому дневнику.

⁴ *нептунизм* — направление в геологии конца XVIII в., рассматривавшее все горные породы как отложения из вод библейского «всемирного потопа».

10 января 1821

¹ *«Поэтов» Кэмпбелла* — составленная им антология «Образцы британской поэзии» (1819, 7 тт.). Во вступительном «Очерке английской поэзии» Кэмпбелл высказывается в защиту А. Попа.

11 января 1821

¹ *Коллина, Уильям* (1721—1759) — английский поэт, дебютировавший сборником «Восточные эклоги» (1742).

² *Брайант, Джейкоб* (1715—1804) — опубликовал в 1796 г. «Диссертацию о Троянской войне и греческой экспедиции, описанной Гомером, доказывающую, что такой экспедиции никогда не было и что не существовало такого города во Фригии».

³ *«Гомер наизнанку»* — бурлескная переделка «Илиады» Гомера, появившаяся анонимно в 1720 г. Байрон читал третье расширенное издание этого сочинения Томаса Бриджеса, вышедшее в 1770 г. в 12 томах.

⁴ *«Гертруда»* — поэма Кэмпбелла «Гертруда из Вайоминга» (1809), проникнутая романтическими представлениями об американской жизни.

12 января 1821

¹ *«Марино Фальеро»* — историческая трагедия Байрона «Марино Фальеро, дож венецианский» написана в Равенне в апреле — июле 1820 г., опубликована 21 апреля 1821 г. вместе с «Пророчеством Данте». Таким образом, речь идет о постановке трагедии до ее издания.

² *Блэкмор, Ричард* (1650—1729) — английский придворный врач и поэт.

³ *«Аристиды называют справедливым»* — см. прим. 14 к дневнику 23 ноября 1813 г.

⁴ *о прекрасной Сабрине.* — Дж. Мильтон. «Комус», строка 859.

⁵ *Лонг, Эдуард Ноэль* — школьный товарищ Байрона, которому он посвятил стихотворение в «Часах досуга» («Эдварду Ноэлю Лонгу, эсквайру»).

⁶ *копенгагенская кампания* — 2—8 сентября 1807 г. англичане с моря и суши атаковали Копенгаген и овладели крепостью. Ср. «Проклятие Минервы» Байрона, стих 214.

⁷ *«какого черта я тут оказался».* — А. Поп. «Послание к доктору Арбетноту» (1735).

⁸ *новый том Мура* — «Послания, оды и другие стихотворения» (1806), содержащие сатирические выступления против буржуазной Америки.

⁹ *Грильпарцер, Франц* (1791—1872) — австрийский драматург-романтик. Итальянский перевод Гвидо Сорелли его ранней драмы «Сафо» (1818) опубликован в 1819 г.

¹⁰ *Каро, Аннибал* (1507—1566) — перевел белыми стихами на итальянский язык «Энеиду» Вергилия (Венеция, 1581).

¹¹ *Мюльнер, Адольф* (1774—1829) — немецкий драматург, выступавший в жанре романтической «драмы рока». Драма «Вина» опубликована в 1812 г.

13 января 1821

¹ *трагедии о Сардананале* — трагедия «Сардананал», которую Байрон посвятил Гете, была начата 12 января и закончена 27 мая 1821 г.; издана вместе с «Двое Фоскари» и «Каином» 19 декабря 1821 г.

14 января 1821

¹ *Диодор Сицилийский* (80—29 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Исторической библиотеки», в которой излагается всемирная история от древнейших времен до 60 г. до н. э.

15 января 1821

¹ *Индийский Вакх* — согласно легенде, древнегреческий бог вина и виноделия Дионис (Вакх у римлян) совершил поход в Индию и покорил ее. В этом сказании видят отражение похода Александра Македонского в Индию.

² *Лоуренс, Томас* (1769—1830) — английский художник-портретист.

19 января 1821

¹ ...Шекспир и держится иного мнения —

«Вей, зимний ветер, вей!
Ты все-таки добрей
Предательства людского»

«Как вам это понравится», д. II, сц. 7 (Пер. Т. Шепкиной-Куперник).

² *Эджуорт, Ричард Ловел* (1744—1817) — английский литератор. Его мемуары, законченные дочерью (см. прим. 2 к дневнику от 6 марта 1814 г.), были изданы в 1820 г.

³ *Сиддонс, Сара* (1755—1831) — английская трагическая актриса. С 1782 г. играла в Дрюрилейнском театре. Лучшие роли создала в трагедиях Шекспира.

⁴ ...предложил пустить такой же лист... — Т. Мур в примечаниях к дневнику Байрона отрицает свою причастность к этой шутке.

⁵ *Джини Динс* — персонаж романа В. Скотта «Эдинбургская темница».

21 января 1821

¹ *Гримм, Фридрих Мельхиор* (1723—1807) — автор «Литературной, философской и критической переписки», представляющей собой хронику политической, литературной и общественной жизни Франции с 1753 по 1792 г.

² *Реньяр, Жан Франсуа* (1655—1709) — французский комедиограф.

³ «Вот уж замер на башне полуночный бой». — С. Т. Кольридж, «Кристалль», 1.

⁴ *Дорогой жизни, грязной и невзрачной...* — пер. Н. Холодковского.

23 января 1821

¹ «Опять кричат: Идут!». — В. Шекспир. «Макбет», д. V, сц. 5.

24 января 1821

¹ «ибо завтра могут умереть». — «Книга пророка Исаии», гл. XXII, 13.

² *Боссьер* — действующее лицо в романе Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (1760—1767), кн. V, гл. 1.

³ *Бертон, Роберт* (1576—1640) — английский писатель-эссеист. Байрон был большим поклонником его «Анатомии меланхолии».

⁴ «Чтобы из-за них рисковать своей головой». — В. Скотт. «Черный карлик», гл. 13.

⁵ по ирландской закладной — см. прим. 1 к письму 91.

⁶ «П. П. — писца нашего прихода» — намек на одноименное произведение А. Попа.

⁷ *Из малых крох соберется гора...* — Джордж Кольман-младший (1762—1836), «Обозрение, или виндзорские шутники».

25 января 1821

¹ *С[идни] О[сборн]* (1789—1861) — дальний родственник поэта.

² *Семь Островов* — см. прим. 10 к Кефалонскому дневнику.

³ *Как сказал Сократ своим судьям по окончании суда.* — Ц и ц е р о н. «Тускуланские беседы», I, 41.

26 января 1821

¹ *Альберони, Джулио* (1664—1752) — испанский политический деятель, итальянец: по происхождению, в 1715—1719 гг. был фактически правителем Испании при короле Филиппе V. Вернувшись на родину в Италию, стал папским легатом (послом) в Равенне (1734—1739).

² *Массаниелло, Томмазо Аньяелло* (1623—1647) — итальянский рыбак, возглавивший неаполитанское восстание 1647 г. против испанского владычества. Был убит по приказанию испанского вице-короля.

³ *Ксеркс* — персидский царь (486—465 до н. э.); возглавил в 480 г. поход персов в Грецию, окончившийся их полным разгромом.

28 января 1821

¹ *«Каин»* — мистерия «Каин», посвященная В. Скотту, начата в Равенне 16 июля, закончена 9 сентября 1821 г.

² *Франческа да Римини.* — Байрон осуществил только перевод эпизода о Франческе да Римини из V песни «Ада» Данте; перевод был послан Меррею 20 марта 1820 г., но опубликован посмертно Муром в 1830 г.

³ *смотри Фукидида и Макьявелли* — имеются в виду «История Пелопоннесской войны» древнегреческого историка Фукидида (460—395 до н. э.), содержащая описание чумы в Афинах (во II книге), и «История Флоренции» (1521—1527) итальянского политического деятеля и историка Никколо Макьявелли (1469—1527), в которой описывается чума, вспыхнувшая в городе в 1348 г.

⁴ *Когда бы смерть была лишь злом — безумец!* — пер. С. Боброва; в окончательный текст «Каина» не вошло.

⁵ *Шлегель, Фридрих* (1772—1829) — немецкий писатель и критик, теоретик реакционного романтизма. Байрон, по-видимому, читал его «Историю литературы» (1814), переведенную в 1818 г. на английский язык.

⁶ *Хэзлитт, Уильям* (1778—1830) — английский писатель и критик. Байрон имеет в виду его «Лекции об английских поэтах» (1818) и «Лекции об английских комических писателях» (1819).

⁷ *его брат* — Август Шлегель (1767—1845) — немецкий писатель и критик, один из основателей пенской школы романтиков.

⁸ *«почти все, что можно сказать хорошего... ученый мир ничего не ответил, просто-напросто ничего».* — О. Гольдсмит, «Векфильдский священник», гл. XX.

29 января 1821

¹ *Говорят, что пьемонтцы наконец-то поднялись...* — восстание в Пьемонте началось только 10 марта 1821 г. Очевидно, до Байрона дошли слухи об одной из вспышек возмущения, которые были нередки в то время.

² *«что величайший и наиболее национальный из всех итальянских поэтов никогда не был любимцем своих соотечественников».* — Байрон цитирует слова Ф. Шлегеля из IX лекции его «Истории литературы». Т. Медвин в своей книге «Разговоры лорда Байрона» приводит слова Байрона: «Меня не удивляет, что итальянцы восхищаются

Данте. Он — поэт свободы. Гонения, ссылка, страх умереть на чужбине не могли поколебать его убеждений. Каждый образованный итальянец или итальянка знает все лучшие места из Данте как свои пять пальцев. Особенно равенницы. Семья Гвиччиоли, например, читает наизусть любые части «Божественной комедии» и прекрасно знает «Новую жизнь», это евангелие любви.

² *о гондолах на реке Арно* — в XI лекции своей «Истории литературы» Ф. Шлегель пишет о Тассо: «Отрывки из его поэмы часто поют в гондолах на Арно и По».

⁴ «Все ж верь, и думай, что заря настанет». — Дж. Д р а й д е н. «Ауренг-Зеб», д. IV, сц. 1.

30 января 1821

¹ *Костюшко, Тадеуш* (1746—1817) — руководитель освободительного восстания 1794 г. в Польше.

31 января 1821

¹ «мень часто их себе подчиняет». — Ф. де Л а р о ш ф у к о. «Размышления, или моральные изречения и максимы», 274.

² *Гретри, Андре Эрнест Модест* (1741—1813) — французский композитор, автор народно-патриотической оперы «Вильгельм Телль» (1791).

³ *Муратори, Лудовико Антонио* (1672—1750) — автор 29-томной истории итальянской словесности с 500 до 1500 г. (Милан, 1723—1751).

⁴ *Тиравоски, Джеронимо* (1731—1794) — автор 13-томной «Истории итальянской литературы» (Модена, 1772—1782).

⁵ *Сен-Ламбер, Франсуа де* (1716—1803) — французский писатель-энциклопедист. Родился в Лотарингии. Его «Времена года», откуда Байрон цитирует, появились в 1769 г.

⁶ *Томсон, Джеймс* (1700—1748) — английский поэт. Байрон цитирует строчку из его «Стихов на смерть м-ра Эйкмена».

5 февраля 1821

¹ «пылает горн». — В. С к о т т. «Роб Рой», гл. 20.

² *Баулс, Уильям Лесли* (1762—1850) — английский поэт и критик. В 1806 г. опубликовал 10-томное собрание сочинений А. Попа, подвергнув резкой критике наследие поэта. Байрон выступил против Баулса в «Английских бардах и шотландских обозревателях». В 1819 г. в защиту А. Попа высказался Т. Кэмпбелл («Образцы британской поэзии»), что вызвало возражения Баулса («Неизменные законы природы», 1819). Этот памфлет Баулса высмеял Исаак Дизраэли, отец известного писателя и политического деятеля, в рецензии на «Анекдоты» Дис. Спенса («Куортерли ревью», июль, 1820) и, сославшись на Байрона, снова ввел его имя в полемику. 7 февраля 1821 г. Байрон пишет свое первое открытое письмо (Джону Меррею) по поводу критики Баулсом творчества Попа (опубликовано в марте 1821 г.), в котором отстаивает общественную значимость искусства. На это Баулс отвечал новым памфлетом, адресованным уже Байрону. Второе письмо Байрона Меррею против Баулса, написанное 25 марта 1821 г., было опубликовано только в 1835 г.

³ «мирный век». — В. Ш е к с п и р. «Король Ричард III», д. I, сц. 1.

9 февраля 1821

¹ [карбонари]е в Ф[аэнце] и В[олонье]. — речь идет о собраниях, на которых были предприняты неудачные попытки объединить различные группировки заговорщиков.

10 февраля 1821

¹ *Поговаривают о беспорядках в Париже* — в течение 1820—1821 гг. из Парижа часто приходили известия о забастовках и волнениях среди рабочих, вызванных безработицей и повышением цен.

13 февраля 1821

¹ «Голландию» Луи Бонапарта — «Исторические документы и размышления об управлении Голландией» Луи Бонапарта, бывшего короля Голландии (Париж, 1820, 3 т.).

18 февраля 1821

¹ *Алисон Уилсон о прическе Дженни Блейн*. — В. С к о т т. «Пуритане» (роман в серии «Рассказы трактирщика»), гл. V.

² *Мопертюи, Пьер Луи Моро* (1698—1759) — французский физик и натуралист.

³ *Сьюард, Анна* (1747—1809) — в ее мемуарах о поэте Эразме Дарвине (1731—1802) приводится экспромт некоего Вайза в честь Шарлотты Лайнс (русский перевод З. Е. Александровой).

⁴ *семидесятилетняя война* — Нидерландская буржуазная революция (1566—1609) и Тридцатилетняя война (1618—1648), закончившаяся окончательным утверждением независимости Нидерландов.

19 февраля 1821

¹ *Фемистокл* (525—460 до н. э.) — афинский полководец и политический деятель. Во время греко-персидских войн одержал победу над персидским флотом у острова Саламин (480 до н. э.).

20 февраля 1821

¹ *Боккаччо и Драйденом в «Призрачном охотнике»* — в восьмой новелле пятого дня «Декамерона» Боккаччо рассказывает о любви Настаджио дельи Онести к девушке из семейства Траверсари и о явившемся ему призраке-охотнике Гвидо дельи Анастаджи. Дж. Драйден использовал этот сюжет в «Теодоре и Гонории».

21 февраля 1821

¹ *...прислал мне экземпляр* — граф Абборигетти, главный администратор провинции, присылал Байрону папские указы и правительственные постановления до их опубликования.

25 февраля 1821

¹ «*Чертовски болит голова: Схрэб, подай выпить!*». — Дж. Ф а р к е р. «Военная хитрость», д. V, сч. 4.

27 февраля 1821

¹ *добавочную строфу к V песне* — 158 строфа («Вот почему Восток столь нетерпим и строг... »).

² *Невидимые руки часто там...* — эта строфа из «Эпитафии» Томаса Грея (1716—1771) печаталась в первых изданиях, но затем поэт исключил ее, считая, что она утяжеляет стихотворение (русский перевод З. Е. Александровой).

П И С Ь М А

93. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

16 февраля 1821

¹ *Куриони, Альберико* (1785—1875) — итальянский тенор, выступавший в 1821—1832 гг. в Лондоне.

² *Клоотс, Анахарсис* (1755—1794) — философ-просветитель, публицист и политический деятель, голландец по происхождению. Гильотинирован вместе с группой левых якобинцев (эбертистов) в марте 1794 г.

³ *«Юноша с вертеровской миной»*. — Т. М у р. «Семейство Фэджей в Париже» (1818), письмо 5.

⁴ *«Дождь»* — «Марино Фальеро, дождь Венецианский» (см. прим. 1 к дневнику от 12 января 1821).

⁵ В письме о *Баулсе* — см. прим. 2 к дневнику от 5 февраля 1821 г.

⁶ *Которн, Джеймс* — издатель «Английских бардов и шотландских обозревателей».

⁷ *Фосколо, Уго* (1778—1827) — итальянский поэт, после свержения Наполеона и возвращения в Италию австрийцев эмигрировал и поселился в Англии.

⁸ *Морген, Рафаэль* (1758—1835) — известный итальянский гравер.

⁹ *я разумею не поэзию* — Байрон подразумевает «искусство любви», которому посвящена одноименная поэма Овидия

¹⁰ *Банкс, Уильям Джон* (ум. 1855) — школьный товарищ Байрона, путешественник по Востоку.

¹¹ *Банкс, Джордж* (1788—1856) — английский государственный деятель. 23 января 1821 г. в своей речи в Палате общин процитировал 845—846 строки из «Английских бардов и шотландских обозревателей».

¹² *Бельцони, Джованни Баттиста* (1778—1823) — итальянский египтолог. В 1820 г. Меррей издал его книгу «Новые открытия в пирамидах, храмах, могилах и при раскопках в Египте и Нубии».

¹³ *варвары идут на Неаполь* — австрийская армия под командованием маршала Фримона наступала на Неаполь. После поражения неаполитанцев 7 марта 1821 г. при Риети австрийцы беспрепятственно вступили в Неаполь (23 марта 1821).

¹⁴ *то же, что в Испании* — см. прим. 5 к письму 92.

¹⁵ *«По стопам Горация»* — см. прим. 5 к письму 106.

94. ПЕРСИ ВИШИ ШЕЛЛИ

26 апреля 1821

¹ *...неужели это правда?* — 23 февраля 1821 г. Джон Китс умер в Риме от туберкулеза.

² *рецензия на «Эндимиона»* — рецензия на поэму Китса «Эндимион» написана Джоном Уилсоном Крокером и опубликована в сентябре 1818 г. в «Куортерли ревью».

³ *Не думай жизнь прожить...* — С. Д ж о н с о н. «Суетность человеческих желаний», стр. 155—156.

⁴ *«Ченчи»* — трагедия Шелли, опубликованная в 1819 г. в Италии

⁵ *«Прометей»* — драма Шелли «Прометей освобожденный» опубликована осенью 1820 г. в Лондоне.

⁶ *Ничего не слышал о своем...* — вероятно, Байрон имеет в виду свою поэму «Пророчество Данте», в четвертой песне которой возникает образ Прометея. Написанная в июле 1819 г. поэма была послана 14 марта 1820 г. Мерреку, однако в течение года не издавалась, несмотря на настойчивые напоминания автора («время для Данте сейчас вполне подходящее, — писал Байрон 17 августа 1820 г. — Италия накануне великих событий»). Опубликовано 21 апреля 1821 г.

⁷ *памфлет в связи со спорами о Поне* — см. прим. 2 к дневнику 5 февраля 1821

⁸ *я опустил бы некоторые замечания по поводу его поэзии* — критические замечания Байрона о Китсе содержатся в добавлении ко Второму письму Джону Мерреку по поводу Баулса (25 марта 1821).

95. ТОМАСУ МУРУ

28 апреля 1821

¹ *В нынешнем деле было столько же предательства, сколько трусости* — имеется в виду предательство либералов, стоявших во главе неаполитанского восстания 1821 г. и испугавшихся широкого размаха народного движения.

² *ремесло Отелло* — т. е. военное дело.

³ *«костюм шута — единственный достойный их наряд»*. — В. Шекспир. «Как вам это понравится», д. II, сц. 7.

96. ТОМАСУ МУРУ

3 мая 1821

¹ *Эти строки прекрасны* — стихотворение Т. Мура «Строки, написанные при известии, что австрийцы взяли Неаполь» (опубликовано 9 апреля 1821 г.).

² *мерзавцев у каблука сапога с теми, кто на голенище* — речь идет о предательстве неаполитанцев и о карбонариях Севера Италии, которая своими очертаниями напоминает сапог (см. прим. 2 к письму 96).

³ *Должно быть, сожалел...* — имеется в виду Первое письмо Джону Мерреку по поводу Баулса.

МОЙ СЛОВАРЬ. Май 1821. —
РАЗРОЗНЕННЫЕ МЫСЛИ
(15.X 1821—18.V 1822)

1 мая 1821

¹ *Крэйгенгельт* — персонаж из романа В. Скотта «Ламмермурская невеста».

² *«Ад вымощен добрыми намерениями»*. — Изречение, приписываемое Сэмюэлю Джонсону. Его биограф Босвелл рассказывает, что в 1775 г. Джонсон употребил это выражение. В. Скотт в романе «Ламмермурская невеста» приписывает эти слова английскому богослову Джорджу Герберту (1593—1633).

МОЙ СЛОВАРЬ

¹ *Август* (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император (27 до н. э. — 14 н. э.), внучатый племянник Юлия Цезаря. В 44 г. до н. э. был усыновлен Цезарем и принял имя Гай Юлий Цезарь Октавиан.

² *битва при Филиппах* (42 до н. э.) — сражение, в котором Брут и Кассий, руководители заговора против Юлия Цезаря были разбиты Марком Антонием.

³ *Тиберий, Калигула, Нерва, Траян, Антонины, Тит со своим отцом* — римские императоры. Отец Тита — император Веспасиан.

⁴ *Регильское озеро* — озеро вблизи Рима, место победы римлян над племенами латинян (496 до н. э.).

⁵ *Раддимен, Томас (1674—1757)* — английский лингвист.

РАЗРОЗНЕННЫЕ МЫСЛИ

15 октября 1821

¹ *Стернгольд и Гопкинс* — Томас Стернгольд (ум. 1549 г.) и Джон Гопкинс (ум. 1570) — английские версификаторы псалмов, высмеянные Дж. Драйденом в поэме «Авессалом и Ахитофель» (1682).

² *«Я много слышала о вас, Бирон».* — В. Шекспир. «Тщетные усилия любви», д. V, сц. 2.

³ *«Искусен в фехтовании».* — В. Шекспир. «Двенадцатая ночь», д. III, сц. 4.

⁴ *Анджело, Генри* — известный лондонский учитель фехтования, учивший Байрона фехтовать в Харроу. В 1806 г. он содержал вместе с учителем бокса Джексоном заведение на Бонд-стрит.

⁵ *играл в команде Харроу* — имеется в виду матч между Харроу и Итоном 2 августа 1805 г., в котором принял участие Байрон (см. его письмо Ч. О. Гордону 4 августа 1805 г.).

1

¹ *Куртнэ, Джон (1741—1816)* — английский парламентарий. 3 декабря 1783 г., когда ирландец Генри Флод (1732—1791) произнес свою первую речь в Палате общин, Куртнэ подверг его резкой критике.

² *Граттан, Генри (1746—1820)* — ирландский политический деятель и оратор. Возглавлял умеренную либеральную оппозицию в ирландском парламенте, а с 1805 г. занял место в английском парламенте.

5

¹ *Уитбред, Самюэл (1758—1815)* — см. прим. 1 к письму 44.

² *«слова, слова, слова».* — В. Шекспир. «Гамлет», д. II, сц. 2.

³ *лорд Чатам* — Уильям Питт-старший (1708—1778), английский государственный деятель, лидер партии вигов, премьер-министр (1766—1768).

9

¹ *Эллиот, Гилберт (1782—1859)* — старший сын английского генерал-губернатора Индии, занявший после смерти отца в 1814 г. его место в Палате лордов.

² *Тэвисток* — университетский знакомый Байрона.

³ *Робинс, Джордж Генри (1778—1847)* — известный лондонский аукционер, с которым Байрон встречался в 1813 г.

⁴ *Дэви, Хемфри (1778—1829)* — английский химик, изобретатель безопасной рудничной лампы. Литературные таланты Дэви высоко оценил В. Скотт в своих воспоминаниях о Байроне.

13

¹ *«немногие и редкие».* — Т. Кэмбелл л. «Радости надежды», ч. II, 375.

17

¹ ... как мученик своего нового богатства, от второй поездки на Ямайку. — М. Г. Льюис имел плантацию сахарного тростника и собственных рабов на Ямайке, куда ездил в 1815—1816 гг. В 1817 г. он вновь отправился туда, но на обратном пути умер от желтой лихорадки и был похоронен в море.

² *Я б землю Делорэн отдал...* — В. Скотт. «Песнь последнего менестреля», песнь V, 29.

20

¹ у Стювенса — имеется в виду фешенебельная кофейня в Лондоне.

22

¹ *Эта шутка* — см. прим. 9 к дневнику от 30 ноября 1813.

² *Люттрел, Генри* (1765—1851) — английский поэт.

23

¹ «Добряк-поэт с весьма сердитой музой». — Дж. В. Рочестер. «Подражание Горацию», I, сатира 10.

24

¹ *Кэррен, Джон Филлот* (1750—1817) — ирландский поэт и оратор. В 1819 г. вышла биография Кэррана, написанная его сыном.

² *Пирон, Алексис* (1689—1773) — французский поэт и драматург.

25

¹ *Кулидж* — в письме Т. Муру 5 июля 1821 г. Байрон пишет о том, что его посетил Кулидж из Бостона, друг американского писателя-романтика В. Ирвинга, «сочинениями которого я восхищаюсь».

² *Торвальдсен, Бертель* (1770—1844) — датский скульптор, представитель классицизма. В письме к Меррею 4 июня 1817 г. Байрон пишет: «Торвальдсен сделал в Риме для Хобхауза мой бюст, который считается очень хорошим».

³ *Монкбарнс* — главный герой романа В. Скотта «Антикварий» (1816).

28

¹ *Браммель, Джордж Брайен* (1778—1840) — известный лондонский дэнди.

² «Дик-истребитель франтов» — по аналогии с английской народной сказкой «Джек-истребитель великанов».

³ *Браммель, как Наполеон в России, споткнулся на пороге* — непереводимый каламбур на слове elements (стихии и азбука). Использован в 61-й строфе «Бешпо» Байрона.

⁴ «Такую мену честной, а не тайным, Постыдным воровством». — Байрон. «Преображенный урод», д. I, сц. 1.

29

¹ *Элленли* — известный лондонский дэнди, отличившийся исключительным безобразием.

² *Ватье* — аристократический клуб на Пикадилли, существовавший с 1807 по 1819 г. Из писателей его членами состояли Байрон, Томас Мур и Уильям Спенсер (см. прим. 2 к «Разрозненным мыслям», 50).

30

¹ *«Альфред»* — аристократический клуб в Лондоне, существовавший в 1808—1855 гг.

² *Д'Ивернуа, Франсис* (1757—1842) — швейцарский политический деятель и экономист, бежавший в 1794 г. в Англию, где жил до 1814 г. Выступал против французской революции и Наполеона.

³ *Валенсиа, Джордж Энсли* (1769—1844) — автор «Путешествия по Индии, Цейлону, Красному морю, Абиссинии и Египту в 1802—1806 гг.», которого Байрон упоминает в своих «Английских бардах и шотландских обозревателях».

31

¹ *«Боксерский»* — клуб, руководимый Джоном Джексоном в 1803—1824 гг. (см. прим. 9 к дневнику от 23 ноября 1823 г.).

34

¹ *«Тондер-тон-тронк»* — в семье вестфальского барона Тундер-тен-трони начинается действие романа Вольтера «Кандид» (1759).

² *Клопшток, Фридрих Готлиб* (1724—1803) — немецкий поэт, один из создателей немецкой национальной лирики.

³ *«один, один, всегда один»*. — С. Т. К о л ь р и д ж. «Песнь о старом моряке», часть IV, строфа 3.

⁴ *Харкорт, Уильям* (1742—1830) — английский генерал.

38

¹ *Дустерсвиел* — герой романа В. Скотта «Антикварий» (1816).

² *Тик, Фридрих* (1776—1851) — немецкий скульптор, младший брат писателя Людвиг Тика. После поездки в Италию в 1805 г. изваял бюст Шлегеля.

43

¹ *переговоры Мойры* — после смерти премьер-министра Персевала (11 мая 1812) новый глава английского правительства лорд Ливерпуль попытался создать коалиционное правительство, для чего лорд Мойра (1754—1826) выступил с официальным предложением. Однако переговоры, в которых участвовали также лорд Гренвилл и Грей, оказались безрезультатными.

45

¹ *Эдон, Джон Скотт* (1751—1838) — английский политический деятель, один из вдохновителей реакционной внутренней политики Англии.

² *Тэрло, Эдвард* (1731—1806) — английский политический деятель; в 1778—1792 — лорд-канцлер.

³ *Лоуборо, Александр Уэддерберн Росслин* (1733—1805) — английский политический деятель; в 1792—1801 гг. — лорд-канцлер.

⁴ *Мешок с шерстью* — набитая шерстью подушка, на которой по традиции сидит председатель (лорд-канцлер) в палате лордов.

46

¹ *Мальчик-с-Пальчик* — см. прим. 2 к письму 13.

50

¹ «*сильно, хоть не умно*». — В. Ш е п и р. «Отелло», д. V, сц. 2.

² *Спенсер, Уильям Роберт* (1769—1834) — английский поэт. В 1812 г. Байрон опубликовал в «Ежемесячном обозрении» свою рецензию на сборник его стихов.

53

¹ *Джордани, Пьетро* (1774—1848) — итальянский писатель, профессор литературы болонского университета.

² *Меццофантин, Джузеппе* (1774—1849) — профессор болонского университета, лингвист-полиглот (говорил более чем на 50 языках).

³ *Бриарей* — в греческой мифологии — гигант с сотней рук и 50-ю головами.

55

¹ *Эди Охилтри* — персонаж из романа В. Скотта «Антикварий».

57

¹ «*Как знычет, выжив из ума, Мальборо, И Свифт на мир взирает мутным взором*». — С. Д ж о н с о н. «Суетность человеческих желаний» (1749). *Мальборо, Джон Черчилль* (1650—1722) — английский политический и государственный деятель. Одержал ряд побед и играл руководящую роль в военной коалиции против Людовика XIV.

60

¹ «*тот, кто умер в среду*». — В. Ш е к с п и р. «Король Генрих IV», часть I, д. I, сц. 1.

64

¹ «*Еппи*» — повесть М. Эджуорт из ее «Повестей светской жизни» (1809).

67

¹ *Мэтьюрин, Чарльз Роберт* (1782—1824) — английский писатель, автор романа «Мельмот-скиталец» (1820). Его пьеса «Бертрам» была поставлена в Дрюрилейнском театре 9 мая 1816 г. по рекомендации Байрона и В. Скотта.

² *Берджес, Джеймс Блэнд* (1752—1824) — английский поэт и драматург. В 1816 г. издал свои драмы и представил их на рассмотрение комитета Дрюрилейнского театра

³ *Арчер* — персонаж в пьесе Дж. Фаркера «Военная хитрость».

68

¹ *Бирн-Старший, Оскар* (1795—1867) — балетмейстер Дрюрилейнского театра.

69

¹ *Мур, Питер* (1753—1828) — английский парламентарий, виг. Друг Шеридана, принимал активное участие в деятельности комитета Дрюрилейнского театра.

² *Рэ, Александр* (1782—1820) — английский артист. Вместе с Т. Дж. Дибдином был руководителем Дрюрилейнского театра в то время, когда Байрон принимал участие в работе театрального комитета.

³ *Дибдин, Томас Джон* (1771—1841) — английский драматург и поэт.

71

¹ «*Колесо фортуны*» (1795) — пьеса Ричарда Кэмберленда. В роли мизантропа Пенраддока с большим успехом выступал известный артист Дж. Кэмпбелл.

² *Аллингем, Джон* (ум. 1810) — английский драматург. Его фарс «*Флюгер*» был поставлен в Дрюрилейнском театре в 1805 г.

78

¹ Brighthelmstone — старое название Брайтона.

79

¹ *Она умерла года два спустя* — ср. «На смерть кузины автора, дорогой его сердцу» (1802) в «*Часах досуга*» Байрона.

84

¹ «*слово и удар*». — В. Шекспир. «*Ромео и Джульетта*», д. III, сц. 1.

86

² *Это было в конце 1811 г.* — Байрон допускает неточность. В «Ежемесячном обозрении» он опубликовал в 1812 г. (том 67) рецензию на книгу стихов Уильяма Роберта Спенсера, изданную в 1811 г. и в 1813 г., (том 70) рецензию на поэму В. Г. Айрленда «*Забытый гений*», изданную в 1812 г.

91

¹ *Клар, Джон Фицгиббон* (1792—1851) — школьный товарищ Байрона по Харроу.

94

¹ *барон Бредуардайн* — персонаж из романа В. Скотта «*Уэверли*».

96

¹ *Эпиктет* (50—138 н. э.) — римский философ, один из представителей позднего стоицизма.

² *Марк Аврелий* (121—180 н. э.) — римский император (161—180). Известен как последний крупный философ стоического направления.

98

¹ *Пристли, Джозеф* (1733—1804) — английский естествоиспытатель и философ-материалист, пытавшийся примирить метафизический материализм с христианством.

100

¹ *Гершель, Уильям* (1738—1822) — английский астроном.

103

¹ *Кеймс, Генри Хоум* (1696—1782) — шотландский писатель и психолог, автор популярных в свое время книг «Введение в искусство мышления» (1761) и «Основы критики» (1762).

104

¹ *Плутарх* (46—126) — древнегреческий писатель, автор «Сравнительных жизнеописаний» выдающихся греческих и римских деятелей.

² *Лисандр* — спартанский полководец, захвативший после длительной осады Афины (404 до н. э.).

³ «*возрастает, а надо бы ее уменьшить*» — слова Джона Даннинга (1731—1783) в Палате общин в 1780 г.: «Сила короны возросла, возрастает, а надо бы ее уменьшить».

108

¹ *Эпаминонд* (418—362 до н. э.) — древнегреческий полководец, вождь фиванской рабовладельческой демократии. Разбил спартанцев при Левктрах (371 до н. э.) и Мантинее (362 до н. э.).

² *Мильтиад* — афинский полководец и государственный деятель. В 490 г. до н. э. одержал крупную победу над персами при Марафоне.

³ *Фемистокл* — см. прим. 1 к дневнику от 19 февраля 1821.

⁴ *Леонид* (V в. до н. э.) — спартанский царь, прославился стойкой защитой от персов Фермопильского ущелья (480 г. до н. э.), где и погиб со своим отрядом.

109

¹ *Трафальгар* — морское сражение у мыса Трафальгар 21 октября 1805 г., в котором английский адмирал Гораций Нельсон (1758—1805) одержал победу над франко-испанским флотом и был смертельно ранен.

² *второй переживает себя* — имеется в виду Артур Уэлсли Веллингтон (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель, вдохновитель реакционной внутренней и внешней политики Англии. Буржуазная Англия создала культ Веллингтона, как победителя Наполеона при Ватерлоо.

113

¹ *На странице 128 этих отрывков* — см. стр. 271 настоящего издания.

115

¹ «Джозеф Эндрус» — роман Г. Фильдинга «История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса» (1742).

² *Перуджино, Пьетро* (1446—1523) — итальянский живописец.

116

¹ «Джонатан Уайльд Великий» — роман Г. Фильдинга «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого» (1743).

117

¹ *веттурино (ит.)* — извозчик, кучер.

118

¹ *Ты толкуешь о славе героев?*.. — Байрон цитирует свои «Стансы, написанные по дороге между Флоренцией и Пизой» (пер. Б. Лейтина).

П И С Ь М А

98. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

4 сентября 1821

¹ *Моумен* — см. прим. 4 к письму 103.

² *итальянское письмо* — речь идет об анонимном письме, полученном Байроном, в котором ему угрожали убийством за участие в движении карбонариев.

³ *Джилкрайст, Октавиус Грэхем* (1779—1823) — английский журналист, принявший участие в дискуссии с Баулсом о поэзии А. Попа. Байрон выступает с поддержкой Джилкрайста в своем втором открытом письме Меррею по поводу Баулса (см. прим. 2 к дневнику от 5 февраля 1821 г.).

⁴ *Я перечел «Жуанов»* — III и IV песни были написаны в октябре и ноябре 1819 г., V песнь начата 16 октября и окончена 20 ноября 1820 г. Все три были опубликованы Мерреем в августе 1821 г.

99. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

12 сентября 1821

¹ *Пусть всюду, где ступишь ты, трава иссохнет!* — пер. И. А. Бунина.

² *...моего «Пульчи»* — перевод первой песни поэмы итальянского поэта Луиджи Пульчи (1432—1484) «Морганте Маджоре» (1483) был закончен Байроном в феврале 1820 г. и 28 февраля отослан Меррею, который в течение двух лет отказывался его печатать. Впервые опубликовано в № 4 журнала «Либерал» 30 июля 1823 г.

³ «*Аватара*» — в индийской мифологии воплощение бога в образе человека. Написано Байроном за несколько дней до начала работы над поэмой «Ирландская аватара».

⁴ *Саути пустословит, Вордсворт пускает слюни...* — в апреле 1821 г. была опубликована поэма Р. Саути «Видение суда» в честь скончавшегося короля Георга III. Вордсворт выпустил в 1820 г. четырехтомник своих стихов и в 1821 г. работал над книгой «Церковные советы».

⁵ *Вэйли, Джоанна* (1762—1851) — шотландская писательница. В 1821 г. вышла ее книга «Легенды в стихах».

¹ Милман, Генри Харт (1791—1868) — английский драматург, поэт и историк.

⁷ Корнуолл, Барри (1787—1874) — псевдоним английского писателя Брайена Уоллера Проктера. В 1821 г. в Ковентгарденском театре с успехом была поставлена его трагедия «Мирандола».

⁸ Хебер, Ричард (1773—1833) — знакомый Байрона, избранный 24 августа 1821 г. в парламент от Оксфордского университета.

100. ТОМАСУ МУРУ

19 сентября 1821

¹ «ступай в обитель». — В. Шекспир. «Гамлет», д. III, сд. 2.

² «Ирландская аватара» — написана Байроном 16 сентября 1821 г. и 17 сентября послана Т. Муру, находившемуся в Париже, который опубликовал ее 19 сентября. В Англии Меррей напечатал поэму только в 1831 г., после смерти короля Георга IV, высеиваемого Байроном как «мессия роялизма».

³ Присциан (VI в. н. э.) — римский грамматик, популярный в средние века. Выражение «проломить Присциану голову» означает «нарушить правила грамматики».

⁴ «на мои части речи». — Р. Б. Шеридан. «Соперники», д. III, сд. 3 (слова миссис Малапроп).

⁵ «Ботани» — Ботани Бей, место ссылки английских заключенных в Австралии.

101. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

20 сентября 1821

¹ «Синие чулки» — литературная эклога, написанная Байроном 6 августа 1821 г. и опубликованная анонимно в № 3 журнала «Либерал» 26 апреля 1823 г.

² «Фоскари» — историческая трагедия Байрона «Двое Фоскари» начата 12 июня, окончена 9 июля и опубликована 19 декабря 1821 г.

³ «Я разлагаюсь уметь, как и ты». — В. Шекспир. «Гамлет», д. V, сд. 1.

102. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

24 сентября 182

¹ Хогг, Джеймс (1770—1835) — шотландский поэт-самоучка, известный под прозвищем «Эттрикского пастуха».

² Уилсон, Джон (псевдоним Кристофер Норт) (1785—1854) — английский поэт. «Остров палым» (1812) — его первое произведение, в котором поэтизируется затерявшийся в безбрежных океанских просторах остров и населяющие его люди.

103. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

3 ноября 1821

¹ как епископ Линкольнский — имеется в виду английская пословица о завистливых людях (He looks as the devil looked over Lincoln).

² ...заимствовал у Кювье и поясняю это в особом примечании — в примечании к предисловию «Каина» Байрон пишет: «Читатель заметит, что автор частично принял в этом произведении представленья Кювье о том, что мир разрушался несколько раз со сотворения человека». Кювье, Жорж (1769—1832) — французский естествоиспытатель. Его работа, в которой излагается теория катаклизмов (Discours sur les révolutions de la surface du globe), в 1813 г. была переведена на английский язык Робертом Керром.

³ сочинитель «Падения Иерусалима» (1820) — Генри Харт Милман (1791—1868).

⁴ Моумен Дж. — 1 сентября 1821 г. Байрон передал Моумену, отправлявшемуся в Лондон, экземпляр отпечатанных Мерреем III, IV и V песен «Дон Жуана», отметив грубые типографские опечатки.

⁵ Ирвинг, Вашингтон (1783—1859) — американский писатель-романтик, живший в то время в Англии.

104. МИССИС ЛИ ДЛЯ ЛЕДИ БАЙРОН

17 ноября 1821

¹ Это письмо не было отослано леди Байрон. 6 мая 1823 г. Байрон вложил его в свое письмо к леди Блессингтон.

105. ВАЛЬТЕРУ СКОТТУ

12 января 1822

¹ рецензия на третью песнь «Чайльд Гарольда» — рецензия В. Скотта на третью песнь этой поэмы и «Шильонского узника» появилась в «Куотерли ревью» в октябре 1816 г.

² Я рад, что вы приняли Посвящение — В. Скотт принял посвящение ему байроновского «Наина», о чем сообщил Меррею в письме 4 декабря 1821 г.

³ одно из приложений к «Фоскари» содержит всяческие поношения по адресу Саути — первое издание драмы «Двое Фоскари» имело три приложения. В последнем из них Байрон опровергал нападки Р. Саути на «сатанинскую школу».

⁴ — два из них целиком английские — романы В. Скотта «Айвенго» (1820) и «Кенильворт» (1821), действие которых происходит в Англии XII и XVI веков.

⁵ ...вы — их автор — первые романы Вальтера Скотта, начиная с «Уэверли» (1814), были опубликованы анонимно, и Скотт приобрел широкую известность под именем «автора Уэверли».

⁶ «добрые старые времена» — шотландская поговорка, а также название песни Р. Бернса (1788).

⁷ «Пират» — роман Вальтера Скотта (1822).

⁸ замужество вашей дочери — старшая дочь писателя, Шарлотта София Скотт вышла замуж 29 апреля 1820 г. за Дж. Локхарта.

⁹ «сердцу моему мил шотландский плед». — В. Скотт. «Эдинбургская темница», гл. 35.

¹⁰ куда меня посылали... пить козью сыворотку — Байрон вспоминает факт своего детства и обыгрывает аналогичный эпизод из «Эдинбургской темницы» В. Скотта (гл. 49).

¹¹ как сэр Гильдебранд. — В. Скотт. «Роб Рой», гл. 10.

106. ТОМАСУ МУРУ

4 марта 1822

¹ ...прилагаемое здесь письмо — письмо Томасу Муру от 1 марта 1822 г., в котором Байрон осведомлялся о посланном 29 января пакете с рукописью трагедии «Вернер». 12 февраля 1822 г. Мур записал в своем дневнике: «Утром получил рукопись лорда Байрона «Вернер».

² «Небо и земля» — мистерия «Небо и земля» написана в Равенне 9—23 октября 1821 г. Впервые опубликована в № 2 журнала «Либерал» 1 января 1823 г.

³ «Вернер» — посвященная Гете трагедия «Вернер, или наследство» начата 18 декабря 1821 г. и окончена 20 января 1822 г. Опубликована 23 ноября 1822 г.

⁴ стансы к По — впервые опубликованы Медвином в 1824 г. в «Разговорах лорда Байрона».

⁵ «По столам Горация» — впервые полностью опубликованы в 1831 г. Готовившиеся осенью 1811 г. издание этой сатиры было приостановлено в корректуре.

⁶ «Видение» — поэма «Видение суда» начата 7 мая и закончена 4 октября 1821 г. Опубликована в № 1 журнала «Либерал» 15 октября 1822 г.

⁷ Кеведо-и-Вильегас, Франсиско (1580—1645) — испанский писатель. Называя себя «ожившим Кеведо» (Кеведо Редививус), Байрон имел в виду его сатирические «Видения» (1635), переведенные в 1668 г. на английский язык Роджером Лестражем.

⁸ «еще увеселение для майского утра». — В. Шекспир. «Двенадцатая ночь», д. III, сц. 4.

⁹ *Что касается религии...* — в своем ответе на это письмо Мур писал Байрону 16 марта 1822 г.: «Я не отождествляю Вас с богохульством Каина, так же как я не отождествляю себя с неверием моего Моканны. Все, что я прошу и о чем я умоляю вас, могущественного громовержца, не избирать сюжетов, которые порождают эти громы».

¹⁰ *Что касается бедняги Шелли...* — Шелли писал 11 апреля 1822 г. в письме Горацио Смигу: «Лорд Байрон прочитал мне одно или два письма к нему Мура... Мур протестует против моего влияния на него в области религии и относит тон, усвоенный им в «Каине», на мой счет...»

¹¹ *«лучших женихов».* — В. Шекспир. «Отелло», д. I, сц. 2.

107. ДЖОНУ МЕРРЕЮ

22 апреля 1822

¹ *Аллегра* — Аллегра умерла 20 апреля 1822 г. в возрасте пяти лет и трех месяцев.

109. ВАЛЬТЕРУ СКОТТУ

4 мая 1822

¹ *«на эту радость я радостью хотел бы вам ответить».* — В. Шекспир «Макбет», д. IV, сц. 3.

² *Богов любимцы долго не живут.* — «Дон Жуан», песнь IV, строфа 12. Цитата из древнегреческого поэта IV в. до н. э. Менаандра.

³ *Каллом Бег.* — В. Скотт. «Узверли», гл. 58.

⁴ *«получил должное».* — В. Скотт. «Роб Рой», гл. 29.

⁵ *«Каина» и вызванного им скандала* — после издания мистерии «Каин» реакционная пресса и церковники начали новую кампанию клеветы и травли Байрона. «Все пошны ополчились в своих проповедях против него, от Кентинштауна и Оксфорда до Пизы», — писал Байрон о «Каине» в письме Т. Муру 20 февраля 1822 г.

⁶ *новая книга лорда Орфорда* — «Мемуары последних десяти лет царствования Георга II» Гораса Уолпола (1717—1797), унаследовавшего в старости титул графа Орфорда. Согласно завещанию, эти мемуары с описанием интимной жизни двора в распрей в королевской семье не могли быть опубликованы до смерти Георга III. В 1822 г. Меррей издал их под редакцией лорда Холланда.

⁷ *Баязет* (1360—1403) — турецкий султан (1389—1402), победитель объединенной польско-венгерско-французской армии под Никополем. В 1402 г. был побежден и взят в плен среднеазиатским завоевателем Тамерланом (правильнее: Тимуром, 1336—1405).

110. ТОМАСУ МУРУ

8 августа 1822

¹ *...упоминаемую вами книгу.* — Джон Уоткинс. «Исторические и критические мемуары о жизни и сочинениях лорда Байрона». Лондон, 1822. Уоткинс — составитель «Биографического словаря» (1800) и биографии Шеридана (1816).

² *своих Записок* — см. прим. 3 к письму 88.

³ *три новые песни «Дон Жуана»* — издатель Байрона Меррей отказался печатать написанные в 1822 г. VI, VII и VIII песни поэмы, и они были опубликованы 15 июля 1823 г. Джоном Хантом.

⁴ *осада и штурм Имаила* — 11 декабря 1790 г. русскими войсками под командованием А. В. Суворова (описаны в VIII песне «Дон Жуана»).

⁵ *ирландский епископ* — Перси Джойслин (1764—1843), смещен в 1822 г. за безнравственность.

⁶ *«Мне бы только казарму, и плевать на попов»* — из поэмы Дж. Свифта «Обсуждение великого вопроса» (1729).

111. ТОМАСУ МУРУ

27 августа 1822

¹ *подписка в пользу Ирландии* — 10 июня 1822 г. в Париже был создан комитет для оказания помощи разорившимся ирландским крестьянам. Комитет обратился с воззванием к англичанам, живущим за границей, на которое и откликнулся Байрон. Пожертвование Байрона было передано священнику англиканской церкви в Ливорно Томасу Холлу.

² *Веллум* — персонаж из комедии Джозефа Аддисона «Барабанщик» (1715).

³ *Лондондерри* — лорд Каслри (см. прим. 1 к письму 75) покончил самоубийством 12 августа 1822 г., перерезав себе горло. Байрон, очевидно, еще не знал обстоятельство его смерти.

⁴ *...нового журнала* — в июне 1822 г. Ли Хант приехал в Пизу, чтобы издавать вместе с Шелли и Байроном журнал «Либерал». Стихи и проза с Юга, № 1 вышел в свет 15 октября 1822 г.

⁵ *«вступим в дело на паях»*. — А. П. о п. «Пролог к сатирам».

⁶ *стихи Джона Китса* — томик стихов Китса был получен Шелли от Ли Ханта вечером 7 июля 1822 г., накануне того дня, когда он утонул. Другая книга, сохранившаяся в кармане Шелли, по которой он был олозан, — сочинения Софокла, ныне хранящаяся в Бодлейской библиотеке Оксфордского университета.

⁷ *Уэст, Уильям Эдуард* (1788—1857) — американский художник. Его воспоминания о работе над портретом Байрона приводит Мур (Letters and Journals of Lord Byron, vol. II. London, 1885, p. 414—415).

112. ДЖОНУ ХАНТУ

17 марта 1822

¹ *Хант, Джон* — брат Ли Ханта (Ли Гента), издатель журнала «Либерал», VI—XVI песен «Дон Жуана» и драмы Байрона «Преображенный урод».

² *«Исследователь»* — еженедельный журнал, посвященный вопросам литературы и политики. С 1808 по 1821 г. его редактором был Ли Хант, с 1821 по 1849 г. — радикальный журналист А. Фонбланк.

³ *...последней книги у Меррея* — имеется в виду издание III—V песен «Дон Жуана», выпущенное Мерреем в августе 1821 г.

⁴ *при их появлении в «Либерале»* — в № 1 журнала «Либерал» (октябрь 1822) появилась поэма Байрона «Видение суда» и три эпиграммы на Каслри, в № 2 (январь 1823) — мистерия «Небо и земля» и несколько эпиграмм, в № 3 (апрель 1823) — литературная эклога «Синие чулки», в № 4 (июль 1823) — перевод первой песни «Морганте Маджоре» Пульчи.

⁵ *«Певериль из Пика»* — роман В. Скотта (1822).

113. ДЖОНУ БАУРИНГУ

12 мая 1822

¹ *Бауринг, Джон* (1792—1872) — английский писатель и журналист, секретарь греческого комитета, организованного в Лондоне в начале 1823 г. для поддержки борьбы за независимость Греции. Позднее приобрел известность как переводчик русских поэтов.

² *Блэкир, Эдуард* — автор и переводчик нескольких книг об Испании и испанской революции. 4 марта 1822 г. он, по поручению лондонского греческого комитета, отправился в Грецию вместе с приезжавшим в Англию для получения помощи грекам Андреем Луриоттисом. По пути Блэкир остановился в Генуе, где встретился с Байроном и сообщил поэту, что он избран членом лондонского комитета помощи грекам.

³ *главное, что нужно грекам* — конкретные и действенные предложения Байрона составили разительный контраст с резолюциями греческого комитета в Лондоне.

который рекомендовал содействовать просвещению греков, посылать в Грецию учителей, учебники, книги по сельскому хозяйству и «даже книги по военному делу».

⁴ *Негри, Теодор* — турецкий посланник в Париже. После начала в 1821 г. греческого восстания против турецкого ига присоединился к повстанцам.

⁵ «*благословенна тем, кто дает и кто берет ее.*» — В. Шекспир. «Венецианский купец», д. IV, сц. 1.

⁶ *...бригад, посланных в Колумбию* — в декабре 1819 г. Новая Гранада и Венесуэла объединились в республику Колумбию. Сведения Байрона основываются на книге Хипписли «Рассказ об экспедиции на реки Ориноко и Апуре в Южной Америке», изданной Мерреем в 1819 г.

⁷ *Лучшим опровержением Геллю* — Уильям Гелл (см. прим. 5 к дневнику 6 декабря 1813) писал в своем «Рассказе о путешествии в Морею», что замена турецкого господства в Греции русским была бы в известной мере желательна для греков.

⁸ «*обременять его помощью*» — Байрон имеет в виду следующее определение сущности покровительства, высказанное С. Джонсоном в письме лорду Честерфилду 7 февраля 1755 г. и приводимое в биографии Джонсона, написанной Босвеллом: «Патрон — это тот, кто равнодушно взирает на тонущего в волнах человека и когда тот достигает берега, то обременяет его помощью».

⁹ *Осборн, Сидни Годолфин* (1789—1861) — казначей и секретарь сената на острове Корфу, дальний родственник поэта.

114. ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

21 мая 1823

¹ *Барри, Чарльз* — генуэзский банкир.

115. АНРИ БЕЙЛЮ

29 мая 1823

¹ *Бейль, Анри Мари* (1783—1842) — французский писатель-реалист, получивший известность под псевдонимом Стендаль. В 1823 г. выступил с литературным манифестом «Расин и Шекспир». Байрон упоминает также его книги: «Жизнь Гайдна, Мопарта и Метастазия» (1817), «История живописи в Италии» (1817).

² *Пеллико, Сильвио* (1788—1854) — итальянский писатель, участник движения карбонариев, автор патриотической трагедии «Франческа да Римини» (1818). В 1820 г. был арестован австрийцами и приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением, описанным позднее в его книге «Мои темницы» (1832).

116. Ж. Ж. КУЛЬМАНУ

12 [?] июля 1823

¹ *Кульман Ж. Ж.* — настоящее письмо впервые опубликовано по-французски в воспоминаниях Кульмана о поездке в январе 1823 г. в Геную и о встрече там с Байроном («Вестник девятнадцатого века», 1826, т. 12). Английский перевод появился в журнале «Любопытный» 1 апреля 1826 г.

² *Жуи, Виктор Этьен* (1764—1846) — французский писатель, автор книги «Отшельник, или парижские нравы и обычаи в начале XIX века», выдержавшей ряд изданий и переведенной в 1815 г. на английский язык под названием «Парижский наблюдатель». В 1823 г. вышло пятое издание его трагедии «Сцилла».

³ в последнем издании переводов — речь идет о французском издании сочинений Байрона в прозаическом переводе А. Пизо и Э. де Салль (к 1823 г. вышло десять томов в трех изданиях). Вступительный биографический очерк написал А. Пизо. В I том четвертого издания (1823) включена вступительная заметка Шарля Нодье.

⁴ ...*лорда Байрона, убившего на дуэли мистера Чаворта* — 26 января 1765 г. Уильям, пятый лорд Байрон (двоюродный дед поэта) убил на дуэли Чаворта, двоюродного деда Мэри Анны Чаворт, в которую в детстве был влюблен Байрон.

118. И. В. ФОН ГЕТЕ

24 июля 1823

¹ *за ваши строки, присланные мне моим юным другом, м-ром Стерлингом* — в благодарности за посвящение ему трагедии «Вернер» Гете 22 июня 1823 г. написал и послал Байрону свои стихи. Русский перевод см. в кн.: Гете И. В. Собрание сочинений в 13 томах, т. I, М.—Л., 1932, стр. 502.

КЕФАЛОНСКИЙ ДНЕВНИК (28. IX—17. XII 1823)

¹ *Кефалония* — остров в Ионическом море у берегов Греции, где Байрон остановился на пути в Грецию (3 августа — 28 декабря 1823 г.).

² *Встревожен мертвых сон...* — в пер. А. А. Блока. Впервые опубликовано в 1901 г.

³ *затем вышли в море* — по свидетельству Эдварда Трелони и Пьетро Гамбы, сопровождавших Байрона, «Геркулес» вторично вышел в море из Генуи вечером 16 июля 1823 г.

⁴ *около 4 августа* — Трелони и Гамба указывают 3 августа.

⁵ *Нэпир, Чарльз (1782—1853)* — английский резидент на Кефалонии, сочувствовавший греческому восстанию.

⁶ *Маврокордато, Александр (1791—1865)* — один из руководителей освободительной борьбы греческого народа против турецкого ига, возглавлявший правое, фанариотское крыло повстанцев, придерживавшееся проанглийской ориентации. В 1822 г. был избран первым президентом Греции, но в результате интриг борющихся политических партий и после ряда военных неудач был вынужден уйти в отставку.

⁷ *Колокотрони[с], Теодор (1770—1843)* — деятель греческого национально-освободительного движения. В 1823 г. был назначен главнокомандующим греческими войсками в Морее (Пелопоннес) и вице-президентом временного правительства. Вооруженная борьба между ним и буржуазными руководителями восстания, которые опирались на поддержку Англии и Франции, закончилась поражением Колокотрониса.

⁸ *...с кораблем, который и по сей день (28 сент.) еще не прибыл* — корабль, снаряженный лондонским греческим комитетом, вышел из Англии только 10 ноября 1823 г.

⁹ *сулиоты* — горное племя, албанско-греческого происхождения, героически борвшееся в XVIII и XIX вв. против турецких угнетателей.

¹⁰ *Семи Островов* — семь Ионических островов с 1815 г. находились под протекторатом Англии.

¹¹ *Фрай, Элизабет (1780—1845)* — английская благотворительница, занимавшаяся исправлением заключенных в Ньюгэйтской тюрьме в Лондоне.

¹² *«точно у них на ногах кандалы».* — В. Шекспир. «Король Генрих IV», часть I, д. IV, сц. 2.

¹³ *«Эпименид сам был критянином»* — силлогизм, приписываемый жрецу с острова Крита (VII в. до н. э.): «Все критяне лгуны, — сказал Эпименид. Эпименид — критянин. Следовательно, он лгун».

¹⁴ *примас* — первый по сану епископ.

¹⁵ *гидриоты* — албанские моряки, принимавшие участие в греческой национально-освободительной борьбе.

¹⁶ *Мейтленд, Томас* (1759—1824) — верховный комиссар английского протектората семи Ионических островов.

¹⁷ *Лас Казес* — имеется в виду книга, которую Байрон захватил с собой из Италии: «Воспоминания о св. Елене» графа Лас Казеса, т. I (1823).

¹⁸ *бомбардировали Анатолико* — турецкие войска во главе с Врони атаковали Анатолико в октябре 1823 г. После бомбардировки 11 декабря 1823 г. осада была снята и турки отступили.

П И С Ь М А

119. АВГУСТЕ ЛИ

12 октября 1824

¹ *Юлиан* (331—363 н. э.) — римский император, представитель поздней римской философии. Цитируемая Байроном фраза взята из «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона, гл. 19.

² *«Одиссею Попа»* (1725—1726) — перевод гомеровского эпоса, осуществленный А. Попом совместно с У. Брумом и Э. Фентоном. О древнем названии острова Уайта — шутка Байрона.

³ *Дэвид Динс* — персонаж из «Эдинбургской темницы» В. Скотта, старик-пуриганин.

⁴ *Кеннеди, Джеймс* (1793—1827) — английский армейский врач, служивший с 1822 по 1826 г. на Ионических островах. Свои беседы с Байроном он записал в изданной Мерреем в 1830 г. книге «Разговоры о религии с лордом Байроном и другими, которые происходили на Кефалонии незадолго до смерти его светлости».

⁵ *Махмуд или Термагант* — в представлении средневековых христиан — мусульманские лжепророки. Упоминаются в «Неистовом Роланде» Л. Ариосто (песнь XII, 59), в «Квентине Дорварде» (гл. XVII) и «Айвенго» (гл. VII) В. Скотта.

120. ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

11 октября 1824

¹ *«Остров»* — поэма Байрона, написанная 10 января — 14 февраля 1823. Опубликована Джоном Хантом 26 июня 1823 г.

² *одинадцать новых Д[он] Ж[уанов]* — VI—XVI песни «Дон Жуана». Песни IX—XI опубликованы Джоном Хантом 29 августа 1823 г., XII—XIV песни — 17 декабря 1823 г., XV—XVI песни — 26 марта 1824 г.

121. ГЕНРИ МЮИРУ

2 января 1824

¹ *Мюир, Генри* — английский военный врач на Кефалонии.

² *Лука* — греческий мальчик, вывезенный Байроном с Кефалонии.

³ *Стэнхоп, Лейстер* (1784—1862) — английский полковник, член лондонского комитета помощи грекам, либерал. В ноябре 1823 г. прибыл на Кефалонию, а в декабре — в Миссолунги.

⁴ *...задержан Гамба* — турецкий фрегат захватил корабль Гамбы, но 4 января 1824 г. Гамба и его спутники были освобождены.

⁵ *Хэнкок, Чарлз* — банкир в Занте.

⁶ *«Ultima Analise»* («в конечном счете») — прозвище, данное Байроном кефаловскому аристократу графу Деметрию Делладецима, любившему повторять это выражение.

⁷ *Рауди* — точнее Праиди, секретарь Маврокордато, посланный сопровождать Байрона в Миссолунги.

⁸ *Ф[редерик] С[товен]* — английский резидент в Занте.

122. ЮСУФУ ПАШЕ

23 января 1824

¹ Письмо Юсуфу Паше написано по-итальянски.

123. МЕЙЕРУ

[без даты]

¹ *Мейер* — английский консул в Превезе.

124. ЧАРЛЗУ ХЭНКОВУ

5 февраля 1824

¹ *Пэрри* — английский фейерверкер, посланный в Грецию лондонским комитетом помощи грекам.

² *Барффт, Самюэл* (1793—1880) — банкир в Занте, оказывавший большую финансовую помощь греческим повстанцам.

³ *Хэскет* — английский лейтенант на службе у греческого правительства. Байрон послал его в Аргостоли (Кефалония) с письмом к Пэрри.

⁴ *Гордон* — член лондонского комитета помощи грекам, автор «Истории греческой революции».

⁵ *Юм, Джозеф* — член лондонского комитета помощи грекам.

⁶ ...как зажигательные стекла Архимеда. — Байрон, очевидно, имеет в виду рассказ Гиббона из истории обороны Сиракуз против римлян во время 2-й Пунической войны о том, как Архимед (287—212 до н. э.) с помощью зажигательных стекол сжег римский флот («История упадка и разорения Римской империи», гл. 40).

⁷ «компании любезных офицеров»... «кулачный бой между капитаном Ширсом и полковником». — Самюэл Ф у т (1720—1777). «Майор из Гэррета» (1764), д. I.

⁸ *Стивенс, Эдмунд* — генерал, командир английского гарнизона на Кефалонии.

15 ФЕВРАЛЯ 1824

¹ 15 февраля 1824 — запись в тетради с «Кефалонским дневником».

² *Тита, Джованни Баттиста Фальчери* (1798—1874) — гондольер Байрона, которого он привез с собой в Грецию.

125. АВГУСТЕ ЛИ

23 февраля 1824

¹ Это письмо было найдено незаконченным на столе Байрона после его смерти.

127. ТЕРЕЗЕ ГВИЧЧИОЛИ

17 марта 1824

¹ *Коста, Паоло* (1771—1836) — итальянский писатель и философ, удаленный из болонского университета за свои либеральные взгляды.

² *Олимпия, Джулия и Лаурина* — сестры Терезы Гвиччиоли.

128. ДУГЛАСУ КИННЭРДУ

30 марта 1824

¹ *Зами, Андреас* — один из руководителей национально-освободительной борьбы греков.

КРАТКИЙ ХРОНОГРАФ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА БАЙРОНА

- 1788, январь 22 — в Лондоне родился Джордж Гордон Байрон.
1794—1798 — обучение в начальной (грамматической) школе в Эбердине (Шотландия).
1798, май — Байрон наследует титул лорда и замок Ньюстэдское аббатство.
1801, апрель — 1805, июль — годы учения в школе в Харроу.
1805, октябрь — 1807, декабрь — Кембриджский университет (Тринити колледж).
1806, декабрь — первое издание сборника стихов Байрона («Fugitive Pieces»).
1807, июнь — издание «Часов досуга», подвергнутое резкой критике в «Эдинбургском обозрении» (январь 1808).
1807, октябрь — начало работы над «Английскими бардами и шотландскими обозревателями» (издано анонимно в марте 1809).
1808, сентябрь — Байрон поселяется в родовом замке Ньюстэдское аббатство.
1809, июнь — 1811, июль — путешествие на Восток.
1809, июль — август — путешествие через Португалию в Испанию (Лиссабон — Севилья — Кадикс — Гибралтар).
1809, сентябрь — пребывание на острове Мальта.
1809, октябрь — путешествие по Албании.
1809, октябрь — декабрь — работа над I песней «Паломничества Чайльд Гарольда»
1809, декабрь — 1810, март — Байрон в Афинах.
1810, март — окончание II песни «Паломничества Чайльд Гарольда».
1810, май — июль — Байрон в Константинополе.
1810, ноябрь — возвращение в Афины.
1811, август 1 — смерть матери поэта.
1812, февраль 27 — первая речь Байрона в Палате лордов (в защиту ноттингемских ткачей-луддитов).
1812, март 10 — появление в печати двух первых песен «Паломничества Чайльд Гарольда», имевших небывалый успех.
1812, апрель 12 — второе выступление Байрона в Палате лордов (об уравнении в правах ирландских католиков).
1813, май — начало работы над поэмой «Гяур» (издана в июне 1813).
1813, ноябрь — написана и издана «Абидосская невеста».
1813, декабрь — начало работы над поэмой «Корсар» (издана в феврале 1814).
1814, май — начало работы над поэмой «Лара» (издана в августе 1814).
1815, январь 2 — женитьба Байрона на Аннабелле Милбэнк (1792—1860).
1815, январь — начало работы над поэмой «Осада Коринфа» (издана в феврале 1816).
1815, апрель 7 — встреча Байрона с Вальтером Скоттом.
1815, декабрь 10 — рождение дочери Ады.
1816, январь — леди Байрон переживает к своим родителям. Разрыв между Байроном и его женой получает шумную огласку и используется для публичной травли поэта.
1816, апрель 25 — Байрон покидает Англию.
1816, апрель — май — посещение Брюсселя, Ватерлоо и приезд в Швейцарию.
1816, май — июнь — работа над III песней «Паломничества Чайльд Гарольда» (издана в ноябре 1816).

- 1816, май 25 — прибытие в Женеву. Встреча с Шелли.
 1816, июнь — октябрь — Байрон живет на вилле Диодати.
 1816, июль 23—27 — Байрон и Шелли объезжают на лодке Женевское озеро.
 1816, конец июня — в Ушй, близ Лозанны, Байрон пишет «Шильонского узника» (опубликован 5 декабря 1816).
 1816, сентябрь 17—29 — путешествие по Бернским Альпам. Начало работы над «Манфредом» (закончен в Венеции в апреле 1817; издан в июне 1817).
 1816, ноябрь, приезд в Венецию.
 1817, январь 12 — рождение Аллегры, дочери Байрона и Клэр Клермонт.
 1817, апрель — май — путешествие в Рим.
 1817, июнь — июль — работа над IV песней «Паломничества Чайльд Гарольда» (издана в апреле 1818).
 1817, сентябрь — октябрь — Байрон пишет поэму «Бенпо» (издана в феврале 1818).
 1817, ноябрь — Байрон продает Ньюстэдское аббатство.
 1817, сентябрь — ноябрь — работа над I песней «Дон Жуана» (опубликована анонимно вместе со II песней 15 июля 1819).
 1818, декабрь — 1819, январь — работа над II песней «Дон Жуана».
 1819, апрель — встреча с Терезой Гвиччиоли.
 1819, июнь — Байрон посещает Терезу в Равенне.
 1819, август — сентябрь — Байрон следует за Терезой в Болонью.
 1819, сентябрь — Байрон и Тереза Гвиччиоли поселяются на вилле близ Венеции.
 1819, октябрь — ноябрь — Байрон пишет III и IV песни «Дон Жуана».
 1819, декабрь — Байрон покидает Венецию и поселяется в Равенне в доме графа Гвиччиоли.
 1819—1822 — Байрон принимает участие в движении итальянских карбонариев.
 1820, апрель — июль — написана трагедия «Марино Фальеро» (издана в апреле 1821).
 1820, октябрь — ноябрь — работа над V песней «Дон Жуана» (III, IV и V песни изданы в августе 1821).
 1821, январь — май — написана трагедия «Сарданапал».
 1821, февраль — провал заговора карбонариев.
 1821, март — опубликовано открытое письмо Байрона Меррею по поводу критики В. Баулсом творчества А. Попа.
 1821, май — октябрь — написана сатира «Видение суда» (издана в октябре 1822).
 1821, июнь — июль — написана трагедия «Двое Фоскари».
 1821, июль — сентябрь — написан «Каин» (издан в одном томе с «Сарданапалом» и «Двое Фоскари» в декабре 1821).
 1821, октябрь — Байрон из-за преследования карбонариев переезжает из Равенны в Пиазу.
 1821, декабрь — 1822, январь — работа над трагедией «Вернер» (опубликована в ноябре 1822).
 1822, июнь — август — работа над VI, VII и VIII песнями «Дон Жуана» (изданы в июле 1823).
 1822, апрель 20 — смерть дочери Аллегры.
 1822, июль 8 — трагически погибает Шелли.
 1822, сентябрь — октябрь — работа над IX, X и XI песнями «Дон Жуана» (изданы в августе 1823).
 1822, октябрь — Байрон переезжает в Геную.
 1822, октябрь — 1823, июль — в Лондоне выходят четыре номера издаваемого Джоном Хантом журнала «Либерал» со стихами Байрона; после отказа Меррея печатать новые произведения поэта издателем Байрона становится Джон Хант.
 1822, декабрь — 1823, январь — написан «Бронзовый век» (опубликован анонимно 1 апреля 1823).

- 1823, январь — февраль — написана поэма «Остров» (опубликована в июне 1823).
- 1823, январь — март — работа над XII, XIII и XIV песнями «Дон Жуана» (изданы в декабре 1823).
- 1823, март — май — работа над XV и XVI песнями «Дон Жуана» (изданы в марте 1824).
- 1823, май — начало работы над XVII песней «Дон Жуана», оставшейся незаконченной (впервые опубликована в 1904).
- 1823, июль — Байрон отплывает в Грецию, чтобы принять участие в национально-освободительной борьбе греков.
- 1824, август — декабрь — пребывание на острове Кефалония.
- 1824, январь — прибытие в Миссолунги.
- 1824, март — Байрон принимает участие в обучении войск греческих повстанцев.
- 1824, конец марта — Байрон получает приглашение на конференцию руководителей греческих партий для объединения сил западной и восточной Греции; правительство борющейся Греции предлагает ему занять пост генерал-губернатора освобожденной части страны.
- 1824, апрель 9 — начало болезни Байрона.
- 1824, апрель 19 — смерть Байрона.

ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННОКОВ.
БИБЛИОГРАФИЯ*

- Пушкин А. С. Байрон.— В кн.: Пушкин А. С. Полное собр. соч. в десяти томах, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 316—323.
- Albrizzi I. T. Ritratti scritti. 4 ed. Pisa, Capurro, 1826. 193 p.
Рус. пер.: «Галагея», 1829, ч. 3, № 15, стр. 190—203.
- B., F. H. An address to Lord Byron, with an opinion on some of his writings. London, Wetton, 1817. 16 p.
- Bellos L. S. Lord Byron. Paris, Renouard, 1824. 2 vols.
Рец.: — «Атеней», 1828, ч. II, № 5, стр. 107—108.
- Blaquiere E. Narrative of a second visit to Greece, including facts connected with a last days of Lord Byron, extracts from correspondence, official documents, etc. London, Whittaker, 1825, 2 parts.
- Brydges S. E. An impartial portrait of Lord Byron as a poet and a man. Paris, Galignani, 1825. XII, 74 p.
- Brydges S. E. Letters on the character and poetical genius of Lord Byron. London, Longman, 1824. VII, 457 p.
- Byron painted by his compeers; or, all about Lord Byron from his marriage to his death as given in the various newspapers of his day. London, Palmer, 1869. 112 p.
- Clipton G. Memoirs of the life and writings of Lord Byron. London, Robins, 1825, VIII, 756 p.
- Dallas R. C. Recollections of the life of Lord Byron, from the year 1808 to the end of 1814. London, Knight, 1824. XCVII, 344 p.
- Galt J. The life of Lord Byron. London, Colburn and Bentley, 1830. XIV, 370 p.
- Gamba P. A narrative of Lord Byron's last journey to Greece. Extracted from the Journal of count Peter Gamba, who attended his Lordship on that expedition. London, Murray, 1825. XII, 307 p.
- Gardiner M. (countess of Blessington). Conversations of Lord Byron with the countess of Blessington. London, Colburn, 1834. IV. 409 p. Idem., 1893, (rev. ed.).
Рус. пер.: «Библиотека для чтения», 1839, т. 34, отд. VIII, стр. 47—64; «Северная пчела», 1839, 20 мая, № 110, стр. 437—439 (отрывки).
- Goethes Beitrag zum Andenken Lord Byrons.— In: Goethes Sämtliche Werke. Bd. 37. Berlin, Propyläen Verlag, n. d., S. 117—120.
Рус. пер. в кн.: Гете И. В. Собр. соч. в 13 томах, т. 10. М., 1937, стр. 652—655.
Ранее: «Московский телеграф», 1825, ч. 5, № 17, стр. 32—37.
- Gordon, Cosmo. The life and genius of Lord Byron. To which is prefixed a sketch on Lord Byron's death by Sir Walter Scott. Paris, Baudry, 1824. 121 p.
- [Guiccioli T. R.] Lord Byron jugé par les témoins de sa vie. Paris, Amyot, 1868. 2 vols. (Engl. transl.— 1869).

* В Библиографии собраны книги и статьи о Байроне его современников. Многие материалы Библиографии являются уникальными. Русские переводы и рецензии на книги и статьи зарубежных авторов отнесены к соответствующим работам. Внутрикнижные и внутрестатьейные материалы не учитываются.

- Рус. пер.: «Иллюстрированная газета», 1870, т. 25, № 3, стр. 39; «Неделя», 1869, № 13, стр. 412—416 (отрывки).
- H a u s s o n v i l l e** L. Les dernières années de Lord Byron. Les rives du Lac de Genève, L'Italie, La Grèce. Paris, Lévy, 1874. 269 p.
- H o b h o u s e** J. C. Lord Byron's residence in Greece.— «Westminster review», 1824, July.
- H o b h o u s e** J. C. Recollections of a long life, vol. II. London, 1909.
- H u g o** V. Sur George Gordon, Lord Byron.— «La muse française», 1824, 15.VI. Idem in: Hugo V. Oeuvres complètes. Littérature et philosophie mêlées. Paris, 1869, p. 232—243.
- Рус. пер.: «Литературная газета», 1830, № 34, стр. 273—275.
- Полный текст в кн.: Г у г о В. Собр. соч. в 15 томах, т. 14. М., 1956, стр. 65—73.
- H u n t** L. Lord Byron and some of his contemporaries; with recollections of the author's life, and of his visit to Italy. London, Colburn, 1828. 2 vols.
- Рус. пер.: «Северная пчела», 1828, №№ 13, 31. I — 14, 2. II; «Литературная газета», 1830, №№ 14—15 (не окончено).
- Р е ц.: «Московский телеграф», 1825, ч. 1, № 3, стр. 270; «Московский вестник», 1828, ч. 10, № 13, стр. 87.
- [I l e y M.]** The life, writings, opinions and times of... Lord Byron...including... copious recollections of the lately destroyed memoirs. By an English gentleman in the Greek military service, and comrade of his Lordship. London, 1825. 3 vols.
- [I r v i n g W.]** Lord Byron.— «Analectic magazine». Philadelphia, 1814, July (Reprinted in Poetical works of Byron. Boston, 1814).
- [I r v i n g W.]** Newstead Abbey.— In: The Crayon miscellany. By the author of the Sketch book. N 2. Philadelphia, Carey, Lea, and Blanchard, 1835, p. 95—230.
- Рус. пер. в кн.: И р в и н г В.: Путевые очерки и картины. М., 1879, стр. 175—243.
- K e n n e d y** J. Conversations on religion with Lord Byron and others, held in Cephalonia, a short time previous to his Lordships death. London, Murray, 1830. XXIII 461 p.
- L a k e** J. W. The life of Lord Byron. Paris, Galignani, 1826. 170 p.
- L o v e l l** E. J. (ed.) His very self. Collected conversations. N. Y., Macmillan, 1954. XLVI, 676 p.
- M a s a u l a y** T. B. Lord Byron.— «Edinburgh review», 1831, June. Idem in: M a s a u l a y T. B. Critical and historical essays contributed to the Edinburgh review, vol. I. London, 1866, p. 292—332.
- Рус. пер. в кн.: М а к о л е й. Полное собр. соч., 2-е изд., т. I. СПб., 1865, стр. 239—273.
- M e d w i n** Th. Journal of conversations of Lord Byron. Noted during a residence with his Lordship at Pisa, in the years 1821 and 1822. Paris, Galignani, 1824. 2 vols.
- Рус. пер.: М е д в и н Т. Записки о лорде Байроне. Пер. Арсеньева. СПб., Греч, 1835, 2 тт. Р е ц.: «Библиотека для чтения», 1835, т. 11, отд. VI, стр. 8—11.
- M a r i m é e** P. Mémoires de Lord Byron.— «Le National», 7 mars 1830; M e r i m é e P. Réclamations contre les «Mémoires» de Lord Byron publiés par Mr. Moore.— «Le National», 3 juin 1830.— In: M e r i m é e P. Oeuvres complètes. Etudes anglo-américaines. Paris, 1930, p. 1—17, 18—23.
- M o o r e** Th. Life and Works of Lord Byron.— In: B y r o n G. G. Letters and journals. Ed. by Th. Moore. London, 1830, 2 vols.
- Р е ц.: «Вестник Европы», 1830, № 3, стр. 254; «Литературная газета», 1830, № 9, стр. 74.
- Рус. пер. (отрывки): «Дамский журнал», 1830, ч. 29, № 11, стр. 167—171; «Колокольчик», 1851, № 13, стр. 49, 50; № 14, стр. 53, 54; «Литературная газета», 1830, № 13, стр. 104—106; № 14, стр. 113—114;

- «Москвитянин», 1848, ч. 1, № 1, стр. 7—8;
 «Московский телеграф», 1830, ч. 31, № 3, стр. 433—437; № 4, стр. 545—548;
 «Сын отечества», 1830, ч. 136, т. 14, № 35, стр. 65—80; № 36, 129—138;
 «Телескоп», 1832, ч. 8, № 8, стр. 487—500.
- Mordani F. La vita di Giorgio Lord Byron. Bologna, Bortolotti, 1839, 28 p.
- Parry W. The last days of Lord Byron. With his Lordship's opinions on various objects, particularly on the state and progress of Greece. London, Knight and Lacey, 1825. XXIII, 360 p.
- Pichot A. Essai sur la vie, le caractère et le génie de Lord Byron. Paris, Ladvocat, 1830, 267 p.
- Polidori J. W. Diary of Dr. John William Polidori, 1816, relating to Byron, Shelley, etc. London, Mathews, 1911. 228 p.
- The Radical trivirate; or infidel Paine, Lord Byron, and surgeon Lawrence colleaguig with a patriotic radicals to emancipate mankind from all laws, human and divine. By an Oxonian. London, 1820.
- Salvo C. Lord Byron en Italie et en Grèce; un aperçu de sa vie et de ses ouvrages d'après des sources authentiques. London, Trente, 1825 IX, 369 p.
 Рус.: «Северная пчела», 1825, 16 июня, № 72.
- Scott W. Character of the Late Lord Byron.— «The Pamphleteer», 1824, vol. 24, N 47.
 Рус. пер.: «Московский телеграф», 1825, ч. 1, N 1, стр. 31—40.
- Scott W. Death of Lord Byron.— In.: Scott W. The miscellaneous prose works, vol. I. Paris, Baudry, 1837 p. 282—313 (First publ. in: «The Edinburgh weekly journal», 1824).
- Simmons J. W. An inquiry into the moral character of Lord Byron. N. Y., Bliss, 1824, 58, XII p.
- Stanhope L. F. C. [Harrington L. F. G.] Greece in 1823 and 1824; being a series of letters and other documents, on the Greek revolution, written during a visit to that country... to which is added reminiscences of Lord Byron. London, Sherwood, 1825. XII, 575 p.
- Stendhal. Lord Byron en Italie et en France.— «Revue de Paris», 1830, mars.
 Idem in: Stendhal. Mélanges de littérature, vol. 3. Paris, Divan, 1933, p. 253—299.
 Рус. пер. в кн.: Стендаль. Собр. соч. [в 15 т.], т. 9. Л., Гослитиздат, 1938, стр. 298—316. Ранее: «Сын отечества», 1830, ч. 133—134, тт. 11—12, № 19, стр. 379—394, № 20, стр. 3—13; «Отечественные записки». 1874, т. 212, № 1 стр. 35—38, 54—59.
- Trelawny E. J. Recollections of the last days of Shelley and Byron. London. 1858.
 Idem: London, 1952 (with additions). 208 p.
- Trikoures S. Translation of the funeral oration delivered in Greek, at Missolonghi... 10(22) April. 1824. in honour of the late Lord Byron. London, reprinted by Davy, 1836. 15 p.
 Рус. пер.: «Сын отечества», 1824, ч. 95, № 27, стр. 44 (отрывок).
- The true story of Lord and Lady Byron. As told by Lord Macaulay, Thomas Moore, Leigh Hunt, Thomas Campbell, the countess of Blessington, Lord Lindsay, the countess Guiccioli, by Lady Byron, and by the poet himself. In answer to Mrs. Beecher Stowe. London, Hotten, [1869]. 189 p.
- Vigny A. Oeuvres complètes de Lord Byron.— «Le conservateur littéraire». [Paris], 1820, dec.
- [Watkins J.] Memoirs of the life and writings of Rt. Hon. Lord Byron. With anecdotes of some of his contemporaries. London, M'Lean, 1822.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абборигетти, граф 225, 400
Аберкромби 62, 63
Август 28, 224, 236, 363, 402
Аддисон Дж. 413
Айрленд В. Г. 407
Александр Македонский 207
Али Паша Тепеленский 26, 27, 28, 29, 363
Алкивиад 276
Аллегра, см. Байрон Аллегра
Аллен Дж. 77, 374
Аллингем Дж. 264, 407
Альбани 195, 394
Альберони Дж. 54, 214, 217, 369, 398
Альбрици И. 139, 160, 162, 258, 385, 390
Альфьери В. 84, 179, 194, 195, 238, 289, 375, 384, 394
Амурат 92, 378
Анджело Г. 239, 403
Анна, королева 151
Ансли К., леди 79
Арбетнот Дж. 364
Аретино П. 238
Ариосто Л. 61, 158, 416
Аристид 58, 370
Аристипп 17, 361
Аристотель 275
Армстронг 245
д'Арси Э, см. Коньерс Э., маркиза Кар-
мартэн
Архимед 330, 417
- Байрон Августа, см. Ли А.
Байрон Августа Ада 109, 112, 114—
115, 118, 119, 121, 123, 137, 169, 184,
251, 279—280, 294, 318, 321, 323—324,
332—333, 350, 382, 385
Байрон Аллегра 147, 156, 169, 184, 208,
211—212, 231, 280, 281, 298, 299, 300,
384, 412
- Байрон Анна Изабелла 42, 67, 87, 99,
100, 101, 102, 103, 104, 106, 108, 109,
111—112, 113, 114, 116, 117, 118, 121—
122, 123, 137, 157, 165, 169, 184, 186,
187, 250, 280, 288, 294, 309, 322, 323,
332—333, 342, 345, 350, 351, 357, 365,
371, 372, 377, 381, 382, 411
Байрон Генри 48, 50, 51, 367
Байрон Джон 382
Байрон Джон, отец поэта 280, 288, 311,
359
Байрон Джордж 67, 69, 75, 372
Байрон Кэтрин 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14,
18, 19, 21, 23, 26, 27, 31, 32, 34, 62, 63,
238, 280, 311, 344, 345, 359
Байрон Ричард 367
Байрон Уильям 311, 359, 362, 367, 415
Байрон Ш. А., см. Паркер Ш. А.
Банделло М. 88, 89, 377
Барберини 168
Барзэн Ж. 352
Баррас П. Ф. 52, 368
Барфф С. 329, 330, 417
Басби Т. 52, 368
Батлер Дж. 21, 362
Баулс У. Л. 220, 221, 227, 230, 233, 234,
284, 399, 402, 409
Бауринг Дж. 305, 336, 413
Бауэрс 237
Баязет 301, 412
Бейль А. М., см. Стендаль
Бейль П. 99, 380
Белзони Дж. Б. 231, 401
Белинский В. Г. 347, 356, 358
Беме Я. 106, 381
Бенини Р. 278—279
Бентам С. 65, 372
Бентинк Ф. 123
Бенцони 160, 162, 176, 390
Бердетт Ф. 20, 159, 186, 361

- Берджес Дж. Б. 262, 406
 Берк Э. 65, 240, 241, 371
 Бернадот Ж. Б. 53, 369
 Берни Ф., мадам д' Арблэ 127, 384
 Бернини Дж. Л. 168, 91
 Бернс Р. 49, 77, 238, 363, 380, 411
 Берри М. 68, 71, 82, 372
 Бертон Р. 212, 375, 397
 Бетти У. Г. У. 44, 366
 Бибул 181, 392
 Бикерстафф И. 386
 Бирн-старший О. 263, 407
 Бичер Дж. Т. 18, 361
 Бичер-Стоу Г. 356
 Биши Э. 115, 383
 Блессингтон, леди 358, 411
 Блессингтон Ч. Дж. Г. 189, 393
 Блок А. А. 415
 Блэквуд У. 165
 Блэкет Дж. 365
 Блэкир Э. 306, 307, 314, 329, 413
 Блэкмор Р. 203, 396
 Блэнд Р. 39, 74, 365
 Блэр Х. 126, 384
 Блюхер Г. Л. 84, 105, 127, 276, 376, 384
 Бобров С. 398
 Богарнэ Ж. 52, 368
 Боккаччо Дж. 149, 225, 400
 Болдунн М. 68, 73, 372
 Боливар С. 183, 393
 Болл А. 30
 Бомонт Дж. 370
 Бомонт, леди 55, 370
 Бомонт Ф. 158, 389
 Бонапарт Л. 222, 400
 Бонневаль 54, 369
 Босвелл Дж. 180, 193, 296, 384, 392, 394, 402, 414
 Босвил У. 73, 373
 Босси Дж. 194, 394
 Боццарис М. 316
 Брайант Дж. 202, 396
 Браммель Дж. Б. 249, 404
 Браун 317
 Браун-младший Г., см. Мур Т.
 Бриджес С. Э. 57, 370
 Бриджес Т. 202, 396
 Брозерс 363
 Брозерс Р. 152, 388
 Брокмен 13
 Бролья, герцогиня 166, 275
 Броутон Э. 126, 384
 Брум В. 416
 Брум Г. 86, 241, 376
 Брут 49, 58, 68, 236, 402
 Брэм Дж. 51, 368
 Бунин И. А. 409
 Бэйли Дж. 246, 284, 290, 409
 Бэкингем Дж. У. 380
 Бэкингем, маркиз 72
 Бэкон Ф. 195, 196, 199
 Бэнкс Дж. 230, 401
 Бэнкс У. Дж. 230, 401
 Бэрдетт 241
 Бэрри Ч. 308, 414
 Бэттерсби 255
 Бьюффон Ж. Л. Л. 73, 373
 Вайз 400
 Валенсия Дж. Э. 250, 405
 Вальтацонни Дж. 199, 395
 Ван Дейк 119
 Ванбру Дж. 87, 377
 Варанс 383
 Вашингтон Дж. 58, 321, 348
 Вали Паша 26, 190, 363
 Веллингтон А. У. 105, 264, 276, 364, 408
 Вергилий 37, 396
 Веспасиан 236, 403
 Вестрис Г. 196
 Викари Г. 197, 395
 Виктор Эммануил I 25, 202, 362
 Виланд Х. М. 205
 Вильбрем 21
 Вильгельм I, принц Оранский 53, 59, 369, 371
 Вильсон Дж. 165
 Вильхальм 171
 Винчестерский, епископ 138, 385
 Вольтер Ф. М. 98, 118, 210, 383, 405
 Вордсворт В. 16, 48, 60, 106, 151, 284, 342, 381, 382, 409
 Врони Паша 319, 416
 Гай Юлий Цезарь Октавиан, см. Август
 Гайдн И. 309, 414
 Галиньяни Дж. 193, 208, 302, 304, 394
 Галлин В. 198, 395
 Гамба П. 194, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 218, 220, 221, 222, 228, 269, 281, 285, 325, 326, 328, 335, 353, 394, 415, 416
 Гамба Р. 170, 194, 195, 199, 211, 218, 281, 285, 335, 393, 395
 Гамба Т., см. Гвиччиоли Т.

- Ганнибал 105, 276, 365
 Гаррикс Д. 370
 Гаррикс Г. 108
 Гастингс У. 374
 Гауэр Дж. Г. 72, 373
 Гауэр Дж. Г. Л., маркиз Стаффорд 76, 374
 Гварини Б. 390
 Гвиччиоли, граф 160, 161, 162, 171, 180—181, 189, 213, 308, 390, 392
 Гвиччиоли Т. 5, 160, 161—162, 166, 170, 171—172, 179, 183, 185, 189, 191, 194, 195, 197, 199, 206, 211, 212, 213, 214, 218, 228, 269, 281, 283, 285, 288, 304, 308, 312, 335, 353, 389, 390, 393, 395
 Гей Дж. 78, 374
 Гелл У. 73, 307, 373, 414
 Гендерсон Дж. 88, 377
 Генрих VIII 238
 Генч-младший 281
 Георг II 56
 Георг III 56, 311, 360, 392, 409, 412
 Георг IV 35, 95, 181, 363, 374, 375, 392, 410
 Гераклит 275
 Герберт Дж. 402
 Геродот 17
 Геростати 330
 Герцен А. И. 356
 Гершель У. 274, 408
 Гете И. В. 153, 205, 238, 298, 313, 368, 396, 411, 415
 Гиббон Э. 17, 120, 383, 416, 417
 Гиллс Р. П. 370
 Гингенэ П.-Л. 196, 219, 395
 Гиффорд У. 48, 50, 57, 145, 153, 179, 283, 285, 288, 289, 290, 292, 293, 333, 342, 367, 388
 Гласс Х. 77, 376
 Гленберви, лорд, см. Дуглас С.
 Гловер 263
 Гловер Р. 15, 360
 Гнедич Т. 389
 Гоббс Т. 373
 Годвин М., см. Шелли М.
 Годвин У. 254
 Голт Дж. 69, 70, 76, 373
 Гольдсмит О. 55, 216, 218, 278, 369, 387, 389, 392, 398
 Гомер 78, 193, 202, 365, 382, 396, 416
 Гоккинс Дж. 238, 403
 Гораций 151, 202, 231, 365, 404, 411
 Гордон 24
 Гордон А. 16, 360
 Гордон А., дед поэта 287—288
 Гордон, герцогиня 16, 360
 Гордон К., см. Байрон К., леди
 Гордон Т. 329, 417
 Гордон Ч. О. 13, 360, 403
 Гоулберн 246
 Гофер А. 362
 Гракхи, братья 236
 Граттан Г. 240, 248, 253—254, 403
 Графтон, герцог 254
 Гревиль Ч. 377
 Гревиль Ш. 90, 377
 Грей де Рутин Г. Э., лорд 9, 18, 26, 41, 359
 Грей Т. 34, 201, 227, 378, 391, 401
 Грей Ч. 91, 207, 241, 254, 257, 377, 405
 Гренвилл У., лорд 20, 241, 254, 361, 405
 Гретри А. Э. М. 219, 399
 Грильпарцер Ф. 205, 206, 396
 Гримм Ф. М. 85, 209, 210, 219, 223, 397
 Гриффит Дж. Э. 145, 386
 Даллас Р. Ч. 17, 38, 48, 69, 238, 345, 360, 364
 Дандас Г., виконт Мелвилл 12, 360
 Данилоп У. 373
 Данинг Дж. 408
 Данте Алигьери 61, 166, 217, 218, 225, 297, 380, 382, 395, 396, 398, 399, 402
 Дарвин Э. 224, 400
 Даунинс 300, 301
 Дафф М. 52, 62—63, 368
 Даффи Дж. 315
 Даштенц Х. Т. 385
 Двайер 22
 Де Витт К. и Я. 54, 303, 369
 Де Рейтер М. А. 54, 369
 Делладецима Д., граф 330, 416
 Дельвин, лорд 266
 Демосфен 61, 241
 Дермоди Т. 42, 365
 Джавелла 316
 Джекмен И. 392
 Джексон Дж. 57, 61, 88, 90, 91, 93, 97, 239, 370, 405
 Джерси, леди 73, 134, 271
 Джерси, лорд, см. Уильерс Дж. Ч.
 Джеффри Ф. 50, 89, 97, 106, 141, 146, 296, 368, 379, 386
 Джилкрайст О. Г. 282, 409

- Джойслин П. 412
 Джонс 87, 376
 Джонсон Дж. 386
 Джонсон С. 18, 37, 68, 92, 98, 180, 193, 200, 204, 296, 364, 376, 384, 385, 392, 394, 395, 401, 402, 406, 414
 Джордан Д. 87, 376
 Джордани П. 257, 406
 Джорджиана, см. Ли Джорджиана
 Дибдин Т. Дж. 263, 407
 Д'Ивернуа Ф. 250, 405
 Дизраэли Б. 343, 399
 Дизраэли И. 88, 229, 343, 377, 399
 Диодати Ж. 120, 383
 Диодор Сицилийский 205, 206, 396
 Диоклетиан 92, 378
 Дионисий Младший 92, 378
 Добролюбов А. Н. 356
 Долримпл Гамильтон 136, 166, 385
 Долримпл Х. 23, 362, 385
 Доменикино 167, 391
 Донегал, леди 85
 Драйден Дж. 49, 201, 225, 238, 367, 380, 382, 399, 400, 403
 Драко 316
 Дрюри Г. 7—9, 359
 Дрюри Дж. 8—9, 22, 243, 270, 359
 Дрюри М. 9
 Дуглас С., лорд Гленберви 73, 74, 373
 Дункан 237
 Дункан, виконт 385
 Дэви, леди 208
 Дэви Х. 208, 243, 261, 403
 Дэвис С. Б. 34, 37, 55, 91, 121, 123, 246, 248, 249, 252, 266—267, 363
 Дэймер А. С. 103, 382
 Елизавета, королева 61, 371, 383
 Жуи В. Э. 310, 414
 Заими А. 335, 417
 Зенкевич М. 386
 Зенон 17, 361
 Зограффо Д. 250
 Ибрагим Паша 26, 363
 Иван (VI) Антонович 383
 Иванов Вяч. 383
 Ильин С. 392
 Инчболд Э. 75, 373
 Ипсвич 13
 Ирвинг В. 290, 293, 404, 410
 Кавалли К. 227
 Кавендиш У. Г., герцог Портлендский 377
 Калигула 236, 403
 Каннинг Дж. 57, 180, 241, 370
 Канова А. 139, 230, 253, 385
 Карл I 125, 126, 382
 Карл II 158
 Карл V 92, 378
 Карл XIV, см. Вернадот Ж. Б.
 Карл Смелый 384
 Карлайль Ф. Х., лорд 11, 55, 75, 91, 92, 95, 359, 369—370
 Кармартэн Ф. Г., маркиз 359
 Каро А. 205, 396
 Каролина, королева 311
 Карр Дж. 25, 362
 Карреллас Н. 306, 307
 Картрайт Дж. 68, 367, 372
 Каслри Р. С., лорд 105, 158, 303, 389, 413
 Кассий 58, 236, 402
 Кастанос Ф. 25, 363
 Кастеллан А. Л. 44, 366
 Кастильоне, маркиза 138—139
 Катилина 394
 Каупер 75
 Квеннел П. 5, 383
 Кеведо-и-Вильегас Ф. 297, 411
 Кеймс Г. Х. 274, 408
 Кейт Х. М. 85, 87, 376
 Кембл Дж. Ф. 83, 258, 375
 Кеннеди Дж. 323, 328, 416
 Кенни Дж. 393
 Керзон 269
 Керр Р. 410
 Кин Э. 83, 179, 238, 258, 262, 375
 Киннэрд Д. Дж. У. 105, 108, 151, 152, 154, 159, 160, 185, 189, 190, 242, 263, 264, 290, 291, 293, 297, 305, 308, 324, 333, 335, 352, 381
 Кир 394
 Китс Дж. 231, 232, 304, 375, 401, 402 413
 Клавдиан Клавдий 151, 158, 388
 Кларк, миссис 261
 Кларк Х. 34, 363
 Клаутон 190, 393
 Клейст Э. Х. 61
 Клейтон 271
 Клермонт К. М. Дж. 137, 147, 156, 165, 383, 384, 385
 Кливленд Дж. 98, 380
 Kloots А. 229, 401

- Клопшток Ф. Г. 251, 405
 Клейден П. У. 354
 Клар Дж. Ф. 271, 277, 407
 Колбет В. 51, 368
 Коен Ф. 179, 391
 Кокрэн Т. 86, 376
 Колбери 165, 390
 Колдхэм 40
 Коллииз У. 202, 396
 Колокотронис Т. 315, 415
 Кольман Дж. 370
 Кольман Младший Дж. 108, 241, 275, 382, 397
 Кольридж С. 39, 60, 141, 146, 152, 262, 284, 342, 365, 374, 380, 382, 386, 388, 397, 405
 Конгрив У. 87, 377
 Контарини 175
 Конфуций 17, 361
 Копперс Э., маркиза Кармартэн 280, 311
 Коппи М. 173—178
 Корджаленьо 316, 326, 329, 330
 Кордова, адмирал 24, 362
 Корнуолл Б. 284, 410
 Коста П. 335, 417
 Костюшко Т. 218, 321, 399
 Котори Дж. 230, 401
 Крабб Дж. 151, 153, 158, 179, 290, 387
 Крибб Т. 57, 61—62, 370
 Крокер Дж. У. 72, 180, 181, 373, 401
 Кросби Б. 16
 Кроуфорд Дж. 301
 Ксенофонт 195, 394
 Ксеркс 214, 235, 398
 Кук Дж. Ф. 69, 83, 258, 373
 Кулидж 248, 404
 Кульман Ж.-Ж. 310, 414
 Купер 266
 Куриони А. 229, 401
 Куртне Дж. 239—240, 403
 Кэмберленд Р. 264, 407
 Кэмпбелл Дж. 407
 Кэмпбелл Т. 58, 60, 71, 72, 85, 151, 201, 202, 203, 284, 290, 373, 396, 399, 403
 Кэрран 247—248, 404
 Кэрран Дж. Ф. 253—254, 404
 Кювье Ж. 286, 292, 410
 Лаватер 90
 Ладлоу Э 125—126, 268, 384
 Лайнс Ш 224, 400
 Лакло Ш. де 371
 Ларошфуко Ф. 52, 68, 159, 219, 302, 368, 399
 Лас Казас Э., граф 319, 416
 Лафонтен Ж. 158
 Левинсон Ш. 90—91
 Левис М. 97, 379
 Лега А. 189, 200, 208, 223
 Лейтин Б. 409
 Леонардо да Винчи 194, 394
 Леонид, спартанский царь 276, 408
 Лермонтов М. Ю. 355—356
 Лесажа А. Р. 382
 Ли А. 10, 11, 12, 19, 35, 59, 75, 91, 92, 113, 115, 118—119, 121, 123, 125, 136, 142, 146, 153, 166, 169, 187, 193, 248, 252, 267, 280, 288, 294, 311, 312, 318, 321, 332, 350, 351, 357, 358, 359, 363, 367, 383, 386, 390
 Ли Джордж 10, 19, 35, 124, 311, 359, 363
 Ли Джорджана 48, 121, 367
 Ливерпуль Р., лорд 367, 405
 Лидс Ф., герцог 213
 Лик У. М. 27, 363
 Лисандр 275, 408
 Литтлтон Дж. 15, 242, 360
 Лич В. 271
 Ловлейс, лорд 357, 358
 Лодердейл Дж. 80, 241, 375
 Локк 91
 Локхарт Дж. 296, 411
 Лонг Э. Н. 203—205, 396
 Лонгман 136
 Лондондерри, см. Каслри, лорд
 Лопе де Вега 196, 395
 Лоренс 322
 Лоу Х. 253
 Лоуборо А. У. Р. 255, 406
 Лоуренс Т. 207, 397
 Луиджи, камердинер поэта 194
 Лука, воспитанник поэта 325, 326, 328, 416
 Лукреций 52, 368
 Луриоттис А. 413
 Льюис М. Г. 48, 49, 67, 69, 70, 73, 74, 79, 148, 150, 152, 244, 245—246, 249, 367, 373, 404
 Лэм Дж. 72, 104, 159, 373, 381
 Лэм К. 41, 42, 75, 92, 96, 104, 136, 159, 162, 243, 288, 308—309, 345, 365, 381
 Лэм К. Р. А 104, 381
 Лэм У., виконт 92, 104, 159, 365, 381
 Лэнсдаун Г. П.-Ф. 82, 90, 241, 375

- Лэнсдаун, леди 89, 90
 Лэстранж Р. 411
 Людовик XIV 406
 Людовик XVI 385
 Людовик XVIII 99, 380
 Люттрел Г. 247, 404

 Маврокордато А. 315, 318, 321, 326,
 328, 335, 336, 415, 417
 Макдональд Д. 270
 Макинтош Дж. 45, 52, 65, 66, 67, 68,
 72, 75, 79, 82, 85, 86, 87, 88, 90, 247,
 248, 366, 377
 Маккензи Г. 14, 360
 Маккьявелли Н. 89, 216, 377, 398
 Маколей Т. Б. 356—357
 Макферсон Дж. 18, 361
 Малапьеро 141
 Мальборо Дж. Ч. 259, 406
 Мальтус Т. Р. 247
 Мальябекки А. 77, 374
 Мария-Луиза 51—52, 368
 Марк Аврелий 272, 389, 408
 Марк Антоний 27, 49, 363, 402
 Маркс К. 380
 Марло К. 152, 153, 388
 Мармонтель Ж. Ф. 139, 385, 393
 Марченд Л. А. 345
 Маршак С. Я. 386
 Массанелло Т. А. 214, 398
 Массена А. 37, 364
 Маунтноррис Дж. А., граф 57, 370
 Махмут Паша 30
 Медвин Т. 398
 Мейер 327, 417
 Мейлер 249
 Мейтленд Т. 319, 415
 Мелвилл, виконт, см. Дандас Г.
 Мельбурн, лорд 104, 242
 Мельбурн Э., леди 43, 51, 60, 62, 70, 73,
 75, 81, 86, 95, 100, 103, 104, 233, 242,
 247, 345, 346, 365, 381
 Менандр 412
 Менгальдо 343
 Меррей Дж., камердинер поэта 10, 21, 26,
 248, 359, 362
 Меррей Дж., издатель поэта 5, 37, 50,
 53, 70, 72, 73, 76, 77, 88, 89, 94, 96,
 98, 99, 109, 110, 115, 120, 136, 137,
 141, 142, 146, 147, 148, 150, 151, 158,
 159, 161, 164, 167, 172, 179, 182, 183,
 186, 187, 191, 194, 199, 203, 207, 213,
 221, 227, 229, 233, 234, 257, 282, 283,
 286, 287, 289, 292, 295, 297, 299, 301,
 302, 304, 305, 309, 324, 333, 342, 343,
 344, 345, 347, 351, 352, 364, 365, 374,
 388, 389, 398, 399, 401, 402, 404, 409,
 410, 411, 412, 413, 414, 416
 Меррей Дж., потомок издателя 357
 Метакс К., граф 317
 Метастазио П. А. Д. 414
 Меттерних К. 393
 Меццофанти Д. 257, 258, 406
 Микелли 162, 390
 Микельанджело Буонарроти 238
 Милбэнк А. И., см. Байрон А. И., леди
 Милбэнк, леди 101, 103, 104, 106, 118,
 161, 185
 Милдмэй 249
 Миллер Дж. 64, 371
 Миллер У. 39, 365
 Милман Г. Х. 284, 292, 410
 Милнс Б. 241
 Милон Кротонский 92, 378
 Мильгвад 276, 408
 Мильтон Дж. 203, 218, 234, 238, 292,
 298, 371, 383, 396
 Мирабо О. Г. Р. 58, 238, 241, 371
 Митфорд У. 195, 196, 199, 206, 394
 Мойра Ф. Р., лорд 254, 405
 Мольер Ж. Б. 210
 Монтанари М. 214, 217, 227
 Монтеские Ш. Л. 17, 360
 Монти В. 84, 375
 Монтэю Э. У. 54, 369
 Мопертюи П. Л. М. 223, 400
 Мор Х. 77, 374
 Морген Р. 230, 401
 Морери Л. 99, 380
 Морозини Ф. 86, 376
 Мости, граф 167
 Моумен Дж. 282, 284, 288, 293, 410
 Моцарт В. А. 309, 414
 Мур Д. Л. 355, 358
 Мур П. 263, 407
 Мур Т. 44, 49, 56, 58, 60, 61, 64, 67, 70,
 71, 75, 83, 94, 97, 102, 104, 107, 108,
 109, 117, 134, 138, 140, 141, 142, 145,
 148, 149, 151, 155, 172, 181, 186, 187,
 193, 204, 207, 209, 223—224, 232, 233,
 249, 257, 261, 262, 282, 284, 285, 287,
 288, 289, 290, 293, 297, 301, 302, 342,
 343, 344, 345, 347, 354, 355, 356, 366,
 370, 377, 379, 380, 382, 387, 389, 392,

- 393, 395, 396, 397, 398, 401, 402, 404,
405, 413, 412
- Мурад, см. Амурат
- Муратори Л. А. 219, 399
- Мэглтон М. 286
- Мэллет 13
- Мэнтон Дж. 51, 210, 368
- Мэривел Дж. Г. 85, 376
- Мэссинджер Ф. 158, 389, 391
- Мэтьюс Ч. С. 34—35, 204, 363
- Мэтьюрин Ч. Р. 152, 262, 406
- Мюир Г. 325, 328, 416
- Мюльнер А. 205, 396
- Найт Дж. В. 348
- Найт Р. П. 85, 156, 376
- Наполеон Бонапарт 21, 28, 33, 51, 53,
58, 81, 82, 84, 85, 92, 93, 96, 98, 109,
119, 181, 236, 238, 248, 249, 253, 256,
274, 276, 301, 319, 362, 364, 368, 369,
375, 376, 378, 380, 401, 405, 408
- Негри Т. 306, 414
- Нельсон Г. 55, 276, 370, 408
- Нерва 236, 403
- Нодье Ш. 312, 414
- Нокс 315
- Норт К., см. Уильсон Дж.
- Норфольк, герцог 254
- Ноэль, см. Милбэнк, леда
- Ноэль Р. 101, 102, 103, 105—106, 111,
381, 382
- Нэпир Ч. 315, 316, 322, 415
- Овидий 94, 230, 379, 401
- Огльн, лорд 271
- Окден 125
- Оксфорд, графиня, см. Скотт Дж. Э.
- Октавиан, см. Август
- Олторп, лорд 91, 97
- Оранский принц, см. Вильгельм I
- Ориго И. 5, 343
- Орфорд, лорд, см. Уолпол Г. 301
- Осборн С. Г. 10, 213, 308, 398, 414
- Оссиан 18, 207, 361
- Оссульстон 52, 75
- Отвей Т. 135, 378, 385
- Ошер П. 258
- Паркер А. 267
- Паркер К., адмирал 267
- Паркер М. 267
- Паркер П., адмирал 267
- Паркер Ш. А. 7, 359
- Паркинс 63
- Парр С. 156, 208—209, 389
- Партридж Дж. 145, 386
- Пастернак Б. Л. 386
- Патерсон 237
- Пеллико С. 309, 414
- Пенн У. 58, 370
- Перелли дон Гаспар 170, 391
- Перри Дж. 99, 105, 145, 184, 185, 380, 381
- Персеваль С. 405
- Перуджино П. 278, 409
- Петрарка Ф. 79, 221
- Пигот Дж. М. Б. 34, 63, 360
- Пигот Ф. 7, 21
- Пигот Э. Б. 15, 21, 63, 341, 360
- Пий VII 189, 202, 225, 278—279, 285,
308, 393
- Пиктэ М. А. 166, 390
- Пиль Р. 180, 241, 250, 270, 392
- Пим Дж. 67, 372
- Пинто А. 194, 195, 199
- Пиоцци Х. Л. 361
- Пирон А. 247, 404
- Пиррон 36, 364
- Питт У., старший, лорд Чатам 241, 301,
403
- Питт У., младший 20, 73, 240, 254, 361
- Пифагор 142
- Пишо А. 311, 312, 414
- Платон 275
- Плутарх 275, 408
- Полгрейв Ф., см. Коен Ф.
- Полидори Дж. У. 121, 161, 164, 166,
341—342, 384, 390
- Помпоний Аттик Тит 54, 369
- Поп А. 96, 106—107, 151, 158, 193, 196,
200, 201, 213, 217, 220, 222, 227, 232,
234, 238, 322, 366, 370, 373, 374, 379,
382, 388, 389, 394, 395, 396, 397, 399,
409, 413, 416
- Порсон Р. 78, 374
- Портленд, герцог 360
- Портсмут, граф 86
- Портсмут М. 85, 86, 87
- Праиди 326, 417
- Прайор М. 180, 392
- Пратт С. Дж. 18, 361
- Пристли Дж. 273, 408
- Присциан 286, 410
- Проктер Б. У., см. Корнуолл Б.
- Протеро Р. Э. 5, 342, 344, 354, 357, 383

- Пульчи Л. 304, 409, 413
 Пушкин А. С. 348, 349, 355
 Пьерпойнт 249
 Пэквуд 77, 374
 Первис, адмирал 25
 Перлинг 239
 Перри У. 328, 329, 330, 331, 332, 334, 336, 353, 417
 Пюисегюр 52
- Раддимиен Т. 237, 403
 Радлова А. 371
 Расин Ж. 309, 414
 Распони С. 227
 Рассел Дж. 66, 355, 372
 Рафаэль 238, 391
 Раптон Р. 21, 362
 Рейнольдс Дж. 199, 395
 Рейнольдс Дж. Г. 84, 375
 Рекамье 85
 Рени Г. 167, 391
 Реньяр Ж. Ф. 210, 397
 Ридсдейл, лорд 367
 Ридж Дж. и С. 15, 18, 360
 Ришперда 54, 369
 Ричардсон С. 193, 374, 392, 394
 Робертс У. 182, 392
 Робинс Дж. Г. 243, 259, 403
 Рогов В. 392
 Роджерс С. 42, 49, 51, 54, 55, 58, 60, 61, 64, 70, 75, 76, 81, 85, 86, 87, 92, 146, 149, 150, 151, 233, 239, 243, 247, 254, 277, 278, 289, 290, 354, 367, 385, 387
 Рокка М. 71
 Ромелли С. 65, 157, 169—170, 181, 371
 Роско У. 197, 243, 395
 Росси, см. Босси Дж.
 Роута, граф 269
 Рочестер Дж. В. 404
 Рубенс П. П. 119
 Рульер К. 182, 392
 Руссо Ж.-Ж. 120, 126, 238—239, 383, 384
 Рэ А. 263, 407
 Рэймонд 69, 373
 Рэнклифф Дж. 149, 387
- Саллюстий 195, 394
 Саути Р. 39, 48, 55, 60, 151, 156, 165, 172, 284, 296, 302, 365, 370, 374, 382, 389, 409, 411
 Сауткот Дж. 106, 152, 381
 Сведенборг Э. 106, 381
- Свифт Дж. 164, 197, 220, 259, 302, 386, 392, 412
 Себастиани Ф. О. Б. 109, 382
 Сегати М. 134, 137, 139—140, 143—144, 175
 Сен-Жюст Л. А. 58, 348, 371
 Сен-Ламбер Ф. де 219, 399
 Сенека 206
 Сент-Висент, лорд 24
 Сөрвантес М. де 61, 376
 Сиддонс С. 209, 258, 261, 397
 Сидмаут Г. А. 20, 361
 Сильвестрини Ф. 162, 163, 170, 390
 Синклер Дж. 270—271
 Сири 171
 Симонди Ж. Ш. Л. 89, 377
 Скотт В. 27, 50, 58, 60, 88, 151, 158, 194, 197, 199, 203, 223, 257, 262, 284, 290, 292, 293, 295, 300, 305, 309—310, 363, 368, 373, 390, 391, 393, 395, 397, 398, 399, 400, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 411, 412, 413, 416
 Скотт Дж. 314, 315
 Скотт Дж. Э., графиня Оксфорд 52, 53, 288, 368
 Скотт, леди 297
 Скотт, м-р 171
 Скотт Ш. С. 296, 411
 Слиго Х. П. Б., маркиз 70, 366
 Смит Г. 412
 Смит С. 55, 370
 Сократ 17, 275, 361
 Солсбери, лорд 56
 Сорелли Г. 205, 396
 Сотби У. 55, 116, 172, 250, 256, 262, 370, 383
 Софокл 61, 238 413
 Спенс Дж. 196, 197, 202, 395, 399
 Спенсер, леди 242
 Спенсер У. Р. 249, 256, 405, 406, 407
 Спиноза Б. 364
 Спунн, см. Хэнсон Дж.
 Сталь А. Л. Ж., де 48, 49, 52—53, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 75, 76, 79, 80, 82, 85, 122, 136, 139, 205, 208, 209, 238, 241, 245, 247, 249, 253, 367, 368, 372, 414
 Старджэн 330
 Стаффорд, леди 75, 90, 91
 Стаффорд, маркиз, см. Гауэр Дж. Г. Л.
 Степдаль 309, 414
 Стерлинг 313, 415
 Стерн Л. 68, 277, 372, 397

- Стернгольд Т. 238, 403
 Стивенс Э. 246, 255, 331, 417
 Стовен Ф. 326, 417
 Странэ 29, 30
 Стэнхоп Л. 325, 331, 333, 343, 416
 Стэнхоп Ч. 68, 372
 Суворов А. В. 412
 Сулла Луций Корнелий 58, 92, 98, 236, 268, 378
 Сципион 105
 Сьюард А. 224, 261, 286, 400
 Сведж Р. 238
 Сэндерс Дж. 362
 Тавернье Ж.-Б. 385
 Тамерлан, см. Тимур
 Таручелли А. 229
 Тассо Т. 61, 148, 170, 387, 391, 399
 Тацит 373
 Твилт 13
 Твисс Р. 44, 385
 Твисс Х. 136, 172, 249, 385
 Тиберий Клавдий 54, 73, 215, 236, 238, 369, 373, 403
 Тик Л. 253, 405
 Тик Ф. 405
 Тимон Афинский 238
 Тимур 301, 412
 Тирабоски Дж. 219, 399
 Тит 236, 403
 Тита Дж. Б. Ф. 331, 417
 Титлер А. Ф., лорд Вудхаузли 14, 360
 Тициан 200, 278
 Тодерини Д. Б. 366
 Ток 252
 Томас М. де 125
 Томпсон 73
 Томсон Дж. 219, 399
 Торвальдсен Б. 248, 404
 Тосканский, герцог 202
 Траян 236, 403
 Трелони Э. 318, 415
 Трол Г. 376
 Тьерни Дж. 76, 374
 Тэвисток 242, 403
 Тэрло Э., поэт 60, 149, 371, 387
 Тэрло Э., политический деятель 255, 406
 Уайт Л. 55, 370
 Уголино Герардеска 199, 395
 Уилберфорс У. 108, 241, 242, 269, 382
 Уилмот Б. 55, 370
 Уилсон Дж. 153, 290, 388, 410
 Уильерс Дж. Ч., лорд Джерси 49, 51, 271, 272, 367
 Уильямс Э. 301, 303
 Уиндэм У. 20, 59, 241, 361, 371
 Уисккрафт, см. Фрир Дж. Х.
 Уитбрэд С. 105, 241, 381
 Уоллес 246
 Уолпол Г., граф Орфорд 301, 372, 412
 Уолстонкрафт М. 165
 Уорд Дж. У. 56, 57, 59, 67, 70, 73, 80, 92, 241, 247, 250, 263, 370, 372, 374
 Уорик Р. 50, 368
 Уортон 119
 Уоткинс Дж. 301—302, 412
 Уэбстер Дж. У. 54, 88, 93, 145, 368, 369, 386
 Уэбстер Ф. У., леди 51, 62, 79, 87, 288, 368, 370
 Уэлсли Р. 72, 373
 Уэльский, принц, см. Георг IV
 Уэльская, принцесса 91
 Уэнтворт Т. 106, 381
 Уэст У. Э. 304, 413
 Уэстморленд, леди 25
 Фаркер Дж. 373, 374, 395, 400, 406
 Фаустина 157, 389
 Фемистокл 225, 276, 400
 Фемларно 27
 Фентон Э. 416
 Фердинанд, король испанский 378
 Фердинанд, король неаполитанский 194, 200, 394
 Ферзен Г. А. 139, 385
 Филипп II 214, 378
 Филипп V 369, 398
 Филипп Йорк, граф Хардвик 377
 Филлипс 86
 Филлипс Дж. 66, 372
 Фильдинг Г. 20, 193, 194, 255, 278, 361, 389, 392, 409
 Финлей Дж. 343
 Фицджеральд Э. 86, 118, 138—139, 181, 182, 191, 376, 392
 Фицпатрик Р. 59, 208, 371
 Флетчер Дж. 158, 389
 Флетчер У. 21, 28, 29, 30, 31, 33, 85, 125, 154, 177, 195, 223, 362, 388
 Флод Г. 240, 254, 403
 Фокс Г. 64, 66, 72, 371
 Фокс Ч. Дж. 15, 59, 80, 240, 301, 360, 371, 374

- Фонбланк А. 413
 Форд Дж. 158, 389
 Фосколо У. 230, 401
 Фотомара 316
 Фрай Э. 317, 415
 Франклин В. 58, 303, 370
 Фримон, маршал 401
 Фрир Дж. Х. 57, 152, 370, 388, 394
 Фукидид 215, 398
 Фуг С. 417
 Фэрброуэр 161, 390
 Фюзели И. Г., см. Фюссли И. Г.
 Фюссли И. Г. 90, 91, 377
- Хайреддин 54, 369
 Хант Дж. 304, 413, 416
 Хант Дж. Г. Л. 67, 106, 107, 110, 296, 303, 304, 372, 381, 382, 412, 413
 Хантер Дж. 269
 Хантли, маркиз 90
 Харви Э. 166—390
 Хардвик Э. 89, 377
 Харкорт У. 252, 405
 Харли Дж. 263
 Харлоу Дж. Г. 173, 391
 Харнесс У. 38, 364
 Хастингс У. 240
 Хато (Хагодже) 332—333, 334
 Хаттон У. 16, 360
 Хауард Ф. 105, 381
 Хебер Р. 285, 410
 Хенли Дж. 152, 388
 Хиггинс О. 263
 Хилл А. 193, 394
 Хипписли Г. 414
 Хискот Г. 108
 Хискот, леди 89, 90
 Хобхауз Дж. К. 22, 29, 31, 34, 35, 55, 68, 80, 84, 86, 87, 105, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 129, 130—131, 133, 137, 145, 146, 150, 152, 154, 158, 159, 164, 165, 167, 169, 172, 173, 179, 182, 183, 186, 191, 202, 204, 245, 246, 248—249, 252, 263, 266, 268, 282, 287, 289, 290, 293, 306, 307, 321, 324, 342, 343, 352, 355, 362, 369, 372, 381, 383, 384, 387, 390, 392, 404
 Хогг Дж. 290, 410
 Ходжсон Ф. 22, 36, 48, 50, 83, 135, 137, 141, 146, 239, 347, 362, 364
 Ходли Б. 394
 Холдернесс М. Д., леди 267
- Холл Т. 303, 413
 Холланд Г. Р., лорд 40, 44, 50, 52, 56, 63, 65, 66, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 84, 88, 92, 196, 240, 241, 253, 365, 367, 368, 371, 374, 375, 395, 412
 Холланд Э., леди 48, 50, 71, 92
 Холодковский Н. 386, 397
 Хоппнер Р. Б. 153, 169, 171, 281, 388, 391
 Хор У. 103, 381
 Хорн 66
 Хорн-Гук Дж. 59, 86, 243, 371, 376
 Хорнер Ф. 66, 72, 372
 Хорук Барбаросса 54, 369
 Хоуп 256
 Хуссейн Бей 30
 Хэзлит У. 216, 398
 Хэй Дж. 300
 Хэмпден Дж. 67, 372
 Хэмфри, см. Дэви Х.
 Хэнкок Ч. 326, 328, 416
 Хэнсон Дж. 11, 14, 19, 20, 30, 33, 81, 85, 119, 159, 161, 185, 189, 190, 359, 360
 Хэнсон Х. 8, 9, 20, 161, 189, 359
 Хэскет 329, 417
- Цицерон 49, 244, 365, 367, 398
- Чаворт 311, 415
 Чаворт М. А. 251, 261—262, 311—312, 415
 Чатам, лорд, см. Питт У. старший
 Чаттертон Т. 238
 Черчилль Ч. 238
 Честер 272
 Честерфилд, лорд 414
 Чью С. 357
- Шарден Ж. 89, 377
 Шарлемон А., леди 55, 68, 370
 Шарлотта, королева 311
 Шарп Р. 57, 59, 66, 70, 76, 86, 87, 200, 370
 Шварценберг 84, 376
 Шекспир В. 49, 135, 158, 169, 208, 234, 238, 309, 347, 362, 364, 365, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 382, 383, 385, 386, 387, 389, 391, 392, 395, 397, 399, 402, 403, 406, 407, 410, 411, 412, 414, 415
 Шелли М. 165, 231, 341, 343, 383, 390
 Шелли П. Б. 164—165, 231, 298, 299, 301,

- 303, 304, 341, 383, 384, 389, 390, 401,
412, 413
 Шенгели Г. 387
 Шенье А. 238
 Шеридан Р. Б. 15, 49, 76, 77—78, 85,
86, 87, 108, 156, 240, 241, 242, 243,
244, 245, 247, 259, 260, 275, 366, 367,
371, 374, 375, 377, 381, 389, 390, 391,
395, 407, 410, 412
 Шеридан Ф. 371
 Шиллер Ф. 84, 129, 205
 Шифферс Л. 387
 Шлегель А. 216, 217, 253, 398, 405
 Шлегель Ф. 216, 217, 218, 398, 399
 Щепкина-Куперник Т. Л. 397
 Эванс 8, 9, 359
 Эджком Р. 171, 391
 Эджуорт М. 85, 89, 208, 209, 260, 376,
397, 406
 Эджуорт Р. Л. 208—209, 220, 260—261,
397
 Элвенли 249, 405
 Элдон Дж. С. 255, 405
 Эллиот Г. 242, 403
 Эллис Дж. 50, 368
 Эллис Э. 183, 185, 392
 Эпаминонд 276, 408
 Эпиктет 272, 407
 Эпикур 368
 Эптон 263, 264
 Эрскин Т. 67, 85, 89, 90, 241, 271, 372, 376
 Эсхил 61, 153, 238, 270, 292, 388
 Ювенал 92, 200, 395
 Югурта 394
 Юлиан Отступник 322, 416
 Юлий Цезарь 224, 236, 274, 276, 392, 402
 Юм Дж. 329, 417
 Юнг Э. 15, 238, 360, 392
 Юниус (псевд.) 56, 370
 Юсуф Паша 326, 327, 417
 Якобсен Ф. И. 251
 Яков I 359

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАЙРОНА

- «Абидосская невеста» 47, 48, 50, 53, 66, 70, 72, 74, 76, 94, 115, 366, 372, 373, 379, 418
- «Адрес, читанный на открытии Дрюрилейнского театра» 366
- «Английские барды и шотландские обозреватели» 32, 50, 55, 69, 230, 284, 361, 363, 365, 367, 368, 369, 370, 373, 375, 379, 381, 399, 401, 405, 418
- «Бешпо» 152, 156, 249, 352, 370, 388, 419
- «Бронзовый век» 346, 353, 419
- «Вампир» 341
- «Вернер, или наследство» 297, 411, 415, 419
- «Видение суда» 297, 411, 413, 419
- «Гяур. Фрагмент турецкой повести» 45, 50, 53, 59, 70, 75, 76, 115, 349, 366, 367, 418
- «Двое Фоскари» 288, 292, 296, 396, 410, 411, 419
- «Дон Жуан» 156, 158, 159, 161, 164, 169, 172, 180, 182, 183, 186, 196, 227, 229, 282, 283, 293, 302, 303, 308, 324, 341, 342, 346, 352, 367, 381, 389, 392, 409, 410, 412, 413, 416, 419, 420
- «Записки («Мемуары»)» 302, 342, 343, 345, 346, 393
- «Еврейские мелодии» 368
- «Жалоба Тассо» 170, 391
- «Ирландская аватара» 285, 409, 410
- «К Тирзе» 39, 364
- «Кайн» 215, 283, 286—287, 289, 292, 296, 297, 301, 346, 347, 352, 396, 398, 410, 411, 412, 419
- «Корсар» 81, 88, 91, 94, 96, 115, 251, 349, 366, 374, 375, 379, 418
- «Лара» 115, 349, 418
- «Мазепа» 165, 390
- «Манфред» 150, 152, 215, 283, 284, 349, 357, 384, 387, 388, 419
- «Марнио Фальеро, дож Венецианский» 189, 203, 209, 230, 396, 401, 419
- «Монодия на смерть Шеридана» 381
- «Морганте Маджоре» 284, 297, 304, 409, 413
- «На смерть кузины автора, дорогой его сердцу» 407
- «Небо и земля» 297, 411, 413
- «Ода к Венеции» 165, 390
- «Ода к Наполеону Бонапарту» 93, 99, 378, 380
- «Осада Коринфа» 115, 369, 383, 418
- «Остров» 324, 416, 420
- «Паломничество Чайльд Гарольда» 38, 76, 115, 142, 147, 148, 238, 268, 295, 347, 349, 362, 363, 364, 365, 369, 381, 385, 387, 411, 418, 419
- «Паризина» 383
- «Песнь для луддитов» 347
- «Письмо Юлии» 161, 164
- «По стопам Горация» 202, 231, 297, 365, 411
- «Поездка Дьявола» 78, 374
- «Преображенный урод» 404
- «Проклятие Минервы» 396
- «Пророчество Данте» 232, 396, 402
- «Прощание Чайльд Гарольда» 362
- «Сарданапал» 205, 206, 210, 215, 222, 396, 419
- «Сияние чулки» 287, 304, 370, 410, 413
- «Сонет принцу-регенту по поводу отмены конфискации имущества лорда Эдуарда Фицджеральда» 182, 392
- «Сонеты к Геневре» 78, 374
- «Стансы для музыки» 118, 383
- «Строки плачущей девушке» 80, 97, 375, 379
- «Фрагмент» 165, 390
- «Часы досуга» 16, 360, 361, 368, 376, 396, 407, 418
- «Шильонский узник и другие стихи» 141, 150, 386, 387, 411, 419
- «Эдварду Ноэлю Лонгу, эсквайру» 396
- «Эпитафия Джозефу Блэкету» 365

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

★

Байрон. Рисунок Джорджа Харлоу	4
Байрон. 1804—1806 гг.	12
Школа в Харроу, где учился Байрон. С картины художника Уильяма Уэстолла. 1816 г.	13
Миссис Байрон, мать поэта. Портрет работы Томаса Стюардсона	32
Августа Ли. Рисунок Джорджа Хэйтера	33
Каролина Лэм в костюме паж. Миниатюра	48
Карикатура на выступление Байрона в палате лордов. Рисунок из политическо- го памфлета. 1819 г.	49
Анна Изабелла Милбэнк. Миниатюра Чарлза Хэйтера. 1816 г.	112
Августа Ада, дочь Байрона. Миниатюра	113
Джон Кэм Хобхауз. Миниатюра Уильяма Дж. Ньютона	160
Джон Меррей. Портрет работы Г. В. Пикерсгилла	161
Байрон после прогулки верхом. Силуэт, вырезанный из бумаги миссис Ли Хант	175
Маргарита Ковьи. Рисунок Джорджа Г. Харлоу	176
Томас Мур. Портрет работы Томаса Лоуренса	232
Джеймс Генри Ли Хант. Портрет работы Б. Р. Хэйдона	233
Перси Биши Шелли. Портрет работы Джорджа Глинта	304
Байрон. Мраморный бюст работы Б. Торвальдсена	305
Тереза Гвиччиоли. Рисунок графа д'Орсэ	320
Байрон. Рисунок графа д'Орсэ. Май 1823 г.	321

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	5
<i>Письма и дневники</i> (перевод З. Е. Александровой)	7
1. М-сс Паркер. 8 ноября 1798	7
2. Матери. 1 мая 1803	7
3. Матери. [1804?]	9
4. Августе Байрон. 22 марта 1804	10
5. Августе Байрон. 18 августа 1804	11
6. Августе Байрон. 23 апреля 1805	12
7. Чарлзу О. Гордону. 4 августа 1805	13
8. Джону Хэнсону. 2 апреля 1807	14
9. Элизабет Бриджет Пигот. 2 августа 1807	15
10. Р. Ч. Далласу. 21 января 1808	17
11. Джону Бичеру. 28 марта 1808	18
12. Августе Ли. 30 ноября 1808	19
13. Джону Хэнсону. 15 января 1809	20
14. Матери. 22 июня 1809	21
15. Фрэнсису Ходжсону. 16 июля 1809	22
16. Матери. 11 августа 1809	23
17. Матери. 12 ноября 1809	26
18. Матери. 14 января 1811	31
19. Матери. 25 июня 1811	32
20. Джону М. Б. Пиготу. 2 августа 1811	34
21. Скропу Бердмору Дэвису. 7 августа 1811	34
22. Августе Ли. 30 августа 1811	35
23. Фрэнсису Ходжсону. 3 сентября 1811	36
24. Джону Меррею. 5 сентября 1811	37
25. Р. Ч. Далласу. 31 октября 1811	38
26. Уильяму Харнессу. 6 декабря 1811	38
27. Лорду Холланду. 25 февраля 1812	40
28. Каролине Лэм. [1812]	41
29. Каролине Лэм. 1 мая 1812	42
30. Каролине Лэм. [август 1812?]	42
31. Леди Мельбурн. 10 сентября 1812	43
32. Томасу Муру. 1 сентября 1813	44
<i>Дневник</i> (14.XI 1813 — 19.IV 1814)	47—93
<i>Письма</i>	94
33. Джону Меррею. 29 ноября 1813	94
34. Томасу Муру. 6 января 1814	94
35. Леди Мельбурн. 11 февраля 1814	95
36. Томасу Муру. 9 апреля 1814	97
37. Джону Меррею. 21 апреля 1814	99

38. А. И. Милбэнк. 10 августа 1814	99
39. Леди Мельбурн. 18 сентября 1814	100
40. А. И. Милбэнк. 18 сентября 1814	101
41. Томасу Муру. 20 сентября 1814	102
42. Леди Мельбурн. 4 ноября 1814	103
43. Леди Мельбурн. 3 января 1815	104
44. Томасу Муру. 7 июля 1815	104
45. Ли Ханту. 13 сентября — 30 октября 1815	106
46. Томасу Муру. 31 октября 1815	108
47. Джону Меррею. 14 ноября 1815	109
48. Томасу Муру. 5 января 1816	109
49. Ли Ханту. 29 января 1816	110
50. Ральфу Ноэлю. 2 февраля 1816	111
51. Леди Байрон. 5 февраля 1816	112
52. Леди Байрон. 8 февраля 1816	113
53. Леди Байрон. 15 февраля 1816	114
54. Джону Меррею. 20 февраля 1816	115
55. Леди Байрон. 4 марта 1816	116
56. Томасу Муру. 8 марта 1816	117
57. Леди Байрон. [апрель 1816]	118
58. Августе Ли. 1 мая 1816	119
59. Джону Меррею. 27 июня 1816	120
60. Августе Ли. 8 сентября 1816	121
61. Августе Ли. 17 сентября 1816	123
<i>Дневник</i> (17. IX—29 IX. 1816)	125—133
<i>Письма</i>	134
62. Томасу Муру. 17 ноября 1816	134
63. Августе Ли. 18 декабря 1816	136
64. Томасу Муру. 24 декабря 1816	138
65. Томасу Муру. 28 января 1817	142
66. Томасу Муру. 28 февраля 1817	145
67. Августе Ли. 27 мая 1817	146
68. Джону Меррею. 1 июля 1817	147
69. Томасу Муру. 10 июля 1817	148
70. Джону Меррею. 15 сентября 1817	150
71. Джону Меррею. 12 октября 1817	151
72. Джону Кэму Хобхаузу. Июнь 1818	154
73. Томасу Муру. 19 сентября 1818	155
74. Леди Байрон. 18 ноября 1818	157
75. Джону Меррею. 25 января 1819	158
76. Джону Кэму Хобхаузу. 6 апреля 1819	159
77. Дугласу Киннэрд. 24 апреля 1819	160
78. Терезе Гвиччиоли. 25 апреля 1819	162
79. Джону Меррею. 15 мая 1819	164
80. К [Августе Ли?]. 17 мая 1819	166
81. Джону Меррею. 7 июня 1819	167
82. Графине Гвиччиоли. 15 июня 1819	170
83. Ричарду Белгрейву Хоппнеру. 20 июня 1819	171
84. Джону Меррею. 1 августа 1819	172
85. Джону Меррею. 12 августа 1819	179

86. Джону Кэму Хобхаузу. 23 августа 1819	182
87. Джону Кэму Хобхаузу. 3 октября 1819	183
88. Дугласу Киннэрд. 26 октября 1819	185
89. Леди Байрон. [31 декабря 1819]	187
90. Джону Меррею. 16 апреля 1820	187
91. Дугласу Киннэрд. 20 июля 1820	189
92. Дугласу Киннэрд. 22 ноября 1820	190
<i>Отрывки из дневника</i> (4. I — 27. II 1821)	193—228
<i>Письма</i>	229
93. Джону Меррею. 16 февраля 1821	229
94. Перси Биши Шелли. 26 апреля 1821	231
95. Томасу Муру. 28 апреля 1821	232
96. Томасу Муру. 3 мая 1821	233
Мой словарь. Май 1821 — Разрозненные мысли (15.X 1821 — 18.V 1822)	235—280
Мой словарь	236—238
Разрозненные мысли.	238—280
<i>Письма</i>	281
97. Ричарду Белгрейву Хоппнеру. 23 июля 1821	281
98. Джону Меррею. 4 сентября 1821	282
99. Джону Меррею. 12 сентября 1821	283
100. Томасу Муру. 19 сентября 1821	285
101. Джону Меррею. 20 сентября 1821	287
102. Джону Меррею. 24 сентября 1821	289
103. Джону Меррею. 3 ноября 1821	292
104. Миссис Ли для леди Байрон. 17 ноября 1821	294
105. Вальтеру Скотту. 12 января 1822	295
106. Томасу Муру. 4 марта 1822	297
107. Джону Меррею. 22 апреля 1822	299
108. Перси Биши Шелли. 23 апреля 1822	299
109. Вальтеру Скотту. 4 мая 1822	300
110. Томасу Муру. 8 августа 1822	301
111. Томасу Муру. 27 августа 1822	302
112. Джону Ханту. 17 марта 1823	304
113. Джону Баурингу. 12 мая 1823	305
114. Дугласу Киннэрд. 21 мая 1823	308
115. Аври Бейлю. 29 мая 1823	309
116. Ж. Ж. Кульману. Июль 1823	310
117. Терезе Гвиччиоли. 22 июля 1823	312
118. Йоганну Вольфгангу фон Гете. 24 июля 1823	313
<i>Кефалонский дневник</i> (28.IX — 17.XII 1823)	314—320
<i>Письма</i>	
119. Августе Ли. 12 октября 1823	321
120. Дугласу Киннэрд. 11 декабря 1823	324
121. Генри Мюиру. 2 января 1824	325
122. Юсуфу Паше. 23 января 1824	326
123. Мейеру [без даты]	327
124. Чарлау Хэнкоку. 5 февраля 1824	328
125. Августе Ли. 23 февраля 1824	332

СО Д Е Р Ж А Н И Е

126. Джону Меррею. 25 февраля 1824	333
127. Терезе Гвиччиоли. 17 марта 1824	335
128. Дугласу Киннэрдю. 30 марта 1824	335

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Дневники и письма. А. А. Елистратова.	341
Примечания (составил А. Н. Николюкин)	359
<i>Краткий хронограф жизни и творчества Байрона</i> (составил А. Н. Николюкин) 418	
<i>Отзывы современников. Библиография</i> (составил А. Н. Николюкин)	421
<i>Указатель имен</i>	424
<i>Указатель произведений Байрона</i>	435
<i>Список иллюстраций</i>	436

Джордж Гордон Байрон

Дневники. Письма

*

Утверждено к печати Редакцией серии «Литературные памятники»

*

Редактор издательства О. К. Логинова Художник Н. А. Седельников
Технический редактор Н. Д. Новичкова

РИСО АН СССР № 8-153В. Сдано в набор 6/VI 1963 г. Подписано к печати 11/XI 1963 г.
Формат 70x90^{1/16}. Печ. л. 27,5+9 вкл. Уч.-изд. л. 29 (0,9-вкл.). Тираж 15000 экз. Изд. № 1760.
Инз. зак. № 1534

Цена 2 р. 02 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
95	1 ст.	1813	1814
334	4 ст.	пожелал	пожелала
344	11 ст.	Мееррем	Мерреем
349	11 ст.	схимнею	схимой

Байрон. Дневники. Письма

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

БАЙРОН
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА

БАЙРОН

ДНЕВНИКИ-ПИСЬМА

